

ЛУЧШИЕ ИЗ ЛУЧШИХ. ФАНТАСТИКА. ФЭНТЕЗИ. МИСТИКА

ПУТЬ ВОЛШЕБНИКА

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН

УРСУЛА К. ЛЕ ГУИН

САЙМОН ГРИН

НИЛ ГЕЙМАН

Под редакцией Джона Джозефа Адамса

АЗБУКА

Путь волшебника

Джон Джозеф Адамс, Джордж Мартин, Дэвид Барр Кертли, Сюзанна Кларк, Делия Шерман, Джеффри Форд, Чарльз К. Финли, Раджан Ханна, Женевьева Валентайн, Ннеди Окорафор, Криста Хоппнер Лихи, Орсон Скотт Кард, Роберт Силверберг, Венди Н. Вагнер, Келли Линк, Нил Гейман, Кристи Янт, Майк Резник, Синда Уильямс Чайма, Адам-Трой Кастро, Юн Ха Ли, Лев Гроссман, Саймон Грин, Тим Пратт, Джонатан Л. Говард, Дэвид Фарланд, Вилар Кафтан, Дезирина Боскович, Питер С. Бигл, Урсула К. Ле Гуин, Джон Р. Фульц, Мэрион Зиммер Брэдли

Аннотация

ПУТЬ ВОЛШЕБНИКА. Под редакцией Джона Джозефа Адамса

ПРЕДИСЛОВИЕ
Джордж Р. Р. Мартин. В ПОТЕРЯННЫХ ЗЕМЛЯХ
Дэвид Барр Кертли. РОДОВОЕ ДРЕВО
Сюзанна Кларк. ДЖОН АСКГЛАСС И УГЛЕЖОГ ИЗ КУМБРИИ
Делия Шерман. УЧЕНИК КОЛДУНА
Джеффри Форд. КОЛДУН МИНУС
Чарльз К. Финли. ЖИЗНЬ ТАК ДОРОГА ИЛИ ПОКОЙ ТАК СЛАДОК
Раджан Ханна. КАРТЕЖНИК
Женевьева Валентайн. ТАК ГЛУБОКО, ЧТО ДНА НЕ ВИДНО
Ннеди Окорафор. ПРОБКА
Криста Хоппнер Лихи. СЛИШКОМ ОПАСНЫЙ ЯД
Орсон Скотт Кард. ДЖАМАЙКА
Роберт Силверберг. ПОДМАСТЕРЬЕ ВОЛШЕБНИКА
Венди Н. Вагнер. ТАЙНА КРОЛИЧЬЕГО ЗОВА
Келли Линк. КОЛДУНЫ ПЕРФИЛА
Нил Гейман. КАК ПРОДАТЬ ПОНТИЙСКИЙ МОСТ
Кристи Янт. «ВОЛШЕБНИК И ДЕВА» И ДРУГИЕ СКАЗКИ
Майк Резник. ЗИМНЕЕ СОЛНЦЕСТОЯНИЕ
Синда Уильямс Чайма. КУПЕЦ И РАБЫНЯ
Адам-Трой Кастро. СЕРАЙЛ И ПУТЕШЕСТВЕННИК
Юн Ха Ли. ПЕРЕБИРАЯ ФОРМЫ
Лев Гроссман. КОНЕЦ ИГРЫ

Саймон Грин. УЛИЧНЫЙ МАГ
Т. А. Пратт. МАМА ИЗ НЕБЫТИЯ
Джереми Толберт. БАН В ОДИН КЛИК
Джонатан Л. Говард. РИТУАЛ ЭРЕШКИГАЛИ
Дэвид Фарланд. ПИЩА СВИРЕПЫХ ЧАД
Вилар
Каштан. АПЕЛЬСИНОВОЕ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ
Дезирина Боскович. ЛЮБОВЬ — ЗАКЛИНАНИЕ ПРОТИВ СТРАХА
Питер С. Бигл. ДАР
Урсула К. Ле Гуин. СЛОВО СВОБОДЫ
Джон Р. Шульц. ТРИНАДЦАТЬ КНИГ АРТИРИИ
Мэрион Зиммер Брэдли. ТАЙНА СИНЕЙ ЗВЕЗДЫ
БЛАГОДАРНОСТИ

Аннотация

Всемогущество… Мы лишь мечтаем о нем, но есть и те, кто обладает им. Это ведьмы, кудесники, некроманты, чернокнижники, заклинатели. Их глаза видят сквозь туман земного бытия, их ладони лежат на рычагах управления вселенной. Маг разглядит будущее в хрустальном шаре, приручит фантастического зверя и превратит свинец в золото… или вас — в лягушку, если вздумаете его рассердить.

Вступите же в мир, где нет ничего невозможного, где воображаемое с легкостью становится реальным. Пройдите дорогами чародеев — и вы поймете, что значит быть по-настоящему всемогущим!

Никогда еще магия не была такой волнующей и увлекательной. Прославленный составитель антологий Джон Джозеф Адамс собрал для вас тридцать два завораживающих чуда от самых талантливых волшебников фантастики и фэнтези.

ПУТЬ ВОЛШЕБНИКА
Под редакцией Джона Джозефа Адамса

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 2004 году журнал «Forbes» объявил Джоанн К. Роулинг, автора серии романов о волшебнике Гарри Поттере, миллиардером. В том году кинолента «Гарри Поттер и узник Азкабана» прошла по экранам, заработав 795,6 миллиона долларов, не считая общей прибыли доходов с продаж сопутствующих товаров. Пусть нелегко объяснить, насколько привлекателен образ чародея в кино и литературе, но если перевести на грубый язык долларов и центов, то становится ясно: волшебник — король.

Истории о магии преследуют читателей и слушателей с зарождения языка. Мифы пестрят чародеями и ведуньями-целительницами. Сказки братьев Гримм изобилуют волшебницами, ведьмами, колдунами. В древнейшей эпической поэме «Одиссея» впервые предстает литературный образ волшебника — злая колдунья Цирцея. Даже Шекспир показывал чародеев в своих пьесах, от сестер-ведьм в «Макбете» до Просперо в «Буре».

Но подлинный бум литературы о магах про-

катился после Второй мировой войны. К тому времени благодаря бурному развитию техники человечество обрело способность летать и мгновенно общаться с людьми из другого полушария, высаживаться на Луну и даже расщеплять атом, но, несмотря на эти фантастические дары современных технологий, тема магии стала лишь еще популярнее. С тех пор персонажи-колдуны уверенно переместились из массовки к рампе. Если раньше волшебник был актером второго плана и, как правило, злодеем, то теперь он главный герой. Мерлин переиграл Артура.

Огромный вклад в популяризацию фэнтезийной литературы внес Дж. Р. Р. Толкин. «Властелин колец» заложил основы жанра, и его влияние продолжает ощущаться в наше время, спустя более пятидесяти лет с первой публикации. Существа и образы, придуманные Толкином, стали отправной точкой для самых различных поклонников фэнтези.

Гэндальф с длинной белой бородой и непостижимой мудростью сформировал стандартное представление о волшебнике — но не единственное. За истекшие полвека придумано несметное множество разновидностей колдунов и прочих пользователей магии, да и сама магия прошла

долгий путь. Она перестала быть уделом старцев-кудесников или ведьм с бурлящими котлами, появились волшебники, творящие заклинания силой разума или использующие чудесные языки. Вероятно, скоро ведьмы прибегнут к электромагнетизму, чтобы выкачивать энергию из линий электропередач, как некогда приносили козлят в жертву демонам.

Поскольку авторы черпают вдохновение из самых разнообразных фольклорных источников, их колдуны и ведьмы приобретают уникальный этнический привкус. В данной антологии есть и шаманы, работающие в своей традиционной манере, и ведьмы, которым цитаты из Библии служат вместо заклинаний, и даже некроманты, обратившиеся к древнеегипетской мудрости для реализации своих низменных замыслов. Если сюжет самого обычного фэнтезийного произведения начинается в затрапезной гостинице, то собранные здесь истории, без преувеличения, начинаются на экзотическом базаре, среди прилавков с заморскими пряностями: слишком много ароматов таит в себе магия, чтобы привязывать ее к привычному западноевропейскому архетипу.

Писатели привносят некие новые оттенки в

значение волшебства и пользующихся им персонажей, но значение волшебника в литературном процессе не изменилось. Маг, как правило, обладает уникальными знаниями, превосходя в этом всех прочих персонажей, хотя его мудрость может быть направлена как на добро, так и на зло. Чародей способен дать полезный совет, но способен и отправить главного героя в странствие, полное лишений и трудностей. Как бы то ни было, действия волшебника меняют жизнь героя навсегда.

В настоящее время, как я уже упоминал, довольно часто мы видим, что колдун сам становится главным героем. Возможно, потому, что раньше маги стояли за всем непознанным в этом мире, а теперь олицетворяют собой силу нашего знания. Сейчас, когда техника и технологии дают каждому обывателю способности, которые лет двести назад можно было встретить только в сказках, всякий может почувствовать себя волшебником. Все обладают силой.

Но сила накладывает определенные обязательства. Пользоваться ею нужно с осторожностью. Мы читаем о волшебниках потому, что выбор, стоящий перед ними, зачастую является и нашим выбором. Во многих сюжетах ошибка мага

может стоить ему жизни, а иногда приводит к гибели всего мира. Наш собственный выбор тоже бывает чреват опасностью. Автомобиль помогает человеку проникнуть в самые отдаленные уголки мира, но одно неверное движение влечет несчастный случай со смертельным исходом. Рентген способствует диагностике переломов, но доза радиации, превышающая норму, приводит к росту раковых клеток. Атомное оружие поддерживает равновесие в мире, но случайно выпущенная ракета способна вызвать глобальную войну и ядерную зиму.

После вековых мечтаний о магии она появилась у нас. Ну или, по крайней мере, появилось ощущение магии. Какой бы властью мы ни обладали, человеку всегда хочется большего. Вот за это мы и любим волшебников.

Читая о магии, мы пробуждаем древние мечты, таящиеся в подсознании человеческого разума. Это мечты о чуде, о приключениях, о познании мира. И в эпоху, когда так легко сузить мир до скучных фактов и цифр, когда экономисты способны любого индивидуума, любое явление природы перевести в долларовый эквивалент, нам жизненно необходимо нечто такое, что позволяет подпитывать мечты.

Итак, прочитайте эти рассказы и найдите свой волшебный путь, свою чудесную мечту. И результат, что бы там ни говорили экономисты, будет бесценным.

Джон Джозеф Адамс

Джордж Р. Р. Мартин
В ПОТЕРЯННЫХ ЗЕМЛЯХ

Джордж Р. Р. Мартин — один из наиболее популярных авторов, создатель фэнтезийной эпопеи «Песнь льда и пламени» («Song of Ice and Fire»), которая в настоящее время экранизирована телеканалом HBO. Мартин также написал ряд других романов — «Грёзы Февра» («Fevre Dream»), «The Armageddon Rag», «Умирающий свет» («Dying of the Light»), «Hunter's Run» (в соавторстве с Гарднером Дозу а и Дэниелом Абрахамом). Он плодовитый автор рассказов, собравших все мыслимые награды, включая «Хьюго», «Небьюлу», премию Брэма Стокера и Всемирную премию фэнтези. Большинство из этих произведений собраны в двухтомнике «Dreamsongs».

Одно из самых древних желаний человека — научиться покидать свое неуклюжее тело и мчаться по земле, диким и свободным, со зверями или устремляться в небо вместе с птицами. Многие легенды

упоминают людей, способных принимать звериный облик, как, например, европейские оборотни, или животных, превращающихся в человека, как лисы хули-цзин в азиатской мифологии. Часто для подобных превращений требуется чужой кожный покров, как в преданиях индейцев-навахо о «ходящих в шкурах». Добавим бессчетные сюжеты о девах-лебедях и селки — тюленях-оборотнях. Очень часто в сказаниях потеря шкуры влечет за собой окончательное превращение в человека, тогда какой-нибудь юноша крадет кожу у девушки-оборотня и вынуждает ее выйти за себя замуж. Очень редко у таких сказок бывает счастливый конец. Похоже, человеку на роду написано оставаться человеком, а зверю — зверем, поэтому попытка бросить вызов естественному течению жизни заранее обречена на неудачу.

Наш следующий сюжет — один из самых мрачных в своем роде. Конечно, всем хочется бегать вместе с животными, но рассказ Мартина напоминает нам: будьте осторожны в своих желаниях.

У Серой Элис можно купить все, чего душа желает, но я тебе этого не советую.

Государыня Мэланж не явилась к Серой Элис лично. В народе она слыла очень умной и осторожной молодой женщиной, к тому же мудрой правительницей, которая всегда прислушивается к людской молве. В народе говорили: тот, кто обращается к Серой Элис, очень рискует. Серая Элис никому не отказывала и всегда выполняла просьбы. Но так или иначе все, кто имел дело с Серой Элис, никогда не оставались довольны полученным. Мэланж, хозяйка богатого замка по ту сторону горы, конечно же, это знала. Возможно, именно по сей причине она и не пошла сама.

Вместо нее к Серой Элис в тот день наведался Джерайс — Джерайс Синий, первый рыцарь государыни и ее защитник, управляющий ее землями и командующий ее армией. Под латами, покрытыми синей эмалью, он носил голубые шелковые одежды. На щите красовалось изображение герба — водоворот в сотнях оттенков синего и голубого, а на противовесе меча блистал сапфир величиной с орлиный глаз. Когда рыцарь снял перед Серой Элис шлем, его глаза сверкали, соперничая с камнем на мече, а вот рыжие непокорные волосы выбивались из общей картины.

Серая Элис приняла его в старом каменном доме, который стоял в самой середке мрачного города под горой. Она ждала в пыльной, пропахшей плесенью комнате без окон, и в кресле с высокой спинкой терялось ее худенькое тело. На коленях у нее сидела крыса величиной с комнатную собачку. Серая Элис лениво поглаживала любимицу, когда Джерайс снял шлем и поморгал, давая ярким синим глазам привыкнуть к полумраку.

— Я слушаю, — наконец промолвила Элис.

— Это ты зовешься Серой Элис? — спросил Джерайс.

— Да.

— Я Джерайс. Прибыл по воле государыни Мэланж.

— Мудрая и прекрасная Мэланж, — сказала Серая Элис. Крысиный мех под ее длинными бледными пальцами напоминал бархат. — Так для чего же государыня прислала своего первого рыцаря к такой невзрачной и нищей женщине, как я?

— Даже до нашего замка докатились слухи о тебе.

— Вот как?

— Говорят, за особую плату ты продаешь удивительные вещи.

— Что же хочет купить государыня Мэланж?

— Также говорят, что ты, Серая Элис, обладаешь силой. Говорят, ты не всегда такова, какой предстала передо мной, — стройная женщина без возраста, облаченная во все серое. Говорят, ты можешь молодеть или стареть по своему желанию. Говорят, ты способна предстать мужчиной, старухой, ребенком. Говорят, ты знаешь тайну смены обличья и оборачиваешься то большой кошкой, то медведем, то птицей, но делаешь это добровольно, а не как рабы луны — оборотни из Потерянных земель.

— Да, так говорят, — кивнула Элис.

Джерайс снял с пояса кожаный кошелек и шагнул к Серой Элис. Распутав тесемки, высыпал содержимое мешочка перед ней на стол. Драгоценные камни. По меньшей мере дюжина, все разных цветов. Серая Элис взяла один, поднесла к глазам, посмотрела сквозь него на пламя свечи. Потом вернула самоцвет и, повернувшись к Джерайсу, спросила:

— Что же Мэланж хочет купить у меня?

— Твою тайну, — улыбнулся рыцарь. — Государыне угодно менять обличья.

— Говорят, она молода и красива, — ответила Элис. — Даже здесь, вдали от замка, ходит множе-

ство слухов о ней. У нее нет спутника жизни, зато хватает любовников. Вся гвардия преклоняется перед своей госпожой, и ты в том числе. Почему она хочет изменить свою внешность?

— Ты неправильно поняла. Государыня не нуждается в молодости или красоте. Никакое волшебство не способно сделать ее прекраснее. Она хочет надевать звериную шкуру. Волчью.

— Зачем?

— Это тебя не касается. Так по рукам?

— Я никому не отказываю, — проговорила Серая Элис. — Оставь самоцветы здесь. Возвращайся через месяц, и получишь то, чего желает государыня Мэланж.

Джерайс кивнул, хотя выглядел задумчивым.

— Ты точно никому не отказываешь?

— Никому.

Он криво усмехнулся, сунул пальцы за пояс, а потом протянул ей раскрытую ладонь. На синем бархате перчатки сиял сапфир, больше того, что украшал рукоять меча.

— Прими в оплату. Я хочу кое-что купить и для себя.

Серая Элис взяла сапфир двумя пальцами, подержала напротив свечи, кивнула и бросила к прочим драгоценностям.

— А чего хочешь ты, Джерайс?

— Я хочу, чтобы ты потерпела неудачу. — Его улыбка стала шире. — Я не желаю, чтобы Мэланж досталась способность, которой она жаждет.

Серая Элис внимательно посмотрела на него, ее твердые серые глаза встретились с холодными синими.

— Ты носишь неправильные цвета, Джерайс, — наконец произнесла она. — Синий — цвет верности, а ты предаешь свою любовницу и дело, которое она тебе поручила.

— Я храню верность, — возмутился Джерайс. — Просто я лучше знаю, что для нее полезнее. Молодость неразумна. Государыня думает, что, обретя колдовскую способность, сможет ее скрывать. Но она ошибается. Люди непременно прознают, и тогда ей конец. Нельзя править подданными днем, а ночью рвать им глотки.

Серая Элис посидела молча, лаская на коленях большую крысу.

— Ты лжешь, Джерайс, — наконец сказала она. — Доводы, которые ты приводишь, не идут от чистого сердца.

Рыцарь нахмурился, его рука в перчатке небрежно легла на рукоять меча. Большой палец начал поглаживать сапфир.

— Я не собираюсь оправдываться, — резко бросил он. — Если не хочешь помочь, верни мой самоцвет и будь проклята!

— Я не отказываю никому.

— Я получу то, о чем прошу? — в растерянности нахмурился Джерайс.

— Ты получишь то, о чем просишь.

— Отлично! — снова улыбнулся Джерайс. — Значит, через месяц?

— Через месяц, — подтвердила Серая Элис.

Как Серая Элис рассылала вести — о том знала лишь она. Ее слово переходило из уст в уста, разбегалось по темным городским переулкам и зловонным сточным канавам, проникая даже в высокие дома из алого дерева с цветными витражными окнами, где обитали богачи и знать. Тихие серые крысы с крошечными человеческими ручками шептали на ухо спящим детям, которые потом делились друг с другом или напевали, прыгая через веревочку, дивные новые песни. Слово добиралось до воинских застав на востоке, ползло с длинными обозами на запад, прямиком в сердце великой империи, чьей малой частицей был град под горой. Огромные птицы с кожистыми крыльями и хитрыми обезьяньими мордами разлетались, унося слово Серой Элис на

юг, через реки и леса, к дюжине разрозненных королевств, — по слухам, там в одиноких башнях жили бледные страшные люди. Даже на север, через горы, пришло слово и достигло Потерянных земель.

Много времени не потребовалось. Он явился через две недели.

— Я помогу тебе в поисках, — сказал он Серой Элис. — Найду оборотня.

Гость оказался молодым, стройным и безбородым. Одевался в потертый кожаный наряд следопытов, которые жили и охотились на продуваемых ветрами пустошах за хребтом. Его кожу покрывал загар, выдававший человека, вся жизнь которого проходит под открытым небом, но нечесаные волосы, спускавшиеся ниже лопаток, были белы, как снег на вершинах гор. Меча он не носил — из всего оружия только длинный нож на поясе, а двигался с ленивой грацией. Из-под длинной челки сонно глядели темные глаза. Улыбался он открыто и учтиво, но странная ленца и задумчивость проскальзывали по губам, когда он полагал, что никто его не видит. Назвался гость Бойсом.

Серая Элис долго смотрела на него, слушала и наконец спросила:

— Где?

— Неделя пути на север. В Потерянных землях.

— Ты живешь в Потерянных землях, Бойс?

— Нет, Серая Элис, там жить невозможно. У меня дом в городе, но я часто перебираюсь через горы. Я охотник. Прекрасно знаю Потерянные земли, а также их обитателей. Ты ищешь человека, способного бегать волком. Я могу отвести к нему. Но отправляться нужно немедленно, если хотим успеть до полнолуния.

— Мой фургон загружен, — встала Серая Элис. — Кони накормлены и подкованы. Поспешим!

Бойс откинул тонкие седые волосы с глаз и лениво ухмыльнулся.

Горная дорога, достаточной ширины, чтобы прошел фургон Серой Элис, забиралась на крутой скалистый перевал. Длинная и тяжелая повозка когда-то была ярко раскрашена, но со временем краска облупилась, оставив после себя тоскливую серость деревянных бортов. Фургон с грохотом катила на шести окованных железом колесах пара коней — они по крайней мере вполовину превышали ростом обычных тягловых животных и больше напоминали чудовищ. Но даже эти тяжеловозы не могли двигаться по горам быстро.

Безлошадный Бойс шагал рядом или впереди

фургона, а иногда забирался на передок к Элис. Повозка стонала и скрипела.

Понадобилось три дня, чтобы достигнуть самой высокой точки перевала, откуда сквозь расступившиеся горы открывался вид на равнину И еще трое суток ушло на спуск.

— Теперь дело пойдет получше, — пообещал Бойс, когда они выбрались на простор Потерянных земель. — Здесь земля голая и ровная, двигаться легко. Остался день, самое большее — два, и ты получишь то, что ищешь.

— Да, — ответила Серая Элис.

Прежде чем покинуть горы, они доверху заполнили водой бочки, а Бойс сходил на охоту в предгорья и вернулся с тремя черными кроликами и маленьким, на диво уродливым оленем. Когда Серая Элис спросила, как он смог добыть зверей, если другого оружия, кроме ножа, не имеет, Бойс улыбнулся и достал пращу, и с ее помощью запустил несколько камней, со свистом рассекая воздух. Серая Элис кивнула.

Они развели костерок и сварили двух кроликов, а оставшееся мясо засолили. На следующее утро, на рассвете, фургон покатил дальше, в Потерянные земли.

Передвигались они и вправду гораздо быстрее.

Здесь воздух холодил, земля повсюду была твердой и утоптанной, как дороги, что прочерчивали империю по ту сторону гор. В Потерянных землях не было чащоб, сквозь которые надо прорубать путь, отсутствовали и реки, через которые надо перебираться вброд. Пустыня раскинулась со всех сторон, насколько хватало глаз. Иногда попадались рощицы шишковатых деревьев, их скрученные ветви были увешаны крупными плодами с блестящей густо-синей кожурой. Иногда повозка пересекала ручьи — человеку по лодыжку, не глубже. Кое-где серую землю покрывала россыпь белесых грибов. Но попадались эти достопримечательности весьма редко. Гораздо чаще глазам представала только пустота, дрожащее марево над равнинами. И дули ветры. В Потерянных землях дули ужасные ветры. Они не утихали ни на миг, несли стужу и горечь, часто пахли пеплом, а иногда казалось, что они воют и стенают, как несчастные обреченные души.

И вот путники забрались достаточно далеко. Уже виднелся край Потерянных земель — еще одна горная гряда, как сероватобелая полоска над серым горизонтом. Элис знала: можно ехать много дней и все же не добраться до предгорий, но ничто в Потерянных землях, однообразных и

пустынных, не мешало их видеть.

В сумерках Серая Элис и Бойс остановились на опушке рощи чахлых и кривых деревьев, — такие нет-нет да попадались на глаза по дороге на север. Растения худо-бедно прикрывали от яростного ветра, но не смолкал его жалобный протяжный вой, наводивший на размышления об ужасных тварях.

— Эти земли и правда потеряны, — заметила Серая Элис за едой.

— У них своя особая красота, — ответил Бойс. Он поворачивал над пламенем кусок мяса, насаженный на кончик длинного ножа. — Сегодня ночью, если ветер разгонит облака, ты увидишь полыхающие над горами огни — пурпурные, серебристые, багровые. Они трепещут, как занавески под неуемным ветром.

— Когда-то я видела эти огни, — кивнула Серая Элис.

— Я видел их много раз. — Бойс жевал мясо, и тонкая струйка жира сбегала с края его улыбающегося рта.

— Ты часто ходишь в Потерянные земли?

— Я охочусь, — пожал плечами Бойс.

— Здесь кто-нибудь живет? — спросила Серая Элис. — Посреди всей этой пустыни.

— О да, — ответил Бойс. — Чтобы их увидеть, нужно правильно смотреть. И нужно знать Потерянные земли. Здесь водятся уродливые звери, которых никогда не встретишь по ту сторону гор. А еще твари из легенд и кошмарных снов… Существа заколдованные и существа проклятые… Редкостнейшая дичь, чье мясо восхитительно на вкус. Есть и люди, вернее, человекоподобные создания. Оборотни и подменыши… Серые тени появляются только на закате — полуживые, полумертвые. — Он грустно улыбнулся. — Но ты же Серая Элис, тебе все это известно и без меня. Говорят, когда-то, давным-давно, ты сама пришла из Потерянных земель.

— Да, говорят, — кивнула она.

— Мы во многом схожи, — продолжал Бойс. — Я люблю город, людей, песни, веселье и болтовню. Мне нравится домашний уют, вкусная еда, изысканные вина. Мне нравятся певцы, которые каждую осень собираются в замке и выступают перед леди Мэланж. Мне нравится изящная одежда, драгоценности и кроткие, красивые женщины. И все-таки только здесь, в Потерянных землях, я чувствую, что нахожусь дома. Когда слушаю ветер, высматриваю в сумерках крадущиеся тени, вижу сны, полные такого, что и не

примерещится трусливому горожанину.

К тому времени сгустились сумерки. Бойс ножом указал на север, где над горами разгорались несмелые еще зарницы.

— Гляди, Серая Элис, как мерцают и пляшут огни. Если долго всматриваться, можно увидеть в них разные силуэты. Во мгле шевелятся мужчины и женщины, а с ними твари, ни на что не похожие, и ветер приносит их голоса. Смори и слушай. В этих огнях разыгрываются представления куда удивительнее и прекраснее тех, что устраивают лицедеи в замке государыни Мэланж. Ты слышишь? Ты видишь?

Скрестив ноги, Серая Элис с непроницаемым взглядом сидела на жесткой земле и молчала. А когда заговорила, то произнесла краткое «да» и более ничего.

Бойс сунул в ножны нож, обошел костер, превратившийся в кучку подернутых пеплом багровых углей, и подсел к ней.

— Я знал, что ты разглядишь, — сказал он. — Ведь мы похожи. Носим городскую плоть, но в нашей крови вечно дует студеный ветер Потерянных земель. Я вижу это в твоих глазах, Серая Элис.

Она не ответила, наблюдая за огнями и чув-

ствуя рядом тепло Бойса. Через некоторое время он обнял ее за плечи. Позже, гораздо позже охотник взял ее за подбородок и, развернув лицом к себе, поцеловал один раз, но крепко, в тонкие губы.

И Серая Элис будто пробудилась ото сна. Повалила его на спину, уверенными, ловкими движениями раздела. Бойс не препятствовал ей. Он лежал на стылой жесткой земле, закинув руки за голову; его губы кривила ленивая самодовольная усмешка, а глаза подернулись мечтательной дымкой, тогда как Серая Элис скакала на нем — сперва медленно, а потом все быстрее и быстрее, приближаясь к развязке. Достигла ее и застыла, запрокинув голову и приоткрыв рот, будто собираясь молиться, — но не издала ни звука. Лишь неистово завывал ледяной ветер, но в его голосе никто не распознал бы нотку наслаждения.

Настал новый день, морозный и пасмурный. В небе клубились тонкие облака, и бежали они быстрее, чем пристало обычным. Проникавший сквозь них свет казался бледным и прозрачным. Кони неторопливо переставляли ноги, Бойс шагал рядом с фургоном.

— Мы уже близко, — сказал охотник. — Очень близко.

— Да.

Бойс улыбнулся ей. С той поры, как они стали любовниками, его улыбка изменилась. Теперь она бывала ласковой и таинственной, но в то же время снисходительной. Улыбка превосходства.

— Сегодня вечером, — произнес он.

— Будет полнолуние, — отозвалась Серая Элис.

Бойс улыбнулся, откинул челку с глаз и промолчал.

Задолго до сумерек они расположились среди руин безымянного города, о котором позабыли даже те, кто бывал в Потерянных землях. Время не пощадило его, на обширной пустоши остались только жалкие остатки каменной кладки; поди догадайся, где тут были жилые дома, а где крепостная стена. Еще торчали один-два дымохода — этакие зазубренные гнилые клыки впивались в горизонт. Ничто живое не нашло бы здесь убежища.

Серая Элис, накормив коней, немного походила по руинам, но не обнаружила ни черепков глиняной посуды, ни ржавых клинков, ни истлевших книг. Даже костей не осталось. Вообще ни одного намека на следы обитавших здесь людей, если они, конечно, были людьми.

Потерянные земли высосали жизнь из этого

места, изгнали даже призраков, не оставив и памяти. Солнце касалось горизонта, темнота прибывала, пожирая облака, а округа говорила голосом ветра, страдая от пустоты и отчаяния. Серая Элис долго стояла в одиночестве, наблюдая, как садится солнце, а холодный ветер трепал тонкий потертый плащ за ее плечами и кусал тело, доставая до самого сердца. Наконец она повернулась и направилась к фургону.

Бойс, успевший разжечь костер, сидел у огня, подогревая вино в котелке, куда время от времени подсыпал специи. Он улыбнулся Серой Элис своей новой улыбкой.

— Ветер стал холодным, — сказал он. — Пожалуй, с горячим питьем ужин будет лучше.

Серая Элис оглянулась на заходящее солнце и отошла от Бойса.

— Сейчас не время для еды или удовольствий. Сумерки на исходе, скоро взойдет полная луна.

— Да. — Плеснув горячего вина в чашку, Бойс сделал маленький глоток. — Но нет нужды от кого-то бежать или за кем-то гнаться, — сказал он с беспечной ухмылочкой. — Волк придет сам. Здешние ветры далеко разнесли наши запахи по пустыне. Аромат свежего мяса ускорит его бег.

Серая Элис ничего не ответила. Повернувшись

к Бойсу спиной, она поднялась по трем деревянным ступенькам и забралась в чрево фургона. Внутри осторожно разожгла жаровню, бросавшую отсветы на серые стенки и груду мехов, что служила ложем. Когда пламя выровнялось, Серая Элис оттолкнула раздвижную дверцу, за которой в узком отделении повозки на крючках висела одежда. В длинную шеренгу выстроились плащи и накидки, просторные рубахи и причудливого кроя платья; иные вещи облегали с головы до пят, как вторая кожа. Замша, мех, перья. Немного поразмыслив, она выбрала широкий плащ, сделанный из множества длинных серебристых перьев — каждое с черной каемкой. Скинув обычный полотняный плащ, она накинула новый и завязала тесемки на горле. Всякий раз, когда она встряхивала эту одежду, перья вздымались, затхлый воздух в повозке волновался и на миг казался живым, а потом успокаивался. После Серая Элис откинула крышку громадного сундука, обитого кожей и окованного. Достала небольшую шкатулку. Там на сером лоскуте покоились десять перстней, у каждого вместо камня серебряный коготь. Серая Элис надела по перстню на каждый палец, а когда сжала кулак, когти блеснули в свете жаровни грозным призрачным блеском.

Снаружи совсем уже смеркалось. Бойс, как заметила Элис, не стал готовить ужин. Она села по другую сторону костра от следопыта с белыми волосами, который потягивал горячее вино.

— Красивый плащ, — вежливо заметил Бойс.

— Да, — ответила Элис.

— Никакой плащ не спасет тебя, когда он наконец-то появится.

Серая Элис подняла руку и сжала кулак, когти отразили свет костра.

— О! — произнес Бойс. — Серебро.

— Серебро, — подтвердила Элис, опуская руку.

— И все-таки. Многие выходили против него вооруженные серебром. Серебряные мечи, серебряные ножи, стрелы с серебряными наконечниками. Все они теперь — прах, все сребоносные воины. А он обожрался их плотью.

Серая Элис пожала плечами.

Бойс оценивающе поглядел на нее, а затем улыбнулся и вновь принялся за вино. Серая Элис плотнее закуталась в плащ под пронизывающим ветром. Через некоторое время она увидела вдали, над северными горами, пляшущие огни. На ум пришли увиденные там картины, вспомнились рассказы Бойса об игре цветных сполохов. Как же все это мрачно, до жути… Впрочем, трудно

ожидать иного от Потерянных земель.

Но вот показался и другой свет. Бледный и зловещий, разгоняющий полумрак на востоке. Всходила луна.

Серая Элис спокойно глядела сквозь свет затухающего костра. Бойс начал превращаться в зверя.

Она видела, как скручиваются его кости и растягиваются мускулы, стремительно удлиняются седые волосы, ленивая улыбка сменяется алым уродливым оскалом, растут клыки, язык вываливается из пасти, а чаша с вином выскальзывает из рук, укоротившихся, чтобы стать лапами. Он, кажется, пытался что-то сказать, но слово не сложилось, раздался только низкий басовитый хохот получеловека-полузверя. Запрокинув голову, он выл, разрывая на себе одежду, пока в лохмотьях не остался тот, кто уже не был Бойсом. За костром напротив Серой Элис стоял волк — огромный косматый белый хищник в полтора раза крупнее обычного, с багровой пастью и пылающими алыми глазами. Серая Элис, вставая и отряхивая пыль с плаща, посмотрела ему в глаза, прочитав там разум и хитрость. В его глазах она видела улыбку. Самоуверенную улыбку.

Слишком самоуверенную.

Волк взвыл еще раз. Леденящий душу про-

тяжный звук был подхвачен и унесен ветром. А потом Бойс прыгнул прямо через догорающие угли костра, который сам же и развел.

Серая Элис подхватила полы плаща и вскинула руки. С обращением она управилась еще быстрее, чем следопыт. Оно закончилось, едва успев начаться, но для Серой Элис это длилось вечность. Вначале она испытывала необычное удушье, потом плащ срастался с зудящей кожей, наконец, нахлынула слабость, когда мускулы уподобились жидкости. А после всего — восторг, ведь сила ворвалась в нее и побежала, клокоча, по жилам, опьяняя куда сильнее, чем вино с пряностями, приготовленное Бойсом на костре.

Взмахнув широкими серебристыми крыльями, где каждое перо имело черную окантовку, она подняла клубы пыли и взлетела к лунному свету, за пределы досягаемости волка, воспарив над руинами. Ветер обнял ее, лаская дрожащими ледяными пальцами; она отдалась на его волю. Распростертые крылья заполнились мелодией ужаса Потерянных земель, поднимая ее все выше и выше. Крепкий, загнутый крючком клюв открывался и закрывался, но она не издала ни звука. Опьяненная полетом, Элис мчалась по небу. Своими глазами, чья зоркость превосходила

человеческие, она видела далеко-далеко, проникала в тайны каждой тени, находила мертвых и полуживых тварей, которые пробирались, волоча ноги, сквозь бесплодные пустоши. Зарницы горели гораздо ярче, их танец был прекраснее, чем прежде, когда она смотрела простыми глазами слабого человеческого существа. Ее тянуло туда, хотелось мчаться на север, на север, на север, — нырнуть в эти огни, рвать пылающие полосы когтями.

Она выпустила когти, как перед схваткой. Длинные, кривые, бритвенно-острые. И бледный лунный свет скользил по серебряным граням. Затем вернулась память, и Элис полетела по широкому кругу, неохотно поворачиваясь спиной к сполохам северных земель. Крылья раз за разом били воздух. С криком она рванулась вниз, сквозь ночь и ветер устремляясь к добыче.

Вдали показалось белесое существо. Оно мчалось прочь от фургона, прочь от костра, ища спасения в тенях, стараясь скрыться в темноте. Но в Потерянных землях никто не может ощущать себя в безопасности. Он был силен и неутомим, длинные ноги несли его в размеренном беге; сам того не замечая, он оставлял позади милю за милей. Но как бы ни был он скор, она настигала.

Разве может обычный волк состязаться с самим ветром?

В мертвой тишине, подобно клинку рассекая воздух, падала она на добычу. Должно быть, он заметил тень, скользившую по земле в призрачном лунном свете, поскольку неистово рванулся вперед, подгоняемый страхом. Тщетно… Она пролетела над ним, полоснув когтями по спине. Словно десять ярких серебряных ножей, они вспороли мех и плоть. Волк не удержался на ногах и покатился по земле.

Забив крыльями, она описала круг для новой атаки, но зверь нашел силы подняться и впился взглядом в темные хищные очертания, озаренные сзади луной. Его глаза, как никогда яркие, вдруг подернулись кромешным ужасом. Запрокинув голову, он завыл, пронзительно и отчаянно моля о пощаде.

Но в ней не осталось ни капли милосердия. Она кидалась вниз снова и снова, когти окрашивались кровью, клюв рвал теплую плоть. Волк сопротивлялся, прыгал ей навстречу, рычал, щелкал зубами. Но не мог победить в этой схватке.

Она с легкостью, как бы нехотя, увернулась от него и нанесла пять глубоких ран, из которых хлынула кровь.

В следующий раз, когда она вернулась, волк слишком ослабел, чтобы бежать или сопротивляться. Но он смотрел, дрожа огромным косматым телом, как она снижается.

И тогда она ударила.

Наконец-то замутненные болью глаза открылись. Он застонал и слабо пошевелился. С неба лился дневной свет; Бойс снова был у костра в лагере. Услышав, что он очнулся, Серая Элис подошла и опустилась рядом на колени. Приподняла ему голову и поднесла к губам чашку с вином, и удерживала, пока он не напился.

Когда Бойс откинулся на спину, она прочла удивление в его глазах. Удивление от того, что он до сих пор жив.

— Ты знала, — хрипло сказал он. — Ты заранее знала… кто я.

— Да, — ответила Серая Элис.

В этот раз она была в обычном облике — худенькая, невысокая женщина без возраста, с огромными серыми глазами, одетая в поношенное. Плащ из перьев она сняла, как и серебряные кольца с когтями.

Бойс попытался сесть, но вздрогнул от боли и снова упал на одеяло, которое она постелила.

— Я думал… что умер…

— Ты почти умер.

— Серебро, — горько произнес он. — Серебро так режет и жжет.

— Да.

— Но ты спасла меня, — сказал он, совсем запутавшись.

— Я обернулась собой, вернула тебе исходный облик, а потом лечила.

Теперешняя улыбка Бойса казалась жалкой тенью былой.

— Ты изменяешься по желанию? — полюбопытствовал он. — Эх, Серая Элис, я даже на убийство пошел бы за этот дар!

Она не ответила.

— Здесь слишком открытое место, — продолжал он. — Нужно было завести тебя в другое. В дом с крышей или лес. Тогда бы ты не справилась со мной так легко.

— У меня есть другие шкуры, — ответила Серая Элис. — Медведь, большой кот. Так что мне все равно.

Бойс застонал и смежил веки. А открыв глаза через некоторое время, сказал с вымученной кривой улыбкой:

— Серая Элис, ты была прекрасна. Я долго следил за твоим полетом, прежде чем осознал

опасность и кинулся наутек. Знал, что ты — моя смерть, а все-таки глаз не мог отвести. Такая красивая. Дымка и серебро, огонь в очах. В последний миг, видя, как ты падаешь на меня, я даже обрадовался в глубине души. Лучше быть убитым такой грозной и такой прекрасной, подумал я, чем погибнуть от рук мерзкого сморчка с заостренной серебряной палкой.

— Мне жаль, — сказала Серая Элис.

— О чем тут жалеть? — быстро заговорил Бойс. — Ты же спасла меня. Я быстро поправлюсь, сама увидишь. Даже раны от серебра рано или поздно заживают. А потом мы будем вместе.

— Ты еще слишком слаб. Поспи.

— Да. — Бойс улыбнулся и закрыл глаза.

Проспав несколько часов, он почувствовал себя гораздо лучше, раны почти затянулись. Попытался встать, но не смог — руки и ноги были надежно привязаны к четырем кольям, вбитым в твердую землю.

Серая Элис видела, что он очнулся, услышала испуганный возглас, подошла и, придерживая голову, напоила вином.

— Что ты задумала?! — закричал он.

Она промолчала.

— Почему? — спросил Бойс. — Я не понимаю,

Серая Элис. В чем дело? Ты пощадила меня, вылечила, а теперь связала.

— Тебе не понравится мой ответ.

— Луна! — яростно выкрикнул он. — Ты боишься того, что случится сегодня ночью, боишься, что я снова обернусь. — Он улыбнулся, радуясь догадке. — Ты просто глупа. Теперь я не причиню тебе вреда. После того, что было между нами, после того, что я узнал о тебе, мы должны быть вместе, Серая Элис. Мы так похожи! Вместе смотрели на огни, и я видел, как ты летела! Мы должны доверять друг другу! Отпусти меня.

Она нахмурилась, вздохнула и ничего не ответила.

Бойс не сводил с нее непонимающего взгляда.

— В чем дело? — снова спросил он. — Развяжи меня, Элис, позволь доказать, что говорю правду. Не бойся.

— Я и не боюсь тебя, — грустно сказала она.

— Вот и хорошо, — нетерпеливо продолжал он. — Развяжи, обернись вместе со мной. Стань большой кошкой сегодня ночью, мы побежим рядом, будем охотиться вместе. Я покажу тебе добычу, о какой ты и не мечтала. Мы разделим ее пополам и съедим. Ты знаешь, каково это — оборачиваться. Ты знаешь правду об этом. Ты

обладала силой, и видела горящие глаза зверя, и вдыхала запах свежей крови, и радовалась убийству. Ты познала… свободу… опьянение ею… Ты познала…

— Да, я познала, — согласилась Серая Элис.

— Так освободи же меня! Давай заключим союз! Мы предназначены друг для друга. Будем жить вдвоем, любить, охотиться…

Серая Элис отрицательно покачала головой.

— Не понимаю, — удивился Бойс. Он напрягся, тщась разорвать путы, выругался и снова обмяк. — Я что, в самом деле такой отвратительный? Кажусь тебе уродом?

— Нет.

— Тогда почему? — горько произнес он. — Меня любило много женщин. Богатые, знатные дамы, самые яркие красавицы нашей страны вожделели меня, даже когда узнавали, кто я.

— Но ты никогда не любил их, Бойс.

— Ошибаешься, — возразил он. — Я любил их по-своему. И не предавал их доверие, если ты об этом. Свою добычу я нахожу здесь, в Потерянных землях, а не среди тех, кто был добр ко мне. — Бойс чувствовал тяжелый взгляд Серой Элис и говорил, говорил. — Мог ли я любить их сильнее?! — воскликнул он неистово. — Они зна-

ли лишь одну мою половину. Ту, которая жила в городе, обожала вино, песни и надушенные простыни. Вторая часть рыскала здесь, в Потерянных землях, и узнавала такое, чего никогда не постичь несчастным мягкотелым существам. Тем, кто донимал меня расспросами, я не отказывал. Просто объяснял: чтобы быть навеки со мной, необходимо оборачиваться и охотиться рядом. Как сделала ты. Отпусти меня, Серая Элис. Взлети в небеса и посмотри на мой бег. Раздели мою охоту.

— Мне очень жаль, Бойс. — Серая Элис поднялась на ноги и вздохнула. — Я сохранила бы тебе жизнь, если бы могла. Но случится то, что должно случиться. Вчера вечером ты бы умер без всякой пользы. У мертвых нет силы. Ночь и день, свет и тьма. Они слабы. Вся сила берется из прослойки между ними, из сумерек, из теней, из тонкой грани, что отделяет жизнь и смерть. Из серого, Бойс, из серого.

Он неистово бился в своих путах, и рыдал, и сыпал проклятьями, и скрежетал зубами. Серая Элис уединилась в фургоне. Несколько часов просидела она в темноте, слушая крики Бойса — брань и мольбу, угрозы и признания в любви. Когда взошла луна, Серая Элис не спешила

покидать убежище. Ей не хотелось видеть, как он оборачивается, видеть его последний раз в человеческом облике.

Наконец крики перешли в завывания — звериные, безумные, наполненные болью. Тогда Серая Элис вернулась. Полная луна разливала по округе бледный нездоровый свет. Крепко привязанный к кольям волк корчился и выл, пытался вырваться и буравил женщину голодными алыми глазами.

Серая Элис спокойно подошла к нему. В руке она сжимала длинный серебряный нож, по лезвию которого змеились изящные рунические заклинания.

Когда он наконец перестал сопротивляться, работа пошла веселее, но тем не менее ночь выдалась долгой и кровавой. Серая Элис убила волка за миг до рассвета, — еще немного, и оборотень снова обрел бы человеческий голос, чтобы кричать от муки. Затем развесила шкуру, достала из фургона заступ и вырыла очень глубокую могилу в слежавшейся холодной земле. Сверху она завалила труп обломками каменной кладки, защитив его от тварей, что блуждали по Потерянным землям, — вурдалаков и стервятников, да и других охотников до мертвечины. На это ушел почти весь день, очень уж твердой была земля,

но она упрямо рыла, хоть и догадывалась, что это бесполезная трата времени и сил.

Закончив уже в сумерках, Серая Элис забралась в фургон, достала плащ из серебряных с черной каймой перьев. Обернувшись птицей, она летела и летела упорно и неутомимо, и купалась в дивных огнях, и венчалась с тьмой. Всю ночь она витала под насмешливой полной луной и только перед рассветом закричала. Порыв студеного ветра подхватил этот крик отчаяния и боли и унес прочь, навеки изменив свою песню.

Должно быть, Джерайс побаивался того, что должен был получить, и поэтому пришел к Серой Элис не один. Его сопровождали два рыцаря: великан весь в белом, с ледяным черепом на щите, и воин в темно-красных доспехах; его гербом был горящий человек. Они молча застыли у дверей, не снимая шлемов, а Джерайс опасливо шагнул к Серой Элис.

— Итак?! — властно спросил он.

На ее коленях лежала шкура волка — широкая, белая, как горный снег. Серая Элис встала и перекинула шкуру через протянутую руку Джерайса Синего.

— Объясни пославшей тебя, пусть капнет на шкуру собственной кровью. Сделать это нужно

при восходящей луне в полнолуние, и тогда придет волшебный дар. Надев шкуру вместо плаща, государыня Мэланж обернется волком. Днем или ночью, в полнолуние или новолуние — значения не имеет.

Джерайс посмотрел на густой белый мех и растянул губы в высокомерной улыбке.

— Волчья шкура? Признаться, не ожидал. Я думал, это будет снадобье или заклинание.

— Нет, — ответила Серая Элис. — Это шкура оборотня.

— Оборотня? — Рот Джерайса странно скривился, а сапфировые глаза блеснули. — Что ж, Серая Элис, ты исполнила просьбу государыни Мэланж, но подвела меня. Я не стану платить за неудачу. Верни мой камень.

— Нет, Джерайс. Я заработала его.

— Но как же моя просьба?

— Ты получил то, чего хотел, а я обещала именно это. — Ее серые глаза встретились с его глазами без трепета. — Ты полагал, что моя неудача поможет тебе исполнить истинное желание, а мой успех обречет тебя. Но ты ошибся.

— Каково же мое истинное желание? — Джерайс выглядел удивленным.

— Государыня Мэланж, — ответила Серая

Элис. — Ты был всего лишь одним любовником из многих. Но жаждал большего. Ты хотел быть единственным. Ты стоял на второй ступеньке в ее душе и знал это. Теперь я все изменила. Возвращайся же к ней и вручи то, о чем она просила.

В тот день, когда Джерайс Синий опустился на колени перед своей возлюбленной и подал ей белоснежную волчью шкуру, в замке на горе раздались горькие рыдания.

Но когда плач смолк и высохли слезы, она взяла широкий белый плащ и, капнув на него кровью, научилась превращаться. Не такого союза желала она — но лучше уж такой, чем никакого.

С тех пор Мэланж каждый день блуждает по зубчатым стенам замка и склону горы, а горожане утверждают, что слышат, как она воет от горя.

А Джерайс Синий, обвенчавшийся с государыней через месяц после возвращения Серой Элис из Потерянных земель, днем сидит около безумной женщины в большом зале замка, а ночью запирает двери, спасаясь от горящих красных очей. Он больше не ездит на охоту, не веселится с друзьями, не ищет любви.

У Серой Элис можно купить все, чего душа желает, но я тебе этого не советую.

перевод В. Русанова

Дэвид Барр Кертли
РОДОВОЕ ДРЕВО

Дэвида Барра Кертли можно представить читателю как один из самых новых и необычных голосов научной фантастики. Его работы часто появляются на страницах «Realms of Fantasy», также он отдавал рассказы в журналы «Weird Tales» и «Intergalactic Medicine Show», в аудиожурналы «Escape Pod» и «Pseudopod», в антологии «New Voices in Science Fiction», «The Dragon Done It» и «Fantasy: The Best of the Year». Ранее я включал его труды в свои сборники «Нежить» («The Living Dead») и «Когда мертвые оживут» («The Living Dead 2»), а еще в мой онлайновый журнал фантастики «Lightspeed». Кроме того, Кертли — совладелец (со мной) интернет-ресурса «The Geek's Guide to the Galaxy».

Дома на деревьях нравятся всем. В таких жили наши далекие предки, и, возможно, в нас говорит голос крови. В Папуа

— Новой Гвинее до сих пор существует племя, которое строит хижины на деревьях, прячась от воинственных соседей. В настоящее время эти дома скорее элемент роскоши и эпатажа и уж точно не то, с чем вам предстоит познакомиться в следующем рассказе.

«Как-то раз я навестил свою бабушку, — вспоминает Дэвид Кертли. — Она работала с компьютерной программой „Создатель родового древа“. Я глянул на экран и сразу же увидел идею рассказа — настоящее дерево с кучей родственников, каждая ветвь принадлежит отдельной семье этого клана. (Кстати говоря, интересные фэнтезийные идеи довольно часто возникают именно из литературных метафор.) Я попытался развить эту мысль: а что было бы, если бы после гибели определенной семьи засыхала и отваливалась ветка, на которой та семья жила? Вокруг этой идеи сразу же стали складываться всевозможные конфликты. Трудно выдумать фэнтезийную тему, которая бы до тебя не использовалась миллион раз, но эта была именно такая, о какой я

раньше никогда не слыхал. Правда, потом потребовалось много времени, чтобы продумать все мелочи и нарисовать подробную схему».

Саймон Архимаг ехал верхом сквозь сумеречный лес. На боку у него висела шпага. Волшебник на ходу бормотал заклинание, убивая каждого комара, вздумавшего к нему приблизиться.

Свернув на узкую тропу, что вела прямиком к его дому, он оглянулся и заметил в некотором отдалении всадника. Поскольку в этих краях никто, кроме Саймона, не обитал, он справедливо рассудил, что преследуют именно его. Опустив ладонь на рукоять шпаги, свободной рукой Архимаг начертал в воздухе пентаграмму — и вот боевое заклинание готово к применению.

Всадник приближался. На нем была свободная белая рубаха и шляпа, украшенная перьями. Полутьма не позволяла различить его черты, но он не проявлял враждебности. Наконец Саймон узнал Бернарда.

Когда преследователь поднял коня в рысь, Архимаг окликнул его:

— Брат!

Из всех родственников-мужчин Саймона Бер-

нард был самым младшим и, возможно, самым любимым, хотя это не имело никакого значения. Казалось, Бернард совсем не изменился — все те же густые каштановые волосы и прямой взгляд. Ну, может быть, немножко располнел.

— Как ты меня нашел? — спросил Саймон.

— Магия, — пояснил Бернард не без гордости. — Ты, знаешь ли, в семье не единственный волшебник.

— Конечно не единственный, — слегка улыбнулся Саймон. — Просто я — самый лучший.

— Бездоказательно! — рассмеялся Бернард и взглянул на тропу. — Ты живешь поблизости?

Игра окончена. Семья наконец-то обнаружила Саймона.

— Верно, — ответил он.

— Тогда не откажи в гостеприимстве, брат. Нам нужно побеседовать.

— Хорошо, — помедлив, ответил Саймон и кивнул на тропинку: — Туда.

Тропа вела вверх по косогору. Лошади шумно вздыхали и фыркали.

— Не хочешь ли рассказать, почему подался в бега? — спросил Бернард через некоторое время.

— Не уверен, — ответил Саймон.

— Мы волновались за тебя.

Саймон взглянул на небо.

— Моя ветвь еще там, я прав? Вы знали, что у меня все в порядке.

— Мы знали, что ты жив, — возразил Бернард. — Но ты мог заболеть или угодить в темницу…

— Не угодил.

— Это я вижу, — вздохнул младший брат. — И верно, твоя ветвь все еще там. Мама содержит ее в порядке, будто ты только что уехал. Она скучает по тебе, Саймон.

— Как пить дать скучает.

Бернард надолго замолчал. Потом спросил:

— Чем же, дьявол дери, ты промышлял все эти годы?

Саймон не отвечал. Они въехали на вершину холма. Ниже расстилался посеребренный луной луг. Архимаг ждал, когда же Бернард заметит дерево.

И дождался.

— Это твое? — охнул младший брат.

— Да. — Саймон не сдержал усмешку. — Это мое.

Ствол необхватного дуба, казавшегося густо-синим в темноте, опоясывали круглые оконца, из которых лился теплый свет.

— Боже мой! У тебя получилось! — Бернард в

изумлении пялился на дерево. — Ты справился, чокнутый каналья! Глазам своим не верю.

— Придется поверить. — Саймон пришпорил коня. — Пойдем, я все покажу. Посмотришь, что удалось твоему умному старшему брату.

У дерева они спешились и повели лошадей в сводчатый проход в широченном комле. Справа и слева над головами мрачно вздымались черные узловатые корни. Саймон взмахнул рукой, и поднялась решетка, сплетенная из толстых терновых ветвей. Хозяин с братом прошли в конюшню, где расседлали лошадей и задали им корм, а оттуда поднялись по широкой лестнице, освещенной настенными канделябрами, которые сияли магическим огнем. Все вокруг состояло из дерева, измененного заклинаниями, дерева, что оставалось живым и продолжало расти. Лестница привела их на кухню, где Бернард тут же сделал себе сэндвич и уселся на подоконник.

— Отличное дерево, брат, — проговорил он. — Но пока еще… скажем так, мелковатое. Ты согласен? По сравнению с нашим семейным, на которое и ты имеешь неотъемлемое право.

Опираясь плечом о дверной косяк, Саймон остановил его жестом.

— Я мог бы приказать, чтобы оно доросло хоть

до звезд. Еще больше помещений, больше вещей.

— Так в чем же дело?

— Мне и этого вполне хватает. — Саймон никогда не понимал своих родственников — ни их тяги к роскошным дворцовым покоям, ни мелочной грызни за наследство усопших предков.

— И ты живешь здесь один? — глянул на него Бернард. — Неужто не скучаешь по родственникам?

— Брат, — сдерживая себя, пояснил Саймон, — представь себе, я прожил шестнадцать лет в окружении потомков Виктора Архимага, поэтому без общения с родственниками могу воздерживаться очень долго без всякого вреда для себя.

Бернард жевал сэндвич и глядел в окно.

— Моя жена Элизабет, — сказал он, — наконец-то подарила мне ребенка. У меня сын.

— Поздравляю, — сказал Саймон, подчиняясь родственным чувствам.

— В следующем месяце церемония представления. Я хочу, чтобы ты присутствовал.

— У меня есть другие дела. — Старший брат подошел к буфету. — Но за приглашение спасибо.

— Саймон, все очень серьезно. Твое длительное отсутствие злит призрак Виктора, поэтому ветви,

выросшие для сыновей наших братьев, оказались не такими величественными, какими могли быть. А мне хочется, чтобы моему сыну досталось все самое лучшее.

— Угощайся. — Саймон налил вина в два кубка. — Я сомневаюсь, что даже дух Виктора Архимага способен наказать младенца за мои проступки. На самом деле кое-что наводит меня на мысль, что здесь не обошлось без нашей матушки. Это она прислала тебя?

— По-твоему, я не способен на самостоятельные поступки?

— Этот ответ я принимаю как подтверждение моих слов. — Саймон протянул брату кубок.

— Ну, ладно, — ответил Бернард, беря вино. — Ты угадал. Но у нее свои причины, что вполне очевидно. — Пригубив, он добавил: — Ты нужен нам, брат. Никогда еще отношения с наследниками Этертона не были такими напряженными. Если дойдет до драки…

— Не дойдет.

— Ты не знаешь всего. Ты не видел, как все запущено. Малкольм постоянно ищет повода для ссоры.

— Уже много лет, — покачал головой Саймон, — дети Франклина и дети Этертона готовы

вцепиться друг другу в глотки. Но до сих пор кровопролития не случилось. Не случится оно и впредь.

— А вдруг ошибаешься? Я вижу, ты не слишком любишь ближнюю родню, но готов ли сидеть сложа руки, когда мы будем гибнуть в междоусобице?

— Я уверен в вашей способности защитить самих себя.

— Обычно это удается, — скривился Бернард. — Но сейчас есть трудности.

— Какие?

— Мередит.

Прозвучавшее имя вынудило Саймона вздрогнуть. Он поставил кубок.

— Что ты сказал?

— Насколько я могу догадываться, она порвала с герцогом, как его там…

— Виландом.

— Да, именно. И теперь вернулась. Я побаиваюсь ее, Саймон. Ее магия стала гораздо сильнее. — В глазах Бернарда горел неподдельный страх. — Вот поэтому мы и нуждаемся в тебе. Чтобы восстановить равновесие. Если ты вернешься, то, возможно, мир сохранится сам собой, так как они дважды подумают, прежде чем сцепиться

с нами.

«Мередит», — подумал Саймон.

— Ну, может быть, ненадолго, — сказал он через некоторое время.

Бернард широко улыбнулся, вскочил и, обняв Саймона, похлопал его по спине.

— Вот это правильно. Хорошо сказано.

Проводив брата, Саймон поднялся на самую высокую ветвь своего дерева, открыл дверку, шагнул на балкон. Там он долго сидел в темноте, рассеянно крутил в пальцах кубок и, вглядываясь в туманные холмы, вспоминал Мередит.

Спустя месяц Саймон сдержал слово, явившись к древу Виктора Архимага.

Ствол огромного растения в поперечнике не уступал замковой стене. На довольно большой высоте от земли он разделялся на две толстые ветви, которые принадлежали сыновьям Виктора — Франклину и Этертону. От этих ветвей отрастали новые, для каждого законного наследника мужского пола, и сейчас сотни таковых обитали в роскошных палатах, составлявших крону дерева. Девочек, как правило, выдавали замуж и отправляли куда подальше, — Виктор гордился своей просвещенностью. Дерево представляло собой результат виртуозной магии,

первой в своем роде. Виктор до того поразился достигнутому успеху, что наказал себя величать Архимагом — мастером-волшебником. Как бы то ни было, до сих пор только Саймону удалось повторить его волшебство. Семьи, обладающие редчайшим магическим даром, казалось, должны быть обречены на невеликую рождаемость, но древо Виктора продолжало расти и шириться по мере увеличения числа отпрысков, и это подстегивало наследников Франклина и наследников Этертона соревноваться — в чьем роду будет больше наследников мужского пола. В настоящее время обе ветви достигли полного равновесия, но сегодняшняя церемония представления сына Бернарда могла все изменить.

Гости прибыли из всех окрестных городов, волшебники приехали из самых дальних краев; в тени раскидистых ветвей собралось несколько сот человек. Дети Франклина не поскупились, желая обеспечить достойное зрелище. В землю вбили столбы, между ними натянули веревки; по ним теперь вились сладко пахнущие цветы, а на столах громоздились вареные перепела и фаршированные яйца.

Саймон протолкался меж заезжих плясунов, лютнистов и жонглеров и оказался на огражден-

ном веревками участке земли, предназначенном для семьи Архимагов. Здесь все мужчины и немало женщин носили шпаги.

Бернард вынырнул сбоку от Саймона и взял его под локоть.

— Спасибо, что приехал, брат. Матушка хочет перемолвиться с тобой.

Когда Саймон вновь пробирался сквозь толпу, многие поворачивали головы, чтобы поглядеть на него. Беседы внезапно прерывались, но потом возобновлялись полушепотом. Брат Мередит, Малкольм, рыжеволосый, одетый в черное, оделил его суровым взглядом и отвернулся, возобновив болтовню с кучкой кузенов. Саймон догадывался, о чем они думали — о возвращении беглеца. Теперь наследник Франклина, самый одаренный в магии, может склонить весы.

Он издалека увидел матушку — все еще прекрасную, одетую в нарядное голубое платье. Ее поседевшие волосы были заплетены в длинную косу, а на лице появилось несколько новых морщинок, что придало взгляду еще большую заботливость. Она беседовала с матерью Мередит — полной женщиной с избытком косметики на бледном от природы лице и вьющимися темно-рыжими волосами, окружавшими ее голову

подобно пламенному ореолу.

Увидев сына, матушка помахала рукой и окликнула его:

— Саймон, ты приехал!

Мать Мередит напряглась и опасливо оглянулась. Родительница Саймона надела маску застенчивости, смешанной с самодовольством. Он безошибочно почувствовал, что оказался участником тщательно разыгранного представления.

Когда Саймон подошел, мать обняла его и ласково проговорила:

— С возвращением.

Он ткнулся губами ей в щеку.

— Я ненадолго погостить, матушка. Мой дом сейчас далеко-далеко.

— Да, конечно, — кивнула она и повернулась к матери Мередит. — Ты слышала? Саймон поселился в собственном древе. Он сумел повторить заклинание, которое создало наше с вами обиталище.

Он смущенно улыбнулся.

— Это так удивительно! — с сомнительной искренностью проговорила мать Мередит. — И чем ты там занимаешься, Саймон? Изучаешь магию? Твоя мама ничего не рассказывала нам о тебе все

это время, — добавила она. — Должно быть, ты с головой погрузился в дела, если позабыл семью на долгие годы.

— Так оно и есть, — согласилась мать Саймона, подпустив в голос холодку. — И его успехи говорят сами за себя, ты же не станешь отрицать?

— Конечно-конечно. А ты знаешь, Саймон, моя дочь сейчас тоже где-то тут, неподалеку. Вам обязательно нужно поболтать. Она стала довольно сильной волшебницей.

— Верно, — кивнула мать Саймона. — Мы все так рады, что Мередит вернулась к нам. Она слишком хороша для того глупого герцога.

Мать Мередит прищурилась на миг. Но тут же глянула через плечо Саймона и сказала:

— Мне кажется или я в самом деле вижу свою дочь? Мередит, дорогуша! Подойди к нам, посмотри, кто приехал.

Саймон собрался с силами и обернулся.

Она стала взрослее, чем он помнил, слегка округлилась и приобрела уверенность. Была одета в красную блузу и юбку с перевязью, волосы подрезала короче, чем раньше, — они едва касались обнаженных плеч. Но она оставалась все той же Мередит. Саймон воображал себе эту встречу много-много раз, и вот Мередит здесь, перед ним.

— Саймон! — воскликнула она, обнимая его слегка смущенно, и тут же отстранилась.

Они — каждый со своей матерью — застыли друг против друга, как фигурки на шахматной доске.

— А помните, как вы вечно играли вместе? — спросила мать Мередит.

— Да, — ответил Саймон, глядя на Мередит, которая сохраняла каменное выражение лица.

— Да, — вставила матушка Саймона. — Эти ребята всегда были самыми одаренными волшебниками в семье.

— И частенько спорили из-за этого, если мне не изменяет память, — добавила мать Мередит. — Хотя, подозреваю, сейчас Мередит может запросто одержать верх.

— Вот как! — удивилась мать Саймона. — Даже не догадывалась об этом. — После короткой неловкой паузы она добавила: — Надо бы им устроить небольшое состязание, чтобы во всем разобраться.

— В самом деле, — кивнула мать Мередит. — Это будет чрезвычайно интересно.

И обе мамы замолчали. Саймон и Мередит смотрели друг на друга. Он чувствовал, что должен сказать какие-то слова, но не мог их найти. К

счастью, запели трубы, извещая, что церемония началась.

Мередит кивнула Саймону и ушла вместе с матерью, вскоре затерявшись в толпе, которая устремилась занимать скамейки. Волшебник со своей матушкой направились на отведенные для них места, перекидываясь по пути парой слов с кем-нибудь из родни.

Бернард вышел вперед, повернулся лицом к собравшимся. За его спиной худенькая, робкая Элизабет держала на руках младенца. Супруги поднялись на высокую деревянную площадку и замерли, вглядываясь в кору с южной стороны древесного ствола.

— Виктор Архимаг! — выкрикнул Бернард. — Почтенный предок! Услышь меня!

Выпуклая поверхность древа слегка задрожала, будто кора превратилась в озерко стоячей воды, которую вдруг взволновало поднимающееся из глубины чудовище. Волны все увеличивались, набирали силу… Кора вращалась, как водоворот…

Потом из ствола появился огромный деревянный лик, подобно тому как человек мог бы пройти через водопад. Красивое надменное лицо. Бородатое лицо Виктора Архимага с пустыми

холодными глазами.

— Я здесь, — прогудел он.

Саймону всегда это зрелище казалось отвратительным. Только Виктор Архимаг мог оставить после себя призрака, чтобы лишний раз тешить больную гордыню и через века утверждаться в своем преимуществе над потомками.

— Я Бернард Архимаг! — воскликнул молодой отец. — А это моя законная жена Элизабет! Мы хотим поблагодарить тебя, о величайший из волшебников, за все, что ты сделал и делаешь для нашей семьи.

Бернард долго витийствовал в том же духе, восхваляя самые разнообразные достижения Виктора и его неизменное великодушие. Саймон косо посмотрел через проход, туда, где сидели наследники Этертона. Хотелось увидеть лицо Мередит, но ее заслонили родственники.

Завершая речь, Бернард взял младенца из рук Элизабет и поднял его, плачущего, вверх.

— Я представляю тебе, благородный Виктор, моего сына-первенца, Себастиана Архимага. Он не может не понравиться тебе.

Довольно долго казалось, что древесный Виктор изучает младенца, хотя никто не взялся бы сказать с уверенностью, куда смотрят пустые

глаза.

— Он мне нравится, — наконец произнес основатель рода.

А затем все древо содрогнулось. Листва посыпалась на толпу подобно дождю. Глаза Виктора пылали потусторонним светом. На комле появилась выпуклость, как будто снизу кору вздувал напор подземного источника. Нарост пополз вверх, добрался до развилки и свернул на ветвь Франклинов, понуждая ее расти. Магия текла по древесине, отслеживая родословную Себастиана, и везде, где она проходила, — Саймон это знал наверняка, — внутренние покои становились просторнее и роскошнее. Наконец волшебство достигло ветви, которая выросла в день церемонии представления Бернарда, и от нее пошел новый побег, удлиняясь и утолщаясь, расцветая окнами, обрастая балконами и ярко-зеленой листвой. И все это за считаные мгновения, на глазах у охающей и ахающей толпы.

Дети Франклина подняли бурю оваций. Вежливые, но сдержанные аплодисменты детей Этертона тонули в их шуме.

Празднование затянулось далеко за полночь, а по его окончании Саймон, следом за всеми родственниками, вернулся к древу.

Они прошли сквозь главные ворота в большой зал — просторное дупло, заставленное столами и лавками, — где у дальней стены располагалось святилище Виктора. Там семья разделилась: дети Франклина вправо, а дети Этертона — влево, взбираясь по двум огромным лестницам, которые обвивались друг вокруг друга и уводили в конечном итоге каждая в свою ветвь. Саймон поднялся к ветви, где жил раньше. Его комнаты, как и говорил Бернард, оставались такими, будто он покинул жилище вчера.

Маг прилег на кровать и уставился в потолок. Вскоре он заснул.

Разбудил Саймона яростный стук в дверь. Глянув в окно, он понял, что уже рассвело. Тогда он слез с кровати и пошел открывать. На пороге стоял его юный кузен, рыжеволосый Гаррет.

— Малыш Себастиан заболел! — взволнованно воскликнул парень.

Гаррет стремительно убежал. Саймон оделся, спустился в комнату покойного отца, а потом снова поднялся в ветку Бернарда. Недавно созданная арка вела в покои Себастиана.

Сразу после его осторожного стука двери распахнулись, и появился Бернард, на его лице надежда боролась с тревогой.

— Саймон… — проговорил он. — Заходи.

Шагнув через порог, волшебник увидел Элизабет, которая баюкала сына, сидя в кресле-качалке.

— Лихорадка, — пояснил Бернард. — Так много гостей вчера хотели подержать малыша. Подозреваю, дядя Реджинальд чихнул на него. Я уверен, что ничего опасного…

Саймон кивнул, поздоровался с Элизабет и пристально посмотрел на Себастиана, который показался ему очень уж бледным.

Чуть позже снова появился Гаррет, на этот раз он привел мать Саймона. Увидев младенца, она застыла столбом. Долго молчала, пока не произнесла:

— Все будет хорошо. Но его следует лечить. Саймон, дорогой, мне почему-то кажется, что ты совершенствовался все эти годы в другой области магии.

— К сожалению, это так.

— Я позову Клару, — тонким голосом вмешался Гаррет.

— Погоди! — остановила его мать Саймона. — Нет. Будь любезен, приведи к нам Мередит.

— Матушка! — пролепетал потрясенный Бернард. — Мы не нуждаемся в ее помощи.

— Она могучая целительница, — возразила мать. — Гораздо сильнее, чем Клара, и все мы это знаем. И она сейчас здесь. Мы просто обязаны воспользоваться такой возможностью. — Махнув Гаррету рукой, она приказала: — Беги!

Юноша ушел и примерно через час вернулся с Мередит. Все не отрывали глаз от волшебницы, когда она приблизилась к Элизабет и сказала:

— Услыхав, что Себастиан заболел, я очень расстроилась. Сделаю все, что смогу. Прямо сейчас.

Она протянула руки.

С видимой неохотой Элизабет отдала ей ребенка.

Едва оказавшись на руках Мередит, младенец закричал. Она прижала его к груди и закрыла глаза, и простояла так, шепча, довольно долго. Все это время Себастиан заходился благим матом. Элизабет испуганно глядела на Бернарда, а тот гневно — на Мередит.

В конце концов волшебница вернула ребенка матери.

— Сделала, как обещала.

— Благодарю тебя, — спокойно ответила бабушка больного.

Уходя, Мередит бросила быстрый, но цепкий взгляд на Саймона и скрылась за дверью.

Прошло два дня. Себастиан не выздоравливал, но все попросту боялись что-то сделать. Никто не желал, чтобы новое заклинание помешало мощному волшебству Мередит. В тот вечер Бернард явился в покои Саймона и заявил:

— Брат, нам нужна твоя помощь. Элизабет укрылась в комнатах на ветви Себастиана вместе с сыном и отказывается выходить.

Они прошли под аркой и очутились в недавно выросшей ветви. Шагая по сумрачным безлюдным залам, Саймон слышал свист ветра, шелест листвы и отдаленный женский плач. Наконец они обнаружили Элизабет: она сидела на полу, забившись в угол, с ребенком на руках. Ее лицо скрывала тень.

Бернард опустился на колени рядом с женой.

— Голубка моя, прошу тебя, спустись вниз.

— Нет, — упрямо ответила женщина.

Младший брат глянул на Саймона, который тоже встал на колени и попросил:

— Элизабет, поверь, мы не должны здесь находиться. Если он умрет…

— Он не умрет, — всхлипнула она.

— Если ветка…

— Мне все равно, — покачала она головой.

— Зато мне не все равно, — возразил Саймон,

вынимая Себастиана из ее безвольных рук. — Давай его сюда…

Элизабет вздрогнула. Бернард поднял ее на ноги и, поддерживая, повел вниз по ступенькам. Следом за ними Саймон нес малыша.

Только оказавшись в палатах ветви Бернарда, Саймон перевел дух. Если умирал кто-то из мужской линии Архимагов, его часть древа, выращенная Виктором, засыхала и отпадала вместе с теми, кто оказывался внутри. Поэтому, когда кому-то грозила опасность, родственники старались не задерживаться в его палатах. Саймон с ребенком присел на диван, ожидая, пока Бернард уложит Элизабет на кровать.

— Странно, тебе не кажется? — проговорил младший брат, когда вернулся.

— Что именно?

— Она великая целительница, но не может вылечить ребенка.

— Думаешь, слухи о ее могуществе преувеличены?

— Или она не желает потрудиться в полную силу для нас, — жестко ответил Бернард.

— Нет. В это я не верю. Мередит не такая. Я хорошо знал ее.

— Вот именно — знал. Люди меняются.

— Отдохни немного, — вздохнул Саймон. — Ты вымотался. А я побуду с малышом. — Он качнул ребенка в объятиях. — С ним все будет хорошо.

Бернард колебался несколько мгновений, а потом согласился:

— Ладно. Спокойной ночи.

Наклонившись, он поцеловал Себастиана в лоб.

— Спокойной ночи, — ответил Саймон.

Через два дня лежавший с книгой в руках Саймон услышал легкий шорох на столе. Подняв голову, он заметил, как зашевелилось одно из перьев. Потом оно взмыло, окунулось в чернильницу и принялось вертляво плясать над листом пергамента. Отложив книгу, Саймон поднялся.

Перо остановилось, написав несколько слов изысканным почерком Мередит:

«Мне нужно повидать тебя».

Сердце Саймона дрогнуло. Подхватив перо, он кривовато нацарапал на пергаменте: «Жди в саду».

Мгновение спустя отложенное перо вновь ожило, оставив всего два слова: «Я приду».

Он спустился по главному стволу и вышел через задние ворота на косогор, где ночной ветер волновал высокую траву. Перейдя бурный

ручей по мостику, маг оказался в саду, где они с Мередит играли детьми и встречались, будучи постарше, — вот так же тайно, как сейчас. Сад окружала каменная стена, поросшая плющом; ржавые железные калитки давно никто не закрывал. Внутри между деревьями вились мощеные дорожки, кривые, будто путь пьянчуги. Там и сям виднелись рукотворные пруды, чью гладь покрывали листья кувшинок. Возвышались лабиринты из подстриженных кустарников, где мальчик и девочка всегда могли укрыться от чужих глаз.

Он дожидался ее на мраморной скамье, возле статуи грустного старого льва, опустившего одно ухо, и вспоминал другую ночь, после которой прошло уже много-много лет. И тут появилась она — темный силуэт, мчавшийся по дорожке, словно призрак.

Саймон кинулся ей навстречу, обнял, шепнул:

— Я скучал по тебе.

— Я тоже, — ответила она, уткнувшись ему в плечо.

Так они простояли долго, судя по смещению луны.

— Давай уедем вместе, — сказал он наконец.

— Что? — Она отстранилась, пристально глядя на него.

— Ты когда-нибудь любила меня?

— Да.

— Тогда давай уедем. Я был прав, разве нет? Мы должны быть вдвоем, а не с ними. Если останемся здесь, ничего хорошего не выйдет.

— Саймон… — Она отошла, присела на скамью. — Нет, это невозможно.

— Почему?

— Я говорила тебе.

— Да. — Он сел рядом. — Ты говорила, что дала слово другому. Но сейчас…

— И что Виктор может быть недоволен…

— У меня теперь есть собственное древо. Мы могли бы…

— …и наши семьи, — договорила она.

— Мы можем обойтись без них. Я же доказал это, согласись. Если ты когда-нибудь любила меня…

Она смотрела в сторону.

— Мередит! — с мольбой заговорил он. — Забудь их. Мы положим начало новому роду, и он станет, будь я проклят, родом самых лучших волшебников…

— Прости, Саймон, — сказала она. — Я не похожа на тебя. Я не могу взять и уйти, не оглядываясь.

Он молчал, хмуро глядя в темноту.

— Саймон, нам нужно поговорить, — сказала она немного погодя. — Об этих слухах.

— О каких слухах?

— Будто я только притворяюсь, что лечу Себастиана! — с негодованием воскликнула она. — И даже будто навела на него порчу. Что за нелепица?!

— Так вот почему ты захотела встретиться! — еще больше насупился Саймон.

— Это одна из причин. Понимаешь, это очень важно. События становятся неуправляемыми. Попытка твоей семьи обострить…

— Моей семьи? Да твой брат…

— Малкольм? — холодно прервала она. — Наглец. Сопляк. Не обращай на него внимания. Он может быть опасен лишь для самого себя. А вот твоя сторона несет угрозу. Это еще одна причина, по которой я не могу убежать вместе с тобой, даже если бы захотела.

— Так ты — все, что стоит на пути у могущественного рода Франклина? — усмехнулся Саймон. — Должно быть, ты чрезвычайно высокого мнения о себе.

— Ладно. Может, и так.

— И все же Себастиану хуже день ото дня.

— Мне очень жаль, но тут нет моей вины. Иногда люди выздоравливают, а иногда ничто не в силах их исцелить. И ты это знаешь.

— А может, ты не столь могущественна, как говорят?

— Продолжай злить меня, — она поднялась, — и мы проверим, насколько я сильна.

— Ты что, угрожаешь? — вновь усмехнулся он. — Считаешь, что способна победить меня?

— Уверена, что способна.

— Я разгадал самое главное заклинание Виктора Архимага.

— Весьма впечатляет, — едко произнесла она. — Как и то, что ты потратил много лет, чтобы сравняться с самовлюбленным волшебником, которого презираешь. Но пока ты увлекался своим драгоценным древом, я немало потрудилась в прочих областях знания. Занималась и боевой магией и почему-то уверена, что ты ею пренебрегал. Так что не зли меня, Саймон. Не будет никакого состязания.

— Я делал древо, которое ты называешь драгоценным, — едва не срывался он на крик, — для тебя. Для нас! Чтобы когда-нибудь…

— Ничего, что я тебя ни разу об этом не просила?

Они стояли в темноте, злясь друг на друга.

— Вот и поговорили, — сказала Мередит и чуть мягче добавила: — Придержи их, Саймон. Ради нас двоих. Если ты когда-нибудь любил меня, придержи их.

Развернувшись, она зашагала по дорожке, с двух сторон обсаженной тополями, которые застыли на манер часовых. Впереди, над садовой оградой, возвышался холм, а над ним раскинулись длинные черные конечности Викторова древа.

Когда она скрылась из виду, Саймон вспомнил другую ночь, ту, что была много лет назад.

«Тебе не нужно выходить за него, — говорил он тогда. — Это полная бессмыслица. Вы никогда не будете счастливы. Мередит! Пока еще не поздно, не заходи слишком далеко. Бежим со мной, сейчас!»

Она изложила ему все свои доводы против побега и спросила, куда он ее зовет.

«Ну, не знаю, — вымолвил он. — Придумаем что-нибудь. — И когда она в очередной раз отказалась, Саймон заявил: — Ну и ладно. А я отправляюсь. Сегодня же ночью. Будь что будет. Можешь идти со мной, можешь не идти. А сейчас я соберу кое-какие вещи и буду ждать тебя в саду

— вдруг передумаешь».

Потом он долго стоял у мраморной скамьи, а ночь все холодала и холодала. Он видел, как погас свет в окнах Мередит, а много позже, когда понял, что она не передумает, ушел. И никогда не оглядывался назад.

Так и сейчас он зашагал по хрустящему гравию, вновь обдумывая причины ее отказа. По большому счету лишь один довод имел решающее значение: семья. Проходя сквозь садовые ворота, он задержался, чтобы бросить недобрый взгляд на древо Виктора.

Внезапно раздался громкий треск, эхом раскатившийся по темно-фиолетовому небу. Одна из ветвей сломалась у основания и упала на землю.

На следующий день после обеда все семейство Архимагов собралось на родовом кладбище на склоне холма, вблизи древа Виктора. Низко нависало мрачно-серое небо, воздух казался густым и затхлым. Отслужили короткую панихиду. Элизабет безутешно рыдала.

Саймон опасался глядеть на Мередит, которую почти единодушно обвиняли все дети Франклина. Она сохраняла бесстрастное выражение лица. Во время заупокойной молитвы из задних рядов толпы донесся негромкий, но язвительный смех.

Возможно, в ответ на какую-то шутку. Бернард резко оглянулся, стремясь найти обидчика. Саймон же сразу узнал голос Малкольма.

Глаза Бернарда наполнились холодной, смертельной яростью, и на мгновение Саймон поверил — а какой-то частью души даже возжелал этого, — что брат рванется через толпу и прирежет Малкольма. Но спустя несколько мгновений Бернард сгорбился и повернулся к могиле сына.

На следующей неделе настала небывалая жара. Саймон стелил себе на балконе, но все равно несколько раз за ночь просыпался, обливаясь потом. Обычно днем вся семья Архимагов собиралась в главном зале, где как будто было чуть прохладнее, но даже в просторном помещении со временем становилось тесно для детей Франклина и детей Этертона, ссорившихся из-за мест за столами, толкавшихся локтями и обменивающихся язвительными замечаниями.

Однажды после обеда Саймон услышал торопливый стук в свою дверь. На пороге стоял запыхавшийся Гаррет.

— Там Малкольм, — сказал юноша. — Тебе нужно прийти. Прямо сейчас.

Саймон опоясался перевязью со шпагой и последовал за Гарретом по лестнице.

Прибыв в большой зал, он увидел Малкольма с дружками, которые развалились за столами, уставленными растениями в горшках. Их буравила сердитыми взглядами плотная кучка наследников Франклина, в том числе и Бернард. Они негромко переговаривались. Оставшаяся толпа — несколько десятков родственников — явно разделилась на детей Франклина и детей Этертона, которые враждебно косились друг на друга. Саймон протолкался вперед.

— О, Саймон! — воскликнул Малкольм с напускной радостью. — Вот ты где! Погляди, что у меня есть!

Волшебник осторожно приблизился.

Малкольм кивнул на горшок, который держал в руках.

— Я нашел восхитительный способ развеять скуку знойного летнего дня. Один мой знакомый привез вчера эти растения. Говорят, они распространены в дальних странах.

Саймон внимательно оглядел нечто похожее на дерево, только карликовое. Те же вытянутые ветви, та же густая шапка листвы.

— Такому дереву, — Малкольм вытащил кинжал, — мы можем придать любую форму, просто удаляя лишние ветки. Эту, например. — Он при-

ставил лезвие к крошечной веточке. — Она мне ужасно не нравится.

Легкое движение запястья, и ветка, кружась в воздухе, опустилась на носок его сапога. Он стряхнул ее на пол.

Бернард разразился проклятиями. Несколько его родичей оттащили разгневанного отца подальше, уговаривая не обращать внимания на выходки Малкольма, который, изображая беспечность, оперся о стол и проговорил:

— Похоже, ему не понравилось. — После повернулся к Саймону и поднял кинжал. — А как насчет тебя? Не хочешь попробовать?

— Благодарю, нет, — ответил Саймон.

— Как жаль… — Малкольм сунул кинжал в ножны. — Это довольно забавно.

— Ладно, мне что-то подсказывает, что ты сегодня достаточно позабавился, — заявил Саймон. — Почему бы тебе не взять свое маленькое дерево, своих маленьких друзей и не убраться куда подальше. Прямо сейчас.

Малкольм улыбнулся.

— Нет, — высокомерно ответил он. — Мне и здесь удобно.

— Но вот какая штука… — Саймон набросал в воздухе пентаграмму. — Я могу причинить тебе

неудобство.

От его пальцев повалил серо-голубой дым. Но Саймон блефовал. В сложившихся условиях он не собирался запускать заклинания.

И Малкольм, похоже, об этом догадывался.

— Считаешь себя таким страшным? — рассмеялся он. — Вот зачем твоя мамаша послала за тобой — чтобы напугать всех нас. Но оба мы знаем: если ты причинишь мне хоть малый вред, моя сестра расплющит тебя в лепешку.

Все в главном зале смотрели на них. Малкольм встал, глядя Саймону в глаза, и прошипел:

— Если кто и боится, так это ты. Она самая лучшая. Она первый волшебник в семье. И она слишком хороша для тебя.

Последний выпад ударил даже больнее, чем мог рассчитывать Малкольм. В груди Саймона вспыхнула ярость.

Рыжий нахал обернулся к притихшим детям Этертона.

— Вы все боитесь его! А почему? Что он способен сделать? — Он толкнул Саймона в грудь, заставляя отступить на несколько шагов. — Ха! Что ты можешь сделать?!

Саймон буравил его глазами, закипая.

— Ха! — воскликнул Малкольм, оборачива-

ясь. — Вы видите…

Шагнув вперед, Саймон подножкой свалил его на пол.

Толпа взорвалась криками, а Саймон, навалившись на рыжеволосого волшебника, несколько раз ударил его кулаком в челюсть. Малкольм потянулся, чтобы вцепиться противнику в лицо, но Саймон отвел его руку и стукнул снова.

Тогда Малкольм вспомнил о кинжале.

Но Саймон, поймав запястье противника, бил его кисть об пол, пока пальцы не разжались.

Вдруг Бернард, схватив Саймона за плечо, опрокинул его на спину. В правой руке младшего брата сверкала шпага, которой он пронзил лежащего Малкольма.

«Нет!» — мысленно закричал Саймон.

Он вскочил на ноги. Вокруг сверкали обнаженные клинки.

— Остановитесь! — взывал он. — Подождите!

Но было слишком поздно. Дети Франклина и дети Этертона сцепились в вооруженной схватке. Сподвижники Малкольма атаковали Бернарда, который удерживал их на расстоянии, наотмашь полосуя воздух отточенной сталью. Выхватив свою шпагу, Саймон кинулся на помощь брату. Окровавленного Малкольма вытащил из свалки

один из его кузенов — хладнокровный юноша по имени Натан, который по неведомой причине всегда поддерживал рыжего брата Мередит.

Саймон уворачивался, колол, парировал вражеские выпады. Магию он не использовал — кто знает, может быть, все его волшебство понадобится, чтобы противостоять Мередит. Но кое-кто из его родственников не чурался волшебства, поскольку в воздухе то и дело сверкали вспышки и раздавались хлопки. Весь главный зал захватила кровопролитная схватка; после веков соперничества и взаимного недоверия в древе Виктора Архимага разыгрался финал драмы. Вскоре клинок Саймона покрылся кровью, влажная ладонь скользила на рукояти. Перед ним появлялись озлобленные лица, многие из которых он помнил с далекого детства, а потом не видел долгие годы. Он тыкал в них шпагой.

Иногда падал кто-то из детей Франклина. Саймон видел, как Гаррета поразил насмерть один из дядюшек Мередит. Но гораздо чаще бреши возникали в рядах наследников Этертона, и вскоре многие из них лежали на полу, а их тела топтали сражающиеся бойцы.

А потом дети Этертона дрогнули и беспорядочно отступили на широкую лестницу, что вела в

их ветвь.

«Мередит…» — думал Саймон.

Он решил разыскать ее, хотя не осознавал, для чего именно — защитить от своей семьи или защитить свою семью от нее.

Саймон бежал, вместе со своими родичами преследуя детей Этертона в их ветвях, многие из которых, оставшись без владельцев, стремительно засыхали и отпадали. На глазах у Саймона одного из кузенов Мередит загнали в угол и прикололи шпагами к гладкой стене, хотя мгновение назад там был сводчатый проход. Для детей Этертона не оставалось иного пути к отступлению, кроме как подниматься все выше и выше по своей части древа. Ну разве что прыгнуть в отчаянии из окна или с балкона.

Пробегая через покои деда Мередит, Саймон услыхал крики детей Франклина:

— Сюда! Они отступили сюда!

И бойцы ворвались под арку, ведущую в ветвь Кеннета, дяди Мередит и отца Натана. Саймон свернул туда же.

Он догнал родичей в тот самый миг, когда они хлынули в широкий зал, в дальнем конце которого кучка людей сплотилась вокруг Мередит. Она стояла на коленях над распростертым телом Мал-

кольма и, прижимая ладони к окровавленной груди, пыталась исцелить брата. Рядом застыли матушка Мередит и еще несколько родственников, многие с оружием наголо. Натан вглядывался во что-то за окном.

— О нет! — простонал он. — Нет! Она падает! Он… Он умирает…

Мередит обмякла. Ветвь Малкольма засохла.

Натан злобно зыркнул на Саймона, а потом вытащил шпагу из ножен и встал рядом с Мередит. Все братья юноши погибли в нижнем зале. И отец тоже. Саймон видел его мертвое тело.

Мередит выпрямилась, развернувшись, чтобы стоять лицом к лицу с Саймоном. Прямая и решительная, исполненная гнева. Эфирные ветры развевали ее волосы, искры срывались с пальцев, глаза горели ненавистью. Заглянув в эти глаза, Саймон понял, что никакие уговоры больше не помогут. Его мечты и надежды умерли вместе с Малкольмом.

Люди рядом с Саймоном замялись, опасаясь самой сильной волшебницы в семье. Саймон их не осуждал.

— Уходите отсюда, — сказал он. — Уходите. Я поговорю с ней.

Дети Франклина, переглядываясь, отступили.

Мередит шагнула вперед, молчаливая, как сама смерть.

«Так что не зли меня, Саймон, — сказала она тогда. — Не будет никакого состязания».

Он очень боялся, что она окажется права.

Остановившись посреди зала, Мередит развела руки в стороны.

— Я предупреждала тебя, Саймой. — Ее голос дрожал от гнева. Ты слишком самонадеян — как это на тебя похоже! Уверен, что сможешь противостоять мне? Ладно, вот я перед тобой. Попробуй свое самое мощное заклинание, поскольку второй попытки у тебя не будет.

«Одно лишь заклинание», — подумал Саймон.

Он выбросил ладонь ей навстречу, запуская дюжину двойных магических светлячков, которые, разлетаясь в стороны, выросли и превратились в метательные ножи; таким образом, к волшебнице устремился целый рой смертельно опасных лезвий.

Мередит вскинула руки, выставив перед собой пылающий магический щит. Часть ножей, которые врезались в него, попросту испарились, остальные бессильно скользнули в стороны. Она посмотрела на Саймона чуть ли не с жалостью.

Он развернулся и кинулся вниз по лестнице.

— Трус! — отчаянно выкрикнул кто-то.

Да, Саймон испугался. Но не колдовства Мередит. Не из-за нее он перепрыгивал через три ступеньки.

Несколько метательных ножей, миновав ее, вонзились в Натана. Причем один из них пробил юноше горло. Мередит увидит это и поймет, что именно он был целью. Тогда она поймет и все остальное…

Саймон бежал. Древесина вокруг него содрогалась, серела, скукоживалась, словно в засуху. Через окна маг видел, как наливаются желтизной листья и опадают кружась.

Вот и выход. В потолке возникла трещина, через которую врывался солнечный свет, лучами отгораживая его от спасения. Когда пол начал уходить из-под ног, Саймон прыгнул в дверной проем.

Раздался оглушительный треск. Обернувшись, Саймон увидел Мередит, которая мчалась по наклонному тоннелю, волоча за руку свою мать. Рядом с ней бежали остальные родственники… А потом ветвь исчезла из виду.

Желая увидеть, что же с ними сталось, Саймон кинулся вперед, но арка, сквозь которую сверкало голубизной небо, затянулась древесиной. Проход

сжался, зарос, закрылся подобно глазу.

Спустя несколько дней семья Архимагов собралась на кладбище, чтобы похоронить всех погибших. Исход сражения сомнений не вызывал — детей Этертона осталось совсем мало. Они стояли молча и выглядели запуганными и слабыми. Согласно условиям мира, они отказались от каких-либо претензий, добровольно сдали детям Франклина все ценности и оружие и собрались в изгнание. Саймон все думал, а куда же они пойдут? Ведь эти люди не одно поколение прожили в древе Виктора. Он не мог представить своих родственников где-нибудь в другом месте.

После церемонии, когда все разошлись, Саймон задержался у плиты с надписью «Мередит Виланд».

Его мать неслышно подошла и стала рядом.

— Я всегда знала, что ты сможешь ее победить, — сказала она.

Саймон не ответил.

— Теперь мы в безопасности, — добавила она. — Благодаря тебе.

Он оглянулся на древо Виктора, чьи две половины из-за нарушенного равновесия выглядели так нелепо. Солнечные лучи прорывались между ветвей, вынуждая Саймона щуриться.

— Я надеюсь, теперь ты будешь счастлив, — сказала мать и зашагала прочь.

— Почему ты так решила? — спросил он вдогонку.

Она остановилась, внимательно посмотрела на него и веско произнесла:

— Знаешь, Саймон, мне всегда казалось, что эта дрянная девчонка очень плохо влияла на тебя. Вот и все.

— Матушка, — медленно проговорил он, — у меня ужасное подозрение, что многое из случившегося связано с каким-то твоим замыслом.

— С моим замыслом? — рассмеялась она. — Дорогой мой Саймон, ты всегда был недоверчивым ребенком, склонным к самокопанию. Я не стану оправдываться. Это полная чушь…

Она вновь отвернулась. Саймон хотел продолжить разговор, но ужасные скрип и треск заполнили долину. На глазах у всей семьи Архимагов древо Виктора начало валиться вправо — ветвь Франклинов перевешивала. И вот оно рухнуло на землю, ломаясь в щепки и поднимая величественную завесу пыли, заметную за много-много миль.

Саймон Архимаг гнал лошадь галопом вдоль освещенной луной гряды холмов. В последнее

время ему все больше и больше нравились уединенные поездки. Он полюбил тишину и покой. Когда лошадь скакала, топот копыт и свист ветра заглушали невеселые мысли.

Наконец он прискакал к своему древу — древу, которое создал, думая о Мередит и будущих детях. Бывало, в такую вот ночь, когда конь нес Саймона сквозь тьму, действительность казалась ему не столь определенной, и он воображал, что Мередит каким-то образом выжила и вскоре тайно явится к нему Или что их поединок был на самом деле кошмарным сном, а его мечты о совместной жизни — единственной правдой.

Решетка из терновых ветвей поднялась, и Саймон провел скакуна на конюшню.

Поднялся наверх по лестнице.

— Папа! — послышался детский голос. — Папа!

Волшебник вошел на кухню. Белокурый мальчуган, просунув голову в дверь, воскликнул:

— О, Саймон! Привет! Ты не видел моего папу?

— Нет, — покачал головой маг. — Я только что вернулся… А что-то не так?

— Джессика забрала мою лошадку и не отдает, — нахмурился малыш.

— Твою лошадку?

— Игрушечную. Мне ее папа подарил. Я не

разрешал Джессике трогать мои игрушки, а она забрала и не отдает. А лошадка моя!

— Ну, может, тебе надо… — начал Саймон.

— Мне надо ее убить, — серьезно заявил мальчик. — Как ты убил злую колдунью Мередит.

Саймон уставился на него:

— Постой, Брайан…

— Я Маркус.

— Ладно, Маркус, — вздохнул волшебник. — Пойдем искать твоего папу…

Мальчик потащил Саймона через залы и вверх по лестнице. Кругом валялись игрушки и книги. Порой мимо проносились шалящие дети.

Взрослые отыскались на самом верху — они отдыхали, сидя на балконе. Там он увидел Бернарда, Элизабет, остальных братьев и еще кое-кого из родни. Бернард пояснял, что это временно, лишь до тех пор, пока они не найдут другое жилье. Но никто не выказывал желания уходить, а некоторые даже намекали Саймону, что не худо бы расширить дерево, а то жить становится тесновато, особенно с детьми.

Из тени шагнула мать Саймона с кубком вина в руке. Она улыбнулась своим сыновьям, вновь собравшимся под одной крышей.

— О, Саймон, ты вернулся, — радостно проговорила она. — Добро пожаловать домой.

перевод В. Русанова

Сюзанна Кларк
ДЖОН АСКГЛАСС И УГЛЕЖОГ ИЗ КУМБРИИ

Сюзанна Кларк — известный автор, создатель популярного романа «Джонатан Стрендж и мистер Норрелл» («Jonathan Strange & Mr Norrell»), выигравшего «Хьюго», «Локус», Мифопоэтическую премию и Всемирную премию фэнтези (в 2005 году). Она написала несколько рассказов, которые печатались в «Нью-Йорк таймс» и журнале «The Magazine of Fantasy & Science Fiction», озвучивались в радиопередаче «7-th Dimension» на канале BBC, а кроме того, входили в антологии «Starlight», «The Year's Best Fantasy & Horror», «Black Swan, White Raven», «Black Heart, Ivory Bones» и «Sandman: The Book of Dreams». Большинство этих рассказов собраны в книге «Дамы из Грейс-Адье и другие истории» («The Ladies of Grace Adieu and Other Stories»). В настоящее время Сюзанна Кларк проживает в Кембридже со своим

партнером, писателем-фантастом и критиком Колином Гринлэндом.

Хорошо быть королем. У вас есть все эти замки, челядь, пиры, лошади, одежда, драгоценности, власть. Власть важнее всего! Вы повелеваете армиями, ваше слово — закон, все преклоняют перед вами колени и называют «вашим величеством». Просто великолепно!

У волшебников тоже имеется власть. И если вы самый могущественный волшебник на земле, способный превратить свинью в рыбу одним мановением руки, что ж, это весьма и весьма неплохо. Но вот вопрос: у кого больше власти? У короля или у волшебника?

А что, если вы одновременно король одной из держав и самый могущественный чародей во всей округе? Вот это силища получается! Да кто осмелится противостоять вам?! Но прежде чем вас обуяет гордыня, не худо бы припомнить, что сколь высоко вы ни вознесетесь, всегда найдется сила покруче вашей. Даже волшебник-властелин должен склониться перед Владыкой Небесным, а все умения

короля-мага могут оказаться бесполезными в борьбе с упрямством чистой воды. (А скромный герой нашего рассказа ну очень упрямый!) Итак, волшебники, не говорите потом, что вас не предупреждали.

Перед вами перепев известной североанглийской народной сказки, взятой из «Историй Короля-Ворона для детей» Джона Уотербери, лорда Портишеда. Сходство с другими старинными легендами, в которых могучего правителя сажает в лужу один из самых ничтожных его подданных, вынуждает большинство ученых скептически относиться к ее историческому обоснованию.

Давным-давно на поляне посреди Кумбрийского леса жил углежог. Жил он в нищете, одевался в лохмотья и годами не смывал с тела сажу. Не довелось ему завести жену и детей, а единственным его товарищем был поросенок по кличке Черныш.

И днем и ночью торчал углежог на поляне, где, кроме тлеющей кучи угля, присыпанного землей, да выстроенного из валежника и дерна шалаша,

ничего-то и не было. Но несмотря ни на что, он не унывал, если, конечно, его не трогали.

Однажды ясным летним утром на поляну выбежал олень. Следом за ним появилась свора охотничьих собак, а потом и толпа всадников с луками и стрелами. Несколько мгновений там царила ужасная кутерьма — псы лаяли, кони топали копытами, охотники трубили в рожки. Но в конце концов все скрылись в лесу так же неожиданно, как и появились. Все, за исключением одного человека.

Углежог походил, осмотрелся. Зеленую траву втоптали в грязь, шалаш обрушился — только палки торчат. Тщательно сложенная куча углей обвалилась с одной стороны и уже полыхала ярким пламенем. Ослепленный яростью, он кинулся к задержавшемуся на поляне охотнику и обрушил ему на голову такие ругательства, каких сам Сатана не слыхивал.

Но у всадника и без того забот хватало. Он не уехал прочь со своей свитой по одной простой причине — Черныш, непрестанно визжа, метался под копытами его коня. Охотник никак не мог избавиться от этой досадной помехи. Сам всадник был одет во все черное. На ногах черные сапоги из мягкой кожи. Сбрую коня покрывала

россыпь самоцветных камней. Это был не кто иной, как сам Джон Аскгласс, прозванный Королем-Вороном, — правитель Северной Англии и части Волшебного королевства, величайший из всех когда-либо живших чародеев. Но углежог, который мало интересовался происходящим за пределами своей поляны, ни о чем таком не догадывался. Он видел, что человек не отвечает ему, и все больше свирепел.

— Да скажи хоть что-то! — орал он.

Через поляну бежал ручей. Джон Аскгласс посмотрел на него, потом на Черныша, который крутился под ногами его коня. Поднял руку, и поросенок превратился в лосося. Рыба прыгнула в ручей и уплыла восвояси. А Джон Аскгласс пришпорил коня и умчался прочь.

Углежог глядел ему вслед.

— Ну и что же мне теперь делать? — пробормотал он.

Кое-как притушил пламя и попробовал восстановить кучу. Но, вестимо, разбросанный собачьими лапами и конскими копытами уголь уже нипочем не сложится как раньше. При виде испорченной работы у углежога на глаза навернулись слезы.

Он направился в аббатство Фернесс, чтобы

попросить у монахов еды, ибо его собственный ужин пришельцы втоптали в грязь. Там он обратился к елемозинарию, в чьи обязанности входила раздача беднякам пищи и одежды. Тот благожелательно поприветствовал углежога, дал ему головку доброго сыра и теплое одеяло, а потом спросил, почему бедняга столь печален.

Вот так и получилось, что углежог пересказал монаху все, что случилось с ним на поляне. Но, будучи непривычным к связному изложению из ряда вон выходящих событий, он долго говорил об охотнике, ни разу не упомянув об изысканной одежде всадника или дорогих перстнях на его пальцах. Потому-то елемозинарий и не заподозрил, что речь идет о короле. На самом деле углежог называл обидчика «черным человеком», а потому монах решил, что он имеет в виду еще одного замурзанного бедняка.

— Значит, несчастный Черныш теперь лосось? — охал преисполнившийся сочувствия елемозинарий. — На твоем месте я бы пошел и поговорил со святым Кентигерном. Уверен, он сумеет тебе помочь. Никто не знает о лососях больше, чем он.

— Святой Кентигерн, говоришь? — оживился углежог. — И где же мне искать столь полезного

господина?

— А у него имеется церковь в Гридейле. Иди по этой дороге…

Вот так углежог и пришел в Гридейл. А когда оказался в церкви, то принялся барабанить по стенам чем попало и выкрикивал имя святого Кентигерна до тех пор, пока тот не выглянул с небес и не спросил, в чем дело.

Возмущенный углежог незамедлительно завел длинную речь, подробно перечисляя все причиненные ему убытки, а в особенности упирая на участие в разгроме охотника в черном.

— Ну, ладно, — бодро заявил святой Кентигерн. — Давай-ка поглядим, чем я могу тебе помочь. Святые, такие как я, должны всегда прислушиваться к мольбам нищих оборванцев, таких как ты. Даже если ваши слова оскорбляют наш слух. Ведь нам поручено о вас заботиться.

— Это обо мне-то? — польщенно заметил углежог, услыхав слова святого.

Кентигерн спустился с небес, сунул руку в церковную купель и выудил оттуда лосося. Потряс немного, и в следующий миг перед ними предстал Черныш, как всегда смышленый и как всегда грязный.

Углежог рассмеялся и захлопал в ладоши. Он

попытался обнять Черныша, но тот завизжал и давай носиться с обычным для него проворством.

— Вот так, — сказал святой Кентигерн, с улыбкой наблюдая за этой трогательной сценой. — Я рад, что смог ответить на твою молитву.

— Э, нет! — заявил углежог. — Это еще не все! Ты должен наказать моего злейшего врага!

Святой нахмурился и пустился в пространные объяснения, что врагов следует прощать. Но углежог и раньше не проникся христианской кротостью, а уж сейчас тем более не намеревался это делать.

— Обрушь Бленкатру ему на голову! — кричал он, потрясая кулаками.

Бленкатрой звалась гора в нескольких милях к северу от Гридейла.

— Ну уж нет, — мягко возразил святой Кентигерн. — Я правда не могу так поступить. Но ведь ты говорил, что этот человек — охотник. Может, неудача послужит ему уроком и заставит относиться к соседям с большим уважением?

В тот самый миг, как святой Кентигерн произнес эти слова, Джон Аскгласс, который все еще охотился, свалился с коня в расщелину скалы. Попытался выбраться, но обнаружил, что некая

таинственная сила удерживает его. Он произнес заклинание, чтобы преодолеть враждебные козни, но безуспешно. Земля и скалы Англии любили Джона Аскгласса и никогда не отказывались помочь ему, но эта сила — какой бы природы она ни была — вызывала у них большее почтение.

Он проторчал в расщелине весь день до вечера и всю ночь — замерзший, вымокший, несчастный. На рассвете неведомая сила отпустила его. Почему? Оставалось лишь догадываться. Джон Аскгласс выкарабкался из ловушки, сел на коня и вернулся в Карлайл, в свой замок.

— Где вы были? — спросил Уильям Ланчестер. — Мы прождали всю ночь.

Джон Аскгласс не желал, чтобы все узнали, будто в Англии нашелся колдун сильнее его. Задумавшись на мгновение, он ответил:

— Во Франции.

— Во Франции! — удивился Уильям Ланчестер. — Вы видели тамошнего короля? Чем он занимается? Замышляет новую войну?

На этот вопрос Джон Аскгласс дал, в общем-то, обычный для волшебника уклончивый ответ. Затем поднялся в свои покои и уселся на пол, налив воды в серебряное блюдо. Король обратился к очень важным помощникам — таким, как

западный ветер и звезды, — и попросил, чтобы ему показали, по чьей же воле он угодил в расщелину. В блюде появилось изображение углежога.

Джон Аскгласс приказал оседлать коня, свистнул собак и поскакал к лесной поляне.

Тем временем углежог обжарил на костре головку сыра, которую дал ему добрый елемозинарий, и ушел искать Черныша, поскольку поджаренный сыр его поросенок любил, как ничто в этом мире.

В его отсутствие явился Джон Аскгласс со своими собаками. Он внимательно осмотрел поляну в поисках хоть какой-то подсказки относительно случившегося. При этом король размышлял, с чего бы это такой могучий чародей вздумал поселиться в лесу и зарабатывать на хлеб тяжким трудом углежога. На глаза ему попалась головка сыра.

Общеизвестно, жареный сыр — искушение, перед которым немногие люди в силах устоять, будь они углежоги или короли. Джон Аскгласс рассудил следующим образом: он властитель всей Кумбрии, значит, лес принадлежит ему, следовательно, этот сыр тоже принадлежит ему. Поэтому он присел у костра и съел все без остатка, позволив собакам лишь облизать себе пальцы.

И тут вернулся углежог. Он уставился на Джона Аскгласса и на пустые листья лопуха, где только что лежал его сыр.

— Ты?! — возопил он. — Это ты! Ты съел мой ужин! — Он схватил короля за грудки и хорошенько встряхнул. — Почему? Почему ты так поступаешь?

Джон Аскгласс не промолвил ни слова, чувствуя, очевидно, за собой определенную вину. Он решительно высвободился из рук углежога, вскочил на коня и умчался с поляны.

Тогда углежог снова отправился в аббатство Фернесс.

— Этот злодей вернулся и на этот раз слопал весь мой сыр! — сказал он елемозинарию.

Монах печально покачал головой, скорбя о греховности бренного мира.

— Хочешь, я дам тебе еще сыра? — предложил он. — И хлеба в придачу.

— Кто из святых отвечает за сыр? — хмуро спросил углежог.

— Думаю, святая Бригитта, — отвечал елемозинарий, поразмыслив немного.

— Где я могу увидеть эту госпожу? — допытывался углежог.

— В Бекермете ее церковь, — подсказал монах и

объяснил бедолаге, как найти дорогу к нужному храму.

Вот так углежог заявился в Бекермет и, войдя в церковь, грохотал утварью по алтарю, орал, — в общем, наделал шума, так что святая Бригитта с тревогой посмотрела с небес и поинтересовалась, не может ли она чем-то помочь.

Углежог долго расписывал свои злоключения и происки неведомого врага.

Святая Бригитта выразила сочувствие, а потом сказала:

— Все же боюсь, я не тот помощник, который тебе нужен. Я покровительствую дояркам и молочникам. Я помогаю маслу сбиваться, а сырам созревать. Но я не имею никакого отношения к странному человеку, съевшему твой сыр. С просьбой покарать воров и вернуть украденную собственность обычно обращаются к святому Николаю. А есть еще святой Александр Команский, который заботится об углежогах. Может быть, — с надеждой закончила она, — ты помолишься кому-то из них?

Но углежог и слушать не желал о том, чтобы искать нового святого.

— Ты обязана заботиться обо всех нищих, грязных оборванцах — таких, как я! — настаивал

он. — Сотвори чудо!

— Но, быть может, — сказала святая Бригитта, — этот человек не думал оскорбить тебя молчанием? Вдруг он немой?

— Э, нет! Я видел, как он разговаривал с собаками. Они слышали голос хозяина и радостно виляли хвостами. Ты святая? Так займись своим делом. Обрушь ему на голову Бленкатру!

— Нет, — вздохнула Бригитта. — Этого я, конечно же, сделать не вправе. Но он, безусловно, согрешил, лишив тебя ужина. Думаю, следует преподать ему небольшой урок. Совсем небольшой.

В это время Джон Аскгласс со своей свитой собирался на охоту. На конюшню забрела корова. Она подошла прямо к королю, садившемуся в седло, и завела долгую проповедь на латыни о греховности воровства. Потом конь повернул голову к хозяину и торжественно провозгласил, что вполне разделяет мнение коровы и просит прислушаться к ее словам.

Все придворные и слуги, оказавшиеся на конюшенном дворе, в немом изумлении смотрели на эту сцену. Ничего подобного здесь допрежь не происходило.

— Это же волшебство! — воскликнул Уильям Ланчестер. — Но кто посмел?

— Это я сделал, — быстро сказал Джон Аскгласс.

— Правда? Но зачем?

— Чтобы как можно глубже осознать собственные грехи и заблуждения, — после недолгого молчания ответил король. — Так должен время от времени поступать всякий христианин.

— Но разве вы что-то украли? Тогда зачем?..

— О господи, Уильям! — вскричал Джон Аскгласс. — Ты задаешь слишком много вопросов! Сегодня я не поеду на охоту!

И он поспешил уйти в розарий, чтобы не слушать коня и корову. Но там розы повернули к нему свои алые и белые бутоны и долго, подробно растолковывали обязанности правителя по отношению к беднякам, а некоторые из цветов даже злобно шипели: «Вор, вор...» Он закрыл глаза и заткнул уши пальцами, но к тому времени подоспели охотничьи псы, которые, потыкавшись в лицо хозяина мокрыми носами, сказали, что он их весьма и весьма разочаровал. В конце концов король укрылся в комнатушке под самой крышей замка, но в тот день даже камни, из которых была сложена стена, изрекали строки из Библии, в особенности осуждающие воровство.

У Джона Аскгласса не было нужды спрашивать,

кто же виновник его беспокойства — и корова, и конь, и камни, и даже розы настойчиво напоминали о жареном сыре, но король твердо вознамерился выяснить, что же это за поразительный чародей такой и чего он хочет. Для этого он прибегнул к помощи самых волшебных из всех живых тварей — воронов. Часом позже огромная, в добрую тысячу птиц стая, такая плотная, что напоминала черную гору, мчалась по небу. Они закрыли собой всю поляну углежога, хлопая смоляными крыльями. С деревьев слетела листва, человек и поросенок упали в грязь. Вороны изучили все воспоминания и мысли углежога, выискивая отголоски колдовства, а для пущей уверенности заглянули в мысли и воспоминания Черныша. Мудрые птицы узнали, о чем думали человек и свинья, еще будучи в чреве своих матерей, узнали, о чем они будут думать, отправляясь в мир иной. И нигде не обнаружили даже следа магии.

Когда они улетели, на поляне появился Джон Аскгласс; сложив руки на груди, он хмурился. Неудача воронов его глубоко разочаровала.

Углежог медленно поднялся с земли и ошарашенно огляделся. Вряд ли лесной пожар смог бы причинить больше ущерба. С деревьев осыпа-

лись ветки, а все вокруг покрывал толстый слой черных как смоль перьев.

— Отвечай немедленно, почему ты мне досаждаешь? — в гневе закричал он.

Но Джон Аскгласс не промолвил ни слова.

— Я обрушу Бленкатру тебе на голову! Я сделаю это! — Углежог ткнул грязным пальцем в грудь короля. — Ты знаешь, что я могу!

На следующий день углежог стоял под стенами аббатства Фернесс еще до рассвета. Перехватил елемозинария, который направлялся к отцу-настоятелю, и принялся жаловаться:

— Он вернулся и уничтожил мой лес. Все вокруг стало черным и безобразным!

— Какой ужасный человек! — сочувственно воскликнул добрый монах.

— Кто из святых отвечает за воронов?

— За воронов? Ни один, насколько я знаю. — Елемозинарий задумался. — Вроде бы у святого Освальда был прирученный ворон, в котором он души не чаял.

— И где мне искать его святость?

— У него есть новопостроенная церковь в Грасмире.

Вот так углежог оказался в Грасмире, а там начал кричать и бить по стенам подсвечником.

Святой Освальд высунулся с небес и окликнул его:

— Что вопишь, как резаный? Я не глухой! Чего тебе надо? И поставь подсвечник на место! Он дорогой!

Бесконечное терпение святого Кентигерна и святой Бригитты объяснялось тем, что при жизни они вели кроткую и благочестивую жизнь монахов. Но святой Освальд был королем и воином, слепленным из совсем иного теста.

— Елемозинарий из аббатства Фернесс утверждает, что ты любишь воронов, — объяснил причину прихода углежог.

— Люблю — это слишком сильно сказано, — ответил святой Освальд. — Да, в седьмом веке одна такая птица имела обыкновение сидеть у меня на плече. Она до крови клевала мне ухо.

Углежог расписал подробно, как безмолвный человек портит ему жизнь.

— А может, у него есть причина поступать так? — ядовито заметил святой Освальд. — Не бил ли ты часом о стенки его дорогими подсвечниками?

Но бедняк с негодованием отмел любые обвинения.

— Хм, — глубокомысленно заметил Освальд. —

Всем известно, что на оленя могут охотиться только короли. — (Углежог смотрел непонимающе.) — Давай разберемся. Человек, одетый в черное, обладающий могучей магией, повелевающий воронами и с охотничьими правами короля. Никого тебе не напоминает? Сам вижу, что не напоминает… А вот я догадываюсь, о ком идет речь. Он в самом деле довольно высокомерен, и, сдается, пришла пора слегка его приструнить. Я так понимаю, ты рассердился, что он с тобой даже не поговорил?

— Точно!

— Ну ладно. Я полагаю, что слегка развяжу ему язык.

— Да что ж это за наказание?! — возмутился углежог. — Я хочу, чтобы ты обрушил Бленкатру ему на голову!

Святой Освальд сердито рыкнул:

— Много ты понимаешь! Послушай меня, я гораздо лучше знаю, как причинить человеку страдание!

Едва святой замолчал, как Джон Аскгласс заговорил торопливо и довольно взволнованно. Поначалу никто не испугался, хотя все удивились. Придворные и слуги вежливо слушали короля. Но время шло и шло, а он не прекра-

щал речей. Он проболтал весь ужин, проболтал вечернюю молитву, проболтал ночь напролет. Он сыпал пророчествами, пересказывал библейские притчи, излагал историю волшебных королевств и учил печь пироги. Он выдавал тайны — политические и магические, сатанинские и божественные, а также тайны скандальные, в результате чего королевство Северная Англия низверглось в пучину политических и теологических дрязг. Томас Дандэйл и Уильям Ланчестер увещевали его, и угрожали, и умоляли, но никакая сила не заставила бы короля умолкнуть. В конце концов пришлось запереть Джона Аскгласса в маленькой комнате под крышей замка. Но поскольку у правителя всегда должны оставаться слушатели, чтобы не унижать его королевское достоинство, этим двоим господам пришлось терпеть его общество день за днем. Через трое суток он замолчал.

А еще спустя два дня Джон Аскгласс приехал на поляну посреди Кумбрийского леса. Король был таким бледным и осунувшимся, что в углежоге пробудилась надежда: не смягчился ли святой Освальд к мольбам бедняка, не обрушил ли Бленкатру на голову обидчика.

— Чего ты добиваешься? — осторожно поинте-

ресовался Джон Аскгласс.

— Ха! — с видом победителя заявил углежог. — Проси у меня прощения за то, что превратил бедняжку Черныша в лосося!

Повисла долгая тишина.

Потом, поскрипев зубами, Джон Аскгласс попросил прощения у углежога.

— Может, ты еще чего-нибудь хочешь?

— Сделай, как было, все, что ты испортил!

В тот же миг появились куча угля и хижина, целые и невредимые. Деревья приняли первоначальный облик, зеленая листва покрыла их ветви, а по поляне расстелился ковер нежной молодой травы.

— Что-нибудь еще?

Углежог закрыл глаза, напряженно пытаясь представить какое-нибудь сверхъестественное сокровище.

— Еще одну свинью! — заявил он наконец.

Джон Аскгласс начал догадываться, что где-то просчитался, хотя никак не мог понять, где именно. И тем не менее он нашел в себе силы, чтобы поставить условие:

— Я дам тебе свинью, если пообещаешь никому не говорить, откуда она у тебя появилась и почему.

— Да как я могу? — удивился углежог. — Я даже не знаю, кто ты. — Он прищурился: — А ты кто?

— Никто, — быстро сказал Джон Аскгласс.

На поляне появилась еще одна свинья, точь-в-точь походившая на Черныша, и пока углежог громко радовался нежданной удаче, король вскочил на коня и ускакал прочь в полном замешательстве.

Вскоре после этого случая он вернулся в Ньюкасл — свою столицу. В последующие пятьдесят или шестьдесят лет придворные и слуги частенько напоминали ему о превосходных охотничьих угодьях в Кумбрии, но Король-Ворон, считая, что береженного Бог бережет, вернулся туда, лишь удостоверившись, что углежог покинул этот мир.

перевод В. Русанова

Делия Шерман
УЧЕНИК КОЛДУНА

Делия Шерман — автор романов «Through a Brazen Mirror», «The Porcelain Dove» и «The Fall of the Kings» (в соавторстве с Эллен Кушнер). Также она написала две книги для подростков: «Changeling» и «The Magic Mirror of the Mermaid Queen». «The Freedom Maze» — своего рода исторический роман о путешествии во времени и рабстве — опубликовал «Биг Маус хауз» в 2011 году. Ее фантастические рассказы выходили в журнале «The Magazine of Fantasy & Science Fiction» и многочисленных антологиях. Сейчас новые произведения ожидают публикации в антологии о вампирах «Teeth» и сборнике Эллен Детлоу «Naked City».

Делия Шерман написала всего два произведения о волшебниках — этот рассказ и «The Porcelain Dove», о герцоге Мальву, который представляет собой чистейшей воды безумное зло и охотится на ма-

леньких детей. Герой нижеприведенного рассказа тоже злой колдун. По крайней мере, он заявляет о себе именно так.

«Не важно, о чем я пытаюсь написать, — говорит Шерман. — В любом случае мой текст, на том или ином уровне, сводится к проблеме поиска семьи за пределами родственных связей».

И эта история — вовсе не исключение. Здесь Ник Шантеклер испытывает потребность в безопасной гавани и обретает ее совершенно неожиданным образом, поступив в ученики к самозваному злому колдуну, который держит магазин под названием «Книги злого колдуна».

Для некоторых людей книжный магазин — действительно волшебное место. Истинная его сущность куда значительнее, чем внешний вид, поскольку заполнением его полок занимаются целые народы и даже цивилизации.

Добавлю, что не стоит о книге на прилавке судить по ее обложке. Это в равной степени относится и к работодателям, которые проводят собеседование с персоналом.

В Дахо, штат Мэн, живет злой колдун. Так написано на вывеске его магазина.

«КНИГИ ЗЛОГО КОЛДУНА»
Собственность З. Косточки

Магазин — он же и жилище — выглядит в точности так же, как должен выглядеть дом злого колдуна. Высокое неухоженное строение с высоким крыльцом и диковинной резьбой наличников. Там есть даже башня, в которой светятся жутковатые красные огни в тот час, когда обычные книготорговцы давно спят. Внутри стеллажи и шкафы завалены переплетенными в кожу книгами, что пахнут пылью и плесенью. Под крышей гнездятся летучие мыши, а в соседнем сосняке — вороны и совы.

В погребе обосновалась лисья семейка.

А еще там есть и сам злой колдун. Захария Косточка. Ну, скажите на милость, разве это имя для простого книготорговца? Он и выглядит очень злобным. Грязные седые патлы торчат во все стороны, желтовато-белая борода не знает гребня, а глазки поблескивают за очками в железной оправе. На нем всегда порыжевшее от старости черное пальто и разлохмаченный цилиндр набекрень.

Ходит много слухов о его могуществе. Говорят,

он умеет превращать людей в зверей, а кое-кто утверждает, что и наоборот. Говорят, он может наслать на вас блох, напустить судороги, сжечь ваше жилище. Говорят, ежели он вас невзлюбит, вы вместо полена для камина запросто разрубите топором собственную ногу. Говорят, он способен убить одним взглядом — ему достаточно прочитать заклинание даже мысленно.

Ничего удивительного, что добрые жители Дахо, штат Мэн, не слишком часто посещают магазин мистера Косточки. Разве что туристы, которые ни о чем таком не подозревают, заходят к нему за покупками. А выходят гораздо быстрее, чем вошли, и больше никогда не возвращаются.

Очень редко мистер Косточка берет себе помощника. В доме появляется ребенок с немытыми волосами. Он подметает веранду, носит дрова, кормит цыплят. А потом, спустя когда месяц, когда год, исчезает. Находятся такие, что утверждают, будто Косточка превращает своих подмастерьев в летучих мышей или воронов, а может быть, в сов или лис. А то и варит их в котле, когда готовит мерзкие заклинания. Никто не знает наверняка, но никто и не расспрашивает. Ведь это не местные дети, у которых есть семья, родные. Все пришлые издалека — из Канады, из

Вермонта, из Массачусетса. К тому же все они заслуживают своей участи. Ведь если бы они были хорошими мальчиками, разве согласились бы работать на злого колдуна?

Ну ладно, все зависит от того, кого называть хорошим мальчиком.

Если верить родному дяде, то Ник Шантеклер им никогда не был. Если послушать его дядю, то на Ника Шантеклера без всякой пользы три раза в день расходовалась еда и один раз — постель. Подхалим, лгунишка и трусливый бездельник.

Чтобы оценить справедливость мнения дяди Ника, следует для начала описать поведение самого Ника. Но если принять во внимание, что дядя порол его обязательно каждый день и, невзирая ни на что, дважды по воскресеньям, Ник не видел причин становиться на путь исправления. Да, он крал из холодильника сосиски, потому что дядя его недокармливал. Да, он прятался за поленницей и дремал там, потому что дядя заставлял его слишком много работать. Да, он врал как сивый мерин, но ведь благодаря этому иногда удавалось обвести дядю вокруг пальца и часть тумаков, предназначенных Нику, доставалась кому-то другому.

И при первой возможности он пускался в бега.

Но ни разу ему не удавалось удрать далеко. Кому-то может показаться странным, но, несмотря на дурные отзывы, дядя был заинтересован в нем. Семья должна быть вместе, говорил дядя. Это означало, что он нуждается в Нике, чтобы тот готовил еду — очень даже умело для мальчишки. Кроме того, хотелось иметь под рукой кого-нибудь, чтобы срывать злость. Так или иначе, он всегда разыскивал Ника и возвращал домой.

На одиннадцатый день рождения Ник убежал снова. Он взял кружок вареной колбасы и краюху белого хлеба, завернул их в видавший виды носовой платок. Когда дядя уснул, мальчик преспокойно вышел через черный ход и отправился куда глаза глядят.

Он шагал всю ночь, избегая поселков и стараясь держаться лесных зарослей. На рассвете остановился и съел половину колбаски и половину куска хлеба. В полдень доел оставшийся запас. После обеда зарядил снег.

К сумеркам Ник замерз, промочил ноги и проголодался. Даже когда взошла луна, мрак под деревьями изобиловал непонятными шорохами и попискиванием. Мальчик был близок к тому, чтобы разрыдаться от холода, страха и усталости, как вдруг впереди, довольно высоко, за голыми

ветками и пеленой снегопада забрезжил красный свет.

Идя на свет, Ник выбрался вначале на мощеную дорогу, а потом пришел к ящику для писем и деревянному указателю, надпись на котором прочесть не смог из-за налипшего снега. От знака начиналась дорожка. Она и привела его к большому темному дому, укрытому со всех сторон соснами. Поднявшись по ступенькам на крыльцо, Ник забарабанил озябшими кулаками в тяжелую дверь. Очень долго ничего не происходило, а потом дверь отворилась под пронзительный визг несмазанных петель.

— Чего тебе надо? — раздался подозрительный и сердитый старческий голос.

Если бы у Ника был выбор, он повернулся бы и ушел прочь. Но выбора не было.

— Чего-нибудь поесть, — попросил он. — И поспать под крышей. Я насмерть замерз.

Старик вперил в него темные глаза, поблескивавшие за круглыми стеклышками.

— Ты читать умеешь, мальчик?

— Что?

— Ты глухой или попросту тупой? Читать умеешь?

Ник оглядел неряшливую шевелюру, дико

всклоченную бороду, старомодное пальто и смешной цилиндр. Ничто из увиденного не вызывало желания делиться хотя бы крупицей правды о себе.

— Не умею.

— Ты уверен? — Старик сунул ему в руки карточку. — А ну прочитай!

На карточке было напечатано:

«КНИГИ ЗЛОГО КОЛДУНА».

Собственность Захарии Косточки.

Арканы, алхимия, превращения в животных.

Заглядывание в будущее.

С понедельника по субботу.

По записи и без.

Мистер Косточка смотрел на него сквозь стекла очков.

— Хм… Ты напустил мне холода. Закрой дверь за собой. А ботинки оставь за порогом. Нечего следить на полу.

Вот так Ник и сделался учеником злого колдуна.

Сперва он думал, что будет убираться по дому за еду и ночлег. Но на следующее утро, после завтрака, состоявшего из овсянки и кленового сиропа, мистер Косточка вручил ему большую метлу и сметку для пыли.

— Вычистишь гостиную. Пол, книжные полки, книги. Все до последней пылинки, до последнего пятнышка, уразумел?

Ник старался изо всех сил, но, хотя он целый день убирал, гостиная к вечеру выглядела такой же грязной, как и с утра.

— Так дело не пойдет, — сказал колдун. — Завтра попробуешь еще разок. А сейчас пойди собери ужин — в холодильнике есть свиной студень с кукурузой.

С того дня, как выпал первый снег, сильно похолодало, Ник не мог считать, что очень уж разочарован своей долей. Мистер Косточка мог быть злым колдуном, уродливым, как смертный грех, с ядовитым языком. Но постель — это постель, а еда — это еда. Если дело примет худой оборот, всегда можно убежать.

Несколько дней он убирал гостиную, а она как будто становилась лишь грязнее.

— Я знавал собак умнее, чем ты, — орал Косточка. — Вот превращу в такую и продам на ярмарке. У тебя должна быть хоть капля мозгов, иначе ты не научился бы говорить. Так воспользуйся ими, отрок. А то я теряю терпение.

Полагая, что мистер Косточка скоро начнет его лупить, а когда именно — лишь вопрос времени,

Ник решил: пора удрать из «Книг злого колдуна». Он взял из холодильника серого хлеба, отрезал ломоть окорока домашнего копчения, завернул все это вместе с фонариком в свой верный носовой платок и вышел через черный вход. Путь был свободен. Ник на цыпочках зашагал к шоссе…

И обнаружил, что стоит на крыльце, у черного входа.

На рассвете мистер Косточка встретил Ника, когда тот в сотый раз подходил к черному входу.

— Убегаем? — Колдун мерзко ухмыльнулся, старческие зубы сверкнули в бороде, как желтые камушки.

— Да нет, — соврал мальчик. — Просто хотел глотнуть свежего воздуха.

— В доме воздуха хватает.

— Там слишком пыльно.

— Если ты так не любишь пыль, — сказал Косточка, — может, лучше избавиться от нее?

Отчаявшись, Ник решил внять совету и использовать мозги. Он начал просматривать книги — не содержат ли они какие-либо ключи к разгадке упрямого поведения грязи в гостиной. Обнаружил множество интересных сведений — например, как узнавать будущее, рассматривая овечью печень, — но ничего полезного, ничего,

что помогло бы вывести в комнатах пыль. Наконец позади кресла, мимо которого проходил не менее десятка раз, он нашел книгу под названием «Практическое руководство по уборке для ведьм».

Засунув книгу за пазуху, прокрался наверх и принялся читать. Так он не только узнал заклинание, сохраняющее грязь в гостиной, но и научился снимать его. Этим Ник и занимался несколько дней подряд, устроив показную возню с метлами и тряпками, чтобы прикрыть магические опыты.

— Хуф-ф… — сказал мистер Косточка, увидев сверкающую чистотой комнату. — И ты все это сделал сам?

— Да.

— Без помощников?

— Да. Могу я теперь уйти?

Мистер Косточка скорчил такую злобную улыбку, что Ник содрогнулся.

— Вот уж нет. Дровяной сарай пуст, наполни его.

Почему-то Ник ни капельки не удивился, обнаружив, что дровяной сарай так же трудно наполнить дровами, как и отчистить гостиную от пыли. Решение задачи он нашел в одной из

наугад открытых книг. А кроме того, узнал, как носить воду в решете и наполнять корзины без дна.

Удостоверившись, что дрова в достаточном количестве лежат в сарае, мистер Косточка нашел новые сложные задания для Ника. Например, смешал два мешка белого и коричневого риса и приказал разобрать по зернышку, заставил построить каменную ограду за один день, потребовал превратить ветку падуба в цветущую розу. К тому времени, как Ник научился все это делать, наступила весна, а убегать расхотелось. Он с интересом учился волшебству.

Не то чтобы он полюбил мистера Косточку — тот в его глазах оставался безумным, жадным и уродливым старикашкой. Но несмотря на крики и проклятия, которыми так и сыпал колдун, на кровати Ника всегда было теплое одеяло, а на тарелке — сытная еда Наверное, колдун мог бы в гневе превратить Ника в лису или ворона, но ни разу не поднял на него руку.

Минули лето и осень. Ник самостоятельно научился оборачиваться в любого зверя или птицу. Ноябрь принес первый снег и двенадцатый день рождения Ника. Чтобы отпраздновать, мальчик решил приготовить свое любимое блюдо из ту-

шеной фасоли с сосисками. Но едва он поместил горшок в духовку, как мистер Косточка заявился на кухню.

— Надеюсь, ты готовишь на троих? — спросил он. — Твой дядя уже в пути.

— Тогда мне лучше уйти куда подальше, — ответил Ник, закрывая духовку.

— Не поможет. Он все равно тебя найдет. От кровной родни так просто не спрячешься.

Дядя Ника, едущий на разбитом старом пикапе, свернул на дорогу к «Книгам злого колдуна» в сумерках. Остановился у крыльца и так заколотил в дверь, что едва не сорвал ее с петель. Когда на пороге возник мистер Косточка, он толкнул старика в грудь широкой ладонью, оттесняя вглубь магазина.

— Я знаю, Ник здесь, — прорычал он. — Так что не вздумай врать, будто не видел его никогда.

— И в мыслях не имел, — ответил мистер Косточка. — Он сейчас на кухне.

Но, ворвавшись на жаркую и ярко освещенную кухню, дядя не обнаружил мальчика. Только четверо черных щенков-лабрадоров, совершенно одинаковых, возились под столом.

— Это еще что за балаган?! — Дядя покраснел и перекосился от злости. — Где мой племянник?

— Племянник — один из этих щенков, — пояснил мистер Косточка. — Если ты выберешь не того щенка, то уйдешь и никогда больше нас не потревожишь. Угадав, ты выигрываешь еще две попытки узнать Ника. Угадаешь три раза подряд — он твой.

— А что помешает мне забрать его прямо сейчас?

— Я. — Круглые очки мистера Косточки злобно блеснули, а густая борода ощетинилась.

— А кто ты такой?

— Злой колдун. — Мистер Косточка говорил спокойно, но в ушах дяди его слова прозвучали как гром.

— Чудаковатый дряхлый старикашка, вот ты кто, — сказал дядя. Да я сдам тебя властям штата за похищение ребенка! Но сначала, так и быть, поиграю с тобой.

Он присел на корточки около щенков и начал довольно грубо теребить их. Лабрадоры кусали его за руки, лаяли и виляли хвостами. Все, кроме одного, который съежился и, поскуливая, отполз подальше. Дядя Ника схватил его за загривок, и щенок превратился в дико озирающегося мальчишку, темноволосого, с сердитыми черными глазами.

— Ты всегда был мелким трусишкой, — сказал дядя.

Только говорил он в пустоту, поскольку Ник исчез.

— Раз, — сказал мистер Косточка.

А потом пригласил дядю Ника в кладовку, заполненную ящиками, и указал на четырех толстых пауков, которые замерли в середках ажурных, неотличимых друг от друга сетей.

— Один из них — твой племянник.

— Да-да… — кивнул дядя. — Заткнись и дай сосредоточиться.

Он изучил каждого паука и каждую сеть. Один раз, потом второй, едва не касаясь паутины носом, чтобы лучше видеть. При этом что-то сердито бормотал. Трое восьминогих хищников поджали лапки, а четвертый словно ничего и не заметил.

— Этот! — злобно рассмеялся дядя.

На полу под паучьими сетями появился мрачный Ник. Родственник хотел было сцапать мальчика, но тот исчез.

— Два! — сказал мистер Косточка.

— Что дальше? — раздраженно спросил дядя. — Я не собираюсь торчать здесь всю ночь!

Колдун зажег лампу и вывел его на улицу, в холод и тьму. Ветер пах снегом. На сосне около

дровяного сарая сидели в гнезде четыре вороненка, недавно оперившихся и готовых учиться летать. Когда дядя Ника попытался заглянуть через край гнезда, птенцы оглушительно закаркали, норовя ткнуть ему в лицо крепким желтым клювом. С проклятием он отпрыгнул и выхватил из кармана охотничий нож.

Трое воронов продолжали каркать и атаковать, а четвертый раскинул крылья и попытался вылететь из гнезда. Но прежде чем птенец поднялся в воздух, дядя Ника сцапал его.

— Этот!

Ник изо всех сил пытался вырваться из пальцев дяди. Но когда мистер Косточка легонько вздохнул и сказал: «Три! Он твой», мальчик прекратил сопротивляться и замер с лицом, перекошенным от ярости.

Дядя отказался от тушеной фасоли с сосисками, заявив, что должен срочно уехать. Он подтащил мальчика к пикапу, швырнул в кузов и покатил прочь.

В первом же городке, когда автомобиль остановился на красный свет, Ник попытался выскочить из машины. Дядя поймал его за воротник, втянул внутрь и захлопнул дверцу. Потом нашел обрезок веревки и связал Нику руки и ноги. Так они и про-

должали путь, пока внезапно не повалил снег.

Снегопад не имел ничего общего с обычной метелью. Выглядело так, будто кто-то опрокинул огромное ведро, полное белых хлопьев, прямо перед бампером. Проклиная погоду, дядя вышел взглянуть, не сломалось ли чего.

В мгновение ока Ник обернулся лисом. Всем известно, лисьи лапки меньше, чем руки или ноги мальчика, поэтому они запросто выскользнули из пут. Ник всем весом навалился на ручку двери, но она не шелохнулась. Прежде чем он сообразил, что делать дальше, дядя открыл дверь снаружи. Укусив его за руку, ученик колдуна кинулся в заросли.

Увидев, как молодой лис скрылся среди деревьев, дядя не тратил время на пустопорожние размышления — его это племянник или просто зверь. Он схватил свой дробовик и затопал следом.

Так началась безумная погоня по лесу, в темноте, под снегопадом. Если бы Ник заранее привык к лисьему облику, то оставил бы дядю далеко позади. Но он не умел как следует бегать на четвереньках, не обладал мудростью настоящего лесного обитателя. Он был всего-навсего двенадцатилетним мальчиком в теле лисицы,

испуганной до беспамятства и бегущей ради спасения жизни.

Для глаз, расположенных так низко, мир выглядел весьма странным, нос давал советы, которые Ник не мог понять. Настоящая лиса знала бы, что бежит к воде. Настоящая лиса знала бы, что водоем промерз достаточно сильно, чтобы выдержать ее вес, но лед проломится под тяжестью высокого крепкого мужчины, который продирался сквозь подлесок позади. Настоящая лиса привела бы человека к пруду нарочно.

У Ника получилось случайно.

Он перебежал середину водоема, где лед был самым тонким. Услышав треск за спиной, с трудом замедлил бег и обернулся, чтобы увидеть, как его дядя с плеском и яростным криком уходит под воду. Здоровяк вскоре вынырнул и начал хвататься за лед, задыхаясь и размахивая дробовиком. Выглядел он достаточно безумным, чтобы откусывать проволоку и выплевывать готовые гвозди.

Ник кинулся наутек и бежал, бежал, пока не исцарапал в кровь лапы, пока все мышцы не заныли от изнеможения. Тогда он перешел на шаг и увидел, что рядом бежит еще один лис — матерый, пахнущий удивительно знакомо.

Тогда Ник, тяжело поводя боками, упал наземь.

— Не так уж плохо у тебя получилось, — сухо сказал лис, в которого превратился мистер Косточка.

— Он хотел меня застрелить, — ответил Ник.

— Возможно. У этого человека мозгов не больше, чем у пескаря, если он бегает в такой темноте. В любом случае я считаю, он заслуживает своей участи.

— Я его убил? — Ник испытал совсем не лисий ужас.

— Не думаю, — сказал мистер Косточка. — Этот пруд курице по колено. Да и от переохлаждения он едва ли умрет.

Ученик колдуна почувствовал облегчение, а потом снова испугался.

— Значит, он снова придет за мной?

— Нет, — ответил с хитрой лисьей ухмылкой Косточка.

Немного поразмыслив, Ник не решился спросить учителя, почему он говорит с такой уверенностью. Как ни крути, мистер Косточка — злой колдун, а злым колдунам не нравится, когда ученик задает слишком много вопросов.

Старый лис встал на ноги и отряхнулся.

— Если мы хотим вернуться до рассвета, лучше идти. Или ты не намерен возвращаться?

Ник ответил озадаченным взглядом.

— Ты выиграл право на свободу, — пояснил мистер Косточка. — Можешь вернуться к обычной жизни, изучить какое-нибудь ремесло.

Мальчик поднялся и размял затекшие ноги.

— Ну уж нет. Что у нас на завтрак — овсянка и кленовый сироп?

— Что приготовишь.

В Дахо, штат Мэн, живет злой колдун. Так написано на вывеске его магазина. Изредка туристы заходят к нему, чтобы купить книгу по оккультизму или дешевый ужастик.

На кухне сидят двое мужчин, склонившись над столом, который завален книгами и пучками сушеных трав, заставлен плошками с порошками. У младшего спутанные темные волосы и черные-пречерные глаза. Он высокий и тощий, как бывает, когда человек быстро растет. Тот, кто постарше, прожил достаточно, чтобы казаться его отцом, но не дедом. Он гладко выбрит и лыс.

Когда дребезжит дверной звонок, младший поднимает глаза на пожилого.

— И не надо так смотреть, — отвечает старший. — Я был злым колдуном в прошлый раз. И

вообще, у меня суставы ломит от ревматизма. Идти тебе.

— Это следует понимать, — отвечает Ник, — что ты близок к завершению нового заклинания и не хочешь отрываться.

— Если не прекратишь сомневаться в моем могуществе, я буду вынужден превратить тебя в таракана.

Колокольчик вновь дребезжит. Мистер Косточка-старший утыкается носом в книгу, его пальцы тянутся к кучке угольно-черной пыли. Ник берет потрепанный цилиндр вместе с седым париком и напяливает поверх кудрей. Цепляет густую бороду, закрепляя веревочки за ушами, и взгромождает на нос очки в железной оправе. Накидывая на плечи пальто, он устремляется в гостиную и только там горбится и шаркает подошвами. Добравшись до порога, он выглядит на все сто лет.

Дверь отворяется под пронзительный визг несмазанных петель.

— Чего тебе надо? — хрипит злой колдун Косточка.

перевод В. Русанова

Джеффри Форд
КОЛДУН МИНУС

Джеффри Форд — автор нескольких романов, включая такие книги, как «Физиогномика» («The Physiognomy»), «Портрет миссис Шарбук» («The Portrait of Mrs. Charbuque»), «Девочка в стекле» («The Girl in Glass») и «Год призраков» («The Shadow Year»). Он плодовитый автор фантастических рассказов, которые выходили в «The Magazine of Fantasy & Science Fiction», «Sci fiction» и в многочисленный антологиях, например в составленной мною «Нежити» («The Living Dead»). Его рассказы выпускались в трех сборниках: «The Fantasy Writer's Assistant and Other Stories», «The Empire of Ice Cream» и «The Drowned Life». Он шестикратный обладатель Всемирной премии фэнтези, а также на его счету «Хьюго», «Небьюла» и Мемориальная премия имени Теодора Старджона.

Даже самые могущественные волшебники не могут выносить все жизненные

трудности и невзгоды исключительно на своих плечах, а потому большинство из них считает целесообразным обзавестись одним или несколькими надежными помощниками. Им обязательно нужен кто-то с крепкой спиной, ведь сами волшебники обычно слишком заняты, чтобы проводить много времени в спортзале. В конце концов, должен же кто-то выполнять грязную работу — выкапывать под полной луной корни мандрагоры, или разорять могилы, добывая останки, крайне необходимые некроманту для очередного опыта, или поднимать магический котел на верхушку башни.

Подчас полезно иметь и животное-помощника — например, кошку, нетопыря, змею или кого-нибудь пооригинальнее, в зависимости от вашего прихотливого вкуса. Общеизвестно, маг с совой на плече не только выглядит солиднее, но и обладает другом, способным шпионить в его пользу, передавать небольшие послания и даже иногда подбрасывать хозяину советы.

Так что немедленно обзаводитесь

помощниками — зверьком и человеком-силачом, как поступил волшебник из следующего рассказа. Но только не забудьте убедиться в их добром к вам расположении, поскольку в магическом мире рассерженные ассистенты могут представлять нешуточную угрозу.

Среди колдунов Минус считался самым злым, потому что пользовался магией совсем не так, как все остальные, а, можно сказать, наоборот. Он никого не зачаровывал. Он не разупокоивал мертвецов. Он не управлял призраками, скользящими в ночных тенях. Он просто хватал белый день за волосы, запрокидывал ему голову и рассекал глотку, чтобы наружу пролилась вся магия до последней капли и остался только страшный скелет реальности. Затем он читал будущее по трупу дня, как древние жрецы по внутренностям жертвенных кур, и давал мудрые советы тому, кто их желал слышать.

Колдуны и ведьмы уважали и побаивались его, зная, что ему по силам извлечь из них волшебное начало и сделать самыми простыми мужчинами и женщинами. Богатые семьи просили его вызвать временное просветление разума у патри-

арха, лишающего их долгожданного наследства.

«Он утратил связь с реальностью», — говорили обычно эти люди.

«Вы хотите, чтобы он увидел вашу реальность или истинную реальность?» — традиционно спрашивал колдун.

«Все, что угодно, на ваше усмотрение», — отвечали ему.

А потом Минус начинал трудиться с усердием банкира. В его работе каждая мелочь имела первоочередное значение.

Обычно колдуны управляют мертвыми духами. Но Минус предпочитал использовать живых помощников. Один из них, высокий, костлявый, звался Биллом Кружкой и носил черную шляпу и длинный плащ. Второй, Аксель — ученая крыса, чья преданность не знала границ, пока в руках хозяина не переводился сыр. Принимая на работу Билла Кружку, колдун наложил на него определенные чары, позволившие освободить слугу от большинства чувств, за исключением малой толики инстинкта самосохранения. Что же касается крысы, то Минус даже не пытался соперничать с ней в понимании действительности. Зато истратил целую гору сыра, чтобы приручить грызуна.

В Билле Кружке колдун больше всего ценил его неторопливость. Не телесную — поговаривали, что он мог бить человека кулаками по голове целый час без остановки, — а духовную. Билл любил предаваться долгим размышлениям, почесывая подбородок и забывая порой, с чего он начал. Его умозаключения походили на дым, развеивающийся по ветру. Таким образом он постоянно напоминал Минусу, что торопливость иллюзорна, а иллюзия необходима. Бессмысленная неспешность Билла Кружки выгодно оттеняла живость сновидческих миров. И тем не менее, когда возникала необходимость, Минус первым делом обращался к крысе.

Несмотря на то что при рождении колдун получил одно-единственное имя, он пошел на уступку времени и нравам и взял себе второе, чтобы легче общаться с людьми, далекими от магии. В те дни популярным было имя Скип. Его носили кинозвезды, певцы, спортсмены. Таким образом, он стал Скипом Минусом. Водил желтый спортивный автомобиль, носил темные очки и слыл рубахой-парнем. Он мог смешивать коктейли и резаться в вист. Мог нюхать «снежок», курить кальян и наизусть цитировать «Зал горных родников» мисс Стэттл Диз.

Но под маской плейбоя он оставался злым колдуном. Ходили шепотки, что значительная часть «клиентов», за возвращение которых к окружающей реальности ему заплатили, не надолго пережила свое «просветление». Из всех погибших после полного образумления процентов девяносто покончили с собой, а вот один любопытный случай стоило бы рассмотреть особо, поскольку он вполне попадает под определение убийства. Жертвой оказался некий Мартин Асвид.

Тело Асвида обнаружили на мусорной свалке. Его лицо чьими-то стараниями было обезображено до неузнаваемости, превратилось, что называется, в кровавое месиво. Последним, кто видел его живым, была горничная, повстречавшая своего работодателя в компании колдуна Минуса и невзрачного долговязого парня в шляпе и плаще. Дело было в спальне мистера Асвида, той самой, с фиолетовыми занавесями. Скип Минус стоял у постели, решительно жестикулируя и что-то бормоча под нос. А мистер Асвид жалобно умолял, дрожа:

— Нет, нет, нет…

Будто ребенок, увидевший дурной сон.

Тогда колдун бросил через плечо:

— Билл, может, тебе следует применить к

мистеру Асвиду немного своей магии? А то он чересчур упрямится…

Сразу после этого Минус увидел горничную, пялившуюся на него, и приказал убираться восвояси. Когда обнаружили бездыханное тело Асвида, женщина выступила свидетелем перед полицией и рассказала обо всем, что видела и слышала, но только один раз. Спустя двое суток она исчезла среди бела дня из запертой спальни, и никто с тех пор не видел ее и не слышал.

Высказывались предположения, что той ночью, когда горничная по приказу Минуса покинула комнату, Билл Кружка взялся за дело и вытянул из мозга Асвида всю магию. Самые мощные удары удаются жилистым людям с крепкими запястьями. Ну а Асвид, в свою очередь, *был* пропитан волшебством, как фруктовый торт ромом. Ведь он, между прочим, писал фантастику.

На суде Минус признался, что исчезновение горничной устроил Аксель.

— За головку сыра, — сказал колдун, — он привел целую армию своих собратьев. Женщину вытащили по кусочку через крысиные норки.

Судьи остолбенели от такого заявления.

— Эти крысы, возможно, и сейчас скрываются в стенах здания суда, подобно заряду взрыв-

чатки. — Минус подождал, пока сойдет легкая паника, оглядел зал и добавил: — Но я, само собой, не позволю им заявиться сюда.

Потом на трибуну вызвали Билла Кружку.

— Сколько раз вы ударили мистера Асвида в ту ночь? — спросил обвинитель.

Билл задумался над ответом и простоял так два часа, выиграв время, чтобы Минус составил заклинание. Колдун осторожно напустил в зал волшебство — едва заметные серые пары, которые расползлись по всем углам и достигли каждого.

— Я не бил его, ваша честь, в ночь, — в конце концов ответил Билл. — Я бил его в лицо. Думаю, раз триста стукнул, а потом сбился со счета.

Суд принял во внимание его слова, и оба обвиняемых были приговорены к смертной казни.

В тот же миг Скип Минус вскочил на ноги, пригладил волосы и громовым голосом приказал всем не двигаться с места и соблюдать тишину. Волнение, вызванное зачитанным приговором, немедленно улеглось.

— С меня довольно. — Минус огляделся по сторонам. — Я ухожу, и никто не посмеет меня остановить. Если кто-то хоть пальцем шевельнет, я высосу магию из ваших детей. Я уже отнял у

вас уверенность в себе. Возможно, когда-нибудь верну обратно, если научусь прощать таких, как вы. Пойдем, Кружка.

Вдвоем они неторопливо покинули здание суда, сели в желтый спортивный автомобиль и укатили прочь.

Да, люди могли попытаться осложнить его жизнь. Но рядом с их комариными укусами нешуточную опасность представляли возможные козни других колдунов. Минус знал, что нужно залечь на дно. Они укрылись в горах, где встретились с Акселем. В заранее арендованном охотничьем домике имелся изрядный запас пищи. Они разожгли камин и просидели всю зиму тише воды, ниже травы.

Но чем ближе к весне, тем сильнее Билл Кружка раздражал хозяина. Серое огородное пугало слонялось из комнаты в комнату, изредка выходя на крыльцо, чтобы выкурить сигаретку. Даже по ночам он топал и топал, будто совсем не нуждался во сне. Они почти не разговаривали. Ну разве что о погоде — о стуже и о ветре, который ее приносит. Однажды Минус, хорошенько приложившись к виски, попытался объяснить Биллу разницу между субъективной и объективной реальностями. Как об стенку горох… Кружка

просто ушел, возобновив свои бессмысленные блуждания.

Позже, ужиная сыром и запивая его виски, Минус признался Акселю:

— Этот Билл Кружка словно геморрой.

— Хорошая головка сыра гауда, которую вы припрятали, — и Билл Кружка исчезнет навсегда, — отвечала крыса. — Правда, для этого мне придется собрать очень большую команду.

— Нет-нет, — возразил колдун. — Я имел в виду, что от меня требуется больше терпимости…

— Ну, как хотите, — не стала спорить крыса, не сводя глаз с сыра.

— Для тебя у меня есть другое дельце, — прошептал Минус.

Аксель перепрыгнул на белую льняную скатерть и уселся у самого края тарелки с сыром. Поднял несколько крошек и проговорил:

— Слушаю, хозяин.

— Тот город, где нас судили, — сказал колдун. — Я хочу немного помочь этим людям. Вернись туда вместе со своими собратьями. Нужно, чтобы вы укусили по одному разу всех жителей. Нужно проткнуть плоть таким образом, чтобы скрытая в них магия просочилась наружу и, оказавшись в воздухе, превратилась в безвредный газ. Мне

хочется, чтобы в преддверии снегопадов они столкнулись с холодной действительностью.

— Какова будет плата? — спросил Аксель.

— Головка гауды целиком.

— Годится! — воскликнула крыса и протянула хозяину лапку, которую тот и пожал кончиками большого и указательного пальцев.

В тот же вечер Аксель покинул их, возглавив боевой крысиный отряд. А ночью Минус, которого топанье Билла Кружки довело до бессонницы, заметил, что свет в домике мигает в едином ритме с завываниями ветра. Решив, что начались перебои с электричеством, он пошел искать керосиновую лампу в комнату, куда до сих пор никто не заходил. Там колдун обнаружил стол, заваленный настольными играми, а также целую этажерку потемневших от времени книг в мягком переплете.

Минус от нечего делать пробежал глазами по корешкам. Последней книгой на самой нижней полке оказался роман Мартина Асвида «День и ночь». Колдун рассмеялся и взял томик. Обложку украшал незамысловатый рисунок — два лица, расположенные очень близко, одно с открытыми глазами, а второе с закрытыми. Бодрствующее лицо было белым на черном фоне, а спящее

— черным на белом фоне. Сзади на обложке разместили фотографию Асвида — скрестив руки на груди и высоко подняв голову, писатель вглядывался в даль.

— Что ж, очень неплохо, — пробормотал Минус и сунул книжку в задний карман.

Он плеснул себе виски, разжег огонь в камине и уселся в кресло с книгой в руках. Едва приступил к первой странице, как потянуло холодом. Спустя мгновение мимо прошагал, подобно лунатику, Билл Кружка. Минус захлопнул книгу, уставился в огонь и принялся размышлять — как же избавиться от слуги? Огонь подсказал, что для начала неплохо бы опорожнить стакан.

Билл прошествовал мимо три раза, а на четвертый Минус остановил его.

— Послушай, Кружка, у меня есть для тебя работенка.

— Готов приступить прямо сейчас, — ответил Билл, приблизившись к хозяину.

Минус протянул ему книгу «День и ночь».

— Я хочу, чтобы ты прочитал этот роман за три часа. Потом бери винтовку, съестного, сколько сочтешь нужным, и отправляйся в большой мир охотиться на дух этой книги. Когда найдешь его, пристрели и труп принеси мне. Ясно?

Билл молча смотрел на него.

— Ты понял меня?! — выкрикнул Минус, выпуская заготовленное заклинание, которое отняло у Кружки последнюю каплю осмотрительности, оставленную ранее колдуном.

— Да, хорошо, — кивнул Билл и, взяв книгу в руки, пошел из комнаты, на ходу листая страницы.

А колдун поднял стакан и посмотрел на огонь сквозь последнюю каплю осмотрительности Билла Кружки. Огонь посоветовал ему опустошить стакан, что Минус с удовольствием и проделал.

Той же ночью Билл Кружка отправился на поиски.

«Скатертью дорога», — подумал Минус и с улыбкой понял, что в воздухе пахнет снегом. Скоро он услышал по радио, что надвигается буран. И лишь следующим утром, отправившись в кладовку за яйцами, колдун осознал свою ошибку. Билл не только забрал автомобиль, но и увез с собой всю еду.

Тут же явилась мысль, что не стоило отбирать у слуги последнюю каплю чувств. Он представил себе серого Кружку, начисто лишенного сомнений, колесящего по материку на желтом спортивном автомобиле с одной рукой на руле, а другой — на прикладе винтовки.

— Да поможет Господь духу «Дня и ночи», — пробормотал Минус.

В тот день зарядил непрерывный снегопад, постепенно погребая охотничий домик и его обитателя. Минус совсем оголодал.

В сумерках второго дня затворничества он вспомнил о головке сыра гауда. Его колдун держал отдельно от прочих припасов, в запертом чемодане в спальной комнате. Лихорадочно набирая код замка, он на миг задался вопросом, а что будет, если вернется Аксель и потребует свою плату. Вспомнив о крысах, растащивших по кусочку горничную Асвида, он вздрогнул, но к тому времени успел открыть чемодан, развернуть холстину с сыром и впиться в него зубами, не обращая внимания на защитный слой воска.

Всякий раз, нарезая сыр тонкими ломтиками, он тешил себя мыслью, что крыса поймет и простит.

— Маленький кусочек, чтобы не умереть с голоду. Разве можно запретить мне это? — говорил он вслух, стараясь заглушить завывания ветра.

Снег шел и шел, дни бежали за днями, а головка сыра мало-помалу перебиралась в желудок. Дни, проведенные во тьме, поскольку сугробы завалили все окна, заставили Минуса проще смотреть

на жизнь. Он часами мог сидеть перед остывшим камином и слушать, как бежит по крови последняя капля осмотрительности, проглоченная им.

Он думал о миссис Асвид, нанявшей его, чтобы освободить, как она выразилась, разум Мартина от заполонившей его чепухи. Эта статная брюнетка с маленьким подбородком встретилась с колдуном в дешевой забегаловке за завтраком из яичницы и гренок.

«Вы хотите, чтобы он увидел вашу реальность или истинную реальность?» — спросил тогда Минус.

«Да он не увидит реальности, даже если та усядется к нему на нос, — ответила миссис Асвид. — Просто освободите его».

Минус кивнул.

Проснулся он поздним утром, закутанный в одеяло, в кресле перед камином. Его разум принялся сочинять различные сюжеты, которые Асвид мог использовать в книге «День и ночь». Космические полеты, картины далеких миров, гигантская пещера, заполненная криогенными капсулами, а на входе — смертельно опасные твари. Воображение разыгралось — он видел усеянный звездами черный бархат небес, представил хранителя капсул, который влюбился в

красавицу, замороженную в одной из них… Это продолжалось, пока зов гауды не заставил его подняться с кресла.

На следующий день, когда Минус доел последний ломтик, он поднял голову и обнаружил, что в окно охотничьего домика проник луч света. Снаружи виднелись трава и деревья, да, ко всему прочему, противный вой ветра не тревожил больше слух. Колдун открыл дверь и полной грудью вдохнул теплый воздух, напоенный ароматом весенних цветов. Поднявшись в спальню, он оделся в лучших традициях щеголя Скипа Минуса — клетчатые брюки и кардиган, — дополнив наряд туфлями-оксфордами. Ближе к вечеру он сидел перед камином и потягивал оставшееся виски, как вдруг послышался звук, отдаленно напомнивший шорох дождевых капель. Минус повернулся к окну, но солнце все еще светило.

И вдруг он увидел сидящего на столе Акселя. Крыса облокотилась на недопитый стакан колдуна.

— Задание выполнено.

От голоса грызуна Минус дернулся, но скоро взял себя в руки.

— Вы всех перекусали?

— Всех до одного. Реальность отринула их, как

у нас говорят.

— Были затруднения?

— Горожане выставили против нас кошек. Мы убили их, мясо съели, а шкуры растащили на кусочки — сгодятся для наших гнезд.

— А как погода, не мешала?

— Плевать на погоду! Моя команда проголодалось, ее следует накормить. Будьте любезны выдать обещанную головку гауды, хозяин.

— Здесь нет сыра.

— Как это — нет?

— Я его съел. Видишь ли, из-за снегопадов этот дом превратился в западню, а Кружка, как назло, забрал все припасы.

Аксель покачал головой и улыбнулся:

— Колдун, эти оправдания не выдерживают критики. Но я вижу, что на вас еще достаточно мяса. Как я уже говорил, моя команда очень проголодалась.

Крыса небрежно отдала приказ, и тут же волна шерсти, когтей и зубов обрушилась из-под стропил на Минуса. Колдун кричал, пребывая в сознании большую часть этого ужасного пиршества, и каждый укус лишь добавлял ему страданий.

Глаза Минуса оставили для Акселя, который

съел их на исходе дня, приправив горчицей. Застывшее в них отражение подсказало крысе, что колдун, вполне возможно, подготовил заклинание, чтобы защититься, и даже не одно, но не успел выбрать наилучшее.

— Дурак, — сказал Аксель, надкусывая первый глаз, который взорвался во рту пылью. — Не зря тебя назвали Минусом. — Крыса сплюнула в лужицу горчицы и вытерла нос.

Второй глаз пролился каплей осмотрительности, сладкой, как засахаренный ананас.

Прошли годы. Об охотничьем домике позабыли даже его владельцы. Дочиста обглоданный скелет Минуса все еще сидел на кресле перед камином. Спустя десять лет, когда Билл Кружка наконец-то поймал духа книги «День и ночь», а еще через десять минут пустил себе пулю в лоб, челюсть колдуна сорвалась и упала на колени. А той ночью, когда Акселя сожрала саранча в битве на Великих равнинах между насекомыми и грызунами, истлевшие передние ножки кресла подломились, и скелет Минуса рассыпался по полу без всякого порядка. Кардиган сожрала моль, потратив на этот труд десятилетия летних вечеров. Сорняки пробились сквозь трухлявые доски и проросли кустом сквозь левую глазницу

черепа. Крыша разрушилась. Проливались дожди, сыпал снег, рос бурьян.

В конце концов все, кто помнил о колдуне Минусе, умерли. Безжалостная поступь времени перемолола в пыль его кости. Теперь уже трудно проверить, существовал ли он на самом деле или был некой волшебной иллюзией, наподобие сна о космическом путешествии в криогенной капсуле.

перевод В. Русанова

Чарльз К. Финли
ЖИЗНЬ ТАК ДОРОГА ИЛИ ПОКОЙ ТАК СЛАДОК

Чарльз Коулман Финли — автор романов «The Prodigal Troll», «The Patriot Witch», «A Spell for the Revolution» и «The Demon Redcoat». Рассказы Финли — большинство из его цикла «Wild Things» — издавались в ряде журналов, например «The Magazine of Fantasy & Science Fiction», «Strange Horizons» и «Black Gate», а также появлялись в антологиях «The Best of All Flesh» и моих «By Blood We Live» и «Когда мертвые оживут» («The Living Dead 2»). Дважды он выходил в финал премий «Хьюго» и «Небьюла», а также выдвигался на премию Кэмпбелла для лучшего начинающего автора, «Сайдвайз» и премию Теодора Старджона.

Следующее повествование переносит нас в североамериканские колонии, в те времена, когда пиратство не только процветало, но еще и поощрялось местными

властями. Общеизвестный факт: один из отцов-основателей США, Джон Хэнкок, нажил состояние на контрабанде и каперстве.

Когда Проктор Браун и Дебора Уолкотт, молодые волшебники-квакеры, отправились выполнять задание генерала Вашингтона, они рассчитывали поймать английского шпиона, а не пирата. Но произнесенное заклинание срабатывает не совсем так, как ожидалось, и парочка оказывается во «временном кармане», где над океаном и островами царит бесконечная ночь. В этом уголке реальности нет почти ничего, но человек, поселившийся там, так же загадочен, как и среда его обитания. Кто же он — жертва колдовства или тот, кто это колдовство сотворил? И как Проктору и Деборе найти выход из ужасного места, которому вполне подходит название Ад?

В этом рассказе Чарльз К. Финли показывает новый фрагмент мира романа «Traitor to the Crown». Магия в нейтральных водах, черных, как душа пирата.

Неужели жизнь так дорога им или покой столь сладок, что стоит их покупать ценой цепей и рабства? Не допусти этого, Господь всемогущий! Не знаю выбора других, а что же касается меня — дайте мне свободу или дайте мне смерть!

Патрик Генри
Острова Наперстка У побережья Коннектикута Май, 1776 год

— С чего они взяли, что мы найдем путь в таком тумане? — проговорил Проктор Браун, когда накренилась лодка.

Их маленький парусник прыгал, как поплавок, в молочно-белой мгле, которая скрывала все вокруг, включая предмет их поиска — британский корабль-разведчик.

— А ты погромче кричи — может, тебя услышат и откликнутся, — ответила Дебора Уолкотт, спокойно сидевшая позади него.

Проктор прикусил язык. Требование было вполне разумным, если вспомнить, сколько людей пропало без вести, разыскивая таинственное судно.

Острый разум Деборы одновременно вызывал у Проктора восхищение и раздражение. Никто не знал, что на самом деле связывало этих двоих.

Гибель ее родителей перед битвой при Банкер-Хилле сильно осложнила отношения между ними, а друзья ее матери, назначенные опекунами, приложили все усилия, чтобы держать Проктора и Дебору как можно дальше друг от друга.

Ее тон не давал возможности судить, довольна она или сердится, поэтому он обернулся, пытаясь угадать по лицу. Безуспешно. Несмотря на разделявшие их считаные футы, женщина казалась размытой серой тенью.

— Гляди вперед, — сказал третий человек, сидевший на корме.

Известный капер по имени Эзек О'Брайан.

Его, как и Проктора с Деборой, выбрал для этого задания сам генерал Джордж Вашингтон, хотя встретились все трое только сегодня утром на берегу. Обликом Эзек напоминал железную болванку, из которой можно сделать вещь и для злых, и для добрых целей. В этих водах он больше тридцати лет каперствовал и промышлял контрабандой. Но к революции примкнули самые разные люди, поэтому Проктор не смел его судить.

— Я смотрю, — ответил Проктор и наклонился к планширю, чтобы следить за подводными кам-

нями, грозящими лодке бедой.

Британский военный корабль несколько раз видели у островов Наперстка, вблизи берегов Коннектикута. Возникло подозрение, что англичане высадили шпионов и, быть может, готовят десант. Пока американские колонии не объявили официально об отделении от империи, решительные военные действия могут изменить положение в пользу британцев.

Поэтому колонии отправили несколько рыбацких лодок и сторожевых шлюпов на поиски неуловимого корабля, и четыре судна уже исчезли без следа. И никаких звуков сражения, никаких остатков кораблекрушения. Люди шептались, что всему виной волшебство, даже заявляли о сверхъестественном происхождении тумана. Стягивая к островам все больше и больше судов, колонии оставили бы незащищенными материковое побережье.

Поэтому генерал Вашингтон здраво рассудил, что одно судно, слишком мелкое, чтобы его заметили, и слишком быстрое, чтобы поймали, сможет преуспеть там, где потерпели неудачу крупные корабли.

На всякий случай — вдруг слух о колдовстве окажется правдой — на лодке отправили двоих

волшебников. Проктор и Дебора уже выполняли особое задание, столкнувшись с черной магией перед битвой при Банкер-Хилле.

Волны бились о борт, холодные брызги летели Проктору в лицо, соль ела глаза. Он как раз отчаянно протирал их, когда впереди, всего в нескольких ярдах, заметил подводные скалы.

— Стой! — закричал он. Но потом вспомнил ранее прозвучавшие слова Деборы и объяснил тише: — Камни слева!

— Лево руля! — О'Брайан не потрудился скрыть презрение в голосе: — Это называется «лево руля»! Осторожно, мисс.

Он потянул шкоты с такой же непринужденностью, с какой Проктор управлял на ферме упряжкой.

Прикидывая, не понадобится ли помощь Деборе, Проктор обернулся, но она легко нырнула под гик, просвистевший у нее над головой. Он мысленно обругал себя за постоянные попытки опекать девушку, которая вполне способна сама о себе позаботиться, и в этот миг лодку так качнуло, что он был вынужден вцепиться в планширь, чтобы не улететь за борт. Когда опасное место осталось позади, О'Брайан позволил парусу обвиснуть, и суденышко легло в дрейф.

— Туман все гуще, не развеивается, — спокойно проговорил О'Брайан. — Можно было бы разглядеть острова в тумане по теням от деревьев. Но армия вырубила весь лес у берега, так что никакая мачта не укроется. Это не помогло им, а теперь не поможет и нам. — Он пошевелился на своем месте, отчего лодка закачалась и волны заплескали в борта. — Стало быть, у вас, ребята, особый дар?

Проктор напрягся. Он опасался разговаривать о волшебстве с малознакомыми людьми.

— Ага. Я могу играть «Янки Дудль» на окарине.

О'Брайан фыркнул.

— А что вам о нас рассказали, мистер О'Брайан? — спросила Дебора.

— Эзек, — ответил он. — Как Эзек Хопкинс, известный пират. Меня назвали в его честь… — Прежде чем Дебора или Проктор успели вставить слово, он добавил: — Зовите меня Эзеком. «Мистера» оставим для тех, кто считает себя лучше других людей. — Он похлопал по борту лодки. — Я слыхал, что вы — ведьма, а он — колдун. Или что-то вроде того… Но бояться вас я не должен, поскольку вы оба христиане. Пусть и не добрые христиане, а из тех, кого называют квакерами. Хотя, если разобраться, мне на все это наплевать.

Я в жизни всякого навидался, кому рассказать — не поверят. В Макао я знавал китайца, который мог изменить масть карты в твоей руке, мог переложить золото из твоего кармана в свой. Но последний фокус объяснялся, похоже, не волшебством, а мастерской игрой в карты. Если вам нужно, хоть демона вызывайте, лишь бы мы нашли эту треклятую британскую посудину. Тогда мне заплатят обещанное.

— Мы не будем вызывать никаких демонов, — заверила его Дебора. — Но минуту назад я работала над заклинанием поиска.

«Ну вот», — подумал Проктор.

Он полагал, что вначале они найдут корабль, а потом прибегнут к магии. Дебора просчитывала дальше и меньше полагалась на случайность. А если бы ему пришлось в спешке слагать заклинание поиска, с чего бы он начал?

— Тебе нужна какая-нибудь помощь? — спросил он.

— Хорошенько гляди по сторонам.

Она склонила голову и молитвенно сложила ладони. Тишина, казалось, истекала из нее, успокаивая даже скачущие вокруг волны.

— И мы прияли сей свет, да им просвещаемые, узрим сокровенное доселе. — Дебора раскрыла

ладони подобно распускающемуся цветку и замерла.

— И это все? — сказал Эзек. — Лучше уж китайца позвать. Он…

— Дай ей время, — перебил Проктор.

У Деборы хватало силы, чтобы лишь один раз произнести заклинание вслух, а потом повторять его мысленно. Сам Проктор все еще нуждался в материальной точке сосредоточения и был вынужден бормотать магическую формулу. Девушка воспользовалась стихом послания к коринфянам; Проктор же, лучше знавший Ветхий Завет, взял строки из «Исайи». Он пристально глядел на Дебору, ожидающую, когда вступит в силу ее волшебство, а рукой делал едва заметный манящий жест для фокусировки заклинания и тихо повторял: «И отдам тебе хранимые во тьме сокровища и сокрытые богатства, и отдам тебе хранимые во тьме сокровища и сокрытые богатства…»[1]

Пока слова стремительно бежали в его голове, сверхъестественный свет, словно неожиданно распустившийся весенний цветок, возник в ладонях Деборы. Несмотря на свои недавние

---

[1] Примечания: 1

Книга пророка Исайи, 45: 3. — *Прим. перев.*

заявления, Эзек вздрогнул, лодка качнулась. Но Дебора уже вздохнула с облегчением, влив всю свою магию в крошечный шар света.

Проктор наблюдал за ней, пытаясь разобраться в приемах работы. Но раньше, чем ему это удалось, сияние разлилось и окутало Дебору. Когда Проктор уже было решил, что на этом все, копье из яркого света метнулось с лодки, как луч от маяка. Оно понеслось сквозь туман, озаряя один скалистый остров за другим. Берега, покрытые пнями и обломками бревен, никак не могли служить укрытием для корабля. Возвращаясь к их лодке, жемчужный холодный свет скользнул по плечу Проктора, заставил все волоски на его теле встать дыбом, а когда пошел дальше, осталось ощущение, немного напоминающее прикосновение утренней росы к коже. Сделав полный круг, луч мигнул и пропал.

Дебора поникла, изнуренная заклинанием.

— Ты что-нибудь заметил?

Проктор хмыкнул, осознав, что больше смотрел на нее, чем на луч.

— Я раньше не видел ничего подобного, — подал голос Эзек, и было непонятно, напуган контрабандист или удивлен.

Он нерешительно озирался по сторонам, но

ладонь держал на рукояти засунутого за пояс пистолета.

— Поинтереснее карточных фокусов? — спросил Проктор.

— Сдается, что поинтереснее, — кивнул Эзек. — Но никаких кораблей я не углядел.

— Может, поисковый свет отпугнул его? — предположил Проктор.

И тут же пожалел о своих словах. Во взгляде, брошенном Деборой из-под шляпы, он прочитал тревогу и растерянность. Заклинание, если разобраться, сработало совсем не так, как она рассчитывала. Но того, кто привык использовать сверхъестественные силы, подобный исход не должен смущать. На самом деле они никогда не владели этими силами, а лишь направляли их. И, подобно всякому потоку, иногда магия выходила из берегов.

— Думаю, по-старому искать надежнее, — сказал Эзек, приподнимаясь, чтобы управлять парусом.

— Может, Дебора еще раз попробует? — предложил Проктор.

— Эти воды сотню лет считаются пиратскими, — ответил Эзек. — Однажды мне случилось провозить контрабандный груз чая, скрываясь от

британской таможни. Здесь уйма укромных заводей и бухт, пригодных для любого судна. Хоть бы сказали, что за посудину мы ищем — под полной оснасткой или с косыми парусами. — Вдруг он замолчал, ощутив движение лодки. — Это что, ваше колдовство?

Парус висел тряпкой, но суденышко шло против течения. Задул холодный ветер, разгоняя липкий туман и открывая водную гладь по сторонам. У Проктора зудела кожа — несомненный признак того, что поблизости работает волшебник.

— Это не я, — поспешила сказать Дебора, и Проктор сразу насторожился.

Парус, громко хлопнув, поймал ветер, а потом заполоскал, поскольку лодка продолжала идти без его помощи. Эзек вытащил пистолет, но еще до того, как решил, что же будет с ним делать, туман внезапно рассеялся.

Они ожидали увидеть прозрачное утреннее небо, но вместо этого им открылась тьма.

Ночь. И небосклон, усеянный яркими звездами.

Через несколько мгновений глаза привыкли к мраку и даже сумели различить в нем низкие скалистые острова, выступившие навстречу, будто грабители в кривом переулке.

— Что это тут делается? — прорычал Эзек.

Он, казалось, гадал, куда целиться из пистолета — то ли в волшебников, то ли в воду. Проктор прикидывал, сможет ли удержать его от опрометчивого поступка. Лодка довольно длинная и шаткая, кругом навалены всякие снасти. Он ослабил на поясе ременную петлю, что удерживала томагавк. Записавшись в ополчение, Проктор сразу освоил это оружие. Один хороший бросок…

— Смотрите! — воскликнула Дебора. — Корабль!

В непосредственной близости от них стояло на якоре судно.

Теперь было видно, что отдаленные острова поросли деревьями.

Но гораздо интересней выглядели два клочка земли, что лежали прямо по курсу. На меньшем стояла крошечная лачуга, построенная из плавника и обломков кораблекрушений. А тот, что побольше, целиком прятался под беломраморным дворцом с куполами и минаретами, словно сошедшим с рисунка из детской книги.

Веревочный мостик соединял эти острова.

Проктор всегда испытывал зуд, если рядом использовали магию, и сейчас его будто сплошь покрыли муравьи. Дебора, скорчившаяся посреди

лодки, выглядела столь же изумленной и сбитой с толку.

Лодка продолжала двигаться, дрейфуя мимо островов по течению. Они миновали большой остров с дворцом, потом маленький с хижиной и поравнялись со стоявшим на якоре кораблем. Проктору он показался очень старым, можно сказать, древним. Серую древесину изгрызли черви, оставив после себя глубокие дыры. Краска выгорела добела, паруса так истончились, что казались прозрачными. Потертый такелаж кое-где порвался, и его связали узлами. Из орудийных портов высовывались жерла двенадцати пушек, позеленевшие от сырости, забитые морской травой и прочим мелким мусором, который нанес ветер.

— Ну, это точно не разведчик англичан, — сказал Проктор.

— Этого не может быть, — пробормотал Эзек с кормы. — Дьявол меня дери, это же…

— Это «Воображение»… — проворковала Дебора.

Проктор проследил за ее пристальным взглядом. Хотя краска с кормы почти слезла, буквы все еще читались.

«Воображение».

Название ни о чем не говорило Проктору. Судя по лицу Деборы, ей не говорило тоже. Но Эзек нетерпеливо подался вперед.

— Эгей! — раздался голос с острова, поразив их, как гром с ясного неба.

Тощий человек с коротко подрезанными волосами и глубоко запавшими глазами появился на пороге хижины. Одет он был в кафтан, такой же ветхий и серый, как окружающие скалы, с обтрепанными до бахромы полами, и короткие штаны, без чулок и башмаков. Сделав нерешительный шаг в сторону лодки, он снова скрылся в лачуге.

— Приветствую! — крикнул Проктор. — Где мы?

Человек вернулся, напялив на голову крысиносерый древний парик и водрузив сверху шляпу с перьями. Спотыкаясь о камни, он подбежал к веревочному мостику, соединяющему остров с кораблем.

— Эгей! — закричал он опять. — Не надо вам плыть мимо судна!

Проктор глянул вперед. Перед ними раскинулся серый берег с насыпью белесых камней.

— Это почему же? — спросил он.

Но человек, перебирая руками, торопливо полз по канату к «Воображению». Зажатый в зубах

нож мешал ему говорить.

— Можем остановиться, — сказал Эзек. — Ветра нет. Достаточно выйти из течения.

Но лодку тащило мимо «Воображения» слишком быстро для обычного дрейфа. Больше походило, что они рыба, угодившая на крючок, и кто-то очень настойчиво сматывает леску. Теперь, когда они почти обогнули корабль, Проктор сумел разглядеть, что берег третьего острова покрыт остатками кораблекрушения — кусками реев, досок, прочим плавающим мусором. С конца сломанной мачты свисал флаг Массачусетса.

Пропавшие суда.

Проктор хотел сказать это вслух, но тут на белесой насыпи зашевелилась темная фигура. Один из камней покатился, запрыгал и, цокая, упал у края воды. Не камень — череп. Насыпь состояла из костей.

Темный встал на ноги, потягиваясь, будто проснувшийся домашний кот. Но он во много раз превосходил величиной любую кошку. Это был тигр, ширина лап которого не уступала веслам.

Эзек греб как безумец, вздымая брызги то с одного борта лодки, то с другого. Лодка раскачивалась. Проктор потянулся за вторым веслом.

— Сюда! — кричал незнакомец.

Топая ногами по палубе «Воображения», он бежал к борту. На ходу взмахнул ножом и перерезал шкот, привязанный к углу паруса. Полотнище упало за его спиной. Дважды крутанув веревку над головой, на третий раз бросил. Она устремилась по дуге к лодке. Проктор потянулся через планширь, но шкот не долетел до цели, упав в воду с печальным всплеском.

— Черт побери! — посетовал незнакомец. — А я уже не так силен, как раньше.

— Лови конец! — закричал Эзек.

Ударяя веслом, он выигрывал считаные мгновения для лодки. Чтобы не свалиться в воду, Проктор откинулся к противоположному борту. Веревка оставалась далеко позади.

Незнакомец, стоя в носу «Воображения», сложил ладони у рта рупором.

— Давненько у меня не было гостей. Рад был повидаться с вами.

— Попробуй еще раз! — прокричал в ответ Эзек. — Брось конец, пока не поздно!

Проктор оглянулся на оцепеневшую от страха Дебору и увидел через ее плечо, что тигр спускается к воде по валу из костей и расколотых черепов.

Взгляд Проктора вернулся к змеившейся за

кормой веревке.

Да, он не обладал талантом и мощью Деборы, но впервые применил магию, когда трудился на ферме. Он научился перебрасывать веревку через шкив, не забираясь под крышу амбара.

— Не стесняйся, пусти длиннее верви твои и утверди колья твои,[2] — проговорил он.

Не произошло ровным счетом ничего. Проктор протянул ладонь к веревке. На ферме он управлял более тонкой, хотя и такой же длины, а точкой сосредоточения служила рука. Он поманил шкот пальцами.

— Не стесняйся, пусти длиннее верви твои и утверди колья твои…

Веревка вылетела из воды подобно бичу и рассекла кожу на запястье Проктора. Но он успел крепко-накрепко схватиться за нее. Длины едва-едва хватило, чтобы достать до пляшущей под ногами лодки.

— Не высовывайся за борт! — приказал Эзек, раскачивая судно так, что едва не выбросил Проктора.

Тот откинулся назад, сел на корточки и потянул.

---

[2] Примечания: 2
Книга пророка Исайи, 54: 2. — *Прим. перев.*

Ему удалось подвинуться на несколько дюймов к кораблю. Он чувствовал, что лодка сопротивляется — как плуг, влекомый упряжкой волов. Проктор вздохнул поглубже, наклонился и снова потянул. Нос лодки едва не зачерпнул воду, но усилие дало выигрыш еще в пару дюймов.

Дебора, подбежав сзади, ухватилась за свободный конец веревки и потянула вместе с Проктором. Почувствовав тепло ее тела, ее дыхание за спиной, он ободрился. Только сила его рук стояла между нею и смертью, обещая спасение. И этого было вполне достаточно.

Перебирая шкот ладонями, он подтягивал лодку к кораблю.

Дебора подбирала веревку за его спиной и передавала Эзеку, который быстро обматывал ее вокруг киповой планки. Подойдя борт в борт к «Воображению», они крепко-накрепко пришвартовались. И лишь потом Проктор оглянулся. Казалось, тигр рассматривает людей с любопытством. Когда их глаза встретились, зверь распахнул пасть и заревел. Звук эхом отразился от воды, поднимая волосы Проктора дыбом и превращая колени в студень.

Что-то стукнуло позади. Это оборванец сбросил штормтрап с борта корабля.

— Серчает Старуха-Царапуха, — бодро заявил он. — Не обращайте на нее внимания.

— Ты же ранен, — сказала Дебора.

Кончики ее пальцев легли на его предплечье. Опустив взгляд, Проктор увидел, что все его запястье залито кровью. В жестокой борьбе с веревкой края раны широко разошлись.

— Все хорошо. — Он зажал порез другой рукой, и лишь сейчас почувствовал боль и скривился. — А ты как?

— И у меня все хорошо, — сказала девушка.

Но выражение ее лица, должно быть, отражало его собственное. Вряд ли кто-то из них мог с уверенностью утверждать, что он в полном порядке.

— Где мы?

— Это похоже на тайную комнату в большом доме, — прошептала она. — Мы все еще среди островов Наперстка. Возможно, в том же самом месте. Но мы прошли через дверь в тайную комнату.

— Твое заклинание? — предположил он.

— Думаю, что своим лучом я привлекла внимание волшебника, сильнее которого мы до сих пор не встречали. Сильнее, чем Вдова Нэнс.

— Незнакомец, — прошептал Проктор, избегая

глядеть на корабль. — Тогда почему он пытался нас спасти?

— Этот вопрос и мне не дает покоя.

— А ну-ка, подвиньтесь! — Эзек вскарабкался по трапу на палубу «Воображения» и жестом позвал их за собой.

Проктор придержал лестницу, пропуская Дебору вперед, и негромко посоветовал:

— Будь осторожна.

Протянув руку, О'Брайан помог девушке оказаться на палубе. Проктор вскоре присоединился к ним.

Вблизи незнакомец очень походил на сумасшедшего. А воняло от него так, словно он отродясь не мылся и не стирал одежду. Его веки были красны, а ниже налились сливовой синевой мешки. Четыре бледных шрама пересекали впалую щеку и терялись в щетине. Одежда отличалась великолепным покроем — более дорогого наряда Проктор не видел даже у губернатора, — но давно истлела и засалилась. Не хватало многих пуговиц, а кружевная отделка, казалось, только и ждет дуновения ветра, чтобы сорваться и полететь, будто осенние листья. На поясе, которым незнакомец обернулся два раза, висела шпага.

Но ни одна из этих вещей, вместе или по отдель-

ности, не указывала на безумие своего владельца — так, просто-напросто бедолага, потерпевший кораблекрушение и проживший много лет на необитаемом острове. Нет, сумасшедшим он выглядел из-за улыбки, — широкая, как Атлантика, она открывала зубы черные, как штормовые облака.

Его улыбка — и глаза, которые совсем не улыбались. Темные, опасные, пристально следящие за Проктором.

— Вы совершили замечательный подвиг, — кивнул незнакомец на тигра. — Старуха-Царапуха давно не получала такого щелчка по носу.

— Этот тигр — ваш питомец? — поинтересовалась Дебора.

Усмешка снова растянула губы незнакомца, но уже не такая широкая и уверенная.

— Питомец? Как бы не так. — Он оглянулся на остров и нервно облизнул губы, ничуть не походя на того решительного человека, который пробирался по канатному мосту и бежал по палубе, пытаясь их спасти. — Но где же мои манеры?! Не соблаговолите ли посетить скромное обиталище вашего покорного слуги?

— А вы живете во дворце или в хижине? — спросил Эзек, который засунул пистолет за пояс,

но руку держал поблизости от рукояти.

— О, это не просто хижина. Она на самом деле весьма удобная, — сказал незнакомец. — А во дворец мы не пойдем, нам туда не надо…

— А кому надо? — задал вопрос Проктор.

Но безумец только усмехнулся и потер ладони.

— Итак, кто идет первым?

«Воображение» и остров соединялись двумя натянутыми канатами: один для ног, а второй — для рук.

— Позвольте мне, — вызвалась Дебора. — Если эти веревки такие же ветхие, как и на корабле, они могут порваться под тяжестью джентльменов.

И, не дожидаясь разрешения, она встала на один из канатов, взявшись за второй на уровне плеч. Не слишком быстро, зато спокойно и уверенно зашагала по мостику. Проктор стер улыбку с лица. Дебора отлично показывала себя в трудных случаях. Когда девушка одолела почти полпути и канаты просели так, что она едва не касалась ногами воды, незнакомец наклонился к уху Проктора:

— Смотри, не будешь за ней следить, она и в штаны нарядится.

Его замечание покоробило молодого человека.

На самом деле Дебора несколько раз надевала штаны, когда год назад они сражались с ведьмами Ковенанта, и его это нисколько не беспокоило. Он не желал поддерживать болтовню незнакомца, но и оправдывать ее перед посторонним человеком не собирался.

— Она пользуется своей независимостью, как и все добрые американцы, — ответил Проктор. — Именно эта черта мне и нравится в ней.

Упомянул он добрых американцев неспроста — используя слова, как наживку на крючке, попытался выяснить отношение незнакомца к текущей войне. Но тот на приманку не клюнул. Похоже, его настолько занимало наблюдение за островом с тигром, что он мог вообще не расслышать обращенных к нему слов.

— О, поверь, я знаю таких девиц, — бормотал он. — Очень хорошо знаю…

Дебора добралась до конца мостика и спрыгнула на каменистый берег. Повернувшись, помахала Проктору, который поднял руку в ответ. Пока они обменивались жестами, на канат ступил Эзек.

— Ты уверен, что это разумно? — спросил Проктор, оценивая его рост и ширину плеч и припоминая довод Деборы.

— Конечно! Я тяжелее вас двоих. Значит, если мост выдержит меня, то и вы переберетесь без забот. Так ведь?

И он пошел. Тигр вновь зарычал. На этот раз звук сопровождался громким всплеском. Незнакомец перебежал на другой борт корабля и, замахнувшись тяжелой деревяшкой, заорал на зверя.

— А тигры плавают? — спросил Проктор.

— О да! — Безумец развернулся, его глаза сияли от восторга. — А еще они замечательно лазают.

Теперь Проктор по-другому истолковал происхождение глубоких отметин на досках обшивки, которые раньше принял за следы червей-древоточцев. Он посмотрел на Эзека, который передвигался довольно быстро для человека его размеров. И тем не менее под весом капера канаты просели так, что сапоги окунались в волны.

— Тебе лучше поторопиться! — закричал Проктор.

О'Брайан не ответил, но сумасшедший незнакомец, пожалуй, слишком радостно потирал руки.

— Старуха не успеет доплыть. Нет, это вам лучше поторопиться, а то она сдернет вас.

— А тигр не переберется на ваш остров? Мы сможем там чувствовать себя в безопасности?

— За эти годы мы достигли определенных соглашений. — Безумец погладил рукоять шпаги. — Она не суется на мой остров, а я не напрашиваюсь в гости к ней.

Разговор о тигре странным образом взволновал Проктора. Хотя здешний обитатель смахивал на душевнобольного, его действия и речи казались вполне разумными. Кроме его отношения к зверю.

— Но вы же вмешались, чтобы спасти нас?

— Ах да! Именно так я и поступил, правда? — Незнакомец хлопнул Проктора по плечу. — На твоем месте я бы пошел прямо сейчас.

Эзек, шлепая по воде, выбрался на берег и остановился на дальнем краю острова, рассматривая белый дворец. Дебора находилась на полпути между ним и Проктором, у входа в маленькую хижину.

Проктор ступил на веревку и внезапно осознал, что идти по ней тяжелее, чем смотреть, как ходят другие. Он закачался и едва не свалился в воду. Скрип, с которым когти впиваются в сырую древесину, донесся с противоположной стороны корабля. Запаниковав, Проктор пошел быстрее, но от этого стал раскачиваться еще сильнее, пока ноги не соскользнули и он не повис на руках, а

канат прыгал туда-сюда под ним. Одним глазом молодой человек искал опору для ног, а вторым следил за тигром, который перелезал через борт «Воображения».

Незнакомец отбежал от зверя подальше и, сложив ладони у рта, крикнул:

— Поторопись!

Его безумный хохот вернул Проктору твердость духа — ничто другое не возымело бы такого действия. Ноги сами собой отыскали веревку, а потом он спокойно и расчетливо добрался на берега, где его уже ждала Дебора.

— Не представляю, как он здесь выжил, — проговорила она. — Я видела кучу рваного вонючего тряпья, она может быть как крысиным гнездом, так и его постелью, но если судить по величине, то я склоняюсь к последнему. Но я не нашла запасов пищи, и воды очень мало…

— Думаешь, он призрак? — спокойно спросил Проктор, чьи руки еще дрожали после подтягивания лодки и перехода по веревочному мосту.

Потирая их во время разговора, он пытался привести мышцы в порядок.

— Призраки так не воняют.

— Это точно, — согласился Проктор. — И я себя призраком не чувствую, значит, мы не умерли

прежде, чем попасть сюда. Он, вне всяких сомнений, безумец. А мы?

— Нет! — отрезала она. — Я очень хочу вернуться к нашей лодке и отыскать путь домой. А ничего безумного в этом желании нет.

Их отвлек смех незнакомца вместе с громким плеском. Человек висел над водой, а тигр плавал прямо под ним. Зверь взмахнул огромной лапой, пытаясь достать когтями, но безумец ловко отдернул ноги, а потом брыкнул ими, целя хищнику в нос.

Эзек подошел к волшебникам, хрипло смеясь.

— Вот это храбрец! — сказал он. — За таким многие горячие головы отправились бы к самому дьяволу. — И вдруг задумался над собственными словами. — Как по-вашему, мы в аду?

В ответ Проктор покачал головой.

Раскачавшись подобно обезьяне, безумец прыгнул на берег. Приземлился, схватил камень и швырнул в тигра. Не потрудившись взглянуть, попал или нет, повернулся к гостям.

— Небось диву даетесь, как столько времени спустя здесь еще остались камни? Но мне всякий раз удается найти еще немного. Ой!.. Какая жалость…

— Что? — удивился Проктор, но через миг уви-

дел сам.

Их лодка плыла по течению. Миновав пролив, она набрала достаточно скорости, чтобы при ударе о берег сразу лишиться мачты. Волны отступили, а потом выбросили суденышко на берег повторно, переломив киль, как хребет мелкого зверя. Проктор протянул руку и пожал кисть Деборы, пытаясь ее ободрить.

Тигрица шлепала по воде, не выходя, впрочем, на берег, а потом уплыла.

— Куда это она? — спросил Проктор.

— Восвояси. Она всегда так делает, — ответил сумасшедший. — Старуха-Царапуха, конечно, хитрая, но предсказуемая. — Он рассмеялся и хлопнул в ладоши. — Ну ладно. Не желаете ли чаю?

Безумец убежал от них к разложенной рядами на камнях битой посуде.

— Мы найдем дорогу отсюда, — сказал Проктор. — Я к…

— Не клянись, — прервала его Дебора, квакер до мозга костей.

Проктор едва сдержал улыбку.

— И не собирался. Я хотел сказать, что как будто ощущаю волшебство, но не заметил, чтобы наш приятель его использовал.

— Я тоже ощущаю и тоже не заметила. Но мы должны быть начеку. Помнишь, как нас пыталась дурачить Вдова Нэнс?

— Слишком хорошо помню, — ответил он. Шрамы на его руке, полученные в той схватке, еще оставались розовыми. — Ты сможешь связать его заклинанием, если потребуется?

Она раскрыла ладонь и показала клубок пряжи с узелками. На этих узелках она сосредотачивала заклинания.

— Могу. Но не раньше, чем мы придумаем, как бежать с острова.

Неподалеку от них безумец принюхался к содержимому треснувшего кувшина.

— Эта посвежее, — воскликнул он, неся посуду к кругу камней перед хижиной. — Дождевая вода!

Набрав кучку плавника, он опустился на колени и начал высекать огонь. Мелкие оранжевые искры вылетели из-под кремня. Занялся трут.

Кремень и огниво озадачили Проктора. Если незнакомец — волшебник, почему он не вызвал огонь одним словом? Конечно, мастерство разных магов неодинаково, но тот, кто сумел создать потайной карман в реальности, наверняка обладает невероятной мощью.

Когда огонь разгорелся, безумец выпрямился.

— Так, а где я оставил листовой чай?

— Я знаю, кто ты. — Эзек заступил ему дорогу.

— Думаю, ты ошибаешься, — с вялой усмешкой ответил сумасшедший.

— Генри Эвери!

— Первый раз слышу это имя.

— Генри Эвери. Долговязый Бен, капитан «Воображения».

— Он умер много лет назад, — заявил безумец.

— Пропал без вести много лет назад, — поправил его Эзек. — Он исчез, и никто его больше не видел. Теперь я знаю, куда ты запропастился.

— Где-то тут у меня был чай, я точно помню… — пробормотал безумец, будто разговора с капером и не было.

Он пошел изучать содержимое глиняных мисок, которые стояли под камнями. Эзек повернулся к Деборе и Проктору.

— Генри Эвери! Держу пари, вы о нем слышали не больше, чем о капитане Эзеке Хопкинсе.

— Не слышал, — ответил Проктор.

Можно подумать, он обязан знать о каждом пирате, который когда-либо бороздил океан.

— А должны? — поинтересовалась Дебора.

Эзек укоризненно покачал головой и указал могучей рукой на полоумного оборванца, кото-

рый кружил у скального выступа и нюхал разные черепки.

— Да, должны. Этот человек — величайший из пиратов, живших под нашим небом. Он научил капитана Кидда всему, что тот знал, и… Можно подумать, о капитане Кидде вы тоже не слышали?

— Я слышал, — сказал Проктор. Капитан Кидд был частью истории Новой Англии, любой мальчишка в Массачусетсе слышал о нем. — Одни утверждают, что он запрятал свои сокровища неподалеку от Бостона, другие — что на островах Наперстка.

— Капитан Кидд приплывал на острова Наперстка, — сказал Эзек. — Но не для того, чтобы зарыть свои сокровища, а чтобы вырыть клад Генри Эвери.

Заметив отблеск жадности на лице Эзека, Проктор обменялся взволнованным взглядом с Деборой. Если они рассчитывают убраться отсюда подобру-поздорову, то и одного сумасшедшего вполне достаточно. Он хотел прервать речь контрабандиста, но тот, начав рассказ, не собирался останавливаться.

— Генри Эвери — король пиратов. — О'Брайан шагал взад-вперед и взволнованно размахивал

руками. — На «Воображении» он бороздил Индийский океан, там и наткнулся на судно императора Хиндустана, которое перевозило сокровища. Оно было огромным — шестьдесят орудий и четыреста солдат на палубе. Но Долговязый Бен, как прозвали его пираты, поставил «Воображение» борт о борт с ним и дал залп из своих пушек, а потом пошел на абордаж — самый кровавый абордаж, который когда-либо видел человек или сам дьявол. Капитан хиндустанского судна перетрусил и спрятался среди шлюх… — (Проктор вздрогнул при бранном слове, тревожась за Дебору, но она и бровью не повела.) — Когда люди Эвери захватили наконец судно, им досталась роскошная добыча — больше миллиона долларов в золоте и драгоценных камнях. Каждый из пиратов, кто выжил в бою, получил тысячу фунтов монетами и полный мешок рубинов, изумрудов и бриллиантов. — О'Брайан стукнул кулаком о ладонь. — Они стали богаче любого английского лорда. Собственно, в Англию большинство из них и направились, а там их арестовали. А все потому, что император Хиндустана нажаловался королю. Но Генри Эвери не угодил за решетку! У него хватало друзей в Массачусетсе и Коннектикуте, и он прибыл сюда, где всегда ценилась свобода.

А потом исчез.

— Женщины… — проговорила Дебора.

— Что? — Ее слова, казалось, сбили О'Брайана с толку.

— Ну, шлюхи. Что с ними сталось?

— А вы как думаете? Пираты забрали их с собой для развлечений. Конечно, кроме тех, кого убили сразу, и тех, кто наложил на себя руки. — Эзек понял, что наговорил лишнего, и запнулся. — Прошу прощения, мисс… Я не собирался…

— Чего не собирался? — спросил Проктор.

— Не собирался говорить так свободно, — ответила за Эзека Дебора. — Хотя у свободных людей свободное слово в чести, я права?

— Я хотел объяснить вам, — попытался сменить тему Эзек, — что этот человек — величайший из пиратов. Он захватил судно с сокровищами императора Хиндустана и всеми его женами. И он всегда выходил сухим из воды.

Проктор оглянулся на жалкого оборванца, шлепающего босиком по мокрым камням.

— Не похоже, что всегда.

Эзек поманил его.

— На пару слов, по-мужски…

— Пожалуйста, не стесняйтесь, — сказала Дебора. — Я знаю, какими… деликатными могут быть

мужчины.

Проктор подошел к каперу.

— Попробуй отвлечь Эвери, — едва слышно прошептал О'Брайан. — Я хочу осмотреть тот остров, что побольше. Нам нужна лодка — вдруг там что-нибудь найдется.

— Попробую, — кивнул Проктор.

— Идите сюда! — бодро прокричал безумец.

Молодой человек увидел, что Эвери стоит, держа в руках деревянную тарелку.

Они собрались вокруг костра.

— Мне нечасто попадается свежий чайный лист, — сказал сумасшедший, бросая листья в кипящую воду. — Вот и приходится довольствоваться сушеным. Дадим ему чуть-чуть настояться.

Дебора устроилась на камне рядом с ним. Проктор выбрал себе такое место, чтобы безумец, глядя на него, невольно отворачивался от мраморного дворца.

— Вы… — начала девушка.

— Что — я?

— Вы тот самый, о ком говорил наш спутник? Генри Эвери, пиратский капитан?

— Я несчастный грешник, — покачал он головой. — Человек, которому был предоставлен очень долгий срок, чтобы раскаяться в некото-

рых… опрометчивых поступках.

— Не ваше ли судно мы замечали последнее время среди островов Наперстка? — вмешался Проктор. — Вы можете поднять паруса и отвезти нас туда?

— А как ты думаешь, если бы я мог уплыть, стал бы торчать здесь? — Эвери суетливо помешивал чай в кувшине, но в глаза старался не смотреть.

— Грешник, конечно, не мог бы, — заметила Дебора. — А вот человек, который раскаялся…

— Я же сказал, что грешник, а не святой, — резко прервал ее Эвери и ушел в лачугу.

Вернулся он с длинной трубкой — Проктор не видел таких у знакомых курильщиков табака. Эвери взял в зубы мундштук, пососал, а потом с силой швырнул трубку на камни.

— Без толку! С тех пор как кончился опий, все без толку!

Голос его дрожал.

Части головоломки сложились. Эвери не был волшебником. На нем лежало проклятие. Проклятие за все злодеяния, за его пиратство. Он мог вывести корабль в реальный мир, но лишь на краткий миг, словно в насмешку.

— Вы можете поднять паруса и появиться в нашем мире, — сказал молодой человек. — В мире

живых людей. Вот почему ваше судно так часто замечали среди островов. Но остаться там вы не в силах. Вас затягивает обратно точно так же, как затянуло в туман нашу лодку. Именно поэтому вас не могли найти.

— Вполне возможно, — спокойно ответил Эвери.

После этих слов он сразу показался Проктору несчастным и жалким. Достав четыре надколотые чашки, безумец наполнил их слабо подкрашенной горячей водой из кувшина.

— Не желаете чая? К моему стыду, не могу предложить ни сливок, ни сахара.

Проктор принял из его рук чашку и, стараясь не передернуться от отвращения, пригубил. Мутноватая водичка и вкус имела помойный. Дебора, заметив его гримасу, сразу отставила чашку.

— Так что же с вами случилось? — спросил молодой человек.

— Я слышал, что рассказывал ваш друг. По большей части это правда. Неподалеку от берегов Малабара мы напали на мусульманское судно. Оно плыло в Мекку, его снарядил Великий могол, чтобы отправить дары имаму. Также на нем совершали паломничество все жены и наложницы могола. Грузовой трюм там был — сплошная

сокровищница. Груды золотых монет, россыпи драгоценных камней, штуки тончайшего шелка, брикеты чистейшего опия. — Он нервно облизнулся. — Но нам и этого показалось мало. Когда жадность охватывает человека, когда жадность охватывает толпу людей, никакой добычи не хватит. Мы пытали всех моряков и жен… — Он кинул взгляд на Дебору. — Мы пытали всех моряков, одного за другим, — хотели знать, где еще спрятаны сокровища. Тридцать дней кряду терзали их, вынуждая открыть все тайны до единой, отдать даже мелочь, припрятанную на черный день. И вот на тридцатый день мы нашли величайшую ценность — волшебника Великого могола. — Эвери помолчал. — Он выдал свои тайны, но они обернулись проклятием. — Безумец воздел руки. — И вот теперь я здесь. Вы слышали поговорку «поймать тигра за хвост»? Поймав его, нельзя разжимать рук, иначе… Эй! Вашему другу не надо так играть со смертью! — Эвери вскочил на ноги.

О'Брайан раскачивался на веревочном мосту на полпути к острову с беломраморным дворцом.

— Он наш спутник, но не друг, — возразил молодой человек.

Но Эвери не слышал его. Он сбежал к береговой

линии и принялся звать Эзека.

Дебора подошла к Проктору.

— Эвери — дурной человек, сотворивший множество злодеяний, — проговорил тот. — Думаю, он многое нам не рассказал. Особенно о женах Великого могола.

— Знаю, — ответила Дебора. — Но его должен судить Бог, а не мы.

— А если Эзек не ошибся и это ад? — высказал ужасную догадку Проктор.

— Думаешь, мне такая мысль в голову не приходила?

— Если это ад… и даже если нет… — Он тотчас пожалел о словах, которые сорвались с языка. Но, зная, что их уже не вернуть, решил выпустить на свободу и остальные. — Я хочу знать… — Все же Проктор не рискнул спросить «Любишь ли ты меня?». — Есть ли у тебя хоть какое-то чувство ко мне?

Дебора отошла в сторону. Ее лицо представляло собой целую книгу чувств, но Проктору не хватало умения читать их. Она выросла в краю, где ведьм убивали, а потому умела хранить тайны и скрывать мысли. Упрекать за это девушку он не мог. Но хотел знать правду.

Глянув Проктору в лицо, она поняла, что ему

нужна какая-то подсказка. Слово или знак. Вернувшись, Дебора прикоснулась к его запястью.

— Спроси еще раз, когда выберемся, где бы мы ни оказались. А до тех пор разговор не имеет смысла.

Эвери, жалкий оборванец, изнуренный многолетним вынужденным затворничеством, бегал по краю острова и кричал на О'Брайана.

— Ну, не знаю, — ответил Проктор. — Если убежать не удастся, то, возможно, в этом разговоре смысла все-таки будет больше. Эзек сказал, что хочет поискать на большом острове лодку.

— У нас есть даже не лодка, а корабль. — Дебора указала на «Воображение». — Может быть, проклятие удерживает здесь только Эвери, а не судно? Если поднимемся на борт без Эвери, управишься с парусами?

— Даже если управлюсь, как нам пробраться через эти коварные проливы? Как разрушить заклинание, что гонит все суда на скалы? Как открыть двери обратно в наш мир?

— Я уже обдумываю заклинание, — ответила Дебора.

— А какие слова ты намерена использовать? — Он напряг разум в попытке помочь. — Предлагаю Иова. «Отворялись ли для тебя врата смерти, и

видел ли ты врата тени смертной?»[3]

— Слишком любишь Ветхий Завет.

— А ты чего ждала? Меня воспитывали пуритане.

— Я думаю, это не ад и мы не мертвы. Поэтому в голову приходит кое-что из Деяний Апостолов: «Но Ангел Господень ночью отворил двери темницы и, выведя их, сказал…»[4]

Голос Эвери повысился настолько, что достиг их слуха.

— Я последний раз предупреждаю! — кричал он с пеной на губах, как на гребнях волн. — Если не вернешься, где угодно тебя найду и вырежу твое растреклятое сердце!

Эзек стоял на берегу большого острова, держа у бедра пистолет. Дуло смотрело прямо на Эвери.

— Только попробуй, ходячий мертвец, и я закончу работенку, с которой не справилось время. У тебя нет никакого права на сокровище, к которому ты не сумел подобраться за сотню лет!

Он повернулся и зашагал к дворцу. Эвери, издав вопль слепой неистовой ярости, зажал нож в зубах и полез на канатный мост. О’Брайан расхо-

---

[3] Примечания: 3
Книга Иова, 38: 17. — *Прим. перев.*

[4] Примечания: 4
Деяния, 5: 19. — *Прим. перев.*

хотался и припустил бегом.

— Ты в самом деле считаешь, что нам понадобится Эзек? — спросила Дебора.

Проктор глянул на дряхлый корабль с хитросплетением реев, мачт и парусов.

— Похоже, без него не обойтись.

— Тогда стоит пойти и помочь ему. Коль уж помочь сразу двоим не получается.

Эвери уже достиг противоположного берега, проворно спрыгнул на камни и побежал по следам Эзека к мраморному дворцу. Проктор поправил томагавк на поясе, поплевал на ладони и взялся за канат.

Наступив обеими ногами на веревку, Проктор почувствовал, как она просела под его тяжестью.

Этот мост оказался гораздо длиннее, чем между кораблем и островом, где жил Эвери, и провисшие канаты окунали Проктора в волны до пояса. Добравшись наконец до берега, он увидел две цепочки мокрых следов. Отпечатки тяжелых сапог О'Брайана сопровождались неровными отметинами, которые оставили босые ступни безумца Эвери, но оба следа сходились под сводчатой дверью мраморного дворца.

Проктор, прежде чем войти, ненадолго задержался.

Здание выглядело каким-то неправильным. Вблизи работа по камню вовсе не казалась мастерской, а мелкие резные украшения расплывались, делались нечеткими всякий раз, когда он пытался на них сосредоточиться. Кроме того, сам дворец был меньше, чем подобного рода сооружения, если довериться опыту. Больше похоже на мавзолей. Шпиль на куполе венчала двурогая луна. Настоящая луна, тоже полумесяц, висела в небе позади Проктора. Он осознал, что за время его пребывания здесь ночное светило не сдвинулось ни на волосок.

Чем быстрее они с Деборой уберутся отсюда, тем лучше.

— Эзек! Эвери! — прокричал он. — Вернитесь! Давайте спокойно все обсудим!

В ответ он услышал только далекие голоса. Будто бы двое спорили в конце длинного коридора. Оглянувшись на Дебору и ослабив ременную петлю на томагавке, Проктор шагнул через порог.

Ни факелов, ни свечей, ни других светильников он не заметил, но широкий коридор был залит холодным светом, исходящим из мраморных стен. Снаружи дворец выглядел не слишком большим, примерно как Старая Северная церковь в Бостоне, а коридор все тянулся и тянулся. Впереди он ка-

зался прямым, но если Проктор оглядывался, то видел повороты и изгибы.

Пренебрегая боковыми дверьми и ответвлениями, молодой человек спешил на голоса, которые доносились из глубины здания, пока не наткнулся на перекресток. За углом раздался кашель.

— Эзек, это вы? — Проктор свернул на звук. — Отзовитесь…

Слова застыли у него на языке, когда впереди раскрылся новый зал.

Тигр шагнул к нему, роняя капли воды с усов. Зверь с любопытством смотрел на Проктора большими желто-карими глазами, проникая взглядом в самую душу. Потом вытянул шею и лизнул засохшую кровь на порезанном запястье.

Едва шершавый язык коснулся голой кожи, Проктор развернулся и стремглав кинулся в другой зал. Он нырнул в первую попавшуюся боковую дверь, распахнувшуюся под его напором, и взбежал по узкой лестнице, перепрыгивая через три ступеньки зараз. Обернувшись, увидел скользящую по стене тень, услышал шаги мягких лап и помчался очертя голову, больше не глядя по сторонам. Здесь коридоры были уже темнее, с множеством ответвлений; некоторые заканчивались тупиками. Свернув в третий из

коридоров, Проктор забился в угол и вытащил из-за пояса томагавк. Выставив оружие перед собой, он напрягся в ожидании атаки, которая могла начаться в любой миг.

Спустя некоторое время паника улеглась, и он перевел дыхание.

Проктор понял, что заблудился. Переступив с ноги на ногу, он услышал, как в сапогах хлюпает вода. А потом — журчание, сперва показавшееся громким, как боевой горн. Вот оно, возможное спасение! Молодой человек склонился, чтобы проследить за направлением сбегающих капель, надеясь, что они укажут на выход.

Надежда растаяла, словно роса на солнце. Пол выглядел ненастоящим, напоминая призрачный слепок некогда бывшего здесь перекрытия. Капли не собирались в ручеек, даже не скапливались лужей в углу. Камень поглощал их подобно тому, как песок впитывает воду.

Проктор постоял, опасливо вглядываясь в темные закоулки. Затем медленно двинулся вперед, на каждом пересечении коридоров выбирая более широкий. Он искал лестницу, которая привела бы его на первый этаж. Но лабиринт оказался ему не по зубам. Проктор снова попал в узкий коридор, который заканчивался арочной

дверью. Когда он оглянулся, прочие ответвления и двери исчезли.

Он задумался, что бы использовать для заклинания, но на память пришли только слова из Первой книги Самуила: «И пропали ослицы у Киса, отца Саулова…»[5]

Возможно, перед ним открылся единственный путь к спасению. На цыпочках, настолько тихо, насколько позволяла промокшая обувь, он подошел к порогу, чуть помедлил и заглянул в следующую комнату.

Перед окном, выходящим на восток, стоял, низко опустив голову, некто коленопреклоненный, закутанный в темные одеяния, которые скрывали очертания тела.

— Алаахумма баарик ’ала Мухаммадин ва ’алаа али Мухаммадин. — Голос, явно женский, произносил слова на незнакомом Проктору языке. — Кама бааракта ’алаа Ибраахима ва ’алаа али Ибраахима. Иннака хаммедун Маджид. — Она повернула голову направо. — Ас Салааму ’алаикум ва рабматулаах. — Обернулась налево. — Ас Салааму ’ала…

Заметив Проктора, она вздрогнула. Молодой

---

[5] Примечания: 5
Первая книга Царств, 9: 3. — *Прим. перев.*

человек поднял руки, желая показать мирные намерения.

Вот только в одной из них была стиснута рукоять томагавка.

Он поскорее засунул оружие за пояс.

— …Икум ва рабматулаах, — завершила фразу женщина.

Сложив ладони чашей перед грудью, она быстро забормотала слышные только ей одной слова. Проктор догадался, что это одна из женщин, похищенных Эвери. Когда Эзек назвал их шлюхами, молодой человек вообразил себе дикарок, которые выставляли напоказ едва прикрытые полупрозрачными одеждами прелести. Но сейчас он увидел перед собой особу, напоминавшую набожную мать семейства или даже католическую монахиню. Первым побуждением было заговорить с ней, но что-то подсказало Проктору: женщину лучше не прерывать. Наконец она провела ладонями по лицу, встала и повернулась к гостю. Несмотря на темную кожу, черты ее лица были изящными до совершенства. Янтарные глаза смотрели задумчиво и вместе с тем бесстрашно.

— Наверное, ты весьма скромный и добросердечный юноша, если сумел найти меня в

путанице коридоров, — проговорила она на ломаном английском. — За все эти годы никому не удавалось меня разыскать.

— Признаться, я шел не разбирая дороги, — сказал Проктор.

— Вот и объяснение. Иначе никогда не достиг бы цели.

— Вы знаете, где выход?

— Само собой. Ведь для этого ты и явился — увезти меня отсюда. Но нам нужно поторопиться.

Она решительно прошла мимо Проктора, и ему ничего не оставалось, как поспешить следом. В голове роились вопросы.

Но вскоре они исчезли сами собой. Коридоры, которые прежде кружили и видоизменялись, стали прямыми и постоянными. Немного замедлившись, женщина прижала палец к губам.

— Перед уходом нужно кое-куда заглянуть, — поговорила она тихонько. — Здесь бродят опасные люди — постараемся же, чтобы нас не заметили.

Противоречащие друг другу доводы столкнулись в голове Проктора. С одной стороны, они с Деборой по-прежнему нуждались в Эзеке для побега. Но с другой стороны, несчастная женщина не желала встречаться с пиратом и контрабанди-

стом, и он чувствовал, что обязан помочь ей.

Она провела Проктора по узкой лестнице в зал, похожий на неф старинной церкви. Вдоль стен выстроились искусно вырезанные арки. Второй ярус состоял из балконов. Посередине стоял пустой сундук, который Проктор сперва принял за алтарь, но потом заметил сорванную и отброшенную в сторону крышку. На полу вокруг него высились груды сокровищ. Рулоны шелка всевозможных расцветок, серебряные блюда и статуэтки, бочонки с монетами и драгоценными камнями подпирали стены. Многие были разбиты или опустошены, их содержимое рассыпалось по полу.

В руке женщины появился мешочек на длинном шнурке. Она развязала горловину и принялась наполнять золотом и самоцветами.

Проктор почувствовал легкий зуд на затылке. Что-то пошло не так.

— Вы уверены… — начал он.

Ревущая тень промелькнула над головой, а потом тяжелый удар в плечо свалил молодого человека на пол. Первой мыслью было — тиф спрыгнул с балкона. Но, заметив поднимающегося на ноги Эзека, Проктор понял, что ошибся.

— Сокровище мое! — заявил О’Брайан. — И

шлюха Эвери тоже!

В руке Эзека блеснул нож. Проктор не ожидал стремительного движения, которым контрабандист попытался перерезать ему горло. Он успел отклониться в последний миг, и острое лезвие вспороло щеку. Мгновение спустя кулак здоровяка врезался в челюсть Проктора, повторно отправив его на пол.

— Ну, берегись, будь ты проклят! — прорычал Эзек. — Я разделаюсь с тобой в два счета!

Но Проктор не собирался погибать без сопротивления. Левой рукой нашарил томагавк, но оружие застряло за поясом, когда он откатывался от Эзека. Правая рука тоже не бездействовала, но под нее попался лишь рулон шелковой ткани. Все же лучше, чем ничего. Он хлестнул с размаху в тот самый миг, когда О'Брайан вновь попытался проткнуть его. Нож застрял в ткани; крутанув рулон, Проктор вырвал оружие из ладони Эзека и накинул размотавшийся шелк ему на голову, пытаясь запутать противника и сковать движения. В ответ О'Брайан швырнул ему в лицо горстку золотых монет и вскочил на ноги, вновь готовый к драке.

Но у Проктора в руке уже был томагавк. От первого удара Эзек прикрылся предплечьем,

зато второй расколол череп контрабандиста и застрял, как колун в сырой колоде. Падая, О'Брайан вывернул своей тяжестью рукоять из ладони Проктора.

Молодого человека била дрожь. Внезапная схватка, саднящий порез на лице и, главное, осознание того, что он убил человека, которого знал.

— Он вынудил тебя, — сказала женщина, надевая шнурок на шею и пряча мешочек в складках балахона.

— Он был нужен нам, чтобы справиться с парусами, — вздохнул Проктор.

— Теперь уже не нужен. Достаточно отвязать судно и отплыть. Следуй за мной.

— Погодите, — попросил он.

Чтобы высвободить томагавк, пришлось наступить на лицо Эзека. Проктор обтер топорик куском шелка и сунул за пояс.

— Теперь я готов.

Вскоре они покинули дворец и по каменистой осыпи направились к веревочному мосту. Дебора нетерпеливо вскочила на ноги.

— Все в порядке? — прокричала она. — Тебя долго не было.

— Все хорошо! — отозвался Проктор. — Это…

— Я жена Великого могола, — мягко вмешалась женщина.

— …друг, — закончил молодой волшебник. А ее спросил: — Вы сможете пройти по канатам?

— Смогу, — кивнула она, шагнув на мост с определенной сноровкой.

Проктор понаблюдал за ней, а потом обернулся. В окне верхнего этажа, над балконом, как будто промелькнуло лицо. Вряд ли Эвери позволит своей добыче уйти просто так. Слишком много сил он потратил, чтобы удержать ее здесь.

Когда женщина добралась до середины моста, Проктор последовал за ней. Он передвигался быстрее и почти догнал ее, но тут позади раздался крик Эвери:

— Она тебе не достанется!

Молодой человек только собрался все объяснить, как прогремел выстрел и мимо просвистела пуля. Жена могола охнула и навалилась на веревку.

Эвери стоял на берегу с пистолетом Эзека в руке.

— Скорее! — воскликнул Проктор. — Пока он не перезарядил или не погнался за нами.

— Я не… знаю… смогу ли… — проговорила женщина.

По ее одежде расползалось темное пятно. Вдруг пальцы соскользнули с веревки, и она упала в воду.

Проктор прыгнул за ней. Вода оказалась гораздо холоднее, чем он ожидал, и сразу хлынула в рот. Потеряв несколько мгновений, выплевывая соленую влагу и пытаясь вдохнуть побольше воздуха, он посмотрел по сторонам и увидел ее балахон. Подплыв, вцепился в одежду, но, когда попытался обхватить раненую, обнаружил, что та исчезла. Тяжесть мокрой ткани он спутал с весом тела.

— Проктор! — Тревожный голос Деборы привлек его внимание.

Ее вытянутая рука указывала на пролив. Там на волнах мелькала полосатая шкура тигра.

Молодой человек покрутил головой в последней безнадежной попытке отыскать жену могола, а потом изо всех сил поплыл к берегу. Оглядываясь, он видел, что хищник не отстает. Руки и ноги оцепенели от холода, и, лишь ударившись коленом о камень, Проктор понял, что сумел выбраться. Соскальзывая и спотыкаясь, он полез на валуны. Дебора, вцепившись в ворот его куртки, помогала в меру сил.

Но все равно скорости им не хватало. Тигр с

плеском выскочил из волн всего в нескольких ярдах.

Проктор, схватив Дебору за руку, заговорил, едва слыша себя из-за стука зубов:

— Жена могола…

Время вышло. Зверь, покинув море, карабкался по камням за его спиной. Проктор развернулся, берясь за томагавк. Если схватить тигра за загривок, а потом ослепить его… Лишь бы дать Деборе шанс на спасение…

По полосатой шкуре хищника текла кровь из раны на боку.

Он шагнул к Проктору, который потянулся, чтобы задержать зверя.

Рука провалилась в пустоту…

…Тигр превратился в обнаженную женщину, дрожащую от холода, с искаженным страданием лицом. Она, тяжело дыша, упала у ног Проктора.

— Жена могола — колдунья могола, — догадалась Дебора.

Спасаясь от утреннего промозглого тумана, Дебора накинула тяжелый плащ. Теперь она быстро сбросила его и закутала женщину.

Проктор чувствовал себя слабоумным, который только сейчас осознал самые очевидные вещи, заметные невооруженным глазом. Жена могола

оказалась колдуньей могола. Эвери похитил ее и притащил сюда, в «карман» мира, чтобы пытать. Она выстроила себе дворец-лабиринт, где могла скрываться от пирата. Но время от времени ей приходилось покидать стены убежища, и тогда она принимала облик, который позволял защищаться.

И вот теперь Эвери гнался за ней, перебираясь по канатному мосту.

Томагавк сам скользнул в ладонь Проктора. Вскочив, он рубанул по узлу, которым веревки крепились к кольям. Сталь зазвенела о крепкую деревяшку, ей вторил яростный вопль старого пирата. А Проктор рубил и рубил.

Наконец верхний канат лопнул. Эвери свалился в волны.

Но Проктор не унимался, пока и нижний канат не скрылся в воде.

— Он не слишком хорошо плавает, — сказала жена могола. Дебора обнимала ее, сомкнув руки поверх плаща. — Нам нужно поторопиться, чтобы освободить корабль.

— Позвольте осмотреть вашу рану, — попросила Дебора.

— Потом, на палубе, — ответила женщина. Она глянула на Проктора. — Я слишком спешила. Ты

появился за моим левым плечом, а не за правым. Дурной знак. Но я пробыла здесь так долго…

Попытавшись встать без посторонней помощи, она упала. Проктор подхватил на руки поразительно легкое тело.

Эвери барахтался на мелководье у берега дальнего острова.

— Ты не имеешь права на нее! Слышишь? Она моя!

— Пожалуйста, — произнесла женщина дрожащим голосом, — помогите мне взойти на корабль. Я так хочу вновь увидеть свет…

— Можете покрепче обнять меня за шею? — спросил Проктор.

— Могу, — ответила она с мрачной решимостью.

— Тогда я перенесу вас на корабль. Дебора?

— Я пойду первой.

— Отлично. Не хочу, чтобы ты была здесь, если он все-таки выберется на берег.

Дебора поднялась по склону и быстро перебралась на судно. Проктор двигался не спеша, одной рукой придерживая раненую женщину, а второй перехватывая веревку. Так они оказались на палубе дряхлого корабля. Отсюда был виден костяной остров. Воображение так и рисовало

тигра поверх груды останков.

— Мне очень жаль, — вздохнула жена могола. — Я всего-навсего пыталась отпугнуть вас. Это кости тех, кого убил Эвери. Там вся его команда, люди, угодившие в ловушку вместе с судами. Пират избавлялся от них за ненадобностью. И еще ему нравилось притворяться, будто он пытается спасти людей, а потом наблюдать за крушением… — Она охнула от боли.

— Это место — ваша работа или его? — спросила Дебора, развернув плащ и осматривая рану.

Девушка ничего не сказала, но Проктор смог прочитать озабоченность на ее лице.

— Дворец — вот моя работа. Это и крепость, и дом. Я создала его таким в память о Тадж-Махале, который построил шах Джа-хан во имя своей любви к Мумтаз. Я создала его таким в память о любимом супруге, потерянном мною навеки. — Она подняла голову, ее кожа казалась пепельной. — Все остальное создал Эвери однажды ночью, чтобы удержать меня. С тех пор ночь поселилась здесь навеки, мы оказались заключены вне времени и мира. Я учила его. Я научила его всему, что знала, потому что была слишком слаба и боялась смерти… — Последние слова вырвались с рыданием.

— Вы сделали то, что должны были сделать. — Дебора погладила ее по щеке.

— Как нам сбежать? — спросил Проктор, оглядываясь на остров.

— Просто разверните корабль по течению, — ответила жена могола. — Он сам захочет вернуться в нужное место.

Проктор подошел к якорному клюзу. Вначале поискал, чем бы поднять якорь, а потом решил, что проще перерубить канат. Но старая толстая веревка с трудом поддавалась томагавку.

Что-то ткнулось в борт судна, а потом послышался скрежет когтей.

Проктор удвоил усилия, но веревка оказалась крепка.

Сперва над бортом появилась широкая черная лапа, за ней — вторая. А вот и морда пантеры с прижатыми ушами.

Жена могола заговорила нараспев на непонятном языке, но ее заклинание не подействовало.

Пантера выскочила на палубу и отряхнулась, окутавшись тучей водяной пыли. Ребра зверя вздымались и опадали — видимо, хищника утомил дальний заплыв.

Это был Эвери.

Проктор не мог с уверенностью сказать, как он

догадался. Почувствовал, и все. Что-то неуловимое в тяжелом дыхании, в усталости… Вот кто нагромоздил кости убитых людей на острове кораблекрушений. Молодой человек рубанул томагавком изо всех сил.

Рычащая пантера приближалась.

Якорный канат наконец-то лопнул, корабль дернулся так неистово, что все, кто был на палубе, едва не упали. Когда конец веревки скользил по доскам, увлекаемый весом якоря, Проктор проговорил:

— Не стесняйся, пусти длиннее верви твои и утверди колья твои…

Веревка проскочила в клюз и исчезла. Пантера присела на задние лапы, готовясь к прыжку.

Выпуская заклинание, Проктор повел в воздухе рукой, будто бы вязал узел.

Скользнув над бортом судна, удлинившийся канат захлестнулся вокруг когтистой лапы и завязался узлом. Пантера кинулась на Проктора…

…и осталась на месте.

Корабль плыл, влекомый течением, якорь же лежал на дне. Пантеру протащило по палубе. Она ревела, пыталась перегрызть веревку, царапала доски. А когда скорость «Воображения» возросла, Эвери превратился обратно в человека, но

опоздал на кратчайшее мгновение. Голый пират врезался в борт, перелетел через него, вцепился в деревянный брус.

— Я не отпущу вас ни за что! — орал он. — Я не отпущу вас ни за что!

Кусок планширя оторвался и остался у него в руках.

Проктор подбежал к борту. Вода, хлынувшая в открытый рот Эвери, заглушила крик, а потом тишина и тьма поглотили старого душегуба.

— Корабль плывет, — спокойно произнесла Дебора, обращаясь к жене могола.

Та кивнула и произнесла:

— Марайа ал-бахрейни яалтакьяни…

— Воспользуйся моей силой, — обняла ее Дебора.

— Марайа ал-бахрейни яалтакьяни, — повторила колдунья, делая долгие паузы между словами. — Ты понимаешь? Два моря, что текут свободно, встречаются в одном месте.

— Понимаю, — кивнула девушка.

На взгляд Проктора, Дебора весьма преуспела в мастерстве создания магических кругов и разделения силы. В светлеющем небе блекли звезды и луна. Казалось, что ночь стремительно сменяется белым днем. Туман над океаном развеялся.

Наступил ясный солнечный день, наполненный криками чаек, плеском волн, запахом соли.

— Как же давно я не видела солнечного света, — прошептала жена могола. Она сняла мешочек с шеи и вручила его Деборе. — Этого должно было хватить на мое возвращение домой.

— Я не возьму, — попыталась отказаться Дебора.

Но женщина решительно накинула на нее шнурок.

— Но теперь уже не понадобится.

— Не говорите так…

— Я в полном покое. — Голос женщины упал почти до шепота. — Он столь сладок…

— Как вас зовут? — Дебора сжала шнурок в кулаке. — Мы запомним ваше имя.

Но ответ канул в вечность. Лицо женщины повернулось к солнцу, купаясь в мягком и теплом свете.

Палуба под ногами задрожала и накренилась. Оглядевшись, Проктор понял, что они уходят под воду.

— Дебора…

Она стояла на коленях, баюкая в объятиях мертвую женщину, и слезы бежали по щекам.

— Не сейчас…

— Дебора, корабль тонет.

Он не просто тонул. Где-то в трюме раздался громкий треск. Борта раскалывались, палубные доски расползались. Переломилась пополам мачта. Проктор обхватил Дебору и потащил ее подальше от опасности. Им удалось избежать падающих реев и парусов.

— Спаси… — начала она, но, не договорив, выскользнула из рук Проктора.

Судно уже переворачивалось. Проктор катился по палубе за Деборой, а за ними гналась лавина перепутанного такелажа. Молодой человек успел хорошенько вдохнуть, а потом нырнул. К счастью, обломки так и не догнали его.

Он ушел глубоко под воду и, выныривая, думал, что легкие разорвутся, но продолжал бить руками и ногами, поднимаясь наверх. Вынырнул на поверхность, втянул живительный воздух и закружился на месте, высматривая Дебору. Она плавала неподалеку.

В несколько гребков Проктор приблизился к девушке.

— Хватайся за меня, — крикнул он. — Я не отпу…

Слова, которые совсем недавно выкрикивал Эвери, замерли на его губах.

Но у Деборы не было подобных предубеждений.

— Я не отпущу тебя ни за что, — сказала она.

На душе у Проктора потеплело, и он поплыл, преодолевая волны, к обломку мачты, в которую и вцепились потерпевшие кораблекрушение. Вдалеке виднелся парус — возможно, то судно, с которым они условились о встрече, отправляясь утром с Эзеком на поиски. Нужно продержаться совсем немного. Но Дебора выглядела подавленной.

— Теперь мы знаем, что нет никого британского корабля-разведчика, — сказал Проктор, начиная дрожать от холода. — Больше не будут пропадать в тумане суда, не будут погибать люди от рук Эвери…

Дебора неохотно кивнула, а потом вытащила из воды висевший на шее мешочек.

— И у нас есть это.

В голове Проктора тут же промелькнула тысяча способов с пользой потратить эти ценности. Например, купить оружие для борьбы за независимость.

— На них мы можем построить настоящую школу для женщин с волшебным даром, — сказала Дебора, улыбаясь. — Чтобы они безбоязненно

постигали магическое искусство и не прятались от людей.

— Я помогу тебе всем, чем смогу, — не раздумывая, ответил Проктор.

перевод В. Русанова

Раджан Ханна
КАРТЕЖНИК

Раджан Ханна — писатель, живущий в Нью-Йорке, в Бруклине. Его рассказы выходили в журналах «Shimmer Magazine», «Greatest Uncommon Denominator» и «Steampunk Tales», в антологиях «Shadows of the Emerald City», «Dreams of Decadence», «The Year's Best Fantasy & Horror». Он пишет множество статей для сайта увлеченных компьютерщиков Tor.com и для сайта FermentedAdventures.com — о вине, пиве и прочих спиртных напитках. Кроме того, он озвучивал книги для подкастов «Pod Castle» и «Starship Sofa», а также посещал писательский семинар «Кларион». Больше о нем вы можете узнать на сайте www. rajankhanna.com.

Следующий сюжет переносит нас на американский Юг, в край речных пароходов, мутной воды и игроков в карты.

И карточные фокусы, и предсказание будущего, и постройка карточных домиков

— все это более поздние изобретения, но различные игры — и простые, и сложные — существуют давно, и именно для них были придуманы карты. Когда-то они принадлежали богачам и знати — каждая колода рисовалась по индивидуальному заказу, как знак высокого положения. В мире Квентина Кеттерли обладание колодой карт наделяет человека колдовской силой.

Квентин — игрок с совершенно необычной колодой и жгучим желанием мести. Но, как поясняет автор, мы всегда имеем дело с ограничениями, в любом мире, где бы ни жили. В частности, выбор между служением себе и служением другим может быть довольно мучительным. Когда вы пойманы в сети мести, преданности и любви, любое неверное решение может привести к гибели.

Итак, мы представляем вам новый взгляд на волшебство, в котором один туз способен побить флеш-рояль. Конечно, если это тот самый решающий туз, пришедший как раз вовремя.

К тому времени, когда Квентин добрался до речного парохода, у него осталось тридцать семь карт, не считая двух джокеров. Его указательный палец скользил вдоль края колоды, надежно упрятанной в жилетный карман.

Он никогда не был стрелком и вообще не производил впечатление человека, умело обращающегося с оружием, однако когда-то носил на бедре нож. В то время карты значили для него не больше, чем женщины, его имущество и ожидаемое наследство.

Но эта колода… Потерю каждой карты он переживал тяжело. Восемь из них он утратил в процессе обучения — это были двойки и тройки. Двух лишился в Миссуле, когда его подловили с тузом — обычным тузом, понятное дело, — в рукаве. Еще одна спасла ему жизнь, когда он угодил под сель в горах. И наконец, в Одессе, штат Техас, он израсходовал три штуки, отбиваясь от разбойников.

Но все это не более чем предисловие. Вот к этому. К пароходу.

Сунув пальцы в карман, он достал бубновую семерку. Карта фосфорически светилась в руке, а потом исчезла, обратившись в дым. Квентин почувствовал, как призрачная пленка обвола-

кивает его тело. Покинув укрытие за рощицей, он спустился по склону к сходням, которые вели на пароход.

Он чувствовал взгляды охранников, хоть и знал точно, что никто не смотрит на него. Можно было бы семеркой бубен убить их всех, но он предпочел невидимость. Волоски на шее Квентина шевелились при мысли, что стволы винтовок направлены в его сторону, а пальцы стрелков лежат на спусковых крючках.

Он пошел прямиком к маленькому гальюну посреди главной палубы, но не успел дойти, как гребное колесо сдвинулось с места, с ревом взбивая воду. Слегка наклонившись, судно понесло Роланда Кеттерли и его людей вниз по Миссисипи.

Квентин скользнул за дверь гальюна, притворив ее как можно медленнее и тише. Карта обеспечивала защиту от чужих глаз, но не скрывала звуков.

Он вынул две следующие карты — они лежали наверху колоды, точно там, где и были оставлены. В его пальцах бубновый и червонный валеты слегка изогнулись, как во время игры. С болью в душе Квентин лишался этих карт, особенно печалился по червонной масти, пригодной для

исцеления. Но он должен быть уверен: применяемой силы хватит, чтобы ввести в заблуждение владельцев парохода.

Квентин бросил вниз обоих валетов, с трудом подавив стон. Его лицо застыло, уподобившись восковой маске. Бубновая масть вполне могла обеспечить изменение наружности, но не голос и манеру ходить, а без этого обмануть не получится. Вскоре сердце подтвердило: все тело подверглось внешней перемене. Хотя Квентин испытывал отвращение, принимая чужой облик, он не придумал лучшего способа свободно перемещаться на борту парохода.

Когда преображение полностью завершилось, он глянул в зеркало и поразился тому, насколько похож стал на Роланда Кеттерли — человека, которого собирался убить.

Квентин еще помнил большую игру в Тумстоуне. Ему везло как никогда, большинство жетонов возвышалось неровной горкой перед ним. А старик, против которого он играл, с каждой партией злился все пуще. Каждая ушедшая стопка жетонов повергала его все глубже в пучину уныния.

Пьяный от азарта, окруженный женщинами, Квентин хвастался напропалую, показывал

карточные фокусы и фокусы с жетонами, заставляя их взлетать, танцевать на столе и исчезать. Красотки охали от восхищения и придвигались поближе. И с каждой похвальбой Квентина все сильнее перекашивало старика.

В конце концов молодой картежник выиграл почти все. Забрал деньги и поднялся в свой номер, оставив дверь открытой в надежде, что кто-нибудь из красоток захочет составить компанию. Но явился незваный гость. Старик.

— Что вам угодно? — спросил Квентин, подумав, что опрометчиво оставил нож рядом с умывальником.

— Мне нужны эти деньги, — ответил старик.

— Я честно их выиграл.

— Не спорю. Но я готов предложить кое-что взамен. Нечто более важное. Нечто более ценное.

— Что может быть важнее, чем деньги?

— Волшебство, — улыбнулся старик.

Поднимаясь по лестнице на верхнюю палубу, Квентин заставлял себя двигаться спокойно и не показывать тревогу. Он давно уяснил: собственные волнение и страх порой приносят больше вреда, чем внешние угрозы. В карточной игре и при показе фокусов ему удавалось обуздывать свои чувства, но то, что происходило сейчас, было

чересчур сильным испытанием для нервов.

Шум гребного колеса заглушал болтовню матросов. В воздухе плыл дурманящий гнилостно-сладкий аромат Миссисипи.

На ступеньках он столкнулся с человеком из пароходной команды, который почтительно приподнял шляпу. Квентин ворчливо ответил голосом Роланда, копируя его манеры, которые в прошлом наблюдал много-много раз. Сердце у него учащенно забилось. Но человек прошел мимо, ни о чем не догадываясь.

Квентин надеялся отыскать Роланда на самой верхней палубе, в его апартаментах. Остальные помещения речного парохода, по обыкновению, сдавались за деньги — пассажирам и под перевозку грузов. Но верхняя палуба оставалась личной территорией Роланда, откуда он управлял своей империей. Империей, которая некогда принадлежала отцу Квентина.

Сдерживая дрожь в груди, Квентин поднялся на самый верх. Одна рука скользила вдоль поручней, а пальцы второй зависли наготове над жилетным карманом. Вдруг из каюты вышел бородатый мужчина в белой одежде.

— Ах, вот вы где, мистер Кеттерли! — воскликнул он. — Не могли бы уделить мне пару минут?

Квентин услышал, как стучит пульс в висках.

— Я очень тороплюсь, — ответил он голосом Роланда.

— Ну пожалуйста, — настаивал мужчина. — Речь идет о вашей супруге.

В жилах Квентина заледенела кровь.

— Хорошо, — кивнул он и следом за мужчиной вошел в каюту.

Там, на кровати, укрытая одеялом, лежала мать Квентина с покрытым испариной изнуренным лицом.

— Это очень старое искусство, — сказал старик. — Столь же старое, как и сами карты.

— Но почему именно карты?

— Потому что нужно фокусировать силу. Необходимо средство, чтобы сформировать ее. Я слыхал краем уха, что некоторые люди записывают на бумаге набор слов. Мы же пользуемся картами. Они подходят как нельзя лучше — масти и связанные с ними ранги. А еще их удобно носить с собой. Легко путешествовать.

— Мне кажется, в этом есть доля истины, — согласился Квентин.

— Ты обязан запомнить два основополагающих принципа, — продолжал старик. — Масть карты определяет ее воздействие — черви отвечают за

волшебство, связанное с живыми телами, бубны очень полезны для манипуляций с деньгами, для отвода глаз, ну и тому подобное. Ранг карты определяет охват и мощь воздействия. Чем выше ранг, тем сильнее волшебство.

— Тогда почему, — нахмурился Квентин, — не использовать все время карты самого высокого ранга?

— А я разве не упоминал об этом? — злорадно ухмыльнулся старик. — Каждой картой ты можешь походить только раз в жизни.

— Что?

— Что слышал. Карты одноразовые. Израсходуешь колоду — новой не будет.

— Ну ладно. — Квентин уселся на деревянный стул. — Это лишь добавляет азарта игре.

— Что еще подсказать?

— Как я узнаю, для чего использовать каждую карту?

— А! Ты сам увидишь. — Старик нацелил на Квентина указательный палец. — Это очень похоже на фокус. Своего рода игра. Придется сделать ставку и надеяться, что угадал правильно. Через определенное время придет опыт.

— Но к тому времени я потеряю часть карт.

— Это правда, с которой не поспоришь.

Квентин посмотрел на колоду карт, лежащую перед ним.

— А как насчет джокеров? Их тоже можно брать в расчет?

— Конечно. — Старик расплылся в ухмылке. — Но джокеры неуправляемы.

Квентин смотрел на свою мать. Судя по прерывистому дыханию и изможденному виду, она сильно болела. Обычно она выглядела гораздо солиднее. Это когда еще была замужем за его отцом. Прежде чем связалась с Роландом Кеттерли.

Он взял сухую и почти бесплотную руку, легонько пожал ее.

— Как ее самочувствие? — спросил у доктора.

— Признаться, не слишком хорошее, — ответил тот, утерев взмокший лоб рукавом. — Болезнь прогрессирует. Она почти все время в горячке. Единственное, чем я могу облегчить ее страдания, это уколы морфия.

Усилием воли Квентин сдержал слезы. Он не мог позволить себе расплакаться глазами Роланда. Колода оттягивала карман. Пробежав пальцами по торцу, он нашел подходящую карту. Вытащил даму червей трясущимися пальцами. Эта карта могла исцелять. Он сжал покрепче разрисованный картон. Одна мысль — и заклина-

ние сработает. Одна только мысль. Карта мелко дрожала, но не загоралась.

В конце концов Квентин вернул даму в колоду. Сейчас он в двух шагах от Роланда. И от одной карты может зависеть, победит он или погибнет.

К тому же, если подумать, его мать сама выбрала Роланда.

Квентин отвернулся от нее, позволив руке больной женщины упасть на одеяло.

— Делайте все, что в ваших силах, — сказал он врачу, а потом отправился на поиски Роланда.

Свою вину он искупит в огне и крови.

Квентин стер пот со лба. Он только что истратил свою первую карту. Двойка треф создала небольшой огонек и заставила его плясать в воздухе.

— Как я пойму, какой ранг карты надо использовать? Откуда узнаю, сколько времени продержится волшебство и что нужно делать, чтобы выполнить желание?

— Ты и не узнаешь, — покачал головой старик. — Это ведь карты, азартная игра. Иногда — блеф. Но подобно всему, чему научился в жизни, ты научишься раскрывать сущность карт, и тогда все будет получаться.

Подагрической рукой он протянул Квентину

новую карту. Бубновую двойку.

— Еще попытка.

Квентин осторожно взял ее, не до конца уверенный, что понимает старика и его побуждения, хотя учился две недели — штудировал книги, рассматривал карты, запоминая историю каждой и связи между ними. Старик просил называть его Хойлом, но вряд ли это было настоящее имя.

Молодой человек взглянул на свою почти полную, но уже початую колоду, лежавшую на столе рубашкой вверх. Только что их было пятьдесят четыре. Теперь пятьдесят три.

— Сколько? — Он поднял глаза на старика.

— Что «сколько»?

— Сколько карт потеряли вы?

— Всего лишь пять. — Учитель моргнул и потупился.

Квентин успел заметить сожаление, мелькнувшее в глазах старика, но предпочел не задумываться. Его собственная колода почти полна, а когда он закончит обучение, то постарается найти Роланда.

И все-таки, используя следующую карту, вздрогнул, поскольку, пробуждая к жизни заклинание, лишался ее навеки. Бубны — масть иллюзий и обмана, поэтому Квентин создал в воображении

образ старика, шагнувший к ним из зеркала. Несмотря на полную сосредоточенность, ему не удалось точно повторить облик живого человека. Иллюзия выглядела размытой и плоской, неестественной. Просто-напросто призрак.

— Что случилось? — спросил Квентин.

— Ты попытался сотворить заклинание, которое не по силам этому рангу карт, — пояснил старик, в то время как призрак рассеивался.

— Проклятье! — выругался Квентин. — Я только что потратил карту впустую. Не уверен, что мне хочется продолжать.

— Придется. Нужно привыкать к картам. Вообще-то, не все хотят учиться, некоторые выходят с полной колодой, отказываясь потратить впустую даже одну карту. Рано или поздно все они погибают. У них нет чувства карт. Искусство взвешивать шансы непростое, тебе еще предстоит его постичь. Ты же не садишься за карточный стол, чтобы противостоять опытным игрокам, пока не узнаешь все правила? Надо набираться опыта. Как отыскивать карту в колоде, в какой момент доставать ее и с какой целью ходить. Черт побери! А ведь мы еще не поговорили о том, как объединять воздействие карт!

Квентин вздохнул. Он прекрасно видел расклад

старика. Все, чем они занимались, лишь преамбула. Значение имеет одно — магия карт позволит отомстить Роланду.

— Так все-таки, как обстоят дела с джокерами? Вы можете их чувствовать?

— Они непредсказуемы, — пожал плечами Хойл. — Нет ранга, нет определенного значения. Красного мы называем Мудрецом. А черного — Дураком.

Квентин привыкал к именам, которые игроки давали некоторым картам: например, туз пик — Карта Смерти, бубновый валет — Весельчак, король червей — Король Лжецов.

— На твоем месте я бы спрятал джокеров подальше, чтобы не испортили дело. Свои я засовываю в ботинки. Одного в левый, другого в правый. В случае чего, смогу их вытащить, но что-то мне подсказывает: вряд ли такая необходимость возникнет.

— А что вы можете сказать обо мне?

— Если не брать во внимание карточную игру, — поразмыслив, ответил Хойл, — то во всем остальном ты напоминаешь быка, увидевшего красную тряпку. Больше сказать нечего.

И он вынул следующую карту.

Не обращая внимания на встречных матросов,

Квентин решительно приближался к верхней палубе, к внутренним покоям, где рассчитывал найти хозяина парохода. Достигнув двери, он дернул ручку на себя и едва не столкнулся с Роландом Кеттерли.

Несколько секунд они растерянно смотрели друг на друга. Когда же Квентин выхватил карту, Роланд заорал и отпрянул к стене. Несколько вооруженных револьверами мужчин появились рядом, как по волшебству.

Квентин кинулся к другой стене, подальше от двери, нашаривая в кармане новую карту. Дрожащими пальцами он достал девятку пик и создал вокруг себя защиту. Мгновение спустя та отразила град пуль, выпущенных в упор, и Квентин вздохнул с облегчением.

Пороховой дым с частыми вспышками мешал видеть, но он все же доставал карту за картой, пики и трефы, бубны и червы, и каждая оживала, вспыхивала, прежде чем падал один из стрелков. Квентин использовал все свои знания, которые мог припомнить, все виды воздействия, которым успел обучиться. Трефы для огня, бубны для земли, черви для воды, пики для воздуха. А потом уже другой ранг — трефы для воздействия на дух, черви для изменения тела. Карта за картой, карта

за картой…

И каждый раз падал кто-то из людей. Но все время не те. Не Роланд Кеттерли.

Не дядя Квентина.

Присев около кровати старика, Квентин отер ему лоб чистой холстиной.

— Нужно, чтобы ты для меня кое-что сделал, — проговорил Хойл.

Молодой человек давно этого ждал. Сейчас старик попросит, чтобы ученик использовал для него карту червовой масти. Квентин много размышлял и решил, что дело того стоит. Как ни крути, это Хойл дал ему колоду.

— Продолжайте.

— У меня есть сын. Я очень давно его не видел. Мы… не слишком дружны. Эта так называемая жизнь не способствует добрым отношениям в семье.

— Вы хотите, чтобы я дал ему денег?

— Денег я ему даю достаточно, — покачал головой старик. — Речь о том, что на самом деле так долго удерживало меня на земле. Нет, я прошу, чтобы ты передал ему его собственную колоду.

— Что?

— Не хочу, чтобы он прожил такую же жизнь, как и я. Мальчик угодил в плохую историю, а

рядом никого, кто мог бы его научить.

— Но я даже не представляю, как сделать колоду…

— Я уже сделал, — сказал старик. — Тебе остается только передать карты и показать, как они действуют.

— Хойл…

— Я не мог с ним встретиться, и теперь уж этого не случится никогда. Но ты-то можешь. Пожалуйста, скажи, что исполнишь мою просьбу.

Квентин вспомнил отца и свое позорное бегство из семейного дела. Теперь у него есть возможность помочь человеку, не связанному с фамильной империей. Не испорченному мерзостью Роланда.

— Хорошо, я согласен. Но вам не обязательно умирать. У меня есть карты, я могу подлечить вас.

— Я уже пробовал. — Хойл опять покачал головой. — Должно быть, Провидение решило, что моя жизнь прожита до конца. Я слишком слаб, изношен. Пора уходить. Просто сделай, о чем я прошу. Пожалуйста.

Уже попрощавшись со стариком, Квентин взял свежую, ярко раскрашенную колоду и упрятал поглубже в дорожный сундучок. Он знал навер-

няка: для него эти карты бесполезны. И твердо решил передать их по назначению.

Но вначале следовало заплатить по счетам.

Пороховая гарь забивала ноздри. Пол был устлан телами. Но внимание приковывала лишь дверь в конце комнаты — именно туда сбежал Роланд. Когда Квентин доставал новую карту, колода показалась слишком уж тонкой. Но он подобрался почти вплотную к врагу. Осуществленная месть стоит потери карт.

Согнув одну из них в пальцах, Квентин шагнул к двери и распахнул ее ударом ноги. Отдача дрожью отозвалась в голени и бедре. Мгновение он помедлил.

Никого.

А потом в дверном проеме возник широкий силуэт. Карта вспыхнула в руке Квентина, вперед устремились шесть сверкающих клинков. Молодой человек шагнул за ними следом, и улыбка искривила его губы.

Но его противник, высокий и тучный, стоял как ни в чем не бывало и тоже улыбался. В его пальцах веером развернулись карты.

Квентин выхватил очередную карту, рангом повыше — в магических поединках это очень важно. Дама червей. Очень сильная карта… Но

вдруг он вспомнил о матери и замешкался.

Карта в руках громилы загорелась. Невидимые кулаки врезались в Квентина, отбрасывая его к стене. Он не мог пошевелиться. Не мог дотянуться до своих карт.

Громила приближался. За его спиной восседавший в роскошном кресле Роланд закинул ногу за ногу.

— У вас тоже есть карты, — хмуро проговорил Квентин.

— Думал, ты один такой? — улыбнулся второй картежник.

Квентин скрипнул зубами.

— Конечно, моя колода сейчас похудела, — продолжал громила. — Но игра есть игра. Чем больше пользуешься магией, тем тоньше колода. Но только последний болван станет радоваться этому. — Он снова улыбнулся, и Квентину захотелось изо всех сил врезать кулаком в прокуренные зубы. Но невидимые путы сковывали движения.

Громила вынул окурок сигары из кармана и щелкнул медной зажигалкой. Затлел алый огонек.

— Он в ваших руках, Кеттерли.

Роланд двинулся вперед и остановился в нескольких шагах от Квентина. Дядя слегка со-

старился, похудел, но спину держал ровно.

— Значит, ты явился за моей жизнью, — сказал Роланд. — Признаться, не думал, что ты на это способен. Я всегда считал тебя таким же беззубым ничтожеством, как и твой отец.

— Лучше быть беззубым ничтожеством, чем клыкастой гиеной.

— Лучше ли? — приподнял бровь Роланд. — Мы знаем, кого предпочла твоя мать.

Квентин напрягся, пытаясь сдвинуться с места.

— Возможно, она клюнула на твою ложь. Но я не повторю ее ошибки.

— Какой пафос! — Губы Роланда растянулись. — Ты в самом деле стал другим человеком. Но ты проиграл.

— С твоими людьми я разделался легко.

— Я найму новых. — Роланд улыбался уже во весь рот.

Квентин помимо воли попытался сжать кулаки, но даже этому помешало волшебство толстяка. Хотя в этот раз кончики пальцев пошевелились. Квентин моргнул. Магия слабеет? Если у толстяка не полная колода, то и сила его заклинаний ограниченна. Или это пустая надежда?

— Ты просто выиграл немного времени, — сказал он Роланду. — Я убью тебя.

— Ха! Неужто веришь в свои слова? Ты угодил в сеть, как рыбешка. И мое великодушие иссякает. Сейчас Лакруа покончит с тобой, и для меня все пойдет по-прежнему. Твоя мать давно считает тебя покойником. Все, что я могу сказать, — у тебя был шанс. Хотелось бы отпустить племянничка, оставить в живых, чтобы он тоже обрел свое счастье. Но разве ты способен смириться с моим? — Роланд отошел, потом вернулся. — Я уже говорил, что ты весь в отца. Возможно, поэтому и делаешь ошибку за ошибкой. Но… вот о чем я подумал. Если бы у твоего отца было волшебство, как у тебя, он не потратил бы такое сокровище на насилие и убийство. Он попытался бы помочь людям. Твой отец всегда был помешан на благотворительности. — Роланд приблизил лицо почти вплотную к Квентину. — Нет, племянничек. Истина заключается в том, что хотя бы в этом отношении ты больше похож на меня.

Квентину хотелось заорать, вцепиться в Роланда, выдавить ему глаза. Но магия прочно удерживала его. За исключением пальцев, которыми он теперь шевелил немного свободнее.

— Что ж. — Роланд безмятежно улыбнулся. — Думаю, пора сказать: прощай, Квентин. — Он потрепал молодого человека по щеке. — Передай

привет братцу от меня. — Шагнув назад, он вынул револьвер из кобуры на поясе.

Квентин уже мог двигать всей кистью.

Роланд взвел курок.

Квентин согнул запястье.

Туз из левого рукава скользнул в ладонь.

Трефы, масть огня.

Когда карта сработала, Лакруа загорелся, как сноп соломы. Карты громилы, выскользнув из разжавшихся пальцев, рассыпались по полу.

Лакруа страшно кричал, и Квентин чувствовал, как сила, удерживающая его, исчезает. Роланд выстрелил, но Квентин уже смешался в сторону, прикрываясь горящим человеком и выхватывая на ходу туз пик из правого рукава.

Револьвер громыхнул снова, и острая боль пронзила Квентина, словно копье. Он рухнул на пол, туз выпал из его пальцев. Мир померк, распадаясь на куски.

Роланд наступил на карту, а потом, наклонившись, вытащил остаток колоды из кармана Квентина. Небрежно швырнул за спину.

— Не думал, что ты одолеешь Лакруа, — сказал он. — Но даже это тебе не поможет.

Квентин прислушался к ране. Он растерял все карты, включая те две, которые прятал в

рукавах.

— Ты дурак. — Роланд поднял револьвер.

Память зажглась так же ярко, как и до этого зажигались волшебные карты. Квентин потянулся к одной из оставшихся, спрятанной в правый ботинок.

Черный джокер.

Дурак.

Молодой человек выхватил ее.

Палец Роланда надавил на спусковой крючок.

Карта вспыхнула, ослепляя.

Звук рушащегося мира гремел в ушах.

Спустя мгновение Квентин понял, что все еще жив.

Джокер оставался в руке, а пуля, налетевшая на его ребро, развалилась напополам.

Квентин оттолкнул револьвер и кулаком ударил Роланда в пах. Когда его дядя скорчился, он потянулся за картой, лежащей на полу.

Туз пик вспыхнул в его пальцах.

Сидя в спальном вагоне, Квентин смотрел в окно. В левом кармане его жилета лежала колода — не больше двадцати карт. Из тех, что остались после схватки на пароходе, пришлось истратить семерку червей, чтобы залечить огнестрельную рану. А потом еще даму червей, чтобы помочь

матери. Он не был уверен, сработает ли это волшебство, а потому поручил заботу о ней доктору. После всего, что натворил молодой человек, встречаться с матерью он не решился.

Побудительная причина для постижения тайны карточного волшебства исчезла. Половина колоды была растрачена, чтобы свершить правосудие. Но в запасе оставалась еще половина.

Покинув отель, он все время раздумывал над словами Роланда; они эхом звучали в голове. Об отце Квентина. О том, как бы он использовал магические карты. Что ж, возможно, на самом деле это правильный путь.

Но сперва предстояло выполнить обещанное. Новая колода карт ждала своего обладателя. Квентин походил с Дурака, и удача его не оставила.

Пора начать новую игру.

Теперь он станет Мудрецом.

перевод В. Русанова

Женевьева Валентайн
ТАК ГЛУБОКО, ЧТО ДНА НЕ ВИДНО

Первый роман Женевьевы Валентайн «Mechanique: A Tale of the Circus Tresaulti» был издан «Прайм букс» в 2011 году. Ее фантастические рассказы опубликованы в антологии «Running with the Pack», в журналах «Strange Horizons», «Futurismic», «Clarkesu'orld», «Journal of Mythic Arts», «Fantasy Magazine», «Escape Pod» и многих других. Ее работы были включены в мои сборники «Federations» и «Когда мертвые оживут» («The Living Dead 2»), Женевьева Валентайн не только пишет прозу, но и ведет рубрики в журнале «Fantasy Magazine» и на сайте Tor.com.

Для большинства людей глобальное потепление является приближающейся, но по-прежнему гипотетической проблемой, призванной пугать людей, но не задевающей их непосредственно. А вот для инуита, чьи земли дюйм за дюймом

освобождаются ото льда с каждым новым летом, глобальное потепление так же актуально, как и незваный гость, храпящий на его кровати. Обширные ледники тают, а значит, перед этим северным народом встают новые задачи и неожиданные испытания. Сюжет следующего рассказа окунается в слякоть, оставленную тающим льдом, и обнаруживает магию, шагающую по воде.

Анна Ситийоксдоттир — шаманка, живущая на последних четырех акрах уцелевшей инуитской территории. Ее родина — Умиужак, привычная и изведанная земля, магия которой уходит прочь с каждой каплей растаявшего льда. Проще подыскать себе работу морского биолога и изучать гибнущее море, чем бороться с разрушительным воздействием внешнего мира на естественное волшебство.

Никто пока не предполагает, каким образом человечество выживет в мире, где необратимо меняется климат. Этот рассказ как бы спрашивает: а найдется ли место магии в изменившейся действительности? И достойны ли мы ее?

Анна проснулась, зная, что погиб последний нарвал.

Это висело в воздухе, когда она одевалась, когда открывала дверь и ветер толкал ее в лицо, студил пальцы. Рукавиц она уже давно не носила, поскольку зимы пошли не чета прежним.

Все еще в темноте она покинула захламленное жилище и прошла на наблюдательный пункт у самой ограды, которая окружала последние четыре акра заповедной земли инуитов.

Морская обсерватория располагалась в старенькой трехкомнатной школе. После того как все ученики перебрались в новые государственные школы, правительство передало здание Анне. «Жест доброй воли», — прокомментировал уполномоченный с невозмутимым видом. Теперь здесь разместили подарок местных властей — оборудование, прошедшее через третьи руки.

Обсерватория стояла у самого уреза воды. Летом, бывая на берегу, Анна видела неестественно зеленое мелководье, а дальше дно уходило вниз, оставляя бездонную черную воду и куски молочно-белого льда. Припайные льды уже пронизывались порами, ломались, таяли, исчезали.

Наползающая весна плохо влияла на Анну, ей не хотелось ничего видеть.

Внутри поста она включила компьютер и вызвала программу регистрации смертей. Как вдруг в дверь постучали.

Стоявший на пороге человек дрожал, несмотря на теплую куртку, шапку и перчатки.

— Анна Ситийоксдоттир?

Так ее звали на Большой земле.

— Да, я, — кивнула она после недолгих колебаний.

Он как будто обрадовался. Сверился с электронной записной книжкой.

— Мисс Ситийоксдоттир, моя фамилия Стивенс. Я прибыл, чтобы пригласить вас на Первый международный конгресс волшебников.

Она фыркнула.

Гость снова заглянул в электронную книжку.

— Организация Объединенных Наций собирает множество специалистов по волшебству, чтобы обсудить стремительно изменяющийся экологический и магический климат и начать сотрудничество в ряде инициатив. Ваш вклад в работу конгресса как шамана, знакомого с природной магией, будет неоценим. Мероприятие начнется завтра и продлится два дня.

— Нет! — отрезала она.

— Я буду сопровождать вас и ассистировать, —

продолжал он как ни в чем не бывало. — А вы — делегат конгресса. Мы можем отправиться прямо сейчас. Я подожду, пока вы соберете необходимые вещи.

— Я не шаманка, — ответила она. — И когда еще был жив последний из шаманов, ООН ни в малейшей мере не считала их вклад ценным. Так ей и скажите.

— Мисс Ситийоксдоттир, — улыбка Стивенса растаяла, — вы последняя инуитка с какими бы то ни было способностями шамала. Поэтому правительство Северных Штатов настаивает на вашем присутствии. Подумайте хорошенько. У меня есть полномочия привлечь в случае необходимости полицию.

Да, такие «приглашения» для правительственных структур — обычное дело.

— Мне потребуется хотя бы час, — уступила Анна. — Этой ночью умер последний нарвал. Нужно при помощи радара найти труп и передать сообщение в Совет по дикой природе.

— А откуда вы знаете, что он умер, — моргнул Стивенс, — если не видели трупа?

Она взглянула на него и ничего не ответила, а у него хватило приличия покраснеть.

Нарвал выбросился на берег, чтобы умереть.

Анна поняла это по нетронутому песку вокруг тела — животное не боролось за жизнь, не пыталось вернуться в воду, смирившись с неизбежным концом.

— Как вы заберете его? — Стивенс, тяжело дыша после ходьбы по камням, присел на один из них.

Когда сопровождающий снял шапку, чтобы обмахнуть лицо, оказалось, что он лысеет.

Нарвалы, как и зимы, были теперь далеко не такими, как раньше, но этот весил не меньше шести центнеров.

— Никак, — ответила Анна, а потом добавила: — Самое правильное — оставить его птицам.

— О-о-о… — протянул Стивенс, будто стал свидетелем великого и ужасного колдовства.

«Чтоб тебя море забрало», — пожелала Анна.

Бледно-серая шкура кита была гладкой, как у детеныша, хотя перед ними лежала взрослая особь. Анна догадывалась, что в этом кроется какой-то смысл, но не могла понять, какой именно. Шагнув вперед, она прикоснулась к плавнику и замерла, прислушиваясь. Потом прижалась лбом к холодной липкой шкуре.

«Ответь мне… Ответь… Что делать?»

— Мисс Ситийоксдоттир, если вы не намерены забирать труп животного, нам лучше отправить-

ся в аэропорт.

Что ж, это тоже своего рода ответ.

Анна ушла. Через пару дней труп не будет даже напоминать нарвала.

Ее мать, Ситийок, перебралась в Умиужак, когда в исконные инуитские владения начали прибывать беженцы из Нижних Штатов.

Все считали, что Ситийок, слишком осторожная и даже робкая, останется. Но она была шаманкой и не могла бросить свой народ. Эта земля всегда принадлежала инуитам. Разве они должны срываться с места только потому, что так захотелось жителям южных краев? Пусть кто желает, перебирается на север. А тем, кто решит остаться на юге, ее помощь не понадобится.

Ситийок улыбалась им всем, а потом ушла на север, куда смогла добраться.

Осознание собственной правоты, пришедшее несколько лет спустя, радости не принесло. Поселок, где жили ее родители, заполонили южане.

Большинство инуитов приняли новые условия жизни, как до того принимали старые. Они забросили охоту, отказались от привычного уклада и устроились на государственную службу — кто пилотом на аэродром, кто прислугой в гостиницу. А погода становилась все теплее и теплее, зима

отступала все дальше на север каждую весну, и беженцы ползли с юга, словно каменная осыпь со склона в долину.

Приведя в Умиужак собачью свору, Ситийок била тюленей. Продавая шкуры, кое-как сводила концы с концами, но в итоге продала и собак. Когда море потеплело, тюлени ушли, и люди из Умиужака двинулись вглубь страны в поисках лучшей доли, поодиночке и целыми семьями.

— Пойдем с нами, — говорили они. — Зачем тебе оставаться?

Ситийок улыбалась им. Но осталась.

Те немногие, кто не покинул поселок-призрак, постепенно вымирали от голода. Ситийок научилась охотиться на кроликов и добывать рыбу ловушками и сумела победить бескормицу. А следующей зимой родила девочку, которую назвала Аннакпок — Свободная.

Международный конгресс волшебников проходил в амфитеатре города Авентикума, в Швейцарии. Это чтобы избежать пересудов о том, что страна-организатор влияет на ход мероприятия.

Когда они покинули отель, солнце ударило по глазам, и Анна прищурилась.

— А почему именно в амфитеатре? — спросила она.

— Да из-за магии этой вашей, — ответил Стивенс, пренебрежительно махнув рукой. Затем спохватился: — Не подумайте чего. Просто я верю только в науку. Я биолог по образованию.

— Я тоже, — кивнула Анна.

Он закашлялся.

— А вот и ваш автомобиль.

Амфитеатр был оцеплен полицейскими. Под транспарантом «Убедительная просьба держать амулеты на виду» двое охранников подозрительно всматривались в талисманы, ожерелья и татуировки. В самом сооружении понаставили ларьков с едой и сувенирами. Продавцы перекрикивали друг друга, привлекая внимание покупателей.

На трибунах, выше гладиаторских, висели таблички с названиями государств. Анна разглядела Кению, Германию, Малайзию и Россию. «Любопытно, осталась ли у ненцев настоящая зима?» — подумала она.

— И быстро у вас заполнилась квота на природных магов? Или без проблем не обошлось? Мне можете довериться.

— Говорите, пожалуйста, тише, — попросил Стивенс.

Табличка с ее именем стояла на столе Объ-

единенной Республики Канада, рядом с местом некоего Джеймса Стэндинга Толла, который на вид приходился ровесником ее матери. Когда Анна подошла, он удивленно заморгал.

— А я и не знал, что в Северных Штатах остались шаманы, сказал он вместо приветствия.

— Не осталось, — ответила она, присаживаясь. — Теперь берут кого попало.

Колдун Адам Малефицио, делегат от Величайшей Британии, явился одним из последних — под неожиданно потемневшим небом, сопровождаемый вспышкой молнии и дымом.

Несколько заклинателей вскочили, нацелив на него волшебные палочки, трости и просто открытые ладони.

— Берегитесь! — предостерег один.

— Одумайся! — воззвал другой.

— Друзья! — Адам Малефицио воздел руки. — Сдержите ваши заклинания! Я прибыл с миром, чтобы обговорить будущее нашего содружества. — Он небрежно отряхнул мантию и манжеты. Absit iniuria verbis.

Кое-кто из чародеев рассмеялся. Англичанин тоже захохотал, его глаза отливали красным, а зубы сияли белизной.

Стивенс, сидевший позади Анны, наклонился

к ней и перевел:

— Не истолкуйте меня превратно.

— Поглядим, — ответила она.

Председатель конгресса призвал высказываться, прежде чем начнутся дебаты.

Малефицио церемонно поднялся и провозгласил:

— Меня избрали, дабы я выступил от имени всех, кто пользуется магией.

Джеймс Стэндинг Толл повернулся к Анне и задумчиво произнес:

— Не пора ли перевыбирать?

— Уже восемьсот лет как пора, — ответила она.

Малефицио долго и велеречиво излагал обращение братства к собравшимся. Оставалось загадкой, кто же наделил его такими полномочиями, поскольку волшебные палочки некоторых заклинателей оставались наготове во время его длинной речи.

Послушав двадцать минут, Джеймс и Анна начали обмениваться записками.

Она узнала, что он индеец кри — один из последних представителей своего племени. Жил, не покидая Южных Штатов, даже после их поглощения Канадой. И хочет вернуться на родину, где весной пятидесятиградусная жара.

«Я умею вызывать ветер, — написал он. — Это лучше, чем бежать».

Анна прекрасно понимала, почему он остался. Не надо спрашивать человека, где он вырыл себе последний окоп.

«Зачем вы приехали сюда?» — вместо этого написала она.

«Хотел голосовать», — ответил он.

«За что боретесь?»

«За всё».

«Моя мать была шаманкой, — написала она. — А я — нет. Серьезной магией не владею».

Тем временем Адам Малефицио вещал с трибуны:

— Единство для нас теперь важно как никогда. Сейчас волшебники занимают уникальную и все более заметную позицию в сем переменчивом мире. Давайте же не забывать: место, где мы собрались, нами же и создано. Это волшебное место. Это место служит волшебству. Без единства мы слабы.

«Мы будем бороться за всё, пока у нас есть сила», — написал Джеймс.

А Малефицио никак не унимался, пытаясь соперничать с ретрансляционными установками:

— Это место для тех, кто познал истинную

магию и готов с уважением и пониманием объединиться, а потом conjunctis viribus мы преуспеем во всем, что желаем свершить на сей священной земле.

— Совместными усилиями, — снова перевел Стивенс.

— И это ознаменует новую эпоху! — закончил Малефицио.

Он разорвал стопку листов, которую держал в руках, и подбросил ее вверх. Бумага обернулась полудюжиной голубей и улетела.

День выдался кипучим, но совершенно бесплодным. На референдуме за магическую защиту окружающей среды Анна твердо решила покинуть конгресс. Бесполезно ждать, что к ее словам кто-то прислушается, когда все кругом размахивают волшебными палочками.

А потом слово взяла представительница Японии.

Она куталась в лисий палантин, такой широкий, что на нем помещалось двенадцать голов этих зверей. А цвет одежд под накидкой напоминал тающий городской сугроб или блекло-серую шкуру нарвала.

Анна вернулась на место.

— Конечно, я не могу говорить от имени всех

природных магов, — сказала женщина под гул синхронных переводчиков. — Но я точно знаю, что моя собственная магия уже столкнулась с проблемой, которую мы вознамерились тут решить. От наших усилий не будет проку, если мы не призовем на помощь природу.

— Не притворяйтесь бессильной, лисья ведьма! — воскликнул Малефицио.

Шесть лисьих голов на ее одеянии приподнялись и зашипели на толпу.

— Никакой магии! — вскинулся председатель конгресса. — И никаких выступлений в нарушение очередности. Делегат Хана, благодарю вас, можете присесть. Никакой магии, дамы и господа, прошу вас.

Под иронические смешки заклинателей японка вернулась на место.

— Если бы они создавали свои снадобья из трав, то не смеялись бы, — сказал Джеймс.

— Если бы они создавали свои снадобья из трав, — кивнула Анна, — у нас еще были бы травы.

Первое, что Аннакпок сделала, приняв обязанности шамана, — это сложила погребальный костер для своей матери и распевала, пока ее тело не обратилось в прах.

Тогда было еще довольно холодно, потому Аннакпок вышла на лед — рассыпать пепел вокруг лунок, где охотилась мать. Своего рода жертва тюленям, воздаяние за взятое у природы.

Бесполезный ритуал, ведь тюленей больше не осталось.

Мать обещала, что она ощутит волшебный свет. Аннакпок вздохнет — и осознает предназначение шамана, и в ее венах заструится сила.

Впервые она почувствовала себя шаманкой в двенадцать лет, когда прибыл чиновник, чтобы взять образец крови ее матери и поставить Ситийок на учет как природного мага.

Зимнее солнце уже закатилось, а без матери Аннакпок оставалась одна-одинешенька в Умиужаке. Только лунный свет озарял голые льдины.

Ветер похитил пепел из миски, и на берег Аннакпок вышла с пустыми руками.

И это было последним, что сделала она в качестве шамана.

Анна заступила дорогу японке, когда на закате они покидали амфитеатр. Та вроде нисколько не удивилась.

Стивенс пояснил, что ее зовут Кимико Хана, она цукимоно-судзи, повелевающая лисами,

своими фамильярами, и это наследственное. Но на вопрос, заклинательство это или природная магия, ассистент только пожал плечами.

Анна смотрела на лисьи головы, а те наблюдали за ней.

— Вы убили их, чтобы завладеть их силой?

Лисьи головы отпрянули и зашипели. Кимико погладила мех, чтобы успокоить их.

— Нет, — ответила она нарочито безразличным голосом, когда животные притихли. — Они покинули мою семью, а это — память.

Теперь я дружу с их детьми. — Она, прищурившись, глянула на Анну. — А у вас есть фамильяр?

Инуитка подумала, можно ли считать таковым мертвого нарвала.

— Нет, — ответила она и добавила: — Я даже не волшебница.

Кимико приподняла бровь и пошла дальше.

Анна последовала за ней вниз по лестнице и к выходу из амфитеатра.

— Как вы получили магию? — спросила она.

— В моих интересах об этом помалкивать. — Темные глаза Кимико вспыхнули алым. — Если у вас нет силы, притворяйтесь, что есть. А если есть, наоборот, притворяйтесь, что ее нет. — Она погладила вздохнувших под ее ладонью лис. — А

какова ваша магия?

— Я великий погребальщик, — ответила Анна.

У гостиницы торговка продавала амулеты со складного столика.

— Наколдовано волшебниками конгресса! — выкрикивала она, протягивая глиняную бусину на веревочке. — И талисман, и украшение! Заговорен ведьмой! Проверен шаманом!

Анна не догадывалась, для чего предназначен этот амулет, и не видела в нем ни крупицы силы. Зато торговка щедро опудрила его корицей, и этот запах плыл в воздухе.

Когда Анна проходила мимо, женщина сунула бусину ей под нос.

— Не хотите ли немного магии, мисс?

«Хочу», — подумала Анна и не остановилась.

Анне снился нарвал, бледный, четко видимый на черных камнях. Когда она зашагала по льду, чтобы рассмотреть его поближе — а зашла она уже довольно далеко, куда и забираться, вообще-то, не следовало, — то поскользнулась. Вспомнив, что лед подтаявший, она испугалась и застыла. Один неверный шаг, и можно уйти под льдину, в студеную воду.

Лежащий на отмели нарвал повернулся к ней

мордой. В его распахнутой пасти стояла Ситийок и махала руками, указывая на берег.

Но Аннакпок была так напугана, что не могла тронуться с места. Даже когда лед ушел из-под ног, она не шелохнулась. Смотрела вниз, в воду, которая уже достигла колен, но не чувствовала себя тонущей.

Лед продолжал опускаться, она запрокинула голову, в последний раз хватая ртом воздух. Над нею солнце было рыжим, как лисий мех.

Когда вода поглотила ее полностью, Анна раскинула руки и почувствовала, как что-то плотное выскальзывает из них. Она не видела того, что держит.

«Всегда есть нечто большее, чем мы обычно видим», — говорила ее мать.

Мать не боялась.

Мать махала ей.

— Ужасно выглядите, — сказал Стивенс, когда они занимали свои места. — Репортеры решат, что вы не выдержите и сбежите.

— Теперь понимаю, за какие качества вас приняли в дипломатический корпус, — отозвалась Анна.

В прениях по защите окружающей среды выступали сплошь заклинатели. Они с пеной у рта

доказывали, что не виноваты в ослаблении природной магии, которой даже не пользовались.

— Мы относимся к волшебству как к науке, — заявил Малефицио. — Наша магия — плод исследований. В данном случае это играет против нас, ибо природная магия редко нам подчиняется. Мы бессильны, и даже притворяться не будем, что это не так.

Анна озиралась. Что-то похожее на мех щекотало ей пальцы.

— На стороне природных магов сила поколений. — Малефицио широко раскинул руки. — Волшебство им передается наследственным путем!

— Может, нас и разводить тогда, как породистый скот? — выкрикнул кто-то из кенийской делегации.

Малефицио даже не заметил реплики.

— Мы, заклинатели, должны обучаться и нарабатывать навыки. Мы должны совершенствоваться, чтобы, извлекая максимальную пользу из неблагоприятных обстоятельств, творить то волшебство, на какое способны.

Заклинатели уныло кивали, а Джеймс и Анна переглянулись.

— Так почему бы вам, такому многомудрому и

высокоученому, не предложить способ, который позволит природным магам обрести достаточно волшебной силы, не отнимая у бедных слабых заклинателей плоды их тяжкого труда? — спросила Кимико.

— Никакой магии! — закричал председатель конгресса, когда тьма расползлась по амфитеатру.

Воздух потрескивал, от десятка рассерженных чародеев исходил жар. И самым разъяренным выглядел Адам Малефицио. Вокруг него играло мерцание.

На миг его голубые глаза вспыхнули алым, как у лисы.

«Всегда есть нечто большее, чем мы обычно видим».

В перерыве между дебатами Анна прокралась вперед и замерла за спиной Малефицио. С этого места ей был виден Стивенс, мечущий в нее недобрые взгляды. Не обращая на него внимания, Анна подступила еще ближе к заклинателю. На таком расстоянии от того пахло серой.

— Цукимоно-судзи, — прошептала она.

Он вздрогнул и напрягся.

— Кто вы? — спросил, не оборачиваясь.

— Я природный маг. Как и вы.

— Я волшебник, — прошипел он.

— Вы лисий ведьмак.

Вокруг разгорелся спор, чья же вина в том, что природной магией невозможно сейчас воспользоваться, поэтому их беседу никто не слышал.

— Я учился в Стоунхендже. Я заклинатель!

— Вы держите дома лису. А остальное — уловки.

Анна не увидела, но почувствовала его страх.

— Чего вы хотите?

— Голосования. В нашу пользу.

— И думать забудьте! — фыркнул Малефицио. — Не собираюсь переходить на сторону врага. А кроме того, никого не волнует, что во мне лисья кровь. Я работаю с заклинаниями.

— Как же это мило, — усмехнулась она. — Что ж, коли так, мы постараемся пролить свет на вашу родословную. Прямо сейчас. — Анна сделала вид, будто хочет обойти Малефицио.

Он резко вытянул назад руку.

— Стойте, стойте… Назад, о ужаснейшая из женщин! Что я должен поставить на голосование?

В самый благоприятный миг Адам Малефицио взял слово и со всем присущим ему красноречием попросил магическое сообщество поддержать его предложение.

— Природная магия — самая ранняя из всех видов магии, — заявил он. — Она заслуживает уважения, благодарности и поддержки. Я, со своей стороны, намерен голосовать за создание коалиции, которая немедленно приступит к поиску магии достаточно сильной, чтобы защитить природу от разрушительного воздействия. И позор, позор на головы тех, кто не присоединится ко мне!

Заклинатели подняли волшебные палочки и проголосовали единогласно.

Возвращаясь на свое место, Анна прошла мимо стола японской делегации. Кимико поманила ее.

— Каким доводом вы его убедили? Наверное, у вас больше силы, чем вы полагаете.

— У меня нет никакой силы, — улыбнулась Анна. — Но я притворилась, что она есть.

Одна из лисьих голов подняла глаза и улыбнулась.

Усевшись за стол, Анна увидела записку. Джеймс смотрел прямо перед собой, будто и не заметил возвращения инуитки. Под ее словами «серьезной магией не владею» он вывел жирный вопросительный знак. Анна осторожно сложила бумажку вдвое и накрыла ладонями, будто талисман.

Уже дома она дождалась темноты, чтобы спуститься к морю.

С расстояния в сто ярдов сквозь полумрак Анна увидела, что нарвал исчез.

Она сорвалась с места.

Выбежав на скалы, поняла, что нарвал не ожил и не уплыл, как она втайне надеялась.

Его съели.

Нарвала обглодали до костей — неужели это птицы управились за три дня?! А сами кости стояли целые и невредимые, несмотря на ветер. Ребра торчали ослепительно-белые на фоне черно-зеленого неба, а остатки кожи, напоминавшей черный пергамент, трепетали на ветру, словно это именно он унес плоть зверя.

Аннакпок поискала следы на песке. Никаких трупоедов, а она ожидала увидеть их множество. С удивлением обнаружила в непосредственной близости от костяка только собственные следы.

Она шла медленно, огибая распластанные на земле куски шкуры, пытаясь утихомирить расходившееся сердце. Она должна услышать, она должна увидеть.

Ни малейших следов плоти на костях. Как будто Анна попала в ловушку времени и конгресс магов продолжался сотню лет. Но почему тогда кости,

мало того что остались жемчужно-белыми, еще даже не начали сохнуть?

Анна опустилась на колени и подобрала самый мелкий позвонок — не больше ее ладони и пустотелый. Просунула в него палец.

За ним последовали еще девять позвонков. Они согрелись от кожи человека, а рука Анны выглядела облаченной в костяную перчатку.

Она ступила на скользкий подтаявший лед и зашагала по лунной дорожке, словно свет указывал безопасный путь. Кости нарвала на ее пальцах погромыхивали в такт дыханию.

Анна шагала по припайному льду прочь от береговых огней, через былые охотничьи угодья ее матери, к чистой воде. Там, дрожа, остановилась. Льдина часто покачивалась под ногами. Анна знала: стоит поскользнуться, и море поглотит ее.

Оно поглотит ее в любом случае.

Вспомнился призрак матери в пасти нарвала, которая звала ее домой.

Это великое волшебство — то, что замыслила Аннакпок. Но хватит ли сил?

Она принесет себя в жертву.

Окружающий мир был черным и плоским. Суровый ветер обдувал лицо.

Аннакпок протянула руки, не дожидаясь, когда

ее охватит паника. Если она настоящая шаманка, то море может вернуть все как было, и нарвалов тоже. Ей нужно только дождаться. И быть достойной.

«За что вы боретесь?»

«За всё».

Позвонки упали в воду десятью белыми искрами и исчезли в непроглядной черноте.

Когда Анна повернулась к берегу, ребра нарвала были похожи на дверной проем и руку, манящую ее домой.

перевод В. Русанова

Ннеди Окорафор
ПРОБКА

Ннеди Окорафор — автор романов «Zahrah Windseeker», «The Shadow Speaker» и «Who Fears Death». Ее детская книга «Long Juju Man» выиграла африканскую премию издательства «Макмиллан». Также она лауреат литературной премии имени Воле Шойинки и премии Общества Карла Брэндона «Параллакс». Ее произведения номинировались на премию Национальной ассоциации содействию цветного населения, премию имени Андрэ Нортон и премию журнала «Essence», во всех случаях дойдя до финала. В ожидании публикации находятся книги «Akata Witch» и «Iridessa the Fire-Bellied Dragon Frog». Ее фантастические рассказы выходили в журналах «Strange Horizons» и «Clarkesworld», а также в антологиях «Eclipse Three», «Seeds of Change», «So Long Been Dreaming» и «Dark Matter: Reading the Bones».

В следующем рассказе речь пойдет о волшебстве в современной Африке. Это не самое популярное место для фантастических сюжетов, но для читателей, интересующихся Черным континентом, все же найдется несколько известных произведений. Прежде всего это приключенческие романы Генри Райдера Хаггарда «Она и Аллан» и «Копи царя Соломона», объединенные главным героем — Алланом Квотермейном, который позже появился в серии комиксов Алана Мура «Лига выдающихся джентльменов». Чарльз Сандерс выпустил серию книг в стиле меча и магии, начиная с романа «Imaro», с уроженцами Африки в главных ролях. Действие «Wild Seed» Октавии Э. Батлер начинается в древней Африке и отслеживает судьбы двух бессмертных, которые пытаются кое-как ужиться со своими необычайными способностями. «Пожиратели света и тьмы» Алана Дина Фостера повествуют о приключениях африканца, отправляющегося на поиски принцессы и преодолевающего различные магические препятствия. Ну и «Lion's

Blood» Стивена Барнса — отдельная история, в которой Африка — самый могучий континент на земле.

Кроме увлечения Африкой, Ннеди Окорафор интересуется странными существами. Ее произведения всегда полны ярких незабываемых образов диких животных, например таких, как удивительная птица в следующем сюжете.

Худшее, что может случиться с автомобилистом, — это угодить в нигерийский затор. Всевозможные транспортные средства, включая грузовики-супердлинномеры, уткнувшись бампером в бампер, сигналят, рокочут, извергают раскаленные газы под неумолимым африканским солнцем.

Двигаться могли только окада. Их мопеды протискивались между автомобилями и прицепами, неся на себе по два-три пассажира, как клещи вцепившихся в сиденья. Окада уворачивались от бесшабашных лоточников, а иногда впритирку проходили у бамперов машин. Все они держались правой стороны дороги.

Сегодняшняя пробка выдалась особенно неспешной, и в душе Нкема закипало раздра-

жение. Ведь он хотел так мало — всего-навсего проехать из одного района Кверри в другой. А вместо этого уже два часа торчит позади изрыгающего дым грузовика, рядом с проржавевшим фургоном, битком набитым фанатиками из какой-то секты.

Несмотря на жару, он выключил зажигание еще полтора часа назад. Если не задохнется в ядовитых выхлопах, то уж точно сойдет с ума от псалмов. Как раз сейчас женщины визгливо затянули очередной куплет «Христа, омытого кровью».

— Будь проклят ваш Бог! — заорал Нкем, в ярости ударив кулаком по рулю.

Женщины умолкли, впившись в него злобными взглядами. Он раздумывал, показать им средний палец или еще раз проклясть с такой злобой, чтобы решили, будто у него синдром Туретта или он одержим демоном, но потом представил, как осерчала бы матушка. Она пребывала в его памяти всегда, даже в самые разгульные дни.

— Проклятая церковь может поцеловать меня в задницу, — пробормотал он. — Эти сектанты все до единого психи. Беда и обуза страны.

Но женщинам он ничего не сказал, продолжая сжимать баранку и скрежеща зубами. Удивитель-

но медленно течет время в некоторых ситуациях, и это здорово бесит.

Пробки напоминали мертвую точку во временной петле. Подняв взгляд, он увидел в вышине большого парящего орла, свободного неторопливого правителя воздушного океана.

— Проклятая птица! — выругался Нкем.

Он застрял на полпути к славному заслуженному перепихону. Вчера Нкем закончил сниматься в последней серии «Без границ». Теперь неплохо бы расслабиться, оттянуться по полной, и, понятное дело, не с женой.

Эту девчонку он повстречал в ночном клубе месяца четыре назад. Само собой, она была на седьмом небе от счастья после звонка самого сексуального актера Нигерии. Согласилась сразу на все и пообещала дождаться его в мотеле, в двадцати минутах обычной езды.

Нкем снова крутанул руль, а потом дернул себя за дред. И зачем он только поехал по этой дороге? В это время суток? Здесь всегда самая кошмарная пробка. Но для этой не было никакой причины. Ни тебе начала рабочего дня, ни конца. Ни ремонтных работ. Авария? Да они случаются здесь каждый день… Просто слишком много транспорта скопилось вдруг на этой трассе.

И от одних только мыслей об этом росло кровяное давление.

Два часа жизни пропали впустую! Нкем взялся за мобильный телефон, а потом вернул на место. Агнесса будет ждать. Весь день, если понадобится. Да и кто из женщин не ждал бы?

— Мать вашу! — проворчал Нкем.

Он поднял стекло, включил двигатель и кондиционер. Его «ягуар» жрал бензин как проклятый, но если и кончится горючка, какая разница? Все равно он стоит на месте. Ни одна машина не двигается.

Нкем расслабился и смежил веки, подставив разгоряченное лицо под струю прохладного воздуха. Закрытое окно, помноженное на рычание грузовика, приглушило хор сектанток, сделав его почти терпимым. Он откинул кресло, мурлыкая от удовольствия. Прохладный воздух и тишина. Он вздрогнул и рассмеялся, удивляясь самому себе. Как можно испытывать хоть каплю удовольствия в плену всепоглощающего раздражения и дискомфорта? Да, жизнь иногда бывает поразительно запутанной.

Он открыл глаза в тот миг, когда из выхлопной трубы грузовика вырвался огромный клуб черного жирного дыма. Нкем снова рассмеялся и

подумал, что, наверное, здесь и умрет.

Обстановка соответствовала ощущениям. Актер мчался к Агнессе, поскольку очень хотел кого-нибудь трахнуть. Он желал насладиться бурным совокуплением с ее податливой плотью. Фальшивые люди и фальшивые поступки окружали его. Нкем постепенно убеждался, что не создан для этого мира.

Он выглянул из окна. На левой обочине раскинулся оживленный рынок, из которого выныривали лоточники, предлагая водителям банановые чипсы, соленые кешью и жареные шарики из теста, шашлычки-суя и полиэтиленовые пакетики с холодной и якобы чистой водой. Но краем глаза Нкем уловил нечто большое и белое, направляющееся к нему от угла рынка. Он моргнул, недоумевая, что бы это могло быть. Для птицы великовато. Может, автомобиль?

Но что бы это ни было, оно приближалось очень быстро. Медленно повернув голову, Нкем выпучил глаза. К нему скакал крупный снежно-белый длиннорогий бык. Выскочить из «ягуара» Нкем не успевал. Не успевал даже подумать о пути отступления. Не успевал ничего. Обезумевший зверь вознамерился врезаться с разбега в автомобиль и пронзить его острыми рогами. А потом

Нкем различил зрачки быка — молочно-белые.

Все волоски на теле встали дыбом. Он задохнулся. Этих зверей он не видел с детства. С тех пор, как один из них чуть не убил его.

Нкем попытался перескочить на пассажирское сиденье. Крик безумного ужаса вырвался из его горла, когда бык поравнялся с автомобилем.

Но в последний миг зверь повернул голову, изменив направление удара. Вжи-и-ик! Левый рог прочертил дорожку по стеклу со стороны водителя. Звук получился отвратительнее, чем если провести гвоздем по классной доске. К удивлению, стекло выдержало удар.

— Ауо! — воскликнул Нкем, хлопая в ладоши около уха.

Зверь развернулся и умчался прочь, лавируя между машинами, и скрылся в роще на правой обочине.

Нкем неподвижно сидел, не сводя взгляда с глубокой борозды длиной в фут. Будучи ребенком, он трижды, как и в этот раз, расходился на волосок со смертью. В три года несколько кур попытались заклевать его насмерть. Он отлично помнил их молочные глаза и раскачивающиеся головы, как будто под черепами птицы ощущали нестерпимый зуд и пытались от него избавить-

ся. По счастливой случайности мама оказалась рядом. В ту же ночь эти курицы оказались обезглавленными в котле. И никто ничего не сказал об их убийственном взгляде.

Когда Нкему исполнилось семь лет, обезумевшая коза с молочно-белыми глазами хотела его забодать. Спасли его только от природы быстрые ноги. Этот зверь мотал головой так же, как и куры.

Последний случай произошел в двенадцатилетнем возрасте. Нкем шел домой по оживленной улице, как вдруг сумасшедшая лошадь с белыми глазами, без всадника, яростно тряся головой, кинулась в его сторону.

В нескольких футах от цели ее сбил переполненный автобус, потом резко свернул, врезался в грузовик и с ним вместе свалился с моста. По всей дороге и в окаймлявших ее кустах валялись изувеченные тела. В неглубокой речке под мостом плыли мертвые и раненые; кто-то звал на помощь. Целый и невредимый, но получивший сильнейший шок, Нкем просто не мог сдвинуться с места.

Это событие стало кульминационной точкой в жизни двенадцатилетнего Нкема. Перед самой катастрофой он думал лишь о своем урчащем

животе. Он не ел досыта вот уже много дней. Родители купили ему учебники, а значит, денег на пищу почти не осталось. Он уродился седьмым сыном в семье бедного бататовода и его хромой жены, и только что из-за него умерло столько народу. Погибла и лошадь, подчиняясь силе, которая завладела ее разумом.

Ужасная сцена накрепко врезалась в память, совершенно вытеснила чувство голода. Именно в этот миг Нкем захотел стать актером, отказавшись от давнишней мечты изучать медицину. Он так и не выяснил, откуда взялась лошадь, куда подевался ее всадник. Но, помимо всего прочего, он навсегда запомнил конские глаза — молочно-белые, однако не слепые. Тот же самый взгляд он увидел только что, двенадцать лет спустя.

Он выключил зажигание, покинул автомобиль и провел пальцами по шероховатому разогретому стеклу. Борозда получилась весьма глубокой, как будто животное развернулось нарочно, чтобы прочертить отметину на окне. Женщины в фургоне замолчали и уставились на Нкема, словно воочию увидели Лазаря. Водитель грузовика высунулся в дверцу:

— Спаси вас Бог! Эта зверюга просто одержимая!

Три оборванных и провяленных на ветру мальчика с палками в руках пробежали сквозь запруду из автомобилей.

— Он пошел туда! — закричала одна из хористок, указывая на рощу.

Мальчики закивали, но не ответили, старясь не сбить дыхание, и последовали за зверем. Нкем рухнул на сиденье с облегченным вздохом, задаваясь в глубине сознания вопросом, во что обойдется замена стекла.

Час спустя пробка рассосалась. Но Нкему уже было на все наплевать. Перед мысленным взором раскачивал головой обезумевший бык с белыми глазами. Секса больше не хотелось, но и возвращаться к жене в Абу Нкем не собирался.

На хорошей скорости он проскочил три мили, прежде чем угодил в новое скопление, грозящее перерасти в пробку. Притормозив, он взорвался проклятиями на английском и игбо. Голова болела просто ужасно. Нет, не надо было покидать гостиничный номер. Лучше бы он снимал напряжение на балконе с бокалом холодного пива и интересной книгой. Нкем расхохотался. Такого отдыха ему тоже не хотелось.

— Я не знаю, чего хочу на самом деле! — сказал он вслух.

Главное, чего он хотел, — это не оказаться в очередной пробке.

Прежде чем автомобиль окончательно застрял, Нкем заметил просвет в стене пальм, съезд на проселочную дорогу. Рискнуть? Вчера вечером разразилась сильнейшая гроза. Просохла земля или нет? День жаркий, солнце так и палит. Вероятнее всего, просохла.

— Мать вашу! — буркнул он и свернул на грунтовку.

И тут же пожалел об этом. Вдруг он намертво завязнет в грязи? Чего ему не хотелось совершенно, так это угробить «ягуар». Но и разворачиваться не было никакого желания. Нкем часто подчинялся импульсивным решениям — таким, как это. Однажды он обнаружил, что спускается с бокового нефа в церкви, а все потому, что семья противилась его браку; значит, ему надо поступить всем назло.

На проселочной дороге вполне могли разъехаться два автомобиля, к тому же ухабы почти не ощущались. Но после пяти минут езды «ягуару» пришлось преодолеть несколько широких луж. Приятный сюрприз: грунтовка следовала параллельно шоссе. Нке-ма наполняла уверенность, что в конце концов он возвратится на главную

дорогу.

Лес, окаймлявший обочины, выглядел густым и весьма таинственным. Шоссе едва виднелось сквозь заросли, располагаясь приблизительно в одной восьмой мили. Нкем ухмыльнулся — он двигается, пока остальные стоят. Главная сюжетная линия всей его жизни. Он нажал на педаль газа.

Прибавив ходу, Нкем кое-что заметил краем глаза.

— Ох, да что за дьявольщина творится со мной сегодня… — прошептал он.

По левую сторону от «ягуара» бежала крупная, похожая на страуса птица с торчащими во все стороны черными перьями. Ее вид наводил на мысль о карнавале, о нарядах из пальмового волокна и танцорах. Нкем поддерживал скорость около тридцати миль в час, но птица без особых усилий неслась вровень с автомобилем. Встречный воздух пригладил мягкие и тонкие перья. На бегу птица повернула голову и взглянула на Нкема, ее алые маленькие глаза вспыхнули подобно рубинам. Ясный взгляд. «Это хорошо, — подумал он. — И не мотает башкой, по крайней мере».

Нкем отвернулся от странного создания, но лишь для того, чтобы обнаружить еще одну пти-

цу, приближающуюся справа.

— Задница! — воскликнул он шепотом, сосредотачиваясь на лежащей впереди дороге.

В этот миг он увидел еще одну птицу прямо перед собой, посреди грунтовки. Даже издалека, непонятно почему, Нкем четко различал птичьи глаза. Они пылали коричневым цветом, словно шоколад со сверкающим в глубине солнцем. В ушах зазвенело, сердце сжалось, яркий свет на мгновение ослепил.

Вам! Бух, бух!

Нкему показалось, будто его самого переехали. Воздух вырвался из легких, взор затянула белесая мгла. Потом боль отпустила. Так или иначе, ему удалось надавить на тормоз. Шины заскользили по дорожной грязи, и автомобиль застыл. Наступила тишина, только доносилось с отдаленного шоссе урчание моторов.

Времени, чтобы трезво оценить ситуацию, не оставалось. Другие птицы окружили «ягуар». Нкем окинул их взглядом, а потом обернулся к безжизненному телу. Просто куча мяса с перьями посреди дороги. Несомненно, труп… Одна из птиц приблизилась к окну и постучала в стекло коротким, но мощным черным клювом. Цок-цок-цок… Немного ниже борозды от бычьего рога. Нкем

выдохнул и расслабился.

— С каких пор долбаные страусы бегают в штате Имо? — запрокинув голову, обратился он к черной обшивке салона.

Он подумал, не позвонить ли другу Фестусу — орнитологу-любителю. Рука уже потянулась к мобилке, но замерла на полпути. Если Нкем расскажет о своем приключении, Фестус решит, что у него съехала крыша.

Еще одна птица заглянула в окно.

— Чего ты хочешь, пернатая?

Она отбежала. Нкем опять глянул на погибшее существо. Кожаное сиденье заскрипело, когда он повернулся. Что эти траханые твари здесь делают? И если могут убежать куда глаза глядят, какого дьявола торчат посреди траханой дороги?

Потом Нкема осенила идея, до того дикая, что он даже хихикнул и почесал короткую бородку. Стоит ли так поступить?

А почему бы и нет?

В багажнике лежало старое покрывало. Будучи мальчишкой, он никогда не тратил впустую ни единой унции пищи, потому что ему никогда не удавалось наесться вдоволь. Теперь, несмотря на обеспеченную жизнь, он сохранил большинство старых привычек. Допустить, чтобы пропало

хорошее мясо? Он опять рассмеялся. Нет, он не поедет к Агнессе. Он проведает свою матушку, которая живет в часе езды отсюда. Уж кто-кто, а она должна оценить огромную добычу.

Нкем сдал задом, медленно направляясь к убитой птице. Окружившие его твари внимательно наблюдали, вытянув длинные шеи.

— Эй вы, — бормотал он, — стойте на месте. Стойте на месте.

Птицы держались поодаль. Некоторые клокотали горлом, все громче и громче, но было трудно сказать, кто именно. Звук напоминал гулкий рокот барабанов и казался довольно жутким. Подойдя к мертвому существу, Нкем внимательно его осмотрел. Птица превосходила размером сородичей и отличалась окрасом. Кожа длинной, неестественно вывернутой шеи отливала яркой синевой, а глаза были окружены темно-красными пятнами. Если принять во внимание «горжетку» тонких белых перьев и четыре длинных черных пера, украшавших макушку, то можно смело заключить: очень красивая птица.

И, как показала попытка ее поднять, тяжелая. Нкем считал себя крепким парнем, ежедневно занимался в тренажерном зале. Даже если бы птица весила больше ста фунтов, он должен был

запросто закинуть ее в багажник. Но, черт побери, какая же она огромная! Мяса хватит, чтобы кормить всю деревню несколько дней. Нкем подсунул под нее руки и потянул. Запоздалую мысль о том, что кровь и грязь безвозвратно испортят белую шелковую футболку, он с ругательством отверг. Выпрямился. По ощущениям, вес птицы не превышал ста двадцати фунтов. Когда тело оторвалось от земли, из перьев выпал некий предмет, издали похожий на осколок льда.

Обмякшая шея свободно болталась, как кусок вареной маниоки; птичья голова стукалась о ногу Нкема. Он покосился на остальных, надеясь, что они не осуждают его поступок. Теперь стая насчитывала не меньше десятка особей, которые вертели головами и пялились на него.

Нкем опустил мертвую птицу в багажник, а потом встал на колени и поднял выпавшую вещицу. Какой-то минерал? Он повертел находку перед глазами — похоже на кварц — и сунул в карман джинсов, возвращаясь за руль.

На протяжении двух миль здоровенные бескрылые птицы бежали наравне с автомобилем по грунтовой дороге. Их вид странным образом беспокоил. Нкем начинал ощущать себя одним из этих созданий, а потому прибавил газа. Не-

которое время птицы ухитрялись не отставать, но в конечном счете «ягуар» победил, утопив соперников в клубах пыли.

Еще через милю, с мертвой птицей в багажнике, Нкем выехал на шоссе, чувствуя свободу и легкость.

Или ему это лишь казалось. Через десять минут езды по ровной дороге он уловил непонятный громкий стук, доносящийся из задней части автомобиля.

— Неужели колесо пробил? — простонал он.

Но, двигаясь по шоссе, он имел возможность прислушаться и подумать. Звук не походил на ритмичное глухое постукивание, какое издает колесо со спущенной камерой. Удары чередовались с паузами разной продолжительности. Бам, бам!

И опять… Сбрасывая скорость, Нкем вслушивался.

БАМ!

«Да чтоб тебя!» — подумал он.

Звук доносился из багажника. Птица не умерла. Ни в детстве, ни сейчас он не мог скрутить шею даже цыпленку. А теперь оказался перед необходимостью добить гигантскую полумертвую таинственную птицу.

БАМ! БА-БАМ!

Передний бампер «ягуара» уже получил вмятины при столкновении, а сейчас проклятая тварь решила изуродовать багажник. И она сделает это, если Нкем не примет решительных мер. Затормозив, он выпрыгнул из автомобиля и подбежал к багажнику, на ходу увидев вмятины на его крышке, будто от ударов кулаком. Солнце палило в затылок, подмышки взмокли.

БАМ! БА-БАМ!

И каждый раз тонкое железо вспучивалось.

БАМ! БАМ!

— Ладно, давай начнем… — буркнул он и нажал на кнопку брелока, чтобы открыть багажник.

Крышка распахнулась, и из темного отсека выпрыгнул некто стройный, в растрепанном одеянии из перьев, которые волновались при каждом движении. Нкем отшатнулся, едва не заорав.

Против воли он выставил кулаки перед грудью, готовый отбиваться от самого дьявола.

Женщина.

Нкем не верил своим глазам, но не решался моргнуть. Высокая, с длинными мускулистыми ногами, одетая в платье, похожее на птичье оперение, которое скрывало очертания ее тела. Женщина. Вовсе не птица. Она спрыгнула на

землю, держа руки прижатыми к бокам.

— Ты соображаешь, что делаешь? — вопросила уверенным, сильным и глубоким голосом. — Думаешь, что способен защитить меня здесь?

Женщина-птица превосходила ростом Нкема и выглядела лет на тридцать. Заплетенные в косички волосы украшены нитками красного стекляруса и коричневатыми ракушками каури. Губы очень темные, словно подкрашенные черной помадой, а вся одежда состоит из тонких шелковистых перьев. Бусы защелкали и задребезжали, когда она, пошатываясь, шагнула вперед.

— Кто ты? — пролепетал Нкем, не опуская кулаки.

— Ты в своем уме? — спросила она.

— Н-нуда…

— Почему не бросил меня умирать?

— Я думал, ты умерла… — начал он, но опомнился и замолчал, опуская руки.

Почему он ведет себя так, будто эта женщина — только что сбитая им птица?

Но прежде чем Нкем успел сказать еще хоть слово, они вышли из кустов. Одна, две, десять… Шестнадцать здоровенных птиц.

«А я догадывался, что они где-то поблизости», — подумал он, пока птицы окружали его, будто

стайка любопытных женщин.

Проехавший мимо грузовик просигналил.

— На ва-а-ау! — крикнул высунувшийся из окна водитель.

Еще несколько автомобилистов притормозили, привлеченные неожиданным зрелищем.

— Чинеке![6] — закричал кто-то.

Человек высунул руку с телефоном из окна со стороны пассажира. Нкем видел, как объектив встроенного фотоаппарата нацелился, чтобы снять его в самом лучшем разрешении.

— Снимай! — кричал водитель. — Снимай скорее! Мы отправим фотку… Это же репортаж с места событий!

— Ты только глянь!

От приблизившихся птиц несло горьковатым, напоминавшим грейпфрут ароматом. Теперь они все низко рокотали, словно оркестр барабанщиков, а женщина задумчиво глядела на них. Потом она повернулась к Нкему и сказала так, что у него душа перевернулась:

— Я хотела умереть… — Она шагнула вперед, переходя на шепот. — Я… вела их к свободе, но слишком многим она стоила жизни. Я должна

---

[6] Примечания: 6

Чинеке — верховное божество, Создатель в мифологам народа игбо. — *Прим. ред.*

была умереть, потому что не могла спасти всех.

Нкем моргнул, вдруг догадавшись о причине суеты автомобилистов. Люди, конечно, узнали его. Как не узнать звезду, секс-символ Нигерии. Даже до приезда папарацци найдется слишком много очевидцев.

— Садись в машину, — приказал он.

— Они мои друзья. — Женщина посмотрела на него, как на идиота.

— Просто сядь внутрь, пусть они идут рядом.

Нкем не ощущал полной уверенности, что таким образом сможет избежать всеобщего внимания, но это все же лучше, чем ничего не предпринимать. Он залез в «ягуар» и открыл дверь для женщины-птицы. Та, подозрительно поглядывая на Нкема, медлительно забралась на сиденье и согнула длинные ноги.

Он чувствовал себя разбитым, но вместе с тем взвинченным. Новое ощущение. Неожиданное и острое.

— Кто ты? — спросил Нкем, трогая с места на глазах у зевак.

Он повел автомобиль вдоль обочины таким образом, чтобы птицы могли свободно бежать рядом.

— Огаади, — ответила женщина, глядя в окно

на птиц. — Так меня зовут.

Нкем, не говоря ни слова, покосился на нее.

— Сейчас две тысячи тринадцатый?

— Ну да…

— Чэй! Как летит время! Кажется, будто никакого времени нет вообще… — Она открыла окно. — Признаюсь: я амусу. Мой дядя инициировал меня в десять лет. Что я должна была делать, как ты думаешь? Отказаться? — Она с вызовом зыркнула на Нкема.

— Мм… Я не знаю… Ты ведьма?

— Я слушалась дядю. Получила от него много знаний. Он был истинным дибиа. Научил глотать яд и оставаться живой, помогать росту трав и деревьев. И отец разбогател на биржевой игре не без моего содействия… Магия джу-джу — штука довольно сильная. Но потом… мои мать и сестра… — Она сглотнула ком в горле.

Нкем хмуро посмотрел на женщину, когда та зажмурилась и сжала кулаки, а потом отвернулся, чтобы следить за дорогой. Но по коже у него шел мороз.

— Так что произошло с твоей матерью и сестрой? — осторожно спросил он.

— Они умерли! И я не знаю почему! Какая-то заразная хворь! — резко бросила женщина. — Я

ничего не делала!

Нкем молчал, ожидая продолжения.

— Мой… дядя был вне себя от горя, когда это случилось, — сказала женщина. — Он искал виноватого и потому проклял меня. Он так любил всех нас. — Она глубоко вздохнула. — У дяди была ферма в десяти милях от Оверри — там он разводил страусов эму.

«Страус эму, — подумал Нкем. — Вот как они называются».

— Он превратил меня в страуса и запустил в стаю. Двадцать лет я прожила с птицами.

Нкем с огромным трудом заставил себя сосредоточиться на дороге. Проклятая стая эму, бегущая рядом с «ягуаром», и растущее число зевак нисколько не способствовали этому. Он сжал пальцами руль и глубоко вздохнул. «Какая чушь! — думал он. — Сущий бред!» Может, за завтраком ему в еду подсыпали легкий наркотик? Может, кто-то из поваров ненавидит его фильмы? А почему бы нет? Что-то похожее произошло с одним из актеров несколько лет назад. Но вот что удивительно — Нкем верил каждому слову женщины-птицы. Каким-то образом он знал: все, что она говорит, — правда.

— Двадцать лет я старалась не попадаться дяде

на глаза, — сказала она. — Его дела шли отлично. Оверри оказался очень удачным рынком для сбыта страусятины. — Огаади выглянула в окно и понизила голос: — Люди все одинаковы. Большинство из них даже не догадывались, что ели страусов эму. Думали, покупают говядину. А дядя считал, что меня давно зарезали и продали. Но он очень хорошо учил меня. Я пряталась весьма искусно, вот только убежать не могла. К изгороди вокруг фермы было подведено электричество.

Нкема осенило:

— А эта гроза… Гроза вчера ночью, она чем-то помогла?

— Верно, — кивнула женщина. — В ограду ударила молния. И я сразу поняла: вот шанс на спасение. И еще больше напугала страусов, заставив их кинуться прочь. А забор все-таки был под напряжением, многие погибли. Я… не ожидала такого. Не предусмотрела. Так расстроилась… — Из глаз Огаади хлынули слезы. — Понимаешь, когда я увидела твой автомобиль, то подумала, что судьба дарует мне еще одну возможность. Я хотела покончить с жизнью…

Ее слова растрогали Нкема. Хотя рассказ граничил с бредом, на уровне подсознания он ощущал, что их судьбы похожи. Он тоже не от мира сего.

Конечно, умирать он не хотел, хотел просто отказаться от такой жизни.

— Наверное, от удара джу-джу моего дяди разбился, — проговорила Огаади.

По мере их продвижения все больше автомобилей замедлялись. Вскоре Нкем понял, что быстрее двенадцати миль в час ехать не может. Ни Огаади, ни ее страусиной стае это не понравилось. Птицы, разозлившись, вновь принялись издавать звуки, напоминающие барабанный бой. А женщина выказывала все больше признаков беспокойства, поглядывая на сопровождающую толпу любопытных.

— Что тут делают эти люди?

— Не бери в голову! — брякнул Нкем. — Ну кто откажется задержаться и поглазеть?

Далеко впереди движение совсем замедлилось, это смахивало на новую, жутко неприятную пробку. Вдруг Огаади повернулась к Нкему и с выпученными глазами воскликнула:

— Ты ему помогаешь!

— А? Что? Ты о ком?

— Он может все на свете остановить! Я знаю его уловки! — Женщина вцепилась в руль.

— Ты что делаешь?! — заорал Нкем.

Проскочив в опасной близости от двух авто-

мобилей, они слетели с дороги. Нкем слышал шелест травы и кустов под днищем «ягуара». К счастью, они остановились, не врезавшись ни во что. Огаади распахнула дверь и выпрыгнула наружу. В это время страусы налетели на машину с другой стороны, стуча клювами по стеклу.

Нкем понял, что сходит с ума.

— Останови их! — закричал он, покидая автомобиль.

Запутавшись в своих ногах, Нкем упал на землю. Поднялся и неуклюже шагнул к ближайшему эму, пытаясь оттолкнуть от «ягуара», но страус оказался слишком сильным и тяжелым для него. Птица вырвалась, и Нкему пришлось отдергивать голову, чтобы уберечь нос от удара клювом.

— Что это?! — кричал он, вцепившись в перья. — О боже! Что происходит?

Неожиданно чьи-то руки обхватили его талию.

— Не смей причинять зло моему народу! — шипела Огаади ему в ухо, оттаскивая от автомобиля.

Они упали на землю. Нкем попытался отползти в сторону, но она вцепилась как клещ. Тогда он уперся в нее ногами, стараясь вырваться из хватки. Женщина-птица снова обхватила его, и они покатились по траве.

— Прекрати! — воскликнул он и наконец выскользнул из объятий.

— Это он тебя послал! — закричала она в ответ. — Думаешь, я дура?

Огаади вновь прыгнула на него и повалила на землю. Пот смешивался с пылью, щедро марая футболку Нкема. Он здорово испугался. Женщина была сильнее, она перевернула его на спину, придавила ноги своими, а руки прижала к траве выше головы. В таком положении он не мог сопротивляться.

— Что тебе не нравится?! — рычал он, буравя взглядом ее безумное лицо.

Едкий пот, сбегающий на глаза, заставлял его моргать.

Как и от птиц, от Огаади пахло грейпфрутом, но также и потом. Впившись в его глаза своими шоколадно-солнечными, она тяжело вздохнула. Мышцы ее лица начали расслабляться, ярость сменялась обычным недовольством.

— Значит, он тебя не посылал? — проговорила она.

— Нет! — ответил Нкем, и оба замолчали.

— Разве это не Нкем Чуквукадибия? — громко сказал кто-то.

Нкем и Огаади одновременно повернулись

к дороге. Машины стояли на обочине, люди покидали их, привлеченные интереснейшим зрелищем. И никто не спешил на помощь. Нкем даже не удивился. Они с Огаади откатились на несколько ярдов. Здесь, в густой траве, могли водиться змеи. Нкем чертыхнулся и, несмотря на сидевшую сверху женщину, пнул одну из птиц. Но страус так увлекся расклевыванием «ягуара», что и внимания не обратил на жалкую попытку.

— О господи, — сдаваясь, простонал Нкем и расслабился. — Моя жизнь — сплошное дерьмо.

И поднял глаза к небу, страстно желая, чтобы оно обрушилось. Там снова парил растреклятый орел — должно быть, ему тоже нравилось наблюдать за суетой, но сверху. Огаади глянула на Нкема с явным презрением.

— Ненавижу слабаков, — сказала она.

— Мне плевать на твою ненависть, — дернулся он.

— Тебе не идет быть слабаком.

— А что ты обо мне знаешь? — Нкем снова оттолкнул ее. — Да слезь с меня, черт побери!

Одна из птиц, будто получив личное оскорбление, повернулась и уставилась на него. Нкем, нахмурившись, не отводил взгляд. Эму издал глубокий горловой звук, а потом покачал головой. В

его глазах плескалась молочная белизна.

— Вот… вот же гадство… — прошептал Нкем, в то время как птица, наклонив голову, решительно шагнула вперед.

Нкем следил за трехпалыми сильными ногами. Мощные когти как будто для того и созданы были, чтобы выпотрошить человека. В любом случае смерть неизбежна. Он удвоил усилия, отчаянно извиваясь.

— Да слезь с меня! Бико![7] Туда смотри!

Огаади не двинулась с места, задумчиво глядя на приближающегося страуса. Потом подняла руку.

— Остановись! — приказала она.

Эму покачал головой и неуклюже уселся. Затаив дыхание, Нкем следил, как глазам птицы возвращается их естественный красновато-коричневый цвет. Он ощущал зуд, будто на волосок приблизился к пониманию чего-то очень и очень важного. Кровь стучала в ушах, а пот стекал по вискам.

Огаади наклонилась над ним, лицо к лицу.

— Что ты с ним сделала? — спросил Нкем. — Ты видела его глаза? В этих глазах…

---

[7] Примечания: 7
Пожалуйста *(игбо). — Прим. ред.*

— Я… — Она принюхалась. — Я чую от тебя этот запах… — Нахмурилась. — Ты не отсюда.

— Что? — прошептал Нкем.

Огаади склонилась еще ниже, почти касаясь его губами. Он не шевелился. Вблизи она пахла тоньше — скорее не как грейпфрут, а как цветок грейпфрута. Женщина-птица втянула воздух ноздрями.

— Обанджа, — прошелестела она. И выпрямилась. — Ты?

Нкем хотел ответить, но спазм стиснул горло.

— Даже не знаешь об этом? — спросила она.

Он медленно покачал головой. Комары кусали его за голые ноги, струйки пота стекали между лопаток.

— Откуда? — Он на миг зажмурился, пытаясь сосредоточиться. — В детстве меня трижды едва не убили. И всякий раз нападали животные, взбесившиеся животные. — Нкем все еще не открывал глаз. Если бы он видел проклятых страусов или столпившихся зевак, то сбился бы с мысли. — Мама… говорила что-то такое в шутку, но…

— Ты всегда стремился вернуться в мир духов, — загадочно заявила Огаади. — Да… — Она кивнула. — Теперь все ясно. Это не совпадение. —

Протянув руку, она пощупала карман Нкема.

— Эй! — возмутился он, отбрасывая ее руку. — Ты что себе…

— Что лежит в твоем кармане? — спросила она, снова щупая.

Нкем хлопнул ее по запястью. Она ударила в ответ.

— Достань сейчас же! — приказала она.

— Хорошо, достану. — Он вытащил кусочек кварца, который был вовсе не таким прозрачным, как раньше, когда лежал на дороге.

Он сиял как золото, чистое золото. Огаади вцепилась в камешек и поднесла к глазам.

— Что это… — прошептала она, глядя на талисман так, будто видела его впервые. Лизнула, а потом сплюнула. — Где нашел?

— Это с тебя свалилось, когда я тебя подбирал, — ответил Нкем. — Когда ты была страусом эму. Мертвым страусом эму.

— И что ты с ним сделал?

— Ничего.

— Ничего?

Он закатил глаза.

Вокруг толпа все росла, собралось уже три десятка человек. Они глазели, щелкали фотоаппаратами, болтали по телефону.

— А что это? — спросил Нкем. — И почему оно стало золотым?

— Это что, шутка такая? Ты же не ребенок… — озадаченно проговорила она. — Я хотела ребенка.

— Э-э… — Нкем растерянно смотрел на нее. — Я не… В смысле, я…

— Я надеялась получить ребенка!!! — выкрикнула Огаади, залепив ему пощечину.

— Эй, прекрати! — воскликнул он, отчаянно пытаясь ее сбросить.

Если она ударит еще раз, он не будет терпеть. И плевать, сколько людей пялится. Только бы на ноги встать…

— Я… прости… — Она снова посмотрела на кусочек золота. — Я не ожидала… Ты?

— Что — я? — Нкем стукнул кулаком оземь. — Мать твою! Да слезь же с меня!

— Обанджа жаждут воли, — сказала Огаади, оставаясь на месте. — Они всегда в поисках освобождения. Мой дядя — один из них. Вот почему я и в тебе это чувствую. Если только найду его… Нет, я его обязательно найду и сразу превращу в самого маленького зверька, посажу в железную клетку. — Она сжала кулак. — Ты тоже обанджа. Если животные пытаются тебя убить, значит

ими завладели твои друзья-духи, которые стремятся вернуть тебя домой. Они ощущают твою слабость. Всегда чувствуют, когда такой, как ты, хочет умереть.

Вот так номер! Значит, он обанджа?!

На своем веку он наслушался сказок про обанджа, а вот теперь оказался одним из них. Нкем позволил пониманию впитаться в душу, и жизнь как будто начала обретать смысл. «А ведь я был везучим мальчишкой, — подумал он. — Они в самом деле хотели меня прикончить».

«Друзья» детей-обанджа редко бывают настоящими друзьями. Это духи — спутники человека, живущие в тонком мире. Сущности завистливые, они бы очень хотели обитать в мире физическом, но не могут, а потому и Нкему мешают наслаждаться жизнью.

Всякий раз, едва он слабел, друзья-духи пытались утащить его в тонкий мир. Когда нападали куры, мальчишка страдал от малярии. Перед атакой козы Нкем испытал глубокую душевную травму — в то утро умерла его любимая собака. И лошадь подгадала время, когда он почти не ел два дня и едва на ногах держался. Таким образом, все встало на свои места. В дни покушений он бывал или болен, или подавлен, или ослаблен ка-

ким-нибудь иным образом. Все просто и понятно. До сегодняшнего дня.

Нкем поглядел на зевак. Потом на страусов и на «ягуар», превратившийся под ударами их клювов в кучу дерьма.

— Иисусе… — прошептал он.

Происходящее казалось горячечным бредом, но ведь все было на самом деле.

Нкем и Огаади заговорили одновременно.

— Ты хочешь немного пожить другой жизнью, — сказала она.

— Ты ведь… и меня можешь превратить? — спросил он.

И снова их голоса слились.

— Могу, — ответила она.

— Ты этим ничего от меня не добьешься.

Женщина подняла руку.

— Послушай меня хоть чуть-чуть. Когда мы достигаем определенного возраста…

— Мы — это кто?

— Такие люди, как амусу. Мы берем себе ученика. У каждого из нас есть камешек, который изменится, если мы повстречаем будущего ученика.

— И я — твой ученик?

— Камень превращается в золото, — кивнула

она, — соприкоснувшись с учеником.

Он истерически рассмеялся.

— Ты же совсем не намного старше меня! Посмотри на себя!

Нкем и сам по-новому взглянул на женщину-птицу. Гладкая кожа, крепкие мускулистые бедра. Запах цветков грейпфрута. И она все сидит на нем. Нехорошо. Оглянулся на толпу — уже человек пятьдесят. Нкем приподнялся, но Огаади по-прежнему не двигалась.

— Надо бы убраться отсюда, — сказал он.

После этих слов она слезла с него, и оба поднялись на ноги. Одного взгляда на зевак Нкему хватило, чтобы возникшая было эрекция мигом прошла.

— Я думала, ученик мой будет не таким… старым… — сказала Огаади.

— Но-но! Мне всего двадцать пять лет!

— Учиться начинают в пять-шесть. Да я только заколдованной пробыла лет двадцать!

— Может, время для птиц течет по-другому? — спросил Нкем и нахмурился, дивясь, как такая мысль пришла ему в голову.

— Двадцать лет, проведенных в тюрьме. — Огаади отвернулась и пробормотала: — И вот теперь, едва я оказалась на свободе, мне на шею вешается

ученик. Какая чушь…

Нкем услыхал, как женщина в толпе хихикнула и пробормотала:

— Любопытно, что его жена на это скажет? На вау!

Захотелось швырнуть в нее камнем.

Огаади взглянула на болтушку, наклонилась, подняла камень и запустила им в толпу. Камень упал прямо под ноги женщине.

— Чинеке! — воскликнула она и отпрыгнула, врезавшись в стоявшего позади мужчину.

Несколько человек вокруг нее дружно выкрикнули: «Хе-е-ей», но ни один не отошел.

Огаади издала глубокий грудной звук, он продолжался и усиливался. Услыхав его, страусы перестали клевать автомобиль и двинулись на толпу. Люди закричали и кинулись врассыпную, теряя обувь, мобильные телефоны, бумажники. Одни прыгали в легковушки, внедорожники и грузовики и с визгом газовали с места. Другие разбегались на своих двоих, преследуемые огромными птицами. Вскоре Нкем и Огаади остались наедине.

— Забудь о них, — сказала она.

— Ты не знаешь, кто я, — нервно хихикнул он. — Через час вся Нигерия будет обсуждать то,

что здесь произошло.

— Ерунда, — отмахнулась она и оглядела его сверху донизу. — Так на что ты намекал, когда говорил про превращение?

Подойдя к «ягуару» Нкем провел пальцами по царапине на стекле, по вмятинам на дверцах и крыльях. Никто ему не поверит. Даже с фильмами, отснятыми любителями-папарацци. Эму выбили лобовое стекло и стекла на задних дверцах. А жена уже наверняка на тропе войны. Он повернулся к Огаади:

— Ты можешь защитить меня от друзей-духов?

— Только если сама буду там…

«Мне удалось спастись уже четырежды», — подумал он.

— А что со мной…

— Не скажу, пока ты не решишься окончательно.

— И долго я буду… — Нкем смотрел на пустую дорогу, — отсутствовать?

— Это зависит от разных вещей, — ответила она со вздохом, глядя на свои обломанные ногти. — Когда я закончу, можешь и дальше сниматься в фильмах, но они будут… не такими, как прежние. — Колдунья недолго помолчала. — Ну что, надумал? Если надумал, я согласна помочь.

— Я готов.

— Все обанджа одинаковые! — рассмеялась она и кивнула. — Безответственные, как сама преисподняя.

Прежде чем ответ сорвался с языка, Нкем почувствовал, что превращение началось. Тело искажалось, кости меняли длину. Возникла боль, но не сказать, что страшная. Вроде хотелось похныкать, но и это уже было не в его власти. Правда, в душе он все же плакал. Жалко было оставлять все, что он приобрел в своей жизни: жену, семью, карьеру, вечно сплетничающую проклятую толпу. Они все уходили в прошлое. Нкем покидал забитую машинами, отравленную выхлопами магистраль, чтобы свернуть на проселок. Чтобы уйти на время.

Раздался звонкий голос Огаади:

— Ты вернешься, когда я призову! И мы начнем учебу! — Она засмеялась. — Сегодня чудесный день! Мы оба свободны! Но остерегайся своих друзей-духов.

Нкем и так знал, что их надо остерегаться.

Он взлетел в небо, будто через изгородь перепрыгнул. Огаади превратила его в орла, а он-то побаивался, что станет страусом. Наверное, женщина-птица прочитала его мысли. Орлам он

завидовал с детства. Орел запросто съест курицу, а летает он так высоко, что никакой бешеной козе или лошади не допрыгнуть.

Огаади и впрямь оказалась сильным амусу. Переполненный счастьем Нкем открыл клюв и заклекотал. Он поднимался все выше и выше и в конце концов улетел прочь.

перевод В. Русанова

Криста Хоппнер Лихи
СЛИШКОМ ОПАСНЫЙ ЯД

Фантастика Кристы Хоппнер Лихи появлялась в двадцать пятом томе «Writers of the Future», в журналах «Shimmer» и «Flashquake». Лихи имеет степень магистра театральных искусств и является выпускницей семинара писателей фэнтези «Одиссей». Ее стихотворения выходили в журналах «Free Lunch», «Raritan» и «Tin House».

«Одиссея», один из величайших сюжетов западной цивилизации, — это эпическое повествование о способности одиночки побеждать, несмотря ни на что. К концу саги становится ясно, что трудности, подстерегавшие героя в пути, гораздо серьезнее, чем казалось на первый взгляд. Достаточно сказать, что Одиссей отправляется в поход с полной командой корабля, но на родину прибывает лишь он один.

В следующем рассказе раскрывается

судьба маленького человека — Эльпенора, которого мы помним как простого воина из Одиссеевой дружины, погибшего на острове Цирцеи. Вот что говорит автор: «Эльпенор, по моему убеждению, несправедливо обижен. Веками его смерть считалась образцом безрассудства и обычного среди молодежи пьянства. А я задалась вопросом: что же послужило причиной неумеренной тяги к алкоголю, которая в конечном итоге повлекла падение с крыши и смерть?»

Ее ответ на заданный вопрос открывает перед нами окошко в сердце человека, прошедшего сквозь ад войны, а потом сломленного чародейством, которое вынудило его увидеть призрачный мир как настоящий. Этот рассказ ставит новый вопрос: «А что на самом деле означает быть зверем?»

Став свиньей, я сильно изменился.

Запахи, подобно кулакам, ударили в мою морду, пробуждая до той поры скрытую силу в ногах. Земля, проплывающая в нескольких дюймах от подбородка, манила зарыться носом, чтобы

добыть ее сокровища, а потом еще, еще и еще… Лесные грибы, сыр, пустые соты, огрызки яблок, желуди — я и не перечислю всего, что ел в тот день, но помню вкус — восхитительный, ни с чем не сравнимый. И все это где-то здесь, под моими ногами, манит неземной сладостью, — с неистовой силой хочется приникнуть рылом и жрать, обонять, валяться до тех пор, пока не пропитаюсь этим запахом и мы не станем как единое целое, ибо мы всегда были предназначены друг для друга — я и эта грязь, эта грязь и я.

Большинство из команды корабля этого не заметили. Отряхнулись от дурных воспоминаний, как собака от воды, и все. Некоторые, умишком послабее, боюсь, не заметили вообще ничего.

Но меня… меня превращение изменило. И Эльпенора тоже.

Вначале я и не предполагал, что мы подружимся. Тонкая чувствительная душа Эльпенора скрывалась под внешними качествами великолепного воина — высокий, мускулистый, даже зверообразный. Юный годами, но не мастерством, числом побед он превосходил любого из дружины Одиссея. Ну разве что кроме предводителя. Я же, напротив, был в команде одним из самых слабых, всегда предпочитая путь отступления отчаянной

атаке. Если добавить жесткие черные волосы и затравленный взгляд, то я, пожалуй, больше всех походил на запуганную дворнягу.

Эльпенор поначалу сторонился меня, но война тянулась долго, нас часто вместе отправляли для выполнения самой грязной работы, ведь на судне мы оставались самыми молодыми. Мы избавлялись от трупов, чистили отхожие места, отмывали палубу после сражений. Таким образом мы с Эльпенором сошлись над кровью и дерьмом и сговорились, как нам уберечь рассудок от окружающей гнили.

Скоро выяснилось, что мы оба — самые младшие дети в больших семьях. Это издевательства старших братьев толкнули нас на путь войны — убивать и ходить по шлюхам, потеть и ругаться, чтобы стать наконец-то «мужчинами». Эльпенор принял этот выбор как положено. Он научился сражаться и сражался хорошо. А я же потратил время, выясняя, как избежать боя, пока не началась эта мерзостная война, от участия в которой я не смог отвертеться.

И где-то в середине этой бесконечной войны настал день, когда Одиссей приказал нам двоим собирать глаза мертвецов.

Этот день мы с Эльпенором никогда потом не

обсуждали.

Но тогда мы стали побратимами.

Ночью мы напились и открылись друг другу, что ненавидим своего предводителя, что скучаем по нашим сестрам больше, чем по братьям. Прямо там и тогда мы принесли клятву на крови, что если выживем, то отправимся по домам и никогда больше не прикоснемся к оружию.

Эльпенор во время войны представлял идеал бойца, но теперь, на пути домой, он долгие часы размышлял об убитых им людях. Кем они были? Как-то поздним вечером я, раскачиваясь в гамаке, попытался отвлечь его от грустных мыслей мечтами о будущем. Я изложил свои намерения — жениться на толковой девчонке, посадить виноградник, растить детей и делать лучшее вино во всей Греции. Хорошенько подвыпив, я признался, что могу создавать виноградные лозы из ночного воздуха, зеленые и наполненные жизнью, которые потянутся от наших гамаков через широкое море, прямо к родному дому. Эльпенор рассмеялся и посоветовал мне воздержаться от пития. Но, должен признаться, в душе моей зародилась слабая надежда, поскольку после той ночи, когда у нас наступали воистину тяжелые времена, он всякий раз вспоминал и спрашивал

меня о волшебной виноградной лозе.

Мы с Эльпенором стояли рядом, когда прекрасная Цирцея заколдовала нас, — далеко не каждый из команды осознал в тот миг, что же произошло. Большинство наших спутников принялись с довольным видом жевать сено в загонах. Но не Эльпенор! Он всегда отличался храбростью — хоть в человеческом, хоть в свинском облике. Мой побратим разбросал по сторонам сено и врезался в заднюю часть стойла, пробив дыру, будто тараном. Даже не понимая, что делаю, я кинулся за ним через пролом в досках, поражаясь собственной прыти и бесстрашию. Мы разбежались в разные стороны.

О боги! Как же я любил свободу. Должно быть, это крылось где-то в глубине души. Меня переполнял огромный жгучий голод — едва завидев что-то, я хотел это съесть. Или разбросать рылом. Или поваляться в нем. Или порыться, поваляться, а потом съесть. Если я рылся в чем-то, я приходил в восторг. Если я ел что-то, я приходил в восторг. Если я валялся в чем-то, пускай самом вонючем и отвратительном, я приходил в восторг. Меня не волновала война, не тревожила утрата смысла жизни. Разрывая землю вместе с дикими свиньями, пожирая желуди, плещась в речных заводях,

чувствуя, как ил подсыхает на моей шкуре, я понял, что получаю то, чего всегда хотел. И о чем раньше не догадывался.

Как же я хотел, чтобы этот день длился вечно!

Но к сумеркам наши приключения закончились. Мы с Эльпенором повстречались и сразу же узнали друг друга, даже под свиными личинами. Мы едва не лишились чувств — две свиньи, покрытые слоем грязи и сосновой хвои. Но двух более счастливых тварей вы не нашли бы никогда в жизни.

Я уже подыскивал местечко, чтобы уснуть, как вдруг произошло обратное изменение. Ни с чем не сравнимый опыт — внезапная дрожь, удивительное чувство, как будто кто-то вытягивает все твои мускулы наружу, но, как ни странно, это было совершенно безболезненно.

Одиссей убедил Цирцею расколдовать команду его корабля, и мы неожиданно опять стали людьми. Грязными людьми, уставшими от необычного приключения. Никогда в жизни я так не пачкался и вид имел тошнотворный. Эльпенор смотрел на меня в крайнем замешательстве — не зная, что и сказать, я лишь покачал головой. Холодный узел в подреберье вновь заворочался, напоминая об ушедшей боли. Мало-мальски приведя себя в

порядок, мы вернулись во дворец Цирцеи.

В ту ночь Одиссей и волшебница окунулись в безумство любви, а оставшаяся часть команды, радуясь вновь обретенным человеческим телам, предалась необузданной оргии. Чтобы не слушать всякие колкости вроде «Эй, малыши, а сколько нимф вам удалось уломать?» или «Может, попросите старших товарищей поучить вас?», мы с Эльпенором забрались на крышу дома с большим ритоном медового вина.

Прозрачный ночной воздух полнился пением цикад. Плыл аромат сосновой живицы и морской соли. Звезды едва забрезжили. Мы разлеглись, скинув туники, на ребристой плитке. Волоски на моем теле слегка шевелились, но я не ощущал обдувающего ветра. Сердце пульсировало холодно и отстраненно, словно высокие звезды. Я размышлял: приходит ли к свиньям когда-нибудь желание посмотреть на звездное небо?

— Боги, как мне понравилось, — проговорил я, не спуская глаз с ночного небосвода.

Эльпенор не ответил, уже изрядно опьянев. «Зудит ли его кожа, как и моя, после кувыркания в грязи?» — подумал я и от души хлебнул вина, чье тепло приятно щекотало горло.

— Мне очень понравилось, — повторил я по-

громче, не решаясь все-таки сказать, что хочу опять стать свиньей. — Я не прочь повторить!

— Повторить? Ты хочешь повторить? Повернуть время вспять? — проговорил он заплетающимся языком.

— Ты знаешь, о чем я. Хочу…

— Какая разница, чего мы хотим, если никогда не получим желаемого?

Он разозлился сильнее, чем я ожидал. Не до бешенства, конечно, но примерно таким он становился в сражении. Схватив ритон, Эльпенор вскочил.

— Эй, оставь хоть глоточек! — Я тоже поднялся и хлопнул его по плечу, пытаясь хоть немного развеселить.

Эльпенор отшатнулся от меня, слегка покачиваясь.

— Отстань! — Он сделал второй большой глоток, шагнул ко мне, наклоняя голову, и… захрюкал.

Наверное, со стороны это выглядело смешно, но я по-настоящему испугался. Он не захотел мыться, и теперь в звездном свете засохшая на голой груди грязь напоминала запекшуюся кровь. Мой друг уже выпил достаточно и потерял власть над собой; в таком состоянии он легко мог затеять

ссору, но я не хотел с ним драться. Тем более в темноте на скользкой крыше.

— Эй, погоди, Эльпенор, полегче…

Он несколько раз гортанно хрюкнул, слишком низко для человека.

— Прекрати! — Я попятился. — Хватит валять дурака! Говори по-человечески.

Он ответил хриплыми выдохами, такими сильными, что разлетелись брызги слюны и слизи из носа.

— Эльпенор! По-человечески!

— Ну ладно. Хрю, хрю-хрю! — ответил он. — Ты доволен? Этого ты хотел? Ну, давай же — хрю-хрю, хрю! Скажи это по-человечески.

Я молчал.

— Не можешь сказать? — Он вылил в рот последние капли и швырнул ритон с крыши.

Когда керамический сосуд разлетелся вдребезги на мощенном камнем дворе, взвыл волк. Эльпенор завыл в ответ, зарычал и захрюкал, отвернувшись от меня.

— Прекрати, Эльпенор!

— Тебе же понравилось! Так давай, присоединяйся! Поболтаем, похрюкаем! Хрю-хрю! Ну как? Не слишком по-человечески? — Он вновь захрюкал, как свинья, и влага двумя струйками

побежала из его ноздрей.

Я отпрыгнул, едва не свалившись.

— Перестань!

Внезапно он выбросил руки вперед и попытался меня схватить, хрипя и хрюкая, как кабан.

— Забери тебя Цербер, Эльпенор! — Я прикрыл голову руками, но он, дико рыча, врезался в меня.

Я оттолкнул его, сильно оттолкнул, но он продолжал нападать. Не знаю, рычал ли он, плакал, завывал ли — о боги, что за ужасные звуки! — но мне стало больно. Эльпенор обезумел, будто одержимый демонами, и я, глубоко вздохнув, хрюкнул в ответ. Громко!

Он еще раз боднул меня, а потом сжал в крепчайших объятиях, забыв — благодаренье богам! — об этих ужасных звуках. Я стоял как дурак, уткнувшись носом Эльпенору в грудь. Его пот, смешанный с грязью, стекал мне на лоб. Но я радовался, что он перестал нападать. Впервые с того мига, как нам вернули человеческие тела, я мог слышать биение его сердца радом с моим.

Наконец Эльпенор разомкнул объятия.

— Значит, ты свинья в глубине души?

Я потер бока — все-таки Эльпенор сдавил меня слишком крепко.

— Должен заметить, сегодня впервые за весь срок службы в дружине нашего предводителя я почувствовал себя счастливым.

Мой друг хрюкнул, но в этот раз скорее по-человечески, чем по-звериному.

— Эльпенор? Ты в порядке?

Он с наслаждением, как самое вкусное яство в мире, слизнул сопли с верхней губы.

— Мне понравилось, что я все забыл. Ты меня понимаешь?

— Ага…

— Но теперь я снова вспомнил.

Я не знал, что и ответить. Мои собственные воспоминания, вызывающие боль, нахлынули после возвращения человеческого облика, но я ценой неимоверных усилий справлялся. А вот мой друг не сумел.

— Ну, кто-то же должен помнить…

— Ты думаешь, это предначертано свыше? Помнить? — Его губы исказила кривая усмешка. — Как думаешь, наш предводитель запомнил, что с нами сталось? Что мы увидели?

— Думаю, нет. Но я помню. И ты помнишь.

— Да, и это мучает меня. Ты хочешь все помнить?

— Нет, но…

— Но!.. Ты жалеешь, что мы не остались свиньями. — Его странная улыбка угасла.

Я усмехнулся и негромко хрюкнул.

Он хрюкнул в ответ, растерянно и тоскливо. Подошел к краю крыши.

— Ты не против еще выпить?

— Ночь разгула?

— Сходи за вином.

Я кивнул, обратив внимание на его сдавленный голос и напряженно ссутуленные плечи. Кажется, он плакал, поскуливая вполне по-человечески.

Спустившись по скату крыши, я заметил несколько львов и волков, которые крутились у осколков ритона, а потом осторожно перелез в раскрытое окно верхнего этажа. Там все лежали вповалку — и люди, и нимфы. Я пробрался на цыпочках между неподвижными телами и спустился из царства сна на кухню.

Налил в мех вина, нашел немного еды. И вдруг, подобно воинам на поле боя, заревели львы, завыли волки. Схватив нож со стола, я выбежал, чтобы посмотреть, в чем дело. Звери собрались в кучу у одной из стен дворца, и я кинулся к ним.

Должно быть, что-то человеческое оставалось в сердцах хищников, поскольку, завидев меня, они расступились, открывая тело моего друга. Если

бы не струйка крови, сбегающая из открытого рта, я бы подумал, что Эльпенор прилег отдохнуть. Челюсть отвисла, мускулы вокруг глаз расслабились, он выглядел вполне мирным… Мой разум превратился в патоку, вязкую и текучую, и отказывался хоть что-то понимать.

Прижавшись ухом к его груди, я старался уловить хоть малейший признак жизни, но тщетно. Воздух невольно вырвался из моей груди, ребра опустились. Тогда мне показалось кощунством дышать рядом с мертвым другом.

Всю ночь я оставался возле его тела, напрасно надеясь обменять свое дыхание на его, надеясь вернуть его душу из мрачного Тартара. Надеясь, что он поднимет голову, улыбнется безумно и хрюкнет, роняя брызги крови и слюны.

Но этого не случилось.

И вот наступила ночь смерти — спустя три недели после гибели Эльпенора. Я приготовил две чаши пряного вина для Цирцеи и Одиссея; питье поставлю у изголовья их ложа. По привычке они выпьют вино утром. Для него — с болиголовом, для нее — без.

Я отравлю его, как он отравил Эльпенора. Того сразила двойная доза — жестокие приказы Одиссея и немилосердное колдовство Цирцеи.

Слишком опасным ядом для моего друга оказалась жизнь в теле свиньи.

Мои ноги не дрожали, когда я приближался к кровати, и поднос я держал крепко. Дух Эльпенора вел меня сквозь темноту опочивальни. Они спали. Я поставил чашу с болиголовом на столик на стороне Одиссея. Он даже не пошевелился. Спокойно обойдя постель, я опустил безвредную чашу так, чтобы волшебница могла легко дотянуться рукой.

Попытавшись незаметно улизнуть, я вдруг споткнулся. Наверное, простыни лежали на полу. Попытался высвободить ноги, но тряпка, казалось, переползла выше. Или это веревки? Я дернулся, но веревки, обвившиеся вокруг моих лодыжек, заскользили вверх, к бедрам. Я едва сдержался, чтобы не заорать от ужаса. Что-то мягкое и теплое, похожее на пряжу, обвило мою поясницу. Беззвучно я молился богам — помогите во имя моей дружбы. Хоть кто-нибудь, помогите!

Комната озарилась, пламя согрело мою спину. Обернувшись, я увидел проснувшуюся Цирцею, ее глаза горели, как у охотящегося ночью зверя. Длинные струйки зеленого света связывали ее пальцы и меня. Я помотал головой, пытаясь отогнать видение. Но длинные, тонкие, живые

щупальца оплели мои ноги, поясницу, грудь. Я оказался спеленатым и беспомощным. Позади колдуньи лицом вниз лежал Одиссей, казавшийся столь же темным, сколь она лучилась светом.

— И что мне поделать с печальным маленьким убийцей? — спросила Цирцея.

Я попытался вырваться из удивительных тонких щупалец.

— Не будь таким нетерпеливым. — Из ее глаз вылетели искры. Веревки, державшие меня, сжались раз, потом второй. Успокаивающее тепло растеклось по телу. — Почему ты замыслил погубить моего возлюбленного?

Пол зашатался, будто я стоял на палубе корабля. Лицо Цирцеи расплылось. Ее проклятые руки продолжали вливать в меня дурманящее зелье. Веревочки напряглись, понуждая поднять глаза. Водопад волос цвета моря ниспадал на ее плечи, соединяясь с веревками, исходящими из пальцев. Она превращалась в бурный поток, а меня, как утлый челн, влекло неумолимое течение.

— Он убил моего друга, как прежде убил многих.

— Он убил многих, но в смерти твоего друга не повинен.

— Если бы Эльпенор не побывал в теле свиньи,

он не прыгнул бы с крыши.

— Но ведь это я заколдовала тебя и твоего друга.

— Одиссей во всем виноват. Это он заставил тебя превратить нас обратно в людей.

— Твой друг хотел остаться свиньей? — Ее глаза вспыхнули. — Почему?

— Он… — Я замешкался, не будучи уверен в правильности догадки и не желая предавать память Эльпенора. — Ему не нравилось быть человеком.

— А ты?

— А мне нравилось… быть свиньей, — прошептал я.

— В чем отличие? Одному нравилось быть свиньей, второму не нравилось быть человеком.

Я снова замешкался с ответом. Веревки сжались, и вслед за этим слова сорвались с моих уст:

— Эльпенору хотелось забыть все человеческое, забыть, что он был человеком. А мне по душе… свобода, наслаждение, погоня. И я не должен был задумываться. Мне понравилось, что я и мои чувства слились в единое целое; я не делил поступки на хорошие и плохие. О боги! Я хочу быть опять свиньей! — Заветное желание легко сорвалось с языка, а ведь еще недавно на крыше я боялся произнести вслух эти слова.

— Правда это или ложь, но ты ищешь смерти. Потому что твой друг умер.

— Нет! — Я изо всех сил старался говорить громче, но ничего не получалось. Меня окружал кокон спокойствия. — Неправда, он… — Я не знал, как объяснить ей, что искал или от чего бежал Эльпенор. — А я хочу… я хочу стать свиньей.

Так странно было смотреть, как мое сердцебиение отражается в ее похожей на воду коже.

— Ты желаешь отомстить мне, — произнесла Цирцея. — Но понимаешь ли, что, наказав меня, не вернешь друга?

— Понимаю, — сглотнул я.

Впервые с того мига, как я подпал под ее чары, в моей душе всколыхнулся стыд. Слезы обожгли глаза. Но удивительно, давление кокона возросло, и раскаяние отступило.

— Быть может, свиньи не помнят, что их друзья мертвы.

Я не понимаю, почему плачу; все мои чувства оцепенели. А тончайшие щупальца удлиняются и подхватывают мои слезы прежде, чем те успевают хлынуть потоком, и словно выпивают их.

— Хорошенько подумай.

И я подумал. Подумал о неудержимом бешеном беге сквозь лес, о съеденных золотистых грибах,

о подгнивших сладких плодах под деревьями. Мощное и гладкое тело, ищущее наслаждения за наслаждением, валяющееся в сыром торфе и скользком суглинке, купающееся в ледяном ручье. Ничто не должно стоять между мной и этой великолепной жизнью. Никаких преград, никаких забот, никакой путаницы, никаких размышлений — прав ты или не прав. И никаких воспоминаний. Эти слова раз за разом звучали в моем разуме. Никаких воспоминаний! Вот к чему стремился Эльпенор! А чего же хочу я?

— Я забуду, что был человеком? — спросил я. — Я забуду своего друга?

— Именно так. У зверей нет человеческих воспоминаний. — (Одиссей пошевелился на кровати, словно небольшая темная гора.) — Теперь, смертный, ты должен выбирать. Скоро проснется Одиссей. Он убьет тебя, застав здесь. Если ищешь смерти, просто ничего не делай. Но если тебя интересует жизнь, придется решать: хочешь ты превратиться в свинью или остаться человеком. И выбирать надо прямо сейчас.

Я растерялся.

— Твоя нерешительность говорит сама за себя. Прощай, и пусть твой друг меня простит.

— Его звали Эльпе…

Не дав мне договорить, она пробормотала заклинание. Кожа моя покрылась пупырышками и съежилась, растянулась и потекла. Все это время тонкие щупальца поддерживали меня, не давая рухнуть на пол, защищали от бури чувств и взрыва памяти. Повинуясь замысловатому движению ее пальцев, нити вынесли меня в окно и опустили на мощенный камнем двор, а там развернулись подобно живым виноградным лозам…

Я задыхался, поскольку в ужасающе стремительное мгновение изменилась сама моя сущность. О, эти запахи — такие насыщенные! Они словно пища на языке — медовый густой запах ночных цветов; соленые иголочки, покалывающие нёбо; сырой грибной дух леса. Он манил меня, уговаривал нырнуть во тьму, раствориться и умчаться.

Воздух на коже — холодная сладость. Моя кровь забурлила в ответ. Я побежал вдоль усадьбы Цирцеи, порабощенный зовом земли.

Я чувствую аромат свободы!

Я чувствую аромат забвения!

Я чувствую свой запах…

Я обоняю жаркую солоновато-сладкую кровь; я вижу сверкающие глаза зверей Цирцеи; я слышу слабый перестук копыт. Окружающий мир сгущается все сильнее и сильнее…

перевод В. Русанова

Орсон Скотт Кард
ДЖАМАЙКА

Орсон Скотт Кард — популярный автор, перу которого принадлежат свыше сорока романов. В том числе «Игра Эндера», принесшая ему «Хьюго» и «Небьюлу». Продолжение, роман «Голос тех, кого нет», также получил обе эти премии, сделав Орсона С. Карда единственным писателем, кто получил два наиболее желанных приза в фантастике подряд. Его последние книги — «Enderverse», «Enderin Exile» и продолжение триллера из жизни ближайшего будущего «Empire» и «Hidden Empire».

В настоящее время он работает над романом «The Lost Gates» — первым томом новой фэнтезийной саги.

Одна из проходных тем для Орсона С. Карда в литературе — рано развившиеся дети. По вине своего выдающегося интеллекта они изолированы от сверстников, их ждут конфликты с недально-

видными взрослыми. Исключительные способности подталкивают таких детей к поступкам, которые изменяют окружающий мир, причем эти поступки могут совершаться как вопреки собственной воле, так и по недомыслию. Лучше всего это показано в «Игре Эндера» и его сиквелах.

И ныне Орсон С. Кард остается верен себе, когда пишет о семье и обществе и о том, каким образом они воздействуют на нас.

Его роман «Magic Street», написанный в 2005 году, как раз имеет схожий сюжет, который разворачивается в районе Лос-Анджелеса под названием Болдуин-Хиллз. В нем идет речь о мальчике по имени Мак Стрит, которому предстоит столкнуться со скрытым злом, появившимся по соседству. Рассказ, созданный в том же антураже, доступен для прочтения на веб-сайте автора.

Наш следующий сюжет включает в себя многие из обычных для Орсона С. Карда приемов и тем. Перед нами предстает исключительно умный юноша, обладающий

загадочными способностями и предопределенной судьбой.

Подготовительный курс по химии был просто полным надувательством, и Джам Фишер это знал. Средняя школа «Ридль» представляла собой отстойную яму всей системы образования округа. Но кому-то из чиновников пришло в голову совершенно логичное, на их взгляд, решение: коль статистика именно по этой школе показывает самый высокий уровень поступивших в колледж и самый высокий балл выпускников, то, значит, все учащиеся «Ридля» должны пройти через подготовительные курсы.

Стоит ли молча мириться с подобными выходками начальства? Очевидно, стоит, если ты хочешь по окончании средней школы «Ридль» поступить в колледж, получить ученую степень и устроиться на хорошую работу.

Среди учащихся школы «Ридль» Джам, пожалуй, был одним из немногих, кто возлагал хоть какие-то надежды на дополнительные занятия по химии. Но теперь понял: вместо того чтобы оказаться в одном классе с детьми, желающими хоть чему-нибудь научиться, он попал в класс, полный профанов, идиотов и даунов.

Конечно, он отдавал себе отчет, что не вполне

справедлив. Да, они не дураки безмозглые, просто серьезно отставали в начальной подготовке. Не у каждого же мама окончила колледж, а книг-то у них в доме, поди, маленькая полка в гостиной, и на той валяются ни разу не раскрывавшиеся подарки от родственников.

Справедливо или несправедливо, а результат вполне предугадывался. Чтобы дать надежду отстающим, учебный план составили с откровенно заниженными требованиями. Таким образом, Джаму пришлось вдвое больше заниматься самостоятельно, чтобы рассчитывать на успешную сдачу тестов по окончании подготовительных курсов. Мама сошла бы с ума, если бы он упустил возможность набрать достаточный балл для перехода в колледж: «Не наберешь очков для получения стипендии, останешься с дипломом школы „Ридль“, а значит, возьмут тебя только на должность поломоя».

И вот в первый день начального курса обучения он сидел и слушал преувеличенно дружелюбного учителя, пытавшегося излагать химию в шуточной форме.

— Что я хочу вам показать? — вещал мистер Лодон. — Философский камень. Давным-давно алхимики думали, что он способен превращать

любой металл в золото. — Он вручил камешек Амалю Пирси в первом ряду. — Поэтому, прежде чем мы двинемся дальше, я хотел бы, чтобы каждый из вас познакомился с ним — посмотрел, потрогал, понюхал. Что угодно делайте, мне все равно…

— Если надо нюхать, то я отказываюсь после Амаля, — заявила Сина Робльз.

В классе засмеялись, в то время как Амаль, не расположенный к веселью, просто пощупал камень и, пожав плечами, передал его дальше.

Образец породы переходил из рук в руки, вперед и назад по рядам парт. Насколько Джам успел разглядеть, он очень походил на янтарь — желтый и полупрозрачный. Но никто не заметил ничего необычного, пока камень не попал к Ронде Джонс. Прикоснувшись к нему, она завизжала и уронила на пол. Камешек закатился под соседнюю парту.

— Жжется! — воскликнула девочка.

«Не жжется, а током бьет, — подумал Джам. — Янтарь накапливает статический заряд».

По всей видимости, именно эту шутку и задумал сыграть мистер Лодон.

Но мальчик держал язык за зубами. Заиметь в лице учителя врага Джам хотел бы в самую

последнюю очередь. Он уже проучился год, постоянно конфликтуя с преподавателями, и хорошего в этом было очень мало.

— Подними! — приказал Лодон. — Нет, не ты. Она. Тот, кто уронил.

— Меня зовут Ронда, — сказала девочка. — И я не собираюсь его поднимать.

— Ронда… — Учитель заглянул в длинный список. — Джонс. Ты поднимешь камень и сожмешь его как можно крепче.

Она ответила упрямым взглядом и сложила руки на груди.

Смирившись, Джам Фишер заговорил, чтобы отвести от нее гнев:

— Это какой-то опыт?

Лодон впился в него взглядом. Отличное начало, Джам!

— Я сейчас разговариваю с мисс Джонс.

— Я только хотел бы узнать, насколько это важно, — сказал Джам. — Думаю, что это вовсе не философский камень. Это всего-навсего янтарь, который накапливает статическое электричество. Когда она притронулась, ее ударило током.

— Ох, прошу простить меня, я должен кое-что проверить. — Мистер Лодон снова уткнулся носом в список. — Нет, все правильно, учитель здесь

я. А ты кто такой?

— Джам Фишер.

— Джам? О, нашел! Полностью тебя зовут Джамайка Фишер. Первый раз вижу мальчика по имени Джамайка.

Послышались смешки, но редкие и негромкие, поскольку в младших классах Джам дрался до крови с каждым, кто смел утверждать, будто Джамайка — девчачье имя.

— У вас перед глазами все данные, — ответил он. — Разве в классном списке нет указаний рядом с именами — мальчик или девочка?

— Очень джентльменский поступок, мистер Фишер, попытка выручить мисс Джонс, но она все-таки поднимет этот камень.

Джам понимал, что совершает классическое самоубийство, но что-то в его душе восстало против хамской выходки учителя. Он поднялся и шагнул вперед. Лодон отступил, должно быть испугавшись, что Джам его ударит. Но мальчик просто заглянул под парту, куда закатился камень, и протянул руку, твердо вознамерившись его поднять.

В следующий миг он осознал, что кто-то хлопает его по щекам. Да что он себе позволяет?! Джам поднял руку, чтобы дать сдачи. Вернее, хотел

поднять руку. Из-за странной слабости удалось приподнять ее над полом не больше чем на дюйм, а потом снова пришлось уронить.

От пола? А почему он лежит на полу, лицом к потолку?

— Поднимите веки, мистер Фишер, — приказал Лодон. — Мне нужно посмотреть, расширены ли ваши зрачки.

Это что, какой-то допинг-контроль?

Джам попытался произнести эти слова вслух, но губы не подчинились.

Еще шлепок.

— Перестаньте! — прокричал он.

Точнее, прошептал.

— Подними веки.

С большим трудом Джам открыл глаза.

— Сотрясения нет. Твои мозги не пострадали, хоть ты и ударился головой об пол. Поднимайтесь. А вы двое — помогите ему!

— Нет, спасибо, — пробормотал Джам.

Но двое учеников уже кинулись к нему, опасаясь гнева Лодона больше, чем слабых протестов одноклассника.

— Я сам встану, — сказал Джам.

То есть начал и не договорил. Последние слова вырвались вместе со съеденным ранее завтра-

ком. К счастью, большая часть рвоты попала в проход между партами, но брызги угодили не только на туфли Джама, но и на обувь и одежду стоявших рядом с ним.

— Надо бы его отвести в медкабинет, — заметила Ронда.

— Мне бы прилечь, — успел ответить мальчик, прежде чем нахлынувшая слабость погрузила его в беспамятство.

Теперь он очнулся в кабинете медсестры, которая разговаривала по телефону.

— Да, я могу не звонить в «скорую». Но руководство школы запрещает мне отправлять больных или травмированных учеников в больницу на частных транспортных средствах. Да, я знаю, что вы не намерены предъявлять нам иск, но я волнуюсь не по поводу судебной тяжбы с вами, я просто не хочу вылететь с работы. У вас, случайно, не найдется местечка для уволенной медсестры? Тогда давайте не будем спорить. Миссис Фишер, или я вызываю «скорую», или вы приезжаете и забираете его. Ну или он остается здесь, угрожая инфицировать других учеников.

— Я не болен, — пробормотал Джам.

— А теперь он заявляет, что не болен, — сказал медсестра. — Это при том, что у него рвота на

туфлях. Да, миссис. Рвота — официально принятый, но малопонятный жаргон медицинских работников. Вообще-то, мы разговариваем на английском языке, как на самых лучших курсах младшего медперсонала.

— Скажите ей, чтобы не приезжала, — прошептал Джам. — Со мной все хорошо.

— Он говорит, что с ним все хорошо и чтобы вы не приезжали. Он слаб как младенец и явно бредит, но вам ни в коем случае не надо срочно везти его домой.

Через двадцать минут мама прибыла.

С ней вошел мистер Лодон.

— Прежде чем вы увезете его, — сказал учитель, — я хочу получить назад свое имущество.

— О чем вы говорите? — удивилась мама. — Обвиняете моего сына в краже?

Джаму не нужно было даже открывать глаза, чтобы представить, как мама прожигает взглядом Лодона.

— Он поднял кое-что с пола в моем классе, и эта вещь все еще у него.

Джам отметил, что мистер Лодон не хочет произносить при маме и медсестре слово «камень».

— Обыщите меня, — прошептал мальчик.

Мать тут же погладила его по голове, провор-

ковав:

— О Джамайка, дитя мое, не трудись разговаривать. Я знаю, что у тебя ничего нет.

— Он разрешил себя обыскать, — настаивал Лодон.

— Этот ученик — мой сын. Каждый день он возвращается из школы домой, где заботится о брате с ограниченными возможностями и готовит ужин своей маме. И этого мальчика вы хотите ославить как преступника?

— Я не утверждаю, что он совершил кражу. — Лодон снизил напор, но не собирался уступить вовсе. — Он может даже не знать, что эта вещь у него.

— Обыщите меня, — повторил Джам. — Не нужен мне ваш философский камень.

— Что он говорит? — удивилась мама.

— Да бредит.

Джам почувствовал, как пальцы учителя охлопывают его карманы.

Мальчик разжал кулаки, чтобы показать пустые ладони.

— Я могу поклясться, — сказал Лодон, — что эта вещь у него была. И не осталась в классе, когда его вынесли.

— Значит, вам стоит обыскать какого-нибудь

другого ребенка, — сказала мама. — Джамайка, дитя мое, ты можешь сесть? А идти? Или я сейчас заставлю мистера Растеряху отнести тебя к автомобилю.

Вместо ответа Лодон снова потрогал его. Джам попробовал перевернуться на бок и с радостью понял, что у него получилось. Даже сесть удалось! Значит, он не такой уж и слабый. Хотя прежние силы еще не вернулись. Поэтому он опирался на мать, пока та вела его к автомобилю.

— Да уж, задался первый учебный день, — проговорил он.

— А теперь скажи правду: тебя кто-то побил?

— Мама, меня уже давно никто не бьет.

— Ну, лучше б им и не пытаться. А что это за учитель?

— Идиот.

— А почему этот идиот прицепился к тебе в первый же день? Отвечай, а то мне придется сказать директору школы, что учитель неприлично тебя трогал, когда обыскивал, и тот надерет ему задницу.

— Мама, не надо таких слов.

— Задница, задница, задница… Кто из нас родитель — ты или я?

Это был их старинный ритуал, и Джам закон-

чил фразой:

— Должен быть, я, но что-то мне подсказывает, что ты.

— Тогда полезай на сиденье, сынок.

По пути к дому Джам восстановил силы достаточно, чтобы ни на кого не опираться.

— Мама, мне уже гораздо лучше. Может, отвезешь меня в школу?

— Должна ли я сделать из этого вывод, что раньше ты притворялся? Что ты просто от нечего делать подвергаешь опасности свое будущее, пропуская занятия в школе? И чисто из прихоти создаешь мне проблемы на работе, заставляя срываться с места и везти тебя домой?

— Если бы я мог говорить, я попросил бы медсестру не звонить тебе.

— Джамайка, а ну выкладывай, что там стряслось.

— Мама! Он велел нам потрогать дурацкий камешек и рассказывал об алхимии, которая предшествовала химии. Говорил, что это философский камень. А тот, пока переходил из рук в руки, накопил электрический заряд и очередного ученика ударил током. Ронда Джонс его уронила, а мистер Лодон потребовал, чтобы подняла. Прицепился как репей, хотя Ронда перепугалась до

смерти. Никакого смысла в этом я не видел, ведь он, скорее всего, просто собирался нам показать, что алхимия никакая не наука, а вот химия — да. Но почему мы все должны были трогать этот дурацкий камень?

— Позволь, угадаю. Ты увидел несправедливость и кинулся исправлять положение.

— Я только наклонился, чтобы поднять камень, и, наверное, упал в обморок, потому что очнулся на полу.

— Но ты его не трогал.

— Нет, мама. Теперь ты обвиняешь меня в краже?

— Нет, я обвиняю тебя в серьезных проблемах со здоровьем и предполагаю, что в следующий раз меня сдернут с работы из-за того, что ты упадешь замертво на баскетбольной площадке, а виной всему будет болезнь митрального клапана или что-то подобное.

— Единственный способ для меня оказаться на баскетбольной площадке — вначале умереть, и чтобы мой прах пошел на разметку.

— Я слишком много надежд возлагаю на тебя, мой бедный малыш. Если бы только… О, лучше бы я убила его, чем выходила замуж.

— Пожалуйста, не вспоминай сейчас о папе.

— Не называй его папой! Он никто и для тебя, и для меня!

— Тогда не вспоминай его каждый раз, когда совершаешь ошибку.

— В нем причина всех моих ошибок. Это из-за него я вынуждена вкалывать как рабыня каждый день. Это из-за него ты должен вывихнуть мозги, чтобы заработать стипендию в колледже. А твой несчастный брат весь остаток жизни будет прикован к постели…

Потом она, само собой, рыдала, отказывалась от утешений, пока Джам не уселся рядом и не обнял за плечи. Он помог маме войти в дом, уложил ее на диван и сделал на кухне компресс из влажного полотенца. В общем, не пожалел усилий, чтобы она успокоилась, взяла себя в руки и вернулась на работу.

После ее ухода Джам опустил жалюзи и закрыл двери. Только после этого зашел в гостиную, где перед телевизором стояла кровать Гэна. Хотя брат почти не смотрел передачи, экран светился целый день. Пожилая соседка время от времени заглядывала к ним и переключала каналы.

— Как делишки, Гэн? — спросил Джам, присаживаясь рядом с братом. — Что-то интересное смотришь? Шоу доктора Фила? А я уже успел

поссориться с одним полнейшим дебилом — учителем химии. При этом брякнулся в обморок и приложился затылком об пол. Жаль, что тебя там не было.

Гэн не произнес ни слова, даже не издал ни единого звука, однако Джам догадался, что брату нужно сменить подгузник. Он всегда знал, чего хочет брат, с тех пор как тот получил повреждение головного мозга. Джаму тогда было девять лет, он привык рассчитывать только на свои силы и не беспокоил без необходимости маму и других взрослых. Они только и делали, что восхищались: ах, какой молодец Джамайка — заботится о несчастном братике, угадывает его мысли… А он просто делал то, в чем Гэн нуждался. Проще простого. Все это создало Джаму среди соседок-домохозяек репутацию самого лучшего сына и брата на божьем свете.

Джам взял из коробки чистый подгузник, принес влажные салфетки и скинул с брата одеяло. Расстегнув липучки и развернув использованный подгузник, он перевернул Гэна. Вот еще одна странность, творившаяся с Джамом, взявшим на себя заботу о брате: руки мальчика никогда не прикасались к испачканным тряпкам. Будто его пальцы всегда отделяла тончайшая прослойка

воздуха — может быть, всего-то в микрон, даже волос не просунешь.

Но он мог переносить вещи с места на место, как если бы держал их железной хваткой.

Мама, конечно, не могла не видеть, что Джам всегда опрятен и ходит с чистыми руками. Тем не менее заставляла его мыться. Однажды, исключительно из духа противоречия, Джам устроил целый спектакль с «мытьем» рук, но не позволил ни мылу, ни воде прикоснуться к своей коже. Отталкивать воду оказалось гораздо труднее, чем твердые предметы. Поэтому он перестал притворяться — куда проще в самом деле вымыть руки. Мальчик избегал споров и конфликтов, кроме тех случаев, когда на его глазах творилась несправедливость. Если бы он в свое время встал между папой и Гэном, все могло бы сложиться иначе. Но папа никогда не кидался на Джама, даже по-настоящему выходя из себя. От него доставалось только Гэну.

Подгузник выглядел отвратительно, но Джама это не смущало. Руки он не пачкал, а к запаху притерпелся несколько лет назад. Уход за больным — штука малоприятная, но это же Гэн, а значит, надо просто выполнять родственный долг. Джам протер брата, истратив три салфетки, а потом

скрутил их в один ком с подгузником и бросил в мусорный бак с запахопоглощающим пакетом.

Потом мальчик взял свежий подгузник, развернул его и уложил Гэна сверху. Теперь, имея дело с чистыми вещами, он не остерегался контактов, а поэтому случайно прикоснулся к голому бедру брата. Когда уже собирался застегнуть липучку, рука Гэна внезапно дернулась и пальцы сжали запястье Джама.

Поначалу мальчик испугался, но миг спустя его затопила радость. Гэн до него дотронулся. Гэн двигается. Может, это не случайно? Неужели калека пошел на поправку?

Джам попытался высвободить запястье, но тщетно — хватка брата напоминала стальной капкан.

— Погоди, Гэн, так я не смогу застегнуть подгузник…

— Покажи, — произнес Гэн.

Джам в изумлении воззрился на него. Он действительно это сказал? Или дело в игре воображения? Или в способности Джама понимать, чего хочет Гэн? Глаза брата оставались закрытыми. На вид все было, как всегда. Вот только его пальцы все крепче сдавливали руку Джама.

— Что тебе показать?

— Камень.

Джам вздрогнул. Он ни слова не сказал брату о камне.

— У меня его нет.

— Нет, есть.

— Гэн, можно, я за мамой схожу? Она должна знать, что ты заговорил.

— Нет, ей не нужно знать. Разожми кулак.

Джам разжал руку, которую держал Гэн.

— Не ту, другую.

Правая рука Джама все еще сжимала край подгузника. Он застегнул липучку, а потом открыл ладонь.

Точно в ее середке, наполовину погрузившись в кожу, лежал камень. И светился.

— В нем есть сила, — сказал Гэн.

— Так что же получается, камень вылечил тебя?

— Нет, я не вылечен.

На глазах у Джама камень погрузился в ладонь, скрылся под кожей, — как будто его и не было.

— Но его же не было у меня раньше, Гэн! Как узнать, что он еще там.

— Он там. Просто надо правильно смотреть.

— Но я даже не прикасался к камню. Каким образом он проник мне в руку?

— Это все твой учитель-химик. Он служит врагу, который заманил меня в ловушку. Накапливает для него в камне силу, которую отбирает у детей. Теперь ему нужно признаваться своему хозяину, что камень потерян. — Гэн улыбнулся безрадостно, неестественно, как будто кто-то управлял его телом, на мгновение растянув уголки рта. — И химик захочет получить его назад.

— Ну да… — кивнул Джам.

— Не прикасайся к нему. И не позволяй прикасаться к себе.

— Ты про учителя?

— Если он дознается, что камень у тебя, станешь беспомощным калекой, как и я. Или умрешь.

— Значит, это не папа сделал?

— Папа ударил меня, как до этого бил сотню раз. Думаешь, я когда-то позволял причинить себе боль? Нет, одновременно с ним ударил мой враг. А виноват, получается, папа. — Будто прочитав мысли Джама, Гэн добавил: — Только не надо жалеть папу. Он ведь каждый раз верил, что бьет по-настоящему.

— Так это камень позволяет тебе говорить?

— В камне накоплена сила. Когда ты уберешь руку, я снова ослабну.

— Значит, никогда не уберу. Ты можешь встать

и идти?

— Тогда я израсходую запас силы в камне за час.

— Что происходит, Гэн? Кто твой враг? Ты что, был в банде?

— В банде? — Гэн дернулся от мрачного смешка. — Можно сказать и так. Да, в банде. Эти банды тайно управляют миром. Идет война за сферы влияния, невидимая для людей, которые не чуют магию. Волшебники обладают неимоверной мощью. А это цена, уплаченная мной за дерзость.

— Неужели тебе никто не может помочь?

— Мы никому не доверяем. Невозможно догадаться, кто же служит императору.

— В Америке нет никаких императоров!

— В истинном мире нет никакой Америки. Только волшебники и их игрушки. Президент, армия, деньги — что это, если не игрушки для того, кто может управлять законами физики? А теперь отпусти меня, пока мы не исчерпали всю силу камня. Она еще нам понадобится.

— А ты и правда зачарован? Как в книжках?

Но ответа Джам не услышал, поскольку пальцы Гэна разжались и братья больше не касались друг друга. Больной лежал на постели так же, как все предшествующие годы, — с расслабленным

лицом, неспособный не только двигаться и разговаривать, но даже узнавать родственников. Но его сознание оставалось в беспомощном теле — Джам всегда в это верил, и мама как будто верила… притворялась, что верит. И ведь только что Гэн говорил, казался живым…

Джам опустился на пол рядом с кроватью Гэна и расплакался.

Когда в комнату вошла мама, Джам постарался сдержать слезы, но не успел. Она все увидела.

— О, детка! — воскликнула она. — Ты правда заболел? Или все-таки в школе что-то случилось?

— Гэн, — ответил мальчик.

Она подумала, что поняла его печаль, и уселась рядом и плакала вместе с ним о своем взрослом сыне Гэне, который был когда-то другом и защитником, а теперь лежал в гостиной неподвижный, как труп в гробу, из-за чего ее жизнь превратилась в бесконечные похороны. Вначале Джам хотел объяснить, что же произошло на самом деле, но вспомнил, что Гэн запретил открывать их тайну, и промолчал. Он только рыдал вместе с мамой, пока не иссякли слезы.

Потом она отправилась на работу, а Джам вышел во двор, полил томатные кусты и опрыскал их от грибка, который сожрал весь урожай

в прошлом году. Нынешним летом, благодаря заботам Джама, который опрыскивал растения каждые две недели, плодов уродилось столько, что пришлось поделиться с соседями. И он, и мама наелись помидорами по горло, но он никак не мог остановиться. Слишком хорошо помнил, как их не хватало в прошлом году.

За работой Джам размышлял о том, что сказал Гэн. Император. Волшебники. Гэн был вовлечен в какую-то войну? Или революцию? В прошлом году Джам выучил названия всех стран мира с их столицами — неужели эта долгая зубрежка оказывается бесполезной? Интересно, как бы выглядел глобус, если бы географы догадывались об истинном положении вещей.

Но ведь правительство собирает налоги, командует армией и полицией, обладает властью. Вмешиваются ли волшебники в войны обычных людей? Вмешиваются ли в деятельность конфесса? Меняют ли муниципальные законы? Или их больше интересует погода? По силам ли им остановить глобальное потепление? Или, наоборот, потепление — дело их рук? Или просто они заставляют людей верить, что это происходит? Что считать истиной, когда перед тобой открылась узкая щелка в тайный мир? Когда в твоей ладони

прячется камень?

Мистер Лодон появился так быстро после возвращения Джама из школы, что мальчик заподозрил: учитель отпустил класс пораньше. А может, у него не было последних уроков. В любом случае Джам не услышал, как химик постучал в двери, а увидел его посреди двора, неподалеку от грядки, где мальчик обрывал фасоль с подвязанных стеблей и складывал ее в подол футболки.

Застигнутый врасплох, Джам ляпнул первое, что пришло в голову:

— Хотите помидоров?

— Ты это называешь помидорами? — Учитель кивнул на фасоль.

— Не-а, но у нас отличный урожай помидоров. А вот с фасолью пока не очень.

Лодон поморщился от этого «не-а». Похоже, он из тех учителей, кто ни к чему не придерется, если не сочтет это нужным.

Вообще-то, у Джама, как и у его матери, произношение воспитанного человека, и фразы он строит правильно. Просторечное словечко из его уст могло показаться Лодону вызовом.

— Я пришел за камнем, — сказал тот.

Джам задрал край футболки, чтобы не рассыпать стручки, осторожно стянул ее через голову,

положил возле дорожки. Разулся, снял носки, потом брюки и швырнул их Лодону. Оставшись в одних трусах, проговорил:

— Валяйте, мистер Лодон, обнюхивайте. Вы же для этого пришли.

Учитель зло сверкнул глазами, но проверил карманы брюк.

— Это ничего не доказывает. Ты уже давно дома, успел перепрятать.

«Как бы не так, — усмехнулся мысленно мальчик. — Теперь я знаю, что за сила в этом камушке, и ни на секунду с ним не расстанусь».

— Чем же эта вещь так важна для вас, мистер Лодон?

— Она имеет историческую ценность.

— Ну да, ну да. Настоящий философский камень.

— В Средние века люди в этом не сомневались.

— Вранье, — бросил Джам.

— Следи за своим языком, щенок.

— Вы находитесь на моем заднем дворе, рассматриваете меня, раздетого до трусов. Я буду говорить то, что захочу, или кое-кому придется объяснять полиции, зачем он сюда приперся.

— Я не просил тебя раздеваться! — Лодон бросил брюки Джаму.

— В классе было много детей, мистер Лодон. А я, если вы, конечно, помните, валялся без сознания. Почему бы не поискать вора среди тех, кто сидел за партами? Как насчет Ронды Джонс? Это ведь она уронила камень. И не просто так уронила — философский там или нет, он ей причинил боль.

— Ты знаешь, что она не брала, — ответил Лодон. — Думаешь, я не способен проследить за камнем, выяснить, где он, у кого?

— И все же вы проверили карманы моих брюк.

— Может, мне войти в дом и спросить у твоего брата? — снова сверкнул глазами учитель.

— Да пожалуйста, — кивнул Джам.

Но задался вопросом: не Лодон ли тот самый враг, который покалечил Гэна? Не может ли он навредить лежащему на кровати беспомощному парню?

— Ты не отдал ему камень, — ухмыльнулся Лодон. — Это я знаю точно. Просто ты этого не умеешь.

Джам подумал: а что случится, если он дотронется до учителя? Не ударит, нет, а просто прикоснется. Ощутит ли Лодон силу так же, как Гэн? А может, у Джама теперь есть власть над химиком? Как проверить?

— У тебя огонек в глазах, — сказал Лодон. —

Азарт. Гадаешь, можно ли тебе использовать заключенную в камне силу. Отвечаю: не получится. Это накопитель, такой аккумулятор для магии. И только тот, кто владеет волшебством, может найти ему применение. А ты не владеешь.

Презрение, с которым он произнес «не получится», разозлило Джама. Он наклонился и погрузил руки в землю у корней томатного куста. При этом использовал свое умение отталкивать частички почвы. Когда мальчик выпрямился, его ладони сияли чистотой. Он вытянул руки, показывая их Лодону, а потом шагнул к нему.

— Говорите, не владею?

— Ты умеешь отталкивать… — Лодон заозирался по сторонам. — Зачем ты идешь ко мне?

«Зачем я иду к нему? Самому интересно…»

Значит, не исключено, что отталкивание, которое ему так легко дается, действует не только в микроне от тела. Джам никогда не пытался отталкивать предметы на расстоянии. Он попробовал разбросать вещи с дорожки.

По ощущениям было похоже на попытку пошевелить ушами. Однажды Джам заметил: когда он улыбается, слегка приподнимаются уши. После, стоя перед зеркалом и скалясь во весь рот, он старался прочувствовать, какие именно мускулы

отвечают за движение ушей. Потом пробовал шевелить только этими мускулами. Усердно тренировался много дней и наконец смог двигать ушами при совершенно неподвижном лице.

Теперь он поступил так же, но использовал не мускулы… А что? Знание, как отталкивать вблизи. Он сосредоточился на ощущениях, как обычно и делал, достиг состояния, в котором происходило отталкивание, и резко расширил его во все стороны. Вначале помогал себе, двигая руками, но очень быстро понял: это попросту бесполезно.

Футболка, вместе с завернутыми в нее стручками, покатилась прочь. Садовый шланг пополз по траве. Лодон попятился.

— Джам, ты не ведаешь, что творишь! Не пытайся управлять силами, чьей сути не понимаешь!

— Это вы кое-чего не понимаете, — ответил мальчик. — Вы говорили, что камень — всего лишь накопитель, но это не так. Накопитель — вы сами. Собираете волшебную силу у своих учеников. У Ронды она имелась, я угадал? И у меня есть. Но вы не знаете, какого рода моя сила.

— Я знаю, что ты потерял сознание, прикоснувшись к камню.

— Я к нему не прикасался.

— И я знаю, что он здесь. Где-то поблизости.

Джам сконцентрировал всю силу и толкнул Лодона.

Тот отшатнулся. В глазах учителя плескался страх. Теперь Джам точно знал: Лодон никакой не волшебник. Он пытался взять Джама на испуг, поскольку видел перед собой обычного мальчишку, попавшегося на воровстве. Но едва учитель понял, что у Джама хватает силы — и ее даже больше, чем казалось самому Джаму, — он сразу утратил всякую спесь, струсил.

— Император обо всем узнает!

— Можно подумать, вы когда-то встречались с императором, — презрительно бросил Джам. — Вы только и годитесь, чтобы отбирать силу у детей. И делаете это не для императора…

— Для слуги императора. Это одно и то же.

— В самом деле? А вы это выясняли? Уверены, что тот, на кого вы работаете, для кого собираете силу, предан императору? А вдруг сила ему нужна, чтобы посягнуть на верховную власть? — Джам опять толкнул Лодона, на этот раз сбив с ног.

«Круто!» — подумал мальчик.

И запустил в Лодона шлангом, который устремился вперед, как атакующая змея, ударил, облил мутной водой, оставшейся после полива.

— Я сообщу об этом!

— Ха! Вы всерьез верите, что мне может быть хуже, чем сейчас? Моего брата превратили в овощ! Думаете, я испугаюсь мага-предателя, которому вы служите?

— Он не предатель! — Теперь Лодон выглядел взволнованным, и вовсе не из-за нападения садового шланга или нескольких травинок, налипших на костюм. — Ты даже не представляешь, с кем связался!

Вот тут он был совершенно прав. Джам понятия не имел, кто такой император и что собой на самом деле представляет школьный учитель химии Лодон. Зато мальчик знал, что под кожей его ладони скрывается камень, а когда он тронул Гэна, тот пришел в себя.

И еще он успел заметить, что после его дичайших обвинений мистер Лодон оробел и встревожился. Следовательно, какая-то доля истины в них все же есть.

«Нельзя слишком глубоко ввязываться, — думал Джам. — Это не мой уровень. Испугался Лодон или нет — его дело, а вот я точно должен поостеречься. А может, и нет? Может, я как раз не могу позволить, чтобы страх решал за меня? Вот Гэн, тот никогда не показывал, что боится».

Но, с другой стороны, Гэн угодил в ловушку и провел все эти годы неподвижный, словно растение. А что может произойти с ним, с Джамом?

А что произойдет с мамой и Гэном, если он будет бездействовать?

— Кто ваш хозяин? — властно спросил Джам.

— Так я тебе и сказал! — скорчил гримасу Лодон.

— Тогда я спрошу у Гэна.

— Да, да, у Гэна… Спрашивай сколько угодно. — Теперь учитель откровенно насмехался. — Если бы он это знал, как считаешь, ослабил бы свою защиту? Ничего ты не добьешься, сопляк.

— Зато я знаю, что вы тоже ничего не знаете. Если разобраться, вы знаете даже меньше, чем ничего, потому что ваши знания в основном ошибочны.

— Да наш малютка, как я погляжу, совсем сдурел от гордости за свою магию. Думаешь, ты один такой? Обнаруживший вдруг, что обладает тем, чего больше нет ни у кого? Узнавший, что в его руках опасное оружие, и вообразивший себя неуязвимым? Но посмотри на своего брата, и ты поймешь, чего стоит такая неуязвимость!

— Нет, я не думаю, что сильнее всех, — ответил Джам. — Просто я сильнее, чем вы.

— Но тот, кому я служу, все же сильнее. Тебе никогда не сравняться с ним. И каждое слово, произнесенное тобой, каждый толчок, для которого ты используешь магию, привлекают его внимание. Внимание, которого на самом деле ты хотел бы избежать.

— Нет! На самом деле я хочу его привлечь! — воскликнул Джам. — Я хочу, чтобы император прибыл сюда! Я хочу, чтобы император рассудил нас! — Откуда взялась эта идея? Гэн? Может, это Гэн подсказал? — Вы скажете императору, кто ваш хозяин, за что он искалечил моего брата и как использует вас, чтобы красть силу у детей.

— Я же говорил тебе, что мы собираем силу для императора!

— Так пусть он появится, и я отдам ему камень!

— Значит, он у тебя?

— Да! — сверкнул глазами Джам.

— Это все, что я хотел услышать. — Лодон поднялся на ноги и медленно пошел к мальчику.

Джам толкнул магией, но учитель даже не замедлил движения.

— Я чувствую твои слабые потуги, ребенок. Мне было легко притворяться, будто ты сильнее меня. Но с таким же успехом ты мог стрелять из

водяного пистолета. — Лодон протянул руку и сжал горло Джама. — Где он? Не в голове, это точно. Хотя меня это не остановило бы. Твоя голова принадлежит моему господину точно так же, как и все остальное.

— Вашему господину не принадлежит ничего! — закричал Джам. — Все принадлежит императору!

Ну, по крайней мере, так должно быть, если устройство общества магов как-то напоминает феодальное.

— Думаешь, императору есть дело до того, что с тобой происходит? — Лодон провел пальцем от горла Джама через грудь и остановился у самого сердца. — Какая рука? — Потом его палец двинулся к правой руке мальчика. — Теперь я верну камень. Спасибо.

— Нет, не вернете, — ответил Джам и ударил коленом в пах учителю.

— Ой-ой-ой… — с издевкой произнес тот.

— Я должен был догадаться, — вздохнул Джам. — Яйца вы тоже отдали своему господину.

— Разожми кулак.

— Сами разжимайте.

— Могу даже разрезать.

Лодон вынул из кармана острый осколок обси-

диана и занес над кистью мальчика.

Вот и получается, что вся бравада Джама закончилась ничем. Существует сила, способная спасти его — или уничтожить, — но как ее призвать? Да, он выяснил, что есть некий обладатель императорского титула, но и только. Или не только? У мальчика как будто забрезжила догадка.

Отшатнувшись от Лодона, он толкнул его из последних сил.

— Я призываю императора воздуха! Пусть явится и рассудит нас!

Толчок оказался гораздо сильнее, чем Джам рассчитывал, — Лодон отлетел, ударился о забор и упал на грядку с огурцами.

— О, мой господин! — взвыл он, умоляюще простирая руки.

Но нет, вовсе не сила Джама отбросила учителя, а внешняя магия. И это была не магия императора, которого мальчик призывал.

Он обернулся и увидел маму, застывшую у черного хода.

— Да по какому праву вы сюда вторглись? — возмущенно обратилась она к Лодону.

— Камень у него, — прохрипел учитель. — Я же говорил, что у него.

— Я знала бы! Думаете, у него может быть что-

то, о чем я не знаю?

— Он спрятал камень. Он может сопротивляться. У него есть сила.

— Нет у него никакой силы. Я что же, не способна разобраться с собственным сыном?

Голова у Джама пошла кругом. Неужели и его родная мать — враг?

— Нет, дитя мое, — сказала мама. — Этот человек — дурак. Ему нечего тут делать.

— Ты все знаешь, — заключил Джам. — И о камне, который накапливает силу, и о том, что Гэн заколдован.

— Я знаю одно, мой мальчик. Ты в одних трусах стоишь посреди огорода, а учитель валяется в огурцах. Для меня этого достаточно, чтобы вызвать полицию.

— Кое-кого уже вызвали, — вмешался Лодон.

— По-вашему, он захочет тратить впустую свое время?

— Вы все еще преданы ему? — сурово спросил Лодон. — Я так и не уговорил вас нарушить клятву?

— Заткнитесь! — рявкнула мама. — Никому не нужна ваша болтовня.

Джам обернулся посмотреть, как подействуют на Лодона эти слова, но с удивлением обнаружил,

что у преподавателя химии нет рта. Только гладкая кожа от носа до подбородка.

Мама наставила палец на Джама:

— Иди в дом, мой мальчик.

— Он хотел меня резать вот этим. — Джам показал осколок обсидиана.

— Это слишком опасная игрушка. Отдай ее мне. — Она протянула руку.

— Опасная для меня, мама, или для тебя?

— Иди в дом.

— Так это ты заточила Гэна в его теле? Это ты превратила его в овощ?

— В болтливый овощ, если судить по твоей осведомленности. Джамайка, не зли меня. Мы сейчас в одном шаге от ссоры.

— Я еще не слышал ответа.

— Ну прямо как в телесериале! Нет, дорогой, я не причинила вреда Гэну. Но даже если бы я это сделала, разве призналась бы тебе? Так зачем задавать вопрос, на который можно получить только один ответ, и не обязательно правдивый?

— Значит, ты притворялась все время? Эти твои слезы у постели Гэна…

— Притворялась? Гэн — мой сын. Он навеки в моем сердце. Будь уверен, зла ему я никогда не пожелаю.

— А я не уверен, — ответил Джам. — Я теперь ни в чем не уверен. Ни в ком, кого знал до сих пор. И ни в чем, что видел раньше.

— В моей любви сомневаться не нужно.

— Ты хозяйка Лодона?

— Джам, я ничья не хозяйка.

— Гэн лежит в постели. Он не способен шевелиться, даже говорить не может.

— И это самая большая трагедия в моей жизни! — Мама сорвалась на крик. — Ты хочешь обвинить меня в его болезни?

Вокруг туловища Джама сомкнулись чужие руки.

— Я поймал его, госпожа! — воскликнул Лодон.

Джам яростно оттолкнул его и неожиданно оказался на свободе. Оглянувшись, он увидел поверженного на траву Лодона.

— Приехали! — вздохнула мама. — Разве я не учила тебя хорошим манерам?

— Я вот что хочу знать: у папы была сила? Мы все волшебники?

— Ты не волшебник, твой отец не волшебник, а вот Гэн… был волшебником раньше.

— Но, мама, если ты обладаешь такой мощью, почему не исцелила Гэна?

— Исцелять его? Он сам выбрал свою судьбу.

— Выбрал?!

— Он был не слишком послушным сыном.

— А я? — спросил Джам.

— Лучшего мальчика, чем ты, и желать нельзя.

— Это если я соглашусь отдать тебе камень?

— Ах, Джамайка, дитя мое! — Она опечалилась. — Ты тоже хочешь стать непослушным?

— А именно так было с папой? Он стал непослушным?

— Твой отец — животное, которое нельзя даже подпускать к детям. Да и к взрослым тоже. А теперь подойди и разожми кулак.

— Камня не видно…

— Просто разожми кулак, чтобы я сама убедилась, что его не видно.

Джам шагнул к ней, протягивая раскрытую ладонь.

— Не пытайся обмануть меня, Джамайка, — возмутилась мама. — Где он?

— Прячется в руке.

— Нет, не верю. — Мама прижала ухо к груди мальчика. — О, детка… Зачем ты это сделал?

— Что?

— Проглотил его.

— Я не глотал.

— Я заберу его у тебя. Любым способом. — Мама

протянула руку к Лодону и в следующий миг сжала обсидиановый нож. Заговорила настолько тихо, что Джам не мог различить отдельных слов. Обсидиановое лезвие потянулось к груди мальчика. — Он скрывается в сердце. Но я его получу.

— Ты хочешь убить меня, мама? — спросил Джам.

— Моей вины тут нет, — ответила она. — Ты мог бы отдать камень добровольно, а теперь придется резать.

— Я не управляю им.

— Нет, — грустно сказала мама. — Я так не думаю.

Обсидиан стремительно рванулся к ребрам.

Но на коже Джама не осталось и следа.

— Не нужно магического сопротивления, — сказала она. — Твой отец уже пробовал. Ну и где он теперь?

— Но ему не так плохо, как Гэну…

— Он не был настолько же опасен. Гэну я верила, пока он не вступил в открытое противоборство со мной. А теперь перестань сопротивляться.

— Это отталкивание, — возразил Джам. — Оно действует само по себе.

— Ничего. С твоим отталкиванием мы как-нибудь справимся.

— Мы? Справляться придется без меня.

— Ты часть меня, Джам. Ты принадлежишь мне так же, как и Гэн.

— Однажды ты сказала, что я не имею права владеть игрушками, пока не научусь о них заботиться.

— Ты для меня не игрушка. Ты мой сын. Если будешь преданно служить мне, сможешь рассчитывать на хорошее отношение. Ведь я не обижала тебя до сих пор?

— До сих пор я не знал, что ты сделала с Гэном.

— Я обязана заполучить этот камень. Он мой!

— Это все, что я хотел услышать.

Оба — и Джам, и его мать — обернулись на голос. А тот принадлежал не Лодону.

Посреди двора на гравийной дорожке стоял стройный моложавый мужчина с горящим взглядом.

— Кто вы? — удивился Джам.

— Я тот, кого ты призвал, — ответил император воздуха. — Твоя мать только что заявила, что желает завладеть камнем.

— Лишь для того, чтобы передать вам! — воскликнула она, падая на колени.

— А что я с ним буду делать?

— Но как еще вы увеличите свою силу?

— Честно? — сказал император воздуха. — Вы много лет скрывали свои делишки, но должны были понимать, что рано или поздно тайное станет явным.

— Не стало бы, если б не этот мальчишка…

— На самом деле она тебе не мать, — сказал император Джаму. — Не больше, чем Гэн — твой брат. Она украла тебя так же, как до того Гэна, потому что ты обладаешь магией. Вначале она пыталась использовать силу Гэна, но он восстал и был наказан. А ты — запасной вариант. Когда она тебя похитила, Гэн уже был парализован.

— Она мне не мама?

Император воздуха плавно повел рукой, и плотина в разуме Джама рухнула. Нахлынули воспоминания о другой семье, о другом доме.

— О господи! — закричал он, увидев настоящих мать и отца, родных сестер. — Они считают меня мертвым?

— Все это неправильно! — сказала мама… нет, не мама, а миссис Фишер. — Мы же были так дружны.

— Ну да, настолько дружны, что вы были готовы вырвать его сердце, чтобы завладеть камнем, — заметил император воздуха. — А все потому, что никогда не знали, кто он на самом деле…

— Кто же он?! — воскликнула миссис Фишер.

— Все его тело — философский камень. Он собирает силу у тех, к кому прикасается. Камень притянулся к мальчику, как к магниту. И вошел в него, поскольку они имеют одну и ту же природу. Вы не сможете их разделить. И нож ваш не причинит ему вреда.

— Зачем вы так поступаете со мной! — горестно вскричала она.

— Как поступаю? — удивился император воздуха.

— Наказываете меня.

— О нет, любовь моя. Просто вы воспринимаете мои поступки как наказание. Но это потому, что вы чувствуете, что заслуживаете его.

Он протянул руку Джаму. Не говоря ни слова, тот взял императора за руку, и они вместе вошли в дом, даже не глядя на миссис Фишер.

Император подвел мальчика к постели Гэна.

— Прикоснись к парню, как делал раньше, Джамайка.

Наклонившись, Джам взял брата за руку.

Гэн тут же открыл глаза.

— Мой господин, — сказал он императору воздуха.

— Мой добрый слуга, — ответил тот. — Я скучал

по тебе.

— Я ведь звал вас.

— Слишком слабо. Я не расслышал твой голос во всеобщем шуме. И лишь когда воззвал твой брат, я услыхал. У него очень громкий голос.

Джам так и не понял, подшучивают над ним или говорят искренне.

— Отправьте меня домой, — попросил Гэн.

— Попроси своего брата об исцелении.

— Я не способен никого исцелить, — покачал головой Джам.

— Ну, ты еще просто не обучен этому. Однако, если позволишь брату воспользоваться силой, которую ты накопил, он легко вылечит себя сам.

— Все, что у меня есть, — ответил мальчик, — я готов отдать ему, если это поможет.

— Ты хороший брат, — одобрил император.

Джам почувствовал покалывание, а потом прохладный поток устремился через его руку в тело Гэна. Через несколько мгновений дышать стало тяжело, как будто он бежал полчаса без остановки.

— Хватит, — сказал император. — Я разрешил тебе исцелиться, а не обрести бессмертие.

Гэн сел, свесил ноги с кровати, а потом вскочил и обнял Джама.

— Я не мог и догадываться, что в тебе таится такая мощь.

— Он собирал силу всю жизнь, — пояснил император воздуха. — Все, что попадалось ему на пути, — каждое дерево, каждая травинка, каждое животное, да любое живое существо, с которым он так или иначе соприкасался, отдавало силу. Не всю, как обычному философскому камню, а определенную долю. Эта сила концентрировалась в нем, пестуемая его терпением, мудростью и добротой.

Терпение? Мудрость? Доброта? Кажется, Джам впервые слышал подобные комплименты.

Гэн еще раз обнял его.

— Теперь мы можем уйти. Я — ко двору императора, а ты вернешься в свою настоящую семью. Но ты навсегда останешься моим братом, Джамайка.

Джам тоже крепко обнял его. И Гэн ушел. Просто исчез.

— Я отправил его домой, — сказал император. — У Гэна есть жена и дети, они тосковали по нему все эти годы.

— А что будет с мамой? Я хотел сказать, с миссис Фишер. За то, что она сделала с Гэном? Со мной? Она лишила меня даже воспоминаний о

родной семье!

Император кивнул со всей серьезностью и указал на постель Гэна.

Там лежала миссис Фишер. Безвольная, но с открытыми глазами.

— Я все же отнесусь к ней добрее, чем она к Гэну, — сказал император. — Гэн не сделал никому зла, но его лишили всего, кроме самой жизни. Я оставлю ей зрение, слух и речь. Она сможет говорить. — Вдруг у кровати возник Лодон. — А вот и достойное наказание для учителя, не так ли, парень? Он будет ухаживать за ней, как ты, Джам, заботился о брате. Только ему придется выслушивать все ее жалобы. — Император повернулся к мальчику. — Скажи, Джамайка, справедливо ли я поступил?

— Это поэтично, — заметил Джам.

— Значит, я сделал все, что мог. Теперь иди домой, Джам. Ты станешь великим волшебником. Живи с добром, как жил до сих пор, и потоки силы не минуют тебя. Будешь ли ты предан мне?

Джам опустился на колени.

— Я был предан вам до того, как вы спросили.

— Коли так, дарую тебе сей край. Правь им, как прежде правила эта несчастная.

— Но я не хочу никем править.

— Чем меньше ты проявишь власти, тем счастливее будут твои подданные. Исполняй свои обязанности только тогда, когда возникнет необходимость. Думаю, ты без особых трудностей окончишь школу. Но это будет уже не «Ридль». А теперь отправляйся домой.

В тот же миг коттедж исчез, а Джам оказался на тротуаре перед домом, где провел первые двенадцать лет своей жизни. Он вспомнил, как познакомился с миссис Фишер. Она проникла в дом под видом работника службы общественного мнения, задавала родителям вопросы о предстоящих президентских выборах. Но когда в комнату вошел Джам, она встала и прикоснулась к его руке. С тех пор его память изменилась — он думал, что миссис Фишер его мать, что она растила его, а Гэн — его родной брат; он помнил тот трагический случай, когда отец ударил Гэна и повредил ему мозг. Но ничего из этого не было правдой. Ничего. Она украла его жизнь.

А сегодня император воздуха вернул ему все. И даже дал нечто большее.

Дверь отворилась. На крыльце стояла его настоящая мать.

— Майкл! — воскликнула она изумленно. — Благодарение Господу! Какое счастье! Ты здесь,

мой мальчик! Ты вернулся домой!

Они кинулись навстречу друг другу и обнялись на пешеходной дорожке. Мама плакала и целовала его, и кричала всем соседям, что ее сын снова дома. А Джам — нет, Майкл! — шепотом благодарил императора воздуха.

перевод В. Русанова

Роберт Силверберг
ПОДМАСТЕРЬЕ ВОЛШЕБНИКА

Роберт Силверберг — четырехкратный обладатель премии «Хьюго» и пятикратный — «Небьюлы». Лауреат премии Американской ассоциации писателей-фантастов. Его имя в списке «Зала славы научной фантастики и фэнтези». Из-под его пера вышли почти пятьсот рассказов и сто пятьдесят романов. Также Роберт Силверберг известен как составитель сотни антологий. Самые значительные его работы — «Замок лорда Валентайна» («Lord Valentine's Castle»), «Умирающий изнутри» («Dying Inside») и «Ночные крылья» («Nightwings»). Больше можно узнать на сайте www.majipoor.com.

Для большинства людей выучиться магии — задача не из легких. Магия — не то занятие, которому можно предаваться в свободное время. Это я к тому, что трудно без помощи учителя составить правильное заклинание или рассчитать

необходимое количество тритоньих глаз. Конечно, может подвернуться удачный случай и вас пригласят в некую чудесную академию волшебства, но мало кому из практикующих специалистов выпадает подобный шанс и приходится идти в подмастерья к склочному старикашке.

Ученик чародея вынужден, кроме всего прочего, выполнять обязанности слуги — подметать полы, выносить горшки, натирать кубки.

И вот что обидно: выучив заклинание, заставляющее метлу работать за вас, вы не успеваете освоить магию, способную ее остановить.

Следующий рассказ повествует о том, что, хотя в литературе роль наставника-мага прочно застолблена за седобородым старцем, иной жадный до знаний новичок может-таки попасть в ученичество к привлекательной волшебнице. Однако влюбчивый молодой человек способен оказаться в весьма щекотливом положении. Сердечное очарование порой бывает таким же загадочным, мощным и искусным, как и любой другой вид волшебства.

Безуспешно попытавшись найти себя в разных профессиях, Ганнин Тидрих, тридцати лет от роду, прибыл в Триггойн, чтобы постичь искусство магии — искусство, к которому у него как будто имелись определенные способности. Родился и вырос он в вольном городе Сти, роскошной метрополии на склонах Замковой горы, и, согласно решению отца, богатого негоцианта, вначале испытал себя в оптовой торговле мясом, а потом, благодаря поддержке дядюшки из Дандилмира, продавал дубленые кожи. Ни в одном из этих занятий он не достиг высоких успехов, впрочем, как и в ряде мелких увлечений в более позднее время. Зато с самого детства он занимался магией на любительском уровне.

Вначале это были ребяческие забавы, в юности — возможность самоутвердиться перед друзьями. Одно заклинание там, другое здесь, немного магии на вечеринках, небольшой заработок гадальщика на рыночной площади. Наконец, решив углубиться в секреты ремесла, он направился в Триггойн, столицу магов, рассчитывая поступить в ученичество к опытному чародею.

После Сти Триггойн производил удручающее впечатление. Первый был крупным городом, который широко раскинулся по берегам реки с

тем же названием, с огромными парками и охотничьими угодьями, роскошными особняками и набережной из серовато-розового мрамора. А Триггойн, пристроившийся на северной оконечности мрачной пустыни Валмамбра, угнетал теснотой, скученностью и враждебностью. Ганнин Тидрих оказался в непостижимой путанице древних улиц, стиснутых с двух сторон зданиями с горчичного цвета фасадами и островерхими крышами.

Царила зима. Деревья сбросили листву, а воздух холодил горло. Для Тидриха это тоже было новым ощущением. В Сти, благодаря бесконечной весне Замковой горы, времена года не сменялись. Ветерок Триггойна нес резкую вонь прогорклого жира и запахи незнакомых пряностей. Немногочисленные прохожие, встреченные у городских ворот, поглядывали настороженно и хмуро.

Первую ночь молодой человек провел на жестком тюфяке, в общей гостиничной комнате, закопченной и слабоосвещенной, в окружении пяти десятков таких же, как он, путешественников со сбитыми ногами. Утром, стоя в длинной очереди, чтобы поплескать на лицо ледяной водой, он от нечего делать просматривал объявления на повешенной в коридоре доске и вдруг

прочел:

ИЩУ УЧЕНИКА

Адепт пятого уровня возьмется давать уроки серьезному ученику.

С проживанием. Десять корон в неделю за жилье и обучение.

Также требуется помощь по дому и в работе.

Обращаться к В. Халабант,
Западный Триггойн, бульвар Гэпелиго, 7

Объявление пришлось как нельзя кстати. Ганнин Тидрих собрал сумки и нанял извозчика, чтобы проехать в Западный Триггоин. Возница скорчил кислую рожу, но, поскольку не имел права отказать нанимателю, повез.

Вскоре Ганнин Тидрих понял причину его недовольства. Западный Триггойн располагался на значительном удалении от центральной части города и, если быть честным, представлял собой трущобы с такими ветхими зданиями, что их постройку можно было датировать временами династии Стамотов. Седьмой дом по бульвару Гэпелиго оказался кривобоким строением с тремя разновеликими этажами и стенами из дикого

камня, который от непогоды крошился и расслаивался. На первом этаже располагалось что-то похожее на таверну, закрытую в столь ранний час, а второй поприветствовал гостя висячим замком на двери.

Ганнин Тидрих упорно карабкался со всеми пожитками и на самой верхней площадке повстречал высокую женщину, приблизительно его возраста, с каштановыми волосами, смуглой кожей, волевым пронзительным взглядом и узкими губами.

Она сердито глядела на пришельца, сложив руки на груди. Очевидно, услышала грохот на лестнице и вышла в поисках его источника. Несмотря на ее холодный и даже враждебный вид, женщина сразу показалась Тидриху весьма привлекательной.

— Я ищу Вэ Халабанта, — сказал он, переведя дыхание после долгого подъема.

— Вэ Халабант — это я.

Тидрих опешил. Обычно женщины не занимались колдовством, хотя и не без исключений.

— Ученичество… — удалось проговорить ему.

— Еще возможно, — кивнула она. — Давай сюда вещи.

Со сноровкой привратника она высвободила

из его рук сумки, подняв их, будто невесомые, и шагнула через порог.

Ее обиталище выглядело темным, унылым и захламленным. Небольшую комнату слева от входа заполняли приборы и принадлежности профессионального колдуна: астролябии и аммателилы, перегонные кубы и двойные колбы, гексафоры, амбивиалы, рохиллы и верилистии, армиллярная сфера, мензурки и реторты, блюдца и металлические лотки, содержащие цинковый порошок, розоватые мази; необычного вида семена. Еще Тидрих увидел там ряды склянок с таинственными жидкостями и много всего прочего, о чем даже не догадывался. Во второй, смежной комнате стоял битком набитый книжный шкаф, пара стульев и расшатанный топчан. Без сомнения, она предназначалась для приема посетителей и учеников. На окнах висела паутина, под мебелью лежала пыль и бродили несколько песчаных тараканов — вездесущих мерзких насекомых, которые в изобилии водились в выжженной земле Валмамбры и соседних краях.

Дальше коридор приводил в неопрятную кухоньку, закуток с ванной и отхожим местом и кладовку, забитую доверху книгами и рукопися-

ми. В конце прохода виднелась закрытая дверь — как предположил Тидрих, ведущая в спальню хозяйки. Но вот чего он не сумел обнаружить, так это комнаты для жильца.

— Могу предложить по одному обязательному одночасовому уроку ежедневно, без выходных, — заявила Халабант. — Также доступ к моей библиотеке для самостоятельного обучения и два часа в неделю для обсуждения вопросов, возникших при самостоятельном обучении. Непременное условие — каждое утро ты должен отсутствовать на протяжении трех часов, когда я даю частные уроки. Чем ты занимаешься в это время, мне безразлично, но два или три раза в неделю тебе придется ходить на рынок за покупками, так что можешь совмещать. Кроме того, ты будешь прибираться в доме, мыть посуду и заниматься прочими мелочами, на которые, как ты успел заметить, у меня нет времени. И сможешь ассистировать мне, как только приобретешь подходящие навыки. Тебя это устраивает?

— Вполне, — кивнул Ганнин Тидрих, восхищенно пожирая глазами ее блестящие каштановые волосы, падающие волнами ниже лопаток.

По его мнению, это была самая прекрасная черта Халабант.

— Тогда плати за четыре недели вперед. Если уйдешь до конца первой недели, остаток верну. Если позже — нет.

Он наверняка знал, что никуда не уйдет.

— Шестьдесят корон, — протянула она руку.

— В объявлении речь шла о десяти коронах в неделю.

— Наверное, ты видел старое объявление. — Ее глаза сверкнули сталью. — В прошлом году я подняла расценки.

Он не стал спорить, а просто отдал деньги и спросил:

— А где я буду спать?

Халабант беспечно махнула рукой, указывая на скатанный тюфяк в углу комнаты, где стояли приборы. Он понял, что видит свою кровать.

— Решай сам. Лаборатория, ученическая, да хоть прихожая. Где понравится, там и спи.

Он охотно выбрал бы ее спальню, но хватило ума не произнести этого даже в шутку. Подумав, Ганнин ответил, что будет спать в ученической — похоже, так хозяйка называла комнату с книгами и кушеткой. Пока он разворачивал тюфяк, Халабант поинтересовалась, каких успехов он достиг в изучении магии. Тидрих честно ответил, что он полный самоучка, вдобавок новичок,

но обладает определенным талантом к магии. Ее это, казалось, нимало не заботило. По всему выходило, для нее имеет значение только плата за обучение. Пусть новичок, лишь бы деньги отдавал вовремя.

— О! — вспомнил он, когда волшебница уже повернулась к выходу. — Меня зовут Ганнин Тидрих. А вас?

— Халабант, — отрезала она, шагая по коридору к прихожей.

Ее звали, как следовало из обнаруженного в ученической комнате диплома, Винала. Прекрасное имя, как на вкус Тидриха, но если ей хотелось зваться Халабант, значит Халабант, и точка. Он не рискнул бы сердить ее не только из-за предстоящего ученичества, но и из-за не вполне уместного влечения к ней.

Ганнин Тидрих понял сразу, что любая надежда на взаимность бесплодна, и это не радовало. Одна из немногих сторон жизни молодого человека, где ему сопутствовал успех, касалась взаимоотношений с женщинами. Но он твердо знал, что какие бы то ни было романтические отношения недопустимы между учителем и учеником, даже если они разных полов. Он не собирался влюбляться, просто чувство накатило с первого взгляда. Такое

случалось с ним раза два, самое большее три. При этом внезапно возникшее желание создавало только лишние трудности. Вспомнив об этом, Ганнин решил, что, если вожделение будет слишком уж одолевать, он отправится в город и купит отворотного зелья. Если здесь продают снадобья для любовных приворотов, то наверняка можно найти и противоядие. Тидрих очень хотел остаться и научиться магии, а потому готов был повиноваться — делать все, что она потребует, называть каким угодно именем и тому подобное. В этом уродливом недружелюбном городе она казалась ему средоточием света и тепла, правда, не без оговорок.

Поначалу вожделение не создавало особых сложностей, хотя на борьбу с ним уходили кое-какие силы. Чувство казалось навязчивым, но вполне преодолимым.

В первый день он разобрал вещи и отправился блуждать по малопривлекательным улицам западных кварталов Триггойна — надо же было как-то потратить три часа, отведенных на занятия Халабант с другими учениками. Вернувшись, обнаружил, что никого нет дома, и до обеда засел в библиотеке с богатым собранием книг. Халабант разрешила ему пользоваться кухней во

время ее отсутствия, а поскольку Ганнин купил еды на маленьком рынке, он пошел стряпать. Позже, ощутив внезапную усталость, свалился на тюфяк и немедленно уснул. Сквозь сон Тидрих смутно слышал, как она вернулась и прошла по коридору к себе в спальню.

Утром после завтрака Халабант принялась наставлять его в магическом искусстве.

Для начала напористо расспросила Тидриха об имеющихся познаниях. Он подробно разъяснил, чему обучился и что ему не дается, и даже слегка удивился обширности своей подготовки. Да и наставница не выглядела удрученной. И все-таки через десять минут Халабант остановила его и приступила к вводной лекции, начав с трех классов демонов — неистовых валистерой, весьма полезных калистерой и опасных, непредсказуемых иргалистерой. Молодой человек полагал, что в свое время достаточно постиг сущность невидимых созданий, тем не менее слушал внимательно, делая многочисленные записи, как если бы знакомился с темой впервые. И через какое-то время обнаружил, что изрядно заблуждался насчет глубины своих познаний. Все усвоенные им раньше сведения затрагивали лишь поверхностные явления, не касаясь сути

вещей.

День ото дня темы уроков менялись. Сегодня — амулеты и талисманы, завтра — механические устройства, облегчающие магическую работу. Потом растительные лекарственные средства и изготовление из них различных зелий, а следом — движение небесных светил или составление словесных заклинаний.

Новые знания кружили голову. Ганнин жадно их впитывал, запоминая по десятку заклинаний в день. Чтобы установить связь с демоном Джинитиисом: «Иимеа абрасакс йабе йарбата чрамне…» Чтобы поставить защиту против водных элементалей: «Ломазат айоин актасе баламаон…» А вот предупредительное заклинание защиты: «Имантоу лантоу анчомач…»

После каждого часового урока он усиленно работал в библиотеке, отыскивая дополнительные сведения по усвоенной теме. К своему глубокому сожалению, он осознал, что потратил впустую годы на бессмысленные коммерческие предприятия, а в это время Халабант — его ровесница — занималась глубоким и всесторонним исследованием искусства магии. Молодого человека восхищала обширность ее познаний и уровень мастерства.

С другой стороны, Халабант не была избалована заказами, несмотря на свой профессионализм. За первую неделю, проведенную Ганнином Тидрихом под ее крышей, она дважды оказывала платные волшебные услуги — лавочнику, которого донимал нечистоплотный соперник, и старикашке, который увлекся молоденькой племянницей и стремился избавиться от навязчивой страсти. В обоих случаях она воспользовалась помощью Ганнина, чтобы доставить необходимое оборудование на дом к заказчику. Насколько смог заметить ученик, всего Халабант заработала не больше горсти медяков. Неудивительно, что волшебница ютилась в мрачном и грязном квартале и давала уроки Ганнину и другим, приходившим в его отсутствие. Удивительно, почему она вообще торчит в Триггойне, где волшебники роятся тысячами, жесточайше конкурируя между собой. Ведь в любом городе в окрестностях Замковой горы целеустремленная молодая волшебница ее уровня добилась бы значительного благополучия.

Ганнин Тидрих наслаждался каждым новым днем, ощущая, как его разум захлестывают новые знания, как открываются тайны и прибывает мастерство.

После насыщенного событиями дня его не заботила необходимость провести ночь на тонком тюфяке в комнате, забитой древними пахучими книгами. Едва закрыв глаза, молодой человек проваливался в глубокий сон, подобный трансу. За окном выл зимний ветер, холодные сквозняки врывались сквозь щели в его комнату, песчаные тараканы бегали вокруг всю ночь напролет, играя хитиновыми лапками мелодию пустыни, но ничто не могло нарушить сон Тидриха, пока первые лучи солнца не проникали в окно библиотеки, лишенное штор.

Когда он выходил, Халабант уже бодрствовала — умытая и тщательно расчесанная. Казалось, она вовсе не нуждается в ночном отдыхе. В ранние часы она принимала клиентов, если таковые наведывались, или уединялась в лаборатории с приборами и микстурами.

Завтракал Тидрих один — Халабант никогда не прикасалась к еде до полудня, а потом начинались хлопоты по хозяйству: уборка, мытье посуды и тому подобное. Далее часовой урок и самостоятельная работа в библиотеке до полудня. Обедали они почти всегда вместе, хотя наставница хранила молчание, не замечая его взглядов, бросаемых украдкой через стол.

Послеобеденное время оставалось худшей частью дня — приходили ученики, берущие уроки в частном порядке, а Ганнин был вынужден блуждать по улицам. Он завидовал этим людям, кем бы они ни были, поскольку они проводили время с Халабант, а он — нет. Он ненавидел грязные харчевни и холодные игорные дома, куда в зимние дни его загоняла непогода. Но всякий раз возвращался в дом и если успевал застать наставницу, а это случалось не всегда, то она уделяла ему целый час, проходивший не в учебе, а просто в беседе о разных сторонах магической науки. Но Тидрих начинал видеть новые задачи, которые удивляли его либо увлекали, а волшебница помогала в них разобраться. Эти часы тоже приносили радость, и причина была не столько в обретении новых познаний, сколько в присутствии самой Халабант, — он смотрел в ее необычное, но красивое лицо, ощущал тепло ее тела, обонял волнующий аромат.

Конечно, он держал себя в руках. Но мысленно представлял, как сжимает ее в объятиях, мечтал прижаться губами к губам, провести пальцами от шеи вниз по гибкой спине, бросить на жалкий тюфяк… А в это время вторая половинка разума сосредотачивалась на технических секретах вол-

шебства, о которых толковала женщина.

По вечерам Халабант, по обыкновению, уходила — Тидрих понятия не имел куда, — и он занимался самостоятельно, пока не проваливался в сон, или, если голова чересчур переполнялась ново-обретенным знанием, окунался в бесконечный уход по запущенному дому — выгребал десятилетней давности пыль из-под мебели, выбивал коврики, оттирал заросшие жиром горшки, приводил в порядок книги, до блеска надраивал фарфор, — трудился без устали и сожаления, все для нее, во имя любви к ней.

Это было замечательное время.

А потом, на второй неделе, произошла катастрофа. Проснувшись слишком рано, он вышел в прихожую и наткнулся на Халабант, направлявшуюся в ванную комнату для утреннего туалета. И она была полностью обнажена. Он видел ее сзади — длинную гибкую спину, узкую талию, крепкие ягодицы. Когда потрясенный вздох сорвался с губ Ганнина, она обернулась и посмотрела в упор, прохладно и беззаботно, как если бы видела перед собой кошку или домашнюю утварь. А он стоял, точно громом пораженный, и пялился: на грудь, такую полную, что казалась неуместной на худощавом теле, на широкие бед-

ра с торчащими вперед острыми косточками, на ярко-рыжий, словно огненный, треугольник под животом и стройные ноги. Двое стояли лицом к лицу достаточно Долго, чтобы ее нагота успела каленым железом пронзить сердце Ганнина Тидриха, разжигая пожар, который, как он понимал, невозможно будет потушить ничем.

Он торопливо зажмурился, как будто нечаянно взглянул на солнце, а когда через несколько секунд открыл глаза, Халабант уже ушла, прикрыв за собой дверь в ванную.

Последний раз Ганнин Тидрих испытывал столь мощный накал чувств лет в четырнадцать, приблизительно в таких же обстоятельствах. Теперь же бурный поток юношеских эмоций, ворвавшийся в разум взрослого человека, ошеломил и вскружил голову. Он привалился к стенке прихожей, тяжело переводя дыхание, будто только что едва не утонул.

На протяжении двух дней Ганнин оставался под впечатлением случайной встречи, хотя насчет нее ни словом не обменялся с наставницей. Он и помыслить не мог, что такая простая картинка, как мельком увиденная нагая женщина, способна запасть глубоко в душу. Конечно, налицо и другие обстоятельства — мимолетное увлечение

молодого человека красивой сверстницей, проживание под одной крышей в тесной квартирке, где их спальни разделяло не больше двадцати шагов, тесное общение между учителем и учеником, не знавшим более никого из городских чародеев. Ганнин задавался вопросом: не опробовала ли на нем Халабант новое приворотное заклинание просто забавы ради, не запустила ли крошечное колдовство, чтобы потом наблюдать, как он места себе не находит, да, ко всему прочему, нарочно показалась голой в то утро.

С одной стороны, не верилось, что Халабант на такое способна, а с другой — что он о ней знал? Временами Ганнин Тидрих замечал в ней легкую злость, нечто такое, что побудило бы ее наблюдать за мучениями несчастного ученика, подобными мучениям выброшенной на берег рыбы. Да, он не верил, но поскольку сталкивался с такими женщинами ранее, то вполне допускал возможность.

В изучении волшебства ему сопутствовал успех. Он узнал, как вызвать незначительных демонов, как готовить настойки, увеличивающие мужскую силу, как использовать солнечный свет, как проверять серебро и золото на чистоту одним прикосновением, как предсказывать

погоду и многое другое. Голова шла кругом от новых знаний. Но он оставался ослепленным необычной красотой Халабант, близостью совместного проживания в тесном доме, памятью о той яркой встрече на рассвете. И вот на четвертой неделе ему показалось, что обычная прохладца сменилась более теплым отношением — Халабант улыбалась время от времени, хвалила его за успехи в изучении волшебства и даже задала пару вопросов о прошлой жизни. Приняв уменьшившееся безразличие за пробуждающуюся взаимность, он в конце утреннего урока не выдержал и решительно признался в любви.

На ее бледных щеках появился недобрый румянец. Темные глаза вспыхнули.

— Не пытайся все испортить! — предупредила Халабант. — Пока все складывается отлично. Поэтому советую забыть то, что ты мне наговорил.

— Но как я могу? Мысли о вас не покидают меня днем и ночью!

— Значит, пересиль их. Я не желаю больше ничего слышать. И если хотя бы попытаешься прикоснуться ко мне, я превращу тебя в песчаного таракана, уж поверь.

Ганнин сомневался, что она дословно выполнит обещание, но выполнял ее приказ на

протяжении восьми дней, так как не желал ставить под угрозу дальнейшее обучение. А потом, получив задание по ворожбе, написал ее имя, прочитал надлежащее заклинание и спросил о вероятности взаимной любви, получив ответ, который как будто предсказывал успех. Не помня себя от накатившего счастья, он схватил в охапку неожиданно вошедшую Халабант, притянул к себе, прижался щекой к щеке и неистово провел ладонью от лопаток до бедер.

Она прошипела шесть коротких, резких слов на неизвестном Тидриху языке и укусила его за мочку уха. Через мгновение он осознал, что копошится на полу среди огромных пылинок. Одна из них, блестящая и угловатая, плавала над ним, как небесное светило. Его глаза стали пугающе зоркими, они видели мельчайшие штрихи, но цвета словно бы исчезли из окружающего мира. Когда Ганнин в ужасе схватился за голову, то обнаружил, что его рука превратилась в зубчатую лапку, а щеки покрылись прочным хитином. Халабант сделала его тараканом, как и обещала.

Оцепенев, он попытался разобраться в ситуации. Отсюда, снизу, он не видел волшебницу — она находилась на невообразимой высоте, в верхних слоях атмосферы, — и к тому же не мог

разглядеть комнату: ни знакомых стульев, ни кушетки, только сверхчетко видимые мелочи. Быть может, в следующий миг ее нога обрушится с небес, и Ганнина Тидриха не станет. И все же он не до конца верил, что стал песчаным тараканом. Он уже имел достаточно магического опыта, чтобы понимать: человеческий разум со всем содержимым нельзя уложить в крошечную головку насекомого. А ведь все оставалось с ним в тараканьем мозгу: вся человеческая личность, надежды, страхи и упования. Он оставался Ганнином Тидрихом из вольного города Сти, который прибыл в Триггойн, чтобы глубже постичь волшебство, и поступил в ученики к женщине по имени В. Халабант.

Значит, он имеет дело с иллюзией. Он не стал песчаным тараканом, просто его заставили поверить, что он таракан. Тидрих убедил себя в этом, и убежденность помогла ему не сойти с ума в первые, самые страшные мгновения.

Однако, если рассматривать существующее положение дел, какая разница, являешься ли ты шестиногой хитиновой тварью размером с фалангу пальца или только воображаешь себя ею? Так или иначе, положение было ужасным. Ганнин Тидрих не мог произнести слова, чтобы

запустить заклинание освобождения. Следовательно, он не мог вернуть себе человеческий облик и размер. Он вообще ничего не мог сделать сверх того, что доступно песчаному таракану. Поэтому он поступил так, как поступило бы любое шестиногое существо, дорожащее своей жизнью: скрылся под кушеткой, где обнаружил других песчаных тараканов, по всей видимости, здешних старожилов. Тидрих обвел их яростным взглядом, безмолвно приказывая держаться от него подальше, они же беспорядочно задергали усиками в ответ. Поди угадай, что это означает: сочувствие или враждебность?

«Могла она не отказать мне в такой малости, — подумал Ганнин, — как возможность общаться с себе подобными, коль я на неопределенный срок обречен носить эту оболочку?»

Никогда ранее он не испытывал такого горя и ужаса. Но превращение оказалось временным. Два часа спустя — Ганнину Тидриху казалось, что минули десятилетия по тараканьему времени и он навеки останется насекомым, — голова злополучного ученика пошла кругом, сознание как будто взорвалось, а после он понял, что вернулся к прежнему размеру и лежит в неуклюжей позе на полу. Халабант куда-то ушла. Ганнин осторожно

встал и побрел в свою комнату, снова привыкая к передвижению на двух ногах. Шагая, он держал ладонь перед глазами и восхищался тем, что опять видит пальцы, и непроизвольно дотрагивался ими до лица, плеч и живота, чтобы лишний раз ощутить мягкую человеческую кожу.

Он стал самим собой. Он чувствовал, что наказан поделом, и даже испытывал благодарность за отмену приговора.

На следующий день они не обсуждали досадное происшествие, вернув отношения в привычное и строгое русло: учитель учит, ученик учится. Тидрих старался вести себя крайне осторожно. Когда случайно при опробовании новых магических приборов их пальцы соприкасались, он отдергивал руку, как от раскаленных углей.

А в Триггойн пришла весна. Ветерок теплел, деревья окутались первой зеленью. Страсть Ганнина Тидриха к его наставнице не унялась, а сделалась, сказать по совести, просто невыносимой, но он не позволял себе ни малейшего внешнего проявления любви. Были и другие случаи, когда молодой человек на рассвете ненароком заставал Халабант обнаженной в коридоре, но теперь он всякий раз плотно сжимал веки и потом притворялся, будто ничего не видел, хотя

ее облик стоял даже перед закрытыми глазами. Иногда думалось, что в этих встречах кроется нечто преднамеренное, возможно, это было определенного рода кокетство, но страх не позволял ему развивать такие предположения.

Теперь им овладела новая навязчивая идея. Что, если те гости, которых наставница принимала во время его отсутствия, вовсе не ученики, а любовники? Спроста ли Халабант принимает меры, чтобы они покинули квартиру до возвращения Ганнина? Мысли о том, что кто-то ласкает ее изумительное тело, срывает с губ страстные поцелуи, в то время как он не смеет и прикоснуться к красавице под угрозой превращения в песчаного таракана, доводили его до безумия.

Само собой, он мог узнать, что же происходит в квартире Халабант днем. Новых навыков вполне хватало, чтобы привести в действие магическое приспособление, известное под названием «сфера дальновидения». Оно позволяло за кем угодно подглядывать на расстоянии.

Трех дней оказалось достаточно, чтобы потихоньку вынести из дома одну из сфер, необходимый объем розовой жидкости и щепотку сероватого порошка, запускающего заклинание. Также пришлось украсть трусики Халабант — их

запах сводил его с ума — из корзины для грязного белья. Все это он хранил в запирающемся на замок сундучке, взятом напрокат на соседнем рынке. На четвертый день, твердя в уме пять слов заклинания, Ганнин вынул приспособления из сундука в харчевне, где, как он был уверен, никто ему не помешает, водрузил шар на белье наставницы, заполнил его розовой жидкостью, сыпанул порошка и произнес те самые пять слов.

На краткий миг возникла опаска, что увиденное может навеки разбить его сердце. Но он отмел эту мысль. Узнать любой ценой!

Поверхность жидкости в сфере дрогнула, появилось лицо В. Халабант. Ганнин Тидрих затаил дыхание. У нее в самом деле был посетитель — молодой человек, скорее даже мальчик от двенадцати до пятнадцати лет. Они сидели весьма целомудренно — по разные стороны стола, изучая принадлежавшую Халабант книгу по магии. Час прошел вполне невинно. Вскоре прибыл и второй ученик — коренастый невысокий парень, одетый по-провинциальному безвкусно. На протяжении часа Халабант, по всей видимости, читала лекцию — сфера не позволяла Ганнину Тидриху слышать звуки, — в то время как ученик, кусая губы, со всей возможной быстротой делал записи.

Потом и он удалился, а на смену пришел грустный, мечтательного вида юноша с длинными нечесаными волосами, который принес письменную работу. Халабант быстро перелистывала страницы, время от времени вставляя замечания, скорее всего достаточно язвительные.

Никаких любовников, все трое — обычные ученики. Ганнина Тидриха охватил жгучий стыд, да еще словно обухом по голове ударила неожиданная мысль: а что, если наставница заметила слежку? Скажем, с помощью наложенного на жилище защитного заклинания, о существовании которого он и не догадывался.

Но она вела себя как ни в чем не бывало, когда он вернулся в дом.

Неделю спустя он купил на рынке волшебников эликсир. Не снадобье, помогающее избавиться от несчастливой любви, а настоящее приворотное зелье, которое, по замыслу, бросит Халабант в его объятия. Наставница отправила его на рынок с длиннющим перечнем необходимых покупок: девясил, золотистая рута, ртуть, самородная сера, сахар гоблина, смола мастикового дерева, аммиачная камедь и так далее. Последней строкой стоял мальтабар, его продавал тот же человек, что занимался любовными эликсирами. Неожи-

данно для себя Ганнин Тидрих купил скляночку. Упрятал ее глубоко на дне сумки, надеясь тайком пронести в квартиру, но Халабант под предлогом помощи начала рыться в покупках и, конечно же, сразу наткнулась на зелье.

— По-моему, я это не заказывала, — строго произнесла она.

— Ну да, — огорченно кивнул он.

— Это то, о чем я думаю?

Ганнин понурил голову, не отрицая вины. Она сердито отставила бутылочку.

— Я проявлю снисхождение и заставлю себя поверить, что средство предназначено для кого-то другого. Но если ты собирался испытать его на мне…

— Нет-нет, в мыслях не держал.

— Обманщик. И дурак!

— А что я могу поделать, Халабант? Любовь ударяет внезапно, словно молния.

— Но я не вешала объявление, что ищу любовника. Только ученика, помощника, квартиранта.

— Разве есть моя вина, что я питаю страсть к вам?

— Уж моей вины в этом точно нет! — отрезала она. — Очисть свой разум от подобных мыслей, если не хочешь вылететь отсюда. — Затем, види-

мо тронутая немым обожанием в глазах Тидриха, она улыбнулась и, притянув к себе, легонько ткнулась в щеку губами. — Дурак! — повторила она. — Несчастный, безнадежный глупец.

Но Ганнину почудился в ее словах легкий оттенок нежности.

Отношения между ними продолжали оставаться строго деловыми. Ученик ловил на уроках каждое ее слово, как если бы его дальнейшее существование зависело от правильного произношения всех слогов, заносил в записную книжку мельчайшие подробности заклинаний, постигал работу с талисманами и создание иллюзий, иногда засиживался в библиотеке до поздней ночи, прорабатывая какой-либо вопрос магической науки, о котором она упомянула вскользь. Ганнин так хорошо освоил магию, что мог самостоятельно работать со сторонними заказчиками, став для Халабант непревзойденным помощником, который всегда знал, какой прибор или настой сунуть ей в руку. За короткое время количество заказов значительно возросло. Он очень надеялся, что это обстоятельство хоть немного возвысит его в глазах наставницы.

Тидрих все еще сох по ней — да и с чего бы страсти утихнуть? Но он героически пытался

перебороть чувство, с головой окунаясь в обязанности домоправителя. До приезда в Триггойн Ганнин Тидрих не слишком утруждался работой по дому. Ну, не больше, чем самый обычный бакалавр. Так, немного возни, чтобы избежать полного свинства, и ни малейших потуг облагородить обстановку. Но скромное жилище Халабант он, что называется, вылизывал, пока оно не засверкало поразительной красотой и не задышало уютом. Даже песчаные тараканы, напуганные его хлопотами, разбежались по другим домам. Ганнин стремился изнурить себя напряженным изучением магии и рьяной уборкой, чтобы похотливым мыслям не осталось никакой пищи.

Но ничего не помогало. Очень часто, ворочаясь ночью на своем тюфяке, он воображал В. Халабант, которая, дурачась, завлекала его похотливыми жестами и многообещающе подмигивала. Ганнин Тидрих обливался потом, молясь всем демонам, чьи имена успел выучить, чтобы избавили от мучительных видений.

Когда страдания сделались невыносимыми, он задумался о смене наставника. Иногда приходили мысли о самоубийстве, ведь он понимал, что столкнулся с самой большой любовью своей жизни и эта страсть обречена остаться неудо-

влетворенной. Если он покинет Халабант, то остаток дней своих проведет холостяком; скитаясь по необъятному миру, будет встречать других женщин, но ни одну не сможет полюбить по-настоящему. Какая-то часть его разума считала эти рассуждения ребячеством и чепухой, но пересилить себя ему не удавалось. Ганнин всерьез начал опасаться, что очередное внезапное помутнение рассудка закончится самоубийством.

А хуже всего было то, что она время от времени вела себя с ним весьма любезно, вольно или невольно поощряя страсть, которой он так боялся поддаться. Возможно, трогательный и бессмысленный поступок — покупка приворотного зелья — затронул какие-то струны в ее душе. Теперь Халабант чаще улыбалась, даже подмигивала, а иногда игриво тыкала пальцем в плечо, чтобы особо подчеркнуть какой-нибудь вывод во время урока. Она стала крайне непредсказуемой в выборе одежды, облекаясь порой в столь откровенные платья, что у него дух захватывало. Но в большинстве случаев она держалась столь же холодно и отчужденно, как и вначале, не скупилась на язвительные слова, когда он портил заклинание или проливал жидкость из перегонного куба, сверлила его ледяным взглядом, если он говорил

какую-нибудь глупость, и часто напоминала: ты как был, так и остался неумелым новичком, и пройдут многие годы, прежде чем ты достигнешь достаточного уровня мастерства.

Таким образом, он оказался в плену своих ограничений. И у нее в плену. Она могла дотрагиваться до него всякий раз, когда считала нужным, а он не осмеливался, полагая, что даже случайное касание чревато превращением в песчаного таракана. Она могла улыбаться и подмигивать, а он не решался ответить тем же. Она не воспринимала его всерьез. Как-то раз Ганнин Тидрих попросил научить его мощному заклинанию, которое имело очень разностороннее применение и носило название «безграничная тайна», а наставница сердито процедила:

— Это тебе не игрушки для дураков.

В один воистину прекрасный день Ганнину Тидриху удалось достичь весьма нелегкого результата — прочесть без ошибок и запинок целый ряд запутанных заклинаний. Халабант с радостной улыбкой внезапно сжала его в объятиях и взмыла вместе с ним к потолку лаборатории. Там они закружились лицом к лицу, грудь к груди; ее глаза лучились счастьем и торжеством.

— Великолепно! — воскликнула она. — Ты от-

лично справился! Я горжусь, что ты мой ученик!

Вот, подумал Тидрих, настал тот миг, когда исполняются все желания! Он сжал ладонями ее грудь и впился в губы страстным поцелуем. Халабант тут же отменила заклинание левитации, припечатав Ганнина к полу. Острая боль пронзила подвернувшуюся ногу.

Она плавно опустилась рядом.

— Ты как был, так и остался дураком, — фыркнула наставница и вышла из комнаты.

Теперь Ганнин Тидрих твердо решил свести счеты с жизнью. Он понимал, что со стороны его поступок покажется достаточно нелепым, но не позволил голосу разума взять верх над чувствами. Само существование стало для него невыносимым бременем, и другого способа освободиться от власти этой непостижимой женщины он не видел.

Много дней он потратил, обдумывая различные пути ухода из жизни. Выпить какое-нибудь зелье из кладовки, или вонзить себе в грудь кухонный нож, или просто выпрыгнуть из окна ученической комнаты? Все они казались ему неприемлемыми на эстетическом уровне и обладали рядом других недостатков. Главным образом беспокоила ненадежность каждого из них, а вы-

жить после попытки самоубийства — это было бы хуже смерти.

В конце концов он решил утопиться в мутной, бурной реке на северной окраине Триггойна. Он часто бродил по ее берегам во время дневных прогулок. Река выглядела достаточно широкой и глубокой, а теперь, после весеннего паводка, очень даже полноводной. Знакомство с картой показало, что тело будет унесено на северо-запад, в мрачные безлюдные земли у далекого моря. Ганнин Тидрих не умел плавать — на его родине это было без надобности, ведь никто не справится с течением сбегавшего со склонов Замковой горы могучего и широкого Сти. Поэтому справедливо полагал, что смерть будет быстрой и безболезненной.

Однако на всякий случай он стащил веревку из кладовки, чтобы спутать себе ноги. Закинул моток на плечо и пошел по тропинке вдоль берега реки, высматривая удобное местечко. Стоял теплый, ясный день, на деревьях трепетали нежные зеленые листья. Трудно подобрать лучшее время для прощания с жизнью, чем разгар весны.

Выйдя на пустынный обрыв, Ганнин обвязал веревку вокруг лодыжек и не медля, без сожалений и душещипательных размышлений прыгнул

головой вниз.

Вода даже в такой погожий день оказалась холоднее, чем он ожидал. Самоубийца с размаха ушел в глубину, рот и ноздри наполнились ледяной влагой. Он почувствовал близость смерти, но тут естественная плавучесть тела взяла верх, и Ганнин Тидрих пробкой вылетел на поверхность, кашляя и хватая воздух ртом. Спустя мгновение он услыхал всплеск неподалеку и понял, что кто-то кинулся в реку следом за ним. Наверное, непрошеный спасатель.

— Безумец! Болван! Ты соображаешь, что делаешь?

Конечно же, он узнал голос. По всей видимости, Халабант проследила за его неторопливой прогулкой вдоль реки и решительно воспротивилась попытке утопиться. При этой мысли молодой человек неожиданно исполнился гневом и вожделением.

Подплыв и схватив Тидриха за плечо, волшебница развернула его лицом к себе. В ее глазах он прочитал своего рода безумие. Придвинувшись вплотную, голосом едким, как серная кислота, она прошипела:

— Иахо ариаха… ахо ариаха… бакаксихех! Иа Наиан! Татлат! Хиш!

Ганнин Тидрих ощутил внезапный толчок и понял, что плывет. Он в самом деле плыл по течению, рывками передвигая сильное тело. Нет, это решительно невозможно! Мало того что он связал себе ноги, так он совершенно не умеет держаться на воде. И все же он двигался — если судить по деревьям, окаймлявшим тропку, по которой он сюда пришел.

Рядом плыла речная выдра, гладкошерстный зверь — изящный, сильный, ловкий. Всего лишь мгновение понадобилось Тидриху, чтобы сообразить: это В. Халабант. А он тоже стал выдрой. Спрыгнув в воду, волшебница успела наложить заклинание на них двоих, превратив в великолепных пловцов. Его ноги превратились в маленькие перепончатые лапы. Веревка, предназначенная упростить его гибель, соскользнула. И он держался на воде без малейших усилий!

«Не рассуждай, — сказал себе Ганнин Тидрих. — Плыви! Плыви!»

Они скользили рядом миля за милей, разрезая грудью сверкающие струи. Никогда раньше он не испытывал такого счастья. Человек давно пошел бы ко дну, но выдра — прирожденный неутомимый пловец. Вместе с Халабант он готов был плыть вечно, хоть до самого моря. Устремив

вперед узкую голову, вытянув обтекаемое тело, он рассекал воду, как некий оживший инструмент. Выдра, в которую обернулась Халабант, не отставала, держалась плечом к плечу.

Время бежало. Ганнин Тидрих утратил понимание того, кто он, где он и что делает. Он даже перестал замечать спутницу. Весь мир для него стал движением, непрестанным движением вперед. Он осознавал себя настоящей речной выдрой, речной выдрой и более никем, и радостно мчался вперед.

Но вдруг острый звериный слух уловил звуки, которые никогда не озаботили бы обычную выдру. Но они привлекли внимание того остатка человеческого «я», что сохранился в его разуме. Испуганный вскрик, свистящий вздох захлебывающегося существа из тех, к которым он некогда себя причислял. Обернувшись, он увидел, что Халабант вернула прежнюю форму и задергалась в воде, выказывая признаки крайнего истощения. Она беспорядочно размахивала руками, запрокинув голову и закатив глаза. Кажется, женщина пыталась выгрести к берегу, но ей не хватало сил.

Ганнин Тидрих запоздало сообразил, что в свободном заплыве вниз по течению завел ее

слишком далеко — выдрой он был гораздо сильнее. Наставница смертельно устала, она вот-вот захлебнется. Может ли утонуть выдра? Да, если она превратится в человека. Ганнин понял, что обязан вытащить ее на берег во что бы то ни стало. Он подплыл к тонущей женщине, ткнул звериным носом в бок, борясь с течением маленькими лапками. Ее глаза приобрели осмысленное выражение, она улыбнулась и произнесла два коротких слова — обратное заклинание. В тот же миг Тидрих вернулся в человеческое тело. На обоих не было ни клочка одежды. Нащупав ногой дно, молодой человек понял, что берег достаточно близко. Тогда он обхватил Халабант поперек груди и потащил ее на сушу.

Выбравшись на косогор, они лежали на земле, тяжело дыша и наслаждаясь теплым весенним солнцем.

Их вынесло далеко за город, что можно было определить по безлюдной, но не пустынной местности с пашнями и садами. Земля была покрыта мягким мхом. Ганнин Тидрих отдышался почти сразу, Халабант потребовалось гораздо больше времени. На ее лице читались напряженность и недовольство. Плотно сжав губы, волшебница, похоже, что-то сдерживала в себе. Мгновение

спустя Ганнин Тидрих догадался, что именно. Слезы! Резко всхлипнув, Халабант разрыдалась. Мужчина потянулся к ней, обнял, пытаясь утешить, но она стряхнула его руку.

— Быть такой слабой… — бормотала она. — Я едва не погибла. Почти захлебнулась. И все это у тебя на глазах… у тебя… у тебя…

Следовательно, разозлилась она главным образом потому, что показала себя слабее. «Смех, да и только», — подумал он. Она, конечно, волшебница, наставник, а он всего лишь новичок, но мужчина, как правило, физически сильнее, чем женщина. Похоже, это правило распространяется не только на людей, но и на выдр. И если она выказала свою слабость во время безумного заплыва, то в этом нет ничего зазорного, ничего такого, что способно погубить его любовь.

Шепча слова утешения, он осмелел настолько, что обнял ее за плечи, а потом вдруг все изменилось. Халабант прижалась обнаженным телом к нему, обхватывая руками; ее губы впились в его рот с пугающей жадностью. Она отдалась Ганнину Тидриху телом и душой, без остатка.

Позже, когда они наконец решили вернуться в город, снова пришлось использовать волшебство. Ведь голому человеку затруднительно прошагать

десяток миль. Халабант побоялась превращать себя и ученика в выдр, но в запасе у нее имелось еще одно заклинание переноса — и они мгновенно перенеслись в Западный Триггойн, туда, где осталась одежда. И даже веревка мокла у берега. Молча они оделись, молча вернулись в дом, шагая поодаль друг от друга.

Он понятия не имел, что будет дальше. Вроде бы стена отчуждения, разделявшая их с самого начала, сломана. То, что произошло на берегу реки, не отменишь и не забудешь. Но как Халабант решит изменить их странные взаимоотношения, молодой человек не знал. И не собирался торопить события, пока не получит от нее хотя бы поощрительный намек.

Но по всему выходило, что волшебница намерена притворяться, будто бы ничего не случилось. Ни его глупейшей попытки самоубийства, ни ее прыжка в воду, ни превращения в выдр, ни самозабвенного соития, которым завершилось изнурительное плавание. Они вернулись к обычным отношениям. Она — наставник, а он — ученик и слуга. Спали они в разных комнатах. Когда на другой день во время урока Ганнин неправильно прочитал заклинание — даже после долгого обучения его иногда подстерегали неуда-

чи, — Халабант отругала его, по обыкновению едко и жестко, пообещав еще раз превратить в песчаного таракана.

Что же оставалось у него? Вкус ее губ, страстные стоны, ощущение крепких грудей в ладонях…

Тем не менее через несколько дней он заметил, что она украдкой поглядывает на него, улыбается по-настоящему теплой улыбкой, а когда Ганнин рискнул ответить, то не наткнулся на суровую отчужденность. Но он боялся делать следующий шаг. Поощрение его чувств казалось чересчур сомнительным.

И вот через неделю, во время утреннего занятия, Халабант решительно заявила:

— Запиши и запомни следующие слова: «Псакерба энфоноун оргогоргониотриан форбай». Узнаешь их?

— Нет, — развел руками Ганнин Тидрих.

— Это инициирующее заклинание для волшебства, которое известно как «безграничная тайна», — сказала она.

В животе у Тидриха похолодело. Наконец-то! Значит, Халабант решила доверить ему заклинание, доступное лишь учителям, заклинание, открывающее широчайшие возможности для постигающего магическое искусство! Получается,

она больше не считает его дураком, способным навредить волшебством себе и окружающим.

Добрый знак, подумал он. Что-то все-таки изменилось.

Пусть она даже ведет себя так, будто на берегу реки ничего не произошло. На самом-то деле произошло, тот случай изменил и ее тоже. И как бы сильно она ни боролась с собой, Ганнин Тидрих знает: он продолжит поиски и рано или поздно, пусть даже через сто лет, найдет секретное заклинание, которое откроет ее сердце во второй раз.

перевод В. Русанова

Венди Н. Вагнер
ТАЙНА КРОЛИЧЬЕГО ЗОВА

Первый роман Венди Н. Вагнер «Her Dark Depths» увидел свет в маленьком издательстве «Виртуэл тэйлз». Ее фантастические рассказы выходили в антологии «2012 A. D.» и электронном журнале «Crossed Genres». Кроме увлечения беллетристикой, она готовит интервью для сайта horror-web.com. Живет в Портленде, штат Орегон, с мужем-художником и замечательной дочкой, а в их доме нет ни единого зомби. Ее веб-сайт: mnniewoohoo.com.

Услышав какое-либо упоминание о гномах, мы сразу представляем себе семь жизнерадостных и дружелюбных друзей Белоснежки. Или благородных властителей пещерных чертогов, какими Джон Р. Р. Толкин вывел их во «Властелине колец». Но древние скандинавские саги рисуют нам более темный образ представителя подземной расы, крепко-накрепко

связанный с камнем, жадностью и злом. Наш следующий сюжет изображает существо, наиболее близкое к этим хтоническим карликам, но и не похожее в то же время на них.

Рюгель — последний из своего рода, единственный гном, затерявшийся в бурном море надземного бытия. Он вор и обманщик, убийца и не слишком умелый волшебник. Бесцельные блуждания привели его в края, где он родился и рос, где он должен обрести себя и найти смысл жизни.

Венди Вагнер утверждает, что на самом деле это рассказ о человеке, который потратил целую жизнь, спасаясь от невероятной горечи потерь, о человеке, который боится жить только для себя. «Но, к счастью, — заявляет автор, — он поддается преобразующей силе любви и становится на путь обретения самой отчаянной отваги и твердости».

Вот такая магия.

Пока Рюгель бежал, ветер сменил направление и принес сильный сладковатый запах — запах,

всколыхнувший глубины памяти. Он сбился с шага и, переводя дух, шмыгнул в придорожные кусты. Хотелось поскорее отыскать укрытие, но сгустившийся от аромата воздух не давал идти.

— Погоди! Покажи, как у тебя получилось! — закричал преследователь.

Голос отвлек от запаха и заставил разум сосредоточиться на неотложном деле — спасении жизни. Нет, не надо было ему сюда возвращаться.

Погоня приблизилась, и Рюгель увидел на тропе девочку. Из-под коротковатой юбки торчали колени, сплошь в царапинах и травяной зелени. Разыскивая Рюгеля, она неторопливо пошла по кругу, и он как можно глубже втиснулся в куст смородины. Он был гномом, или карликом, как именовали существ его размера, и владел даром невидимости. Может, ребенок не найдет его?

— Ну пожалуйста! — крикнула девочка, останавливаясь перед кустом и безошибочно отыскивая сердитое лицо Рюгеля в сплетении ветвей. — Я же видела, как ты подманивал кролика.

Гном обругал себя. Он не должен был подзывать заклинанием зверька, а уже если сделал это, то надо было убить. В результате мало того что остался голодным, так еще и попался на

глаза громиле. «Но ведь это не взрослый громила, — подумал он с надеждой. — А ребенка легко напугать».

— Убирайся! — зарычал он.

Она стояла, не отводя карих глаз.

— А не то убью! — повторил он попытку.

От слов Рюгеля ее губы дрогнули, но не слишком сильно. Девочка видела, как он погладил кролика, и не ждала от него жестокости. Гному случалось убивать и животных, и людей, но только взрослых мужчин, способных за себя постоять, а вот детей — никогда. Хотя откуда ей знать об этом? Она видела всего лишь низкорослого человечка, который гладил спинку бурому кролику.

Рюгель выбрался из смородинового куста.

— Чтобы приманивать зверей, детка, — сказал он, — ты должна обладать гномьей магией. А у тебя ее нет.

— Разве я не могу научиться?

— Не можешь! — рявкнул он.

Двести лет, отданных бегам и пряткам в глухих закоулках мира, сделали его голос жестким и корявым, под стать лицу. От такого крика она должна была расплакаться.

И она расплакалась. Ну, по крайней мере, начала. Даже слезы на глаза навернулись, но малютка

справилась. Стояла и молча смотрела на Рюгеля, только плечи подрагивали. Он едва выдержал ее взгляд, исполненный безгласного горя.

Наполовину отвернувшись, он проворчал:

— Чего это ты нюни распустила?

— Я одна-одинешенька, — прошептала девочка. — Питер заболел, а у мамы ушло молоко. Поэтому она с малышом отправилась к тетке Релде. Папа весь день трудится в поле, а ночью охотится, чтобы заплатить знахарке за услуги. А я осталась совсем одна… — Слезы сорвались с ресниц, а сотрясающая плечи дрожь усилилась. Едва слышный всхлип вырвался из горла.

Эти звуки больно ранили слух Рюгеля. Непонятно, что у нее за горе, но он не любил, когда плачут дети. Но что такое одиночество, он знал даже слишком хорошо.

— Кто такой Питер? — Гном отошел от смородины.

— Мой брат. — Она утерла слезы рукавом. — На той неделе наступил на гвоздь и теперь даже шевелить ногой не может. Тогда ведьма Ева уложила его в люльку у себя дома и связала ноги волшебной веревкой, а тело натерла корнем мандрагоры…

«Мандрагора! Вот что это за запах», — вздрог-

нул Рюгель.

Нет, он не должен был сюда возвращаться.

Девочка очень быстро взяла себя в руки.

— Когда я вырасту, буду ведьмой, — радостно сообщила она.

Вглядевшись в ее лицо, он согласился. У девочки в глубине глаз прятались искорки человеческой магии. Не исключено, что прямо сейчас она могла бы вызвать кролика из зарослей. Только Рюгель не собирался ей об этом говорить.

Его молчание не обескуражило ее.

— А папа сказал, что нашу деревню прокляли.

— Да ну?

Предчувствуя долгий рассказ, Рюгель уселся, дав отдых ногам. Они в последнее время побаливали. Хорошо бы новые сапоги стачать, только сапожник из него никудышный. Может, украсть в следующей деревне?

Девочка присела, чтобы их лица находились друг напротив друга.

— Половодье смыло озимую рожь, а это большая беда. — Она понизила голос. — Я слышала, как папа говорил Еве, будто в лесах завелась нечисть и украла у нас удачу. Может, какая-нибудь гадкая тварь вроде хобгоблина.

Рюгеля, с его сморщенным коричневым лицом,

называли и похуже. И воровал он часто. Некогда его народ освоил искусство извлечения металла из темных недр, научился превращать колчедан в золото, но это была великая земная магия, и он, последний из гномов, не отваживался к ней прибегать. Обходился безвредными мелкими заклинаниями: околдовать зверя, стянуть что-нибудь у людей, стать невидимым. Только не здесь. Даже самое незначительное волшебство слишком опасно в этом провонявшем мандрагорой лесу.

Девочка с довольным возгласом уселась прямо где стояла, вытянула ноги.

— Меня зовут Рэйчел, — заявила она.

Гном неразборчиво буркнул. Она смотрела круглыми, как у кролика, глазами. Ждет, чтобы я представился в свою очередь, догадался Рюгель. Впервые со времен молодости захотелось назвать кому-нибудь — да хоть бы этой девочке — свое имя. Очень давно не слышал, как его произносят вслух.

— Мне пора идти! — Гном сорвался с места.

— Мы еще увидимся? — взволнованно спросила она, оступаясь в неуклюжей попытке догнать его.

— Может быть, да, а может быть, и нет, — бро-

сил Рюгель через плечо и, призвав на помощь всю известную ему магию леса, юркнул в заросли орляка.

Какая-то часть его сознания подсказывала спрятаться и понаблюдать, как девочка будет его искать. Но врожденная осторожность и приобретенные привычки велели бежать прочь. Осторожность, привычки и ветер, по-кладбищенски смердевший мандрагорой.

Рюгель не собирался вновь увидеться с девочкой и убеждал себя в этом снова и снова, пробираясь звериными тропками и дергая за все попавшиеся на пути силки. Мелкая месть, конечно, и риск совершенно ничтожный. Деревня уже далеко, а то, попадись гном тамошним охотникам, ему бы не поздоровилось.

Взявшись за очередную веревочку пальцами, он ощутил тающее тепло. Этот силок недавно сработал, и кролик еще дергался. Гном мог прибегнуть к волшебству, чтобы испепелить шнур. Это было несложно — земля здесь так и бурлила силой, так и взывала к нему, так и раздувала тлеющие угли магического дара.

Изо всех сил Рюгель противился искушению впитать как можно больше силы и уничтожить все ловушки в лесу до единой. Уж чересчур близ-

ко людское поселение. Если вскарабкаться на ближайший валун, то и крыши увидишь. Деревня уступала в размерах поселку гномов, над которым люди ее отстроили. Но Рюгель не рисковал выглядывать. А если вдобавок поколдовать, то живым он точно не уйдет.

Высвобождая кролика из петли и пряча в сумку, он отыскал взглядом убежище зверьков в щели между валунами — там чернел вход в нору. Скорее всего, охотник тоже обнаружил его и нарочно разместил силок, чтобы ищущий спасения кролик угодил в объятия смерти.

Что ж, от людей хорошего ждать не приходится.

С горьким чувством возвращался Рюгель в маленький лагерь. Он совершал дневные переходы, а перед рассветом прятал нехитрый скарб и отправлялся по дневным делам. И никогда не уходил так далеко от тайника. Но и никогда раньше не возвращался в лес, который его сородичи растили и лелеяли — и который с появлением громил стал совершенно другим. Воровать добычу у людей и портить их ловушки ему даже нравилось, вдобавок без этого он просто не мог двигаться дальше.

Рюгель оторвал заднюю кроличью лапу и

принялся грызть ее на ходу. Когда-то он ел приготовленную на огне пищу с пряностями и подливой — никто в поселке не готовил лучше, чем его мать. Но постепенно жизнь отучила разводить огонь. Не ровен час придут люди, им достаточно одного взгляда на его угловатое лицо, чтобы начать охоту.

Они всегда хотели чего-то от гномов. Как правило, требовали золота, знаменитого гномьего золота, хотя Рюгель ума приложить не мог, на что им такой мягкий металл. Те, кому не хотелось золота, нуждались в талисмане на удачу. Маленькая рука или нога, да что угодно маленькое, удобное для ношения, стало бы наградой поймавшему его. Только в отличие от этого кролика, задохнувшегося в петле, гномы вовсе не беззащитны.

Рюгель зашвырнул обгрызенную косточку подальше в подлесок. Скоро лесные зверьки доедят остатки мяса; можно не опасаться, что кто-то из людей свяжет найденные кости с гномами. В их сказках гномы никогда не ели кроликов сырыми.

Рюгель задумчиво поглядел на вторую лапку — его волосатый, испачканный в земле талисман — и не смог вонзить в нее зубы. Он глубокий

старик. Ему смертельно надоел вкус сырого мяса. Не осталось ни одной живой души, знающей, как его зовут. Гном прибавил шагу. Может, лучше поймать на ужин форель?

Холодный ручей бежал сквозь ивняк, который из-за дикого винограда и плюща, плотно опутавших стволы, стал совершенно непроходимым. Здесь, на крутой излучине, образовалась глубокая заводь под ветвями огромной раскидистой ольхи, чей блекло-серый ствол испещрили голубовато-зеленые разводы лишайника. Рюгель взял местечко на заметку — нужно будет вернуться и набрать бирюзовых чешуек, весьма полезных при лечении ран.

Он немного стеснялся того, что учение о травах занимает слишком большое место в его лекарских познаниях, но жизнь в скитаниях отучила часто прибегать к великой магии. Однажды, будучи совсем ребенком, он наблюдал, как отец лечит оленя, пораженного в плечо молнией, от которой загорелся весь лес. Родитель победил болезнь, принимая через дуб материнскую силу земли, которая и свела на нет вред, причиненный молнией. Это была самая что ни на есть магия земли. Гномы всегда применяли заклинания, связанные с почвой, корнями и камнями. Когда

старейшины достигали вершин мастерства, они срастались с землей, как лишайник со стволом ольхи.

Он оглянулся на дерево, спрашивая себя: кто же посадил ольху после того, как из-за небесных огней выгорели леса? Но имена стерлись из памяти. Очень долго Рюгель старался хранить имена ушедших родичей, но они растворялись одно за другим, даже имя младшей сестры не избежало общей доли. Кажется, Лили или что-то похожее. Присев на корточки на краю заводи, он принялся строгать ольховую ветку, заостряя ее, как копье. Вызывать форель у него не очень хорошо получалось, а потому гарпун — более надежный способ обеспечить себя едой. Пускай кривой и неудобный — ну а навык на что?

Услышав крик в чаще, Рюгель дернулся и порезал ладонь.

С проклятием он бросил ветку. Схватил полоску лишайника и прижал к ране, при этом напрягая слух. Но гном и с первого раза узнал голос девочки.

Она плакала. Если первый возглас вызвала внезапная боль, то теперь малютка рыдала взахлеб. Казалось, что у нее серьезная беда.

— Забудь о ней, — сказал себе Рюгель. — От нее

только лишние хлопоты. Посмотри лучше на эту жирную форель, она так и просится к тебе на гарпун.

И впрямь, по поверхности заводи разбегалась рябь от играющей рыбы.

Но девочка продолжала плакать.

Гном сунул нож в ножны на поясе и кинулся в чащу.

Вряд ли кто-либо другой, кроме Рюгеля с его знанием леса, мог повторить его путь. Но гном едва замечал хлещущие по глазам ветви и путающиеся в ногах побеги винограда. И мчался вперед так, будто видел в этом смысл жизни. Перед глазами возник образ девочки, какой он видел ее в последний раз. В домотканом платьице, удивленная и нетерпеливая, как крольчонок, и с такими же темными влажными глазами. Тогда любопытство придало ей храбрости. Теперь любопытство, возможно, навлекло на нее беду.

В этом мнении Рюгель укрепился, проскользнув через последний барьер из спутанных веток и побегов. Он оказался на маленькой, ярко освещенной поляне, на неброской лужайке, которая образовалась, когда упал древний дуб — его могучий ствол лежал неподалеку, окруженный порослью молодых ясеней. На коре падшего

великана гном не заметил следов огня. Значит, несчастье случилось еще до рождения Рюгеля.

Девочка лежала на опушке, совсем рядом с растопыренными корнями дуба. Она больше не плакала. Молчала, но еще дышала.

— Детка! — проговорил Рюгель сухим горлом, дивясь самому себе. Откашлялся. — Эй, детка!

Она застонала.

— Что случилось? — Гном опустился на колени рядом с девочкой.

Она снова застонала, и он сам нашел ответ на свой вопрос. В земле, взрытой корнями дуба, виднелось около десятка норок. Размеры некоторых из них вполне подходили для жилья лесных обитателей. Девочка измарала руки в земле. В особенности правую, которая вдобавок побагровела. На коже выделялись две алые отметинки, похожие на сердитые глаза. Или на следы змеиного укуса.

Гном прикоснулся к щеке девочки и поразился холодной коже.

— Детка? Ты говорить можешь? — Он потряс ее за плечо. Безрезультатно. Потряс снова. — Рэйчел?

— Я видела кролика… — прошептала она. — Но кто-то меня укусил.

Рюгель зажмурил глаза. Она, наверное, сумела бы подманить кролика, если бы знала заклинание… Если бы он ее научил. Когда он снова открыл глаза, красный след укуса смотрел на него с укоризной.

Гном умел выживать в лесу. Он знал, как использовать лишайник для лечения порезов и делать из мягкой глины средство от пчелиных укусов. Когда-то ухитрился наложить себе на сломанную лодыжку лубок из тисовой ветки и оленьих сухожилий. Но противодействие змеиному яду не попало в число его лекарских умений. Все, что он мог, — это перетянуть укушенную конечность и помолиться.

Он оторвал полоску от полы своей рубахи и туго перевязал руку девочки чуть выше запястья, выискивая в памяти слышанные в детстве заклинания. Магия всегда побеждала молитву, а боги, которых он помнил, умерли так же давно, как и его народ.

Он все не мог решиться, комок подступил к горлу. Нельзя колдовать так близко от деревни громил. Он попадется в их руки и погибнет. Дух его растворится среди земли и камней, а смрад мандрагоры навечно останется в ноздрях.

Нет. Нельзя…

Девочка всхлипнула. Рюгель взглянул на ее бледное лицо, где веснушки выделялись, как брызги грязи на белом камне. Она умирает. Если он опустит руки и бросит ее здесь, то змеиный яд распространится по всему телу, и оно превратится в неподвижный раздутый труп. Она едва ли выживет, даже если Рюгель отнесет ее к ведьме, ведь лечение ядовитых укусов не под силу и большинству ведьм.

На миг гном представил, что будет, если он отнесет девочку в деревню. Ведь он маленький, горбатый, уродливый, неотличимый для напуганных людей от хобгоблина, твари, крадущей удачу. А на руках у него бледная умирающая девочка. Понятно, что подумают громилы. Запах мандрагоры все еще плыл в воздухе. «Она в любом случае умрет, — напомнил себе Рюгель. — Не стоит ввязываться. Лучше уносить ноги».

Ее ресницы дрогнули.

— Маленький человечек, — прошептала девочка, увидев гнома.

От ее слов что-то в животе у Рюгеля скрутилось в узел. Она уже выглядела хуже, чем в тот момент, когда он выбежал на поляну. Багровая опухоль расползалась по руке.

Возможно, ведьма, способная вылечить парня с

парализованной ногой, справится и со змеиным укусом?

Он опустился рядом с Рэйчел и взял ее на руки. Ее ноги едва не волочились по земле. Гном передвинул ладонь так, чтобы чувствовать слабое биение ее сердца.

И пошел в лес, прямиком к деревне. Сзади, откуда-то из-под дуба, прозвенел едва слышный отголосок мысли кролика: «Все чисто». Рюгель сорвался на бег.

Несмотря на тяжесть на руках, он тратил сил не больше, чем двести лет назад, когда бежал от ручья к поселку. Его ноги помнили тропу, а скрытые в земле камни беседовали с ним на древнем языке. В мгновение ока он миновал обугленный ствол и строй молодых ясеней. В его тело как будто вернулась молодость.

Гном вспоминал, как добрался тогда до поселка и никто его не заметил. Он притаился в тени валуна, может быть, того самого, где в ловушке погиб кролик, и смотрел, как убивали женщин. Его юная магия, еще слабая и хрупкая, всколыхнулась в приступе ярости. Гном воззвал к земле, чтобы обрушить на громил вал огня, и почувствовал, как та, израненная, отозвалась дрожью. В обожженной земле не сохранилось ни капли вол-

шебства. Тогда, без подпитки, его сила иссякла. Взор туманился, но Рюгель видел бегущую сестру, которая поддернула подол выше испачканных травой коленок. Тьма еще не забрала его, когда чья-то коса вспорола живот сестры и фонтаном ударила кровь.

От воспоминаний слезы навернулись на глаза, мешая видеть путь. А руки были заняты девочкой, и утереться Рюгель не мог. Споткнулся на бегу, но удержался на ногах.

Снова он вспоминал. Громилы не внимали словам увещевания. Старейшин свалили на землю, не дав воспользоваться магией недр.

— Они думали, что мы крадем у них удачу, — прошептал он на ухо девочке, чья голова ударялась о его грудь. — Они не слушали нас. Они считали, что мы воплощение зла.

Гном едва не выронил Рэйчел, когда пересек невидимую границу, которую установил для себя, вернувшись в этот лес. Никогда раньше он не подходил столь близко к жилищам громил. Может, все-таки бросить девочку, не продолжать из последних сил бег?

Вонища от мандрагоры усилилась… Настолько, что не давала трезво мыслить.

Впервые он ощутил запах мандрагоры, сидя на

могиле отца, матери и всех остальных сородичей. Блестящие зеленые ростки пробивались сквозь засыпанную пеплом почву. Гном видел, что они наливались силой гораздо быстрее, чем обычные растения, разворачивая листву навстречу солнцу. В переплетении зелени, словно крошечные белые глаза, прятались бутоны. Незнакомый мерзкий запах плыл в воздухе, такой же сильный, как и сейчас.

Рюгель остановился у плетня, окружавшего крайний дом. Он пришел в поселок.

Сердце девочки билось едва-едва, кожа посерела. Гнома терзала совесть. Если бы он мог помолиться за Рэйчел… Если бы тогда открыл ей тайну кроличьего зова… Но теперь слишком поздно. Уже опуская ребенка на землю, он услышал голоса, доносящиеся из хижины позади него.

В его распоряжении оставалось несколько мгновений. Пока еще гном мог скрыться, как скрывался на протяжении всей своей жизни. И он был не прочь убежать. Далеко-далеко, хоть до самой Ирландии. Но вначале он хотел закончить начатое. Рэйчел лежит здесь при смерти из-за него.

Рюгель чувствовал себя должником.

Приблизив бурые потрескавшиеся губы к уху

девочки, он прошептал:

— Я дарю тебе тайну кроличьего зова, детка.

Ее веки дрогнули. Гном не мог с уверенностью сказать, слышит ли она, но тем не менее продолжал:

— Когда зовешь кролика, старайся думать, как он. Магия в тебе есть. Все, что тебе нужно, — это понимание. Как будто ты хочешь полюбить…

Как он жалел, что не успел сказать ей свое имя.

И вдруг убегать стало поздно. Огромные руки вцепились и легко, как ребенка, вздернули кричащего и вырывающегося пленника.

Лежащая на земле Рэйчел выгнулась в судороге, запрокидывая голову. На ее губах выступила пена. Время для Рюгеля потекло медленно-медленно. Он чувствовал прикосновение кулака к своему лицу, чувствовал, как лопается кожа над бровью, но не отрывал глаз от лица девочки, сперва покрасневшего, потом побагровевшего, а теперь темнеющего.

Она умирала. Слишком поздно обращаться за помощью к ведьме.

И Рюгель понял. Закончилась пора, когда он убегал и прятался. Из глубины души он выудил последнюю искру волшебства, скрытую непро-

ницаемой защитой все эти годы. Единственный способ раздуть ее в пламя — обратиться к корням, к тем камням, на которых стоит эта деревня. С того мига, как он воззвал к волшебству, пути назад не было. Тело гнома раскалилось от нарастающей внутри магии.

— Рэйчел, — шепнул он.

За толпой он едва мог различить ее корчащееся тело на блеклой траве. Он не знал, как удалить яд из ее крови, но мог дать ей дыхание, мог защитить ее сердце от отравы. И выиграть тем самым время до прихода ведьмы. Рюгель расширил поиск силы как только мог, забирая магию из земли под хижинами, из валунов, где прятались кролики, с берегов ручья…

А потом жар гнома стал слишком сильным для схвативших его людей. Раздались крики боли. Рюгель взлетел в воздух, подброшенный обожженными руками. И шлепнулся с размаху в заросли мандрагоры.

Миг-другой он лежал неподвижно, ощущая, как магия берет под свою защиту легкие Рэйчел, как у девочки снова бьется сердце, и заставил себя встать. Он пополз по мандрагоровому полю, сознавая, что топчется по могилам, которые вырыл собственноручно. Убежать далеко он не мог,

но хотел, по крайней мере, скрыться от толпы разъяренных поселян, а для этого был вынужден пересечь поле.

Когда Рюгель нашел в себе силы хоть немного прибавить скорости, в спину ударил первый камень.

Он продолжал бежать, но второй камень, не меньше, чем два кулака взрослого мужчины, догнал его и швырнул лицом в траву. В памяти возник отец, лежащий ничком на весенней земле с оперенной стрелой между лопаток.

Рюгель, елозя животом по жирному суглинку, отталкивался руками и ногами, искал спасения, как двести лет назад. А камни все летели, большие и поменьше. Некоторые промахивались, а некоторые попадали в цель. С затылка за воротник стекали горячие струйки. Булыжник раздробил плечо. Гном ткнулся лицом в палую листву и перегной, хотя ноги продолжали двигать тело вперед.

От этих усилий земля начала расступаться, и Рюгель понял, что зарывается вглубь. В безнадежной попытке спастись он и забыл, что гномы — создания земной стихии, мастера окапываний. При опасности они всегда норовили уйти от дневного света. Как легко простая истина вы-

ветрилась из памяти одиночки. После того как он похоронил всех родичей — ни много ни мало сорок восемь детей, взрослых и стариков, — он подался в бега. И достиг немалых вершин в умении удирать.

Рюгель удвоил усилия, делая упор на здоровой руке. Хотя камни продолжали сыпаться, они отлетали от задницы, не причиняя боли. Рыхлая и прохладная земля приникла к лицу. Ушла боль из разбитой брови. Хорошо, если бы ведьма смогла вот так же забрать боль Рэйчел, как земля исцеляет его.

С губ сорвался смех, смех радости — он уходил, он спасся, он вдыхал песок и глину с такой же легкостью, как прежде — воздух. И, попадая в легкие, почва лечила его. Даже корчащиеся в горле дождевые черви докучали не больше, чем вздутие кишечника.

Руки гнома замерли, прижавшись к огромному камню; он сливался со скалой, проникая в ее трещины. Он обрел желанное убежище, спасение в ребрах и гранях кристаллов. А ноги подрагивали, как чувствительные щетинки у земляной твари многоножки или мокрицы.

Движение замедлилось настолько, что приблизилось к полной неподвижности, и Рюгель

чувствовал, как замирают его мысли. Разум сжался до точки в пространстве, превратился в крошечный шарик ярко-зеленого света. Камни, боль, обитатели деревни и даже та девочка исчезли из памяти. Остались лишь зелень, и тихое, покойное растворение в почве, и ощущение чего-то теплого и живого наверху, — гном когда-нибудь доберется туда, прорастя молодой зеленой листвой.

Рэйчел сидела на корточках и не сводила глаз со свежей насыпи, окаймленной осколками камней. Там скрылся маленький человечек. Жители деревни давно ушли восвояси, а он так и не появился. Ни днем, ни ночью, когда Рэйчел, улизнув из хижины ведьмы, пришла сюда. Она следила за холмиком, ждала малейшего движения. Некоторые из разбросанных камней были испачканы чем-то коричневым, похожим на засохшую кровь.

Кто-то погладил ее по плечу. Ева, ведьма, мягко сжала руку девочки, прежде чем опуститься рядом на землю. Цепкие старческие пальцы схватили один из камней и спрятали в карман фартука.

— Ну и чего ты ждешь?

Рэйчел покачала головой, не одобряя суетливо-

сти этой женщины, не понимая, почему она так спешит собрать камни.

Старуха обвела рукой поле, заросшее белыми цветами.

— Это чтобы растениям не мешать. Конечно, от камней поменьше вреда, чем от сорняков, но корни получаются кривыми.

Девочка медленно и неуверенно взяла камень.

— Вот так, дитя мое, — широко улыбнулась Ева. — Ты должна заботиться о мандрагоре. Это великая ценность, и далеко не в каждой деревне найдется такое же поле.

Ведьма разгладила рыхлую землю поверх насыпи, подобно огороднику, сажающему чеснок.

Что-то неясно всколыхнулось в памяти Рэйчел.

— Моего брата ты лечила настоем мандрагоры.

— Да, и спасла ему жизнь. А тебя мандрагора вылечила от укуса змеи.

Рэйчел стиснула пальцы вокруг камня, ощущая его тяжесть. Перед мысленным взором появился карлик со сморщенным, как резная репа через неделю после Самайна, лицом и телом, таким же щуплым и узловатым, как корень мандрагоры.

— А правда, что ее корешки похожи на маленьких людей? — спросила Рэйчел, глядя на заросшее зеленой мандрагорой поле, почти такое

же большое, как то, что отец засевал горохом.

— Да. Ты права, это диво дивное: лучшее лекарственное растение для людей похоже на гнома. Но так уж устроен мир — подобное тянется к подобному. — Старуха поднялась на ноги и хлопнула девочку по плечу. — Приходи ко мне в любое время, малютка Рэйчел. Я много знаю и смогу научить тебя.

Девочка осталась сидеть на краю поля, сжимая в кулаке измазанный бурым камень. Она осознала наконец-то, что маленький человечек ушел, и зажмурилась. Ресницы намокли от слез, которые вскоре хлынули ручьями по мягким склонам ее щек.

Прежде чем вновь открыть глаза, Рэйчел дождалась, пока слезы высохнут. А разлепив покрытые соленой корочкой ресницы, увидела кролика, выглядывавшего из листьев мандрагоры. Казалось, ее присутствие должно пугать зверька, но он с довольным видом следил за девочкой одним глазом.

Она довольно долго изучала его повадки, следила за смешными прыжками, заставляя себя полюбить этого кролика больше, чем всех других кроликов, которых повидала на своем коротком веку. Удивительным образом она знала, что

именно должна делать. Как будто кто-то нашептывал подсказки на ухо.

— Подойди ко мне, — позвала она.

Рэйчел сосредоточилась на мыслях кролика, мягких и рассыпчатых, как свежевскопанная земля. Она чувствовала у него внутри дивное мерцание, теплое, как огонек свечи. Еще сильнее напрягая разум, девочка сделала это пламя устойчивым и даже усилила его.

Кролик запрыгал прямиком к ней.

Рэйчел, смеясь, погладила мягкую сгорбленную спинку. Мех под ее пальцами был густым, теплым, очень мягким — ни к чему более мягкому она не прикасалась отродясь. Подхватив зверька на руки, она прижалась щекой к его боку.

А вокруг на стеблях мандрагоры кивали цветы, как крошечные сонные головы. Внизу под землей еще один корень пробивался навстречу солнцу — так никем и не названный по имени.

перевод В. Русанова

Келли Линк
КОЛДУНЫ ПЕРФИЛА

Келли Линк — мастер фантастического рассказа. Ее произведения собраны в трех книгах: «Все это очень странно» («Stranger Things Happen»), «Магия для „чайников“» («Magic for Beginners») и «Милые чудовища» («Pretty Monsters»). Она публиковалась в журналах «The Magazine of Fantasy & Science Fiction», «Realms of Fantasy», «Asimov's Science Fiction» и «Conjunctions», а также в антологиях «The Dark», «The Faery Reel» и «Best American Short Stories». Со своим мужем, издателем Гевином Грантом, она основала издательство «Смолл бир пресс». Также она редактирует журнал «Lady Churchill's Rosebud Wristlet». Келли Линк собрала множество наград, включая премии «Хьюго», «Небьюла», Всемирную премию фэнтези, премию Брэма Стокера, премию Джеймса Типтри, «Локус».

Одна из главных проблем, обсуждае-

мых в сюжетах о волшебниках, — почему маги не правят миром. Ведь они, по идее, обладают огромной силой, но тем не менее в фэнтезийных книгах государствами управляют короли, принцы, лорды, а роль чародеев сведена к обычным советникам, к тому же порой они вообще скрываются в уединенной башне, или хижине, или пещере. Отчего же никто из этих так называемых волшебников не ставит перед собой цель возвыситься? Где их гордыня? Они что, не могут спокойно заявиться в город, запустить парочку огненных шаров и объявить себя начальником?

Конечно, многих из них хлебом не корми, а дай поразгадывать всяческие загадки, но кто-то же должен интересоваться мирскими делами. Неужели они не способны побороться на стороне добра? В «Последнем единороге» Питера С. Бигла Молли Отрава спрашивает волшебника Шмендрика: «Для чего же тогда магия? Для чего же тогда магия, если она не в силах спасти единорога?» И получает ответ: «Именно для этого и созданы герои».

Но как же так? Следующий рассказ, который впервые увидел свет в антологии для подростков «Firebirds Rising», поднимает этот извечный вопрос: почему бы проклятым колдунам не выйти из своих убежищ и не попытаться что-то изменить к лучшему?

— Без муженька осталась, дорогуша? — посочувствовала тетушке Лучка женщина, торгующая на рынке корзинками из травы-пиявки и соленой свеклой.

Тетя кивнула. Она все еще держала на протянутой ладони сережки, рассчитывая, что кто-то их купит. Поезд на Квал отходит следующим утром, а цены на билеты выросли просто немыслимо.

Ее дочь Халса, двоюродная сестра Лучка, надула губы. Ей нравились эти сережки. Близнецы держались за руки и глазели по сторонам. Лучку казалось, что даже свекла красивее, чем серьги, раньше принадлежавшие его матери. Свекла выглядела бархатистой и загадочной сквозь баночное стекло — этакие засоленные звезды. Лучок ничего не ел целый день. Желудок слипся, зато в голове теснились мысли об окружающих людях — о Халсе, которая пожирала глазами

сережки, о торговке, которая от чистой души сочувствовала, о тете, которая уныло суетилась. За соседним прилавком стоял мужчина, у него болела жена, кашляла кровью. Мимо прошагала девушка с мыслями о женихе, ушедшем на войну. Он уже не вернется… Лучок снова заинтересовался свеклой.

— И с оравой детей на шее? — спрашивала торговка. — Да, тяжелые пришли времена. Откуда путь держите?

— Из Лэббита, а до того жили в Ларче, — ответила тетушка. — Теперь пытаемся добраться до Квала. Мой муж оттуда родом. Все, что у меня осталось, — это серьги и подсвечник.

— Никто не купит, — покачала головой женщина. — Во всяком случае, настоящую цену не возьмешь. На рынке полно беженцев, и все распродают скарб.

— Что же мне делать?

Тетя не рассчитывала на ответ, но торговка вдруг произнесла:

— Сегодня на рынке появился один человек. Он покупает детей для колдунов Перфила. Платит хорошие деньги, да и с ребятней там, говорят, обращаются неплохо.

Все колдуны — люди загадочные, но колдуны

Перфила — самые загадочные из всех. Они строят высокие башни на болотах и живут там отшельниками, каждый на верхушке своей башни. Они очень редко спускаются, и никто не знает, для чего может пригодиться их колдовство. Призрачные огни — шары ядовито-зеленого пламени — ночами скачут по болотам, охотясь неизвестно за чем. Порой башни рушатся, и тогда над развалинами вздымаются болотные лилии и тростник, будто руки мертвецов, пока болотная жижа не заглотит обломки без остатка.

Всем известно, что в трясине покоятся кости колдунов, а обитающие здесь рыбы и птицы — существа весьма странные. Они пропитаны колдовством. Иногда ребята подбивают друг друга пойти на болота и поудить рыбу. Случается, что пойманная в мутных темных глубинах рыбина называет удильщика по имени и просит пощадить ее. Если не согласишься, то, хватая ртом воздух, рыба предскажет, где и когда ты умрешь. Коль зажарить и съесть такой улов, тебе приснятся колдовские сны. Но если отпустить добычу на свободу, она откроет тебе великую тайну.

Вот что люди говорят о колдунах Перфила.

Всем известно, что колдуны Перфила общаются с демонами и не терпят солнечного света. Что

носы у них розовые, как у крыс, и шевелятся. И чародеи эти никогда не моются.

Всем известно, что колдунам Перфила сотни и сотни лет. Они сидят и удят из окон своих башен. Рыбу съедают сырой, а кости бросают вниз, туда же опрастывают и ночные горшки. Привычки у колдунов Перфила отвратительные, и никаких хороших манер.

Всем известно: когда колдунам Перфила надоедает есть рыбу, они принимаются за детей.

Все это Халса рассказала своим братьям и Лучку, пока тетушка договаривалась с помощником колдунов, который пришел на рынок.

Помощника колдунов звали Толсет, у него на поясе висел меч. На смуглой коже лица и рук выделялись бело-розовые пятна. Лучок никогда еще не видел таких двухцветных людей.

Толсет угостил Лучка и его кузенов сластями.

— Кто-нибудь из них умеет петь? — спросил он у тетушки.

Та ответила, что наверняка умеют. У близнецов, Мика и Бонти, голоса сильные, чистое сопрано. А когда пела Халса, весь рынок замолкал и слушал. Голос Халсы напоминал солнечный свет и медовую воду.

Лучок любил петь, только никто не любил его

слушать. Когда настала его очередь и он раскрыл рот, то вспомнил маму и глаза наполнились слезами. Он не знал слов песни, которая вырвалась у него. Он даже не знал, на каком языке поет. Халса закатила глаза и показала ему язык. Но Лучок продолжал петь.

— Довольно! — бросил Толсет. — Ты квакаешь, как жаба, парень! — Он ткнул пальцем в Лучка. — Можешь теперь помолчать?

— Он, вообще-то, тихий, — вмешалась тетушка. — Родители умерли. Ест совсем чуть-чуть, но довольно крепкий. Мы шли из Ларча. Он не боится колдунов, прошу прощения у вашей милости. В Ларче никаких колдунов не было, но зато его мать умела разыскивать потерянные вещи. Она умела заклинать коров, чтобы всегда возвращались домой.

— Сколько ему годков? — спросил Толсет.

— Одиннадцать.

— Щупловат для его возраста, — проворчал Толсет, поглядывая на Лучка. — Пойдешь со мной, мальчик?

Тетя толкнула Лучка в плечо. Он кивнул.

— Уж прости, — сказала тетушка. — Я обещала твоей маме, что позабочусь о тебе. Большего все равно сделать не могу.

Лучок не ответил. Он знал, что тетя с радостью продала бы колдунам Халсу и еще считала бы, что дочке крупно повезло. Но когда Толсет выбрал его, а не кузину, тетя испытала облегчение. Лучок прочитал это в ее мыслях.

Помощник колдунов заплатил две дюжины медных рыбок — немного больше, чем обошлись похороны родителей Лучка, но меньше, чем отец два года назад заплатил за их лучшую дойную корову. Знать всему цену очень полезно. Корова уже умерла, да и отец Лучка тоже.

— Веди себя хорошо, — сказала тетушка. — Вот, возьми.

Она протянула Лучку одну из сережек, которая осталась от его мамы. Украшение в виде змеи, изогнувшейся и схватившей зубами собственный хвост. Лучок часто гадал, не дивится ли змея своей доле — провести века сама у себя во рту? А может, она вечно злится, как Халса?

Кузина недовольно поджала губы. Обнимая Лучка на прощание, прошипела ему в ухо:

— Гаденыш! Отдай ее мне.

Она уже забрала лошадку, которую вырезал из дерева отец Лучка, и нож с костяной рукояткой. Мальчик попытался вырваться, но она вцепилась насмерть, будто не хотела отпускать.

— Они тебя сожрут. Колдун засунет в духовку и зажарит, как молочного поросенка. Отдай мне сережку! Молочным поросятам сережки не нужны.

Лучок с трудом вывернулся. Помощник колдунов смотрел на них. Слышал ли он слова Халсы? Конечно, всякий, кто хотел бы сожрать ребенка, выбрал бы ее — она и постарше, и поупитаннее. Но, с другой стороны, приглядевшись к Халсе, всякий поймет, что на вкус она прогорклая и мерзкая. Ее единственное достоинство — умение петь. Даже Лучок любил слушать Халсу, когда она пела.

Мик и Бонти застенчиво поцеловали Лучка в щеку. Он знал: им ужасно жаль, что Толсет не купил Халсу вместо него. Вот уедет Лучок, и девчонка примется донимать близнецов — задирать их и дразнить.

Помощник колдунов забрался на лошадь. Наклонился, протягивая Лучку рябую руку.

— Давай же, парень.

С его помощью мальчик оказался на теплой, широкой и мягкой конской спине. Никаких седел и уздечек. Только что-то наподобие тряпичной подпруги, к которой с каждой стороны прицеплено по корзине с покупками. Толсет сжал бока

лошади коленями, а Лучок схватился за его пояс.

— Где ты слышал песню, которую пел? — спросил пятнистый.

— Не знаю, — честно ответил Лучок.

Оказалось, эту песню пела мать Толсета, когда тот был еще малышом. Но ни Лучок, ни Толсет не знали правильного перевода. Так, вскользь, что-то о лодке на озере и о девочке, которая съела луну.

На рыночной площади толпились торговцы. Лучок в какой-то миг почувствовал себя сказочным принцем, который может купить что душе угодно. Глянув с лошади на прилавок, где лежали горки яблок и картошки и горячие пирожки с пореем, он почувствовал, как рот наполнился слюной. Дальше торговали ладаном, сидела гадалка. У вокзала вытянулась очередь за билетами на Квал. Утром тетушка с близнецами и Халсой сядут в поезд. Путешествие обещает быть опасным, между Квалом и здешними местами хватает враждующих армий. Обернувшись к тете, мальчик тут же пожалел о своем порыве. Вот сейчас она решит, что он расплачется и запросится назад. И все же он сказал, что и собирался:

— Не надо ехать в Квал.

Но он знал, что тетя все равно сделает по-свое-

му. Никто и никогда не слушал советов Лучка.

Лошадь тряхнула головой. Помощник колдунов цыкнул на нее, а потом развернулся. Он выглядел неуверенным. Лучок снова посмотрел на тетушку. За минувшие два года он ни разу не видел ее улыбку. Она и сейчас стояла нахмурившись, хотя и сумела выполнить обещание, данное матери Лучка, и при этом заработать двадцать четыре медные рыбки — сумму немаленькую. А вот мама Лучка улыбалась часто, несмотря на плохие зубы.

— Они тебя съедят! — закричала Халса. — Или в болоте утопят! Порежут на кусочки и насадят на крючок вместо наживки! — Она топнула ногой.

— Халса! — возмутилась ее мать.

— Вообще-то, если подумать... — произнес Толсет. — Лучше я возьму девочку. Продадите ее вместо мальчика?

— Что? — охнула Халса.

— Что? — удивилась тетушка Лучка.

— Нет! — воскликнул мальчик.

Но Толсет вновь вытащил кошелек. Похоже, Халса стоила подороже, чем худосочный мальчишка с плохим голосом. А тетушка Лучка крайне нуждалась в деньгах. Вот так Халса оказалась на крупе лошади позади Толсета, а мальчик остался

стоять, глядя вслед уезжающей злобной кузине.

В голове Лучка зазвучал голос: «Не переживай, парень. Все будет в порядке, все получится как надо».

Похоже, это слегка удивленно и печально говорил Толсет.

Немало ходит по свету легенд о колдунах Перфила. Есть и рассказ о чародее, который влюбился в церковный колокол. Вначале пытался купить его за золото, а когда церковь наотрез отказалась, похитил при помощи магии. Но, возвращаясь, он слишком низко пролетал над болотами, дьявол дотянулся и схватил его за пятку. Колдун уронил колокол в трясину, где тот и сгинул навеки. Из-за грязи и мха голос у колокола пропал, и хотя чародей не прекращал поиски, звал его по имени, тот не отвечал. Колдун исхудал и умер от горя. А рыбаки утверждают, что призрак волшебника все еще летает над болотом, ведь он не может без утраченного колокола.

Всем известно, упрямство колдунов добром никогда не кончается. Ни один из них не использовал магию на благо людям, а если кто и пытался, так выходило только хуже. Колдун ни за что не остановит войну и не починит забор. Лучше всего бы им и дальше сидеть на своих бо-

лотах, а мирскими делами займутся землепашцы и воины, торговцы и короли.

— Ладно, — сказала тетушка Лучка. Она смирилась с неизбежностью, когда Толсет и Халса скрылись с глаз. — Идемте, что ли…

Они прошли через рынок, где тетушка купила каждому сладкий пирожок с рисом. Лучок жевал и размышлял, что же он сделал не так, если помощник колдуна предпочел забрать Халсу. Его сознание словно раздвоилось. Один Лучок брел по рыночной площади, а второй ехал на лошади с Толсетом и Халсой. Один оставался на месте, а второй удалялся. От этого ужасно кружилась голова. Тот Лучок, что был на рынке, споткнулся с набитым ртом, но тетушка успела подхватить его под локоть.

— Мы не едим детей, — рассказывал Толсет, — на болотах хватает рыбы и птицы.

— Я знаю, — кивнула Халса, выглядевшая сердитой. — А еще колдуны живут в домах с уймой лестниц. В башнях. Думают, поэтому они лучше других. Выше остального мира.

— От кого ты слышала о колдунах Перфила?

— От рыночной торговки. И от других людей. Кое-кто боится колдунов, а кое-кто думает, что никаких колдунов нет вовсе. Говорят, это про-

сто страшилка для малышей. На болотах полно беглых рабов и дезертиров. Никто не понимает, с чего бы это колдунам уходить в неудобья, где земля мягче брынзы, и строить там башни. А почему колдуны живут на болотах?

— Потому что на болотах полно магии.

— А зачем они строят высокие башни? — допытывалась Халса.

— Колдуны любопытны, — ответил Толсет. — Им интересно видеть далеко. Им хочется быть ближе к звездам. Им не по нраву, когда люди теребят их и пристают с вопросами.

— А зачем колдуны покупают детей?

— Чтобы те бегали вверх-вниз по лестницам. Дети таскают воду для ванны, передают весточки, приносят завтраки и ужины, полдники и обеды. Волшебники всегда голодны.

— И я тоже, — заявила Халса.

— Сейчас, — кивнул Толсет и дал ей яблоко. — Ты видишь мысли других людей? Ты можешь предугадывать будущее?

— Да. Иногда. — Девочка жевала пожухлый, но сладкий плод.

— У твоего кузена такой же дар.

— У Лучка? — презрительно протянула Халса.

Мальчик понял по голосу, что она никогда не

считала эту способность полезной. Неудивительно, что и свое умение тоже скрывала.

— Можешь заглянуть в мою голову прямо сейчас? — спросил Толсет.

Халса посмотрела на него. И Лучок тоже. Он не обнаружил ни любопытства, ни страха. Совсем ничего. Даже Толсета, помощника колдунов, не было. Только неприветливая вода и парящие над ней белые птицы.

— Красиво, — сказал Лучок.

— Что? — испугалась его тетя. — Лучок? Присядь-ка, дитя.

— Некоторые люди считают, что красиво, — ответил ему Толсет.

А Халса ничего не сказала, только нахмурилась.

Толсет и Халса пересекли город и миновали ворота, выбравшись на дорогу, которая вела обратно к Лэббиту и дальше на восток. Здесь в обе стороны днем и ночью плотным потоком шли беженцы, по большей части напуганные женщины и дети. Ходили слухи, что позади них движутся войска. Рассказывали, будто король в припадке безумия убил младшего сына. Лучок видел шахматную доску. Светловолосый мальчик, его ровесник, сделал ход черным ферзем, а по-

том фигуры посыпались на пол. Что-то говорила женщина. Мальчик наклонился, чтобы собрать шахматы. Король хохотал. Он поднял меч, и с клинка потекла кровь. Лучок никогда раньше не видел королей, хотя часто видел людей с мечами. Людей с кровью на мечах.

Толсет и Халса свернули с дороги и поехали вдоль реки, которая больше походила на цепочку широких неглубоких прудов. На противоположном берегу виднелись малохоженные тропки, теряющиеся в подлеске и зарослях спелой малины. В воздухе ощущалась настороженность, подозрительность и напряженное ожидание чего-то живого, наполовину спящего, а наполовину бодрствующего; какой-то неуловимый гул, будто все вокруг напитывалось магией.

— Ягоды! Ягоды! Спелые и сладкие! — вновь и вновь выкрикивала юная торговка.

Лучку хотелось, чтобы она умолкла. Тетушка заплатила за хлеб и твердый солоноватый сыр, сунула покупки в руки мальчику.

— Поначалу всем бывает не по себе, — пояснял Толсет. — Болота Перфила так насыщены магией, что выпивают ее из всех. Только колдуны Перфила могут применять здесь волшебство. Но есть исключения.

— Я не хочу связываться ни с каким волшебством, — чопорно заявила Халса.

Снова Лучок попытался заглянуть в разум Толсета, но увидел там лишь болота. Белые цветы с мясистыми лепестками, будто покрытыми воском, и плакучие деревья, макающие ветви в воду, будто удочки.

— Я чувствую, что ты смотришь, — рассмеялся помощник колдунов. — Не заглядывай слишком глубоко, а то не удержишься и провалишься.

— Я не смотрю! — возразила Халса.

Но Лучок знал, что она смотрит. Слышал это, как щелчок ключа в замочной скважине.

Болота пахли солью и сытостью, точно миска похлебки. Лошадь Толсета трусила не торопясь, чавкая копытами в грязи. Отпечатки тут же заполнялись водой. Жирные и блестящие, будто самоцветы, мухи, трепеща крылышками, облепляли тростники, а в прозрачной луже Лучок разглядел змею, свернувшуюся зеленой лентой среди мягких, как облако волос, водорослей.

— Подожди здесь и присмотри за Бонти и Миком, — сказала тетушка. — А я схожу на вокзал. Лучок, ты в порядке?

Мальчик задумчиво кивнул.

Толсет и Халса проникали все глубже в болота,

все дальше от дороги, от перфильского рынка, от Лучка. Совсем не так они добирались к Перфилу — в спешке, среди пыли, по сухой дороге и на своих двоих. Всякий раз, когда Лучок или кто-то из близнецов спотыкался или попросту отставал, Халса кружила около, будто заправская овчарка, щипала, пинала и подгоняла. Трудно было даже предположить, что жестокая, жадная и вечно недовольная Халса умеет читать чужие мысли, хотя, как вспоминалось, она всякий раз узнавала, если Мик или Бонти находили что-то съедобное, легко отыскивала кусок земли помягче перед сном, вовремя сворачивала с дороги перед появлением солдат.

Халса думала о матери и братьях. Она видела лицо отца, которого военные расстреляли за амбаром, серьги в виде змей, взорванный диверсантами поезд на Квал. Она знала, что должна была ехать в этом поезде. Она злилась на Толсета за то, что увез ее, а не Лучка, за то, что помощник колдунов не выбрал его.

Ожидая тетушку на рыночной площади, Лучок время от времени видел заостренные крыши, венчавшие башни колдунов. Они устремлялись в небо, будто ждали его рядом с перфильским рынком, а потом вдруг отступали и увлекали его

за собой, к Толсету и Халсе. Их тропа то расходилась с неспешным потоком черной как деготь воды и сворачивала в кустарник, усеянный ярко-желтыми ягодами, то возвращалась обратно. Они пересекали другие тропинки, узкие и извилистые, заросшие травой и почти неприметные. Наконец они проехали через рощу резко пахнущих деревьев и оказались на скрытом от чужого взгляда лугу, не шире, чем рыночная площадь Перфила.

Вблизи башни не выглядели прекрасными. Обветшалые, покрытые лишайниками, они, казалось, в любой миг могли рухнуть. Стояли они до того близко друг к другу, что можно было бы натянуть веревку между ними и сушить белье, если бы колдунов волновали такие мелочи, как стирка. Кто-то все-таки старался уберечь башни от падения, подпирая их стены причудливыми насыпями валунов. Дюжина башен выглядела пригодной для жилья, а прочие представляли собой или развалины, или просто-напросто груды битого камня, из которого успели повыбирать все, что могло пригодиться при новых стройках.

К лугу сходилось множество троп — как протоптанные в грязи, так и водные пути — протоки, укрытые путаницей ветвей, опустившихся так

низко, что и лодка с трудом могла бы пройти. Даже пловцу, пожалуй, пришлось бы время от времени нырять. На остатках башенных стен сидели дети, внимательно наблюдавшие за приездом Халсы и Толсета. Худой мужчина помешивал какое-то варево в котле над костром. Две женщины сматывали растрепанную веревку. Одевались они как Толсет. «А колдунам нужно много слуг, — подумали Халса и Лучок. — Наверное, они ужас какие ленивые».

— Давай слазь, — приказал помощник колдунов, и Халса с наслаждением соскользнула с конской спины.

Следом за ней спрыгнул на землю и Толсет, снял с лошади упряжь с корзинами, и та внезапно превратилась в полуголую загорелую девчонку лет четырнадцати от роду. Распрямив спину, она вытерла ладони о набедренную повязку. И по всему выходило, ей безразлично, что другой одежды на ней нет. Халса глядела на нее, раскрыв рот.

— Веди себя хорошо, — нахмурилась девчонка, — а то превратят в кого-нибудь похуже лошади.

— Кто? — спросила Халса.

— Колдуны Перфила, — расхохоталась девочка.

Даже ее смех напоминал конское ржание. Остальные дети тоже принялись хихикать.

— Ай да Эсса! Катала на себе Толсета!

— Эй, Эсса, ты обещанный подарок мне привезла?

— Эсса красивее, когда она лошадь, чем когда девчонка!

— А ну, заткнитесь! — прикрикнула на них Эсса и запустила камешек в обидчика.

Халса восхитилась точностью и скупостью ее движений.

— Ой! — воскликнула мишень, хватаясь за ухо. — Больно же, Эсса!

— Молодец, Эсса, — сказал Толсет.

Она ответила на удивление изящным реверансом, словно несколько мгновений назад не передвигалась на четвереньках без намека на талию. На камне лежали штаны и свернутая рубаха. Эсса оделась.

— Это Халса, — сказал Толсет мужчине и детям. — Я купил ее на рынке.

Они молчали. У Халсы заполыхали щеки, но она не издала ни звука. Посмотрела на землю, потом на башни. Лучок тоже смотрел на башни, надеясь увидеть колдуна. В окнах никого не было, но мальчик чувствовал колдунов Перфила,

ощущал их присутствие. Болотистую землю под ногами наполняла магия, стены башен излучали ее, как печка — тепло. Магия облепляла детей и слуг колдунов, они будто пропитались ею.

— Пошли, найдем чего поесть, — сказал Толсет, и Халса поплелась за ним следом.

Им достался пресный хлеб, луковицы и рыба. Девочка попила воды, слегка отдававшей металлом — это тоже признак магии. Лучок ощутил привкус на своем языке.

— Лучок! — позвал кто-то. — Бонти, Мик!

Мальчик огляделся по сторонам и вернулся на рынок. Рядом стояла тетушка.

— Тут рядом есть церковь, — сказала она, — и нам разрешили в ней переночевать. Поезд отправляется рано утром.

Когда Халса подкрепилась, Толсет отвел ее в одну из башен и показал уютную комнатку под лестницей. Пол был устлан свежим тростником, в углу лежало шерстяное одеяло. Солнце еще не село. Лучок с тетушкой и двоюродными братьями пришли в церковь, где во дворе беженцы могли поспать, хоть в тесноте, да не в обиде. Халса лежала с открытыми глазами и думала о волшебнике, который живет на вершине башни. Стены так пропитались магией, что у девочки перехва-

тывало дух. Ей казалось, что колдун Перфила крадется по лестнице к ее каморке, поэтому она стискивала кулаки, чтобы не уснуть, несмотря на мягкую постель. А вот Лучок провалился в сон немедленно, будто зачарованный. Снились ему колдуны, кружащие над болотами, словно большие белые птицы.

Пришедший утром Толсет растолкал Халсу.

— Поднимайся и принеси воду для колдуна, — сказал он, протягивая пустое ведро.

Очень хотелось сказать, пускай колдун сам таскает себе воду, но дурочкой Халса никогда не была. Она теперь рабыня. Лучок снова возник у нее в голове, советуя проявить осторожность.

— Да пошел ты… — ответила Халса, а сообразив, что произнесла эти слова вслух, вздрогнула.

Но Толсет только рассмеялся.

Халса продрала глаза, взяла ведро и пошла следом за ним. Снаружи воздух кишел мошкарой, слишком мелкой, чтобы ее разглядеть. Похоже, девочка пришлась ей по вкусу. Почему это показалось забавным Лучку, Халса не догадывалась.

Остальные дети толпились вокруг костра и ели овсянку.

— Ты проголодалась? — спросил Толсет. Халса кивнула. — Когда принесешь воды, можешь по-

есть. Не слишком разумно заставлять колдуна ждать.

Он провел ее по хорошо натоптанной тропинке, которая заканчивалась у неширокого водоема, и исчез, сказав напоследок:

— Вода здесь вкусная. Набирай ведро и неси на самый верх башни. А у меня срочное поручение. Думаю вернуться засветло. И ничего не бойся, Халса.

— А я и не боюсь.

Девочка присела на корточки и зачерпнула воды.

Она уже почти добралась до башни, как вдруг заметила, что ведро наполовину опустело. В деревянном днище обнаружилась щель. Остальные дети с любопытством за ней наблюдали. Халса гордо распрямила спину.

«Это проверка», — заявила она мысленно, обращаясь к Лучку.

«Может, попросишь у них ведро без дырки?» — подсказал он.

«Не нужна мне ничья помощь!»

Халса вернулась к водоему и набрала горсть мокрой глины, залепила щель и сверху придавила пучком мха. Теперь ведро держало воду.

На верхушке башни виднелись три окна, а на

одном из каменных выступов свила гнездо какая-то птица. Сама крыша напоминала епископскую шапку — круглая и красная. Ступени узкой лестницы, вытертые подошвами, были скользкими как воск. Чем выше поднималась девочка, тем тяжелее казалось ведро. В конце концов она поставила его на ступеньки и уселась отдохнуть.

«Четыреста двадцать два шага», — сказал Лучок.

Сама Халса насчитала пятьсот девяносто восемь. Гораздо больше, чем можно себе представить, глядя на башню снаружи.

— Колдовские штучки… — прошипела она с отвращением, как будто ничего хорошего и не ждала. — Ты думал, они сделают поменьше ступенек, а не побольше? Как же…

Когда она встала и подхватила ведро, ручка оторвалась. Вода хлынула вниз по лестнице. Халса изо всех сил швырнула ведро, потом спустилась, починила ручку и опять пошла за водой. Не стоит испытывать терпение колдуна.

На самом верхнем этаже башни девочка увидела дверь. Халса поставила ведро и постучала. Никто не ответил. Она постучала снова. Здесь так сильно несло магией, что заслезились глаза. Она попыталась посмотреть сквозь дверь. Увидела

комнату с кроватью, окном, зеркалом и столом. По поверхности зеркала бежали блики, словно отраженный свет по воде. Свернувшись калачиком, на кровати спала ясноглазая лиса. В не закрытое ставнями окно влетела белая птица, потом другая, третья. Они покружили по комнате и уселись на стол. Только одна подлетела к двери, за которой стояла, всматриваясь, Халса. Девочка отпрыгнула. Дверь задрожала под ударами клюва.

Халса кинулась прочь, бросив ведро, бросив Лучка. Казалось, ступенек стало еще больше. Зато в горшке, оставленном у костра, овсянки не оказалось вовсе.

Кто-то тронул девочку за плечо. Она обернулась.

— На! — сказала Эсса, протягивая кусок хлеба.

— Спасибо, — ответила Халса.

Хлеб давно зачерствел, но, казалось, она в жизни не ела ничего вкуснее.

— Значит, тебя мать продала, — сказала Эсса.

Халса через силу сглотнула. Странно, что она не могла заглянуть в разум Эссы, но, с другой стороны, это успокаивало. Казалось, Эсса могла стать кем угодно. Казалось, сама Халса могла стать кем угодно.

— Экое горе, — ответила она. — А тебя кто продал?

— Никто, — ответила Эсса. — Я сама убежала из дому. Не хотела быть солдатской подстилкой, как мои сестры.

— Разве колдуны лучше, чем солдаты?

— А сама как думаешь? — Эсса удивленно взглянула на нее. — Ты видела своего колдуна?

— Само собой. Он старый и уродливый, — ответила Халса. — И мне не понравилось, как он на меня смотрел.

— О боже! — Эсса зажала рот ладошкой, будто пыталась не рассмеяться.

— А что мне надо делать? Я никогда раньше не была слугой колдуна.

— Неужели колдун не сказал тебе, что нужно делать?

— Я спросила! — Халса со злостью вздохнула. — Спросила, что ему надо, а он ничего не ответил. Должно быть, он слегка глуховатый.

Эсса долго хохотала. «Ну что ты все ржешь как лошадь?» — негодовала про себя Халса. Рядом крутились трое или четверо детей, и все они смеялись над девочкой.

— Ну, признайся, — утерла слезы Эсса, — ты не говорила с колдуном.

— Да? Я стучала, а никто не ответил. Он точно глуховатый.

— Ну конечно! — воскликнул какой-то мальчишка.

— А может, колдун постеснялся, — сказал другой паренек, зеленоглазый, как Мик и Бонти. — Или спал. Колдуны ужас как любят дрыхнуть.

И снова все принялись хохотать.

— Довольно потешаться надо мной! — рявкнула Халса, пытаясь выглядеть суровой и властной. Лучок с близнецами точно напугались бы. — Объясните лучше, что я должна делать. Какие обязанности у слуг колдунов?

— Таскать наверх что придется, — крикнул кто-то. — Еду. Дрова. Кофе, если Толсет привезет его с рынка. Всякие необычные магические находки. Старье. Поэтому тебе надо ходить по болоту и искать всякое старье.

— Находки? — переспросила Халса.

— Стеклянные бутылки, — пояснила Эсса. — Закаменевших демонов. Все странное, все необычное. Или самое обычное — растения, кости, зверушек. Все, что покажется тебе подходящим. Понимаешь, что я имею в виду?

— Нет, — ответила Халса.

Но на самом деле она догадалась. Кое-какие ве-

щи пропитывались магией сильнее, чем другие. Ее отец нашел наконечник стрелы на своем поле. Припрятал, чтобы отдать сельскому учителю, но ночью, когда все уснули, Халса завернула вещицу в старую бумагу и зарыла в поле. А в краже обвинили Бонти. Иногда девочка задавалась вопросом: может, именно эта находка притянула неудачу, из-за которой заявились солдаты и убили отца? Но нельзя же возложить ответственность за все беды государства на один наконечник стрелы.

— Тогда пойди и поймай рыбу, — сказал мальчик. — Если ты слишком глупа, что не можешь распознать магию. Рыбу ловила когда-нибудь?

Халса взяла удочку.

— Иди по этой тропе, — подсказала Эсса. — По самой топкой, и никуда не сворачивай. Она закончится у пруда, там хорошо клюет.

Когда Халса оглянулась на башню колдуна, показалось, что в верхнем окошке маячит Лучок — следит за ней. Но это же полная чушь! Там может быть разве что птица.

Беженцы так плотно набились в вагоны поезда, что некоторые не выдерживали тесноты и выбирались на крыши. Торговцы втридорога продавали зонтики от солнца. Тетушка Лучка

отыскала два места, где они и уселись, взяв на руки по близнецу. Напротив расположились две богатые горожанки. Вернее, они казались богатыми в башмаках из зеленой кожи. Беженки прижимали кружевные платочки, похожие на розовые лепестки, к покрасневшим кроличьим носам. Бонти поглядывал на них из-под ресниц. Он любил нравиться незнакомым людям.

Никогда раньше Лучок не ездил в поезде. Он чуял запах кочегарки — горящий уголь и колдовство. Пассажиры теснились на боковых полках, что-то пили, веселились, будто на празднике. Мужчины и женщины кричали, высовывая головы из окон. Прощались, наверное. Женщина с места напротив свалилась на Лучка и Мика, когда кто-то толкнул ее.

— Ой, простите, дорогуши, — сказала она, обворожительно улыбаясь.

На ее зубах сверкали драгоценные камни, и она натянула на себя не меньше четырех шелковых платьев. Мужчина на боковой полке влажно кашлял, сквозь повязку на его горле проступали алые пятна. Кричали младенцы.

— Я слыхал, они придут в Перфил дня через три или даже раньше, — сказал человек в ближнем ряду.

— Люди короля не станут грабить Перфил, — проговорил его сосед. — Они идут, чтобы его защитить.

— Король обезумел, — возразил первый. — Бог якобы внушил ему, что кругом одни враги. Он уже два года не платит солдатам. Когда они пытаются бунтовать, король набирает новую армию и обрушивает на старую. Лучше держаться от всего этого подальше.

— Охо-хо… — вздохнула женщина где-то позади Лучка. — Наконец-то мы поехали. Какое счастье! Просто сердце радуется!

Лучок попытался подумать о колдунах с болот Перфила, но внезапно увидел Халсу, в поезде, рядом с собой.

«Ты должен их предупредить», — сказала она.

«О чем предупредить?» — спросил Лучок, хотя уже и сам понял.

Когда поезд войдет в горы, прогремит взрыв. Со всех сторон к вагонам кинутся солдаты. Живым до Квала не доберется никто.

«Не поверят», — вздохнул он.

«Но все равно нужно предупредить», — настаивала Халса.

У Лучка затекли ноги. Он немного подвинул сидящего на коленях Мика.

«Что тебе за дело до них до всех? — спросил мальчик. — Ты же их ненавидишь!»

«Неправда!» — воскликнула Халса.

Но Лучок был прав. Она ненавидела свою мать, которая смотрела, как убивают ее мужа, и ничего не делала. Халса тогда кричала, и мать залепила ей пощечину. Она ненавидела близнецов за то, что они уродились непохожими на нее, не видели мир так, как она. Они были гораздо младше и часто уставали, а нянчиться с ними приходилось ей. Халса ненавидела Лучка за то, что он был похожим на нее. Он побаивался Халсы, а она, с тех пор как он оказался в ее семье, знала, что однажды повторит его судьбу и останется совсем одна. Магия несет только несчастье. Такие люди, как Халса и Лучок, обречены быть вечными неудачниками. Единственный человек, который понимал Халсу, — это мать Лучка. Она была доброй и хорошей; она заранее знала, что умрет рано. «Позаботьтесь о моем сыне», — сказала она отцу и матери Халсы, но смотрела при этом на девочку. А Лучок должен сам за себя постоять. И Халса заставит его быть сильнее.

«Предупреди их», — повторила она.

Клюнувшая рыба дергала удочку, но девочка не обращала на нее внимания.

«Предупреди их, предупреди, предупреди…»

Они с Лучком одновременно находились и в поезде, и на болоте. Пахло углем, солью, едой. Лучок не замечал этого, так же как Халса не замечала рыбу. Он сидел и болтал в воде ногами, хотя на самом деле его там не было.

Халса выудила пять рыбин. Почистила их, завернула в листья и отнесла к костру. А также захватила позеленевший медный ключик, зацепившийся за ее крючок.

— Смотри, что я нашла, — сказала она Толсету.

— Ого! — удивился он. — Дай-ка сюда.

На его ладони ключик выглядел очень маленьким и ничем не примечательным.

— Берд! — позвал помощник колдунов. — А где тот сундучок, который ты нашел, да так и не сумел открыть?

Зеленоглазый мальчик вскочил и скрылся в одной из башен. Через некоторое время он вернулся и протянул Толсету металлический сундучок, не больше банки для солений. Ключ подошел. Толсет поднял крышку, хотя Халса считала, что это ее право.

— Кукла… — разочарованно протянула девочка.

Но это была не совсем обычная кукла. Игрушку

кто-то вырезал из маслянисто поблескивающей черной древесины, а когда помощник колдунов повернул ее, то оказалось, что у куклы нет спины, зато имеется второе лицо сзади. Таким образом, она всегда смотрела вперед и назад одновременно.

— Что скажешь, Берд? — поинтересовался Толсет.

— Это не мое, — пожал плечами мальчик.

— Значит, твое, — кивнул Толсет Халсе. — Ступай наверх и отдай эту штуковину своему колдуну. А потом набери ведро воды и не забудь прихватить съестного. Ты же не догадалась принести ему обед?

— Нет, — ответила она.

Девочка и сама еще не обедала. Сварив рыбу вместе с зеленью, которую сунул ей Толсет, она поела. Оставшиеся три рыбины и зелень отнесла на верхний этаж башни. На этот раз ей пришлось дважды отдыхать — уж очень много стало ступенек. Дверь снова оказалась закрытой, но ведро с водой опустело. Халса предположила, что содержимое постепенно ушло сквозь мелкие щели, но оставила рыбу и сходила за водой.

— Я принесла обед, — отдышавшись, проговорила она. — И еще кое-что. Это кукла. Может, она

заколдованная?

В ответ ни звука. Даже Лучок куда-то запропастился. Она и не заметила, как он исчез. Халса вспомнила о поезде.

— Если отдам вам куклу, — проговорила она, — вы мою просьбу выполните? Вы же колдун, а колдуны многое умеют, так ведь? Вы поможете людям в поезде? Они едут в Квал. Что-то плохое случится по пути… Вы знаете о солдатах? Попробуете остановить поезд?

Халса долго ждала ответа, но колдун по ту сторону двери молчал. Она бросила куклу на ступени, но потом вновь подняла и сунула в карман. Ее трясло от злости.

— Да вы просто трусите! — воскликнула она. — Потому-то и прячетесь здесь! Угадала? Я сама могла попасть в тот поезд, я вижу, что должно произойти! В поезде едет Лучок. И вы способны предотвратить беду, но не хотите! А раз вы не хотите, я не отдам куклу! — Она плюнула в ведро и тут же об этом пожалела. — Вы спасете людей в поезде, а я отдам куклу. Обещаю. Я принесу вам другие находки. И прошу прощения, что плюнула в вашу воду. Я принесу чистой.

Она взяла ведро и пошла вниз по лестнице. Ноги болели, ранки от укусов мошкары крово-

точили.

— Грязь, — заявила Эсса, которая курила трубку, сидя на лугу. — Мухи нападают только на рассвете и на закате. Если намажешь лицо и руки грязью, они тебя не тронут.

— Она воняет, — ответила Халса.

— Ты тоже.

Эсса с громким щелчком разломила трубку надвое, немало удивив Халсу, и направилась туда, где остальные дети играли с палочками и кубиками по каким-то сложным правилам. Под деревом, цветущим по ночам, сидел Толсет на уродливом кресле, которое выглядело так, будто выросло из болота. Он курил трубку с глиняным мундштуком подлиннее, чем у Эссы. Просто до смешного длинный черенок.

— Отдала игрушку колдунье? — спросил он.

— Да, конечно…

— И что она сказала?

— Да ладно… Я не поняла. Она молода и хороша собой. Но жутко заикается. Я почти ни слова не разобрала. Кажется, что-то говорила о луне, хотела, чтобы я отрезала для нее кусочек. А потом запечь его в пироге.

— Да, колдуны обожают пироги, — заметил Толсет.

— Ну конечно! А я обожаю свою задницу.

— Ты бы за ртом своим лучше следила, — вмешался Берд — зеленоглазый мальчуган. Он ходил на руках без всякой видимой причины. Ноги болтались в воздухе, будто сигнальные флажки. — А то колдуны заставят тебя пожалеть.

— Я уже пожалела, — ответила Халса.

Не сказав больше ни слова, она принесла к запертой двери ведро свежей воды и вернулась в свой закуток. Легла и сразу провалилась в сон. Ей снилось, что лиса спустилась с башни и смотрит на нее. Зверь потыкался носом ей в лицо, потом поднялся и доел оставленную рыбу.

«Колдуны заставят тебя пожалеть, — подумала Халса. — Превратят в одноногую ворону».

Потом она гналась за лисой до самого поезда, где ее мать, братья и Лучок беспокойно спали, сидя на лавках. Ноги они поджали, а руки безвольно висели, как у покойников. Вонь угля и магии чувствовалась сильнее, чем утром. Поезд старался изо всех сил. Он дышал, как лисица, убегающая от своры собак. Но ему не добраться до верхушки башни колдуна. А если и доберется, то хозяина все равно не окажется на месте. Только луна, взошедшая над горной грядой, круглая и жирная, словно окорок.

Обычно колдуны Перфила не сочиняют стихи. Каждому известно, что они не женятся, не возделывают поля, не изъясняются учтиво. Говорят, колдуны Перфила ценят хорошую шутку, вот только шутить с ними самими бывает весьма опасно. Что, если они разочаруются в Халсе? Колдуны хитрые, жадные, рассеянные, помешавшиеся на звездах и насекомых, скупые, развязные, жестокие, вероломные, скрытные, любопытные, навязчивые, живучие, бесполезные и слишком высокого мнения о себе. Короли сходят с ума и губят державу, детей убивает голод, или болезни, или солдатское копье, и все это не достойно внимания колдунов Перфила. Колдуны Перфила в войнах не участвуют.

Халса неотвязно зудела, напоминая камушек, угодивший в башмак:

«Предупреди их, предупреди, предупреди…»

Они ехали на поезде уже целый день и целую ночь. При этом Халса оставалась на болоте. Почему бы не оставить их в покое? Мик и Бонти покорили сердца богатых соседок. Они больше не хмурились и не прижимали к носам платки, а, напротив, улыбались и угощали близнецов всякими вкусностями и прямо-таки лучились добротой. Поезд мчался через поля и города,

сожженные не одной армией, так другой. Они обгоняли колонны пеших беженцев, вереницы повозок, набитых домашним скарбом — тюфяками, комодами, печками, посудой, маслобойками, свиньями и сердито поглядывающими гусями. Одна везла даже пианино. Иногда поезд останавливался. Выходили люди, которые осматривали путь и при необходимости чинили его. Станции поезд пролетал без задержек, хотя ожидающие толпы голосили и бежали следом. Но никто в дороге не сходил.

Когда они добрались до предгорий, беженцев стало меньше. Зато пошел снег. Лучок даже видел волка.

— Вот доберемся до Квала, — сказала одна из богачек, та, что постарше, тете Лучка, — мы с сестрой будем рады помочь. Нам нужен кто-нибудь, чтобы следил за порядком в доме. Вы же хорошая хозяйка?

Бонти, сидящий у нее на коленях, дремал вполглаза.

— Да, госпожа, — отвечала тетушка.

— Вот и славно, — кивнула попутчица.

Она уже почти влюбилась в Бонти. Лучок раньше не имел возможности заглянуть в мысли богача. Он даже слегка разочаровался оттого, что

такие люди ничем не отличаются от обычных. Ну разве что обеспеченная соседка, как и помощник колдунов, верила: все закончится хорошо. Деньги, похоже, многим заменяют везение. Или магию. Заставляют думать о будущем с надеждой, которой не суждено сбыться. Если бы не опасность, грозящая поезду, тетушке Лучка стоило бы продать еще кого-нибудь из детей.

«Почему не предупреждаешь их? — теребила Халса. — Скоро будет поздно».

«Сама приди и скажи», — огрызнулся мальчик.

Невидимая Халса, кружащая поблизости и талдычащая одно и то же, надоедала гораздо сильнее, чем настоящая, которая безобидно спала в комнатке под лестницей в башне колдуна. А вообще-то, Лучок должен был находиться на ее месте. Он готов был спорить на что угодно: колдуны Перфила уже пожалели, что купили не его, а девчонку.

Проскользнув мимо Лучка, Халса положила невидимые руки на плечи матери и заглянула в лицо. Мать ее не видела.

«Вам нужно сойти, — сказала Халса. И заорала во весь голос: — Вон из поезда!»

Точно так же она беседовала с запертой дверью в башне колдуна.

Какая-то вещица, лежащая в кармане, давила ей на живот, аж больно делалось. Та Халса, что оставалась на болотах, спала на чем-то остром.

— Хватит вопить! Убирайся! Как я, по-твоему, остановлю поезд? — возмутился мальчик.

— Лучок? — удивилась тетушка, и он понял, что говорил вслух.

Халса выглядела самодовольной до ужаса.

— Нам угрожает опасность, — заговорил Лучок, сдаваясь. — Нужно остановить поезд и сойти.

Богатые соседки уставились на него, как на умалишенного.

Тетушка погладила его по плечу.

— Лучок, спал бы ты дальше. Тебе приснился плохой сон.

— Но… — начал было он.

— А сейчас возьми Мика, — тетя бросила взгляд на попутчиков, — и пойдите погуляйте. Развеешься.

Лучок больше не возражал. Богачки уже призадумались, не поискать ли другую домоправительницу по приезде в Квал. Халса в проходе сложила руки на груди и отставила ногу.

«Шевелись! — приказала она. — С этими говорить бесполезно. Они думают, что ты сбрендил. Поговори с тем, кто всем управляет».

— Простите, — сказал Лучок. — Мне приснилось нехорошее. Пойду погуляю.

И взял Мика за руку.

Они двинулись по проходу между скамьями, переступая через спящих, через пьяных, через скандалистов, через картежников.

«Торопись, торопись, торопись, — не отставала Халса. — Беда уже близко. Ты слишком долго собирался. И колдун этот бестолковый… Зря я столько времени потратила, уговаривая его помочь. Должна была догадаться, что и тебе на все наплевать. Ты такой же бесполезный, как и они — глупые, никому не нужные колдуны Перфила».

Лучок уже чувствовал поджидавшие впереди заряды — мешочки, втиснутые под рельсы через равные промежутки. Когда камешек попадает в башмак, бывает похожее ощущение. Страха он не испытывал, только злость. На Халсу, на людей в поезде, которые ничего не знают, а потому не боятся, на колдунов и на богатых соседок, уверенных, что им дано право покупать детей. Злился мальчик на родителей — за то, что умерли и предоставили ему в одиночку выживать в страшном мире. Злился на короля, сошедшего с ума, злился на солдат, которые, вместо того чтобы сидеть дома со своими семьями, колют, стреляют,

взрывают других людей.

Так они прошли в голову поезда. Халса завела Лучка прямиком в кочегарку, где двое мужчин швыряли уголь широкими лопатами в черно-красный зев пылающей топки. Оба грязные как черти. Могучие руки бугрятся мускулами, глаза воспалены.

Один из них обернулся и увидел Лучка.

— Эй, сопляк! — возмутился он. — Ты что тут делаешь?

— Нужно остановить поезд. Нам грозит беда. Я видел солдат. Они хотят взорвать пути.

— Солдаты? Позади нас? Когда ты их видел?

— Они впереди нас, — возразил Лучок. — Нужно остановить поезд.

Мик посмотрел на него.

— Он видел солдат? — удивился второй кочегар.

— Нет! — отрезал первый. Лучок чувствовал, что взрослый мужчина не знает, рассмеяться ли ему или рассердиться. — У пацана воображение разыгралось. Детвора вечно что-нибудь выдумывает. Эге, а может, он из Перфила? Как нам повезло, что с нами на поезде едет колдун!

— Я не колдун, — заявил Лучок, а Халса фыркнула, соглашаясь. — Но я многое вижу. Если не

остановите поезд, все умрут.

Кочегары долго смотрели на него, а потом первый сердито буркнул:

— Слышь, ты, проваливай отсюда. И не вздумай пугать людей, а то швырнем тебя в топку, понял?

— Хорошо, — кивнул Лучок. — Пойдем, Мик.

«Погоди! — возмутилась Халса. — Ты что делаешь?! Ты должен их убедить. На тот свет, что ли, торопишься? Думаешь, если умрешь, что-то мне этим докажешь?»

Лучок взял Мика на закорки.

«Прости, — сказал он Халсе. — Умирать я не хочу. Но ты видишь то же, что и я. Ты видишь будущее. Может, тебе лучше уйти? Просыпайся. Рыбачь. Таскай воду для колдунов Перфила».

Живот Халсы болел так, словно туда воткнули нож. Проведя по одежде ладонью, она нащупала деревянную куклу.

«Что это?» — спросил Лучок.

«Не знаю. На болоте нашла. Хотела отдать колдуну, но потом передумала. Забирай себе!»

Она сунула игрушку Лучку, но деревяшка прошла сквозь него, как сквозь воздух. Очень неприятное ощущение, даже с учетом того, что ее не было в поезде на самом деле.

— Халса… — пробормотал он и опустил Мика

на пол.

«Забирай ее себе! — повторила она. — Сейчас же! Возьми немедленно»!

Поезд грохотал. Лучок узнал место, узнал с легкостью. Кто-то пошутил. Сейчас засмеется женщина. А через миг всем станет не до смеха. Он протянул ладонь, чтобы взять игрушку, которую совала ему Халса. Что-то коснулось его руки. Пальцы встретились с пальцами Халсы.

Он держал деревянную куклу с коротким заостренным носом. На ее затылке тоже виднелся нос.

«Да хватай же!» — приказала Халса.

Что-то переливалось из нее через куклу в Лучка. Мальчик отшатнулся, толкнув женщину с птичьей клеткой на коленях.

— Пошел вон! — взвизгнула та.

Халсу пронзила боль. Поток напоминал жизненную силу, кукла вытягивала из девочки магию, словно сучила черную нить из промокшей шерстяной кудели. Лучок тоже скривился, страдая. Черный поток все вливался и вливался через куклу, так мощно, что едва не вытеснил из тела его собственный дух. Он не мог дышать, думать, смотреть. Черная субстанция давила изнутри на глаза, подступала к горлу.

— Халса, — просипел он, — прекрати!

— Я не Халса! — возмутилась женщина с клеткой.

— Что случилось? — ныл Мик. — Что случилось?

Свет изменился.

«Лучок», — проговорила Халса, отпуская куклу.

Его отбросило назад. Колеса поезда выбивали по рельсам — та-ра-та, та-ра-та, та-рата-та. В ноздри ворвались запахи болотной воды, металла, угля и магии.

— Нет! — воскликнул он, бросая куклу в женщину с птичьей клеткой и толчком валя Мика на пол. Крикнул громче: — Нет!!!

На него глазели со всех сторон. Смеявшаяся над шуткой женщина замолчала. Лучок накрыл собой Мика. Свет становился все ярче, обернувшись внезапно тьмой.

«Лучок!» — звала Халса.

Она больше не видела его, проснувшись в укромной комнатке под лестницей. И кукла пропала.

Халса знала много мужчин, вернувшихся домой с войны. Некоторые из них ослепли, другие потеряли кисть или руку целиком. А одного, безрукого и безногого, завернутого в полотно, везла на волокуше его молоденькая дочь. Почувствовав

на себе взгляды, он сыпал проклятиями. А еще один держал арену для петушиных боев в Ларче. Придя с войны, он заказал у плотника сосновую ногу. Вначале ходил на ней неумело, пошатывался. Забавно было наблюдать, как он гоняется за петухами, будто механическая игрушка. Но к тому времени, как армия опять вошла в Ларч, он уже не отставал от здоровых.

Девочке казалось, что одна ее половинка умерла в горах, во взорванном поезде. В ушах звенело. Она шаталась. Будто от нее отрезали кусок, ослепили. Весь день Халса ходила словно одурманенная.

Отнесла воду на верхний этаж, намазала лицо и руки грязью. Потом отправилась удить рыбу, поскольку Лучок наказал ей рыбачить. Ближе к вечеру она посмотрела по сторонам и обнаружила, что Толсет сидит у воды рядом с ней.

— Ты не должен был покупать меня, — сказала Халса. — Ты должен был купить Лучка. Он хотел ехать с тобой. Я злая и противная, и я не слишком-то высокого мнения о колдунах Перфила.

— А о ком ты думаешь хуже — о себе или о колдунах Перфила? — поинтересовался Толсет.

— Как ты можешь им служить? Как можно служить тому, кто прячется в башне и ничего не

делает, чтобы помочь людям? Кому нужна такая магия, если от нее нет никакого проку?

— Сейчас опасные времена, — ответил Толсет. — И для колдунов, и для детей.

— Опасные времена! Трудные времена! Плохие времена! — воскликнула Халса. — Да все пошло наперекосяк, едва я родилась. Почему я вижу будущее, знаю, что может произойти, но не способна предотвратить беду? Когда наступят лучшие времена?

— А что ты видишь? — спросил Толсет.

Он взял Халсу за подбородок и стал наклонять ее голову туда-сюда, будто череп был стеклянным и он заглядывал в середку. Потом погладил по затылку, будто собственного ребенка. Девочка зажмурилась, поддаваясь нахлынувшей тоске.

— Ничего я не вижу. Такое ощущение, будто меня обернули шерстяным одеялом, побили и бросили в темноте. Слепцы так же себя чувствуют? Может, колдуны Перфила что-то со мной сделали?

— А так лучше или хуже?

— Хуже. Или лучше… Не знаю. Что мне делать? Кем я теперь буду?

— Ты слуга колдунов Перфила, — сказал Толсет. — Наберись терпения. Все еще может изме-

ниться.

Халса не ответила. Да и что тут скажешь?

Она бегала вверх и вниз по лестнице, принося в башню воду, горячую пищу, кое-какие мелочи, найденные на болоте. Дверь всегда оставалась закрытой, и никак не заглянуть внутрь. Никто не заговорил там ни разу, хотя девочка часто сидела у порога, затаив дыхание, чтобы колдун подумал, будто она ушла. Но колдуна не так-то просто одурачить. Может, если бы по лестнице поднялся Толсет, его бы и впустили. Но уверенности у Халсы не было.

Эсса, Бурд и другие дети не обижали ее, будто знали: что-то в ней сломалось. Но она понимала, что не была бы такой добренькой, сложись все наоборот. Хотя не исключено, что и они это знали.

Две женщины и изможденный мужчина держались поодаль от всех. Халса даже не знала, как их зовут. Они уходили с поручениями, а когда возвращались, уединялись в башнях.

Однажды, возвращаясь от водоема с полным ведром рыбы, Халса повстречала на тропинке дракона. Не слишком большого, с собаку. Он буравил ее глазами, сиявшими как самоцветы. Обойти его девочка не могла. Он сожрет ее и будет прав. И вдруг появилась Эсса с палкой в руке.

Она стукнула дракона по голове, потом еще раз. А напоследок дала хорошего пинка.

— Пошел прочь! — прикрикнула она.

И дракон удалился восвояси, на прощание бросив на Халсу печальный взгляд.

— Будь с ними построже, — сказала Эсса, подхватывая ведро. — Иначе заберутся тебе в голову и убедят, что ты должна быть съедена. Чтобы нападать на тех, кто может дать отпор, они чересчур ленивы.

Выбросив из головы остатки мысли о том, как славно быть съеденной, Халса ощутила, будто бы пробудилась ото сна. Красивого и возвышенного, печального и несуразного.

— Спасибо, — шепнула она, чувствуя дрожь в коленках.

— Крупные сторонятся низин, — пояснила Эсса. — А вот мелких любопытство тянет к колдунам Перфила. Под любопытством я прежде всего подразумеваю голод. Драконы поедают то, что вызывает у них любопытство. Ладно, пойдем поплаваем.

Иногда Эсса или еще кто-нибудь развлекали Халсу историями о колдунах Перфила. Большинство из них были дурацкими или откровенно высосанными из пальца. Дети болтали снисхо-

дительно, будто наставники казались им скорее забавными, чем страшными. А в других, более грустных рассказах речь шла о давних временах, когда колдуны вели грандиозные войны, или надолго отправлялись в длительные изгнания, или попадали в застенки из-за предательства тех, кого они числили в друзьях.

Толсет вырезал для нее гребенку. Она нашла лягушек, чьи спины были украшены таинственными знаками, похожими на цифры, собрала их в ведро и отнесла в башню. Она поймала крота с глазками, как булавочные головки, и носом, напоминавшим мясистую розовую ладошку. Она приносила колдуну рукоять меча, монеты с дырочкой, панцирь, сброшенный растущим драконом, — величиной с барсука, очень легкий, но ужасно крепкий. Когда Халса отчистила скорлупу от грязи, та засияла, как надраенный медный подсвечник. И все это она таскала вверх по лестнице. Она не знала, есть ли польза хотя бы от одной находки, но в душе тихонько радовалась, когда удавалось обнаружить что-то новенькое.

Крот вернулся вниз, быстро переползая по ступенькам, и скрылся. Лягушки оставались в ведре, сердито квакая, когда она вернулась с ужином для колдуна. Но прочие находки исчезли за дверью.

То, что Толсет называл даром, постепенно возвращалось к Халсе. Она уже могла видеть колдунов в башнях, чувствовать, когда они следят за ней. Но с даром пришло еще кое-что. Оно посещало девочку, когда та ловила рыбу или гребла в старой рыбацкой лодке, которую помогла починить Толсету. И Халса как будто догадывалась, что это и откуда взялось. Это была та часть души Лучка, которую он научился отсоединять. Вернее, то, что от нее осталось, — бесшумная, невесомая, мрачная половина. Она не заговаривала. Только смотрела. Ночью стояла у изголовья тюфяка и берегла ее сон. Халса радовалась соседству. Хоть какое-то, да утешение.

Она помогала Толсету ремонтировать башню в том месте, где рассыпался раствор и зашаталась кладка. Она научилась делать бумагу из тростника и луба. Наверное, колдуны нуждались в бумаге для записей. Толсет учил девочку читать.

В один прекрасный день, возвращаясь с рыбалки, Халса увидела, что все слуги колдунов собрались в кружок, в середине которого сидел зайчонок, неподвижный, словно каменный. Призрак Лучка стоял тут же, рядом с прочими детьми. Какая-то субстанция перетекала от зайчонка к слугам колдунов и обратно, подобно тому

как шел переток от Халсы к Лучку, когда она отдавала ему свою двуликую куклу. Бока зайчика вздымались и опадали, взгляд казался неподвижным, мрачным, но всезнающим. Шерсть топорщилась от магии.

— Кто это? — спросила Халса у Берда. — Колдун Перфила?

— Что? — переспросил мальчик, не отрывая взгляда от зверька. — Нет, это не колдун. Это заяц. Всего-навсего заяц. Он пришел с болот.

— Но я же чувствую его, — возразила Халса. — Даже вроде слышу, как он говорит.

Берд оглянулся на нее, и Эсса тоже.

— Все говорят, — медленно произнесла она, будто объясняя ребенку. — Главное — слушай, Халса.

Они с Бердом смотрели на нее как-то странно, будто приглашали покопаться в своих головах, узнать, о чем думают. И другие перенесли внимание с зайчонка на Халсу. Она попятилась.

— Я не могу… Я ничего не слышу!

Когда она вышла из башни за водой, ни Эссы, ни Берда, ни других детей не было. Зато по лугу носились зайчата, прыгали, боролись друг с дружкой, сталкивались в воздухе. Лучок восседал на кресле Толсета, наблюдая за ними и посмеиваясь. Халса

внезапно подумала, что не видела улыбающегося Лучка с тех пор, как умерла его мать. Просто удивительно осознавать, что мертвый мальчик способен радоваться.

На следующий день Халса обнаружила в колючих зарослях раненого лисенка. Пока вытаскивала, изодрала руки, да еще и звереныш изловчился цапнуть за палец. Сквозь рану на его животе виднелись сизые петли кишечника. Оторвав полосу от рубахи, девочка обмотала лисенка и сунула его в карман. Кинулась в башню колдуна и стремительно взлетела наверх, не считая ступенек и не останавливаясь для передышки. Лучок, быстрый как тень, не отставал.

Добравшись до двери, Халса заколотила по ней кулаками.

— Колдун! — кричала она.

Никто не отвечал.

— Помоги мне, пожалуйста! — молила девочка.

Она вытащила лисенка из кармана и уселась с ним на ступеньках, баюкая на коленях. Он уже не кусался, сохраняя все силы для борьбы со смертью. Лучок опустился рядом, почесал горло щенку.

— Пожалуйста, — повторила Халса. — Пожалуй-

ста, не дай ему умереть. Сделай хоть что-нибудь!

Она чувствовала, что колдун Перфила стоит за дверью. Вот он поднял руку — еще чуть-чуть, и откроет. Халса видела, что колдун любит лис, любит всех диких обитателей болот. Но он промолчал. Должно быть, он не любил Халсу. Дверь так и не открылась.

— Помоги мне, — попросила Халса еще раз.

Она чувствовала, что из нее тянется страшная черная нить, как тогда в поезде, с Лучком. Казалось, колдун трясет ее за плечи в холодной слепой ярости. Какая-то девчонка, и вдруг посмела требовать у него помощи! Лучок тоже дергал ее. Там, где вцепилась пятерня мальчика, Халса чувствовала вливающийся в нее, проходящий насквозь поток силы. Она ощутила боль лисенка, его рану, вялую пульсацию сердечка, страх и отчаяние. Ощутила уходящую жизнь. Магия текла вверх и вниз по лестнице. Колдун Перфила смотал эту черную мокрую пряжу, а потом отпустил ее на свободу. Поток рванулся через Халсу и Лучка в лисенка и не ослабевал до тех пор, пока девочке не показалось, что она умирает.

— Пожалуйста… — простонала она, на сей раз упрашивая колдуна остановиться.

Колдовство убивало ее. А потом она вновь

ощутила опустошение. Магия просочилась без остатка, не оставив Халсе ничего, даже забрав с собой частичку ее души. Кости девочки превратились в студень. И тут лисенок начал вырываться, сучить лапками, а когда она размотала тряпицу, немедля вонзил острые зубки в запястье, спрыгнул на ступени и убежал, как будто и не умирал только что.

Халса встала. Лучок исчез, но она чувствовала, что колдун стоит по ту сторону дверей.

— Спасибо, — сказала она и пошла следом за лисенком по лестнице.

Проснувшись на следующее утро, Халса снова увидела Лучка, который лежал рядом на тюфяке. Теперь он выглядел не совсем мертвым. Девочка догадывалась, что если заговорит с кузеном, тот ответит. Но она боялась узнать от него правду.

Эсса тоже его увидела.

— Ты обзавелась тенью? — поинтересовалась она.

— Его зовут Лучок, — буркнула Халса.

— Помоги мне, — попросила Эсса.

Кто-то заранее нарубил побеги бамбука. Эсса забивала их в землю молотком, где надо подмазывала грязью, смешанной с камнями. Берд и кое-кто из других детей обвязывал бамбуковые

колья тростником. Стенки делают, догадалась Халса.

— Что мы строим? — спросила она.

— Скоро заявится армия, — ответил Берд. — Король вознамерился уничтожить город Перфил. Толсет отправился предупредить жителей.

— А что будет? — допытывалась Халса. — Колдуны защитят город?

Эсса уложила бамбуковую палку на две вкопанные стоймя, как перекладину.

— Люди могут укрыться на болотах, если захотят, — сказала она. — Армия сюда не сунется. Солдаты боятся колдунов.

— Боятся колдунов! — воскликнула Халса. — Да с чего бы? Колдуны трусы и дураки! Почему они не собираются защищать Перфил?

— Пойди и спроси у них, — разозлилась Эсса. — Если хватит храбрости.

— Халса, — проговорил Лучок.

Она отвела взгляд от сердитых глаз Эссы и в следующий миг сообразила, что видит двух Лучков. Первый — темный призрак из поезда — стоял на расстоянии вытянутой руки, а второй сидел у костра, где готовили еду. Он выглядел грязным, тощим, но вполне настоящим. Лучок-тень замерцал и растворился в воздухе.

— Лучок? — позвала Халса.

— Я выбрался из гор, — ответил мальчик. — Дней пять назад, кажется. Не знал, куда идти, разве что тебя видел тут. И я шел и шел. Ты все время была со мной, а я с тобой.

— Где Мик и Бонти? Где мама?

— С нами в поезде ехали две женщины. Богатые. Они обещали позаботиться о Мике и Бонти. И позаботятся. Я уверен, что позаботятся. Они ехали в Квал. Когда ты дала мне куклу, ты спасла поезд. Мы видели взрыв, но прошли сквозь него. Рельсы разлетелись, вокруг клубилось пламя и черный дым, но поезд не пострадал. Мы спасли всех.

— Где мама? — повторила Халса, хотя уже знала ответ.

Лучок молчал. Поезд остановился у неширокого ручья, чтобы набрать воды. Там была засада. Солдаты. Халса видела бутылку с льющейся из горлышка водой. И мать, выронившую бутылку из рук. Из ее спины торчала стрела.

— Мне очень жаль, — сказал Лучок. — Все боялись меня из-за того, что я спас поезд. Из-за того, что предвидел взрыв. А о засаде я не знал, и люди погибли. Поэтому я сошел с поезда.

— На, держи. — Берд протянул ему миску с овсянкой. — Только ешь медленнее. Еды хватает.

— А где колдуны Перфила? — спросил Лучок с набитым ртом.

Халса расхохоталась. Она смеялась, пока не заболели бока, пока Лучок не уставился на нее непонимающим взглядом, пока Эсса не толкнула ее в плечо.

— Не трать время впустую, — строго сказала Эсса. — Найди мальчику место, чтобы отдохнул. Видишь, как притомился?

— Давай шевелись, — поманила Халса Лучка. Можешь спать на моем тюфяке. Нет, конечно, если тебе нужна кровать, заберись наверх и попроси колдуна уступить свою.

Она привела Лучка в свой чуланчик под лестницей, и он тут же рухнул на тюфяк.

— Ты грязный! — возмутилась девочка. — Испачкаешь мне постель!

— Ну, прости… — ответил Лучок.

— Да ладно! Отстираем. Тут много воды. Ты еще голодный? А то могу сходить за добавкой?

— Я принес тебе кое-что, — пробормотал Лучок, протягивая на ладони серьги матери.

— Нет! — отдернулась Халса.

Она ненавидела себя. Яростно скребла руку, будто не укусы мошкары чесались, а хотелось вовсе содрать кожу. Лучок разглядел то, чего не замечал

раньше, нечто поразительное и жутковатое. К себе Халса была не добрее, чем к окружающим. Неудивительно, что кузина так мечтала об этих сережках, — удивительно другое: подобно змее, она грызла сама себя, когда не находилось никого поблизости. И как же она сейчас жалела, что не была добрее с матерью…

— Возьми их, — сказал Лучок. — Твоя мама обо мне заботилась, поэтому я хочу отдать их тебе. Моя мама тоже этого хотела.

— Ладно, — согласилась Халса. Подмывало разреветься, но вместо этого она продолжала скрести свою руку, которая побелела и покрылась красными расчесами. Она сунула серьги в карман. — А теперь спи.

— Я пришел сюда, потому что ты была здесь, — не унимался мальчик. Хотел рассказать тебе обо всем, что произошло. И что мне теперь делать?

— Спать!

— Ты расскажешь колдунам, что я пришел? Как мы спасли поезд… — Лучок зевнул так широко, что Халса забеспокоилась: не порвался бы рот. — Я могу быть слугой у колдунов Перфила?

— Там поглядим. Засыпай давай. А я поднимусь наверх и расскажу им, что ты пришел.

— Так странно… Я ощущаю их вокруг. Я рад ви-

деть тебя. И мне теперь нисколько не страшно.

Халса присела рядом с ним. Она не знала, как быть. Лучок какое-то время молчал, а потом тихонько позвал:

— Халса…

— Что?

— Я не могу уснуть, — сказал он смущенно.

— Ш-ш-ш… — Халса погладила его по грязным волосам и запела песню, которую любил ее отец.

Девочка держала руку Лучка, пока его сердце не забилось реже. Он уснул. Халса поднялась на верхний этаж и сказала колдуну за дверью:

— Я не понимаю. Почему вы прячетесь от мира? Разве не надоело прятаться?

Колдун не отвечал.

— Лучок храбрее вас. Эсса храбрее вас. Даже моя мать… — Халса сглотнула и продолжала: — Моя мать была храбрее вас. Долго вы будете не замечать меня? Какая от вас польза? Вы не отвечаете мне, не собираетесь помогать городу Перфилу. Вы разочаруете Лучка, когда он поймет, что вы безвылазно сидите в комнате и ждете, когда принесут поесть. Вам так нравится ждать? Ну и сидите сколько душе угодно! А я не собираюсь кормить вас, поить, таскать находки с болота. Хотите что-то получить — колдуйте! Или выхо-

дите и берите сами! А теперь можете превратить меня в жабу!

Девочка помолчала, проверяя, не исполнит ли колдун ее последнее предложение.

— Ну и ладно! Тогда до свидания!

И сбежала по ступенькам.

Колдуны Перфила ленивы и никчемны. Они не любят ходить вверх-вниз по лестницам и не хотят никого слушать. Они не отвечают на вопросы, потому что их уши забиты жуками и воском, их лица морщинисты и безобразны. В ущельях морщин обитают болотные феи, которые катаются на подкованных блохах, а те жиреют, питаясь магической кровью. Ночью колдуны Перфила чешут блошиные укусы, зато днем отсыпаются. Лучше быть слугой у последней посудомойки, чем у невидимого, трясущегося, почти слепого, искусанного блохами, обросшего мхом, с потными ладошками, высокомерного колдуна Перфила.

Халса заглянула к Лучку — не проснулся ли? А потом разыскала Эссу.

— Можешь проколоть мне уши? — спросила она.

— Это больно, — пожала плечами Эсса.

— Пускай.

Эсса сунула иглу в кипяток и проткнула мочки Халсы. Девочка даже обрадовалась боли. Она продела в дырочки серьги матери Лучка и пошла вместе с Эссой рыть отхожие места для горожан.

Толсет вернулся в сумерках, приведя с собой дюжину женщин и детей.

— А остальные? — удивилась Эсса.

— Одни не приняли мои слова всерьез, — ответил Толсет. — Они не доверяют тем, кто связан с колдовством. Другие решили остаться и оборонять город. А есть такие, что ушли в Квал, пешком, по рельсам.

— А где сейчас армия? — спросил Берд.

— Уже близко, — вздохнула Халса, а Толсет кивнул.

Горожанки принесли с собой еду и одеяла. Они выглядели растерянными и напуганными, но кто тому виной: приближающиеся солдаты или колдуны Перфила — можно было лишь догадываться. Женщины ходили, опустив глаза. Даже не глядели на башни, а если дети проявляли любопытство, взрослые ругали их приглушенными голосами.

— Не делайте глупостей! — сердито сказала Халса одной из них, чей сын заигрался и подошел слишком близко к башне.

Мать так тряхнула его, что ребенок расплакался и никак не мог успокоиться. Что она себе понапридумывала? Что колдуны будут есть немытых детей, роющих ямки в земле?

— Колдуны ленивые, нелюдимые и неопасные, — объяснила девочка. — Они живут сами по себе и никого не трогают.

Но женщина только пялилась на Халсу, и девочка догадалась, что ее боятся ничуть не меньше, чем колдунов Перфила. Неужели она такая страшная?

И Мик, и Бонти, и Лучок всегда ее опасались, так ведь у них были на то серьезные основания. Но с тех пор она сильно изменилась. Стала мягкой и податливой, словно масло.

Толсет, возившийся с ужином, фыркнул, будто прочитал ее мысли, а женщина, подхватив ребенка на руки, убежала прочь. Можно подумать, Халса сейчас раскроет рот и обоих проглотит…

— Халса, погляди-ка!

Ее позвал Лучок, выспавшийся, но такой грязный, что от него разило на два ярда. Надо бы сжечь его одежду. Но на самом деле девочка радовалась — он живой, сумел ее отыскать, и теперь они вместе. Лучок вышел из ее башни, где отдыхал на ее тюфяке, в ее каморке, и пустяки,

что он такой замарашка.

Он указывал на восток, в направлении Перфила. Над болотами растекалось багровое зарево, как будто солнце вздумало вставать вместо того, чтобы садиться. Все притихли, глядя на восток, словно могли увидеть на таком расстоянии, что же случилось с Перфилом. Теперь ветер имел привкус дыма и пепла.

— В Перфиле война, — сказала одна из женщин.

— Чья армия пришла туда? — спросила другая, хотя кто здесь мог это знать.

— А какая разница! — воскликнула первая. — Они все одинаковые. Мой старший пошел служить в армию короля, а самый младший примкнул к генералу Болдеру. Они сожгли уйму городов и сел, убили чужих сыновей, а когда-нибудь, очень может статься, прикончат друг дружку. Если город грабят и жгут, не все ли равно, какая армия это делает? Корове не все равно, кто ее зарежет?

— Они будут нас искать, — произнес кто-то тоскливо. — Обязательно доберутся сюда и всех убьют.

— Да не будет ничего! — громко ответил Толсет — само спокойствие и уверенность. — Никто вас

здесь не найдет. Сохраняйте спокойствие хотя бы ради своих детей. Все обойдется.

— Можно подумать… — прошептала Халса.

Она застыла, уперев руки в бока, и глазела на башни колдунов. Как обычно, чародеям ни до кого не было дела. Они не обрушили на девочку молнию за нахальство. Они даже не высовывались из окон, чтобы, ничего не предпринимая, посмотреть на пылающий Перфил. Может, колдуны уже мирно спят в своих кроватях и видят во сне завтраки, обеды, ужины?

Девочка пошла заодно с Бердом и Эссой готовить постели для беженцев. Лучок взялся крошить стебли дикого лука в горшок с тушеным мясом.

«Надо заставить его выкупаться, — подумала Халса. — Сам-то нипочем не догадается».

Ни один слуга колдунов Перфила не спал. Слишком много работы пришлось доделывать: закончить отхожие места, найти заблудившегося ребенка, пока он не захлебнулся в трясине или не встретил дракона. Маленькая девочка упала в яму, и пришлось ее вытаскивать.

Еще до восхода солнца прибыли новые беженцы из Перфила. Они приходили по двое, по трое, пока на лугу не собралось больше ста человек.

Некоторые были ранены или обожжены, кое-кто не мог опомниться от пережитого ужаса. Пришлось готовить для них повязки из нательного белья, варить на костре пряное и горькое, без какой-либо магии, целебное зелье. Люди слонялись по лагерю, пытаясь узнать хоть что-нибудь о потерявшихся родственниках или друзьях. Уже уснувшие маленькие дети пробудились и принялись реветь во весь голос.

— Они изрубили градоначальника и его жену мечами, — сказал один мужчина.

— Теперь пойдут на столицу, против короля, — предположила старуха. — Но наша армия остановит их.

— А это и была наша армия! Я видел сына мясника и среднего сына Филпота. Они заявили, что мы продались врагам родины. Их прислал король, чтобы преподать нам урок. Церковь около рынка сожгли дотла, а священника вздернули на колокольне.

На земле лежала девочка не старше Мика и Бонти. Ее лицо посерело. Когда Толсет легонько прикоснулся к ее животу, она тоненько завизжала — нечеловеческим голосом, как показалось Лучку. Болота так бурлили магией, что он не мог прочесть ее мысли. Может, оно и к лучшему.

— Что с ней? — спросил Толсет у человека, доставившего ребенка в лагерь.

— Не удержалась на ногах, и ее затоптали.

Лучок, глядя на девочку, дышал глубоко и размеренно, как будто мог чем-то помочь. А Халса следила за ним.

— Довольно, — сказала она наконец. — Вставай, Лучок.

Она потащила его прочь от Толсета и умирающей девочки, сквозь толпу беженцев.

— Куда мы идем? — спросил Лучок.

— Я хочу заставить колдунов спуститься! Мне надоело делать за них всю работу. Я вышибу эту дурацкую дверь. Я стащу их вниз по этой дурацкой лестнице. Я заставлю их помочь девочке.

На сей раз лестница казалась очень длинной. Ну, само собой, проклятые колдуны Перфила знали, что она задумала. Похоже, теперь это их любимая шутка — наращивать лестницу до бесконечности. Колдуны дождутся, когда они с Лучком доберутся до самого верха, и превратят их в ящериц. Может, это не так уж и плохо — сделаться юркой ядовитой рептилией? Можно протиснуться под дверь и укусить мерзкого колдуна. Дети поднимались и поднимались, спотыкаясь и прыгая через ступеньки, и уже

казалось, что они взбираются прямо в небо. Когда лестница внезапно закончилась, девочка не смогла остановиться и так стукнулась лбом о дверь, что перед глазами заплясали звездочки.

— Халса? — наклонился к ней Лучок.

Он выглядел до того напуганным, что она едва не рассмеялась.

— Все хорошо, — ответила кузина. — Было бы, если бы не колдуны с их увертками. — Она постучала в дверь, а потом заколотила кулаками. — А ну выходите!

— Что ты делаешь? — удивился мальчик.

— Никакого толка! Надо было топор прихватить.

— Дай я попробую.

Халса пожала плечами, и Лучок отлично расслышал ее мысль: «Вот глупый!»

— Давай, пробуй, — сказала она вслух.

Лучок приложил ладонь к двери и толкнул. Она распахнулась.

Оглянувшись на Халсу, мальчик сказал:

— Прости…

Халса шагнула через порог.

Посреди комнаты стоял стол, на котором горела одинокая свеча. Дальше — ровно заправленная кровать, на стене зеркало. И никаких колдунов

Перфила. Даже под кроватью, уж Халса-то проверила.

Подойдя к окну, девочка выглянула. Прямо под ней на лугу раскинулся наспех сооруженный лагерь, а дальше расстилались болота. Открытая вода сияла серебром. Восходящее солнце буднично взбиралось на небо. Смотреть на окна других башен отсюда было непривычно, но они все пустовали. Над трясиной парили белые птицы. «Не это ли колдуны?» — подумала Халса и пожалела, что у нее нет лука и стрел.

— А где же колдун? — спросил Лучок.

Он потыкал пальцем в кровать. Может, колдун превратился в нее? Или в стол? Способен ли человек обернуться столом?

— Нет никаких колдунов! — воскликнула Халса.

— Но я же чувствую их! — вздохнул Лучок, а потом вздохнул еще глубже.

Он, можно сказать, ощущал их запах, как если бы колдуны превратились в дымку или туман. Мальчик громко чихнул.

Услышав шаги на лестнице, они с Халсой обернулись — вдруг колдун идет к ним? Но это оказался всего-навсего Толсет, усталый и взмокший, словно он преодолел очень много ступенек.

— Где колдуны Перфила? — набросилась на него девочка.

— Погоди, дай чуть-чуть отдышаться.

Халса топнула ногой, а Лучок уселся на кровать, мысленно попросив прощения на тот случай, если это и в самом деле колдун. А может, колдун — это свеча? Интересно, что будет, если попробовать задуть колдуна? «А Халса готова лопнуть от злости», — подумал он.

Толсет присел на кровать рядом с Лучком.

— Это случилось давным-давно, — начал он. — Отец нынешнего короля посетил колдунов Перфила. У него были вещие сны о своем сыне, тогда еще малыше. Сны пугали его величество. Колдуны подтвердили: опасения небеспочвенны. Его сын рано или поздно сойдет с ума, по его вине начнутся войны и голод. Старый король рассвирепел. Он повелел своим верным слугам сбросить колдунов с башен. Приказ был успешно выполнен.

— Погоди! — воскликнул Лучок. — Погоди! А что сталось с колдунами? Они обернулись белыми птицами и улетели?

— Нет, — покачал головой Толсет. — Люди короля перерезали им глотки, а вниз летели уже трупы. Я в тот день отсутствовал, а когда вер-

нулся, увидел только разграбленные башни и мертвых колдунов.

— Нет! — возмутилась Халса. — Почему ты врешь? Я знаю, что колдуны где-то здесь. Они каким-то образом прячутся. Они трусы!

— И я их чувствую, — согласился Лучок.

— Идите взгляните. — Толсет встал и подвел детей к окну.

Внизу они увидели Эссу и других слуг колдунов, ходивших в толпе беженцев из Перфила. Две старухи, которые никогда ни с кем не разговаривали, разбирали кучи старой одежды и одеял. Тощий мужчина пытался привязать корову. Берд придерживал дверцу самодельного курятника, а другие дети загоняли туда птиц. Одна из девочек помладше, Перла, напевала колыбельную младенцу. Ее голос, хрипловатый, но довольно приятный, поднимался до самых окон башни, откуда выглядывали Толсет, Халса и Лучок. Эту песню они узнали, в ней речь шла о том, что все будет хорошо.

— Как же вы до сих пор не догадались? — сказал детям Толсет, колдун Перфила. — Колдуны есть, вот только большинство из них молоды и не вошли в полную силу. Но все еще может закончиться хорошо.

— Так это Эсса — колдунья Перфила? — удивилась Халса.

Эсса, с лопатой в руке, подняла голову, будто услыхала девочку. Улыбнулась, пожала плечами, будто желая сказать: может, я, а может, и не я, но шутка-то удалась, согласись.

Толсет развернул Халсу и Лучка так, чтобы они оказались прямо перед висевшим на стене зеркалом. Сжал ненадолго их плечи своими сильными пятнистыми руками, будто желая придать храбрости, а потом указал на отражение. Пока дети изумленно таращились на самих себя, Толсет смеялся. Он хохотал так громко и фыркал так сильно, что слезы полились из глаз. Халса и Лучок, не в силах сопротивляться веселью, тоже захихикали. Комнату колдуна переполняла магия, как и болота, и Толсета, и зеркало. Да и дети тоже дышали магией.

Толсет ткнул пальцем в зеркало, а его отражение указало на Халсу и Лучка.

— Они перед вами! Ха! Вы не узнали их? Вот они — колдуны Перфила!

перевод В. Русанова

Нил Гейман
КАК ПРОДАТЬ ПОНТИЙСКИЙ МОСТ

Последний роман Нила Геймана, международный бестселлер «История с кладбищем» («The Graveyard Book»), завоевал престижную медаль Ньюбери, которая присуждается за выдающийся вклад в литературу для детей. Его перу также принадлежат романы «Американские боги» («American Gods»), «Коралина» («Coraline»), «Никогде» («Neverwhere») и «Сыновья Ананси» («Anansi Boys»). Гейман — автор не только романов, но и популярной серии комиксов «Песочный Человек» («The Sandman»), а его книги «Коралина» и «Звездная пыль» («Stardust») недавно были экранизированы. Рассказы Геймана неоднократно публиковались в журналах и антологиях, включая мои: «Нежить» («The Living Dead»), «By Blood We Live» и «The Improbable Adventures of Sherlock Holmes». Большая часть его рассказов

представлена в авторских сборниках «Дым и зеркала» («Smoke and Mirrors»), «Хрупкие вещи» («Fragile Things») и «Mis for Magic». Его последняя книга представляет собой изданный в твердом переплете сборник стихотворений «Instructions» с иллюстрациями Чарльза Весса.

Большинству американцев, наверное, знакомо выражение «ему можно продать Бруклинский мост». Под этим подразумевается предельная доверчивость, когда человек готов выложить деньги жулику, предлагающему «купить» столь известную достопримечательность. Хотите верьте, хотите нет, но эта расхожая метафора опирается на подлинное мошенничество, жертвами которого становились все новые и новые иммигранты, наивно поверившие в Америку как страну великих возможностей. Аферисты узнавали маршруты полицейских патрулей и выставляли знаки «Мост на продажу», когда точно знали, что поблизости не окажется полиции. А та не уставала гнать взашей обманутых простаков, пытавшихся взимать плату за проезд по

«их» мосту. Когда приезжие поумнели, афера сошла на нет, но сохранилась в кинофильмах — например, «Каждый день праздник», и даже в мультсериале «Багз Банни».

Наш следующий рассказ о клубе жуликов преподносит эту старую историю в новом свете, хотя мост, о котором в ней идет речь, намного больше, а мошенничество — грандиознее.

Мой любимый клуб жуликов — старейший, но самый строгий в Семи Мирах. Свободное сообщество прохвостов, обманщиков, махинаторов и мошенников основало его почти семьдесят тысяч лет назад. Неоднократно он был воспроизведен в других местах (в последний раз это произошло совсем недавно, какие-то жалкие пятьсот лет назад, в лондонском Сити), но ни один из новоявленных клубов не совпадает по атмосфере с первоначальным клубом жуликов в Забытом Карнадайне. Ни в одном клубе не отбирают членов столь придирчиво.

А в клубе жуликов Забытого Карнадайна состоят сливки избранных. Вы поймете, что это за публика, если я поясню, что видел собственными

глазами, как в его многочисленных помещениях прохаживались, сидели, закусывали и беседовали такие знаменитости, как Дараксиус Ло (продавший племени Кзем жабокрысу по случаю религиозного праздника), Проттл (впаривший королю Вандарии его собственный дворец) и самозваный лорд Нифф (шептались, что это он придумал «фокс-твист» — аферу, погубившую банк «Казино-Гранд»). Добавлю, что я видел Жуликов с большой буквы, известных во многих мирах, — Жуликов, которых не допустили даже к секретарю для обсуждения возможного членства. Помню, как мимо меня прошли и спустились по лестнице известный финансист в обществе главы хай-бразильской мафии и один видный премьер-министр; по их перекошенным лицам было ясно, что им запретили даже мечтать о возвращении. Нет, право слово, в клубе жуликов обретаются лишь птицы самого высокого полета. Не сомневаюсь, что о каждом из них вы слышали. Конечно, вовсе не настоящие имена касались ваших ушей, но что-то припоминается, да?

Сам я удостоился членства благодаря удачному творческому исследованию, повлиявшему на мышление целого поколения. Я пренебрег стандартной методологией и подошел к делу с

выдумкой, за что и стал членом клуба; с тех пор, оказываясь в этом секторе космоса, я непременно выкраиваю вечер, чтобы предаться остроумным беседам, отведать изысканных напитков и выслушать соображения моих единомышленников в вопросах морали.

Был поздний вечер; в камине потрескивали поленья, а наша скромная компания расположилась в алькове величественного зала, попивая отменные темные вина со Спидирина.

— Конечно, — говорил один из моих новых друзей, — на свете есть махинации, к которым не прибегнет ни один уважающий себя жулик, — настолько они стары, безвкусны и затерты. Продать, например, туристу Понтийский мост.

— В моем мире то же самое можно проделать с колонной Нельсона, Эйфелевой башней и Бруклинским мостом, — подхватил я. — Мелкая, убогая афера — в ней шика не больше, чем в обычном наперсточничестве. Но есть и плюс: никому из продавших Понтийский мост не бывать членом такого клуба, как наш.

— Неужели? — негромко осведомились из угла. — Удивительно. Лично я стал членом клуба именно потому, что продал Понтийский мост.

Высокий джентльмен, совершенно лысый и

безупречно одетый, встал с кресла и приблизился к нам. Он досасывал мякоть нездешнего фрукта руум и улыбался — очевидно, был доволен произведенным эффектом. Приблизившись, подтянул диванную подушку и сел.

— Мы вроде бы не знакомы, — заметил он.

Мои друзья представились (седая ловчила Злорада и низенький спокойный прохвост Красношляп). Я тоже назвался.

Его улыбка стала шире.

— Ваша слава опережает вас, я польщен. Зовите меня Горностаем.

— Горностай? — повторила Злорада. — Я слышала лишь об одном Горностае — тот провернул дело с воздушным змеем в Дералне, но это было… помилуйте, больше ста лет назад. О чем я говорю? Не иначе, вы просто назвали себя в его честь.

— Вы очень умны, — молвил Горностай. — Конечно же, я не могу быть тем самым Горностаем. — Он подался вперед на подушке. — Вы, стало быть, говорили о продаже Понтийского моста?

— Совершенно верно.

— И все вы придерживаетесь мнения, что продажа Понтийского моста — мелкое жульничество, недостойное члена этого клуба? Вполне возможно, что вы правы. Давайте рассмотрим

составные части хорошей аферы. — Он начал загибать пальцы на левой руке. — Во-первых, афера должна вызывать доверие. Во-вторых, она должна быть простой — чем мудренее, тем легче совершить ошибку. В-третьих, надувать простофилю нужно так, чтобы он даже не помыслил нажаловаться властям. В-четвертых, всякое элегантное жульничество опирается на человеческую жадность и тщеславие. И наконец, оно требует доверия — безоглядной веры, если угодно.

— Разумеется, — согласилась Злорада.

— Итак, вы утверждаете, что продажа Понтийского моста или любой другой достопримечательности, вам не принадлежащей, не соответствует этим требованиям? Джентльмены и леди, позвольте рассказать вам мою историю.

Я прибыл в Понти несколько лет назад почти без гроша за душой. Ну что такое тридцать золотых крон, когда позарез нужен миллион? Зачем нужен? Боюсь, это уже другая история. Я подсчитал мои активы — кроны плюс несколько приличных костюмов. Я бегло говорю на понтийском аристократическом наречии и, что уж тут скромничать, не лишен лоска. И все же я не видел никакого шанса разжиться нужной

суммой к нужному времени. Мой ум, обычно фонтанирующий изящными комбинациями, был совершенно пуст. А потому, поручив богам ниспослать мне вдохновение, я отправился на экскурсию по городу…

Понти простирается на юг и восток; это свободный портовый город у подножия Рассветных гор. Не ограничиваемый ничем, он раскинулся на берегах Рассветного залива — красивой природной гавани. Берега залива соединены мостом, почти две тысячи лет назад созданным из самоцветов, известкового раствора и заклинаний. Планы его строительства вызывали насмешки, так как никто не верил, что сооружение в полмили шириной удастся возвести, а если и удастся — что оно выстоит. Однако смешки сменились благоговейными вздохами и гражданской гордостью — над Рассветным заливом протянулась совершенная конструкция, игравшая в лучах солнца всеми цветами радуги.

Экскурсовод остановился у его подножия.

— Как видите, леди и джентльмены, при внимательном рассмотрении открывается, что мост целиком состоит из драгоценных камней: рубинов, бриллиантов, сапфиров, изумрудов, хриолантов, карбункулов и прочих. Их скрепляет

прозрачный известковый раствор, созданный из первичной магии премудрыми близнецами Хрольгаром и Хрильтфгуром. Все самоцветы подлинные — прошу не заблуждаться на сей счет — и были собраны со всех пяти углов мира Эммидусом, тогдашним королем Понти.

Мальчуган, стоявший впереди группы, повернулся к матери и громко сказал:

— Мы его в школе проходили. Его звали Эммидусом Последним, потому что после него других не было. И нам говорили…

Экскурсовод деликатно вмешался:

— Молодой человек совершенно прав. Приобретая самоцветы, король Эммидус разорил город-государство и тем подготовил почву для нынешнего благодетельного Правящего Анклава.

Мать выкручивала сынуле ухо, и это весьма воодушевляло экскурсовода.

— Уверен, вы слышали, что мошенники неизменно пытаются облапошить туристов, выдавая себя за представителей Правящего Анклава и владельцев моста. Якобы уполномоченные его продать, они получают внушительный задаток и скрываются. Для ясности сообщу, — он говорил это по пять раз на дню и смеялся вместе с туристами, — что мост никоим образом не может

быть продан.

Шутка, хоть и бородатая, была безотказной.

Его подопечные устремились на мост, и только мальчик заметил, что один не сдвинулся с места. Высокий, совершенно лысый мужчина стоял, погруженный в раздумья. Мальчик хотел оповестить остальных, но у него болело ухо, а потому он ничего не сказал.

Лысый вдруг улыбнулся.

— Не продается, говорите? — переспросил он.

Затем повернулся и зашагал обратно в город.

Игра напоминала теннис: большие ракетки с толстыми струнами и вместо мячей — черепа, инкрустированные самоцветами. Лупить по черепам было очень приятно; при точном попадании слышался приятный щелчок, и столь же приятной казалась большая парабола, по которой череп летел через мраморный корт. Штуковины эти никогда не сидели на людских плечах: ценой многих жизней и серьезных расходов их добыли у демонов-горцев, после чего украсили драгоценностями в мастерских Картуса, так что глазницы вкупе с нижней челюстью засияли изумрудами и рубинами в серебряной кружевной оправе.

Картус вынул из пирамиды очередной череп и поднял к свету, восторгаясь мастерством,

благодаря которому камни, освещенные под определенным углом, как будто сияли сами собой изнутри. Он мог назвать точную стоимость и место добычи каждого камня — вплоть до прииска. Черепа тоже были прекрасны: молочно-перламутровая кость, прозрачная и тонкая. Раса демонов, ставшая жертвой охоты, оказалась на грани исчезновения, и замены черепам практически не было.

Он послал череп через сетку. Аатиа искусно отбила, вынудив его метнуться навстречу (его шаги эхом отдавались от холодного мраморного пола) и — щелк! — сделать обратный пас.

Она почти успела. Почти, но не совсем: череп миновал ракетку, устремился к каменному полу и далее, в каком-то дюйме от тверди, остановился, чуть покачиваясь, как будто погруженный в жидкость или магнитное поле.

Конечно, дело было в магии, которая обошлась Картусу дороже всего прочего. Он мог себе это позволить.

— Очко, сударыня, — изрек он с низким поклоном.

Аатиа, его партнерша во всем, кроме любви, промолчала. Ее глаза сверкнули подобно льдинкам — или самоцветам, которые и составляли

единственный предмет ее обожания. Картус и Аатиа, торговцы драгоценностями, были странной парой.

За спиной у Картуса кто-то отчетливо кашлянул. Тот обернулся и увидел раба в белой тунике, державшего пергаментный свиток.

— В чем дело? — спросил Картус и тыльной стороной кисти вытер со лба пот.

— Послание, господин. Человек, его передавший, утверждал, что это срочно.

— От кого оно? — хрюкнул Картус.

— Я не распечатывал. Мне сказали, что оно для вас и госпожи Аатиа, и больше ни для кого.

Картус уставился на пергаментный свиток, но брать его не спешил. Он был крупным мужчиной с мясистым озабоченным лицом и редеющей песочной шевелюрой. Его конкуренты — таких было много, ибо Понти с годами стал центром оптовой торговли драгоценностями, — усвоили, что данное выражение лица не имело ничего общего с тайными чувствами его обладателя. Во многих случаях урок стоил им денег.

— Картус, возьми письмо, — велела Аатиа, а когда он не послушал, обошла сетку и выхватила у раба свиток. — Оставь нас.

Раб был бос и ступал по холодному мрамору

бесшумно.

Аатиа взломала печать стилетом, извлеченным из рукава, и развернула свиток. Она пробежала глазами написанное, затем прочла еще раз, медленнее. И присвистнула.

— Взгляни…

Картус взял свиток и прочел.

— Я… представления не имею, что с этим делать, — признался он голосом тонким и раздраженным. Рассеянно потер ракеткой маленький крестовидный шрам на правой щеке. Медальон, который висел на шее и обозначал его принадлежность к Высокому совету Понтийской гильдии ювелиров, на миг пристал к потной коже и сразу отлип. — Что думаешь, цветик?

— Я тебе не «цветик».

— Разумеется нет, сударыня.

— Уже лучше, Картус. Мы таки сделаем из тебя приличного гражданина Итак, начнем с того, что имя явно вымышленное. Глю Кролл — да неужели? В Понти людей с таким именем больше, чем у тебя алмазов на складах. Адрес — конечно же, контора, арендованная в Подгорье. На восковой печати нет отпечатка кольца. Похоже, он из кожи вон лез, чтобы сохранить анонимность.

— Да, вижу. Но о каком деловом предложении

он пишет? И если в деле, по его словам, участвует Правящий Анклав, то почему такая секретность?

Она пожала плечами.

— Правящий Анклав никогда не гнушался секретностью. А речь, судя по намекам, может идти о больших деньгах.

Картус помолчал. Он нагнулся к черепам, прислонил к пирамиде ракетку, а рядом положил свиток. Взял череп побольше и начал поглаживать короткими толстыми пальцами.

— Видишь ли, — заговорил он, будто обращаясь к черепу, — это может быть шансом обскакать подлецов из Высокого совета гильдии. Этих аристократов-недоумков с гнилой кровью.

— Речь раба, — отозвалась Аатиа. — Если бы не мое имя, не видать бы тебе членства в совете.

— Замолчи! — Его лицо выражало смутную тревогу, однако это не значило ничего. — Я могу им показать, где раки зимуют. И покажу. Вот увидишь.

Он подбросил череп на руке, как бы прикидывая вес — наслаждаясь им и подсчитывая стоимость кости, самоцветов и филигранного серебра Затем с удивительным для своего сложения проворством повернулся и что было сил метнул череп в колонну, высившуюся далеко за

пределами игрового поля. Тот, казалось, навечно завис в воздухе, а потом с болезненной неспешностью врезался в столб и разлетелся на тысячу кусков. Звон, с которым они посыпались — почти музыкальный, — был прекрасен.

— Пойду переоденусь и встречусь с этим Глю Кроллом, — проворчал Картус.

Он удалился, прихватив свиток. Аатиа проводила его взглядом и хлопнула в ладоши, призывая раба для уборки.

Подобные сотам пещеры в скалах на северном берегу Рассветного залива, которые спускаются в самый залив, под мост, зовутся Подгорьем. В дверях Картус скинул одежды, вручил их своему рабу и сошел по узким каменным ступеням. Он невольно содрогнулся всем телом, когда ступил в воду (аристократы предпочитали температуру чуть ниже градуса крови, но после жаркого дня все равно было зябко), и поплыл по коридору к аванложе. Стены мерцали отраженным светом. В воде дрейфовали еще четверо мужчин и две женщины. Они возлежали на больших деревянных плотах, элегантно выполненных в форме рыб и водоплавающих птиц. Картус подплыл к пустовавшему плоту — дельфину — и взгромоздился на него. На Картусе, как и на прочих, не

было ничего, кроме медальона Высокого совета гильдии ювелиров. Все члены Высокого совета были в сборе — кроме одного.

— А где президент? — спросил Картус, не обращаясь ни к кому конкретно.

Костлявая женщина с безупречной белой кожей указала на одно из внутренних помещений. Она зевнула и потянулась, вся изогнувшись волной, так что в конце соскользнула с плота — огромного лебедя. Картус завидовал ей и ненавидел ее: сей пируэт был из числа двенадцати так называемых благородных нырков. Он знал, что никогда так не сможет, хотя тренировался много лет.

— Ведьма оранжерейная, — пробормотал он чуть слышно.

Тем не менее присутствие остальных членов совета было фактом отрадным. Хотя у Картуса свербила мысль, не знает ли кто-то из них больше его самого.

Позади раздался плеск, и он обернулся. Уоммет, президент совета, вцепился в его плот. Они поклонились друг другу, после чего Уоммет (карлик-горбун, чей пра- и еще много раз прапрадед разбогател, когда нашел для короля Эммидуса разорившие Понти самоцветы и тем заложил

основу для господства Правящего Анклава, пребывавшего у власти две тысячи лет) изрек:

— Ваша очередь с ним говорить, мессир Картус. По коридору налево. Первая комната.

С плотов на Картуса бесстрастно взирали остальные члены совета. Они были высшей знатью Понти, а потому скрывали зависть и раздражение, вызванные тем, что Картус пройдет вперед них. Хотя удавалось им это скверно. В глубине души Картус возликовал.

Он подавил желание спросить у горбуна о сути дела и соскользнул с плота. В глаза ему плеснула подогретая морская вода.

Помещение, где ждал Грю Кролл, располагалось на несколько скальных ступеней выше; там было сухо, темно и дымно. Одинокая лампа горела, мигая, на столе в центре комнаты. На стуле висел халат, и Картус набросил его. В тени, вне света лампы, стоял человек, но Картус легко определил, что тот высок и абсолютно лыс.

— Да сопутствует вам удача, — произнес учтивый голос.

— И вашему дому, и роду тоже, — отозвался Картус.

— Присаживайтесь, прошу вас. Не сомневаюсь, что из моего послания вы поняли: речь идет о

деле, которое находится в компетенции Правящего Анклава. Теперь, прежде чем продолжить, я прошу вас прочесть и подписать соглашение о секретности. Не спешите, времени у нас достаточно.

Он подтолкнул бумагу через стол: это был внушительный документ, обязывавший Картуса хранить в тайне все, что будет обсуждаться в ходе их встречи, под страхом «крайнего неудовольствия» Правящего Анклава — вежливый эвфемизм смертной казни. Картус прочел его дважды.

— А в этом… нет ли чего-то противозаконного?

— Простите?

Учтивый голос зазвучал оскорбленно. Картус пожал своими огромными плечами и подписал. Бумагу изъяли из его рук и положили в сундук, стоявший в дальнем конце зала.

— Очень хорошо. Теперь мы можем перейти к делу. Выпьете? Закурите? Нюхнете? Нет? Прекрасно.

Пауза.

— Вы, вероятно, уже догадались, что Глю Кролл — не настоящее мое имя. Я младший администратор Правящего Анклава.

Картус хрюкнул, ибо его подозрения подтвер-

дились, и почесал ухо.

— Мессир Картус, что вам известно о Понтийском мосте?

— То же, что и всем. Национальная достопримечательность. Зрелище для туристов. Весьма впечатляет любителей такого рода вещей. Построен из самоцветов и магии. Не все драгоценности высшей пробы, хотя вершина украшена розовым алмазом величиной с детский кулачок — говорят, он безупречен…

— Очень хорошо. Знакомо ли вам понятие о периоде полураспада магии?

Нет, не знакомо. Во всяком случае, Картус не припоминал.

— Период полураспада магии, мессир, есть чернокнижный термин, обозначающий время, на протяжении которого продолжает действовать магия после кончины мага, колдуна, ведьмы и прочих. Чары заурядной деревенской ведьмы начинают улетучиваться в момент ее смерти. На противоположном конце шкалы — феномены вроде Змееморья, где всецело волшебные морские змеи резвятся и нежатся вот уже почти девять тысячелетий со дня казни Килимвай Ла, их создателя.

— Это так. Верно. Это я знаю, да.

— Прекрасно. Тогда вы поймете всю важность моих слов. Период полураспада Понтийского моста, по расчетам наших мудрейших натурфилософов, составляет чуть больше двух тысяч лет. Скоро — возможно, что очень скоро, мессир, — он начнет крошиться и рушиться.

Толстяк-ювелир потрясенно ахнул.

— Какой ужас! Если об этом узнают…

Он умолк, просчитывая последствия.

— Совершенно верно. Начнется паника. Неприятности. Разброд. Нельзя, чтобы известия об этом просочились, пока мы не подготовимся, — отсюда и секретность.

— Пожалуй, теперь я выпью, — молвил Картус.

— Весьма разумно с вашей стороны. — Лысый аристократ откупорил хрустальный флакон, наполнил кубок прозрачным голубым вином, протянул его через стол и продолжил: — Любой ювелир — а тех, что справятся с такой задачей, в Понти всего семь, ну, может быть, где-то найдется еще пара, — который получит право на снос Понтийского моста и хранение его элементов, окупит расходы одной лишь рекламой, не говоря о стоимости самоцветов. Моя задача — ввести в курс дела самых уважаемых в городе оптовых торговцев драгоценностями. Правящий Анклав

имеет некоторые соображения. Вы понимаете, что если все самоцветы будут разом выброшены на понтийский рынок, они почти полностью обесценятся. В обмен на предоставление моста в его безусловную собственность торговец обязан возвести под ним резервуар: когда мост начнет крошиться, торговец будет собирать драгоценности с правом продать в пределах города не более половины процента. Вы как старший партнер компании «Картус и Аатиа» входите в круг людей, намеченных мною для обсуждения данного вопроса.

Ювелир покачал головой. Звучало даже слишком хорошо, чтобы быть правдой, — если он сумеет наложить лапу.

— Что-то еще? — осведомился он безразлично.

— Я лишь скромный служитель Анклава, — откликнулся лысый. — Его члены, со своей стороны, захотят на этом нажиться. Каждый из вас при моем посредничестве станет участником тендера. Ювелирам будет запрещено совещаться друг с другом. Анклав выберет лучшую заявку, после чего победителя назовут на открытом официальном заседании, и только потом — подчеркиваю: только потом — он внесет деньги в городскую казну Преимущества, насколько я понимаю,

получит заявка, в которой прозвучит обязательство построить новый мост — полагаю, что из материалов куда более скромных, — и оплатить паромные перевозки для горожан на время его отсутствия.

— Понимаю.

Собеседник воззрился на Картуса. Ювелиру почудилось, что пристальный взгляд проникает в сокровенные глубины его души.

— У вас ровно пять дней на подачу заявки, Картус. Позвольте предупредить вас о двух вещах. Во-первых, малейший намек на консультации с прочими ювелирами повлечет за собой «крайнее неудовольствие» со стороны Правящего Анклава. Во-вторых, если хоть кто-то прознает об усталости материала, мы не будем тратить время на выяснение, кто именно из вас раскрыл рот слишком широко и не слишком удачно. Высокий совет Понтийской гильдии ювелиров заменят другим органом, а ваш бизнес будет отчужден в пользу города — возможно, в качестве призового фонда для следующих Осенних игр. Я понятно выражаюсь?

Слова застряли у Картуса в горле. Все же он выдавил:

— Да.

— Тогда ступайте. Пять дней на заявку, не забудьте. Пригласите следующего.

Картус покинул помещение, словно во сне. «Ваша очередь», — прокаркал он в аванложе ближайшему члену Высокого совета и испытал облегчение, когда оказался снаружи, на свежем воздухе и при свете дня. Высоко над ним вздымался драгоценный Понтийский мост — стоял, как прежде, вот уже две тысячи лет: сверкая, мерцая и изливая на город огни.

Он прищурился: показалось или и впрямь самоцветы поблекли, опоры обветшали, так что блистательный мост выглядит чуть менее прекрасным? Не убавилось ли в нем привычной основательности?

Картус начал подсчитывать стоимость моста, оперируя весом и объемом самоцветов. Как будет относиться к партнеру Аатиа, когда получит от него розовый алмаз с вершины? Что до Высокого совета, тот перестанет видеть скороспелого выскочку в человеке, купившем Понтийский мост.

Да нечего и думать — его статус поднимется до невообразимых высот.

Человек, назвавшийся Глю Кроллом, принимал купца за купцом. На известие об усталости материала, составлявшего Понтийский мост,

все реагировали по-своему — изумлением или смехом, скорбью или унынием. А под покровом насмешек и смятения каждый прикидывал приход и расход, оценивал соперников и предугадывал их шаги, тормошил шпионов в торговых домах конкурентов.

Сам Картус никому ничего не сказал — даже своей обожаемой, недосягаемой Аатиа. Запершись в кабинете, он писал заявки, потом рвал в клочья и писал новые. Другие ювелиры были заняты тем же.

Камин в клубе жуликов догорел; осталось лишь несколько угольков, тлевших в золе. Рассвет посеребрил небо. Злорада, Красношляп и я всю ночь внимали человеку по прозвищу Горностай. Именно в этом пункте рассказа он откинулся на подушки и ухмыльнулся.

— Вот и все, друзья мои, — молвил он. — Идеальное надувательство. Что скажете?

Я посмотрел на Злораду и Красношляпа и с облегчением увидел, что они пребывают в недоумении не меньшем, чем мое.

— Прошу прощения, — произнес Красношляп. — Я не усматриваю…

— Ах, не усматриваете? А вы что скажете, Злорада? Вы усматриваете? Или у вас с глазами

неладно?

Злорада сидела с серьезным видом.

— Ну что ж… Очевидно, вы убедили всех, что представляете Правящий Анклав… и это блестящая идея — собрать всех купцов в аванложе. Но я не понимаю, в чем была ваша корысть. Вы сказали, что хотели добыть миллион, но никто из них не собирался вам платить. Они будут ждать официального заявления, чтобы внести деньги в казну, но так и не дождутся…

— Рассуждения лоха, — отозвался Горностай. Он взглянул на меня и вскинул брови. Я покачал головой. — И вы еще называете себя жуликами?

Красношляп рассердился:

— Не вижу в этом никакого смысла! Вы потратили последние тридцать крон на аренду контор и рассылку писем. Вы заявили ювелирам, что работаете на Анклав, и они будут платить Анклаву…

При этих словах Красношляпа до меня дошло. Я все понял, а когда понял, меня начал душить смех.

— О, это грандиозно, — вот все, что я сумел выговорить.

Друзья в раздражении уставились на меня. Горностай не сказал ничего, но ждал.

Я встал, подался к Горностаю и пошептал ему на ухо. Он кивнул, а на меня вновь напал смех.

— Ну, хоть один не безнадежен, — молвил Горностай.

Затем он поднялся, завернулся в плащ и скрылся в тускло освещенных коридорах клуба жуликов Забытого Карнадайна. Я проводил его взглядом. Остальные смотрели на меня.

— Не понимаю, — пожаловался Красношляп.

— Что же он сделал? — взмолилась Злорада.

— Жуликами себя называете? — хмыкнул я. — А вот я догадался. Неужели так трудно… Ну ладно, пощажу вас. Когда ювелиры ушли, он дал им несколько дней помариноваться и довел напряжение до предела. Затем тайно встретился с каждым и в разных местах — наверное, в дешевых кабаках. И всякий раз сообщал, что визави упустил из виду маленький факт: именно он, администратор, представит заявки Анклаву. В его возможностях устроить так, чтобы выиграла, скажем, заявка Картуса.

Злорада ударила себя по лбу.

— Какая же я дура! Должна была сообразить! Он запросто мог выманить взяток на миллион золотых. А когда ему заплатил последний, он смылся. Ювелиры не могли пожаловаться: если

бы выяснилось, что они пытались подкупить чиновника Анклава, они бы в лучшем случае лишились руки; спасибо, что не жизни и бизнеса. Какой восхитительный трюк.

И в зале клуба жуликов Забытого Карнадайна воцарилась тишина. Мы погрузились в раздумья о гении человека, продавшего Понтийский мост.

перевод А.К. Смирнова

Кристи Янт
«ВОЛШЕБНИК И ДЕВА» И ДРУГИЕ СКАЗКИ

Днем Кристи Янт тестирует компьютерные программы, а ночью пишет научную фантастику и фэнтези. Вдобавок она является помощником редактора журнала «Lightspeed» и стажером на подкасте «The Geek's Guide to the Galaxy». Предлагаемый ниже рассказ — ее первый опыт публикации художественной прозы. Помимо этого, она озвучила несколько рассказов для подкаста «Starship Sofa» и занимается обзором аудиокниг для Audible.com. Кристи Янт живет на Калифорнийском побережье с двумя замечательными дочерьми и разношерстными четвероногими надоедами.

Вымысел часто кажется достовернее реальности, и многие мечтают забраться в книгу и поселиться в ее мире или хотят, чтобы герои сошли со страниц и выпили с ними по рюмочке.

Героев нашей следующей истории зовут Майлз и Одра. «Они вольно списаны с двух художников, которых я глубоко уважаю, — поясняет Янт. — Оба неповторимы, харизматичны и творят свою собственную изощренную магию».

У книги сказок, описанной в этом рассказе, тоже есть прообраз.

«Мне подарила ее бабушка по отцу, это книга 30-х годов — сборник сказок „Through Fairy Halls“. В детстве я постоянно ее перечитывала и поняла, что сказки существуют во всем мире и сами являются маленькими оригинальными мирами. Я полюбила их и совершенно убеждена в правдивости историй, скрывавшихся под ее обложкой, — возможно, там не хватало одной».

Она звала себя Одрой, хотя это не было настоящим именем; он представился как Майлз, но она подозревала, что это тоже выдумка.

Она была молода (сколько ей лет — не говорила), красива (во всяком случае, по словам Эмиля) и очень любила разного рода сказочные истории. Майлз был стар, покрыт татуировками, порочен

и подчас недобр, но он знал сказки, которых не слышал никто, и она пребывала в уверенности, что только он поможет ей вернуться домой.

Она нашла его среди художников, поэтов и психов. Те нарекли его Дядюшкой и отзывались о нем порой нелестно, порой с уважением и почти всегда — с налетом благоговения: никто понятия не имел, как относиться к волшебнику в мире технарей.

Но Одра его раскусила.

Однажды некий низкорожденный юнец посмел претендовать на должность королевского мага. Крестьяне подняли его на смех: «Тебе, Эмиль, на роду написано только овец пасти!» — Но тот в глубине души знал, что способен к великой магии.

Сельские ведьмы и повивальные бабки смеялись над пастушком, задержавшимся в детстве, но потакали его одержимости. Он выучился чарам любви и брака (не стыдясь того, что это женская магия), а также заклинаниям богатства и удачи, но оставался недоволен собой, ибо не приблизился к трону. Он жаждал настоящей власти и не знал, где ее обрести.

У него была подруга детства — Аврора, с годами становившаяся все красивее и умнее. Их детская

взаимная привязанность переросла в истинную любовь, и в день ее рождения они обручились.

Настал момент, когда юноша научился всему, чему мог научиться в окрестных деревнях и городах. Заливаясь слезами, влюбленные поклялись друг другу в верности и обменялись простенькими серебряными кольцами. Прощальный поцелуй — и вот Эмиль покинул свою избранницу и отправился на поиски истинного могущества.

Ей не составило труда с ним познакомиться, как только она поняла его вкусы. Юбка покороче, бретелька на плече, кричащая лента, новые чулки и темная подводка для глаз. Она последовала за ним в его любимый клуб, где музыканты предавались какофонии, а публика носила наряды не менее затейливые, чем у выступавших. Она прошла в кабинет, где он дымил сигаретами и пил виски в окружении юных красоток и женоподобных юнцов.

— Эй, Дюймовочка, поди-ка сюда.

Она всмотрелась в его темные глаза, развернулась и пошла прочь. Льстецы вокруг него загалдели, изливая на нее презрение. Она и ухом не повела; он же гаркнул на них, приказав заткнуться.

Коль скоро она его отвергла, все упростилось.

Он трижды получил от ворот поворот, но подкатился в четвертый раз, и тогда она снизошла и присела за его столик.

— Давай, — она, не спрашивая, взяла его стакан и поднесла к губам, — расскажи мне историю.

— Что за историю?

— Сказку.

— Это какую же? С эльфами и принцами, которые жили долго и счастливо?

— Нет, — возразила она и потянула его голову к себе. Он опешил, но противиться не стал и подавался к ней, пока их лица не оказались в считаных дюймах друг от друга. — Настоящую сказку. С волками, ведьмами, ревнивыми родителями и дровосеками, которых подозревают в убийстве невинных. Расскажи, Майлз. — Склоняясь еще ближе, она ощутила щекой его неровное дыхание и шепнула ему в ухо: — Расскажи правдивую историю.

К рассвету, когда они добрались до его жилища, Одра вымоталась и сбила ноги. Она споткнулась о камень и ухватилась за руку Майлза.

— Точно не надо было ничего взять из дома? — спросил он, шуруя ключом в замке.

Стоило ей услышать про дом, как она вспомнила, что ненавидит Майлза.

— Точно, — ответила она.

Он повернулся к ней, на сей раз взглянув с одобрением иного рода. Теперь в его взоре ни похоти, ни подозрительности. Он прикоснулся к ее лицу, и его привычный мрачный оскал уподобился улыбке.

— Ты кое-кого напоминаешь мне, из давнего прошлого. — Улыбка исчезла, он отворил входную дверь и посторонился, пропуская Одру.

Дом был мал и полон диковин, убедивших ее в том, что Майлз-то ей и нужен. Многие вещи были до боли знакомы Одре: обвитое золотой нитью деревянное веретено в передней, изящная стеклянная туфелька на каминной полке — едва ли не на ребенка, в углу — каменное изваяние: уродливая скрюченная тварь, одной рукой прикрывавшая глаза как бы от света.

— Какая замечательная коллекция. — Одра выдавила улыбку. — Долго, поди, пришлось собирать.

— Пожалуй, даже слишком долго. — Он снял с полки золотую грушу и повертел перед собой. — Все это не то, чего я хотел. — Он небрежно поставил вещицу обратно. — Идем, покажу тебе спальню.

По сравнению с другими эта комната казалась

голой. Никаких украшений на белой стенной штукатурке, ни единой портретной рамки на зеркальном комоде. Кровать была застелена выцветшим лоскутным одеялом — хоть и маленькая, ее хватило бы на двоих. С одной стороны стол, с другой — изогнутый деревянный стул.

Одра, словно аршин проглотившая, присела на кровать подальше от подушек.

Пружины скрипнули, когда рядом уселся Майлз. Она решительно повернулась к нему, готовая к неизбежному. Она могла пойти на что угодно, лишь бы попасть домой.

И сделала хуже, добившись меньшего.

Он придвинулся и тронул ее волосы; она ощущала его запах — сладкий и дымный, чужой и знакомый одновременно. Он задержался выше ее груди, и она вскинула руку, чтобы погладить его по лысой голове. Он перехватил запястье и выпрямился, прижимая ее ладонь к своей щеке, — глаза закрыты, лоб болезненно наморщен; затем резко уронил ее руку и встал.

— Если понадобится еще одеяло, найдешь в шкафу. Спокойного сна.

Он вышел, предоставив Одре гадать, что пошло не так и как ей действовать дальше.

У Авроры было не меньше амбиций, чем у Эми-

ля, но иного рода. Она считала, что большинство мужчин эгоистичны и движимы лишь страхом или алчностью. В глубине души она сомневалась, что Эмиль добьется желаемого сугубо знаниями и трудом. Исполненная любви к нему, она решила помочь обманом и хитростью.

Аврора знала, как расходятся слухи. Она бросила зерна в благодарную почву. Будь то бедняцкие кварталы или прачечные — везде, где собирались женщины, она рассказывала о его силе.

Но для того чтобы донести весть о могущественном чародее до самого короля и подобраться к нему поближе, ей пришлось прибегнуть к другим уловкам.

Руки стражников и копейщиков были грубее, чем у Эмиля; губы слуг — не столь нежны. Лестью она разожгла в их сердцах огонь тщеславия, раздув его обещаниями, что Эмиль, сильнейший волшебник в королевстве, воздаст по заслугам каждому, кто поспособствует карьере придворного мага.

И если, холодной ночью спеша из приемной в свою хижину, она сожалела о чем-то, то видела в том лишь очередную ступень на пути к воплощению мечты своего возлюбленного.

Одра проснулась за полдень. На стуле в углу

лежала записка. Не очень уверенная рука вывела черными чернилами:

«Хочешь — оставайся, не хочешь — уходи. Я предан лишь одной, и это не ты. Если тебя все устраивает, будь как дома. М».

Ее это вполне устраивало.

Она обыскала дом. Не знала точно, чего ищет, но пребывала в уверенности: любой предмет, обладающий достаточной силой, чтобы выдернуть ее из родного мира, так или иначе выдаст себя. Он будет необычным, чужим, не от мира сего. Но здесь как будто все без исключения подходило под это описание. В каждом закутке, как в вороньем гнезде, хранилась какая-нибудь блестящая украденная вещица.

В библиотеке на полке она нашла прозрачную аптечную склянку с надписью «Восточный Ветер» на ярлычке. Вор, подумала она. Одра надеялась, что Восточный Ветер не потерпел ущерба от заключения в склянку. Она последит за флюгером и вернет похищенное при первой возможности.

Ее внимание привлекло еще кое-что, находившееся на полке, — маленькое и блестящее, и презрение сменилось яростью.

Убийца.

Она опустила кольцо Эмиля в карман.

Похоже было, что Майлз не любил зеркал. Их не было ни в спальне, ни даже в ванной. Единственное зеркало висело в библиотеке — роскошное позолоченное изделие. Одра задержалась перед ним, дивясь своей растрепанной наружности. Она пригладила пальцами волосы и откинула их, чтобы взглянуть в свои налитые кровью глаза, — и наткнулась на ответный взор.

Отталкивающее человекоподобное лицо, печально смотревшее из глубины зеркала, было темнее и старше ее собственного.

— Привет, — сказала она Волшебному Зеркалу. — Я Одра.

Зеркало неодобрительно покачало головой.

— Твоя правда, — признала Одра. — Но не называть же незнакомцу свое настоящее имя.

Она размышляла о новом собеседнике. По осунувшемуся нематериальному лицу Одра заключила, что тот уже давно носит скорбную маску.

— Он и тебя украл? Не исключено, что мы поможем друг другу найти дорогу домой. Ответ где-то здесь.

Лик Зеркала просветлел, и оно кивнуло.

Одре пришла в голову мысль.

— Хочешь, я тебе почитаю?

В погоне за счастьем Эмиль шел к знанию тернистым путем. Днями он голодал, ночами мерз. Но вот однажды ему улыбнулась удача, и он до заката изловил пару упитанных зайцев. Когда устроился жарить их на костерке, из леса вышел седой человечек с мешком добра.

— Добрый вечер, дедушка, — поздоровался Эмиль. — Садись, обогрейся и поужинай.

Тот с благодарностью принял приглашение.

— Что продаешь? — осведомился Эмиль.

— Кастрюли, сковороды, иголки и специи, — ответил старик.

— А колдовство какое-нибудь знаешь? — спросил разочарованный Эмиль. Его уже одолевала тревога — а ну как знания, которого он искал, не существует вовсе.

— Зачем пастуху колдовство?

— Откуда ты знаешь, что я пастух? — удивился Эмиль.

— Я много чего знаю, — ответил старик, а затем застонал и скрючился от боли.

— Что с тобой? — Эмиль метнулся к незнакомцу.

— Ты, милок, все равно не поможешь. Нутро мое поражено смертельным недугом, и недолго мне небо коптить.

Эмиль расспросил старика о его хвори, достал из мешка порошки и травы — с десяток пучков. Пока старик стонал и держался за живот, он вскипятил воду для целебного отвара.

Незнакомец пил горький чай и кривился в ужасных гримасах, но вскоре резь пошла на убыль и он опять мог сидеть прямо. Эмиль приготовил еще одну порцию и заверил старика, что тот излечится, если будет пить чай на протяжении семи дней.

— Я ошибся в тебе, — заявил старик. — Ты не пастух. — Порывшись в мешке, он выудил свиток. — За твою доброту получай то, ради чего ты отправился в странствие.

Человечек объяснил, что в свитке на языке, которым никто не пользуется уже тысячу лет, записано три мощных заклинания. Первым вызывается добрый дух, который далее направит Эмиля в учебе. Второе перемещает предметы из мира в мир, ибо любому ребенку известно, что миров много. С помощью этого заклинания удается прорвать между ними завесу. А третье переносит людей.

Овладев тремя заклинаниями, Эмиль, безусловно, станет самым могущественным чародеем в королевстве.

Эмиль предложил старику все свои деньги, но тот отказался. Он просто вручил свиток, помахал на прощанье и вернулся в лес.

Одра проводила время за чтением Зеркалу. Полки были уставлены сотнями книг: старыми и новыми, в кожаных переплетах, с золотыми обрезами — и рассыпающимися, карманного формата.

Она глотала их в поисках ответа. Необходимо выяснить, как она оказалась здесь. Как возвратиться домой.

Она нашла свою историю в шестой книге двенадцатитомного собрания на нижней полке.

Книга в синем матерчатом переплете изобиловала картинками с изображениями пухлых бодрых ребятишек и виноградных лоз.

Одра узнала некоторых друзей и недругов из прошлой жизни. Вот Миска, венгерский паренек, который обвел вокруг пальца железноголового человека и с которым она однажды познакомилась в странствиях. А это добрая валлийская фея, что подарила водопад изнемогавшей от жажды горе. Одра решила навестить ее, как только окажется дома.

Она перевернула страницу и замерла.

Заглавие гласило: «Волшебник и дева». Под

рисунком стояло знакомое: «Однажды, давным-давно».

Из березняка к хижине Одры скакнул белый кролик. В закатном свете меж верхушек деревьев розовел замок — место, где ее история предположительно должна была завершиться. Одра обвела пальцем силуэт кролика, а затем отыскала позади две одинокие тени.

Свою и Эмиля.

Одра читала Зеркалу, и тому, похоже, история особенно нравилась. По ходу чтения оно показывало фокусы: создавало в стекле зыбкие образы, соответствовавшие тексту.

Она только дошла до самого интересного места, где тролли превращаются в камень под светом восходящего солнца, когда услышала за дверью библиотеки шаги. Зеркало тревожно обернулось на звук и скрылось за резной рамой.

Дверь распахнулась.

— С кем ты разговариваешь? — вопросил Майлз. — Кто здесь? — От него разило виски и потом, а на пальто появилось новое пятно.

— Никого. Я люблю читать вслух. Я весь день просидела одна.

— Не прикидывайся, будто я тебе что-то должен. — Он сгорбился в кресле и вытянул из

кармана сигарету. — От тебя может быть польза. Почитай мне.

Комната была маленькая, и Одра стояла на расстоянии вытянутой руки от него, чувствуя себя школьницей, которую заставляют декламировать стихи. Она раскрыла книгу на сказке, которой не знала, — «Снежная королева» — и начала читать. Майлз слушал, смежив веки.

Она прочла:

— «Кай посинел и почти почернел от холода, но не замечал этого, — ведь поцелуй Снежной королевы сделал его нечувствительным к стуже, а сердце его давно превратилось в кусок льда».[8]

Сделав паузу, чтобы набрать воздуха, Одра посмотрела на Майлза и натолкнулась на хорошо знакомый взгляд.

Наконец хоть какой-то толк.

Она позволила голосу дрогнуть, когда Майлз провел пальцем по ее ноге и поднял юбку на несколько дюймов выше колена.

Одра не прекратила читать — это срабатывало; в нем что-то изменилось, пока она читала. Секс — неважное оружие, но она не располагала ничем другим.

---

[8] Примечания: 8

Андерсен Г. Х. Снежная королева. Перевод Анны и Петра Ганзен. — *Прим. перев.*

— «Вот и Кай тоже складывал разные затейливые фигуры, только из льдин, и это называлось ледяной игрой разума. В его глазах эти фигуры были чудом искусства, а складывание их — занятием первостепенной важности. Это происходило оттого, что в глазу у него сидел осколок волшебного зеркала. Складывал он и такие фигуры, из которых получались целые слова, но никак не мог сложить того, что ему особенно хотелось, — слово „вечность“».[9]

Он подцепил шнурок, ее подпоясывавший; потянул — сперва осторожно, потом настойчивее. Он подался в кресле и расстегнул последний крючок на ее корсете.

— «В это-то время в огромные ворота, проделанные буйными ветрами, входила Герда. Она прочла вечернюю молитву, и ветры улеглись, точно заснули. Она свободно вошла в огромную пустынную ледяную залу и увидала Кая. Девочка сейчас же узнала его, бросилась ему на шею, крепко обняла его и воскликнула: „Кай, милый мой Кай! Наконец-то я нашла тебя!“»[10]

Его пальцы остановились. Его руки все еще

---

[9] Примечания: 9
Там же. — *Прим. перев.*

[10] Примечания: 10
Там же. — *Прим. трев.*

были на ней и не отпускали застежек.

Она не смела вздохнуть.

Самообладание покинуло ее. Она попыталась вести себя как ни в чем не бывало. Одра даже отняла руку от книги и потянулась к Майлзу. Тот перехватил ее запястье и, крепко сжав, встал.

— Хватит.

Он вышел, не оглядываясь. Она услышала, как хлопнула входная дверь.

В смятении Одра привела себя в порядок, снова недоумевая, что же пошло не так.

Недолго думая, Одра последовала за ним. Она высунулась наружу: он был уже в квартале от нее, шел, отбрасывая в свете фонарей длинную тень на мокрую мостовую.

Ноги у нее замерзли и туфли промокли, прежде чем Майлз наконец остановился у товарного склада, затерянного среди кирпичных строений. Он разобрался со сложной системой запоров на помятой ржавой двери и скрылся внутри.

Значит, вот куда он ходит по ночам? Не по салонам и клубам, как она думала, но сюда, на окраину жилого района, на склад, который можно заметить лишь по отблескам оконных стекол.

Последние находились слишком высоко, чтобы заглянуть, но под одним стоял мусорный бак, и

Одра воспользовалась этим подспорьем. Металл был скользким от росы, и дважды она сорвалась, но с третьей попытки взгромоздилась наверх и опасливо всмотрелась в грязное стекло.

В тусклом свете ей виден был лишь силуэт Майлза; тот яростно потирал руки, как будто хотел согреться, затем развернул что-то — бумагу или пергамент — и осторожно расстелил перед собой на бетонном полу. Он выпрямился и заговорил.

В помещении стало светлее, и в воздухе перед ним соткалось лицо — знакомый лик, образованный слабым зеленоватым свечением; Одра едва различала его сквозь разводы на стекле. Она слышала голос Майлза, настойчивый и почти отчаянный, но слова, которые он выкрикивал, казались ей бессмыслицей.

Она пошевелилась, чтобы не нагружать разболевшееся колено, которым опиралась на мусорный бак, и соскользнула. Одра упала и крикнула от боли, когда ударилась о мостовую. Она не знала, услышал ли это Майлз, но выяснять не стала. Вскочила — промокшая, грязная, ушибленная — и бросилась наутек.

Добравшись до дома, она сразу направилась в библиотеку. Сдвинула тома так, чтобы полка казалась заполненной, и спрятала свою книгу в

маленький чемодан, где хранила одежду.

Лицо зеркала вынырнуло из укрытия за рамой с видом встревоженным и измученным.

— Это моя история, в конце-то концов, — сказала зеркалу Одра. — Я не допущу, чтобы он и дальше вредил. А вдруг заберет хижину? Лес? Куда мне после этого возвращаться? Нет уж, больше он ничего не получит из нашей сказки.

Свиток был не таким непостижимым, как утверждал коротышка, — язык, хотя и не родной для Эмиля, оказался достаточно похожим, чтобы в нем разобрался столь смышленый человек. Вскоре удалось наполовину разгадать первое заклинание. Но Эмиль упал духом, когда подумал, что придется возвратиться домой после столь долгих скитаний, не умеючи сотворить простейшее заклятие из трех.

Он сообразил, что начать, конечно же, следует с самого трудного, ибо простое, если он добьется успеха, дастся ему легко.

Рассудив таким образом, он поставил себе целью освоить до прибытия домой третье заклинание.

Майлз вернулся на следующий вечер в сумерках, усталый и перепачканный, как будто

ночевал на полу в помещении склада. Она встретила его в кухне и спрашивать ни о чем не стала.

Он восседал в задумчивости на стуле в углу, пока она резала овощи на разделочном столике, и не сводил с нее глаз; потом резко встал и вышел.

Шипение и шкворчание овощей, когда они упали на сковороду, аукнулись в сознании Одры иным шипением — злобным и невнятным. Она провела здесь уже несколько дней, но так и не приблизилась к секрету возвращения.

Нож, которым она нарезала кубиками жилистое мясо, был увесист и надежен. Одра представила под этим ножом Майлза, вообразила его боль и страх. Жалкий урод расскажет, что сделал с ее Эмилем.

Звуки, донесшиеся из соседней комнаты, перемежались проклятьями. Она содрогнулась, услышав, как с полок слетают тяжелые книги.

— Где она?

Сперва почудилось, что он обращался к себе; потом — громче:

— Где? — Он заревел на всю комнату, затем рев переместился в дверной проем. — Что ты сделала с ней, проклятая ведьма?

Ледяной страх очистил ее рассудок от мыслей о мести.

— О чем ты?

— Моя книга, — произнес Майлз. — Где она? Что ты с ней сделала?

Пригнувшись, он волком двинулся на Одри. Они принялись кружить вокруг разделочного столика. Она схватила нож, не смея моргнуть, — боялась, что он воспользуется моментом и бросится на нее.

— У тебя много книг.

— А нужна только эта!

Молниеносным движением Майлз схватил ее за запястье, больно ударил руку о столик. Одра выронила нож.

Майлз поволок ее в библиотеку.

— Смотри туда. — Он указал на полку, где была книга. — Шестая из двенадцати. Стояла там, а теперь ее нет. — Он чуть ослабил хватку. — Если взяла почитать, ничего страшного. Просто верни. — Он выпустил ее и натужно улыбнулся. — Ну, где же моя книга?

— Твоя правда, — сказала она. — Я взяла почитать. Не знала, что она так важна для тебя.

— Эта книга особенная, для специалистов.

— Да, — ответила Одра негромко и твердо. — Так и есть.

И, сказав это, она поняла, что выдала себя.

Майлз толкнул ее. Она влетела в книжный шкаф, а он покинул тесную библиотеку и захлопнул дверь. В замке провернулся ключ.

Слишком поздно.

Она уперлась в дверь лбом и задержала дыхание. Попыталась открыть оконце, но высохшая краска запечатала его наглухо. От намерения разбить стекло Одра сразу отказалась: что толку убегать из дома, если нельзя убежать из этого мира? Ей был по-прежнему нужен Майлз.

Одра смотрела, как в грязном окне садится солнце, и пыталась сообразить, как ей быть, когда он освободит ее. Ей было слышно, как Майлз бродит по дому, разговаривая с собой необычайно резко, но слова казались все такими же бессмысленными. От этого у нее разболелась голова.

Ее разбудил скрип ключа в замке. Одра вооружилась первым, что попалось под руку: книгой в твердом переплете. Выставила ее как щит.

Майлз стоял в двери, сжимая в руке длинный, зловещего вида нож.

— Кто ты такая? — спросил он наконец, подозрительно прищурясь. — И как узнала?

— Я та, чью жизнь ты разрушил. Лжец. Вор. Убийца. — Она показала ему кольцо Эмиля.

Майлз застыл на месте, взгляд метался от коль-

ца к ее лицу и обратно.

— Я ни то, ни другое и ни третье, — молвил он.

— Ты все это присвоил. — Она обвела рукой библиотеку. — Забрал его и забрал меня. А что ты делал с бесполезными вещами?

Покуда он говорил, она незаметно к нему приблизилась. Внезапно швырнула книгу и попала куда хотела — в плечо. Нож упал на пол, и Одра подхватила его, прежде чем Майлз сумел помешать.

Она решила, что теперь он в ее власти, и приставила лезвие к горлу. Он попытался отпихнуть ее, но Одра вцепилась крепко, и Майлз прекратил сопротивление, когда нож проколол тонкую кожу. Одра почувствовала, как напряглось его тело в ее руках, почти бездыханное и совершенно неподвижное.

— Так и не сказала, кто ты такая.

— Где он? — спросила она с ненавистью.

— Кто? — Майлз говорил миролюбиво и сдержанно.

— Человек, которого ты похитил, как меня. Как все остальное. Где он?

— Ты сильно расстроена. Остынь, отпусти меня, и мы поговорим. Я не знаю ни о каком похищенном, но, может быть, помогу его найти.

Тон у него был спокойный, с нотками мольбы, взывавший о понимании и предлагавший содействие. Одра колебалась, не зная, чем устрашить врага, который оставался ее последней надеждой.

Она ждала слишком долго. Майлз схватил с полки тяжелую склянку и запустил ею в стену.

Восточный Ветер, наконец-то обретший свободу, пронесся по комнате.

И вот однажды ночью, холоднее которой он припомнить не мог, когда вокруг не было ни души, он возвысил голос против воющего ветра и выкрикнул тринадцать слов заклинания.

Недели превращались в месяцы, и вести о чародее Эмиле множились, пока не дошли наконец до самого короля, и тот возжелал прибрать волшебство к рукам.

Но Эмиль исчез.

Злой вихрь сметал с полок все подряд. Одра скорчилась и прикрыла голову под градом книг и мусора. Майлз спрятался за сундуком, который плохо защищал от бури.

Над головой Одры раздался треск; она вскинула руки, чтобы спасти глаза; осколки стекла обрушились на ее руки и ноги — одни отлетали,

другие впивались в кожу.

Окно раскололось прощальным взрывом, и плененный ветер вырвался из комнаты. Буря закончилась. Звякало об пол стекло, тяжело падали книги.

Одра открыла глаза и увидела великое разорение. Майлз уже ступал по вырванным страницам и разодранным обложкам.

— Нет, — произнес он, — нет! Она должна быть здесь, моя история должна быть здесь…

Из сотни мелких порезов сочилась кровь, но он не обращал на это внимания. Одра вытаскивала из себя осколки темного стекла. Они совсем не отражали свет.

От Зеркала, висевшего над разгромленными полками, отделилось облачко — поплыло и принялось искать. Оно нашло, что хотело, на полу возле чемодана Одры, крышку которого сорвало бурей. А затем юркнуло под синий матерчатый переплет и пропало.

— Вот! — Одра прижала томик к груди.

Майлз подполз к ней; вскоре они стояли на коленях посреди комнаты, лицом к лицу.

Со страниц слетел дымок, сначала бывший лишь струйкой. Затем он сгустился — зеленый и яркий, как солнечный луч в заболоченном пруду;

он выбрался наружу и окутал обоих.

— Ответ всегда был здесь, — шепнул голос. — Твоя пленница, Эмиль, и твой друг, Аврора.

Одра — Аврора — взглянула на человека, которого ненавидела, и узрела все, каким оно было от века: своего Эмиля через тридцать лет после исчезновения, лысого и с седой бородой. Майлза, который удерживал Одру из-за ее сходства с утраченной любовью, но не тронул бы, оставаясь верным избраннице.

Эмиль ответил на взгляд; в его глазах, до сих пор казавшихся мертвыми и потерявшими надежду, стояли слезы.

— Теперь, Эмиль, — предложил голос, — произнеси заклинания, и мы отправимся домой.

Итак, если вам попадется книга в синем матерчатом переплете, шестой том из двенадцати, то не ищите в ней сказку «Волшебник и дева» — ее там нет.

Но остальные прочтите, и в сказке о фее, которая напоила гору, окажется, что у нее была подруга по имени Одра. Хотя вам будет известна правда: это не настоящее имя.

В дальнейшем вы найдете и Эмиля — хотя он так и не стал придворным магом, в любой истории должно быть немного волшебства.

перевод А.К. Смирнова

Майк Резник
ЗИМНЕЕ СОЛНЦЕСТОЯНИЕ

По утверждению журнала «Locus», Майк Резник получил больше премий за «малую литературную форму», чем любой другой фантаст, как ныне живущий, так и покинувший сей мир. Пожалуй, наиболее известен его цикл «Кириньяга» («Kirinyaga»), а вообще рассказов у него более пятидесяти. Резник не только пишет, он еще составил десятки антологий. Кроме того, он работает ответственным редактором в сетевом журнале «Jim Baen's Universe». Среди недавно опубликованных им книг сборник «Blasphemy» (издательство «Голден грифон пресс») и роман «The Buntline Special» (издательство «Пир»). Ранее в этом году вышла публицистическая книга «The Business of Science Fiction» (в соавторстве с Барри Молзбергом). Больше об Майке Резнике можно узнать на сайте: mikeresnick.com.

Самый знаменитый волшебник на све-

те — это, наверное, Мерлин, один из столпов легенды о короле Артуре. Крестник Гальфрида Монмутского, он пустился в путь еще в двенадцатом столетии и заинтересовал своей судьбой бесчисленных писателей, в частности Томаса Мэлори («Смерть Артура»), Томаса Уайта («Король былого и грядущего») и Мэри Стюарт («Хрустальный грот»). Проходя через эти свои литературные ипостаси, Мерлин обычно помнит о том, что был зачат от демона-инкуба, который и наделил его сверхъестественными способностями. Он стал учителем Артура и помог ему занять престол, а впоследствии Владычица Озера заточила чародея в хрустальном гроте.

«Этот рассказ я написал в тот день, когда узнал, что у моей тещи обнаружили болезнь Альцгеймера, — говорит Резник. — Попытался представить, каково ей живется с таким недугом, — просыпаясь поутру, она знает, что стала чуть менее умна, чем накануне. И тогда я подумал: можно было бы об этом написать. А затем вспомнил, что Мерлин из моего

любимого фэнтезийного романа „Король былого и грядущего“ жил „против времени“ и решил использовать это в качестве метафоры».

Нелегко жить в обратном времени, даже если ты Мерлин Великий. Иной подумал бы, что это не так, что все чудеса будущего сохранятся в твоей памяти… однако воспоминания тускнеют и исчезают гораздо быстрее, чем можно было надеяться.

Я знаю, что Галахад победит в завтрашнем поединке, но имя его сына уже выветрилось, исчезло из моей памяти. Да и будет ли у него сын? Проживет ли сей рыцарь достаточно долго, чтобы передать свою благородную кровь потомству? Сдается мне, проживет — вроде бы я качал на колене его внука, — но и в этом я не уверен. Воспоминания ускользают от меня.

Когда-то я знал все тайны Вселенной. Одним лишь усилием мысли мог остановить Время, повернуть его течение, обмотать его шнурком вокруг пальца. Одной лишь силой воли я мог бродить среди звезд и галактик. Я мог сотворить живое из ничего и обратить в прах целые миры живого.

Время шло — хотя и не так, как идет оно для вас, — и больше эти чудеса не были мне подвластны. Однако я все еще мог выделить молекулу ДНК и прооперировать ее, вывести уравнения, которые позволяли путешествовать в космосе, вычислить орбиту электрона.

Опять-таки текло время, и эти таланты покинули меня, но все же я умел выделять пенициллин из плесени, понимал общую и специальную теории относительности и летал между континентами.

Но и это ушло безвозвратно, осталось сновидением, которое я вспоминаю лишь изредка, если вообще могу вспомнить. Была когда-то — нет, будет, вам еще предстоит повстречаться с ней — болезнь стариков, постепенно, частицу за частицей, стирающая разум и память, все, что ты передумал и перечувствовал, — пока не остаются лишь зернышки первичного «я», беззвучно вопиющего о тепле и благодати. Ты видишь, как исчезают частицы тебя, ты пытаешься спасти их из небытия, но неизменно терпишь поражение, и все это время ты осознаешь, что с тобой происходит, пока не исчезает и это осознание… Я оплачу вас в грядущем тысячелетии, но сейчас ваши мертвые лица исчезают из моей памяти,

ваше отчаяние покидает мой разум, и очень скоро я даже не вспомню о вас. Ветер уносит все, ускользая от моих безумных попыток поймать, удержать, вернуть…

Я пишу все это затем, чтобы когда-нибудь кто-то — быть может, даже и ты — прочел эти записи и понял, что был я человеком добрым и нравственным, что старался, как мог, исполнять свое предназначение, и даже самый пристрастный бог не потребовал бы от меня большего; что даже когда имена и события исчезали из моей памяти, я не уклонялся от своего долга — я служил сородичам своим как умел.

Они приходят ко мне, сородичи, и говорят: мне больно, Мерлин. Сотвори заклинание, говорят они, и прогони боль.

Мой ребенок горит в лихорадке, говорят они, а у меня пропало молоко. Сделай что-нибудь, Мерлин, говорят они, ты же величайший маг в королевстве, во всем мире, и нет равного тебе среди живущих. Уж верно, ты можешь сделать хоть что-нибудь!

Даже Артур ищет моей помощи. Война идет плохо, признается он. Язычники враждуют с христианами, среди рыцарей раздоры, он не верит своей королеве. Он напоминает, что именно я

когда-то открыл ему тайну Эскалибура (но это было много лет назад, и я, конечно же, ничего пока о том не знаю). Я задумчиво гляжу на него, и, хотя мне уже ведом Артур, согбенный годами и измученный причудами Рока, Артур, потерявший свою Джиневру, и Круглый стол, и мечтанья о Камелоте, — я не могу отыскать в себе ни приязни, ни сострадания к юноше, который сейчас говорит со мной. Я не знаю его, как не буду знать вчера и неделю назад.

Вскоре после полудня ко мне приходит старуха. Ее израненная рука налилась нездоровой бледностью и источает такую вонь, что у меня слезятся глаза. Жужжащие мухи густо вьются над раной.

Мерлин, плачет она, я не могу больше сносить эту боль. Это похоже на роды, но только длится долго, чересчур долго. Мерлин, ты моя единственная надежда. Сотвори свое чародейское заклинание, требуй от меня чего ни пожелаешь, только уйми эту боль!

Я смотрю на ее руку, которую разорвал клыками барсук, и меня тянет отвернуться, тошнота подкатывает к горлу. Все же я принуждаю себя осмотреть рану. Я смутно сознаю: мне пригодилось бы нечто — не знаю даже, что именно, — дабы прикрыть лицо, а если не лицо, то хотя

бы рот и нос, — но не могу вспомнить, как это называется.

Рука распухла почти вдвое, и хотя сама рана посредине предплечья, старуха кричит от боли, когда я осторожно шевелю ее пальцами. Надо бы дать ей что-нибудь, чтобы утишить боль.

Смутные видения мелькают перед моим мысленным взором — нечто длинное, тонкое, как игла, вспыхивает и исчезает. Я могу что-то сделать для нее, думаю я, могу что-то дать ей, совершить чудо, которое совершал и раньше, когда мир был старше, а я моложе… но что это — я уже не помню.

Однако снять боль — этого еще мало; внутрь проникла зараза, это-то я еще помню. Я исследую рану, и вонь становится нестерпимей, старуха кричит. «Ганг…» — внезапно приходит мне в голову. Слово, обозначающее состояние этой раны, начинается с «ганг», но что дальше — не помню… А если бы даже и вспомнил, я больше не способен лечить эту болезнь.

Но ведь надо же как-то прекратить мучения женщины.

Она верит в мою мощь, она страдает, и сердце мое рвется к ней. Я бормочу заклятие, то шепчу, то монотонно напеваю.

Старуха думает, что я призываю своих бестелесных слуг из Нижнего Мира, что я призываю свои магические силы, дабы помочь ей; а поскольку ей нужно верить во что-то, хоть во что-нибудь — я не могу сказать ей, что же я шепчу на самом деле. Господи, молюсь я, позволь вспомнить хоть один-единственный раз. Когда-то, много лет тому вперед, за миллионы лет в будущем я бы мог излечить эту женщину, верни же мне это знание хоть на час, хоть на минуту. Я не просил у Тебя участи жить обратно ходу Времени, это мое проклятие, и я готов нести его… но не дай из-за моего проклятия умереть старой женщине! Позволь исцелить ее, а затем можешь сызнова обкрадывать мой разум и отбирать память.

Однако Господь не отвечает, а женщина все кричит и плачет, и наконец я осторожно залепляю рану грязью, чтобы мухи не кружились над ней. Должно быть какое-то лекарство — оно содержится во флаконах (флаконы? То ли это слово?), но я не знаю, как изготовить его, не помню его цвета, запаха, состава, и я даю старухе корень, и шепчу над ним волшебные слова, и велю ей спать, положив этот корень меж грудей, и верить в его целительную силу — тогда боль скоро прекратится.

Она верит мне — не знаю почему, но я вижу веру в ее глазах, — и целует мне руки, и прижимает корень к груди, и наконец уходит, и, о диво, ей действительно как будто бы полегчало, хотя вонь из раны долго еще держится в комнате и после ее ухода.

Теперь очередь Ланселота. На будущей неделе или в будущем месяце он убьет Черного Рыцаря, но прежде я должен благословить его меч. Он толкует о том, что мы говорили друг другу вчера, — я не помню этого разговора, зато помню, о чем мы будем говорить завтра.

Я пристально гляжу в его темно-карие глаза, ибо мне одному ведома его тайна, и я не знаю, сказать ли о ней Артуру. Я знаю, когда-нибудь они начнут войну именно по этой причине, но буду ли я тем, кто откроет тайну, или Джиневра сама покается в своей неверности — не помню, как не помню и того, чем закончится битва. Я пытаюсь сосредоточиться и узреть будущее — но вижу лишь город из стекла и стали, и в нем нет ни Артура, ни Ланселота, а затем видение исчезает, и я все еще не знаю, идти мне к Артуру со своим тайным знанием или же хранить молчание.

Я понимаю, что все это уже случилось, и что бы я ни сказал или сделал, и Круглый стол, и рыцари,

и сам Артур превратились в прах… Но они живут по ходу Времени, и для них важно то, что на моих глазах распалось и ушло в небытие.

Ланселот говорит, и я изумляюсь силе его веры, чистоте его добродетели, пронизанной вечным сомнением. Он не боится погибнуть от руки Черного Рыцаря, но боится предстать перед Господом, если причина его смерти будет в нем самом. Я смотрю на него — человека, который изо дня в день чувствует, как крепнут узы нашей дружбы, в то время как я с каждым днем знаю его все меньше и меньше, — и наконец кладу руку ему на плечо и говорю, что он победит, что мне было видение Черного Рыцаря, лежащего мертвым на поле боя, и над ним он, Ланселот, в победном торжестве подъемлет свой окровавленный меч.

— Ты уверен, Мерлин? — с сомнением спрашивает он.

Я говорю, что уверен. Я мог бы сказать и больше — что я вижу будущее, что теряю его с той же быстротой, с какой познаю прошлое, — но у него свои трудности, да и у меня, как я понимаю, тоже, ибо чем меньше я знаю, тем старательней должен прокладывать путь для Мерлина-юнца, который вовсе ничего не будет помнить. Это о нем я должен думать прежде всего — я говорю в

третьем лице, поскольку совершенно ничего о нем не знаю, да и он вряд ли помнит меня; тем более не вспомнит ни Артура, ни Ланселота, ни мрачного злодея Мордреда — ибо с каждым моим прошедшим днем, с каждым развернувшимся витком Времени он все меньше будет способен совладать со своими трудностями, даже определять их, не говоря уж о том, чтобы разрешать. Я должен оставить ему оружие, чтобы он мог защищать себя, оружие, с которым он справится, как бы мало он ни помнил меня, и этим оружием я избрал суеверие. Когда-то я творил чудеса, записанные в книгах и обоснованные законами природы, теперь же, когда тайны тех чудес одна за другой исчезают в небытии, я должен заменить их чудесами, которые ослепляют зрение и поражают страхом сердца, ибо, лишь обезопасив прошлое, смогу я обеспечить будущее — а его, будущее, я уже прожил. Надеюсь, я был добрым человеком, мне бы хотелось так думать, но так ли это на самом деле — не знаю. Я исследую мой разум, ищу слабости, как в телах моих пациентов ищу источники болезни, — но я есть лишь сумма моего опыта и памяти, а то и другое бесследно исчезло, и остается только надеяться, что я не посрамил ни себя, ни Господа своего.

Ланселот уходит, а я поднимаюсь и иду бродить по замку, и странные видения наполняют мой разум, мимолетные картины, которые кажутся даже осмысленными, покуда я не пытаюсь на них сосредоточиться — и тогда они становятся непостижимы. Я вижу, как бьются громадные армии, каждая из которых числом превосходит все население Артурова королевства, и я знаю, что в самом деле видел эти битвы, стоял на поле боя, быть может, даже сражался на той или иной стороне… но цвета их мне незнакомы, а оружие, которым они бьются, даже мне кажется настоящим колдовством.

Я помню огромные межзвездные корабли, которые без парусов и мачт бороздят небесные моря, и думается, что это сон, но почти тут же я вижу себя стоящим у оконца — я гляжу на звезды, мимо которых мы пролетаем, вижу каменистые лики и многоцветье далеких миров, а затем — миг спустя — я снова в замке, и боль безмерной потери терзает меня, точно я знаю, что даже этот сон никогда уже не придет ко мне.

Я решаю сосредоточиться, заставить себя вспомнить — но видения больше не появляются, и я чувствую себя старым дурнем. И зачем только я это делаю? Не знаю. Это не могло быть ни сном,

ни воспоминанием, ведь всем хорошо известно, что звезды суть огни, которыми Господь освещает ночное небо, они прибиты к черному бархатному плащу… И в тот миг, когда я понимаю это, я уже не в силах вспомнить, как выглядели межзвездные корабли, и знаю, что очень скоро забуду даже, что когда-то они мне снились.

Я продолжаю бродить по замку и, дабы обрести уверенность, касаюсь знакомых предметов: вот эта колонна была здесь вчера, будет завтра и пребудет вовеки, ибо она вечна. Мне приятно постоянство вещей, предметов не таких эфемерных, как моя память, ведь их нельзя стереть с лица земли с той же легкостью, как из моего разума стирается прошлое. Я останавливаюсь около часовни и читаю надпись на стенной плите — по-французски она гласит: «Часовню сию… Артур, король бриттов». Третье слово незнакомо, и это беспокоит меня, ибо до сих пор я всегда мог прочесть надпись на плите. А затем я вспоминаю, что завтра утром спрошу у сэра Эктора, означает ли это слово «построил» или «возвел», а он ответит «открыл», и я запомню значение этого слова до конца моих дней.

Но сейчас меня охватывает панический страх, ведь я уже забываю не только образы и события,

но и слова, и остается лишь гадать, не придет ли день, когда люди заговорят со мною, а я ничего не пойму и буду лишь глядеть на них в немом смятении, глядеть большими, ласковыми и бессмысленными глазами теленка. Я понимаю, что пока потерял всего лишь одно французское слово, но и это тревожит меня, ибо в будущем я бегло говорю по-французски, и по-немецки, и по-итальянски, и… Знаю, есть еще язык, на котором я могу читать, говорить и писать, но вдруг это знание исчезает, и тогда я понимаю, что еще один навык, еще одно воспоминание, еще одна часть меня канула в бездну, откуда нет возврата.

Я отворачиваюсь от плиты и иду назад в свои покои, стараясь не глядеть по сторонам — из страха увидеть здание или предмет, которого нет в моей памяти, что-то постоянное, но неведомое мне… А в покоях меня ждет судомойка. Она молода и весьма хороша собой, и завтра я узнаю ее имя, буду перекатывать его на языке и дивиться тому, как оно мелодично, даже когда слетает с моих дряблых губ; но сейчас я смотрю на нее и осознаю, что не могу вспомнить, кто она такая. Я надеюсь, что не разделял с ней ложа, — мне кажется, что чем моложе я буду становиться, тем больше буду склонен к сумасбродствам, —

но надеюсь лишь потому, что не хочу задеть ее чувства; немыслимо было бы объяснять ей, что я никак не могу ее помнить, что восторги прошлой ночи, прошлого года мне еще неведомы.

Однако она явилась сюда не возлюбленной, но просительницей — у нее сын, который прячется в тени у моего порога; женщина зовет его, и он, хромая, подходит ко мне. Я смотрю на мальчика и вижу, что он колченог — лодыжка искривлена, ступня вывернута вовнутрь — и явно стыдится своего уродства.

— Можешь ты помочь ему? — спрашивает судомойка. — Можешь сделать так, чтобы он бегал сломя голову, как другие мальчики? Я отдам тебе все, что у меня есть, все, чего ты ни пожелаешь, только сделай его таким как все.

Я смотрю на мальчика, на его мать и снова перевожу взгляд на мальчика. Он так юн, он почти не знает жизни, и хочется помочь ему, но я уже не знаю — как. Когда-то знал…

Когда-нибудь настанет время, и дети не будут идти по жизни хромая, страдая от боли и унижения; я знаю, так оно и будет, я знаю, что когда-нибудь сумею излечивать и худшие болезни, чем колченогость; во всяком случае, я думаю, что знаю это, а наверняка знаю лишь одно — этот

мальчик родился калекой, калекой он проживет жизнь и калекой умрет, и я ничего не могу с этим поделать.

— Ты плачешь, Мерлин, — говорит судомойка. — Неужели вид моего сына так оскорбил тебя?

— Нет, — говорю я, — не оскорбил.

— Так почему же ты плачешь? — спрашивает она.

— Плачу потому, что ничего другого мне не остается, — отвечаю я. — Плачу о жизни, которой не узнает твой сын, и о жизни, которую я забыл.

— Не понимаю, — говорит она.

— Я тоже, — отвечаю я.

— Значит ли это, что ты не поможешь моему сыну? — спрашивает она.

Я не знаю, что это значит. Я вижу, как ее лицо становится старше, худее и горестней, а потому знаю, что она еще не раз придет ко мне, но ее сына я вовсе не могу увидеть и не знаю, помогу ли ему, а если помогу, то как именно? Я закрываю глаза, вновь пытаясь сосредоточиться и увидеть будущее. Можно ли лечить колченогих? Будут ли люди хромать и на Луне?

Будут ли старики плакать оттого, что не в силах помочь? Я пытаюсь вспомнить — но воспомина-

ния, как всегда, ускользают.

— Мне надо все обдумать, — говорю я наконец. — Приходи завтра, может быть, я сумею тебе помочь.

— Колдовством? — жадно спрашивает она.

— Да, — говорю я, — колдовством.

Она подзывает мальчика, и они уходят вдвоем, и я понимаю, что ночью она вернется одна, во всяком случае я почти уверен, что завтра узнаю ее имя. Мэриан, либо Миранда, или еще какое-то имя, начинающееся на «М», а может быть, Элизабет.

Но я знаю, я почти уверен, что женщина вернется, ибо сейчас лицо ее кажется мне более реальным, чем когда я только увидел ее. Или я не видел ее прежде? Все труднее и труднее отделять события от воспоминаний, воспоминания от сновидений.

Я сосредоточиваюсь на ее лице, лице Мэриан либо Миранды, но видится мне совсем иное лицо, прекрасное лицо со светло-голубыми глазами, с высокими скулами и сильным ртом; лицо, обрамленное длинными каштаново-рыжими волосами. Это лицо некогда много значило для меня, и когда я вижу его, то ощущаю нежность, тревогу, боль потери, но почему — не знаю.

Я инстинктивно чувствую, что это лицо значило… будет значить для меня больше, гораздо больше, чем другие, что оно принесет мне горе и счастье, подобных которым я не ведал ранее. Есть еще имя — не Мэриан или Миранда, как-то иначе; пытаюсь вспомнить его, но бесполезно — чем ожесточеннее мои попытки, тем легче оно ускользает от меня.

Любил ли я ту, которой принадлежит это лицо? Принесем ли мы друг другу радость и счастье? Произведем ли на свет здоровых, крепких ребятишек, чтобы утешали нас в старости?

Не знаю, ведь моя старость прошла, а ее еще не наступила, и я забыл то, чего она еще не знает.

Я пытаюсь яснее представить ее лицо. Как мы встретимся?

Что привлечет меня к тебе? Есть, верно, сотни мелких привычек, недостатков и достоинств, из-за которых я полюблю тебя.

Какую жизнь ты проживешь, какой смертью умрешь? Буду ли я рядом, чтобы облегчить последние минуты, и кто облегчит мое существование, когда тебя не станет? К лучшему ли, что я не могу больше вспомнить ответа на эти вопросы?

Мне кажется, что если я сумею как следует

сосредоточиться, то непременно вспомню все. Ничье лицо никогда не было так важно для меня, даже лицо Артура, и я отсекаю все прочие мысли, закрываю глаза и сотворяю ее лицо (ну да, сотворяю — в конце концов, Мерлин я или нет?), — но сейчас я уже не уверен, что это именно ее лицо. Такой ли формы был ее рот? Так ли светлы глаза, такого ли каштанового оттенка волосы? Сомнения овладевают мной, и я воображаю, что глаза ее темнее, волосы светлей и короче, нос тоньше; и тогда я понимаю, что никогда в жизни не видел этого лица, что мои же сомнения обманули меня, что память еще не окончательно изменила, и я снова пытаюсь воссоздать ее портрет на холсте моего разума, но ничего не выходит — пропорции неверны, цвета расплывчаты, — но все равно я цепляюсь за это сходство, ибо если я потеряю ее сейчас, то потеряю навеки. Я обращаю все внимание на глаза, делаю их больше, синее, светлее и наконец остаюсь ими доволен, но теперь они на лице, которое совершенно мне незнакомо, а истинное ее лицо ускользает от меня с той же легкостью, что и ее имя, и ее жизнь.

Я прихожу в себя и понимаю, что сижу в собственном кресле. Я вздыхаю. Не знаю, сколько я просидел вот так, пытаясь вспомнить лицо…

лицо женщины, но теперь я и в этом не уверен… и тут я слышу деликатное покашливание, поднимаю голову и вижу, что рядом стоит Артур.

— Нам нужно поговорить, мой старый друг и учитель, — говорит он, придвигая другое кресло и усаживаясь.

— Нужно? — переспрашиваю я.

Он твердо кивает.

— Круглый стол распадается, — говорит он серьезно. — В королевстве неладно.

— Так защити свои права и восстанови прежний порядок, — говорю я, все еще не зная, что он имеет в виду.

— Это не так-то легко, — говорит он.

— Это всегда нелегко, — отвечаю я.

— Мне нужен Ланселот, — говорит Артур. — Он лучший из лучших, и после тебя он самый близкий мой друг и советник. Он думает, я не знаю, что он творит, но я знаю, хотя делаю вид, что не знаю.

— Что ты предлагаешь? — спрашиваю я.

Артур оборачивается ко мне, в глазах его мука.

— Не знаю, — говорит он. — Я люблю их обоих, я не желаю причинять им боли, но самое главное — не я, не Ланселот, не королева, а Круглый стол. Я создал его, чтобы он существовал вечно, и он

должен уцелеть.

— Нет ничего вечного, — говорю я.

— Есть, — убежденно отвечает он. — Идеалы. Есть Добро и есть Зло, и тех, кто верит в Добро, должно поднять и счесть.

— Разве ты не совершил это? — спрашиваю я.

— Да, — говорит Артур, — но до сих пор сделать выбор было легко. Теперь я не знаю, какой путь избрать. Если перестану притворяться незнающим, я должен буду убить Ланселота и сжечь королеву на костре, а это наверняка разрушит Круглый стол.

Он умолкает и глядит на меня.

— Скажи мне правду, Мерлин, — говорит он. — Будет ли Ланселот лучшим королем, нежели я? Я должен это знать, ибо, если это спасет Круглый стол, я готов отступить, и он обретет все — трон, королеву, Камелот. Но я должен знать наверное!

— Кто знает, что сулит будущее? — отзываюсь я.

— Ты знаешь, — говорит он. — Во всяком случае, так ты говорил мне, когда я был еще мальчишкой.

— В самом деле? — с любопытством спрашиваю я. — Должно быть, я ошибался. Будущее так же непознаваемо, как прошлое.

— Но ведь все знают прошлое, — говорит он. — Люди боятся именно будущего.

— Люди боятся неведомого, в чем бы оно ни крылось, — говорю я.

— По-моему, — говорит Артур, — только трусы боятся неведомого. Когда я был молод и создавал Круглый стол, я не ждал, когда настанет будущее. Я просыпался за час до рассвета и лежал в постели, трепеща от волнения, мечтая увидеть, какие новые победы принесет мне новый день.

Вдруг он вздыхает и словно начинает стареть у меня на глазах.

— Но я уже не тот, — продолжает он после глубокомысленного молчания, — и теперь я боюсь будущего. Я боюсь за Джиневру, за Ланселота, за Круглый стол.

— Ты не этого боишься, — говорю я.

— О чем ты? — спрашивает он.

— Ты боишься того, чего боятся все люди, — говорю я.

— Не понимаю, — говорит Артур.

— Верно, — отвечаю я. — А теперь ты боишься даже признаться в собственном страхе.

Он делает глубокий вдох и прямо, не мигая, смотрит мне в глаза, ибо он воистину храбр и честен.

— Ладно, — говорит он наконец. — Я боюсь за себя.

— Это же естественно, — говорю я.

Он качает головой.

— Мерлин, — говорит он, — это чувство неестественно.

— Вот как, — говорю я.

— Я потерпел неудачу, Мерлин, — продолжает он. — Все распадается вокруг меня — и Круглый стол, и причины, по которым я его создал. Я прожил самую лучшую жизнь, какую только мог прожить, но, видно, вышло это недостаточно хорошо. Теперь мне осталось только умереть, — он неловко умолкает, — и я боюсь, что умру не лучше, чем жил.

Сердце мое рвется к нему, юноше, которого я не знаю, но когда-нибудь узнаю, и я ободряюще кладу руку ему на плечо.

— Я король, — продолжает он, — а если король ничего иного не делает, он должен умереть достойно и благородно.

— Государь, — говорю я, — ты умрешь достойно.

— Правда? — неуверенно переспрашивает он. — Погибну ли я в бою, сражаясь за свою веру, когда другие покинут меня, — или я умру дрях-

лым, болтливым, выжившим из ума стариком, который не осознает, что творится вокруг?

Я решаю еще раз заглянуть в будущее, чтобы успокоить его.

Я закрываю глаза и смотрю перед собой, но вижу не безумного лопочущего старца, а бездумного лепечущего младенца, и этот младенец — я сам.

Артур пытается заглянуть в будущее, которого он боится, а я, живущий в обратном направлении, гляжу в будущее, которого боюсь я… и я понимаю, что различия между нами нет, что именно в таком унизительном состоянии человек вступает в мир и покидает его, и лучше бы ему научиться сполна использовать время между приходом и уходом, ибо ничего иного не дано.

Я повторяю Артуру, что он умрет смертью, о которой мечтает, и наконец он уходит, а я остаюсь наедине со своими мыслями. Надеюсь, что смогу встретить свою кончину с той же отвагой, с которой Артур готов встретить свою… но сомневаюсь, что мне это удастся, ибо Артур может лишь догадываться, в каком обличье придет к нему смерть, а я вижу свой конец с ужасающей ясностью. Я пытаюсь вспомнить, как же умрет Артур, но и это воспоминание исчезло, растворилось во мгле Времени, и я понимаю, что осталось

совсем немного частиц меня, которым суждено распасться — и я превращусь в того самого младенца, знающего только голод и страх. Не конец мучает меня, но осознание конца, ужасное понимание того, что это происходит со мной — а я лишь бессильно наблюдаю за распадом того, что некогда сделало меня Мерлином.

Юноша проходит мимо двери и машет мне рукой. Я не помню, чтобы видел его раньше.

Сэр Пеллинор останавливается, чтобы поблагодарить меня.

За что? Не помню.

Почти стемнело. Я жду кого-то. Я полагаю, что это женщина; я почти вижу ее лицо. Верно, надо приготовить спальню до ее появления… и вдруг я понимаю, что забыл, где находится спальня. Надо поскорее записать все, пока еще я не лишился дара письменности.

Все исчезает, ускользает, уносится с ветром.

Пожалуйста, кто-нибудь, помогите мне.

Мне страшно.

перевод Т. Кухты

Синда Уильямс Чайма
КУПЕЦ И РАБЫНЯ

Синда Уильямс Чайма — автор популярной книжной серии для юношества «Heir Chronicles», состоящей из романов «The Warrior Heir», «The Wizard Heir» и «The Dragon Heir». Ожидаются еще две книги этого цикла. В 2009 году Чайма начала издавать тетралогию под общим названием «Seven Realms», открывающуюся романом «The Demon King». Следующий роман, «The Exiled Queen», вышел через год. С подробностями можно ознакомиться на сайте cindachima.com.

Лорд Актон сказал: «Всякая власть развращает, но абсолютная власть развращает абсолютно». И это определенно относится ко всем магам. Во «Властелине колец» Дж. Р. Р. Толкина темный лорд Саурон создает прекрасное кольцо с целью поработить других обладателей Колец Власти. В «Черном котле» Ллойда Александера злобный Рогатый Король ис-

пользует кухонную утварь своего имени, чтобы призвать армию рабов-зомби. У Джеффа Грабба и Кейт Новак в романе «Azure Bonds» страдающая амнезией женщина-воин, очнувшись, обнаруживает на предплечье татуировку с магическими символами. Когда они светятся, воительница вынуждена подчиняться мысленным приказам зловещих заговорщиков.

В таком случае, почему бы магам просто с милой улыбкой не попросить о желаемом? Почему им вечно требуется кого-то покорять и порабощать?

Героиня нашего следующего рассказа обнаруживает, что против воли стала пешкой в руках злобного мага; те, кто знаком с «Heir Chronicles» Чаймы, знают ее как волшебницу Линду Давни. История начинается с эпизода, который не вошел во вторую книгу. Чайма признавалась, что с болью в сердце вычеркивала эту сцену. Ну, я и предложил развить ее для антологии, и в результате получился прекрасный самостоятельный рассказ.

Дом у моря всегда был холоден и мрачен. Свет здесь скорее был исключением, чем правилом. Тьма скапливалась в углах, неважно, день стоял или ночь.

Иногда Линде мерещилось, что там прячутся твари и наблюдают за ней. Впрочем, и без воображаемых монстров хватало реальных, и от этой мысли бросало в дрожь. В конце концов, фантазия имеет свои пределы.

Когда Линда вошла в прихожую, Гарлок болтал, энергично размахивая руками, словно лоточник, расхваливающий свой товар. Это была его обычная уловка — ввести клиента в заблуждение, усыпить его бдительность. Незнакомец, склонив голову набок и держась одной рукой за предплечье другой, внимательно слушал. Этот посредник — высокий, стройный, с крупными руками, скромно одетый — конечно, тоже маг. Жизнь оставила на его лице явные свидетельства своей неблагосклонности.

На правой кисти сверкало кольцо с большим камнем. Оно выглядело неуместно в сочетании с более чем скромной одеждой. Что за камень в перстне, Линда не могла сказать наверняка. Как и не могла определить возраст мага. Он напоминал леопарда, поджарого, сильного, всегда готового к

прыжку. Хищник до мозга костей.

Длинный плащ промок под дождем в долгом пути, он испускал пар, как будто тело у мага горячее, как утюг. Впрочем, он мог умышленно исказить свой облик, как и телесные свойства, с помощью волшебства.

«Ну что ж, — подумала Линда, — должно быть, он и впрямь не прост. Иначе был бы уже мертв, и Гарлок не послал бы за мной».

В силу привычки она ничем не выдала, что приметила все эти мелочи. Линда вообще была приучена к скрытности. Все гости Гарлока — барышники, все одним миром мазаны. Не ее дело вмешиваться. Главное — самой выжить.

Вот было бы счастье, если бы в итоге они истребили друг друга!

Когда Линда вошла в комнату, барышник вскинул голову, хотя с места не двинулся.

Она остановилась перед ним, уткнувшись взором в пол и расслабленно свесив руки. На ней было шелковое платье — свободное, вроде ночной рубашки. Под изящно завязанным полупрозрачным шарфом скрывался серебряный ошейник.

Вообще-то, одежда значения не имела. Подлинная сила кипела под кожей, а глаза были

дверцами, ведущими к уникальному дару. Сильный, бдительный маг мог сопротивляться ей, но большинство предпочитало этого не делать. Большинство охотно шло в ее сети, рассчитывая на неземное блаженство.

Она вдруг посмотрела в глаза барышника, зеленые, утопленные под густыми черными бровями. Пожалуй, нос великоват, кожа плотно обтягивает высокие скулы. До странности привлекательное лицо — при том, что отдельные черты не отличаются красотой.

Их взгляды встретились. Гость непроизвольно отступил на шаг назад и посмотрел на Гарлока. Голос у него был холодный, как ноябрьский день.

— Чаровница? Мне казалось, я выразился достаточно ясно. Я представляю синдикат, желающий приобрести командного игрока для Игры. Нам нужен человек из воинской гильдии!

— Конечно, господин Ренфрю, — сказал Гарлок, потирая руки. — И вы получите его, если сумеем договориться. Однако наш брат купец тороват любыми диковинами. Есть колдуны и воины, предсказатели и заклинатели… Я подумал, что не будет лишним показать чаровницу. Пусть она не понадобится представляемому вами синдикату,

но, возможно, вы знаете кого-нибудь еще…

Спустя мгновение Ренфрю дотронулся до ее подбородка и заставил приподнять голову — хотел, чтобы снова посмотрела ему в глаза. Он изучал Линду, оценивая не то ее силу чаровницы, не то собственную возможность сопротивляться. Линда расправила плечи и смело встретила взгляд, оплетая барышника шелковыми тенетами своей привлекательности. Надо знать свое место. Правила тут устанавливают маги, а не она.

— Молодая. — Ренфрю отпустил ее подбородок и провел ладонью по темным кудрям. — Сколько ей?

Гарлок по-хозяйски положил руку на плечо Линде.

— Молодость — преимущество, по мнению многих, учитывая, что чаровницы живут не так долго, как маги.

— Как ее зовут? — спросил Ренфрю, по-прежнему обращаясь к одному Гарлоку, словно Линда была лошадью или певчей птицей.

Или словно не решался вовлечь ее в разговор.

— Линда Давни, — ответил Гарлок.

Он не сомневался, что клиент в его руках. Линда такой уверенности не испытывала, поскольку не могла понять, удалось ли ей заинтересовать

гостя. Она вообще его не понимала.

— А что насчет парня? Воина, за которым я пришел? — Ренфрю приподнял рукав и взглянул на часы. — Ужасная погода, мне следует поторопиться, если я хочу вернуться в Йорк.

Гарлок будто пощечину получил. Однако через мгновение взял себя в руки.

— Ах да, воин… — сказал он, прочистив горло. — Его вы сможете увидеть завтра.

Ренфрю сделал шаг в направлении Гарлока, и тот вскинул руки ладонями наружу, как бы защищаясь от удара. Его слова сыпались, словно горох из худого мешка:

— Не всегда воины есть под рукой, и я должен убедиться, что вы серьезный покупатель. Согласитесь, в наше время, когда воинов не хватает, неразумно держать такой ценный товар на складе.

В голосе Гарлока звучали примиренческие нотки, но Линда знала, что за этим скрывается: он взбешен, и, ясное дело, расплачиваться придется ей. Она вздрогнула и прикусила губу, пытаясь унять бешено бьющееся сердце. Подняв глаза, обнаружила, что Ренфрю, прищурившись, смотрит на нее. Затем он перевел взгляд на Гарлока.

— Ну нет, с этим я не соглашусь.

Каждое слово вонзалось в нее, как копье в лед.

— Не для того я проделал долгий путь из Йорка, чтобы меня кормили завтраками. Я должен точно знать, что у вас есть интересующий меня товар. — Он помолчал и негромко добавил: — Или что его нет.

Линда бочком-бочком отступила в сторону, не желая оказаться на линии огня, — похоже, вот-вот с обеих сторон полетят пылающие шары.

Гарлок, конечно, заметил это и, прежде чем снова обратиться к Ренфрю, бросил на Линду сердитый взгляд.

— Вы принесли то, что предложили в обмен? — проворчал он. — Камень «сердце дракона».

Ренфрю коротко кивнул:

— В отличие от вас, я подготовился к сделке.

Разжав кулак, он продемонстрировал камень, за столетия отполированный руками магов. Волшебный артефакт мягко мерцал, словно излучая свет изнутри.

Камень исчез так же быстро, как появился.

— Когда я буду уверен в серьезности ваших намерений, сможете проверить его более основательно.

Линда опустила взгляд. Проклятье! Ренфрю держит камень при себе. Это и решило его судь-

бу: сегодня ночью он умрет, а Гарлок получит желаемое.

Гарлок смотрел на кулак гостя, в котором скрылось «сердце дракона».

— Очень хорошо. Я пошлю за парнем. Он будет здесь завтра утром, и мы произведем обмен.

— В таком случае, и я вернусь утром, — ответил Ренфрю. — Перед приходом извещу вас, чтобы не тратить время на еще одну бесполезную прогулку.

Он отступил к двери, не поворачиваясь к Гарлоку спиной.

Умен, ничего не скажешь. Умнее большинства из них. И, видимо, сильно заинтересован в этой сделке.

— Бога ради, разделите с нами кров, — взмолился Гарлок в показном приступе радушия. — Сами же сказали, до Йорка далеко. Несколько часов туда, столько же обратно, да и непогода разгулялась. Я постараюсь не разочаровать вас своим гостеприимством.

Ренфрю отступил еще на шаг.

— Спасибо, но нет. Прогулка прочистит мне мозги.

Он снова выглядел расстроенным, а дыхание стало учащенным и неровным.

Возможно, чары Линды в конце концов подействовали на него. Так ведь ей пришлось приложить немалые усилия.

Почувствовав слабину, Гарлок грубо подтолкнул ее к барышнику.

— Останьтесь с нами. Линда приготовит ужин. Возможно, мы заключим еще одну сделку.

Его улыбка обещала не только сытную трапезу. Линда от всей души надеялась, что ей не придется выполнять обещание Гарлока.

Она знала свою роль. Сжала руку Ренфрю и улыбнулась ему, чувствуя, как волны силы проходят сквозь ее и его одежду.

— Пожалуйста, останьтесь. — Ее голос магической сетью опутывал барышника. — Так хочется послушать ваш рассказ об Игре.

Он замер, не сводя с нее взгляда, точно пригвожденный к месту ее прикосновением. И вдруг вскинул брови:

— За идиота меня принимаете?

Несмотря на молодость, Линда преуспела в искусстве делать из умных мужчин идиотов. Поднявшись на цыпочки, она прикоснулась к щеке Ренфрю.

Его глаза расширились, он отшатнулся и оттолкнул руку Линды, но потом снова замер, не

сводя взгляда с ее лица. Сделал глубокий вдох и наконец изрек:

— Ладно. Вопреки своему первоначальному намерению, я останусь.

— Вот и отлично, — снова включился в разговор Гарлок. — Я покажу вашу комнату, пока Линда собирает ужин.

Прежде чем отвернуться, он бросил на Линду хмурый взгляд. Выволочка ей обеспечена. И не просто выволочка. Сунув пальцы под шарф, она оттянула от кожи металл и мысленно выругалась.

Маги направились в жилой флигель, а Линда в противоположном направлении, на кухню. Отперла висящим на поясе ключом буфет, положила на стойку серебряный поднос и поставила на него специально для таких случаев предназначенные два хрустальных бокала и графин. Сняла с полки бутылку. Сегодняшнему гостю лучше предложить «мерло» или «каберне», их резкий вкус что угодно замаскирует. Она достала из буфета мешочек, зубами разорвала его и высыпала содержимое в графин. Умело откупорила бутылку, перелила в графин, закрыла пробкой и взболтала. В прозрачном сосуде вино было похоже на кровь.

Так, теперь кушанья. Маги не страдают отсутствием аппетита.

Не успела Линда расставить еду на подносе, как слабый звук за спиной подсказал, что на кухне появился кто-то еще. Она обернулась, и тут же ошейник послал в позвоночник волну обжигающей боли. Линда рухнула на колени, пытаясь сорвать обруч; колени и ладони вспыхнули от удара о пол. Присев на корточки, Гарлок схватил ее за волосы и дернул назад, чтобы лучше видеть ее лицо.

— Тебе не кажется, девочка, что с гостями надо быть поприветливее? Раньше мне почему-то казалось, что ты знакома с магией соблазнения.

На последнем слове он снова заставил ошейник сжаться раскаленным обручем. Она тяжело задышала, но сдержала крик. Сейчас надо успокоить его, а убедиться лишний раз в том, что он способен причинить страшную боль, она всегда успеет.

Линда положила руки магу на плечи и посмотрела в мутные глаза. Действовала мягко, исподволь — Гарлок терпеть не мог манипуляций.

— К нему неприменим… агрессивный подход. Хотите отпугнуть его? — Она глубоко вздох-

нула. — Пока что я справлялась неплохо. Да и сейчас… Разве он не остался?

Несколько секунд Гарлок смотрел на нее, а потом медленно кивнул, пожевывая губу. Она поняла, что убедила купца. Наконец он поднялся, протянул руку и помог ей встать.

— Позаботься, чтобы он выпил вино, и покончим с этим. — Он рывком притянул ее к себе, грубо поцеловал, царапая щетиной на подбородке и щеках, и улыбнулся в порыве сентиментальности: — Временами ты просто сводишь меня с ума.

Он облизнул губы, словно смакуя поцелуй.

«Ты был не в своем уме еще до моего появления здесь», — подумала она, оправляя волосы, шарф и платье.

Линда подхватила поднос, распрямила плечи. Все как всегда. Гарлок труслив и не блещет талантом. Если что-то идет не так, страдать приходится ей.

Она еще не вырвала клыки у дракона.

Ренфрю ждал в комнате для гостей, расположенной прямо под кабинетом Гарлока. Там были огромная резная кровать, шкаф, письменный стол, кресло, а еще круглый столик и кресла рядом с ним.

Раскрыв ставни, барышник смотрел на хлещу-

щий за окном дождь. Ветер шевелил волосы, пол у ног был забрызган, но гость как будто не замечал этого. Далеко внизу Северное море билось о скалы. Огонь в камине угас, однако Ренфрю не разжигал его, несмотря на холод.

— Вот ваш ужин.

Линда опустила поднос на столик. Барышник не повернулся к ней, вообще не проявил интереса.

— Вы простудитесь у открытого окна.

Она обошла гостя, собираясь закрыть ставни, и почувствовала, как его рука сомкнулась на хрупком запястье.

— Не трогай, — хрипло проговорил он. — Мне нужен свежий воздух.

— Как скажете.

Она не пыталась освободиться. Ренфрю отпустил ее сам и снова повернулся к окну.

— Почему бы вам не разлить вино, пока я разжигаю огонь?

Она опустилась на колени перед камином. Конечно, проще было бы предоставить это магу, но пусть он лучше займется вином — если сам нальет не только себе, но и Линде, это усыпит его подозрения.

А с камином она и сама легко управится — ей

это давно не в диковинку.

Повернув голову, она увидела, что Ренфрю подошел к столику, наполнил вином один бокал, пересек комнату и протянул ей. После еле заметного колебания она взяла бокал.

— А вы не выпьете?

— Спасибо, не хочу.

Опять он замер в этой странной позе — вцепившись одной рукой в предплечье другой. По его лицу скользнула улыбка — как будто он сделал ход и теперь ждет ответного.

Пить в одиночку смысла не было — ее магия пойдет на убыль, а его ничуть не пострадает. Хватит и того, что изначально они неравны.

Линда поставила стакан на поднос.

— Пожалуйста… поешьте. Ужин холодный, но если так и будет стоять, вкуснее не сделается. Я к вам вскоре присоединюсь.

Может, он захочет запить еду вином?

Может, следовало выбрать другое вино, более пряное?

Может, если подойти к нему и дотронуться, он станет посговорчивее? Но тогда про ужин придется забыть. Линда опустилась в кресло и закинула ноги на подлокотник; юбка при этом соскользнула, обнажив колени.

Маг продолжал стоять.

— Думаю, вам лучше взять вино и уйти. — Он кивнул на дверь.

«Он знает, что это ловушка, — запаниковала Линда. — С самого начала знал».

Тогда почему остался?

Линда вздрогнула, чувствуя, как паника сжимает горло. Если она потерпит неудачу, Гарлок живьем снимет с нее кожу. Она постаралась успокоиться и не винить себя. Ренфрю — всего лишь очередной гость, очередная жертва. Она сделает все, чтобы выжить, чтобы добыть себе свободу.

Она встала и подошла к нему, совсем близко.

— Вы не голодны?

Привстав на цыпочки, обвила руками его шею, наклонила к себе и поцеловала.

Спустя мгновение он ответил на поцелуй. Она почувствовала в нем такую мощную вспышку желания, что ее чуть не швырнуло на пол. Потом Ренфрю отстранил ее, упершись руками в грудь, — и вдруг осознал, к чему прикасается. Тогда он отдернул руки, словно обжегся.

— Ты всего лишь дитя. — Он тяжело дышал, сверкая глазами. — Не следовало тебе во все это впутываться.

— Я не дитя, мне восемнадцать, — горячо воз-

разила она, по привычке накинув себе год.

И снова подошла к нему, рассчитывая на преимущество юности.

Он вытянул руки, как бы собираясь обнять ее, но вместо этого внезапно замер и произнес заклинание. Вскинул кисти, быстрыми гневными движениями рисуя в воздухе нужные символы и все время бормоча. Вроде бы среди прочего ей послышалось: «Восемнадцать! Ха!»

Завеса света, такого яркого, что больно глазам, начала окружать их со всех сторон. Когда маг закончил, они оказались внутри крошечной комнаты со стенами из света, примерно шесть на шесть футов.

— Ну, вот мы и наедине, — сказал он. — Твой сообщник не придет на помощь. Даже не услышит криков.

— Он мне не сообщник! — воскликнула Линда.

Ренфрю улыбнулся — той улыбкой, от которой идут мурашки по коже.

— В самом деле? Постарайся убедить меня в этом поскорее. Я не слишком терпелив.

«Гарлок, ну и болван же ты, — подумала она. — Поймал льва в силок для кролика».

— Пообещай вести себя хорошо, и я отпущу тебя.

Она неохотно кивнула, и невидимые путы исчезли. Но не совсем — коснувшись пальцами стены из света за спиной, Линда почувствовала, что та подалась лишь самую малость.

— Гарлок не будет в восторге, — пробормотала она себе под нос. — Он большой любитель подсматривать.

Она подняла взгляд к потолку: Гарлок, конечно, над ними, в кабинете.

Гость пропустил предостережение мимо ушей.

— Давай выкладывай, что у вас тут за игра.

Трудно объяснить, что заставило ее сказать правду. Возможно, висящая в воздухе угроза — Линда была как птичка в руке этого мага.

Однако была в нем какая-то искренность — по сравнению с Гарлоком, по крайней мере. Он казался сосредоточенным, прямолинейным и беспощадным. Быть рядом с ним — все равно что в одном логове с волком.

А может, все дело в неумолимой жестокости происходящего? В затянувшемся спектакле с надоевшими актерами, среди которых наконец-то появилось новое лицо?

Линду уже просто тошнило от этого спектакля. Она смертельно устала.

И она отринула осторожность.

— Игра называется «замани и убей». — Линда посмотрела Ренфрю в глаза. — Он с самого начала планировал вас прикончить и забрать камень. И на самом деле он вовсе не брокер. Всего лишь торгует магическими артефактами. Я единственный живой товар, который у него есть.

Ренфрю задумчиво потер лоб.

— Что в вине?

— Зелье, чтобы на время обезвредить ваш камень, ну и снотворное для вас. Так проще убить.

— И как вы это делаете? — язвительно спросил он. — Кинжалом в сердце? Графином по голове? Или, может, вы…

— Не я, — прервала его Линда. — Я всегда ухожу до того. Моя задача — чтобы гость выпил вино.

Слезы обожгли глаза. Нет! Больше она не станет плакать. И уж тем более перед этим человеком.

— И сколько было таких гостей?

Похоже, его расспросам, словно моросящему дождю, не будет конца. Слезы все-таки хлынули. Проклятье! Она отвернулась, вытирая лицо рукавом.

— За последний год десять-двенадцать.

На самом деле — восемнадцать.

Последовала короткая пауза.

— Значит, никакого воина у него нет? — нако-

нец устало спросил он.

— Был Джаред, но он умер полгода назад. Покончил с собой.

Воин Гарлока был физически силен, но вот что касается стремления выжить… Нет, в этом до Линды ему было далеко.

— Умер, — повторил Ренфрю, играя кольцом на пальце с таким огорченным видом, словно для него это была личная потеря.

— Да, вам придется поискать в другом месте.

— Конечно, — кивнул он машинально, погруженный в невеселые мысли.

— И что дальше? Вы собираетесь убить меня? — Линда встала, подбоченилась, одно колено выставила вперед. — Может, и впрямь это будет лучше того, что со мной сделает Гарлок, — добавила она почти буднично, не вкладывая в слова никаких эмоций.

Он снова сосредоточил внимание на ней.

— Есть и другой выход. При желании можешь покинуть этот дом вместе со мной, а потом податься куда пожелаешь.

Как будто магу можно верить. Оставшись здесь, она возможно, не выдержит наказания, однако способа уйти для нее не существует. Пока, во всяком случае.

— Я… не могу, — с трудом выговорила она, глядя в глаза Ренфрю.

— Предпочитаешь остаться?

Он сжал кулаки. Линде послышалось в его голосе удивление, даже разочарование.

Сдернув шарф с шеи, она вскинула подбородок и постучала пальцем по ошейнику с вырезанными на нем рунами.

— Это дерне сефа, такой же волшебный, как и ваш камень. Если я попытаюсь сбежать…

Линда содрогнулась. Она пыталась, дважды. И никогда не забудет этого.

— Рабыня?

Выражение его лица заставило ее сделать шаг назад и вжаться в магическую стену.

— В таком случае, придется все-таки заключить с ним сделку, — усмехнулся маг.

— Он не продаст меня.

Гарлок не раз говорил ей это. Он сумасшедший. Одержимый. Он в жизни не отпустит ее.

— Ему понравятся мои условия. Немногие говорят мне «нет».

Можно ли доверять суровому незнакомцу? Какой ему прок в этой сделке? Разве что у него есть на Линду свои виды. Но стоит ли менять знакомого черта на другого?

По правде говоря, она уже созрела для такой замены: от верности Гарлоку не осталось и следа.

— Хорошо. — Однако Линда не могла не задать вопрос, который так ее тревожил: — Но я не понимаю. Если вы с самого начала знали о ловушке, почему остались?

Широкая улыбка, надолго задержавшаяся на лице, удивительным образом красила Ренфрю.

— Разве это не очевидно? Я остался из-за тебя.

Он раскинул руки, и волшебные стены осыпались осколками солнечного света. Потом он воздел руки к потолку, ладонями вверх, пробормотал заклинание, и оштукатуренное дерево над их головами растаяло.

Там обнаружился висящий в воздухе Гарлок — «глазка», к которому он припал, больше не существовало. Ренфрю медленно опустил руки, купец мягко приземлился к его ногам.

— Господин Гарлок, спасибо, что снизошли до нас, — насмешливо проговорил Ренфрю. — Вашей чаровнице удалось-таки меня заинтересовать. Я не стану ждать воина и готов обменять свой камень на нее.

Взгляд Гарлока метнулся от Линды к Ренфрю. Она знала, о чем думает купец: дракон все еще с клыками, и это ее вина.

— «Сердце» за Линду? — Он облизнул губы. — Нужно подумать.

— Что тут думать? Ясное дело, вам это выгодно. Воин на рынке стоит дороже чаровницы, а вы говорили, что согласны продать его. — В голосе Ренфрю послышался холодок.

Гарлок заподозрил неладное и бросил на рабыню злобный взгляд:

— Ты! Подойди сюда!

Она покачала головой и не сдвинулась с места.

Подозрение обернулось злостью. Ну, дело сделано — теперь пути назад нет.

— Ясно, что вы подчинили ее с помощью ошейника, — сказал Ренфрю. — Мне нужен также ключ от него.

— Ошейника! — Гарлок вытер руки о рубашку. — Не знаю, что вам наболтала эта шлюха, но мы оба знаем: всякая чаровница лжет, как дышит.

Чувствовалось, что Гарлок пытается на свой лад подольститься к Ренфрю, как маг к магу.

— Мое предложение действует ограниченное время, — продолжал Ренфрю, как бы не слыша Гарлока. — Считаю до трех. После чего условия изменятся на гораздо менее привлекательные.

Гарлок удивленно вытаращился на него.

— Раз.

Ренфрю вытянул перед собой руки ладонями наружу, сверкающий поток быстро уплотняющегося воздуха ударил из них с такой силой, что все трое еле устояли на ногах. Когда Линда открыла глаза, оказалось, что обращенная к океану стена исчезла целиком. Внутрь хлестал дождь, ветер хватал с письменного стола и разбрасывал по комнате бумаги.

Голос океана теперь был очень громок. Прикрывая рукой рот, Линда отступила от Ренфрю. Что она натворила? До сих пор ни один маг не совершал у нее на глазах ничего подобного. Заклинания Гарлока всегда носили сугубо частный характер и действовали недолго — просто мелкие пакости.

Гарлок открыл и закрыл рот, нервно сплетая пальцы.

— Два.

Ренфрю вскинул руки, и спираль белого пламени взметнулась вверх, такая яркая, что все вокруг поблекло. Пламя растеклось ручейками по камню, заполняя все трещины. С мощным взрывом исчезли потолок, три верхних этажа и крыша.

Щурясь, Линда подняла взгляд, но увидела лишь тьму и дождь. Она мгновенно промокла,

волосы облепили голову, а ткань платья — тело. Люди полностью оказались во власти стихии на краю утеса, который в любой момент мог рассыпаться.

Ренфрю улыбнулся, сверкнув ослепительно-белыми зубами. Протянул руки в сторону Гарлока, раскрыл ладони… Не могло быть сомнений в том, кто его следующая мишень.

— Стойте! — закричал Гарлок, перекрывая шум дождя и злобный рев океана. — Я согласен! Согласен, согласен! Только у меня нет ключа.

Он дрожал, беспомощно сжимая и разжимая кулаки, но не пытаясь нанести ответный удар. Видимо, понимал, что он не ровня противнику.

— Ну так скажите, где он. — Ренфрю кивнул на Линду. — Пусть она принесет.

— Ключ всегда у него, днем и ночью, — сказала Линда.

Гарлок поджал губы. Стрельнул глазами от Ренфрю к выходу, как будто оценивая свои шансы улизнуть. В итоге признал поражение и поник. Сунул руку за пазуху, снял с шеи цепочку с золотым ключом и протянул в сторону Линды.

— Надеюсь, он не заговорен, — заметил Ренфрю. — Учтите, так будет лучше, прежде всего для вас.

Гарлок покачал головой, не сводя взгляда с Линды. Она схватила цепочку и вырвала из его руки.

Возник соблазн просто убежать подальше, туда, где маги ее не найдут. Однако сделать это невозможно, если не избавиться от ошейника. Линда положила ключ на ладонь Ренфрю. Ну и чего она добилась? Просто сменила хозяина.

— Приглядывай за ним.

Ренфрю кивнул на Гарлока, просунул пальцы под ошейник и стал поворачивать его. Каждый раз, когда металл касался кожи, у Линды от боли спирало дыхание.

— Извини, — пробормотал он смущенно.

Извини?! Маги никогда не винятся!

Наконец Ренфрю нашел замок и вставил ключ. Послышался негромкий щелчок, и маг снял ошейник. Ругнулся под нос и очень осторожно провел пальцами по обожженной коже.

Чтобы смыть слезы, Линда подставила лицо дождю.

«Только не сдавайся, не доверяй ему. Нельзя доверять магу!»

Ренфрю высоко поднял ошейник, и тот ярко замерцал, до боли в глазах. Затем потек, стал терять форму. Расплавленный металл с шипением закапал с пальцев на влажный пол.

— А как насчет «сердца дракона»? — спросил Гарлок, заставив Линду вздрогнуть — она почти забыла о его присутствии.

Ренфрю перевел взгляд на Гарлока.

— На ваше счастье, мне сегодня неплохо удается держать себя в руках, — сказал он. — Я оставил вам жизнь… а еще стену и дверь, чтобы вы имели возможность входить и выходить. — Его губы тронула улыбка. — Так что смело можете считать себя счастливчиком. Или хотите предложить еще одну сделку?

Он вопросительно вскинул брови, и Гарлок без единого слова покачал головой.

Ренфрю сжал плечо Линды, заставив ее повернуться в сторону утеса. Взмахнув другой рукой, разбросал камни, преграждающие путь наружу.

Гарлок глядел на пол, где поблескивала металлическая лужица.

— Ренфрю… — пробормотал он. — Почему я ничего не слышал о вас?

— Ренфрю? — Маг улыбнулся. — Вы, наверно, чего-то недопоняли. Меня звать Гастингс.

— Гастингс? — В голосе Гарлока прозвучало страшное понимание. — Леандер Гастингс?

Значит, Гастингс. Джаред рассказывал Линде о легендарном маге по имени Леандер Гастингс,

который в одиночку сорвал рыцарский турнир в Вороньей лощине и похитил там воина. Поначалу все решили, что это простой грабеж и чуть позже воина где-нибудь выставят на торги, продадут задорого. Однако тот исчез бесследно.

А потом были новые налеты — на турниры, на аукционы. Исчезали несчастные вроде Линды, которых тайно держали в подчинении маги-работорговцы… Поговаривали, что теперь они вместе с Гастингсом, помогают в его опасных, но безнадежных поисках.

Линда слухам не верила. С какой стати маг рискнет жизнью ради безвестных страдальцев? Все это сказки, которые бедолаги передают из уст в уста, чтобы не впасть в отчаяние. Или, напротив, ложь, — сильные мира сего с ее помощью убеждают своих рабов терпеливо ждать спасения, которое никогда не придет.

Однако сейчас она имела дело с живым человеком, не с героем легенды, и в ее душе затлела крошечная искра надежды.

Пока Гастингс выводил наружу рабыню, она думала: «Ладно, Леандер Гастингс… если это твое настоящее имя… от меня ты так легко не отделаешься. Я хочу разобраться, правдивы ли слухи о тебе. И если правдивы, я покажу, на что

способна».

Оглянувшись, Линда заметила, как Гарлок перекрестился. Он всегда был набожен, даром что убивал и воровал. Потом это зрелище долгие годы жило в ее памяти, однако самого Гарлока она больше никогда не видела.

Жизнь — череда сделок. «Сердце дракона» за чаровницу… Новые истории за старые… Грех за искупление… Да что угодно за что угодно!

Очень может быть, любой конец — лишь новое начало.

Путешественник был еще молод, когда сел на корабль и отправился на поиски всемогущей волшебницы Серайл.

Он сгорбился и поседел, прежде чем нашел карту, указывающую дорогу вглубь забытых королевств, к ее дому.

перевод Б. Жужунавы

Адам-Трой Кастро
СЕРАЙЛ И ПУТЕШЕСТВЕННИК

Произведения Адама-Троя Кастро не раз номинировались на высокие награды, включая премию Брэма Стокера, «Хьюго» и «Небьюлу». Среди его романов выделяются «Emissaries from the Dead» и «The Third Claw of God». Также в сотрудничестве с художником Джонни Атомиком он работает над двумя оригинальными азбуками, которые должны выйти в следующем году: «Z Is for Zombie» и «Vis for Vampire». Рассказы Кастро не раз появлялись в таких журналах, как «The Magazine of Fantasy & Science Fiction», «Science Fiction Age», «Analog», «Cemetery Dance», а также в большом количестве сборников. Я включил его работы в антологии «Нежить» (-«The Living Dead») и «Когда мертвые оживут» («The Living Dead 2»), а другие печатал в журнале «Lightspeed».

Также он является автором романов «A Desperate», «Decaying Darkness» и

«Tangled Strings».

Самая старая, изначальная форма сказки — это фэнтези, истории о богах и монстрах, героях и волшебстве. А самая фундаментальная форма фэнтези — приключенческий рассказ. В своей знаковой работе «Герой с тысячью лицами» («The Hero with a Thousand Faces») Джозеф Кэмпбелл дает определение мономифа. По его версии, мономиф — история, которая рассказывается и пересказывается во всех человеческих сообществах. Например, история о молодом человеке, бросающем родную деревню ради великих приключений. Он проходит через множество сложных ситуаций, обретает магические талисманы и полезных помощников, в число которых часто входят говорящие животные и мудрый старец. В конце концов он сталкивается с самым трудным испытанием и возвращается домой, чтобы накопленные им сила и мудрость не пропали втуне. Во многих сказаниях такого рода герою также приходится спасать прекрасную принцессу. Этот мотив часто используется в видеоиграх.

Например, «Супер Марио» и «Приключения Зельды» целиком построены на идее спасения принцессы.

В современной фантастике — как, например, в романе «The Stepsister Scheme» Джима К. Хайнса — эта идея нередко переворачивается с ног на голову, и мы видим принцесс, вполне способных постоять за себя. Наш следующий рассказ также представляет собой нешаблонное приключение с целью спасения прекрасной женщины.

Карта вела его через горы Солитер, сквозь Завесы Ночи, мимо развалин Вечной войны и дальше, по огромной травянистой равнине, к окраине пустыни, за которой поселилась Серайл.

Пустыня представляла собой океан белого песка, который даже глухой ночной порой излучал свет и убийственный жар. Было понятно, что от этого жара кровь вскипит в жилах раньше, чем путешественник преодолеет хотя бы полпути до горизонта. И песок сам предостерег его:

— Поворачивай назад, путешественник. Я остер, как битое стекло, и жарок, как пламя. Во мне уйма коварных полостей, способных внезап-

но поглотить тебя. Я способен помрачить твой рассудок, так и будешь кружить по пустыне, пока не уйдут в землю последние силы. А когда умрешь от жажды — что произойдет неизбежно, если ты вздумаешь упорствовать, — поднятый мной ветер обдерет кожу с трупа и раскрошит кости.

Путешественник продолжал идти по барханам, оступаясь, утопая по щиколотку в песке, дыша обжигающим воздухом. Без малейших колебаний продвигался он навстречу своей судьбе, что бы она ни означала: смерть или встречу с Серайл.

Как только пустыня поняла, что не в силах остановить его, из земли вырвались миллионы огромных деревьев, они росли с быстротой, какую можно объяснить только чудом. Ствол такого дерева не обхватила бы и сотня рук, и вырос лес таким густым, что лишь самый тощий человек ухитрился бы протиснуться, и то если не дышать. Силы путешественника истают прежде, чем он пройдет хотя бы полпути до горизонта. И лес сам предостерег его:

— Поворачивай назад, путешественник. Во мне всегда темно как ночью и страшно, как в твоих самых дурных снах. Колючки обдерут кожу с рук, и когда ты умрешь, заблудший и одинокий, — что произойдет неизбежно, если вздумаешь упор-

ствовать, — мои корни прорастут в твою плоть, и на останках поднимутся новые деревья.

Тем не менее он вошел в лес, обливаясь слезами, когда колючки в кровь раздирали ему руки и ноги, и хрипя от натуги, когда деревья сближались, норовя раздавить его. И все же он не колебался, шел и шел на запад, навстречу своей судьбе, что бы она ни означала: смерть или встречу с Серайл.

Как только лес понял, что не в силах остановить его, все деревья вокруг мгновенно зачахли, земля впереди вздыбилась, точно на шарнирах, и встала под прямым углом. Возникла стена от горизонта до горизонта, а наверху она исчезала в облаках. Путешественник мгновенно понял, что у него нет ни сил, ни ловкости добраться хотя бы середины. И стена сама предостерегла его:

— Поворачивай назад, путешественник. Я гладкая, словно стекло, и вероломная, словно враг. Цепляться не за что, вскарабкаться невозможно. И когда ты потерпишь неудачу — что произойдет неизбежно, если ты вздумаешь упорствовать, — земля, о которую ты разобьешься, станет для тебя последним пристанищем.

Тем не менее он полез вверх. Стонал от изнеможения, глотал ледяной воздух, но без малейших

колебаний двигался навстречу своей судьбе, что бы она ни означала: смерть или встречу с Серайл.

Как только стена поняла, что не может остановить путешественника, теплый ветер осторожно поднял его в небо и перенес в долину с буйной зеленью, где подле гладкого как зеркало пруда сидела хрупкая седоволосая женщина.

Ветер опустил путешественника на противоположном берегу, и он отразился в воде — согбенный и поседевший, с морщинистой кожей и глазами, которые видели столько страданий.

Отвернувшись от своего плачевного образа, он посмотрел на другой берег.

— Ты Серайл?

— Да, — прохрипела она старческим голосом, в котором слышалась пыль веков.

— Я слышал о тебе, — сказал он, собрав последние силы. — Слышал, что ты овладела всеми секретами земли и небес и можешь повелевать миром. Что ты укрылась тут, на краю света, и поклялась исполнить любое желание того, кому достанет упорства найти тебя. Я потратил всю свою жизнь на эту дорогу, Серайл. Мое желание…

Старая женщина негромко, но решительно

прервала его и с трудом встала на ноги; ревматизм не позволял ей распрямиться, и она была вынуждена смотреть исподлобья.

— Неважно. Встретимся в воде, путешественник.

С этими словами она скинула одежду и вошла в пруд, не потревожив глади. Однако к тому времени, когда она погрузилась по колено, седые волосы изменились, обретя черноту воронова крыла; как только вода дошла до бедер, морщины на лице разгладились, кожа стала мягкой и ровной; когда Серайл погрузилась по плечи, тусклый блуждающий взгляд прояснился и глаза засверкали чистыми изумрудами.

И конечно, обнаженный путешественник тоже ступил в волшебное озерце, чувствуя, как тяжесть прожитых лет спадает с плеч, как молодеет кожа, как распрямляется спина, плечи становятся шире, глаза яснее; короче говоря, он стал таким же, каким был много лет назад, когда только пустился в путь.

Они встретились на самой середине пруда, и волшебница обняла путешественника, приведя его тем самым в полное замешательство.

— Я Серайл, — сказала она. — Тебе и невдомек, как долго я ждала твоего появления.

Утративший дар речи путешественник чувствовал лишь, что она права: он и вправду знал ее целую вечность, вот только это знание укрывалось далеко за пределами его памяти. Когда-то они любили друг друга. И будут любить снова.

Целуясь, они возвратились на берег, и она повела его в хижину, которой не было еще миг назад. Он сменил свои обноски на прекрасную одежду, изысканным угощением заполнил зияющую пропасть в животе. Были и другие чудеса, которые можно найти только в доме у такого сверхъестественного создания, как Серайл. Вещи, чьих названий путешественник не знал, витали в комнатах, испуская нежный свет и изливая тихую благостную музыку. Но еще больше, чем обстановка этого волшебного обиталища, гостя восхищала сама Серайл.

Тем не менее что-то не давало ему покоя.

Дело не в исполнении желаний — о таком пустяке не стоит и говорить, влюбленная Серайл давала ему все, чего может желать мужчина. Хотя… возможно, что не все. Как будто он еще чего-то ждал — того, ради чего совершил свое небывалое путешествие.

Это желание имело какое-то отношение к океану, который он пересек, к чудовищам, с которыми

сразился, к холоду и голоду, от которых пришлось настрадаться в пути.

Целый год и один день путешественник прожил в маленькой долине, где, казалось, все происходило исключительно для его услады, где сады ежедневно меняли окраску, угадывая его настроение, а звезды в ночи танцевали причудливую джигу под жизнерадостный смех Серайл. Несмотря на грызущее его беспокойство, он испытывал счастье, которое успел забыть. А может, и не знал никогда счастья — память ничего на этот счет не подсказывала. Не желала открыть ему, что было до того, как он однажды, целую жизнь назад, очнулся в рыбацкой деревушке, не ведая, кто он такой и зачем туда пришел.

Миновал год. Как-то поздно ночью он проснулся, терзаемый необъяснимым беспокойством, поднялся с ложа и пошел к молодильному озеру. Вода в нем всегда отражала звезды; казалось, оно заключает в себе целую вселенную, полную неисчислимых возможностей. Однако в ту ночь хоть и высыпало множество звезд, ни одна не отражалась в угольно-черной глади, в глубине безнадежной и холодной, словно тюрьма.

Откуда-то из нежданно объявшей путешественника мглы зазвенел прекрасный голос Серайл:

— Ты чем-то огорчен, любовь моя?

— Просто думаю, — ответил он, не поворачиваясь к ней. — О том, что я проделал весь этот путь, провел здесь столько времени, но так и не попросил тебя исполнить мое главное желание.

— О чем ты? — спросила волшебница, и впервые путешественник уловил в ее голосе тревожную нотку. — Чего еще ты можешь желать? Здоровья? Силы? Вечной молодости и красоты? У тебя уже все это есть. Любовь? Счастье? Их я тоже тебе дала. Богатство? Власть? Останься здесь, и будешь иметь в избытке то и другое.

— Знаю, — ответил он. — Мне казалось, увидев тебя, я попрошу все это, но ты не дожидалась просьбы. Однако мое главное желание все еще требует, чтобы его исполнили.

— Вовсе не обязательно прислушиваться к нему.

— Но ведь это единственное, чем я владею изначально, про что могу сказать: не ты даровала его мне. И если оно не исполнится, то все в моей жизни потеряет смысл.

— Почему бы не пожелать, чтобы мы вечно жили здесь и любили друг друга?

Путешественник повернулся к ней. Растерянная, испуганная, Серайл стояла на пороге дома,

и он желал ее как никогда прежде и чувствовал, что разбивает ей сердце, тогда как у самого сердце стонало от боли. Вот тут-то и пришла догадка, что этот момент они уже переживали сотни или даже тысячи раз — с тех пор как солнце впервые взошло над горизонтом.

— Прости, — сказал он, — но я не могу отказаться от своего желания. А желаю я лишь того, что потерял, когда пришел сюда. Это цель — без нее мне не к чему стремиться. Ведь недаром же ты так щедро одарила меня. Чем-то я заслужил это, скажи. Я должен узнать правду, чтобы найти свою цель.

Она исполнила его желание, упала на колени и разрыдалась. Это не были слезы могущественной волшебницы, способной повелевать небом и землей и получать все, что захочет. Это были слезы одинокой женщины, не сумевшей сохранить самое дорогое.

Поднявшись, она подошла к источнику вечной молодости и села подле него, понимая, что волшебная вода будет для нее недоступна до тех пор, пока путешественник неминуемо, хоть и ненадолго, не вернется к ней. О, как же нескоро это произойдет.

Когда-нибудь, поклялась Серайл, она сделает

своего избранника таким счастливым, что желание уйти больше не проснется в нем.

А до тех пор…

Путешественник был еще молод, когда сел на корабль и отправился на поиски всемогущей волшебницы Серайл.

Он сгорбился и поседел, прежде чем нашел карту, указывающую дорогу вглубь забытых королевств, к ее дому.

перевод Б. Жужунавы

Юн Ха Ли
ПЕРЕБИРАЯ ФОРМЫ

Рассказы Юн Ха Ли были опубликованы в журналах «Lightspeed», «The Magazine of Fantasy & Science Fiction», «Clarkesworld», «Fantasy Magazine», «Ideomancer», «Lady Churchill's Rosebud Wristlet», «Farrago's Wainscot», «Beneath Ceaseless Skies», «Electric Velocipede» и «Sybil's Garage». Также она печаталась в антологиях «Twenty Epics», «Japanese Dreams», «In Lands That Never Were», «Year's Best Fantasy #6» и «Science Fiction: The Best of 2002».

Ее стихи можно найти в журналах «Jabberwocky», «Strange Horizons», «Star Line», «Mythic Delirium» и «Goblin Fruit». Чтобы узнать о ней больше, загляните на сайт yoonhalee.com.

Следующий рассказ нашего сборника касается математики. Нет, погодите пугаться! В нем, конечно же, есть и полчища демонов, и волшебный меч с функцией детектора лжи, и душераздира-

ющая семейная драма, и еще много чего вкусного, уж поверьте. Но есть немножко математики, по крайней мере, кое-какие математические идеи.

Юн Ха Ли — в прошлом преподаватель математики в старших классах, и нередко профессиональные навыки отражаются в ее литературном творчестве. Большинству из нас магия кажется самым легким путем к обретению могущества: берешь без всякой подготовки волшебную палочку и — хоп! — взмываешь в небеса или швыряешься огненным шаром. Никто из нас не усомнится в том, что управиться с волшебством — проще пареной репы, на то у любого имеется природный талант. Но что, если на самом деле магия дается ничуть не легче, чем математика? И придется досконально освоить эту мудреную науку, прежде чем браться за самое простенькое колдовство? Многим ли из нас по плечу такой подвиг?

Сейчас перед вами откроется окошко в мир, где крепко-накрепко связаны волшебство и математика и где от правильного решения уравнений зависят

жизнь и смерть. Однако не волнуйтесь: чтобы от этой истории получить удовольствие, вовсе не нужно вооружаться алгеброй или тригонометрией.

Какие формы может принимать боль и сколько их? Есть ли среди них формы, топологически эквивалентные?.. Не является ли смерть одной из них?..

ПОСВЯЩАЕТСЯ КХМЕРЕ И ВСЕМ, КТО ПРЕПОДАЕТ МАТЕМАТИКУ…

Бианту разбудил громкий стук в дверь. Открыв глаза, она обнаружила, что заснула прямо за столом, уткнувшись носом в страницы раскрытой книги. От бумаги пахло пылью. Выпрямившись, Бианта отбросила с лица свои светлые волосы и попыталась определить характер стука. В нем ясно слышалось самое банальное нетерпение, да и охраняющее заклятие, которым она себя окружила, не подействовало, что обязательно случилось бы, если бы за дверью стояли враги. Демонам требовалось время, чтобы добраться до Эвергарда. Бианта поднялась и пошла открывать дверь. На пороге стоял лорд Вьетрэ, седобородый владыка Эвергарда.

— Не слишком вы торопились, леди Бианта, — с легким упреком проговорил он и прищурился.

Не спрашивая позволения, чего он, впрочем, никогда не делал, Вьетрэ вошел в ее келью,

непроизвольно покосившись на заваленный старинными книгами и древними пергаментами стол.

— Я столько раз видел, как вы работаете, что, пожалуй, должен был бы уже разбираться в вашей науке, — заметил он. — Но ваши формулы по-прежнему остаются для меня тайной за семью печатями.

— Боюсь, большинство преобразований представляют собой самую обыкновенную чушь.

Бианта виновато улыбнулась, хотя и понимала: нынешние тревоги старого лорда не имеют никакого отношения ни к ней самой, ни к формулам, на которые опиралась ее магия. В большинстве случаев Вьетрэ приходил к ней в келью, когда ему необходимо было выслушать мнение человека, более или менее свободного от придворных интриг.

— Чем могу служить, лорд Вьетрэ? — спросила Бианта.

Прежде чем ответить, старый лорд опустился на свободный стул и жестом велел ей сесть возле стола. Его улыбка, которая с самого начала выглядела несколько натянутой, погасла.

— У нас почти не осталось времени, Бианта, — сказал он напрямик. — Нам известно, что армия

демонов преодолела перевал Рисс, но когда они будут здесь, никто не знает. Мой астролог отказался составлять прогноз по звездам, чего с ним никогда раньше не бывало. Он утверждает, что не хочет знать даже приблизительный ответ на этот вопрос… — Лорд Вьетрэ опустил голову. — Я думаю, демоны появятся под стенами замка не позднее чем через месяц, максимум — через полтора, если наши передовые отряды сумеют их задержать. К счастью, враг движется пешим порядком, иначе армия императора была бы уже совсем близко.

Бианта кивнула. Лошади не выносили исходящего от демонов запаха, начинали лягаться и вставать на дыбы, стоило им почувствовать на спине всадника-нечеловека.

— Вы, вероятно, пришли ко мне за боевыми заклинаниями? — спросила она, тщетно стараясь изгнать из своего голоса горькую нотку.

За всю жизнь Бианта только однажды убила человека с помощью магии — убила, чтобы спасти ребенка, но ни к чему хорошему это не привело.

— А у вас есть боевые заклинания? — мрачно осведомился лорд.

— Не много. — Бианта слегка пожала плечами и, наклонившись вперед, постучала кончиком

пальца по стопке бумаг на столе. — Я как раз работала над доказательством одной такой теоремы. Для этого мне необходимо освежить в памяти формулу Иввери, но, пытаясь найти ее, я провалилась в сон… — Она вздохнула. — Дайте мне еще несколько дней, милорд, и я, пожалуй, сумею составить заклинание, способное прикончить любого демона, которого вашим людям удастся ранить.

В зеленоватых глазах старого лорда появилась тень разочарования, и Бианта невольно вспыхнула.

— Я знаю, этого недостаточно, но…

— Ваше заклинание нам пригодится, однако я пришел не за этим.

Бианта почувствовала в груди легкий холодок.

— Вас интересует Пророчество, милорд?

Лорд Вьетрэ слегка наклонил голову.

— Я пытаюсь разобраться в нем с тех самых пор, как мне стало известно о его существовании, — сказала Бианта и потерла глаза. — К сожалению, стихотворные строки преобразуются в формы, которые не поддаются исследованию. Я использовала все известные мне методы анализа… Возможно, в этих ритмах, рифмах и двусмысленных образах и есть какой-то смысл, но я его

не вижу. Символизм не по моей части, милорд. Любой менестрель расскажет вам об этом куда больше, чем я.

— Я не доверяю менестрелям, — сказал лорд Вьетрэ, озабоченно сдвинув брови. — Что касается других магов, то их ответы слишком расплывчаты. Прорицатели и ясновидцы несут такую чушь, что к ним и обращаться не стоит. Астролог не знает, как к этому приступить, и начинает мучиться мигренью еще до того, как поднимет голову, чтобы взглянуть на свои созвездия, а гадалка предлагает столько возможных решений, сколько карт в ее колоде. Нет, дорогая леди Бианта, когда дело касается Пророчества, я могу доверять только вашей магии, которая имеет дело с конкретными вещами.

Бианта слабо улыбнулась.

— Возможно, именно поэтому моя магия имеет столь ограниченный характер, — заметила она.

Иногда Бианта от души завидовала астрологу, гадалке, предсказателям, целителям и ясновидцам, чья магия была более многосторонней и гибкой, хотя и менее надежной.

— Впрочем, я продолжу работать и надеюсь…

— Остался месяц, — напомнил лорд.

Бианта задумалась, потом спросила осторож-

но:

— Вы уже выбрали преемника, милорд?

Лорд Вьетрэ смерил ее пристальным взглядом.

— А вы?

Бианта сглотнула.

— Если вы умрете, кто-то должен будет взять в свои руки управление страной, — сказала она. — Вопрос о преемнике слишком серьезен и не терпит неопределенности. Конечно, каждая мало-мальски сложная проблема может иметь несколько решений, однако не все они равноценны, а некоторые и вовсе могут оказаться неправильными, что неизбежно приведет к хаосу.

— Я знаю, — проворчал старый лорд. — Мне уже приходилось сталкиваться с подобными ситуациями. К сожалению, перспективы настолько печальны, что в порядок наследования престола придется включить буквально всех, вплоть до младшего поваренка на кухне. Тот, кто уцелеет после осады, в конце концов и взойдет на трон Эвергарда, а до тех пор страной может править собрание моих советников.

С этими словами старый лорд поднялся и, не попрощавшись, вышел. Бианта проводила его взглядом и вздохнула. На душе у нее тоже было

тяжело.

Как правило, Бианта старалась избегать Большого зала, богатое убранство и величественные размеры которого напоминали ей дворец императора демонов, где она когда-то жила. Сходство действительно было велико, хотя в Большом зале Эвергарда пахло не кровью и железом, но лавандой и фиалками, а попадавшиеся ей навстречу люди приветливо улыбались и не сгибались в подобострастных поклонах, не приседали в неуклюжих реверансах. Негромко играл оркестр странствующих музыкантов, благородные вельможи вполголоса переговаривались, свободные от стражи солдаты коротали досуг за игрой в кости.

Между ними весело носились дети, не замечавшие напряженных нот, звучавших в голосах взрослых. Несколько мальчишек были такими же светловолосыми, как и сама Бианта, и, прежде чем двинуться вдоль одной из стен, она ненадолго закрыла глаза, изо всех сил стараясь не думать еще об одном златовласом мальчугане, оставшемся в далекой стране на западе. Это было нелегко, и она невольно скрипнула зубами, стараясь сосредоточиться. Во время разговора с лордом Вьетрэ она решила, что, возможно, висящие в Большом

зале гобелены, а точнее — изображенные на них сюжеты из истории Пограничья каким-то образом подстегнут ее воображение и помогут разгадать загадку Пророчества.

С тех пор как Бианта пришла в замок и поклялась народу Пограничья в верности на клинке Фидор, прошло много лет, но краски на гобеленах почти не выцвели и не поблекли. Бианта знала, в каком порядке размещены на стенах Большого зала искусно вытканные полотна, поэтому сейчас ей не нужно было рассматривать их все подряд. Пропустив несколько самых старых гобеленов, она остановилась у того участка стены, где висели мрачные полотна с изображением эпизодов Вечерней войны.

Вот Битва при Черном поле. Нестерпимо яркий свет звезд слепит глаза солдатам; в ночное небо взмывают угловатые тени изготовившихся к бойне чудовищ, и генерал Виан на могучем гнедом жеребце ведет конницу Пограничья в самоубийственную атаку на сомкнутый строй демонов, а на переднем плане златоглазая леди Шандал оплакивает убитого юношу, чьи закрытые глаза, вероятно, имели тот же редкий янтарно-золотистый оттенок, и на земле, куда падают ее слезы, вырастают яркие цветы.

С трудом сглотнув застрявший в горле комок, Бианта отвернулась и двинулась вдоль стены дальше, пока не нашла то, что искала.

В отличие от многих гобеленов, украсивших собой Большой зал, кайма этого полотнища была не красно-зеленой, что соответствовало геральдической символике Эвергарда, а имела цвет запекшейся крови, традиционно ассоциирующийся с предательством. Остановившись напротив него, Бианта пристально всмотрелась в бесстрастное лицо лорда Мьере — колдуна и изменника, перешедшего на сторону врага и предавшего Эвергард. Насколько ей было известно, волшебство, которым он владел, выглядело относительно простым и опиралось главным образом на ритуальные церемонии и короткие заклинания, однако этого оказалось достаточно, чтобы сделать армию Пограничья небоеспособной. Лорд Мьере был буквально в полушаге от полной и окончательной победы, когда предателя остановил удар кинжалом, нанесенный его собственной дочерью.

Симметрия, подумала Бианта и вздохнула. Изучая Пророчество, Бианта поняла, что оно построено на законах сложной симметрии. В его тексте содержалось — нет, не прямое указание,

а только намек на *две* войны между Империей демонов и Пограничьем, и поскольку исторические свидетельства о первой из них — о Вечерней войне — были скудны и отрывочны, ей так и не удалось выявить относящиеся к ней строфы и преобразовать их в уравнения математической магии. Часы, которые она провела с эвергардскими историками и менестрелями, нисколько не помогли делу: первые слишком мало знали, вторые слишком много фантазировали. Сопоставляя полученные от них сведения с текстом Пророчества, Бианта сумела выяснить только одно — что в будущей войне среди защитников Эвергарда может оказаться еще один предатель, однако это ее открытие не имело под собой строгих математических доказательств, поэтому, кроме самой Бианты, о нем знал только лорд Вьетрэ.

К тому же Бианта предполагала, что, если она не ошиблась и законы зеркальной симметрии приложимы и к истории, Пограничье, выигравшее первую войну, должно проиграть вторую, однако об этом она не сказала никому.

— Леди Бианта?.. — окликнул ее кто-то.

— Да?.. — Она обернулась.

Стоявший позади нее капитан эвергардской стражи (имени его она не знала) почтительно

поклонился.

— Не часто вы бываете в Большом зале, миледи.

Бианта через силу улыбнулась.

— Здесь слишком шумно, чтобы я могла спокойно работать, — сказала она. — При испытаниях новых заклинаний необходима максимальная концентрация внимания, иначе дело может обернуться большой бедой. Когда я экспериментирую в своей келье, я никому не могу причинить вреда, но здесь…

При дворе императора ее слова были бы истолкованы как угроза, но молодой капитан только улыбнулся задумчиво и кивнул, указывая на гобелен:

— Мне стало любопытно, почему вы остановились именно возле этого полотна. Насколько я заметил, большинство избегает на него смотреть.

— Я думала о Пророчестве, — сказала Бианта, машинально перебирая в уме уравнения, которые никак не поддавались анализу.

Она не сомневалась, что способ упростить, уравновесить правую и левую части есть, нужно только верно сопоставить равные члены. Если она сумеет выработать систему решения таких

уравнений, перед ней откроется будущее Эвергарда и всего Пограничья, однако до сих пор ей никак не удавалось подобрать ключ к понимаю нарочито туманных формулировок и символических образов, из которых было составлено Пророчество.

— И, признаться, я очень обеспокоена… — добавила она с внезапной откровенностью.

— Мы все обеспокоены. Все — кроме, пожалуй, грудных младенцев и вот этих малышей… — ответил он, движением головы указывая на детей, затеявших на мраморном полу игру.

— Большинство… — повторила Бианта и, заметив в его глазах недоумение, пояснила: — Вы сказали: большинство людей избегает смотреть на этот гобелен. Вы тоже… избегаете?

Губы молодого человека чуть заметно дрогнули.

— Я — нет. Мне кажется, это хорошее напоминание для всех нас… Разве вы никогда не жалели, что не остались в императорском дворце?

В его тоне не было ничего, кроме искреннего интереса, поэтому Бианта решила ответить честно.

— Никогда, — твердо сказала она. — Я начала изучать матемагию, потому что маги — в том

числе и те, которые принадлежат к человеческой расе, — могут чувствовать себя в безопасности даже во дворце императора… по крайней мере до тех пор, пока не совершат какую-нибудь глупость. В противном случае я могла стать либо наложницей, либо воином, но к первому я не стремилась, а для второго у меня не хватало соответствующих способностей…

Какое простое слово — «глупость», подумала Бианта. Простое и даже как будто немного легкомысленное, однако страх наказания за то, что она совершила, преследовал ее годами, заставляя просыпаться по ночам от собственного крика. Однажды ей довелось видеть, как император прикоснулся своим магическим скипетром со вставленным в рукоять «змеиным глазом» к надушенному плечу придворной дамы. Со стороны жест владыки напоминал благословение, но глаза несчастной тотчас закипели и свернулись, как яичный белок, а сквозь побагровевшую кожу проглянули осколки обугленных костей.

Капитан опустил голову:

— Простите, что напомнил вам о неприятном, миледи.

— Ничего страшного. — Бианта слабо улыбнулась. — Это было… полезное напоминание.

Кстати, позвольте и мне спросить, на какие мысли наводит вас портрет лорда Мьере?

— Когда я смотрю на это лицо, то думаю о чести и о тех, кто ее потерял, — ответил капитан. — Дело в том, что лорд Мьере приходится мне прапрадедом.

Бианта несколько раз моргнула и машинально бросила взгляд на полотно. Да, сходство действительно было, но она заметила его только теперь. Потом ее взгляд остановился на красновато-коричневой кайме гобелена. Что толкнуло Мьере на предательство, спросила себя Бианта и тотчас подумала о том, что и сама она бежала из императорского дворца и нашла убежище в Пограничье. Впрочем, если тут и была симметрия, то далеко не однозначная.

— Вы полагаете, мы можем на что-то надеяться? — спросила она негромко.

Капитан слегка развел руками и посмотрел ей прямо в лицо.

— Некоторые говорят, что какие-то шансы у нас есть, иначе, мол, вы давно бы вернулись к демонам.

Бианта почувствовала, что краснеет. Чтобы скрыть смущение, она рассмеялась, хотя в этот момент ей больше всего хотелось плакать.

— Никогда не слышала, что демоны умеют прощать. Во всяком случае, своего поражения в Вечерней войне они не забыли и не простили.

— Очень жаль. — Капитан задумчиво нахмурился и, коротко поклонившись, ушел.

«Очень жаль… — мысленно повторила Бианта его последние слова. — Вот только для кого жаль — для нас или для демонов?..»

Симметрия… Это слово преследовало Бианту и днем, и ночью, когда при свете масляной лампы она склонялась над текстом Пророчества. После разговора с капитаном стражи в Тронном зале Эвергарда она не раз спрашивала себя, какое значение может иметь тот факт, что род лорда Мьере не прервался и что его потомки до сих пор живут в замке. Старинные песни и баллады утверждали, что у лорда-изменника была только одна дочь, которую звали Пайен, однако о том, что стало с этой юной леди после того, как она спасла Пограничье, нигде не говорилось.

А тайна Пророчества по-прежнему оставалась недоступной. Бианта продолжала думать о ней даже во сне, и не раз головокружительный калейдоскоп смещающихся проекций заставлял ее просыпаться. Часами она рылась в книгах, ища разгадку в построениях других математов;

когда же усталые глаза отказывались ей служить, Бианта гасила свет и, сидя в темноте, перебирала в памяти боевые заклинания, до сих пор поражавшие ее своей безжалостной логикой. Когда утомление немного отступало, она снова зажигала лампу и возвращалась к книгам, в которых содержались аксиомы и теоремы, схемы и уравнения — сокровища бесценные… и бесполезные, поскольку использовать их она не могла.

Бианта как раз перелистывала «Трансформации» Магны Атик, когда в дверь ее кельи кто-то деликатно постучал. Отложив толстый том, она встала из-за стола и отодвинула засов.

— В чем дело? — хмуро спросила она, отворяя дверь.

Герольд лорда Вьетрэ склонился в изысканном поклоне.

— Придворные собираются в Тронном зале, миледи. Милорд просил вас присутствовать.

— Хорошо, я приду.

Бианта захлопнула дверь и переоделась в парадное платье так быстро, как только смогла. На подобные собрания она ходила редко; сначала потому, что даже после клятвы на магическом мече лорд Вьетрэ сомневался в ее лояльности, потом из-за того, что, будучи чужестранкой и не

зная всех тонкостей этикета, чувствовала себя неловко в окружении опытных придворных. К тому же Бианта никогда не считала себя достаточно компетентной, чтобы давать советы в области государственного управления, предпочитая вместо этого заниматься своей любимой математикой. В любом случае, сегодняшнее приглашение на собрание государственного совета было по меньшей мере необычным — так решила Бианта, застегивая последние пряжки и втыкая последние булавки.

И она не ошиблась. В Тронном зале не было ни слуг, ни музыкантов; придворные плотной толпой стояли вдоль стен и почти не переговаривались. Лорд Вьетрэ и его советники молча сидели в креслах с высокими спинками в дальнем конце зала. В воздухе ясно ощущались напряжение и тревога, но чем они были вызваны, Бианта не знала. Должно быть, получены какие-то важные известия, решила она.

Бианта заняла свое место между придворным астрологом и леди Иастр. Астролог по обыкновению хмурился; лицо леди Иастр выглядело спокойным и сосредоточенным и не выдавало никаких чувств, но Бианта, в прежние времена еженедельно игравшая с ней в шашки и риф-

мы, отлично знала: ее кажущееся спокойствие является верным признаком грядущих неприятностей.

Лорд Вьетрэ слегка приподнял голову и обвел собрание суровым взглядом.

— К нам прибыл гость, — сообщил он сухим официальным тоном, какого Бианта уже давно у него не слышала. При этом ей показалось, что старый лорд бросил взгляд в ее сторону, но подумать, что все это может означать, она не успела.

Двери Тронного зала распахнулись, и стражники ввели внутрь молодого мужчину в черно-красном с золотом одеянии, но без меча. О том, что меч у него был, Бианта догадалась по покрою камзола. Черный, красный и золотой были геральдическими цветами императора демонов, и никто, кроме него и его личной гвардии, не мог под страхом смерти носить одежду такого цвета и такого фасона. Да, перед Биантой был боец из свиты императора…

Ее сын.

Почему он здесь? — подумала она, сражаясь с подступающей паникой и сжимая руки, чтобы они не дрожали. Быть может, Мартин прибыл для того, чтобы вызвать лорда Вьетрэ на поединок?

Нет, вряд ли, тотчас решила Бианта. Император

не мог не знать, что Пограничье придерживается иных обычаев, да и в любом случае лорд Вьетрэ был достаточно мудр (и достаточно стар, если на то пошло), чтобы связать судьбу своей страны с исходом такой непредсказуемой вещи, как схватка на мечах.

Борясь с нарастающим в душе ощущением безнадежности, Бианта исподтишка разглядывала человека, который в одно мгновение развеял в прах дорогие ее сердцу воспоминания о белокуром мальчугане, прятавшем цветы и листья между страницами ее книг и карабкавшемся на ее стол, чтобы посмотреть в окно на тренирующихся на плацу солдат. У Мартина были такие же светлые, как у нее, волосы, да и лицом он настолько напоминал Бианту, что не заметить сходства было просто невозможно. Свободно опущенные по швам руки тоже были почти по-женски изящными, с длинными и гибкими пальцами, но Бианта не обманывалась насчет заключенной в них смертоносной силы. Она знала, какую подготовку проходят лучшие бойцы императора, и не сомневалась: если бы Мартин захотел, никакая охрана не помешала бы ему убить Вьетрэ на месте.

Да, Мартин был ее подобием, и только гла-

за у него были другими. Он унаследовал их от человека, которого Бианта тщетно пыталась забыть, — человека, который погиб, стремясь помешать ей бежать на восток с их общим ребенком.

Напряженная тишина в Тронном зале еще больше сгустилась. Придворные, разумеется, сразу заметили сходство между пришельцем и Биантой, но сам Мартин еще не видел матери. Стоя посреди зала, он смотрел прямо в лицо владыке Эвергарда.

Лорд Вьетрэ поднялся на ноги и вынул из ножен легендарный меч Фидор. Его магический клинок сверкал и переливался, точно был сделан из друзы горного хрусталя, в которой отразился первый луч зари, и по стенам заструились радужные блики. Придворные испуганно замерли; никто не осмеливался даже шептать. В присутствии обнаженного клинка нельзя было лгать ни намеренно, ни случайно — стоило произнести хоть одно *лживое* слово, и на лезвии тотчас выступали капли крови или слез. Заключенная в мече магия была способна свести с ума любого человека или демона, поэтому владыки Эвергарда старались не обнажать клинок без крайней нужды.

— Я никак не могу понять, глуп ты или, на-

оборот, умен, — негромко проговорил лорд Вьетрэ. — Ответь мне, кто ты такой и зачем к нам пожаловал?

— Я был мечом у пояса императора, его поединщиком, — ответил Мартин. — И как вещь своего господина не имел имени. — Он на мгновение крепко зажмурился, потом снова открыл глаза. — Теперь меня зовут Мартин. Я пришел, потому что у императора есть другие бойцы, чтобы выполнять его приказы. А мне эти приказы перестали нравиться.

Лорд Вьетрэ бросил быстрый взгляд на меч. Хрустальный клинок оставался чист и все так же сверкал. Мартин говорил правду.

— Не самое подходящее время ты выбрал, Мартин, чтобы переходить из одного лагеря в другой, если, конечно, ты действительно решил оставить императора. Прости, что сомневаюсь в твоих словах, но… Я вижу, на тебе по-прежнему одеяние наших врагов, которое, кстати сказать, чуть не до полусмерти напугало стражу.

— Так получилось, — ровным голосом сказал Мартин и слегка пожал плечами. — Я покинул армию императора, когда демоны усмиряли какую-то деревню, название которой мне неизвестно, и переодеваться было некогда. Кроме

того, в походе все носят военную форму. Надеть другую одежду означало бы вызвать ненужные подозрения.

— И ты не боялся, что тебя поймают и убьют на месте? — спросил один из советников.

Мартин снова пожал плечами:

— В процессе подготовки меня обучили трем магическим заклинаниям. С помощью одного из них я могу проходить невредимым мимо стражи. Второе добавляет отваги. Третье помогает двигаться бесшумно, как тень.

Бианта бросила взгляд на магический меч. Клинок по-прежнему сиял чистым, голубовато-розовым светом. Леди Иастр слегка откашлялась.

— Простите мое невежество, — сказала она. — Я не так хорошо информирована, как остальные, и к тому же не слишком быстро соображаю… Вы упомянули, что были «в походе»… Разве гвардия императора участвует в регулярных военных действиях?

Мартин повернулся в ее сторону и, конечно, тотчас заметил стоявшую рядом Бианту. Он коротко вздохнул, и Бианта почувствовала, как ее лицо превращается в неподвижную каменную маску. Ей хотелось улыбнуться сыну — вернее, незнакомцу, в которого тот превратился, но она

никак не могла совладать с собой.

«Ответь же!.. — взмолилась она мысленно. — Скажи, что через столько лет ты решил отыскать меня, что ты хочешь быть со мной!»

Мартин справился с потрясением.

— Я должен был предупредить, — сказал он. — Смерти я не боюсь, к ней я привык… — Его голос чуть дрогнул, но он продолжал смотреть прямо в лицо лорду Вьетрэ и не опустил взгляда. — На этот раз император решил отправиться в поход со своей армией, поэтому сражаться с демонами вам будет особенно трудно.

При этих словах придворные не выдержали и тревожно зашептались, а леди Иастр с беспокойством взглянула на Бианту. Магический меч замерцал сильнее — его клинок отражал все оттенки страха, все краски отчаяния.

— Прошу вас, милорд, — проговорил Мартин, чуть возвысив голос. — Позвольте мне помочь вам! Возможно, я слишком поздно понял, что война — это не только приказы, которые солдат обязан выполнять, что люди на другой стороне сражаются и умирают за свои дома, за своих близких…

«За своих близких…» — машинально повторила Бианта, глядя на спокойное, как полированный

металл, лицо сына и чувствуя растущую в душе горечь. Очевидно, она произнесла эти слова вслух, так как леди Иастр предостерегающим жестом положила руку на ее предплечье.

— Но я все-таки это понял, — продолжал Мартин, — и поэтому прошу: разрешите мне помочь вам или убейте меня! Полагаюсь на вашу мудрость, милорд. Хочу лишь добавить, что, какое бы решение вы ни приняли, вы выиграете, так как лишите императора одного из лучших бойцов.

Его лицо было бледным, почти как свет, исходивший от клинка Фидор. Затаив дыхание, Бианта ждала, что ответит Вьетрэ.

Лорд медленно спустился с тронного возвышения и встал перед Мартином. Лицо владыки Эвергарда выражало озабоченность, тревогу — и непреклонную решимость.

— Готов ли ты поклясться в верности жителям Пограничья и его владыке? — спросил он.

— Да, — не колеблясь ни секунды, ответил Мартин.

Да, мысленно повторила Бианта, сражаясь с терзающими душу сомнениями. Когда она пришла в Эвергард, то ничего не знала о том, какими свойствами обладает меч Фидор. Маг-кузнец, выковавший клинок, пожертвовал своей жиз-

нью, но создал оружие, которое гарантировало, что в Пограничье никогда больше не появится предатель, подобный лорду Мьере. Ну или почти гарантировало… Много лет назад лорд Вьетрэ допрашивал Бианту точно так же, как сейчас он допрашивал Мартина, и обнаженный меч в его руках словно зеркало отражал скрытые за словами мысли, помогая обнаружить любую ложь.

Но, как впоследствии узнала Бианта, это было не единственное свойство волшебного клинка. Только много позднее Вьетрэ рассказал ей, что меч Фидор убивал всякого, кто посмеет принести на нем ложную клятву. Когда-то давно один из претендентов на трон Эвергарда поклялся на нем служить народу Пограничья верой и правдой — и упал замертво. В другой раз стражник, охранявший первую леди Эвергарда, разбудил свою госпожу за три часа до рассвета, чтобы предупредить о заговоре, участником которого он был. Когда-то он тоже принес присягу на мече, поэтому, выйдя из покоев госпожи, стражник отправился к дверям сокровищницы, где обычно хранился волшебный клинок, и пронзил себе грудь кинжалом. С точки зрения поэзии это, наверное, было и красиво, и эффектно, но Бианте совсем не хотелось, чтобы ее сын стал

героем новой легенды, связанной с магическими возможностями меча. Интересно, подумала она вдруг, как чувствовала себя Пайен, когда странствующие менестрели начали распевать о предательстве ее отца на всех перекрестках?

Между тем Мартин положил руку на прозрачное, как стекло, лезвие.

— Клянусь, — сказал он и, с трудом сглотнув, бросил быстрый взгляд в сторону матери.

Но даже теперь она не могла полностью доверять ему — просто не могла, и все. Слишком долго Мартин носил черно-красно-золотой камзол, какой был у его отца. Поэтому Бианта опустила взгляд и смотрела в пол до тех пор, пока собрание не закончилось.

— Есть что-то глубоко порочное в том, чтобы играть в глупые игры, когда наш мир вот-вот прекратит свое существование, — задумчиво промолвила леди Иастр, вертя в руках только что выигранную шашку.

Бианта неуверенно улыбнулась, пытаясь одновременно обдумать ответ и свой ход.

— Если бы я заперлась в своей келье, то мысли о скорой гибели всего, что мне дорого, свели бы меня с ума, — сказала она наконец, передвигая свою шашку на новое поле. Уже в который раз,

наблюдая симметрию игры — красное на черном, черное на черном, — она задумывалась о том, как каждый сделанный ход меняет первоначальный порядок на доске.

— Говорят, Мартин предложил какой-то маневр, который помешал демонам захватить мост в Сильвербридже.

Бианта подняла голову и поглядела на озабоченное лицо леди Иастр.

— Приятно слышать, — сказала она. — Особенно если учесть, что теперь у императора есть еще одна причина желать Пограничью поражения.

— Уж конечно, ты не думаешь, что Мартину стоило остаться при дворе императора! — фыркнула леди Иастр.

«Но ведь он служил ему много лет!» — подумала Бианта, но сказала только:

— Твой ход.

Леди Иастр снова фыркнула.

— Хочешь сменить тему? — проговорила она насмешливо. — Ничего не выйдет, дорогая, меня так просто не собьешь. Ведь и ты тоже когда-то жила во дворце, не так ли?

— Да, — согласилась Бианта. — И я, наверное, никогда об этом не забуду.

Действительно, она никогда не забывала о

своем прошлом. В первые годы своей жизни в Эвергарде Бианта вздрагивала каждый раз, когда за дверями ее кельи раздавались чужие шаги. В такие моменты ей всегда представлялся опускающийся на ее плечо скипетр императора, со вставленным в рукоятку «змеиным глазом».

— Но я бежала из страны демонов в более спокойные времена, — добавила Бианта, немного подумав. — Конечно, это серьезный проступок, но ведь я была человеком и, следовательно, с точки зрения демонов, мало чем отличалась от безмозглого животного. Кроме того… — Бианта прерывисто вздохнула. — Кроме того, у них остался мой сын. Возможно, они сочли это достаточным наказанием и не пытались уничтожить меня.

Леди Иастр покачала головой и сделала ход.

— Как бы там ни было, — проговорила она задумчиво, — теперь он здесь. И может статься, Мартин — наша единственная надежда.

— Именно это и беспокоит меня больше всего, — сказала Бианта.

Даже сейчас, за игрой, требовавшей от нее мобилизации всех мыслительных способностей, Бианта не могла не думать о сыне. После собрания в Тронном зале она видела его во дворе замка.

Мартин вел учебный бой с лучшими солдатами лорда Вьетрэ, а целитель и несколько придворных заклинателей внимательно следили за тем, чтобы бывший поединщик императора никого не покалечил ни случайно, ни намеренно. За общими обедами в Большом зале она старалась занять место за дальним концом длинного стола, и все же за звоном посуды, разговорами и шелестом платьев она слышала, как Мартин и лорд Вьетрэ беседуют друг с другом. Судя по всему, владыка Эвергарда и его придворные полностью доверяли молодому человеку, а она — его мать — все еще сомневалась.

Подобно маятнику, мысли Бианты переходили от собственного сына к Пайен, от Мартина к лорду Мьере. По вечерам, когда она прогуливалась перед сном по крепостным стенам, холодное дыхание измены чудилось ей в каждом шорохе, в звуке шагов замковой стражи, и тогда она вспоминала лорда Мьере и историю Вечерней войны. Бианта никогда не была настолько легкомысленна, чтобы доверять каждому слову, которое менестрели распевали по праздникам на базарной площади, и все же старинные баллады обладали какой-то особой способностью подхлестывать ее страхи.

Сталкиваясь с фрагментами исторических хроник и ежедневными военными донесениями, Бианта пыталась проецировать настоящее на прошлое, сражение на сражение, предательство на предательство. И каждый раз, терпя неудачу, она в сердцах проклинала Пророчество, страницы которого никак не желали открывать ей свой тайный смысл. В один из таких моментов, когда в бессильной ярости Бианта готова была изорвать пергамент в клочья, в дверь ее кельи кто-то постучал.

Мартин? — невольно подумала Бианта, хотя она, конечно же, сразу узнала властную манеру лорда Вьетрэ и, открывая дверь, испытала одновременно и облегчение, и разочарование.

Шагнув через порог, старый лорд оглядел ее с ног до головы и улыбнулся.

— Мне кажется, миледи, в последнее время вы слишком много работаете, — сказал он.

— Слишком много работаю?.. — удивленно повторила Бианта, отступая в сторону, чтобы дать ему пройти. — Едва ли, милорд… Кроме того, солдаты ежедневно тренируются, потом идут в бой и погибают, но вы же не говорите им, что они слишком много работают!..

— У вас разная работа, моя дорогая.

Лорд Вьетрэ принялся расхаживать по келье из стороны в сторону, время от времени бросая любопытные взгляды на книжный шкаф и разложенные на столе свитки и раскрытые фолианты. В конце концов он остановился рядом с Биантой и опустил ей руку на плечо:

— Я хочу, чтобы вы отдохнули, Бианта. — Старый лорд нахмурился. — Я имею в виду настоящий отдых, а не лежание в постели с одной из ваших заумных книг… Когда дело касается таких тонких материй, как математика, даже легкое утомление может стать серьезной помехой.

Бианта слегка наклонила голову и посмотрела на него исподлобья.

— Вы пришли, чтобы сказать мне только это, милорд? — спросила она. — Или у вас была какая-то другая причина увидеться со мной?

Лорд Вьетрэ остановился посреди комнаты.

— Была, миледи.

— Какая же?

— Мартин, — без обиняков заявил старый лорд, и Бианта невольно поморщилась.

— Вот как? — спросила она, чтобы что-нибудь сказать.

— Да. Вы причиняете мальчику боль, миледи. Он живет в замке уже несколько дней, а вы до сих

пор не перекинулись с ним и парой слов.

Бианта слегка приподняла бровь.

— Он давно не мальчик, милорд, и вы отлично это знаете.

Ее голос предательски дрогнул, но Вьетрэ сделал вид, будто ничего не заметил.

— Я уже стар, Бианта, и для меня даже вы — упрямая девчонка, которая не слушает доброго совета и не хочет отдохнуть, когда это необходимо. Я хочу, чтобы вы, во-первых, сделали перерыв, а во-вторых, перестали прятаться и поговорили со своим сыном. — Он слегка улыбнулся. — Даже я не вижу причин, чтобы ему не доверять, хотя годы управления страной сделали меня настоящим параноиком.

— Правда?.. — Бианта задумчиво провела кончиками пальцев по своему экземпляру Пророчества — пергаментному свитку, который за годы и годы тщательного изучения утратил свойственную выделанной коже шероховатость и залоснился. С какой стороны ни посмотри, старый лорд дал ей хороший совет, но… но армия демонов продолжала двигаться к Эвергарду.

— Я собираюсь отправить Мартина в Сильвербридж, — сказал Вьетрэ, внимательно наблюдавший за выражением лица Бианты. — Мои воины

еще удерживают мост, но уже сейчас ясно, что остановить демонов мы не сможем — сможем только задержать. Я еще не разговаривал с советниками, однако, похоже, нам придется отступать в Олтгард. — Он вздохнул. — Мартин и его отряд будут отвлекать противника, давая возможность основным силам отойти вглубь страны.

Бианта едва сдержала изумленное восклицание — так потрясли ее слова старого лорда. Вьетрэ заметил ее удивление.

— Солдаты ему верят, — заметил он. — Мартин превосходный тактик — один из лучших, какие когда-либо были в Эвергарде. Думаю, он нас не подведет.

Бианта зажмурилась.

— Это большой риск, милорд, — проговорила она с усилием. — Не лучше ли было поставить во главе отряда кого-нибудь другого?

— Я хотел сообщить вам это до того, как объявлю о своем решении остальным, — сказал старый лорд, не ответив на ее вопрос.

— Благодарю, милорд. — Бианта присела в легком реверансе (у нее подгибались колени) и добавила: — Быть может, вы знаете, где сейчас Мартин?

Вьетрэ грустно улыбнулся:

— Бродит по стенам замка, я полагаю. Он поднимается туда каждый вечер в надежде встретить вас, миледи.

Бианта кивнула и, когда старый лорд ушел, отправилась разыскивать сына. Довольно скоро она заметила его на площадке южной башни, где тот сидел на каменной скамье. Он был в красно-зеленой форме солдат Эвергарда, и это привело Бианту в замешательство. Казалось, ее разум отказывается воспринимать сына иначе, чем в красно-черном с золотом камзоле Империи, в котором она впервые увидела его в Тронном зале.

Заслышав ее шаги, Мартин повернулся и встал. Из-за его плеча выглядывала рукоять длинного меча.

— Мама?.. — проговорил он, пряча руки за спину.

— Да, это я. — Бианта неохотно приблизилась.

— Мама… — повторил Мартин, и лунный свет отразился в его глазах, заблестел в каплях слез, катящихся по его лицу. — Я помню… — добавил он ровным голосом, в котором не было ни упрека, ни сожаления. — Мне было семь лет, и ты велела мне собирать вещи. Потом ты ссорилась с папой!..

Бианта кивнула. Тогда Мартину действительно

исполнилось семь, и он достиг возраста, когда должна была начаться его подготовка мага или солдата. В обоих случаях он лишался той минимальной защиты, которую давал ему статус родителей, и это стало одной из причин, побудивших ее задуматься о побеге. Бианта никак не могла решиться на этот рискованный шаг и, только когда ждать дольше стало уже нельзя, предложила мужу покинуть дворец и укрыться в Пограничье или в каком-нибудь другом королевстве, расположенном на востоке. В том, что она сумеет его уговорить, Бианта не сомневалась. Муж очень любил ее; во всяком случае, он никогда не пользовался услугами дворцовых куртизанок, женщин и демониц, обслуживавших фаворитов императора.

Но она просчиталась. Бианта до сих пор помнила, как быстро недоумение, появившееся на лице мужа при первых же ее словах, уступило место гневу. Да как только она могла подумать о том, чтобы покинуть императора, который дал им убежище и кров?! А вот о том, что император погубил многих и многих, муж и слышать не хотел. Бианта, напротив, никак не могла привыкнуть к жестокости, которая не только была самой яркой чертой характера демонов, но входила

в их повседневную рутину — как, например, необходимость принимать пищу или ложиться спать. Она хорошо помнила одну из племянниц императора, скомпрометированную неудачной дуэлью; та была вынуждена проскакать верхом на лошади несколько десятков миль, чтобы — оказавшись в нужном месте в нужное время — восстановить свою репутацию. Чуть ли не на глазах Бианты демоны растерзали бледноглазого профессионального убийцу только за то, что, выполняя свою «работу» (по приказу императора он зарезал мятежную властительницу Рейсского княжества в ее собственной спальне), бедняга оставил улики. А дети, которых хладнокровно топили в крепостном рву, потому что после эпидемии чумы они ослепли?.. Справедливости ради следовало заметить, что демоны проявляли жестокость и бездушие как по отношению к живущим среди них (и под их властью) людям, так и по отношению друг к другу, но это обстоятельство Бианту совершенно не утешало.

— Я стоял в дверях и пытался понять, что случилось, — продолжал Мартин. — Потом папа заплакал…

«Это когда я сказала, что, если он не пойдет с нами, я уйду сама и заберу ребенка», — вспом-

нила Бианта.

— …заплакал, вынул меч и напал на тебя…

— …И тогда я его убила, — закончила Бианта с пересохшим ртом. — Я хотела забрать тебя с собой, но ты не пошел — сказал, что не можешь оставить его. Ты тоже плакал, а я… У меня уже не было времени все тебе объяснить, к тому же я боялась, что на шум прибежит дворцовая стража… Вот почему я ушла одна. Остаться я не могла. После того как я убила одного из высших офицеров армии императора, меня бы непременно казнили. Твой отец… Мне жаль его, хотя теперь я знаю, что император был для него дороже, чем ты или я.

— Пожалуйста, не бросай меня больше… — чуть слышно попросил Мартин.

Он стоял, напряженно выпрямившись, и лицо его казалось суровым и вместе с тем каким-то растерянным. Луна зашла за тучу, и в темноте смутно белели лишь его волосы и полудрагоценный камень в рукоятке меча за плечом.

— Но ведь ты, кажется, скоро уезжаешь… — проговорила Бианта.

— Да, завтра я еду в Сильвербридж, — подтвердил Мартин.

— И наверное, будешь сражаться в первых

рядах?

— Это было бы… неразумно. — Мартин на мгновение крепко сжал губы. — Ведь я буду командовать, отдавать приказы…

— Ты будешь приказывать людям убивать. — «И умирать», хотелось ей сказать, но слова застряли в горле.

Мартин спокойно встретил ее взгляд.

— Война есть война, мама.

— Да, — согласилась Бианта. — Сейчас идет война, но раньше… Я знаю, что значит состоять в гвардии императора, быть его карающим мечом. Другие только слышали об этом, но мало кто знает, каково это — лежать без сна и вспоминать пятна крови на светлом ковре, вздрагивать от сдавленных криков в ночи… Скольких убил твой меч, Мартин?

— Когда я понял, что сбился со счета, я последовал за тобой.

Луна снова показалась из-за облака, и Бианта увидела, что, хотя слезы на его лице высохли, в глазах стоит боль.

— Когда я потерял им счет… — повторил Мартин.

Бианта молчала. Молчанием она закрывалась от него, как щитом, хотя знала: достаточно одного

слова, и все барьеры рухнут. Мартин поднял руку, замер на мгновение, снова опустил.

— Я хотел поговорить с тобой хотя бы один раз. Поговорить до того, как уеду в Сильвербридж…

Бианта не выдержала и улыбнулась. На лице Мартина появилась ответная робкая улыбка. Сейчас он выглядел почти так же, как тот семилетний мальчуган, и все же… Все же Бианта по-прежнему ему не доверяла. Смутное подозрение, что Мартин знает способ нарушить данную Вьетрэ клятву, не покидало ее. Бианта знала коварство императора. Он вполне мог послать Мартина в Пограничье, чтобы тот, втершись в доверие к лорду Вьетрэ, погубил его с помощью какого-нибудь хитроумного плана. Или проще: Мартин явился сюда, чтобы предать свою мать, которую он однажды уже бросил — или она бросила его; как было на самом деле, Бианта сказать не могла. *Уже* не могла…

— Что ж, поезжай, — сказала она, стараясь, чтобы в ее тоне не было ни обещания, ни угрозы. Затем она повернулась и, не прибавив больше ни слова, пошла прочь, оставив его одного ждать рассвета.

Четыре дня спустя Бианта, бессильно опустив руки, стояла перед своим книжным шкафом,

и только взгляд ее с лихорадочной торопливостью скользил по полкам, прогибавшимся под тяжестью рукописных фолиантов, посвященных различным аспектам математической магии. Одни были написаны убористым, угловатым почерком демонов, другие — изысканной, с росчерками вязью Пограничья. Бианта просмотрела их все, но так и не нашла решения мучившей ее проблемы. И все же она была уверена, что подсказка где-то там, на одной из пожелтевших от времени страниц, вот только на какой?.. И снова — в который уже раз — Бианта пожалела, что не наделена способностями к магическим дисциплинам, которые опирались бы не на заученные наизусть выверенные доказательства и строгие теоремы, а на вдохновение, импровизацию, интуицию. Впрочем, насколько ей было известно, Пророчество не поддавалось и этим наукам.

Ах, если бы проблему можно было решить прямым перебором вариантов, подумала Бианта и вдруг застыла, пораженная новой мыслью. Пророчество описывало отнюдь не идеальные миры, с которыми она привыкла иметь дело. В нем были переплетены реальные события, являющиеся результатом взаимодействия, столкновения демонов и людей между собой и друг с другом. Это

обстоятельство обусловливало особую сложность причинно-следственных связей. Даже придворный астролог как-то признался ей в частной беседе, что его предсказания точны, лишь покуда они не имеют никакого отношения к людям. По его словам, влияние человеческого фактора не поддавалось практическому анализу и способно было испортить самым тщательным образом составленный прогноз. Ту же ошибку допустила и она, когда попыталась привести к линейному виду такую сложную вещь, как поэзия.

Эвергардский казначей как-то упрекнул ее в том, что она изводит на свои исследования слишком много бумаги, и, хотя он просто шутил, с тех пор Бианта старалась расходовать драгоценный материал как можно экономнее. В результате в одном из ящиков ее стола скопилась довольно толстая стопка чистых листов. Сейчас она достала их и, положив на стол, развернула Пророчество. Немного поразмыслив, Бианта достала из шкафа трактат Сариэли «Об умозрительных построениях, заклинаниях и вещах еще более странных» и открыла на одной из закладок, чтобы освежить в памяти стихотворение из четырехсот строф: Сариэль Рисская на полном серьезе считала себя поэтессой. Над этой книгой, полной искусно вы-

полненных гравюр, тщательно прорисованных схем и сложных графиков, которые сама Сариэль называла «патологемами» из-за их непредсказуемого и необъяснимого поведения, Бианта просидела несколько вечеров, но уверенности в том, что она все поняла правильно, по-прежнему не было.

Да, как и в самом начале своего исследования, Бианта могла опираться только на законы симметрии — единственные правила, которые действовали и в мире чисел, и в мире людей. Симметрия определяла положение черных и красных фишек на клетках шахматной доски; симметрия придавала изысканную форму стихотворению, которое начиналось и заканчивалось одним и тем же четверостишием; симметрия лежала в основе музыкальной пьесы, в которой повторялась одна и та же последовательность звуков. Раздумывая над этим, Бианта припомнила песню, которую странствующие менестрели исполняли в Большом зале Эвергарда примерно неделю назад. Голоса один за другим вплетались в общий хор, который, в свою очередь, повторял партию каждого певца, но уже в другой тональности. Это напоминало и отражение в зеркале, и «патологемы» Сариэли, где каждый пропорциональный

отрезок вызывал появление сразу нескольких подобных отрезков, уже не укладывавшихся в общую закономерность.

Присев за стол, Бианта заново перечитала Пророчество, пытаясь найти в нем примеры подобной симметрии, которые столь долго избегали ее пытливого взора. Решение было в них или где-то рядом — теперь Бианта в этом не сомневалась, вот только как его найти?

Так она проработала не один час, боясь даже встать из-за стола, чтобы не пропустить что-то важное. Вода в кувшине, к которому она то и дело прикладывалась, давно закончилась, но Бианта не посмела даже позвать слугу, чтобы тот принес ей новый, ибо появление постороннего человека могло отвлечь ее от работы, рассеять внимание. Игнорируя боль в пересохшем горле, Бианта сдвинула на край стола трактат «Об умозрительных построениях…» и положила на его место раскрытое на «Примечаниях…» исследование Магны Атик «О бесконечности». Магна Атик и Сариэль Рисская жили в одно и то же время, но это было, пожалуй, единственным, что их объединяло. Во всем остальном они были полными противоположностями — и как личности, и как мыслители. Взять хотя бы эту таблицу приближенных зна-

чений некоторых форм — цветов и решеток, папоротников и кружев, которые не могла бы создать ни одна смертная плетельщица; Сариэль Рисская, несмотря на свое воздушное имя, оперировала предметами более приземленными.

Но больше всего Бианту поразила страница, где были описаны сложенные из множества многоугольников формы, характеризующиеся различными «патологиями», как назвала их Атик. (В этом словечке Бианте почудился плохо замаскированный выпад в адрес Сариэли с ее «патологемами».) Магна Атик, впрочем, пошла дальше, спроецировав свое «многоугольное формообразование» в бесконечность.

Но даже эти весьма сложные материи казались Бианте пустяком по сравнению с Пророчеством, которое, имея дело с живой жизнью, отличалось куда большей сложностью и многоплановостью, чем любые построения самых изощренных человеческих умов. Что, если, думала она, найденный Магной способ — всего лишь один из множества алгоритмов решения, одна из множества возможностей? Безусловно, комплексный подход необходим, но что это за подход? Как, с какой стороны следует подойти к Пророчеству, чтобы постичь его потаенный смысл и одновременно

учесть все вероятности?.. Быть может, стоит… Но понять, что же ей следует сделать, Бианта была уже не в силах. Магна Атик создавала свои «Бесконечности» всю жизнь, и до Бианты никто из математов не занимался сколько-нибудь систематическим и глубоким изучением этого трактата. Взять его, что называется, «с наскока» было невозможно, к тому же после нескольких часов напряженной работы глаза Бианты слезились и закрывались сами собой, а утомленный мозг отказывался воспринимать полученную информацию. Но больше всего ей мешала необходимость найти решение как можно скорее, чтобы успеть спасти Пограничье от орд императора.

Осознав, что сегодня она ничего больше не добьется, Бианта задула лампу и забралась под одеяло. Голова ее буквально раскалывалась от боли, но под сомкнутыми веками по-прежнему ярко горели три слова: Симметрия, Патология, Бесконечность.

Когда несколько дней спустя Бианта бесцельно блуждала по коридорам замка, пытаясь отделаться от навязчивых мыслей о возможном смысле Пророчества, ей повстречалась леди Иастр.

— Они вернулись, — негромко сказала она, тронув Бианту за плечо. — Я подумала, ты захочешь

их встретить…

— Кого — их? — слабо удивилась Бианта, все еще во власти собственных размышлений.

— Твоего сына и других — тех, кто уцелел в сражении у моста Сильвербридж.

«Тех, кто уцелел…» Бианта закрыла глаза и обхватила себя руками за плечи, пытаясь унять дрожь.

— Ах, если бы демоны оставили нас в покое! — непроизвольно вырвалось у нее.

Леди Иастр грустно кивнула:

— К сожалению, это вряд ли случится. Я слышала, император хочет сам вести свои войска на штурм Эвергарда. Ну, идем же…

— Я не могу, — проговорила Бианта, чувствуя, как весь огромный замок начинает медленно вращаться. Он кружился все быстрей и быстрей, и из серых каменных стен глядели на нее голодные, налитые кровью и злобой глаза. — Передай ему… передай Мартину: я рада, что он вернулся.

Это было единственное, что пришло ей в голову, — единственное, что она хотела и могла сказать сейчас своему сыну. Трагизм их общего положения дошел до нее в полной мере, и мысли Бианты вновь обратились к Пророчеству.

— Но послушай же! — воскликнула леди Иастр,

однако Бианту ничто уже не могло остановить. Чуть ли не бегом она бросилась в свою келью, где ждали ее магические манускрипты.

Некоторые подробности сражения у моста она узнала, прислушиваясь к обрывкам разговоров за общей трапезой, к перешептыванию слуг. Император, очевидно не на шутку разозленный упорством жителей Пограничья, не просто покинул свой дворец, но и лично принял участие в битве. Это, впрочем, не слишком удивило Бианту — чего-то подобного следовало ожидать. Встревожило ее другое. Один из герольдов упомянул, что император поражал бойцов Пограничья не мечом, а своим кошмарным жезлом со «змеиным глазом». Насколько было известно Бианте, магический жезл или скипетр, который был не просто оружием, но и символом могущества демонического владыки, ни при каких обстоятельствах не должен был покидать пределов Империи. Тот факт, что император использовал его в бою, мог означать только одно (а при мысли об этом Бианте едва не стало дурно) — демоны уже считают Пограничье своей территорией. По свидетельству очевидцев, магический жезл превратил воспетый во множестве баллад серебряный мост Сильвербридж в пригоршню бурой

ржавчины и гнилых бревен, после чего армия демонов двинулась дальше к Эвергарду.

Готовясь к долгой и трудной осаде, лорд Вьетрэ распорядился отправить на восток тех, кто не был необходим при обороне замка, а также женщин и детей. Все остальные были готовы сражаться. И умереть, как считала Бианта. Та же мысль, похоже, владела многими. Учебные бои между солдатами, которые она наблюдала из окна кельи, становились все более ожесточенными, а слуги перестали улыбаться и сплетничать. Бианта и леди Иастр тоже не играли больше ни в шашки, ни в рифмы, решив, что сейчас это было бы неуместно, хотя Бианте иной раз и хотелось как-то отвлечься от мрачных мыслей и напряженной работы.

Мартина она видела всего несколько раз, да и то мельком. Бианта, впрочем, не могла не заметить, какую печать наложили на него усталость и тревога. Его лицо осунулось и почернело, щеки ввалились: казалось, он пережил ужасную пытку, от которой до сих пор не оправился. Чисто по-матерински Бианта жалела сына, однако утешить его ей было нечем. Пророчество по-прежнему хранило свою тайну, и Бианта казалась себе беспомощной и никчемной. Наверное, Мартин, в

свою очередь, о чем-то догадывался, поскольку старался как можно реже попадаться матери на глаза.

Неприятельская армия приближалась, и наконец настал день, когда, стоя на площадке одного из бастионов, Бианта смогла различить на горизонте оранжевое зарево лагерных костров и голубоватый блеск магических молний. Напряженная атмосфера в замке сгустилась еще больше; не слышно было шуток и смеха, а в редких разговорах звучали нотки отчаяния и покорности судьбе.

Однажды утром Бианту разбудил пронзительный рев боевых труб, и она поняла, что осада Эвергарда началась. Торопливо одевшись и не сказав никому ни слова прощания (хотя кое-кто и попрощался с ней, боясь, что сегодняшний день может стать последним в их жизни), она заняла свое место на крепостной стене и с мрачным удовлетворением следила за тем, как лучники посылают стрелу за стрелой в атакующие порядки демонов. Потом в тылу демонского войска вспыхнула и поплыла к замку магическая шаровая молния, и лучники схватились за щиты, чтобы отразить нападение, а Бианта поддержала их своими заклятиями. Первую атаку удалось

отбить сравнительно легко. Демоны отступили, чтобы изготовиться к новому штурму, и Бианта, воспользовавшись передышкой, начала сплетать новые, более могущественные заклинания, призывая силы, для управления которыми требовались глубокие знания и точный расчет. Никаких затруднений она, однако, не испытывала: необходимые формулы Бианта заучила наизусть, как запоминают слова понравившейся песни. В первом заклинании были собраны все разновидности боли, которую могли испытывать демоны, а от нее требовалось преобразовать их в смерть. Наконец было произнесено последнее слово, и перед глазами Бианты поплыл багровый туман, так как неотъемлемым компонентом математических колдовских формул была душа самого заклинателя. Она, впрочем, была почти благодарна застлавшей глаза пелене, избавлявшей ее от необходимости смотреть, как корчатся в муках и падают убитые враги. Бианта почти приветствовала собственные страдания, хотя и знала, что ей придется применить заклинание еще не раз, прежде чем маги противной стороны сумеют составить контрзаклинание. Именно по этой причине, кстати, адепты математической магии никогда не принимали непосредственного

участия в сражениях: чтобы составить атакующее заклятие или разработать действенную защиту от математической атаки, требовались время и глубокая концентрация внимания. Порой на то, чтобы выяснить, какая формула лежит в основе того или иного заклинания, уходили годы и даже десятилетия напряженного труда. Вдохновение и импровизация на поле боя не приветствовались. Правда, они позволяли получить необходимый результат несравнимо быстрее, однако в большинстве случаев полагаться на них было слишком рискованно: Бианта знала немало случаев, когда крошечная ошибка в наскоро составленном заклинании приводила к гибели мага.

К полудню она, однако, почти перестала замечать громоздящиеся под стенами замка груды окровавленных тел. Прислонившись спиной к холодному камню, Бианта не отрываясь смотрела туда, где, выстроившись правильным каре, неподвижно стояла гвардия императора, похожая на грозовую тучу, оплетенную золотисто-багровыми зигзагами молний. В центре строя должен был находиться и сам император, вооруженный магическим скипетром с оправленным в платину и золото «змеиным глазом», который Бианта так

хорошо помнила. Подумала она и о магическом мече лорда Вьетрэ и в который раз прокляла невразумительный текст Пророчества, которое так и не поддалось ее усилиям. Было весьма соблазнительно противопоставить меч Фидор скипетру императора, но Бианта понимала, что это было бы слишком просто. Кроме того, логичности подобного предположения противоречил сам факт присутствия на поле боя императора, который решился бы на столь рискованный шаг только в случае, если бы был абсолютно уверен в скорой победе.

Быть может, он рассчитывает, что Мартин поможет ему? Эта мысль заставила Бианту похолодеть от ужаса. Ее догадка более чем вероятна. Нужно срочно найти Вьетрэ и предупредить его, решила она. Бианта знала, где сейчас может находиться старый лорд, и бросилась туда прямо по стене замка, пренебрегая опасностью быть подстреленной снизу.

— Милорд! — закричала она на бегу, заранее страдая, ибо рядом с серебряной шевелюрой лорда Вьетрэ, командовавшего обороной замка, разглядела светлые волосы сына. — Милорд! Император… — Она споткнулась и едва не упала, но сумела удержаться на ногах и побежала еще

быстрее.

Вьетрэ повернулся в ее сторону, и тут это случилось.

Одетая в черно-красные с золотом камзолы гвардия сдвинулась с места и пошла вперед. Император, слегка приподнявшись в открытом паланкине, поднял скипетр. В лучах солнца сверкнул зеленый «змеиный глаз», потом все заволокло мраком. С каждой минутой непроглядная мгла все ближе подступала к стенам Эвергарда. Звуки боя стихли, и воцарилась полная тишина, казавшаяся особенно грозной после гулких ударов, звяканья металла о металл и предсмертных воплей.

Уже в следующее мгновение заклинание императора закончило свое действие, оставив после себя новые груды мертвых тел. Повсюду, куда ни падал взгляд Бианты, она видела изуродованные трупы, расщепленные щиты и погнутые мечи. Казалось, даже пронзительный холодный ветер утратил свою свежесть и стал похож на тлетворное дыхание больного чумой.

Не сразу удалось Бианте совладать со своими эмоциями. Лишь взяв себя в руки, она обратила внимание, что демоны, случайно оказавшиеся на пути магического облака, тоже мертвы. Должно

быть, поняла она, император выдвинулся так далеко вперед потому, что хотел сберечь собственных солдат, а не потому, что знал — среди защитников Эвергарда находится его лазутчик. Во всяком случае, ей хотелось думать именно так, ибо в противном случае все они были обречены.

Впрочем, положение защитников замка и без того было тяжелым. Многие, слишком многие погибли, а Бианта и другие маги Эвергарда могли только бессильно наблюдать за этим, не в силах ничего изменить.

— О боги!.. — пробормотал лорд Вьетрэ. — Еще один такой удар, и нам конец.

— Это скипетр, — охрипшим голосом пояснил Мартин. — Одно из его имен, которые нельзя произносить вслух, на языке демонов означает Разложение.

Бианта посмотрела на ворота замка и внезапно чихнула. Ее ноздри раздражала какая-то мелкая пыль, хотя совсем недавно никакой пыли в воздухе не чувствовалось — ветром ее относило в сторону. Потом она заметила, что трупы павших — и демонов, и людей — разлагаются и гниют буквально на глазах. Их плоть чернела и кусками отваливалась от костей, обнажая желтоватые скелеты; могучие стены Эвергарда, сложенные

из крепкого серого камня, покрылись паутиной трещин и начали осыпаться в тех местах, где их коснулось черное облако.

Пока Бианта оглядывалась по сторонам, Мартин взял себя в руки и принялся выкрикивать приказы, стремясь увести уцелевших воинов со стены, прежде чем она рухнет. Бросив быстрый взгляд в сторону матери, он быстро сказал:

— Нужно спуститься вниз, здесь оставаться опасно. Заклятие разложения может распространиться, и тогда… К вам это тоже относится, милорд.

Вьетрэ коротко кивнул и предложил Бианте руку. Мартин спускался первым, выбирая лестницы и переходы, которые казались наиболее надежными. Позади них со стуком и скрежетом рассыпалась каменная кладка, оседали в облаках пыли зубцы стены, обрушивались бойницы. Изрядный валун упал и разлетелся на мелкие кусочки совсем рядом с Биантой, но она только поморщилась.

— …использовать свой скипетр еще раз? — услышала она окончание фразы лорда.

— Нет! — хором ответили Бианта и Мартин, потом Бианта пояснила: — Без кровавых жертвоприношений, да еще так далеко от храма, где

находится источник магической силы императора, это невозможно. Во всяком случае, на камень или дерево скипетр больше не подействует. Но если прикоснуться им к живой плоти…

Вскоре они сошли вниз и оказались в относительной безопасности, среди тех, кто спустился с разваливающейся стены раньше.

— Как насчет Пророчества, леди Бианта? — спросил старый лорд и, глядя на разбросанные повсюду тела, страдальчески скривился.

— Пророчества?.. — удивился Мартин, глядя на Вьетрэ и мать с каким-то странным выражением на лице.

Было вполне вероятно, что за те несколько дней, которые Мартин провел в Эвергарде, он ничего не слышал о Пророчестве, а если и слышал, то не понял, в чем дело. Бианта, во всяком случае, сомневалась, что у ее сына нашлось время слушать песни и баллады странствующих менестрелей. А если и нашлось — что с того? Так ли это важно?.. Главное — теперь Бианта убедилась: Мартин не предатель. Как видно, боги услышали ее молитвы и смилостивились над ней и ее сыном. Вот только надолго ли?

С трудом сдержав рвущийся из груди вздох, Бианта огляделась, прислушиваясь к стонам и

крикам раненых, и вдруг в ее мозгу сам собой возник ответ на мучившие ее вопросы.

Да, теперь она была уверена, что нашла решение — одно из множества возможных. Перспектива — вот в чем ключ к разгадке. В Пророчестве говорилось о двух войнах между демонами и людьми. «Ритмы, рифмы и двусмысленные образы» — так она сказала когда-то лорду Вьетрэ, характеризуя древний документ. Действительно, весь текст Пророчества пронизывала странная (не сказать ли «патологическая»?) симметрия, однако, размышляя о Вечерней войне и предательстве лорда Мьере, Бианта почему-то не подумала о том, что во второй войне изменник может оказаться в стане демонов. Изменник, который предаст императора, а не народ Пограничья!

Стоп, сказала она себе. Только не торопиться. В первой войне лорд Мьере предал Эвергард и погиб от руки Пайен. Налицо был конфликт дочери и отца, тогда как она и Мартин были матерью и сыном, однако, как Бианта уже убедилась, когда дело касалось взаимоотношений людей, симметрия проявляла порой себя самым причудливым образом. Зеркало давало искаженное отражение. Мартин не обязательно должен был погибнуть.

Народ Пограничья еще мог одержать победу.

— Император все еще там, под стенами замка, — негромко сказал лорд Вьетрэ. — Если бы кто-то остановил его, мы могли бы удержать крепость. И возможно, даже победить в войне.

— Вы говорите о вызове, о поединке?! — ахнула Бианта, забыв, что десятки людей жадно слушают разговор, от которого зависели их судьбы и судьба Эвергарда. — Что ж, пожалуй, это шанс… У императора тоже есть свои понятия о чести, как бы странно это ни казалось нам, людям. Он лишился одного из своих поединщиков. Вряд ли теперь он откажется от возможности расквитаться с изменником.

Был ли подобный вызов во время Вечерней войны? Ни в балладах, ни в исторических хрониках ни о чем таком не упоминалось, но Бианте это не казалось важным. В конце концов, почему они должны жить в соответствии с тем, что было написано и спето много лет назад? Их судьба в их руках. Они напишут новую песню, пусть даже каждая буква в ней будет начертана их собственной кровью.

Лорд Вьетрэ кивнул. В словах Бианты был определенный смысл, к тому же она когда-то жила во дворце императора и, следовательно, знала,

что говорила. Расстегнув перевязь с волшебным мечом, он протянул его Мартину.

— Возьми, — сказал он.

Бианта замерла. Если она все-таки ошиблась, решение лорда могло иметь роковые последствия. Магический клинок в руках предателя… Не этого ли добивался император? Вместе с тем она понимала, что выбора у них просто нет. Чтобы воспользоваться содержавшимися в Пророчестве туманными возможностями, приходилось идти на риск.

Мартин побледнел.

— Я… я не могу, — запинаясь, проговорил он. — Ведь я даже не знаю, кто будет преемником… Я не имею права!

Бианта вспомнила, что лорд Вьетрэ, действительно, так и не определил, кто и в каком порядке будет претендовать на трон Эвергарда в случае его смерти. Потом она бросила взгляд на ворота замка, от которых осталось лишь несколько щепок и перекрученных, ржавых полос железа, которыми они когда-то были окованы. Перед воротами собралась группа солдат под командованием молодого капитана дворцовой стражи — праправнука лорда Мьере. В мрачном молчании солдаты ожидали неизбежного штурма.

— Я даю тебе это право сейчас! — возвысив голос, сказал лорд Вьетрэ. — Не время сомневаться и раздумывать. Бери меч и сражайся!

Решительным движением Мартин взял в руки магический меч. Крепко сжав рукоять, он вынул Фидор из ножен, и прозрачный клинок мягко замерцал.

— Я сожалею о том, что сделал когда-то, — прошептал Мартин, повернувшись к Бианте. — И хотя сделанного не воротишь, все это — в прошлом. Помоги мне сейчас!..

— Торопись! — ответила она, пытаясь мысленно представить положение на поле боя. — Император хочет отнять наш дом и наши жизни. Ты должен остановить его!

Поднявшись на цыпочки, Бианта поцеловала Мартина в лоб. Это было и материнское благословение, и материнская ласка — первая за много-много лет. Одновременно она вызвала в памяти все известные ей защищающие заклятия и, несмотря на усталость, сплела их вокруг сына в прочный панцирь.

— Ступай, — снова сказала она. — Да пребудет с тобой мое благословение. — «И пожалуйста, возвращайся!» — прибавила она мысленно. Однажды Бианта едва не потеряла сына, и ей не

хотелось, чтобы это случилось вновь.

— И мое!.. — эхом повторил старый лорд.

Мартин почтительно склонил голову, потом повернулся и рысцой бросился к воротам. Биан-ту трясло, как в лихорадке, но она постаралась собраться с силами, чтобы нанести демонам еще один магический удар и попытаться склонить Пророчество в пользу защитников Эвергарда. Впрочем, она сомневалась, что у нее что-нибудь получится: в эти минуты она чувствовала себя не больше чем рисунком в старинной книге, сделан-ным выцветшими чернилами на пожелтевшем, ломком пергаменте.

Тем временем Мартин приблизился к группе собравшихся возле ворот солдат и обменялся несколькими словами с капитаном стражников. По-видимому, тот был озадачен, увидев в руках Мартина магический меч своего лорда, но Вьетрэ сделал ему знак рукой, давая понять, что все в порядке. Капитан отдал короткий приказ, и солдаты расступились, пропуская Мартина к во-ротам, за которыми уже ждали император и его одетая в черно-красно-золотые камзолы гвардия, перестроившаяся из каре в колонну и готовая ворваться в замок.

— Изменник! — негромко сказал император,

увидев вышедшего ему навстречу Мартина. Как всегда, его голос не выражал никаких чувств, кроме холодной насмешки, и звучал так тихо, что и демонам, и людям приходилось напрягать слух, чтобы расслышать хоть слово. — Ты действительно думаешь, что эвергардский клинок способен тебя защитить?

Вместо ответа Мартин сделал выпад мечом. Сверкающий клинок рассек воздух в непосредственной близости от горла императора, где под полупрозрачной кожей виднелись набухшие янтарно-золотистые вены. Защищаясь от удара, император взмахнул скипетром, а его телохранители, подняв оружие, бросились на Мартина. Воины Эвергарда, в свою очередь, выдвинулись из ворот, чтобы защитить своего бойца. Глядя на них, Бианта с трудом подавила истерический смешок: солдаты обеих сторон двигались так четко и слаженно, что со стороны это напоминало балетный номер.

У ворот закипел бой. Бианта, с замирающим сердцем следившая за развитием событий, скоро поняла, почему император выбрал своим поединщиком ее сына. Он был быстр, как змея, и могуч, как лев. Атаковавшие его гвардейцы-телохранители не могли не видеть грозивших им смертью

выпадов Мартина, но им не хватало ни силы, ни скорости, чтобы их парировать. Вокруг Мартина начало образовываться свободное пространство. Казалось, что гвардейцы вот-вот дрогнут под яростным натиском воинов Эвергарда.

Но Бианта этого почти не замечала. Все ее внимание было приковано к императору, который сражался плечом к плечу со своими воинами. Вот он в очередной раз взмахнул своим смертоносным жезлом, и Бианта невольно ахнула. Со стороны могло показаться, будто он метит в голову одному из эвергардцев, который только что свалил ударом меча рослого демона-гвардейца, но Бианта ясно видела, что стоит императору немного повернуть кисть, и его жезл коснется Мартина. Просто коснется, но этого хватит, чтобы ее сын — каким бы могучим бойцом он ни был — лишился сил и стал беспомощен, как дряхлый столетний старец.

— Мартин! Берегись!!! — крикнула Бианта. Он был единственным, что осталось у нее от прежней жизни, от семьи, от человека с большими ласковыми руками, который любил ее настолько сильно, насколько позволяли ему установления и правила дворцового этикета. Император отнял у нее все и теперь хотел забрать последнее…

В эти краткие секунды паника придала ее мыслям невероятную быстроту; страх за сына подстегнул интуицию и помог Бианте подняться над строгими математическими формулами, путаными теоремами и сложными доказательствами. Словно высвеченное вспышкой молнии, в мозгу Бианты возникло короткое уравнение-заклинание, лежащее в основе всех законов симметрии. Проверять его не было времени, да Бианта в этом и не нуждалась — она *знала,* что не ошиблась, и применила его, не колеблясь.

В какие-то доли мгновения — настолько краткие, что и представить себе невозможно, — выпад императора стал атакой Мартина. Сверкнув всеми цветами радуги, хрустальный меч Фидор поразил цель, а магический скипетр дрогнул и опустился, никого не задев. Золотая кровь императора фонтаном хлынула на красно-зеленый камзол Мартина, и владыка демонов грузно осел на землю.

«Прости меня за все, Мартин…» — успела подумать Бианта и потеряла сознание.

Менестрели, пережившие осаду Эвергарда, сложили песнь о смерти и отчаянии, о последней битве между императором демонов и тем, кто стал теперь преемником старого лорда Вьетрэ

на троне Пограничья. Каждый раз, когда Бианта слышала ее, она заново оплакивала гибель многих и многих защитников Эвергарда, среди которых был и молодой капитан, праправнук лорда Мьере. Новая песня была очень красива, но теперь Бианта знала, что за каждой легендой или балладой стоит подчас много больше того, что способна вместить память самых лучших странствующих певцов. Например, в новой песне ни слова не говорилось ни о ней, ни о ее сыне или муже.

Наверное, рассудила Бианта, так и должно быть, поэтому на полях незаконченной книги — книги своих собственных теорем — она написала только две строчки:

Существует столько форм любви, что сосчитать их невозможно.

И одна из них — прощение…

Это была, разумеется, только гипотеза, а не доказанная теорема, но Бианта ни секунды не сомневалась в ее истинности. Когда же чернила на бумаге просохли, она оставила свою келью, где на полках пылились толстые тома и древние пергаментные свитки, и отправилась в Большой зал Эвергарда, где ждали ее за праздничным столом леди Иастр, лорд Вьетрэ и, конечно, молодой лорд Мартин.

перевод В. Гришечкина

Лев Гроссман
КОНЕЦ ИГРЫ

Лев Гроссман написал три романа: «Warp», «Кодекс» («Codex») и «The Magicians». Он всемирно известный критик и писатель, специализирующийся на технике, не раз публиковавший свои работы в таких изданиях, как «New York Times», Salon.com, «Entertainment Weekly», «Wall Street Journal» и «Village Voice». Лев уже давно ведет обзор литературы в журнале «Time», одновременно работая над продолжением «Магов» («The Magician King»). Подробности смотрите на levgrossman. com.

Последний роман Гроссмана «The Magicians» представляет собой еще одну магическую историю в духе «Гарри Поттера» и «Хроник Нарнии». Главный герой, Квентин Колдвотер, смышленый юноша, интересующийся фантастическими романами и прикладной магией, в один прекрасный день оказывается в городе

Брэйкбиллс, в тайной академии волшебства. Однако там его ожидают вовсе не милые чудеса и интересные открытия. Как выясняется, магия чрезвычайно скучна для изучения, и что делать со своей жизнью по окончании курса — вот вопрос. Учителя часто слишком нервные и даже грубые, а найти общий язык со студентами почти так же трудно, как и в реальном мире. В итоге Квентин начинает верить, что можно проторить дорожку в настоящий фэнтезийный мир, где полно приключений и говорящих зверей, — однако и тут ему далеко не все удается.

Джордж Р. Р. Мартин сказал: «„The Magicians“ по сравнению с „Гарри Поттером“ как глоток ирландского виски по сравнению со стаканом слабенького чая».

Следующий рассказ уводит нас в ту же вселенную, где разворачивается действие этого романа. Мы увидим, чем приходится заниматься молодым магам, когда процесс обучения закончен.

В этот утренний час пик станция метро была набита битком. На платформе толчея, люди толпятся на лестницах, а в самых узких местах они вынуждены проходить по одному. Некоторые держали в руках зонты.

Они спешили и при этом старались не прикасаться друг к другу, делая вид, будто на станции никого нет, кроме них самих. Такие своеобразные человеческие «черные дыры»: на лицах никаких признаков внутренней жизни — если она вообще имелась.

Подъехал поезд, и все как по команде закрыли руками уши, спасаясь от жуткого скрежета.

На краю платформы, около металлического столба, спиной к рельсам, в дюйме от предупредительной желтой полосы стояла хорошенькая молодая женщина с коротко остриженными темными волосами. Стояла и наблюдала за толпой. Поезда приходили и уходили, однако ни в один она не садилась. Был еще один человек, которого не интересовали поезда, — старик в дашики.[11] Он сидел под лестницей на ящике для молочных бутылок и без конца выстукивал

[11] Примечания: 11

Дашики — мужская футболка с круглым вырезом и короткими рукавами. — *Прим. перев.*

«Маргаритавилль»[12] на стальном барабане.

Появившись здесь в шесть утра, брюнетка казалась довольной и возбужденной, но спустя два часа азарт пошел на убыль, сменяясь скукой и легким беспокойством. Примерно то же происходит с именинным тортом, когда он начинает разделяться на масло и сахарный сироп. Ей не слишком нравился ритм, который старик в дашики выбивал неторопливо и самозабвенно, щедро добавляя от себя тремоло и раллентандо. Прислонясь спиной к железу, покрытому многочисленными слоями оранжевой краски, она перебирала однообразные неспокойные мысли и предоставляла людскому потоку течь мимо. Вот они, счастливчики, выигравшие в великую человеческую лотерею, обитатели богатейшего города в богатейшем периоде истории цивилизации. Уныло бредут в зараженные крысами бетонные пещеры, где им предстоит долгих восемь часов таращиться в экраны компьютеров.

Что же здесь произошло? Чей это промах? Кто кого предал? И тут на самом деле полно крыс. Молодая брюнетка собственными глазами видела уже шесть.

---

[12] Примечания: 12

«Маргаритавилль» — песня из репертуара американского певца Джимми Баффета. — Прим. ред.

Она просто хотела, чтобы скорей все началось. Посмотрела на часы. Воздух здесь спертый, душный — пар, пот, сыр, машинное масло, фекалии… Проклятье! Дышать этой гадостью — сокращать себе жизнь.

В метро брюнетка была всего третий раз в жизни.

Она посмотрела на платформу, где стоял Роб. Ну вылитый страус: нелепая кудрявая голова покачивается над толпой, рот как всегда приоткрыт. Каждые пять минут они должны вступать в визуальный контакт. Шона не видать, но он дежурит на другом конце платформы.

Их трое, и они стопперы. Брюнетка перевела взгляд на толпу.

Как же трудно ждать. Сколько прошло времени, и сколько еще пройдет… Она снова поглядела на часы. Семь минут девятого.

Возможно, они не пришли или прошли не здесь. Но брюнетка в это не верила. Они должны были пройти именно здесь, это сверхдетерминировано тактически и подтверждено разведкой. Но все-таки похоже, что стопперы торчат тут напрасно. Те, кого они ждут, ухитрились просочиться сквозь сеть. Наверное, замаскировались лучше, чем ожидал противник.

Если так, то это сюрприз. Обычно их засекали моментально. И если никто не кинулся вдогонку, группа скоро достигнет цели. Возможно, она уже там. Вот только изменения пока еще не случилось.

Если бы брюнетка их обнаружила, то сумела бы остановить. В этом нет никаких сомнений. Но теперь, должно быть, уже слишком поздно. Вдобавок ей очень нужно в туалет.

Она закусила губу, снова поглядела на Роба и подала сигнал: все в порядке. А едва тот отвернулся, брюнетка отошла от столба, бросила бутафорскую сумочку в урну — «при обнаружении подозрительного предмета оповестите полицию» — и влилась в толпу, медленно ползущую вверх по лестнице. Сошла с лыжни, как сказал бы Шон. Покинула пост. В таких ситуациях ошибка подобна смерти, но разве не поэтому она подалась в стопперы? Никто не играет с такими высокими ставками, как она.

А впрочем, всего через пару минут она вернется на свое место. Все хорошо, что хорошо кончается.

Когда брюнетка проходила мимо мужчины в дашики, тот прекратил корчить из себя Джимми Баффета и резко встал. Она сделала пальцами

необычный вычурный знак и прошептала слово на фарси. Он снова сел, уткнувшись в свой барабан. Палочки застучали, но уже не по стали, а по бетону: «Some people claim that there's a wo-o-o-man to blame…»[13]

Что ж, в данном случае это справедливо.

Обретя возможность маневра, она снова почувствовала себя в игре. Сцена ожила, она теперь напоминала не фотографию, а фильм… с брюнеткой в главной роли. Она снова могла дышать, как будто прочистила засорившийся респиратор.

Утренний смог тает. И это хорошо. А когда что-то идет хорошо, никто не порадуется этому больше, чем она.

Брюнетка старалась сохранять стеклянный, пустой взгляд — как у всех окружающих, — однако в ней бушевала сумасшедшая энергия. Рот так и норовил растянуться в блаженной улыбке. Все вокруг такие нормальные на вид! Даже придурки — вполне нормальные придурки. Будь как все, идиотка! Не выделяйся!

Людской поток вынес ее на бетонную лестницу с чугунными перилами, ведущую к вестибюлю. У турникета она поиграла в «только после вас»

---

[13] Примечания: 13

«Некоторые утверждают, что винить надо женщину…» *(англ.). — Прим. ред.*

с парнем в костюме от «Прада» и с новомодной бородкой; они двигались, как зеркальные отражения друг друга. На все про все ушло ужас сколько времени: часы на пункте продажи жетонов показывали 8.11.

От вестибюля во всех направлениях отходили коридоры. Женщина насчитала пять выходов; нет, все не проверить. Время поджимает, нужно выбрать один. Она остановилась. Толпа вокруг поредела. Где-то на заднем плане беспрестанно клацали и щебетали турникеты, напоминая лягушачий хор.

Ее охватила паника. Пока не поздно, надо вернуться на платформу. Вот только матч скоро закончится. И тогда — проигрыш.

— О че-е-ерт… — пробормотала она, что-то почувствовав.

Брюнетка подняла висящий на шее перламутровый бинокль, такой маленький, что казался игрушечным, и оглядела толпу.

И знаете что? Она оказалась на сто процентов права. Молодой человек, слегка за двадцать, волосы песочного цвета, желтовато-зеленый твидовый пиджак с кожаными накладками на локтях. Он запросто мог бы сойти за сексуально озабоченного помощника редактора из изда-

тельства «Саймон и Шустер» — если бы над его головой в такт шагам не покачивалась корона из мерцающих иконок: пиктограмма — цифры, греческие буквы и еще какие-то плохо различимые зеленоватые флуоресцентные символы. Парень с беспечным видом двигался по вестибюлю, явно ни о чем не подозревая.

И та же картина примерно в десяти футах позади него: матрона с Верхнего Ист-Сайда,[14] вся в жемчугах и в меховой курточке. Походка штатского человека. Над красиво уложенными пепельными волосами парили тесно посаженные охряные курсивные письмена, а над плечами вращались две звездочки. Ух ты! Не меньше чем капитан!

По идее, они не должны работать вместе. Это практически запрещено. Правила, правила, правила… Ну, как бы там ни было, выбирать можно лишь одно из двух: лестницу на улицу или вращающуюся дверь слева, что ведет в подвальное фойе офисного здания.

Твидовый направился к двери; благослови господи его женолюбивое сердце, поскольку

---

[14] Примечания: 14

Верхний Ист-Сайд — респектабельный район Манхэттена в Нью-Йорке, где традиционно селятся состоятельные жители города. — *Прим. перев.*

брюнетка обожала «вертушки». Сейчас ее собственное сердце колотилось часто-часто, но она могла с этим справиться. Это как будто ты мысленно нажимаешь кнопку и отсоединяешь двигатель от редуктора; все остальное делается по инерции.

Теперь бегло произносим несколько старинных голландских ругательств — и «вертушка» наглухо заклинена. Как смешно он мечется, ни дать ни взять мим, запертый в невидимом стеклянном кубе. Вдвое смешнее оттого, что ловушка и впрямь стеклянная.

Толпа с растерянным ворчанием попятилась от заблокированной двери. Добрая минута понадобится Твидовому, чтобы сообразить, как его провели. Это называется «эффект неожиданности» — да и с какой стати она будет делать то, чего от нее ждут? У них всегда уходит минута, это статистика. А брюнетке больше и не нужно.

Матрона узнала: что-то пошло не так. Развернулась и продолжила движение, но спиной вперед, стараясь выделить стоппера в толпе. Вот только не было у нее такого замечательного бинокля.

Да это просто подарок! Погружаем Матрону в сон, как того барабанщика: персидское обморочное заклинание действует мгновенно. Но похоже,

это маг куда выше чином, чем Джимми Баффет: не успев закончить заклинание, стоппер так и села от удара в грудь чем-то невидимым.

Может, надо было сперва прочесть надпись над головой Матроны? Она по меньшей мере капитан.

Сердобольные пассажиры бросились помочь молодой женщине, но она отмахнулась, глубоко дыша и массируя грудь. Матрона уже убегала по лестнице со скоростью чемпиона — и это на таких высоченных каблуках. Нельзя ее упустить. Но что делать с Твидовым? Брюнетка чувствовала, как он снимает ее заклинание, петлю за петлей. Ладно, подумала она, попробуем действовать пожестче.

Шквал магической силы сорвал вращающуюся дверь и с оглушительным грохотом забросил ее в подвал офисного здания. Фу, как грубо получилось!

Но Твидового это задержит еще на одну-две минуты. Обойдется без сломанных костей, но от нокдауна, а то и от нокаута, он оправится не сразу. Прием топорный, но эффективный и, что еще важнее, не противозаконный.

Перепуганная толпа дико вопила. Стоппер пошла вверх по лестнице, навстречу свету дня, и

шум остался позади.

Матрона направлялась к тому самому офисному зданию, в подвал которого занесло Твидового, в монолитную башню с двухэтажным цоколем из зеленого стекла.

Быстро шагая по противоположным сторонам улицы, брюнетка и Матрона вели невидимый поединок. Каждая заставляла противника забыть, куда он идет, пыталась вызвать у него усиленное сердцебиение, замутить его зрение и толкнуть ему навстречу другого пешехода. Вообще-то, такое против правил, но, поскольку согрешили обе стороны, посмотрим на это сквозь пальцы.

Потом ради прикола она слишком ярко включила фары еле ползущего лимузина. Даже, пожалуй, перестаралась — Матрона вынуждена была опереться на капот другой машины, прижимая пясти к глазам, и простоять целую минуту.

Брюнетке только того и надо было. Она метнулась через улицу, между машинами, мимо поникшей Матроны, прямо в зеленое фойе и там увидела самую великолепную картину на свете — Твидовый едет вверх на эскалаторе, все еще потирает голову и убеждает прицепившегося охранника, что все в порядке.

Можно схватить его и связать, а можно про-

следить за ним. Хочешь выяснить, где спрятано нечто важное, — найди того, кто знает дорожку туда. А Твидовый знает. Хотя какому кретину пришло в голову прятать Голубой Куб в офисном здании в центре города? В результате игра за гранью фола и все в дерьме.

Пловцу в бассейне иногда помогает неистовая жестикуляция зрителей. Сверхчувственное предвидение ей сродни: невозможно объяснить, как оно срабатывает. Закрыв глаза и мысленно наугад прощупав все вокруг, она выловила один простой факт из ближайшего будущего. А если знаешь, к которому лифту через девяносто секунд должен подойти Твидовый, ничего не стоит в этот самый миг оказаться у него за спиной.

Она молниеносно просунула руку между съезжающимися дверьми. Те вздрогнули, снова открылись и впустили ее, злорадно ухмыляющуюся, вслед за Твидовым в кабину.

Будем откровенны: поездка вверх выдалась не из приятных. На самом деле брюнетке было даже жалко попутчика. Кто он такой? Салажонок, до которого только сейчас дошло, с кем он имеет дело.

Большим и указательным пальцами он сделал

знак «рах».[15] Намекнул, что можно разойтись мирно. Он не хотел драться.

Нетушки, Твидовый! У тебя узкое лицо и вьющиеся каштановые волосы, редеющие на висках. А ума, похоже, кот наплакал. Эта игра — не футбол двадцатого века, договорной ничьей не будет.

Господи, когда же это кончится! По какой бы причине ни предпочел Твидовый этот лифт скоростному, непредвиденная задержка дала ей возможность подумать. Времени было даже с избытком — ее разум работал с максимальной скоростью, и теперь, когда он не был сосредоточен на первостепенной задаче, мысли так и наваливались друг на дружку. Она пыталась считать собранные очки, но все время сбивалась. Очень уж непроста формула расчета, и некоторые переменные еще неизвестны.

И все же у нее есть реальный шанс на победу, в этом можно не сомневаться. Она — лучшая в своей молодежной категории и держит первое место вот уже пять месяцев. У нее талант, да такой мощный, что она бы прекрасно обходилась без магии — если бы все, чему учат в академии, вокруг этой магии не вертелось.

---

[15] Примечания: 15
Мир *(лат.). — Прим. ред.*

Она вздохнула, и Твидовый бросил на нее вопросительный взгляд; может, заигрывал, но она проигнорировала его попытку.

Нет, не похоже, что ей светит проиграть. Так что тревожиться ни к чему. Просто она, как ни тошно это признавать, малость устала от военных игрушек. Как оказалось, быть магом в реальности — совсем не то, что быть магом в книжках. Думаете, Саурон, Белая Колдунья или Волан де Морт ждут не дождутся, когда вы получите диплом? Как бы не так, эти паршивцы даже не удосужились показаться вам на глаза. Наверное, не получили соответствующего уведомления.

Какой жестокий удар со стороны абсолютного зла — оно оказалось несуществующим. Спрашивается, куда податься новоиспеченной чародейке? Из нормальной девчонки сделали кровожадного боевого мага, да вот беда, сражаться-то не с кем! И в сущности, не из-за чего. Военная игра — не то, ради чего она училась и тренировалась, не то, ради чего она вообще живет. Однако другой цели, более стоящей, на горизонте не маячило.

Но в военной игре она была хороша. Правда, эта продолжалась уже четвертую неделю, и отчего-то брюнетке теперь казалось, что время ползет

очень медленно. Что ни ночь, то новый рейд в новую временную зону. Пять рейдов в неделю, двадцать часов в сутки на ногах, а из еды одни бутерброды. Многие подсаживаются на такой безумный ритм, как на наркотики. Сегодня утром она не позавтракала, и от избытка адреналина при пустом желудке уже дрожат колени.

Что будет дальше? Может, Вильнюс, а может, Перт. Еще хватает невскрытых конвертов. Зато вся эта свистопляска помогает ей оставаться в списке лучших. Есть Голубой Куб, а в нем должен быть артефакт, и надо его найти. А что это за вещь, вы догадываетесь? Вот и она не догадывается. И она слишком молода, чтобы ей все это казалось скукой смертной…

Тинь… Двери открылись. Брюнетка сделала жест вежливости: после вас. Ведь не обязательно вести себя как последняя сука без крайней необходимости, верно? Твидовый взглянул на нее непонимающе — словно человек, проклятый с самого рождения, — но покинул кабину и попер в офис. Надо отдать ему должное, он своевременно решил не делать глупостей.

Это был офисный этаж — флуоресцентные лампы, серые ковры, равнодушные клерки в кабинках. Они поднимали глаза, когда незнаком-

цы проходили мимо, и снова утыкались в свои экраны, не отдавая себе отчета в том, что рядом присутствуют два живых бога, два ангельских посланца тайного мира, который простирался вокруг — если бы только они были способны его видеть. Тишина напоминала хлороформ. Коматозная реальность с мертвым кондиционированным воздухом…

Брюнетка держалась в десяти шагах позади своей жертвы. Твидовый не протестовал, но и сильно испуганным не выглядел. Скорее всего, сам не знал, куда ее ведет. Неважно, можно и подождать, пока он примет решение, время еще есть. Все равно это конец игры, сейчас королева съест пешку.

Клерки таращились на мерцающие экраны. Женщина слушала телефон, закусив крашеный каштановый локон; с обтянутой чулком ноги свисала туфелька. Забавно — стены здесь обиты таким же ковролином, как тот, что лежит на полу. Как будто специально на случай, если комната изменит положение в пространстве. Эшер бы одобрил прогулочки по стенам этого мягкого лабиринта. Может, где-то в его центре прячется плюшевый минотавр?

Господи, до чего же здесь холодно! Клетчатый

повернул вправо, снова вправо, потом влево. И куда мы так спешим? Кудахтанье офисного курятника осталось позади. Она резко свернула.

Эй, а где Твидовый? Она потеряла след. Остановилась и подпрыгнула, пытаясь увидеть поверх офисных кабинок. Тщетно. Вот если бы она была такой же высокой, как Роб! Брюнетка прислушалась. Тишина.

Она выдохнула — белое облачко медленно поплыло прочь.

Нет, нет, нет, нет, нет! Она поднесла к глазам театральный бинокль. Нет, это не офис — вокруг расстилался зеленовато-коричневый лес, такой густой, что ничего не разобрать. И никаких клерков.

Рухнув на грубый ковер и сильно ударившись руками, она закричала по-русски. Волны силы хлынули во всех направлениях. Вокруг обрушились стены кабинетов, как если бы были елками, а она — точкой падения Тунгусского метеорита. Кто-то взвизгнул, и с треском разбилось окно.

Ну, такое можно сделать только раз. Защищайся, защищайся, защищайся! Она испускала волны энергии, рискуя быть затопленной собственной магией, а в воздухе молниеносно начертывались неоновые письмена, стремясь пробить, разру-

шить ее защиту.

Однако быстрее нее никто работать не умел. Это особый дар. В академии она заставляла себя двигать руками помедленнее, иначе преподаватели не успевали за ними следить. (И куда торопилась, спрашивается? Кого стремилась обогнать?) Сейчас все, вероятнее всего, ожидают, что она начертает знак «рах», вот только она ни разу в жизни не просила пощады. И ничего, выживала как-то. Правда, всему рано или поздно приходит конец.

Позади снова выстраивались стены кабинетов, отрезая ей путь к отступлению. Но отступать она и не собиралась.

Брюнетка подула на костяшки пальцев и соорудила себе «жесткую руку» — правая рука стала большой, тяжелой, прочной и бесчувственной. Ей нравилась «жесткая рука». Ею нельзя швырять чары, ну а левая на что? Для многих заклинаний достаточно одной руки.

Бум! Она замахнулась огромным сверкающим правым кулаком и проломила перед собой стену. Тощий парень с бритой головой взвизгнул и брякнулся в обморок. Здесь не Брэйкбиллс, здесь народу невдомек, какими грубыми могут быть маги. Плевать, сейчас не до чайных церемоний.

В офисе бушевал дикий ветер, в воздухе стаями порхали листы бумаги для принтера. Защищаясь и прикрываясь, она продвигалась вперед под ураганным обстрелом; обычно незримый изгиб ее щита сейчас был очерчен мерцанием брошенной против него магии. Плевать. В основном это примитивная кинетическая энергия. Некоторые из ее противников творили компьютерную магию, массово генерировали чары: времени на их создание уходит сущий пустяк, но и гасить их проще простого. У большинства чарометателей хватало ума не приближаться к ней физически, но нашелся смельчак, потрясающе красивый блондин, — он выскочил из своего кабинета и побежал рядом, забрасывая ее заклинаниями боевых искусств. Она шмыгнула мимо, оставив позади свое замершее от страха изображение, а потом с силой ударила красавчика по затылку, израсходовав последнюю энергию «руки».

Теперь она то ускоряла, то замедляла движение, причем совершенно бессистемно, и временами вообще пропадала из виду. Так ее было труднее взять на прицел и даже удержать в поле зрения. Однако на нее воздействовали не только люди, но и всякие вещи, против которых не работала защита. Обезумевшие атмосферные явления,

туман и дым, холод и плазма, и радиация до кучи, и то, что сама она не осмелилась бы применить посреди населенного пункта. Ковер ускользал из-под ног, полз, точно лава, пытался свалить ее. Последние двадцать секунд кто-то пытался ее дистанционно душить; обнаружить этого умника и разгадать его магию не удавалось. Наверное, ловушку здесь подготовили еще вчера.

Ага! Она заметила Матрону, наблюдающую за ней из угла. Вот он, минотавр в лабиринте. Глупо… Надо было догадаться, что такого противника оставить позади нелегко.

Из угла веяло холодом, от него немели пальцы, сводило челюстные суставы. И конечно, было трудно дышать, хотя брюнетка почти забыла о необходимости это делать. Перед глазами вставала серая пелена с краями психоделической расцветки.

Так не должно быть. Такого просто не могло произойти!

На четыре этажа от брюнетки в этом здании людей было мало. Она рискнула и потратила часть оставшейся энергии в максимальном режиме, забрав весь воздух в радиусе десяти ярдов. По крайней мере трахея пришла в норму.

Листы густо парили в воздухе. Некоторые пы-

лали, и кто-то упорно пытался соорудить из них своеобразного голема, норовящего обхватить ее бумажными руками. Она погнала вперед ковролин, заворачивая в него людей, не подпуская их к себе. Те не оставались в долгу — рвали обивку в клочья, обнажая армированный бетон. Матрона обстреливала брюнетку заклинаниями, мелкими и крупными, умными и глупыми, — видимо, в надежде, что какие-то да пробьются. Она была сильна, очень сильна. Не капитан — бери выше.

На лице замерзал пот. Ничего, терпимо. Пора кончать со всем этим дерьмом.

Волосы на затылке — и ворс на ковре! — встали дыбом от статики. В соседнем кабинете возникло короткое замыкание, мониторы компьютеров взорвались со звуком разбитой пиньяты.[16] Кругом на стеклянных поверхностях расцветали кристаллы изморози, в воздухе сгущался снег. Матрона подводила ее к грандиозному финалу.

Внезапно брюнетку осенила идея. Чертовски нелепая. Немыслимая. На стене висели часы. На этом этаже часы были и в каждом компьютере, телефоне, принтере и факсе. Часы — это грубая

---

[16] Примечания: 16

Пиньята — мексиканская полая игрушка довольно крупных размеров, изготовленная из папье-маше или легкой оберточной бумаги с орнаментом и украшениями. — *Прим. перев.*

магия. Поодиночке они — ничто, но если собрать их вместе, соединить магическими нитями и остановить… В отчаянных ситуациях годятся самые отчаянные меры.

Добавив пару магических футов к своему вертикальному прыжку, она взлетела в воздух, сорвала с потолка флуоресцентную лампу и превратила ее в скипетр Григгса, прочный и ослепительный, как пламя магния. С его помощью она начала выписывать в воздухе сложные узоры, письмена и другие символы, а потом ткнула им в пол, и что-то вылилось из лампы.

Время будто запнулось обо что-то, загустело, потекло медленнее, а вскоре и вовсе остановилось с жалобным стоном.

Тишина. Дыша тяжело и отрывисто, брюнетка прижалась лбом к ковролину. На самом деле время, конечно, не замерло. Все вокруг дышали, их сердца бились. Но они ничего не воспринимали. Или время не воспринимало их…

Возможно, в горячке схватки ее природное магическое мастерство вырвалось за пределы сдерживающей его теории. Ну, не важно. Главное, получилось. Судьям могут понадобиться годы, чтобы решить, насколько это вписывается в правила, но любой вердикт лишь обогатит ее

репутацию. А сейчас она завладеет Голубым Кубом. Осталось лишь найти его.

И, подняв взгляд, она нашла. Его держал в правой руке высокий худощавый незнакомец, который шел к ней по проходу между разломанными кабинками. Бумаги зависли в воздухе; свободной рукой мужчина отбросил одну. На нем была необычная, с искусным шитьем одежда.

Если бы брюнетке пришлось описывать выражение его лица, она употребила бы слова «меланхолическое» и «ироническое».

Надо бы дать ему причину для меланхолии и иронии. Уложить на месте, и пусть предается тому и другому. Скипетр будет действовать еще несколько минут.

И все же она не стала ничего предпринимать. Он что-то сделал, отчего это желание сбежало туда, куда ей не дотянуться.

С такими странными иллюзиями брюнетка еще не сталкивалась. Видать, чужеземная магия. Что делать, пустить в ход обморочное заклинание — второй удар в ее стандартной связке? Она не стала. Внутренний голос подсказал: бессмысленно. Если и удалось бы его вырубить, как тогда узнать, что он, черт побери, здесь делает?

В том же иноземном стиле он лишил ее возмож-

ности двигаться. Причем действовал аккуратно и неторопливо, словно так и было задумано. Мелькнула мысль использовать голосовое заклинание, однако тотчас рот словно залепили скотчем. И она по-прежнему хотела по-маленькому.

— Энни, — сказал он. — Поппи Мюллер.

Она пожала плечами, поскольку ничего другого в этих обстоятельствах сделать не могла. Да, и что дальше?

Он красиво вращал кубик на пальце — никакой магии, просто ловкость рук. До чего же странная у него одежда! Вроде старомодная, а вроде и нет. Ему, наверно, лет двадцать пять, максимум двадцать семь. На чьей он стороне?

— В мире ты номер один, — сказал он. — В многоборье.

— И в трех самостоятельных дисциплинах.

— Я Квентин. — Сморщив нос, он принюхался. Кругом витал ядовитый дым пластика. — Я уже забыл, когда в последний раз видел скипетр Григгса.

Нельзя сказать, что брюнетка его боялась, но он никуда не торопился, а заклинание времени должно было вот-вот утратить силу. Нужно было двигаться. Нужно было добиться, чтобы он ее отпустил. Она мысленно перебрала свои возмож-

ности, но их было немного.

— Хочешь всю жизнь играть в эти игры? — спросил он.

— Не знаю. — Она решила дерзить ему. — Может быть. Вроде в моих планах пока ничего больше нет.

— Понимаю. Скажи-ка, Поппи, ты не прочь увидеть настоящую магию?

Она нахмурилась, не сводя глаз с кубика.

— Что ты имеешь в виду?

На самом деле она уже сошла с лыжни.

Чары растаяли. Похоже, она свободна. Пристально глядя на нее, словно она была диким грызуном, известным своим непредсказуемым поведением, Квентин положил одну руку ей на плечо, а другую сунул за борт своей куртки.

Наверно, он прикоснулся к чему-то маленькому и очень волшебному, потому что разгромленный офис вокруг исчез. И за мгновение до того, как появился другой мир (она очень надеялась, что тут есть туалеты) и все навсегда изменилось, мелькнула мысль: «А ведь это подпортит мои показатели».

Но самое забавное, что на самом деле это ее не волновало.

перевод Б. Жужунавы

Саймон Грин
УЛИЧНЫЙ МАГ

Саймон Р. Грин — автор нескольких десятков бестселлеров, включая такие долгосрочные циклы, как «Охотник за смертью» («Deathstalker») и «Лесное королевство» («Darkwood»). Большинство последних его работ либо написаны по мотивам цикла «The Secret History», либо происходят в атмосфере популярной «Темной стороны» («Nightside»). Последние романы «The Good, the Bad, and the Uncanny» и «The Spy Who Haunted Me». В планах новый цикл «The Ghost Finders». Короткие произведения Грина печатались в антологиях «Mean Streets», «Unusual Suspects», «Wolfsbane and Mistletoe», «Powers of Detection» и в моей антологии «Когда мертвые оживут» («The Living Dead 2»).

Нашей жизнью правит сплошная рутина: проснуться, принять душ, позавтракать, пойти на работу, съесть ланч

и т. д., всегда одно и то же, день за днем. Мы можем переехать в другой город, в другую страну, внушить себе, что вот, привычный порядок нарушен и началась новая жизнь, однако очень скоро выясняется, что мы посещаем одни и те же магазины, каждый день ходим по одним и тем же дорогам.

Что заставляет нас в бескрайнем мире, полном беспредельных возможностей, день за днем делать одно и то же? Как известно, мы дети привычки, и, конечно, знакомая, предсказуемая, изо дня в день повторяющаяся обстановка создает ощущение комфорта. Открывая роман о маге, читатель рассчитывает на высокодраматические описания: вот волшебник обследует темницу, куда его заключили, а вот готовится применить грандиозное заклинание. Но конечно же, как и у всех остальных, у магов есть свои будни, свой распорядок дня. На что он похож — день из жизни мага? Об этом наш следующий рассказ. Как выясняется, жизнь современного городского мага отнюдь не сводится к просиживанию штанов в кабинете и

получению зарплаты.

Я верю в магию. Это моя работа.

Я уличный маг, работаю на Лондонский городской совет. Не ношу остроконечную шляпу, не живу в замке и не пользуюсь волшебной палочкой с тех пор, как трико вышли из моды. Получаю скромную зарплату как инспектор дорожного движения, но не имею даже казенной формы. Моя задача — убирать за другими людьми и предотвращать все неприятности, какие возможно. Это магическая работа, но кто-то же должен ее делать.

В девять часов вечера звонит будильник, и мой день начинается — когда солнце склоняется к горизонту и по пятам за ним следует ночь. Я делаю все, что другие делают по утрам, и, прежде чем выйти из дома, проверяю свои «инструменты»: соль, святую воду, распятие, серебряный кинжал, деревянный кол. Никаких «стволов» — они могут привлечь ненужное внимание.

Я живу в достаточно комфортабельном районе, над баром, где продают спиртное, на окраине Сохо. В основном, соседи у меня милые. Однако когда солнце садится и наступает ночь, на улицу выходят люди другого сорта — туристы, любите-

ли приключений и прочие неспокойные души, у которых больше денег, чем здравого смысла. Они хотят развлечься, они заполняют улицы; в их глазах сияют звезды, в сердцах трепещет жадность, они жаждут острых ощущений, стремясь удовлетворить свои ненасытные желания.

Кто-то должен прикрывать им спину, защищать от опасностей, о существовании которых они даже не подозревают.

Я уже собрался на работу, когда два пьяных гомика затеяли визгливую перебранку под моим окном. Обычно она заканчивается дракой и срыванием париков. Ну и пусть себе, решил я и углубился в лабиринт узких улочек, который представляет собой Сохо. Бары, рестораны и ночные клубы, обжигающий неон и холодные монеты. На улицах полно людей с хитрыми бегающими глазами, они жаждут всего вредного и пагубного. Моя задача — сделать так, чтобы они в целости и сохранности вернулись домой или, по крайней мере, пали жертвой простых бандитов Сохо.

Я никогда не мечтал о профессии уличного мага. Никто из нас этого не планирует. Как с музыкой и математикой, здесь дело в таланте. Можно вкалывать сколько угодно, но, чтобы

стать по-настоящему крупным игроком, нужно родиться для нашего ремесла. Остальные играют теми картами, какие выпадут. Безропотно принимают свою судьбу и выполняют ту работу, которая должна быть сделана.

Рабочий день я начинаю в дешевой забегаловке под названием «Дингли делл». Когда-то название мне казалось забавным, но я уже забыл, как давно это было. Кафе — место встреч всех здешних уличных магов. Здесь можно раздобыть полезную информацию, поболтать и выпить чашку горячего чая перед тем, как нырнуть в холодную ночь. Здесь теснота, всегда запотевшие окна, покрытые пластиком столы и жирный завтрак — если вы в состоянии переварить его. Нас здесь всего тринадцать, мы покрываем всё Сохо. Кое-кто, может, и не против, чтобы нас было больше, да бюджет не позволяет.

Мы терпеливо сидели, сутулясь, потягивали горячий чай из треснутых чашек и притворялись, будто слушаем контролера, который нудно бубнил о том, что, по его мнению, нам следовало знать.

Он не маг, как мы, просто связующее звено между нами и советом. Мы терпим его только потому, что он отвечает за своевременную оплату

нашего труда.

Бесконечная струя мочи, вот что такое его речь, однако Берни Дрейку нравится думать, будто он делает важное дело. В основном это сводится к тому, что он много хнычет, и за глаза мы зовем его Глэдис.[17]

— Слушайте внимательно, и, возможно, вам удастся пережить сегодняшнюю ночь, сохранив все свои пальцы и душу. — Таков Дрейк — старый пердун в плохо сидящем костюме. — К нам поступают жалобы! Серьезные жалобы. Ни дать ни взять, целая свора демонов пьянства накидывается на слабохарактерных туристов, забавляется с ними, а потом оставляет с жутким похмельем, о происхождении которого их жертвы понятия не имеют. Будьте внимательны и при малейших признаках чего-нибудь в этом роде вызывайте заклинателей-экзорцистов. Поступили также жалобы о магических магазинчиках, которые сегодня есть, а завтра исчезают, еще до того, как простофили-покупатели возвращаются с претензиями насчет негодного товара. Поэтому, если увидите неизвестный магазин, сразу же заглядывайте туда. Джонс, держись подальше

---

[17] Примечания: 17

То есть женским именем. — *Прим. перев.*

от питьевых фонтанчиков! Я дважды повторять не буду. А ты, Пэджет, оставь ведьм в покое! Они имеют такое же право зарабатывать на жизнь, как и все мы. И если вам интересно… похоже, кто-то пожирает инспекторов дорожного движения… Ладно, ладно, хватит время даром терять. Выметайтесь отсюда, и пусть от вас будет хоть какой-то прок.

Народ начал расходиться, бормоча комментарии себе под нос — чтобы наш контролер мог сделать вид, будто не слышит их. Вот такие маленькие победы скрашивают жизнь.

Демонстрируя, что никуда не торопимся, мы шли не спеша. Я вежливо раскланялся с местными ночными бабочками, наслаждающимися теплом в кафе перед долгим ночным дежурством. Мы знаем их, они знают нас — мы ведь в одно и то же время ходим по одним и тем же холодным улицам. Пестро одетые, с убийственным макияжем, девушки щебетали, словно яркие райские птички, оттягивая момент, когда нужно будет выходить на работу.

Рейчел заметила меня и подмигнула. Я тут, скорее всего, единственный, кто знает ее настоящее имя. Для всех остальных она просто Рыжая, из-за цвета волос. На мясном рынке много за нее не

дали бы. Ей нет еще и тридцати, но для местечка получше Рыжая уже слишком стара; она носит тяжелое пальто, под которым вряд ли есть что-нибудь еще, и туфли на таких длинных шпильках, что их можно квалифицировать как смертельное оружие. Раздавив сигарету в пепельнице, она выдохнула дым во влажный воздух, встала и подошла ко мне. Просто так, мимоходом.

— Привет, малыш Чарли. Как успехи?

— А у тебя?

Мы оба улыбнулись. Это ей только кажется, будто она знает, чем я занимаюсь.

— Побереги себя, малыш Чарли. Что-то многовато тут шляется плохих людей.

Я намотал ее слова на ус; проститутки ничего не упускают из виду.

— Ты имеешь в виду кого-то конкретного, Рыжая?

Однако она решила, что уже сказала достаточно. Ночные бабочки никогда не позволяют себе с кем-нибудь сближаться.

— Постой, дай проверю, все ли мои вещи на месте: так — бритва, кастет, газовый баллончик, презервативы и смазка. Ну вот, я готова ко всему.

— Удачи, Рыжая.

— Удача всегда при мне, малыш Чарли.

Я открыл ей дверь, и мы вышли в ночь.

Свой участок я обходил в одиночку, туда и обратно. Уже совсем стемнело; от всех, кто прячется в ночи, нас отделяло только искусственное освещение. На улицах полно туристов и других любителей острых ощущений — бродят в поисках места, где их успешнее ограбят, бросив с пустым кошельком и парочкой приятных воспоминаний, которые будут греть их до следующего раза. Сверкающий неон, повсюду соблазны — но это лишь то, что в Сохо видят все. Я же вижу гораздо больше, поскольку я уличный маг. Я обладаю Видением.

Включая свое Видение, я вижу мир таким, каков он есть, реальным, а не таким, каким его воспринимают большинство людей. Вижу всякие чудеса и диковины, ожившие ночные кошмары, магические силы в действии — всякую необыкновенную всячину, о существовании которой обычные люди даже не подозревают. Я смотрю на мир особым взглядом, и ночь оживает, взрываясь скрытыми до этого чудесами, богами и монстрами. По улицам Сохо бродят великаны Гог и Магог. Они возвышаются над зданиями, однако их огромные туманные фигуры проходят сквозь

магазины и бизнес-центры, не причиняя вреда. Они меньше, чем призраки, но больше, чем воспоминания. Гог и Магог ведут кулачный бой, который закончится, лишь когда подойдет к концу сама история. Они были здесь еще до Лондона и, по словам некоторых осведомленных, никуда не денутся, даже если Лондона не станет.[18]

Крошечные крылатые фейри мечутся по улицам, словно живые метеоры. Играя в свои салочки, они подлетают к фонарям и тут же уносятся прочь, оставляя светящийся след. На крыше собора Святого Эгидия танцуют ангелы. И группка людей в черном проверяет припаркованные автомобили, из которых не все являются таковыми на самом деле. Помните исчезнувших инспекторов дорожного движения?

Если бы люди могли видеть мир таким, каков он на самом деле, если бы могли видеть всё и всех, сосуществующих с ними рядом, клянусь, они бы просто обделались. Сошли бы с ума. Не сумели бы переварить свое открытие. Мир гораздо больше, чем думают люди; больше и загадочнее,

[18] Примечания: 18

Великаны Гог и Магог — духи-хранители лондонского Сити. Плетеные чучела великанов участвуют в параде в честь лорда-мэра Лондона с 1554 г. В Апокалипсисе Гог и Магог — воинственные племена, которые развяжут вселенскую губительную войну. — *Прим. перев.*

чем многие могут даже вообразить себе. И такое положение должно сохраняться, — моя работа отчасти в том и состоит, чтобы видеть все как есть и не допускать утечек в безопасный и разумный мир.

Я расхаживал по улицам, следуя собственному маршруту; каждую ночь приходится покрывать большое расстояние, причем на ногах. Одно время мы пытались использовать автомобили, но ничего не получилось. Из машины слишком многого не замечаешь. Для нашей работы требуются крепкие тяжелые ботинки, сильные ноги и прямая спина. И каждое мгновение нужно быть начеку. Полным-полно тех, с кого лучше бы не спускать глаз. К примеру, бродячие шайки готов, с их темными одеждами и бледными лицами. Половина из них вампиры-подростки, в полубредовом состоянии от голода, жаждущие наркотиков и легкой крови. Лучшей маскировки не придумаешь. Впрочем, реальных кровососов всегда отличишь — они носят не распятия, а коптские кресты. Пока они держат свою прожорливость под контролем, я позволяю им быть. Что поделаешь? Они тоже часть атмосферы Сохо.

Нельзя глаз спускать и с проституток. С хмурым выражением лица они подкарауливают

своих клиентов на перекрестках. Завлекая прохожих, распахивают пальто и раздвигают алые губы в улыбках, не означающих ничего. Нужно примечать новые лица, необычные лица, потому что не всё женщина, что выглядит как женщина. Некоторые сирены, другие суккубы, а третьи вовсе пришельцы — как две капли воды похожие на богомолов, сложивших лапки в молитве. И все эти «прелести» надежно скрыты под приятной внешностью, с помощью которой они одурачивают свою жертву, внушая ей что-то очень завлекательное, сугубо интимное, — зато потом отбирают у нее гораздо больше, чем просто деньги.

Я вычисляю таких и отправляю в полицию. Когда могу. Проклятая дипломатическая неприкосновенность, черт бы ее побрал!

Кажется, на улицах изрядно прибавилось бездомных; потерянные души, сломленные люди, прирожденные бродяги. Однако некоторые пали намного ниже большинства. Когда-то они были кем-то — живое доказательство того, что колесо фортуны вращается для всех. Мудрый человек то здесь, то там бросит в кепку монету, потому что у кармы есть зубы. Один чересчур паршивый день, и любой из нас может сорваться в пропасть.

По-настоящему опасные бездомные, словно пауки, прячутся в картонных коробках, в любой момент готовые выскочить, напасть на ничего не подозревающего прохожего и утащить его в свою нору. И никто не заметит, что произошло. Однако от меня им не укрыться. Стоит заметить такого паука, и я сжигаю его коробку, а всех, кто успевает выскочить оттуда, протыкаю колом. Регулирование числа паразитов тоже входит в мои обязанности.

Время от времени нужно останавливаться, чтобы отдышаться и бросить тоскующий взгляд на очередной знаменитый бар или ночной клуб, который никогда не распахнет перед таким, как я, роскошные двери. У меня есть подруга, стоящая существенно выше в магической пищевой цепочке. Так вот, она видела известного комедийного актера, который застрял на середине лестницы, поскольку никак не мог вспомнить, куда шел, вверх или вниз. Насколько я в курсе, он все еще там. Однако таков уж Сохо: гангстеры в баре каждого ночного клуба и знаменитости, откалывающие дурацкие номера на каждом углу.

Наклонившись над решеткой уличного водостока, я перекинулся парой слов с живущей в канализации русалкой. Она контролирует

уровень загрязнения, своим водяным телом поглощая всякую дрянь, а профильтрованное пропускает наружу. Русалка здесь еще с викторианских времен и вроде бы всем довольна. Впрочем, как и многие, находит повод пожаловаться; в частности, ее огорчает то, что люди перестали смывать в унитаз малюток-аллигаторов. По-моему, ей недостает этих зверушек.

— Не скучаешь?

— Ну что ты, — говорит она.

Я смеюсь и продолжаю путь.

Спустя какое-то время меня пробирает холод, и я делаю остановку у чайной палатки. Из тьмы, медленно шаркая, то и дело появляются местные неудачники — их, словно мотыльков, притягивает яркий свет. Они становятся в очередь за чашкой чая или тарелкой супа, спасибо Армии спасения. Эти божьи помощники любят меня не больше, чем я их, но все мы знаем, что служим определенной цели. Я всегда прислушиваюсь к тому, что говорят на улице. Вы удивитесь, узнав, как много даже самые последние негодяи выбалтывают в присутствии бездомных, как будто тех вовсе нет рядом.

Я проверяю эту чумазую публику на предмет проклятий, заклинаний неудачи и тому подоб-

ной порчи и удаляю, что могу.

В палатку входит Рыжая — как раз в тот момент, когда я ухожу. Врывается из тьмы, словно корабль под всеми парусами, резко останавливается у прилавка и требует чашку черного кофе без сахара. Лицо у нее пылает, глаз украшен «фонарем», под носом засохла кровь.

— Слишком игривый типчик попался, — небрежно бросает она. — Я говорю ему: «Это за дополнительную плату, дорогой». А он не понял намека, ну и получил кастетом по яйцам. Одна из маленьких радостей жизни. Он завалился и схлопотал ногой по башке, это за то, что время у меня отнял. Мы с девочками обчистили его и бросили. Кредитных карточек не трогали, конечно, — полиция по ним вычислит нас в два счета. Господи, до чего же скверный кофе! Как работается, малыш Чарли?

— Спокойно. — Я творю простенькое заклинание и привожу в порядок ее лицо. — Ты когда-нибудь подумываешь уйти на покой, Рыжая?

— Что? И оставить шоу-бизнес?

На улице все больше пьяных. Они вываливаются из клубов и баров, когда пропиты все деньги. Я с безопасного расстояния создаю немудреные чары, помогая им протрезветь, найти безопасную

тачку или ближайшую станцию метро. Осуществляю и другую защиту, о чем они не догадываются. Изымаю оружие из карманов грабителей, сдерживаю задумавших неладное водителей такси, подсовывая им клиентов, которым требуется совсем короткая поездка, и с помощью наведенной паранойи стравливаю шайки гангстеров, отвлекая их от уличного разбоя. Всегда лучше разрядить ситуацию, не рискуя тем, что дело зайдет слишком далеко, с кровью и зубами на мостовой. Подтолкнуть здесь, прощупать там — незначительное воздействие, искусная смена направления, и большинство ночных неприятностей закончатся, даже не начавшись.

Делаю остановку около самой большой китайской христианской церкви Лондона, чтобы поболтать с невидимым демоном, охраняющим святыню от хулиганов и безбожников. Он наслаждается парадоксом: церковь защищает тот, кому официально не положено в нее верить. И поскольку имеет право съесть любого, пытающегося проникнуть внутрь, демон совершенно счастлив. Китайцы очень практичный народ.

Дальше по этой же улице стоит индийский ресторан; в нем тусуются поклонники Кали. По слухам, не все, входящие внутрь, выходят

обратно. Он работает как станция однопутной подземки, и люди, гонимые за свои религиозные верования, здесь могут спокойно уйти в другое измерение. На Земле много таких порталов — если знать, где искать. Я помог администрации со специальной защитной магией, пропускающей только приличных клиентов.

Бывая здесь, всегда проверяю мусорные баки. В последнее время обострились проблемы с дикими пикси. Как и лисы, они забегают из пригородов, вот только лисам не дано взрывать вашу ауру пристальным взглядом. Пикси любят помойки, могут часами играть на них. И они съедают много отбросов, поэтому обычно я не мешаю им резвиться. Хотя, если их станет слишком много, приму меры.

Я постучал по мусорному баку, но ответа не получил. Никого нет дома.

После этого я углубился в боковые улочки, выискивая в крошечных барах тех, кого мы называем пиявками. Они очень похожи на людей, особенно в плохо освещенном помещении. Все вы знаете этих девиц — они подходят к вам, когда вы стоите у стойки, и с очаровательной улыбкой болтают ни о чем, но создается впечатление, что отвязаться от них будет трудно. Их интересует не

ваше общество и даже не деньги. Их интересует совсем другое. Некоторые умеют высасывать спиртное прямо из вас, оставляя только жуткое похмелье. Другие могут выкачивать жизненную энергию, удачу, даже надежду.

Заметив меня, они обычно тут же дают деру. Знают, что я заставлю вернуть высосанное, да еще и с процентами. Мне нравится выжимать этих прилипал досуха.

Личные демоны гораздо хуже. Они появляются в вечерних сумерках, падают откуда-то сверху и, швыряемые ветром, носятся по узким улицам, щелкая зубами и пальцами, усеянными колючками. Ищут любого туриста, к которому можно прицепиться, поскольку его защитные механизмы работают плохо. Они цепляются к вашей спине и катаются, как на муле. Поощряют ваши худшие слабости — жадность, вожделение, страсть к насилию. Заманивают худшими искушениями, заставляют совершать тяжкие грехи, какие вам и не снились. Турист делается необузданным, буквально тонет в эмоциях — и демон впитывает их. Получив достаточно, он снова ускользает в ночь, толстый, обожравшийся, а туристу остается ломать голову над вопросами, куда подевались его деньги и чувство собственно-

го достоинства, с какой стати люди утверждают, что он вытворял все эти ужасы, о которых ничего не помнит, почему у его ног лежит мертвое тело, а руки в крови.

Я могу увидеть демона, а вот он моего приближения заметить не в состоянии. Я могу прокрасться сзади и сорвать его со спины туриста. При этом я использую специальные перчатки, которые называю эмоциональными укротителями. Их для нас изготавливают местные монахи: читают над ними специальные молитвы, вымачивают в святой воде и крепят безобразные серебряные когти на кончиках пальцев. На самом деле личные демоны не живые в прямом смысле этого слова, однако мне все равно нравится, когда они вопят под обжигающим прикосновением моих рук к своим хрупким телам.

Конечно, некоторые туристы приносят на себе личных демонов, и в этом случае я просто записываю их имена, а потом сообщаю в полицию. Симбиоз мне не по силам.

Наткнувшись на первую этой ночью компанию серых чужеземцев, я проверил, в порядке ли у них разрешения. Выглядят они как самые обычные люди — пока не подойдешь слишком близко: тут-то они гипнотизируют тебя большими черными

глазами, как змея гипнотизирует мышь. Вблизи от них пахнет кислым молоком, и движутся они неправильно. Тускло-серая плоть извивается, даже когда они стоят совершенно спокойно — как будто недостаточно прочно связана со скелетом.

В свое дежурство я не позволяю им никого похищать. Тут я непреклонен: нет разрешения — нет и похищения. Они никогда не возражают; вообще не реагируют. Трудно сказать, о чем думает серый, с этим своим длинным плоским лицом и немигающими глазами. По правде говоря, я предпочел бы, чтобы они носили хоть какую-то одежду. Вы не представляете себе, что у них вместо гениталий.

Даже если их бумаги в порядке, всегда нахожу, к чему придраться, — или как минимум делаю вид, будто у них что-то не так, и прогоняю со своего участка. Это мой скромный вклад в защиту человечества от чужеземного вторжения. Пусть правительство увеличивает квоты, если желает.

Часа в два-три ночи я наткнулся на уличного проповедника, женщину, которая курила самокрутку с марихуаной в дальнем проулке. Она новенькая, зовут Тамсин Макриди. На вид ей лет пятнадцать, однако она наверняка достаточно крепкая женщина, иначе в жизни не получила

бы этот участок. Уличные проповедники в основном имеют дело с духовными проблемами, вот почему надолго их не хватает. Достаточно скоро они понимают, что здравого смысла и сострадания недостаточно. Тут-то и поднимается буря, и все прочие бегут в укрытие. Впрочем, Тамсин еще прилично ведет себя, даже когда переживает из-за своей беспомощности.

— Люди приходят сюда, стремясь удовлетворить потребности плоти, не духа. — Я возвращаю ей самокрутку. — И мы здесь для того, чтобы помогать, а не вмешиваться.

— Эту лапшу себе лучше вешай! — говорит она, и мы оба смеемся.

Вскоре после этого я столкнулся с реальными неприятностями: кто-то из Лиги защиты евреев напустил голема на марш британских скинхедов. Голем накинулся на них, расшвырял по сторонам, и те, окровавленные, обмочившиеся, визжащие от ужаса, бросились врассыпную. Больше всего мне хотелось отойти подальше и зааплодировать, однако я не мог допустить, чтобы побоище продолжалось. Вдруг кто-нибудь заметит мое попустительство? Поэтому я ввязался в драку, нырнул под молотящие руки голема и прошептал дезактивирующее слово. Он мгновенно успоко-

ился, став тем, чем, собственно, и был — куском безжизненной глины, а я позвонил в полицию, чтобы его вывезли за город. До кого-то наверху мое сообщение наверняка тоже дошло, и я надеялся, что в ближайшее время мне подобных подвигов совершать не придется.

Возясь с големом, я заработал несколько синяков и носовое кровотечение, поэтому, разделавшись с ним, прислонился к каменной стене и принялся жалеть себя: мои исцеляющие заклинания действенны только по отношению к другим. Немногие оставшиеся скинхеды сочувствия ко мне не проявляли — они знали, на чьей я стороне. Некоторые из них вели себя довольно агрессивно. В конце концов мне это надоело, я бросил на них испепеляющий взгляд, и они вспомнили, что в другом месте есть дела поважнее.

Мне ничего не стоит вернуть голема, и они понимали это.

Я продолжил путь, чувствуя боль во всем теле. Демоны, пикси и големы, подумаешь! Просто еще одна обычная ночь в Сохо.

Продолжай идти, продолжай идти. Защити тех, кого сможешь, постарайся не слишком много времени тратить на тех, кому помочь не в силах. Убирай за всеми, изгоняй хищников и позаботься

о том, чтобы мир ни о чем не догадывался. Такова моя работа. Большая ответственность, практически никакой власти и очень мало денег.

Все это я более-менее связно изложил Рыжей, когда в конце «смены» мы снова столкнулись друг с другом. Она приложила холодное лезвие ножа к моим синякам и предложила глоток из своей фляжки. Отменная оказалась штука.

— Зачем ты этим занимаешься, малыш Чарли? Работа трудная, сплошные неприятности, а в награду только брань и синяки? Дело вряд ли в деньгах — я наверняка зашибаю больше тебя.

— Верно, — ответил я. — Дело не в деньгах.

Я подумал обо всех тварях, которых видел этой ночью и о существовании которых люди, в массе своей, не подозревают. Причудливые, фантастические, диковинные создания и еще более диковинные люди — обитатели тайного мира. Я и сам творю чудеса с помощью магии, и такая ночь, как нынешняя, переполняет меня торжеством. Как могу я повернуться ко всему этому спиной?

— Малыш Чарли, ты когда-нибудь подумывал завязать? — спрашивает Рыжая.

— Что? И бросить шоу-бизнес?!

перевод Б. Жужунавы

Т. А. Пратт
МАМА ИЗ НЕБЫТИЯ

Т. А. Пратт (также известный как Тим Пратт) удостоен премии «Хьюго» за цикл романов о волшебнице Марле Мейсон: «Blood Engines», «Poison Sleep», «Dead Reign» и «Spell Games». Кроме того, два романа о Марле — «Воле Shop» и «Broken Mirrors» в качестве онлайн-серии выложены на сайте Пратта timpratt.org. Роман «The Strange Adventures of Rangergirl» заслуживает особого внимания — он написан в жанре «ковбойский панк». Множество рассказов этого писателя появились в таких изданиях, как «Subterranean», «Realms of Fantasy», «Asimov's Science Fiction», в интернет-журнале «Strange Horizons», а позже были переизданы в антологиях «Best American Short Stories», «The Year's Best SF», «The Year's Best Fantasy & Horror». Рассказы Тима Пратта также можно найти в сборниках «Little Gods» и «Hart & Boot & Other Stories».

Героиня следующего рассказа — вышеупомянутая Марла Мейсон, жесткая, практичная волшебница, специалист по решению связанных с магией проблем. Вымышленный Фелпорт, как и любой город, нуждается в маге-охранителе, и чародеи беспрерывно сражаются между собой за главенствующую роль. В этом мире реально существует множество разновидностей волшебства, о которых вы, возможно, никогда не слышали: симпатическая магия, некромантия, пиромантия и т. д., и даже, не побоимся этого слова, там есть «порномантия».

Что касается магии, Марла — мастер на все руки. Ей нет равных, что позволяет легко приспосабливаться к любым обстоятельствам. Но в то же время из-за уникального таланта она часто оказывается не в ладах с остальными волшебниками. Это вынуждает Марлу прибегать к разным хитростям. Например, с помощью чудодейственного плаща она превращается в неудержимую машину — убийцу. Однако с каждым применением плащ становится все сильнее,

и он постоянно норовит подчинить себе тело и разум хозяйки.

Марле уже приходилось разбираться с армией зомби, ацтекским божеством и женщиной, чьи сны становятся реальностью. Следующий рассказ отличается четко выстроенным, энергичным сюжетом: в начале своей карьеры Марла бросает вызов сразу нескольким красочно выписанным персонажам.

Это не убийство в строгом значении слова. — Волшебник Вискарро, обитатель туннелей и подземных залов города Фелпорта, видавшего лучшие дни, чинил не лишенное изящества и загадочности устройство: сплошь латунные шестеренки и медные шары на шарнирных руках — все вместе не больше футбольного мяча. — Не спорю, это не просто физический дискомфорт, когда тебе в грудную клетку закладывают мощную взрывчатку. И все же это не убийство, потому что Сэйвери Ватт уже мертвец.

Марла Мейсон закинула ноги на стол, поскольку это раздражало Вискарро.

— Ничего не имею против мертвецов, они никому не причиняют беспокойства. С другой

стороны…

Вискарро злорадно осклабился.

— Тебя что интересует, дерзкое дитя? Плоские шуточки или новое поручение?

Он проявлял терпение паука-каменщика, когда нужно было планировать, замышлять и злоумышлять, но быстро раздражался, если собеседник не кивал и не поддакивал. У него было около пятидесяти учеников, бледных и запуганных, — они корпели над его обширными архивами, разбирали в поисках магических артефактов для хозяйской коллекции горы барахла, купленного им на аукционах и распродажах, и, по слухам, соревновались за честь сделать вечерний массаж, который непременно должен завершиться оргазмом.

Из всех фелпортских магов, на которых Марла хотела бы поработать, Вискарро занимал последнее место. Тем не менее она победила в бешеном конкурсе и была нанята. Волшебник высоко ценил ее услуги и платил соответственно. Причем Марла брала не деньгами, ее интересовали знания и сила, а Вискарро обещал научить полезным приемчикам и открыть заветные тайны.

— Выкладывай, старик.

Вискарро кивнул:

— Все просто. Я хочу, чтобы ты разнесла Ватта в клочья. Не волнуйся, твои дурацкие нравственные устои при этом не пострадают, — он всегда может раздобыть другое тело. Ватт — не просто некромант, он самая настоящая нежить.

— А слабо напомнить, кто у нас считается нежитью? Тот, кто пьет кровь, или тот, кто пожирает трупы?

Вискарро фыркнул:

— Ни тот ни другой. Нежить — это, в сущности, труп, в который вселилась его собственная душа. Непонятно по какой причине — генетика, проклятие, еще что-то, — но обычные пути к бессмертию закрыты для Ватта, поэтому, чтобы избежать абсолютного конца, он совершил некий темный ритуал. Поместил свою душу в маленький амулет — как правило, такими амулетами служат драгоценные камни, — совершил самоубийство и пришел в себя уже как немертвое создание. Его первоначальное тело недавно разрушилось при взрыве, и теперь он создает новое — подозреваю, оно будет похоже на самодельного робота. Ватт думает, что покупает источник питания для него, но на самом деле он покупает… ба-бах!

Вискарро стукнул по мудреному устройству. Шары пришли в движение, шестеренки сце-

пились — машинка заработала с негромким жужжанием.

— Так эта штуковина — бомба?

— И одновременно вечный двигатель.

— Вечных двигателей не бывает.

— Разумеется. Это устройство понемногу черпает инерцию и скорость из разных источников — проезжающих мимо автомобилей, дедушкиных часов, аттракционов. Использует даже вращение Земли. Его сто лет назад изобрел безумный маг-механист по имени Канарси. С этой машиной Ватту не понадобится перезаряжать аккумуляторы.

— Это не твой стиль — портить старинную магическую аппаратуру. Не боишься получить дыру в своей коллекции?

Вискарро беспечно махнул морщинистой конечностью, так похожей на когтистую лапу, что и рукой не назовешь. Марла не знала, насколько он стар, но слово «допотопный» казалось самым подходящим.

— У меня есть еще два двигателя Канарси. Кроме того, Ватт пообещал обменять машинку на некий… предмет, который мне нужен.

— Тогда зачем взрывать эту обманку?

— Ммм? Конечно же, затем, что он задумал

перехитрить меня. Он знает: сам я к нему не приду, — (Вискарро страдал агорафобией, хотя Марле казалось странным, что волшебника пугает внешний мир, который сам его изрядно боится), — и планирует убить моего посланца. Потом он скажет, что посланец так и не объявился, и оставит себе двигатель и снежный шар.

— Снежный шар? Ты отправляешь меня взорвать этого типа и украсть снежный шар?

— Это необычный снежный шар… Волшебства в нем всего ничего, зато он проклятый. Тебе эта вещь совершенно ни к чему, а для меня представляет ценность. Скажем, я ее хочу приобрести по сентиментальным соображениям, — с непроницаемым лицом заявил Вискарро.

Вообще-то, он не сентиментальнее печеночного паразита, но какая разница, пока Марле платят? Убить так убить, хотя если Ватт — нежить, то это и не убийство вовсе, а уничтожение монстра.

— С чего ты взял, что он собирается тебя надуть?

Вискарро нахмурился.

— С того, что давно его знаю, мы во многом похожи, и на его месте я поступил бы именно так.

— Ладно, о цене договорились. Я берусь за это дело. Куда лететь?

Пока по наемническим делам ей приходилось бывать в Лас-Вегасе, Лос-Анджелесе и Чикаго. Марла надеялась, что на этот раз цель окажется ближе, в Бостоне или Питсбурге, и надолго оставлять Фелпорт не придется. Уезжать из родного города она не любила.

— Ватт укрылся в горах Северной Каролины, близ захолустного городишки под названием Свитуотер. Довольно милое местечко, осенью особенно. Я давно там не был, но помню краски листвы…

— И какие черти занесли туда колдуна? Это даже не Южные Аппалачи… — Она махнула рукой. — Черные медведи, соломенные шляпы, самодельное виски, кровосмешение… Вот вроде бы и все радости жизни?

— Узколобая провинциальная ханжа. Я, уроженец Юга, с нежностью вспоминаю барбекю по-лексингтонски, хотя сейчас его там не найдешь. И мистер Ватт, увы, не самодельным виски промышляет. — Помолчав, Вискарро добавил: — Нынче он предпочитает синтезировать метамфетамин.

— Это утешает.

Вискарро закончил возиться с двигателем и пододвинул его к Марле.

— Еще кое-что. В эту поездку ты не должна брать плащ.

Марла дотронулась до серебряной булавки в виде пчелы, которая скрепляла накинутый на плечи красно-белый плащ.

— Ты мне не мамаша! Какое тебе дело до моих предпочтений в области моды?

Вискарро оскалился:

— Мода тут ни при чем. Твой плащ — оружие.

— Просто замечательно. И с чего это вдруг мне отправляться на дело безоружной?

Марла терпеть не могла всякие оговорки и ограничения. Жизнь и так не сахар; какой смысл еще и укладываться в прокрустово ложе? При выполнении любого задания полезно иметь выбор средств. А что касается этого плаща (приобретенного в «Магазине для бережливых»), так о нем вообще никогда вопрос не ставился. Плащ быстро исцелял раны и при необходимости превращал хозяйку в уникальную машину для убийства. Требовалось только выпустить на волю чуток его могучей силы.

Вискарро покачал головой:

— От этого плаща за версту несет магией, а нужно, чтобы Ватт увидел в тебе простого курьера. Кроме того, хотелось бы поглядеть, как ты спра-

вишься без этого преимущества. Многие, знаешь ли, болтают, что ты просто бездарная наемница, которой посчастливилось найти великолепное магическое оружие. И некоторые не говорят: «Я хочу нанять Марлу», они говорят: «Я хочу нанять эту девицу с плащом».

— Глупости! — фыркнула Марла. — Да и не нуждаюсь я в плаще — сама умею ломать шеи.

Может, у нее и впрямь развилась зависимость от этого артефакта? Марле не нравились ощущения, возникавшие, когда действовал плащ. Он был намного старше ее, возможно, умнее и уж точно злее. А подчас даже возникало чувство, что не она носит плащ, а он ее.

— Можешь оставить его у меня в кладовке… — начал Вискарро.

— Чтобы назад получить дрянную подделку с одноразовыми чарами?

Алчность Вискарро в отношении магических артефактов была легендарной, и он не колебался, когда подворачивалась возможность присвоить новый предмет для обширной коллекции. В этой страсти было что-то нездоровое, свидетельствующее о глубинном психологическом изъяне. Может, детская травма?

— Как-нибудь обойдусь.

Утренним рейсом Марла прилетела в Гринсборо. Оттуда местный житель, знакомый колдуна, меньше чем за два часа привез ее в горы неподалеку от Свитуотера. Водитель оказался симпатичным белокурым парнем, примерно ровесником Марлы. Однако он помалкивал всю дорогу, поскольку челюсти были стянуты проволокой, только изредка ворчал. Интересно, проволока — это в наказание или Вискарро боится, что парень сболтнет лишнее?

В горах она оказалась впервые и должна была признать, что красот там хватает. Даже дух захватывало, когда сразу за обочиной вдруг открывалась зеленая пропасть, а вдали проглядывали из тумана сизые горы. Но бывало и страшновато, в особенности когда дорога ныряла в ущелье и с обеих сторон нависали голые скалы, — казалось, впереди непременно подстерегает камнепад. Стоило подумать о неприятных сюрпризах, припасенных природой для человека, и даже живописные виды переставали радовать душу.

Марла жила в центре города, и ей это всегда нравилось. Единственной растительностью, которую она видела в это время года, были цветы на подоконниках и трава, пробившаяся сквозь

асфальт.

Она чувствовала себя намного лучше, когда проезжала мимо старых торгово-развлекательных центров и питомников с рождественскими елками, — эта незамысловатая забота о людях вкупе с откровенным консумеризмом позволяла чувствовать себя почти как дома.

Водитель остановился посреди стиснутой сосняком дороги и кивнул на еле заметную подъездную аллею, вьющуюся по склону горы.

— Спорю, зимой въехать туда — целое приключение, — сказала она. — Мой клиент наверху?

Водитель кивнул, вынул из бардачка два секундомера (каждый установлен на один час) и одновременно нажал кнопки.

— Ты вернешься за мной через час? — спросила Марла.

Водитель снова кивнул.

— Если к этому времени я не управлюсь, приезжай ежечасно, пока я не появлюсь.

Изобразить губами «нет» водителю было больно, хотя он и пытался. Тогда он отрицательно покачал головой.

Марла усмехнулась и достала из рюкзака свой любимый кинжал. Старый, но всегда превосходно наточенный.

— Нет, Челюсти, так дело не пойдет. Ты будешь приезжать через каждый час, или я найду тебя, когда самостоятельно выберусь отсюда. Я, знаешь ли, поднаторела в магии. Умею с помощью слова разжигать костер, могу проникать в чужие сны и запросто делаюсь невидимкой. Но ради тебя мудрить не стану, а просто вот этим ножом отрежу яйца. Только сначала затуплю его, чтобы удовольствие растянуть. Понятно излагаю?

Выпучив в ужасе глаза, парень энергично закивал.

— Вот и замечательно. Можешь купить пончиков по дороге.

Она выскользнула из машины и пошла в гору по подъездной дорожке. Хоть и была в хорошей форме, вскоре заныли мышцы. Нужно бегать на стадионе, и желательно тренироваться на спусках и подъемах — простой ходьбы по ровным улицам Фелпорта явно недостаточно.

Пели птицы, дул холодный ветер — осень давала о себе знать. Что уж кривить душой, желтеющая листва, проглядывая кое-где среди вечнозеленых деревьев, радовала глаз. Подъездная аллея закончилась рядом с низким фундаментом, на котором, скорее всего, прежде стоял перевозимый дом. Она вздохнула, оглянулась и по

дорожке, похожей на оленью тропу, углубилась в лес. «Вечный двигатель» в рюкзаке ужасно оттягивал руку, так и норовил задеть за дерево или землю. При каждом нечаянном ударе она все пуще нервничала, даже понимая, что заряд не взорвется, пока она не нажмет на кнопку лежащего в кармане пульта для гаражных ворот.

Тропинка вывела на поляну, где стояли серебристый жилой автофургон устаревшей конструкции и маленькая бревенчатая хижина, ни дать ни взять сохранившаяся со времен Авраама Линкольна.

Дверь дома на колесах с грохотом распахнулась, и оттуда выскочили два гориллоподобных бритоголовых молодца в грубых комбинезонах; за ними валило незримое вонючее химическое облако. Парни взяли на изготовку новенькие черные дробовики. Оба были потенциальными медалистами Олимпийских игр среди уродов, но тот, что справа, продемонстрировал Марле свои зубы — зеленые там, где не желтые, желтые там, где не черные, и черные там, где не отсутствовали. Первое место в номинации «самый небрежный уход за зубами» ему было гарантировано.

— Вроде она не из полиции, — сказал Серебряный Медалист на Звание Урода.

— Смахивает на заплутавшую студентку, — заявил Золотой Медалист.

— Мне нужно повидать мистера Ватта. Ему посылка из Фелпорта.

Серебряный ухмыльнулся и качнул ружьем в сторону хижины:

— Тогда заходи.

— Вот так просто? Вы не будете меня обыскивать на предмет оружия?

Золотой рассмеялся:

— Направишь оружие на мистера Ватта, а он воткнет его туда, где Бог тебя расщепил.

— Должно быть, вы нравитесь женщинам, парни, — сказала Марла, поднимаясь на крыльцо.

Интересно, после того как она взорвет босса, придется заняться этими двумя или им с перепугу будет не до нее? Может, от взрыва загорится серебристый автомобиль, в котором наверняка стряпают метамфетамины, — там, конечно же, полно горючих материалов. Марла не убийца по призванию, но эти парни могут быть опасны. Так что совесть ее потом не замучает.

Она постучалась, и ответил голос — он звучал так, будто прошел последовательно через волынку, несколько бутылок и кузнечные мехи:

— Заходи.

Марла открыла дверь и вошла, но увидела лишь груду хлама. Хибара была набита полками, которые ломились под тяжестью фарфоровых статуэток и мишуры; с неудовольствием она заметила там и сорок — пятьдесят снежных шаров. На столе — в качестве его служила большая кабельная катушка — стоял разрезанный надвое автомобильный двигатель, низкий верстак был завален металлической стружкой и обрезками проводов, а на стене висели различные инструменты. Посреди помещения громоздилась куча хлама высотой почти с Марлу: решетки радиатора, дверца от холодильника, блестящие колпаки от колесных дисков, шарнирно соединенные длинные металлические стержни, стеклянные предохранители размером с кулак, резиновые шланги и…

Верхушка груды хлама повернулась к ней, вспыхнули два янтарных огонька, и тот же свистящий голос раздался в насыщенном дизельным выхлопом воздухе:

— Привезла двигатель?

Вискарро говорил насчет робота со свалки, но Ватт больше походил на целую свалку технического барахла.

— Да, сэр. У вас есть снежный шар?

Последовали пронзительные свистки. Марла расценила это как злорадный смех — известно же, что злые волшебники обожают злорадно смеяться.

— В наличии. Однако прежде хотелось бы взглянуть на твой товар.

Марла пожала плечами и достала из рюкзака двигатель. На конце манипулятора, протянутого Ваттом, шевелилось множество непонятно как присоединенных пальцев. Волшебник схватил двигатель, запустил и посмотрел на вращение деталей.

— Чудесно.

Он потянулся к своей груди — Марла предположила, что это грудь, — и открыл нечто похожее на панель автомата-выключателя. Пока чародей увлеченно запихивал в себя двигатель и подсоединял к нему различные провода, Марла исподтишка рассматривала снежные шары. Обыкновенные сувениры: снеговик, Санта-Клаус, Эйфелева башня, знак Голливуда — можно подумать, там когда-нибудь выпадает снег, — клоун, белый медведь, рождественская елка, семисвечник, гора, пирамида, парусник…

Однако шары давно не встряхивали, «снег» в них сейчас не плавал. Во всех, кроме одного,

стоявшего на верхней полке. Стеклянная емкость размером с бейсбольный мяч, на круглом черном цоколе, была полна кружащихся хлопьев; одна сплошная белизна, сквозь которую ничего не разглядишь. Может, у цацки пружинный завод или батарейки — Марла не следила за достижениями в технологии снежных шаров, — однако именно эта штуковина, вероятнее всего, имеет магические свойства.

Она подошла ближе и увидела сквозь стекло крошечную черную фигурку, то исчезающую, то появляющуюся в вихрях снега.

— Я возьму вот этот.

Встав на цыпочки, она протянула руки к снежному шару.

— Нет, не возьмешь. — Глаза Сэйвери Barra замерцали ярче. — Я намерен стереть твою память и продать тебя джентльменам из соседней долины.

— Praesidium,[19] — произнесла Марла, хотя ей казалось, что глупо использовать латынь для запуска заклинания; почему бы просто не сказать «защита», «силовое поле» или что-то в этом роде?

---

[19] Примечания: 19
Защита *(лат.).*

Но здесь чужая территория, и игра идет по правилам Вискарро.

Марла почувствовала, как заработали чары. Воздух кругом слабо замерцал, будто она смотрела через кривое стекло. А теперь руку в карман и нажимаем кнопку на пульте…

Взрыва, однако, не последовало. Она сильнее надавила на кнопку — с тем же результатом. А-а, черт! Это что, предательство?

Нет, она верила, что Вискарро хочет заполучить снежный шар и созданная им защита от ударной волны действует. Скорее всего, он поручил кому-то из своих олухов-учеников собрать бомбу, а проверить не удосужился.

К счастью, магическое заклинание прекрасно защищало и от зазубренных молний, метнувшихся из «тела» Ватта. Марла кинулась наутек. Ее мать часто повторяла: «Беги, как будто у тебя задница горит и вот-вот догонит голову».

Силовое поле вокруг колыхалось невообразимым мыльным пузырем. Это, конечно, очень кстати, однако пузырь просуществует считаные минуты. Ватт позади гневно взревел — никак иначе нельзя было расценивать пронзительный писк. Откуда-то выскочили Золотой и Серебряный, открыли ураганный огонь, однако свинец

пока не причинял ей вреда.

Пока.

Она выхватила из кармана секундомер. На все про все, включая подъем на гору, потрачено двадцать восемь минут. Значит, если она добежит до конца подъездной аллеи, Челюстей там не застанет.

Сначала нужно отделаться от преследователей. Марла помчалась среди деревьев, петляя и выискивая, где бы залечь. За первую минуту ее силовое поле сломало три ветки, оставляя отчетливый след, однако потом оно начало потрескивать, и Марла пошла осторожнее, стараясь не оставлять признаков своего пребывания.

Шум ломящегося через заросли Ватта ослабевал, но был еще слышен за спиной. Она уже намеревалась сделаться менее заметной с помощью отводящего глаза заклинания — Ватта оно, скорее всего, не обманет, но может подействовать на его метамфетаминовых «горилл», — когда, перепрыгнув через большое бревно, обнаружила на другой стороне крутой спуск. Мама всегда говорила: «Смотри, куда прыгаешь», что неизменно бесило Марлу. Во-первых, это дурацкое тупое клише, а во-вторых, мамаша так часто связывалась на одну ночку с сиволапыми грубиянами, что

вряд ли заслужила право высказывать подобного рода предостережения.

Однако сейчас совет мог сгодиться.

Если бы Марла не ухватилась за ветку куста, она до самого конца склона катилась бы кубарем. Ну, хоть удержалась, уже хорошо. Плохо то, что у нее, повисшей на середине склона одной из гор северокаролинского Голубого хребта, никак не идут из головы мысли о матери. В пятнадцатилетием возрасте Марла сбежала из дома, и за прошедшие с тех пор без малого семь лет они ни разу не виделись. Дочь совсем не скучала, но, положа руку на сердце, жить с матерью было бы лучше, чем ждать, когда тебя прикончит робот со свалки. Изредка мама углублялась в какую-нибудь двенадцатиступенчатую программу — она, как и дочь, увлекалась самоанализом, — и тогда с ней можно было худо-бедно ладить. Впрочем, обычно где-нибудь на четвертом или пятом этапе она упиралась в тупик и все бросала.

Набравшись отваги, Марла решила тоже провести инвентаризацию — пусть не содержимого своей психики, но содержимого потрепанного рюкзака.

Его она сейчас сжимала в руке, которой не держалась за куст. Он соскользнул с плеча и едва не

укатился вниз по склону… горы? Или правильнее сказать — холма? Жителю Индианы, а конкретно города Фелпорт, откуда знать что-то о горах?

В рюкзаке лежали полезные вещи, хрупкие и не очень. В том числе два ножа: старинный кинжал, подаренный наставником, и второй, хорошо сбалансированный для метания, — этот она купила сама. Пятидесятифутовый отрез тонкой прочной веревки со складной кошкой на конце. Два латунных кастета с отличной инерционной магией, идеальные для рукопашной схватки. Запасные носки. Пончо от дождя. Тронутая ржавчиной жестянка от конфет «Алтоидс» с миниатюрным набором выживания: сигнальное зеркальце, непромокаемые спички, кремень, ножовочное полотно, ватные шарики, неволшебный компас, медная проволока для силков, рыболовная леска с крючками, кусок свечи, фонарик не больше тюбика губной помады, полиэтиленовый мешок для воды и таблетки йода.

И конечно, проклятый снежный шар.

Все может худо-бедно сгодиться для ночевки в лесу (ох и жуткая же перспектива!), но какой прок от снежного шара?

В данный момент, если бы удалось вытащить крюк-кошку и зацепиться за куст, можно было бы

спуститься ниже по склону (авось там не река и не обрыв), а оттуда другим маршрутом выбраться наверх, залезть на дерево, найти дорогу и двинуть в ту сторону. Может, она успеет на место встречи с водителем, прежде чем…

— Она здесь, внизу! — прокричал над головой один из обезьяноподобных «лаборантов».

— Так спускайтесь и схватите ее! — ответил Ватт своим неестественно высоким, вибрирующим голосом, в котором, однако, явственно слышались раздражение и нетерпение.

«Это серьезно», — оценила свое положение Марла.

Она отпустила куст и поехала-покатилась вниз, зарабатывая синяки и шишки.

«Черт, жаль, что при мне нет плаща!» — подумала она, когда, кувырнувшись через особо крупный валун, взмыла в воздух.

Впрочем, пролетела недалеко, — за что спасибо слабым аэродинамическим свойствам человеческого тела. Рухнула на груду влажных листьев у подножия горы и со стоном села. На счастье, ничего не сломано, хотя кажется, будто она превратилась в один сплошной ушиб.

Марла распахнула рюкзак, надела кастеты, поколебалась с выбором ножа, но в итоге предпочла

взять снежный шар. Убегать не имеет смысла. Судя по звукам, Ватт со своими человекоподобными приспешниками спускается по склону, причем осторожнее, чем это делала она; значит, есть время подготовиться.

Первыми по склону сползли дробовики, видимо, потерянные в процессе спуска. Марла улыбнулась нежданной удаче. Одно ружье она спрятала за спиной среди веток куста, а другое взяла на изготовку. Спустя несколько мгновений приземлились «гориллы», сплошь покрытые грязью и не слишком довольные; еще меньше они обрадовались, когда Марла открыла прицельный огонь. Оба, воя, рухнули с продырявленными ногами. Их жизни ничто не угрожало, однако раны причиняли сильную боль.

Марла отшвырнула дробовик. Стрелять в голема со свалки, в которого вселился дух Сэйвери Ватта, бесполезно — он даже не почешется. Все равно что бросить снежок в солнце.

Ватт спустился по склону на тонких как у паука ногах.

— Студенточка, отдай шар, и я прикончу тебя быстро.

— А как насчет отпустить меня или я разобью твою игрушку?

— Дурочка, он же волшебный. И царапины не останется.

Марла вскинула руку:

— Даже от латунного кастета с магическим усилением? Да таким можно банковский сейф разломать.

— Попробуй.

Ну, как скажешь. Марла ударила кастетом по снежному шару. Как и следовало ожидать, металл лишь беспомощно звякнул о стекло.

Однако теперь она могла рассмотреть шар получше. Это не штампованный дешевый сувенир, а ручная работа. Цоколь похож на окрашенную в черный цвет крышку от консервной банки, а значит…

Марла решила повернуть стеклянный шар в одну сторону, а основание в другую. Сначала штуковина не поддавалась, но куда ей против чемпионки по открыванию банок с солеными огурцами.

— Не делай этого! — закричал Ватт.

Вокруг взвихрился снег, да так густо — одна сплошная белизна. Она поглотила все звуки, сократила видимость до фута-двух.

— Ты спасла меня, — проник через эту белую завесу голос.

Перед Марлой стояла женщина, облаченная в ветхие черные меха. В руках она держала части пустого снежного шара. Высокая, черноволосая, со следами былой красоты, хотя по крайней мере вдвое старше Марлы. Она дрожала от холода, и вместе со словами изо рта вырывались белые клубы.

— Сколько я пробыла в этом проклятом буране? Время там течет так странно. Который нынче год?

Марла ответила. Губы женщины тронула улыбка.

— Выходит, я пропустила чемпионат США по бейсболу тысяча девятьсот тридцать шестого года. Ты, конечно же, не знаешь, кто выиграл?

— Что? Я не интересуюсь спортом.

— Неважно. Потом посмотрю.

Она замахала рукой перед лицом, и снег в воздухе зашипел, превращаясь в пар, что позволило им разглядеть Сэйвери Ватта, с грохотом и лязгом пытающегося взобраться по склону.

— Сынок, — обратилась к нему женщина.

Ватт остановился, медленно сполз назад и повернулся к ней.

— Мама? — растерянно произнес он.

— О черт! — расстроилась Марла. — Я что, впу-

талась в семейные разборки?

Женщина подошла к сыну и дотронулась до его лица, точнее, до лица робота:

— Ох, Сэйвери! Мой непослушный мальчик! Что с тобой случилось?

— Я… пострадал при пожаре. На моей фабрике был взрыв…

— Ты так огорчаешь меня, малыш. Я выносила твое тело в своем, дала ему жизнь, а ты допустил, чтобы оно погибло? При каком-то дурацком пожаре? Не могу это расценить иначе как личное оскорбление.

— Просто несчастный случай…

— А как прикажешь понимать то, что ты засадил меня в банку на несколько десятилетий? Это тоже несчастный случай?

— Я хотел ничего плохого! Это все Лиланд! Я просто взял на сохранение…

— Помнишь стихи Роберта Фроста, я тебе их в детстве читала? «Кто говорит, мир от огня погибнет, кто — ото льда». Помнишь последние строчки?

— Нет, мама!

— «Я за огонь стою всегда, но если дважды гибель ждет наш мир земной, — ну что ж, тогда для

разрушенья лед хорош и тоже подойдет».[20]

— Пожалуйста, мамочка…

Она грустно покачала головой.

— Огня с тебя уже хватит, дорогой. А теперь…

Из ее пальцев хлынула стужа, обволакивая Ватта ледяной коркой; желтые огоньки его глаз потускнели.

Женщина бросила взгляд на испуганных «горилл», небрежно взмахнула рукой, и они замерли, превратившись в ледяные статуи. Потом волшебница посмотрела на Марлу:

— Ну, дорогая, как тебя зовут?

— Ммм… Марла Мейсон. А вы…

— Предпочитаю, чтобы меня называли королевой Региной.

— То есть как? — опешила Марла. — Это ж получается «королева Королева».

Собеседница снисходительно улыбнулась.

— Милочка, не все люди обладают способностью понимать с первого раза. Я дважды была замужем и родила сыновей обоим мужьям, однако не пожелала взять фамилию кого-либо из них. Некоторые зовут меня Снежной королевой, хотя я вовсе не сказочный персонаж. — Она вскинула

---

[20] Примечания: 20

Перевод М. Зенкевича. — *Прим. перев.*

руки и повернулась лицом к солнцу. — Ах, до чего же приятно снова двигаться! Я люблю зиму, хотя в последнее время ее было многовато. Теперь скажи, почему ты меня освободила?

«Может, соврать?» — мелькнула мысль.

Но где гарантия, что ложь спасет от превращения в сосульку?

— Меня послали… взорвать этого парня. Вашего сына. Ничего личного.

— Понимаю.

— И добыть этот снежный шар, хотя я не знала, что в нем кто-то есть.

— Гм… — Скрестив ноги, Регина села прямо на землю, сотворила непонятно из чего щетку для волос и принялась расчесывать длинные темные волосы. — Кто тебя нанял?

— Волшебник из Фелпорта, его зовут Вискарро.

— Так-так… Я уже говорила, что дважды была замужем. Мой второй супруг — преподобный Реджинальд Ватт, он отец бедняжки Сэйвери. Первым мужем, отцом моего первенца, был капитан Антонио Вискарро. Можно предположить, что твой наниматель — мой сын Лиланд. И что мои мальчики поссорились.

Значит, Лиланд? Как-то не вяжется это имя с фамилией Вискарро. Впрочем, с ней ни одно имя

не вяжется, ну разве что Мафусаил…[21]

— Ваше величество, он не посвятил меня в историю своей семьи, лишь послал сюда с фальшивой бомбой и приказом украсть снежный шар.

Приведя волосы в порядок, Регина встала.

— Все нормально, девочка. Я не хочу снова оказаться в заточении, но тогда придется убить моего сына Лиланда. Эта мысль причиняет мне боль.

— А без убийства никак?

— Боюсь, что никак. И ты, конечно же, проводишь меня к нему.

— Что-то мне эта идея не слишком нравится…

— Мисс Мейсон, если ты не на моей стороне, то я вынуждена считать тебя досадной помехой. — Регина подошла к одному из ледяных истуканов, легонько пнула, и у того отвалилась и рассыпалась на ледяные осколки рука. — Что выбираешь?

Марла не питала особой любви к своему работодателю, но ведь этот волшебник состоит в муниципальном совете Фелпорта. Если кто-то посторонний явится в город и убьет Вискарро, последствия будут не самые приятные: хаос, месть, война между магами, разруха, опустошительные

---

[21] Примечания: 21

Мафусаил — в Библии один из прародителей человечества, его имя стало нарицательным для долгожителей. — *Прим. перев.*

бунты. А для Марлы поддержка одной из сторон конфликта чревата и личными неприятностями. Кроме того, кто ей заплатит, если Снежная королева убьет своего отпрыска?

— Вы хотите отомстить сыну или?..

— Ну что ты! Я люблю своих мальчиков. У них были причины изолировать меня. Но как только Лиланд узнает, что я больше не сижу в снежном шаре, он захочет убить меня или снова изолировать… Я не могу дожидаться этого сложа руки. Не знаю, одолею ли сына, однако, учитывая эффект неожиданности и твою помощь в качестве проводника, у меня есть шанс на победу. Лучше бы перебраться куда-нибудь севернее, избежав этого тяжкого испытания, но разве у меня есть выбор?

Марла лихорадочно соображала.

— А если Вискарро не узнает, что вы получили свободу?

— Снежный шар пуст, дорогая. Не заметить этого просто нельзя. Даже если поймать и засунуть туда кого-нибудь из здешних горцев, он вскоре погибнет в снегу, и обман раскроется. Только тот, кто обладает определенными… качествами бессмертного существа, способен выжить в волшебном снежном шаре.

— Ладно, хорошо, но что, если засунуть туда

его? — Марла кивнула на Сэйвери Ватта, принявшего вид замороженного робота. — Заодно уберете с дороги второго сына.

Регина покачала головой:

— Это не мой сын. Просто управляемая издали груда хлама. Его души в этом теле нет, она в каком-то предмете — яйце, или камне, или ювелирном изделии, что угодно сгодится некроманту на амулет. Теоретически твой план может сработать, но без этого амулета у нас ничего не получится. Боюсь, существует одно-единственное решение.

— Пошли, — сказала Марла. — Я покажу, где живет Сэйвери. Неужели вы так плохо знаете собственного сына, что не угадаете, куда он спрятал свою душу?

Регина озирала комнаты и качала головой:

— Сэйвери, ты прямо старьевщик. Почти ничем не лучше братца. Когда-то я посоветовала детям коллекционировать бейсбольные карточки — сама люблю бейсбол, он такой занятный; ты ошиблась, если предположила, что я предпочитаю зимние виды спорта. А ребята сдуру взялись собирать все подряд.

Она шла вдоль полок, вглядываясь в фарфоровых собачек, керамических единорогов и,

конечно, рассматривая шеренги снежных шаров.

Марла тем временем нашла металлический сейф, взломала его ударом латунного кастета и достала несколько пачек мятых купюр.

Она работала на волшебников за знания, не за деньги… поэтому была рада любой возможности разжиться наличными.

— Ох! — тихо воскликнула Регина. — Глазам своим не верю.

Она сняла с полки металлическую обезьянку.

— Это английская игрушка. Я купила ее для коллекции Сэйвери в то самое Рождество, когда они с братом… подарили мне снежный шар. Это и есть амулет.

— Уверены?

Регина пожала плечами:

— Если я ошибаюсь, можно запихивать в шар поочередно все вещи, что есть в доме, пока я от этого не устану и не решу начать войну.

— Ясно.

Марла достала из рюкзака разобранный снежный шар. Регина поставила обезьянку на цоколь, накрыла стеклом и привинтила детали друг к другу. Игрушка выглядела слишком большой, и все же Регина без труда добилась своего. Стек-

лянный шар тут же заполнился белизной… а миг спустя в ней начал описывать безумные круги черный силуэт.

— Значит, я права, — заметила Регина. — Скверно, конечно, так поступать с родным сыном. Но это все же милосерднее, чем губить его душу.

— Просто считайте, что он на время поставлен в угол, — сказала Марла.

Ответом был недоуменный взгляд Регины.

Ну, понятно. В ее времена детей в угол не ставили, а посылали за плеткой, которая для их же порки и предназначалась.

— Неважно. Поможете сюда затащить замороженного робота? Нужно избавиться от следов.

Марла взглянула на часы и убедилась, что успевает.

Отойдя подальше, они с Региной полюбовались, как взлетает на воздух метамфетаминовая фабрика, — простенькое зажигательное заклинание в сочетании с химикатами дало мощный взрыв, и робот исчез в огне. Регина пошептала и сотворила кольцо льда, не позволившее пламени перекинуться на лес.

«Разумно», — подумала Марла.

Если Вискарро пошлет кого-то проверить ее версию, тот обнаружит дымящиеся развалины и

груду покореженного металла. Конечно, со временем волшебник может задуматься, почему его брата не видно и не слышно, но скорее всего он решит, что Сэйвери просто испугался и залег на дно. Вискарро очень самонадеян, ему нетрудно поверить, что он одолел брата.

— И куда вы теперь? — спросила Марла.

— Лучше тебе этого не знать. Спасибо, что спасла меня, хоть ты и сделала это непреднамеренно. Я найду тихое местечко и наверстаю упущенное.

— Поговаривают о глобальном потеплении, — сказала Марла. — Вам оно не понравится.

Помахав на прощанье, она спустилась по склону. Вскоре и машина подъехала. Водитель опоздал на целых две минуты, испортив тем самым точно рассчитанный по времени отъезд. Однако в благородном порыве Марла обошлась без угроз, просто сказала:

— Жми на газ, Челюсти.

По дороге они разминулись с пожарной и двумя полицейскими машинами. Вой сирен вызвал у Марлы приступ тоски по дому.

— Прекрасно, прекрасно, — заключил Вискарро, выслушав ее рассказ, который куда больше соответствовал изначальному плану, чем реальному ходу событий. Чародей поднес снежный

шар к свету, а затем поставил его на полку. — Ты прекрасно справилась и теперь, полагаю, рассчитываешь на плату. Какому заклинанию тебя научить?

— Вызывать инкуба. Должно быть, это круто.

Вискарро содрогнулся:

— Что за молодежь пошла! Сколь низменны ее цели и сколь нелепы капризы! Хорошо. Приходи в ближайшее новолуние, и я покажу ритуал. Мы в расчете?

— Но-но! — Марла погрозила ему пальцем. — Ты мне задолжал еще один секрет.

— Ладно, ладно. Хочешь знать, кем на самом деле был Каспар Хаузер?[22] Где погиб Амброз Бирс?[23] Что случилось с Исчезнувшей Колонией?[24]

---

[22] Примечания: 22

Каспар Хаузер (1812–1833) — известный своей таинственной судьбой найденыш, одна из загадок XIX века. Юноша, практически не умевший ходить и говорить, был найден в Нюрнберге в 1828 г. и убит пять лет спустя. — *Прим. перев.*

[23] Примечания: 23

Амброз Гвиннет Бирс (1842–1913?) — американский писатель, журналист, автор юмористических и «страшных» рассказов. Бесследно исчез на юге США. — *Прим. перев.*

[24] Примечания: 24

Исчезнувшая Колония — английское поселение в Северной Каролине, основанное группой из 117 поселенцев во главе с Дж. Уайтом. Отправившись за помощью в Англию, когда запасы продовольствия начали подходить к концу, по возвращении Уайт обнаружил, что

все колонисты исчезли. По одной из версий, колонию уничтожили индейцы. — Прим. перев.

— Нет, я подумываю кое о чем посущественней. Хотелось бы услышать, кто заключен в снежном шаре и почему.

Пальцы у Вискарро скрючились, еще больше уподобившись когтям.

— Эта тайна касается только меня.

Она пожала плечами:

— Ты не оговаривал, что нельзя задавать личных вопросов. А у меня есть привычка получше узнавать людей, с которыми я делаю дела.

Она знала, что Вискарро всегда исполняет свои обещания. Волшебники могут морочить тебе голову до бесконечности, но, давши слово, держат его. Слово мага — едва ли не самая ценная его валюта.

— Хорошо. — Он развернулся вместе с креслом и поглядел на снежный шар, стоящий на полке между бутылкой из синего стекла и яйцом Фаберже. — Если тебе так интересно, в этой стекляшке заключена моя мать, Регина Вискарро. Спросишь почему? Потому что она невероятно опасна.

— И чем же?

— Не сомневаюсь, у тебя такие же убогие познания в истории, как у любого твоего сверстника. Но, может быть, хотя бы случайно ты слышала о снежной буре тысяча восемьсот восемьдесят

девятого года? Нет? В том году снег шел на Юге — единственный раз в истории Флориды температура упала ниже нуля. Мело и в Луизиане. Мексиканский залив покрылся льдом. Там, где мы жили, в штате Теннесси, ударил тридцатиградусный мороз. И знаешь, кто все это учинил? Моя мамаша. Она ведьма, способная управлять погодой. В венах у нее течет ледяная вода. И знаешь, почему она заморозила именно Юг? Потому что мой отчим не взял ее с собой в отпуск. И это была далеко не первая и не последняя выходка. — Он покачал головой и снова развернул кресло к Марле. — Человек, у которого ты забрала снежный шар, мой сводный брат. Он стал… ненадежен после того, как лишился тела. Эта беда свела его с ума. Я решил, что нашу мать следует и впредь держать взаперти. Он возражал, и я послал тебя, чтобы решить проблему. Я опасный человек, как тебе известно, но я ничто — ничто! — по сравнению с матерью. Мне будет гораздо спокойнее за мир, пока она тут, на полке.

— Класс! — воскликнула Марла. — Просто класс…

Кого она на самом деле освободила? Воплощенный кошмар? Ну, это не ее вина. Зря Вискарро не дал ей исправную бомбу.

— А теперь оставь меня. — И волшебник повернулся к снежному шару.

Жилище Вискарро — настоящие катакомбы. Марла прошла узкими коридорами и облицованными кирпичом туннелями мимо торопливо семенящих куда-то учеников, поднялась по веревочной лестнице и пролезла через люк неподалеку от своей квартиры. Был октябрь. В Фелпорте осень всегда неласкова, но сейчас погода казалась холоднее обычного.

— «Для разрушенья лед хорош», — пробормотала она, плотнее закутываясь в плащ.

Пожалуй, стоит на это Рождество послать открытку матери. Она ведь не такая уж плохая… в сравнении кое с кем.

перевод Б. Жужунавы

Джереми Толберт
БАН В ОДИН КЛИК

Джереми Толберт публиковал свои фантастические произведения в журналах «Fantasy Magazine», «Interzone», «Ideomancer» и «Shimmer», в антологиях «Seeds of Change», «Federations», «Polyphony 4», а также на подкастах «PodCastie» и «Escape Pod». Он не только писатель, но и веб-дизайнер, фотограф и художник-график; все профессиональные достижения он охотно демонстрирует в Интернете, в своем проекте «Dr. Roundbottom», размещенном на сайте immclockpunk.com. Живет Джереми Толберт в штате Колорадо.

В повседневной жизни, когда люди используют слово «волшебник», они часто имеют в виду компьютерного умельца. И это неслучайно. Есть много поразительных параллелей между древними чародеями и современными специалистами в IT-технологиях. И те и другие

изъясняются на особых языках, непостижимых, изобилующих загадочными терминами, где малейшая ошибка может обернуться катастрофой. И те и другие часами сидят в комнатах, заполненных мудреными книгами и специальным оборудованием. И те и другие склонны к захватывающим внешним эффектам.

А ведь и в самом деле, большинству обывателей компьютеры кажутся волшебством. В одном из комиксов серии «Too Much Coffee Man» компьютерный герой пытается объяснить свое существование в терминах оперативной памяти, двоичного счисления и машинных кодов. Но скептически настроенный оппонент разбирает системный блок, чтобы убедиться: внутри корпуса сидят крошечные демоны посреди пылающей пентаграммы.

Поэтому нет ничего удивительного в фэнтезийных произведениях о том, как пересекаются колдовство и высокие технологии. На ту же тему и наш следующий рассказ. Джереми Толберт использует свои познания в области информатики,

чтобы описать мир, где вундеркинды и хакеры — по совместительству ведьмы и колдуны, где при помощи «запроги» (заклинание + программа) можно сделать все, что угодно, а спам приобретает убийственую силу.

АРХИВНАЯ ВЕТКА. Шесть уроков от пленника МАА

Отправитель: Hidr, вчера, 19.42

Да, слухи правдивы. Большая Мать[25] меня поймала. Обратите внимание на время глагола, которое как бы намекает, что все плохое уже в прошлом и никогда не повторится. Перед тем как приступить, я хотел бы внести ясность: любого, кто вздумает спрашивать меня, когда же «Tometracker» вернется онлайн, я отправлю в бан и при помощи небольшой запроги превращу его член в кактус. Если не верите, что у меня есть такая запрога, спросите у @DedJonny. «Tometracker» — намек на то, что я занимаюсь продвижением серверов. Это не такое уж простое дело, когда они расположены в астральном плане.

---

[25] Примечания: 25

Прозвище Big Mother (Большая Мать) созвучно Big Brother, оруэлловскому Старшему Брату (в другом переводе — Большой Брат). — *Прим. ред.*

Кое-кто из вас, юные кретины, может меня не знать. Я очень долго держался в стороне от общих форумов, поскольку терпеть не могу ваш бессмысленный треп. Проверьте мой двузначный идентификатор пользователя и падите ниц, сопливые чайники! Но сейчас я счел целесообразным зайти сюда, чтобы преподать вам несколько важных уроков.

У каждого есть свой талант, а мой невероятно полезен, когда занимаешься магическим пиратством (йо-хо-хо!). Именно по этой причине я взял себе никнейм Hidr.[26] Следы моей работы вычислить очень трудно, вот почему я скрывался от горилл и розыскных программ МАА почти десять лет. Да, по вашим меркам я всего лишь прикольный старикашка. Когда я начинал, мы качали запроги через модемы на 28,8 бодов. Моей старушке 8086-й едва хватало вычислительной мощности, чтобы обрабатывать простейшие заклинания. Не располагая самой простой запрогой энергоусиления, недоедая и недосыпая, я сумел пройти труднейшую школу. И музыка наша тоже куда лучше фуфла, от которого тащитесь вы, маленькие засранцы.

---

[26] Примечания: 26
От англ. *hide* — прятать, прятаться. — *Прим. ред.*

Все маскировочные запроги, которые вы юзаете, я самолично крякнул или вытащил из древних фолиантов. Не кто иной, как я, разработал набор трюков, которые еще несколько дней назад были не по зубам Большой Матери.

Но борьба с Большой Матерью тем успешней, чем острее ваша паранойя. МАА слишком медлила с разгадкой нашей тактики и методологии (когда организация состоит из бессмертных колдунов, родившихся еще во времена троглодитов, поневоле учеба идет неторопливо), но теперь в антипиратском отделе появился некто молодой и рьяный. Вот уж не ожидал, что поведусь на приемчик из арсенала пошлой социальной инженерии.

Не буду вдаваться в личные воспоминания и оправдываться за эпик фейл. Скажу лишь, что Большая Мать нипочем бы меня не сцапала, кабы не мое пристрастие к компьютерно грамотным рыженьким телкам. Держитесь подальше от сайта «Craigslist», мальчики и девочки. Его админы закидывают крючки со сладкой приманкой, предлагая любовь от имени несуществующих людей. Ну, может быть, они и существуют, но никогда не давали в «Craigslist» объявлений о «ни к чему не обязывающих отношениях».

Меня подловили, когда я колдовал на разлоченном айфоне. Пустяковый гламур — хотел спрятать шрамы от угрей, наследие тяжелой юности. Даже самый малый расход моджо засветит тебя в ресторане перед филерами.

Итак, урок первый — никогда не теряйте маскировку, никогда. А для этого требуется моджо, так что, кому не хватает, начинайте копить прямо сейчас. На FTP-серверах достаточно файлов, чтобы погонять по трекерам вашу персонализированную за прогу-сборщик.

Самое обидное, что раньше они даже не пытались ловить спецов моего уровня. Предпочитали гоняться за теми магическими пиратами, кого можно засечь и сцапать без труда. За пешками то есть. Но если вас интересуют чернушные подробности, что ж, приступим.

Итак, беды мои начались с того, что агентам MAA удалось всосать меня в запрогу под названием «Ящик». Девайс, из которого эта фиговина орудовала, выглядел как изящненький такой кулончик, и висел он на шее у переодетого агента. Скорее всего, это мини-компьютер размером не больше флэшки. Крутая цацка, что ни говори. Потом я вам про нее расскажу поподробнее.

Стоп, мне нужно перезагрузить роутер. Ждите

следующего поста.

Отправитель: Hidr, вчера, 20.14

Время в «Ящике» течет прикольно. Я потерял ему счет, пока матерился и колотил по гладким как стекло стенам. Истратил целый гиг моджо, пытаясь пробить выход. За это время можно было бы написать запрогу на алеф-коде, — вдруг да удалось бы преобразовать «Ящик» в объектную модель. Да только я Hidr, а не Escapr.[27]

Ношу с собой почти все когда-либо взломанные маскировочные запроги, но не запасаюсь, идя на свиданку, софтом для драпа. Тут моя паранойя конкретно глюканула.

Вот вам урок номер два — никакой паранойи не бывает мало, когда кругом агенты МАА.

Они вскрыли «Ящик», и я очутился в допросной, в компании охотников на пиратов. Почему эти муфлоны так стереотипно выглядят? Они были в черных костюмах и темных очках, но грозный официальный вид немного портили нечесаные седые бороды и остроконечные шапочки волшебников. Так что могу теперь похвастаться: я увидел не одного, а сразу двух агентов. Остается

---

[27] Примечания: 27
От англ. *escape* — бежать, убегать. — *Прим. ред.*

надеяться, что на людях они этих шляп не носят. Вот где я хотел бы тогда оказаться — на людях.

Не успел я запустить запрогу, чтобы дать деру из кутузки, как агент № 1 угостил меня тазером.

Если кто-нибудь когда-нибудь предложит вам испытать на себе действие тазера, скажите: «Я пас». Пока я бился в конвульсиях на полу, будто метамфетаминовый нарик при ломке, агент № 2 обшарил мои карманы и забрал телефон, бэкапный КПК, флэшки и еще пару мелочей, которые я таскал из чисто сентиментальных побуждений — они бы, конечно, не защитили ни от запроги «Ящик», ни от гребаного тазера.

Меня усадили в кресло и заключили в «объятия Мортеуса». Отличная запрога, надо отдать должное федералам. Одну из версий несколько лет назад мы спиратили и успешно распродали. Скованный по рукам и ногам, я ожидаю хамства и побоев, но агент № 1 лыбится с самым радостным видом, а агент № 2 проводит рукой над моими вещами, и они превращаются в облачко фиолетового дыма.

Двигаются эти чуваки странно, напоминая марионеток. И говорят рублеными фразами. Любопытно, они из другой реальности или замаскированные проги-демоны? Что-то здесь не так…

А может, в МАА весь персонал — марионетки?

Меня называют истинным именем, и тут моя душа уходит в пятки. Догадываюсь лишь, что они раздобыли всю доступную информацию обо мне, пока я торчал в «Ящике».

— Мистер [истинное имя удалено], просим вас сохранять спокойствие и набраться терпения. Магистр Атретиус прибудет с минуты на минуту.

(Вы, паршивцы, не смейте даже надеяться, что я выложу здесь свое истинное имя. В прошлый раз, когда кто-то из вас о нем пронюхал, меня целый месяц рикроллили во сне. Когда отпадная телка уже готова тебе дать и вдруг превращается в поющего и пляшущего Рика Эстли — вы хоть представляете, как неиллюзорно это обламывает? Все виновные будут найдены и получат счета за услуги психотерапевта. Натравлю на вас свои демоны, вооруженные запрогами страшной мести. Вы у меня будете радугой ссать, и это никакая не метафора. Хотя крякнули меня мастерски, нельзя не признать.)

Вскоре еще один агент МАА, не иначе как сам Магистр, появился в камере. Ничего так смотрится — помоложе меня будет, в плохо сидящих синих джинсах и черной футболке размера XXL, с надписью «НаскСоп IV». Задница жирновата, но

это же в порядке вещей для того, кто по шестнадцать часов в сутки топчет кебарду.

Магистр вроде бы и не замечает меня. Он возится с заряженным моджо гаджетом, на котором — руку на отсечение даю — стоит ломаная «Zune». Похоже, тут считают, что одна империя зла вправе юзать продукты другой империи зла. Чистой воды синергия, как любит изъясняться офисный планктон. Магистр вдруг якобы спохватывается, что вокруг мозглая тюремная атмосфера, но улыбается и приветливо кивает странным образом не пострадавшему от пыток арестанту. Отпускает агентов, и они испаряются, оставив после себя аромат старых пердунов.

Я слегка шевелюсь, чтобы убедиться — мой стул привинчен к полу. Потом замечаю, что кулон, запустивший запрогу «Ящик», лежит на столе. Каменный стол целиком вырастает из пола между нашими стульями. Я быстренько накрываю кулон ладонью. Слава Ктулху, кажется, чувак не заметил.

Магистр Атретиус со вздохом откидывается в кресле напротив меня. А я слегка подправляю свое первое впечатление о его возрасте. Этот парень выглядит так, будто только что закончил среднюю школу.

— Hidr, мне, в натуре, не по кайфу вас закрывать. Я ваш фанат. Разбирал ваши запроги по косточкам, еще учась в младших классах.

Пытаюсь набрать хоть немного слюны, чтобы плюнуть ему в рожу, но рот сухой после вопежа в «Ящике».

— Так ты перебежчик?

— Пиратство — дело невыгодное, — пожимает он плечами. — Я имею в виду реальные бабки или власть, а не это ваше моджо. Пираты — как дети, балующиеся с шутихами. А у МАА имеются ядерные боеголовки. Просто я из тех парней, которые хотят заполучить самую большую бомбу. — Он проводит пальцем по экрану своего гаджета, будто что-то читает. — Я уверен, вы догадываетесь, почему оказались здесь.

— Догадываюсь, но твои жлобы не потрудились зачитать мне права. Думаю, у меня получится поднять кипеш в прессе. А тут еще противозаконная установка капканов, или я не прав?

— Или вы не правы. — Он снова вздохнул. — Мы можем предъявить вам многочисленные эпизоды нарушения авторских прав на заклинания, содействия гражданам в нарушении имущественных прав МАА и посягательства еще на десяток законов, о которых, я подозреваю, вы и не

слышали. — Из всей его тирады для меня важно одно лишь слово — «можем». Не «предъявим», а «можем». — Но я целый день вылизывал задницу начальству, чтобы мне разрешили предложить вам сделку. Поэтому хочу, чтобы вы меня выслушали, прежде чем начнете отпускать шуточки и заявлять, что под власть не ляжете.

— Большая Мать пусть отсосет у Донки Конга. — Может, и не стоит переходить на оскорбления, но я догадываюсь, что за предложение последует. Только не спрашивайте, кто такой Донки Конг, а то я за себя не отвечаю.[28]

Магистр укоризненно качает головой и цокает языком, затем поясняет:

— Магическая ассоциация Атлантиса состоит из большого числа людей, поэтому она просто не в состоянии выполнить ваше условие.

Как будто мы обсуждаем еще вчера составленный мною договор «о сотрудничестве со следствием»!

— Послушайте, я не прошу никого выдавать. Мы еще не успели вскрыть всю вашу сеть реали-

---

[28] Примечания: 28

«Донки Конг» — серия видеоигр, созданная японской фирмой «Нинтендо». Вначале предназначалась для игровых автоматов, затем была доработана для домашних компьютеров и игровых приставок. — *Прим. ред.*

зации. Даже имея в своем распоряжении изъятый у вас комплект пиратских инструментов, не смогли пока разобраться с вашей конспирацией. Вынужден признать: подключения через роутеры в Пространстве Хаоса и Внешних Областях запутаны идеально. И этот ваш талант в маскировке серверов идеально подходит для работы, которую мы хотим вам предложить.

— Ты предлагаешь мне работу?! — Я слегка истерично бугагакаю.

Но прежде чем успеваю добавить, что не стану работать на МАА, даже если мои яйца загорятся, а у них окажется последний стакан воды в мире, магистр прерывает:

— Наша организация обеспокоена не только пиратством. Во все времена перед МАА стояла главная задача — контролировать опасные знания, которые могут достаться людям слишком недалеким, чтобы ими правильно распорядиться. Более спокойное отношение к вербовке для вашего брата означает прекращение пиратства и получение взамен контролируемого доступа к информации.

Я киваю. Помнится, где-то когда-то я о таком читал, возможно, в манифесте Капитана Блада.

Очень старая история.[29]

— У нас есть проблема, которую не могут решить даже самые подкованные технически маги. Вы слыхали о Бэ-один-ка?

Б1К? Звучит, как термин из новомодного Web-2.0, но ни один колокольчик не звякнул. Я отрицательно качаю головой.

— Бан в один клик. Группа неизвестных злоумышленников создала веб-сайт, который позволяет ввести чье-либо истинное имя и одним нажатием кнопки отправить жертву на Серые Равнины.

— Как это возможно? — Я выпучил глаза.

— Не знаю как, но могу заверить, что возможно. Мы перегружены работой по обратной транспортировке. Вы представляете, сколько моджо расходуется на разбанивание жертв? А потом еще стирание памяти… Здесь требуется тактика получше. Нужно грохнуть этот сайт.

— Не так трудно уронить сайт, — заметил я. — Может помочь DoS-атака на сервер. Твоя контора эту тактику знает. Помню, опробовала ее на «Tometracker». И конечно же, облажалась. — Я позволил себе злорадно ухмыльнуться.

---

[29] Примечания: 29
Отсылка к рассказу Д. Толберта «Captain Blood's B00ty». — Прим. ред.

— Парень, что работал до меня, — исключительный болван. Наши зомби-сети бывают полезны, но не для борьбы с такими, как вы. Я с самого начала видел, что ваши методы маскировки успешно защищают от DoS-атак. А значит, эти атаки и против Бэ-один-ка не годятся. Но поскольку мои начальники — лопухи, больше половины пропускной способности мировых сетей сейчас отдано под DoS-атаку МАА на Бэ-один-ка. Вот только ни разу за все это время сервер не перегрузился даже на миллисекунду.

— О как! — восклицаю я. Даже я способен утратить дар речи. — Запрога, способная переместить что-то материальное на другую плоскость, требует терабайт моджо, или маны, или как это у вас называется? Такие фокусы должны легко отслеживаться. Кто-нибудь пытался?

— Мы можем учитывать только легально приобретаемые, регистрируемые партии моджо. Пока они подконтрольны нашей налоговой программе, расход каждой частички энергии фиксируется.

Я мысленно пробегаюсь по списку подпольных групп, способных накопить достаточное количество моджо для приведения в действие запроги Б1К. Может, «короли спама»? Они управляли

андупликатиусом, уникальным заклинанием, благодаря которому наши собратья «буканьеры» пару лет назад сумели улизнуть от МАА, — и моджо у «королей» было до дури. Да, еще у «порномансеров» накоплен запасец, но тех, кто не пускает слюни на их экраны, они не больно-то жалуют.

Беру я на заметку и своих камрадов. С тех пор как Капитан Блад перешел в категорию покойников, мы слишком дезорганизованы, иначе до меня дошли бы слухи. Это вы, молокососы, не можете хранить секреты, — как только узнаете что-либо прикольное, тут же мчитесь обсасывать на форумах.

В сохранении секретности отлично преуспели «социалисты», но им никогда не накопить столько моджо. Он сразу по приобретении тратится на всякие розовые сопли типа борьбы за равенство и братство. «Хардкоры» имеют запас энергии, но они не способны договориться до чего-то путного, ибо погрязли в сваре — всякий раз, когда нужно принимать решение сообща, фракция «плейстешн» грызется с «эксбоксом».

— Есть у вас предположения, что за трафик проходит через этот сайт? — спрашиваю я. — Он же, наверное, не отражается на социальных но-

востных сайтах?

— Слив информации о Бэ-один-ка в СМИ сильно ограничен. Мы блокируем мэйлы, твиты и эсэмэски в социальных сетях, а также ссылки, перенаправляющие пользователей на проект «Эшелон». Да, это в наших силах. Но мы не способны контролировать передачу информации от человека к человеку. Не с нашими ресурсами моджо спасать людей от вселенской скуки. По последним подсчетам, число перемещенных превысило пятьдесят тысяч.

— Как, черт побери, пятьдесят тысяч чуваков исчезают, а в СМИ ни словечка?! — Я ничего не понимаю — что называется, охренел.

Он смотрит на меня в надежде, что я вспомню, с кем имею дело. Наконец произносит:

— Как я уже говорил, меры по обеспечению секретности отнимают у нас много ресурсов. У меня нет агента, которому можно было бы доверить такую миссию. Самый идеальный кандидат — я, но я слишком занят спорами с начальством: не хочу, чтобы оно наломало дров. Эти соображения и привели к вам. Как ни крути, вы опытнее большинства моих помощников.

— Э-э-э… спасибо, конечно. Стало быть, мы уверены, что против нас играет темная, но очень

сильная лошадка. И мы понимаем одну простую вещь: никто не предложит такую силу бесплатно. Есть тут какая-то нестыковка. — Размышляя, я тру подбородок. — Что ж, ребята, кажется, мне понятны причины вашего беспокойства.

Магистр проводит пальцем по экрану своего гаджета, и мои оковы рассеиваются. Я растираю запястья.

— Конечно, в течение некоторого времени мы были заинтересованы в вашем аресте. Но то, что вас поймали в ходе операции «Мелкоголовый мыслитель», скорее случайность. Может быть, сама судьба привела вас к нам? Я заметил определенное сходство в методах хостинга Бэ-один-ка и ваших нелегальных сайтов еще на ранних стадиях своего расследования. Поэтому, увидев ваше имя в списке задержанных, сразу воспользовался кое-какими связями, и вот вы здесь.

Несмотря на показной энтузиазм, магистр не выглядит счастливым. Не удивлюсь, если он обвинит меня в создании той вредоносной хреновины, но и подталкивать его не собираюсь. Наверное, есть что-то, подтверждающее мою невиновность.

Я оцениваю свои шансы. Их не так много. Нравится мне это или нет, а влип я по уши. Некто,

работающий с Б1К, использует мои приемы. Должен признаться, детвора, что роутеры — мой конек. Маршрутизация трафика через Пространство Хаоса, а затем через Внешние Области позволяет замаскировать серверы практически идеально. Проделываешь трассировку и выходишь на какого-нибудь мелкого интернет-провайдера в Аргентине. И твои враги нипочем не обнаружат реальное местоположение сервера. Чем не причина для гордости в наши времена?

Кроме того, меня что-то не слишком радует перспектива вечного бана или казни.

— Хорошо, — киваю. — Я в игре.

Ладно, с этим разобрались, теперь надо позаботиться о брюхе. Кишки обещают меня придушить, если не подкину им чего-нибудь. Безумная история только начинается.

Отправитель: Hidr, вчера, 23.14

А скажите-ка мне, что вы знаете о Магической ассоциации Атлантиса и о седобородых? Никто из вас, простофили, не осведомлен лучше, чем я. Есть у этой публики в загашнике очень и очень крутые цацки.

Выпустив меня из камеры, Атретиус дал мне ограниченный доступ к части своих складов с

артефактами высокого уровня.

Ботаны, вы правильно поняли: меня подпустили к артефактам МАА.

Хотя вряд ли вы знакомы с этим термином, если совсем недавно затесались в сообщество хакеров.

Артефакты — это диковинные прибамбасы, оставшиеся со времен, когда все делалось вручную или с помощью механизмов, и не апгрейдившиеся самое малое несколько сотен лет. На вид — обычный утиль, но пафосные названия этих штучек-дрючек записали в объектной модели мироздания сами древние боги ака Те, Чьи Охренительные Возможности Заставят Вас Почувствовать Себя Полным Дерьмом. Мы говорим о девайсах с интеллектом столь мощным, что они могут писать запроги с такой же легкостью, как вы складываете два и два. Их моджо состоит из миллионов человеческих душ (старая школа предпочитала именно этот источник силы), которые они копили из века в век, продавая магам машинное время. Если у нас считается, что малолетний бездельник, гоняющий флэш-игру, — неплохой источник моджо, то прикиньте, сколько можно его накопить, если этот сопляк будет играть приблизительно сто тысяч лет.

К счастью для всех нас, эти всемогущие засранцы были изгнаны, порабощены или уничтожены, когда наступила компьютерная революция и они перестали считаться необходимым злом. Трудно поверить, но в те времена даже парни из МАА вполне могли канать за порядочных. Как ни крути, это благодаря им мы все не стали секс-игрушками Ктулху, не пошли в уплату за несколько дешевых магических трюков.

Магистр наделяет меня самым первым охренительным магическим прибамбасом — серебряным медальоном для защиты от переноса. Пассивного действия, он просто придавливает к материальному плану — этакое космическое пресс-папье. Сканирование показывает, что энергии в артефакте кот наплакал, но Атретиус уверяет: именно это и нужно для его работы.

— Наши таинственные противники захотят переместить вас, узнав, что вы играете против них, — поясняет магистр. — А эта вещь им помешает. Все наши агенты обязаны носить медальоны не снимая.

Во-вторых, он вручает мне метлу. Очевидно, агентам МАА не положены изящные спортивные автомобили. Но слава Ктулху, она не предназначена для полета. Признаться, я чуть не обделался

при мысли о том, что придется развивать два Маха в воздухе верхом на черенке чуть толще пальца. Вместо этого метла телепортирует меня из точки А в точку Б через Пыльный Метаплан. В итоге я прибываю на место назначения в таком виде, будто меня шарахнули по голове мешком от пылесоса и мешок удара не выдержал. Хоть на том спасибо, что добрался я не по частям.

И наконец-то мне вернули личные вещи, в частности айфон, куда теперь загружены разные документы, имеющие отношение к предстоящему делу.

— Итак, каков ваш план? — спрашивает Атретиус, провожая меня на выход.

Оказывается, я пребываю в огромной подземной тюряге. До того охота поскорее выбраться, что говорю без утайки:

— Проверить сайт, поискать ниточки. Кто-то же за всем этим стоит. А там видно будет.

— Значит, возвращаетесь в свое логово? Хорошо. Ну, держите меня в курсе, — с серьезным видом заявляет он.

Делаю ему ручкой и устремляюсь восвояси.

Так, мальчики и девочки, я отлучусь ненадолго. Надо кота выгулять.

Отправитель: Hidr, сегодня, 00.41

Вернувшись домой, я уделяю четверть часа проверке моих серваков. Все они в рабочем состоянии (само собой, «Линуксом» я пользуюсь только в своей норе), но что-то очень странное прослеживается в рабочих журналах администратора. Через мои роутеры прошли какие-то пакеты, но они не исходят от меня или моих серверов. Что за дела? Впрочем, перебоев в работе серверов не отмечено, а разбираться нет времени. Объем прокачек тоже не соответствует тому, чего можно ожидать от Б1К, да и не через тот порт веб-сервера они проходили. Так что я отложил проверку этого трафика на потом и углубился в чтение файлов, предоставленных МАА.

Из них я не ничего не узнал сверх того, что мне поведал магистр, и заскучал, не перелистав и половины.

Тогда я совершил первое реальное действие в качестве агента МАА. Записал в строке ввода адрес сайта Б1К.

Трассировка, конечно же, указала на интернет-кафе в Гонконге. Ха! Вот уж не верю! Я запустил запрогу, чтобы пошариться по экранам компьютеров в заведении, но там лишь детишки забавлялись видеоиграми.

Я добрался до сайта посредством пользова-

тельской версии «Mozilla», которую написал как раз для таких случаев. Сайт представлял собой одну-единственную страницу. Дизайн самый простой, без излишеств. Он не позволяет запускать никакие запроги, а значит, не дает заколдовать посетителя.

Страничка содержала поле для ввода имени и кнопку «отправить». И всё. Похоже, что выполнено в 256-битном алеф-коде. Нет тут никакой ниточки. Чтобы найти и идентифицировать процессинговую запрогу, понадобится целая вечность.

Значит, пора испытать сайт. Кого же выбрать жертвой?

Я снимаю с полки старый школьный ежегодник и листаю страницы, пока не натыкаюсь на Денни де Марко. Сразу вспоминаются обиды, причиненные мне этим дебилом. То, что надо! Поделом Уроду!

Я ввел имя. Очень тщательно проверил, чтобы не было опечаток. И топнул по «отправить». Всплыло окно с пользовательским соглашением. Ха! И это они называют «в один клик»? Я не задумываясь перевел курсор «мыши» на кнопку «принять», но вдруг…

Повинуясь внезапному предчувствию, я удер-

жал палец над клавишей «мыши». И сделать это было совсем не просто, пришлось схватиться за него левой рукой. А любой юзер на моем месте топнул бы не рассуждая — рефлекс есть рефлекс.

Нельзя ставить галочку на соглашении!

Я проскроллил двенадцать страниц со стандартными пунктами типа «вы не можете предъявить претензии…», пока не обнаружил то, что искал.

Принимая настоящее соглашение, пользователь обязуется завещать метафизическую энергетическую субстанцию, именуемую в дальнейшем «душой», в дар сущности, известной как Ваалфо-рум. Сделка обратной силы не имеет. Хвала его демоническому обличью. Он вернется, чтобы взять принадлежащее ему по праву. Трепещите же пред славой его.

Дальше снова пошло обычное бла-бла-бла. Единственный пункт, содержащий ацкое зло высшей пробы, похоронен под горой юридического хлама. Умно. Никто и никогда не читает текст пользовательского соглашения, прежде чем нажимает кнопку «принять». Нередко люди шутят, что душу готовы отдать за ту или иную проклятую вещь, но впервые я видел попытку пойти им в этом навстречу.

Здесь, в Соединенных Штатах, это соглашение имеет силу юридического договора между пользователем сайта и некой сущностью по имени Ваалфорум. Прежде я о нем не слыхал, но готов поспорить, что он из древних богов невысокого ранга. Эти сущности всегда надлежащим образом оформляли свои сделки с людьми. А сколько новых лазеек подарило им современное договорное право — Мефистофель обзавидуется.

Я нажал «отмену» и закрыл браузер. Подумал, что не мешало бы установить на комп файерволл. Обмен души на бан в один клик — это то, что мы, информаги, называем разводом лохов.

Вот вам урок номер три. Если желаете поторговать своей душой, запаситесь хотя бы мощным компьютером с многоядерным процессором, и чтобы этих ядер было больше, чем голов у гидры.

Я зашел в скайп и вызвал знакомую из шайки «социалистов», поклонницу старой языческой школы «Нью-Эидж». Она любит читать пыльные книги, даже если в них нет заклинаний. Ну да мне без разницы… Зовут ее Кристина, и никаких кличек. Вот такой они, «социалисты» эти, скучный народ.

Вызов пикал едва ли не пять минут (я терпелив, если надо), пока не ответила Кристина. Сперва я

не смог разобраться в бессвязном наборе слов.

— Что-что?

— Я говорю: ты хоть представляешь, черт побери, который час?

Выглядываю в окно.

— Э-э-э… темно вроде…

Я даже не догадываюсь, который день, не то что час. Глянув на системные часы, с изумлением узнаю, что в кутузку угодил неделю назад, а теперь четыре утра.

— Чего ты хочешь, Hidr? — говорит Кристина.

Женский голос на заднем плане задает ей какой-то вопрос, но микрофон прикрыт ладонью, и я ничего не слышу. Кристина смеется, что-то отвечает.

— Давай побыстрее, у меня гости.

— Счастливая ты, всегда у тебя гости. Ну да не волнуйся, много времени не отниму, а за беспокойство пришлю гигабайт моджо. Не слыхала ли ты чего-нибудь о древнем боге по имени Ваалфорум?

Кристина задумчиво хмыкает.

— Возможно. Погоди-ка… — Голос в наушниках смолкает, а потом я слышу шелест перелистываемых страниц. — Классифицируется как младший архидемон. Властелин бродяжничества. По-

кровительствует эта сущность разбойникам и головорезам. В конце сороковых им занялась МАА, выгнала далеко во Внешние Области и там закрыла. Кажется, где-то я читала, что за прошедшие с тех пор годы адепты несколько раз пытались его освободить. Видимо, в былые времена он был легкодоступен и популярен. А что случилось?

— Похоже, — вздыхаю я, — кто-то подобрал-таки ключик к его крытке.

Я рассказываю ей про Б1К и спрашиваю, можно ли таким способом освободить демона.

— Обещанные души — расходный материал для некоторых чар. Эти души ему нужно поскорее прибрать к рукам, не то обратная мистическая реакция зашвырнет его шипастую задницу аж за Андромеду. Но в принципе своего добиться он может.

Эту интересную новость я решил переварить попозже.

— Кристина, сколько душ нужно заполучить демону такого уровня, чтобы вырваться на свободу?

— Понятия не имею, дружок. Математика — это по твоей части.

— Ну хоть приблизительно. Меньше пятиде-

сяти тысяч?

— Наверное, все-таки больше. — Я точно знаю, что сейчас она пожимает плечами. — Скажем, сто тысяч. А разве не МАА этим занимается, когда нас не достает?

Я колеблюсь, но врать «социалистам» не имеет смысла. Они всегда все знают. Особенно Кристина.

— Теперь я у них фрилансер по этой теме. Все силы брошены на возврат забаненных чуваков.

— Тогда мы все обречены, — заявляет она после долгой паузы.

— Мне пора, Кристина. Спасибо за доверие.

Рассоединившись, я вызвал Атретиуса, который предусмотрительно залил всю свою контактную инфу в мой мобильник. Я заговорил, как только магистр принял звонок.

— Все дело в замаскированном разводе лохов. Он спрятан в EIJLA.[30]

Магистр держит паузу так долго, что мне уже кажется, будто произошло разъединение, но потом…

— Вот же эпик фейл! Поверить не могу, что

---

[30] Примечания: 30

EULA (англ. «end-user license agreement» — «лицензионное соглашение с конечным пользователем») — договор между владельцем компьютерной программы и пользователем ее копии. — *Прим. перев.*

никто не читал эту писульку! А вы узнали, кого или что этот Ваалфорум собой представляет?

Я рассказываю подробности. Магистр снова кипешует.

— Таким образом, нам теперь известно, откуда поступает моджо для перемещения, — говорит Атретиус. — Ваалфорум, очевидно, поднакопил неплохой запасец энергии. А ведь не должен был! Его закрыли надежно! Но тюремному отделу МАА урезали бюджет, так как нам пришлось перенаправить свои ресурсы; возможно, в стенах его камеры появились трещины. По крайней мере, мы теперь знаем, что он получает взамен за свое моджо.

— Кто-то должен помогать ему с этой стороны, но будь я проклят, если догадываюсь, кто! — Я вздыхаю. Что-то гложет меня, но что именно, сообразить не могу. — Я понял, как они прячут сервер, — сам точно так же пользовался Пространством Хаоса. Единственный способ выяснить его местоположение — это заполучить рабочие астральные ключи к таблицам маршрутизации. Но ключей непосредственно к сайту Бэ-один-ка все равно не добыть, а значит, это тупик.

— Лучше бы вам побыстрее что-нибудь придумать, поскольку... — Я слышу клацанье

классической клавиатуры. — Дерьмо влетело в вентилятор. Ссылка пошла гулять. Сайт только что пролез на «Digg». Через несколько минут он попадет на «Metafilter» и «Reddit».

— Что?! — Я едва не сорвался на крик. — Как им это удалось?!

— Движок перенастроили. Он каждый раз появляется с разными URL-адресами. Кто-то занялся регистрацией доменных имен. Я послал наших DoS-ботов, чтобы защитить все сайты социальных сетей, но это требует времени. Вам нужно проникнуть туда, выяснить, кто управляет сайтом, и закрыть лавочку, — заявляет Атретиус. — Это единственный шанс остановить Ваалфорума.

— Да, конечно. Только вот еще что. Я же агент с одним нулем! Таких по пальцам перечесть. Тот, кто создал сайт, наверняка знаком с моими методами маскировки серверов. О том, как это делается, я рассказывал максимум полудюжине камрадов. Но я не знаю, кто они и где тусуются. В команде Капитана Блада мы все были анонимами.

Мой телефон пикнул, сообщая о приеме электронной почты.

Я только что направил вам досье на каждого из ваших товарищей по той команде.

— Ну ни фига себе! У тебя и эта инфа есть?!

Атретиус выкрикивает что-то непонятное на пределе слышимости.

— Больше не могу говорить! Должен здесь кое-что уладить. Начинайте ломиться в двери!

Конец связи.

Я бегло просматриваю полученные файлы. Там имена и адреса. Прежде чем отправляться, стараюсь запастись всем необходимым. Обыскиваю комнату и среди всякого барахла нахожу старый смартфон. У него самый ленивый процессор на свете и всего 128 мегов оперативки, но всё лучше, чем ничего. Сую его в карман, а потом с помощью метлы-телепортера направляюсь к моему первому «собеседнику».

Переместился я в тесную подвальную комнатушку, покрытый с ног до головы серой пылью. Откашлялся, протер слезящиеся глаза. Чувачок, ни на секунду не старше четырнадцати, дрыхнет, уткнувшись носом в клавиатуру. Согласно файлу, это @DedJonny, но мне не верится. При виде его я ощущаю себя едва ли не дерьмом мамонта.

Перебираю в памяти весь мой набор страшных ругательств и готовлюсь любой ценой выдавить из сявки информацию.

@DedJonny чуть не обделался, когда я хлопнул

в ладоши.

— Твою мать… — бормочет он. — Слышь, камрад, я не сделал ничего, я не…

— Умолкни, — обрываю спокойно. — Я Hidr. У меня к тебе парочка вопросов.

Это его малость успокаивает.

— А как же мои защитные запроги? А! Наверное, ты их переписал и пролез с черного хода. Во круть!

— Обижаешь! У меня есть понятие об этике, — говорю я, включая свой самый «взрослый» голос. — Что ты слышал о бане в один клик?

— В один что? — не слишком убедительно хлопает глазами пацан.

Я тычу пальцем в экран моего телефона и выбираю запрогу, превращающую член в кактус (читайте первый пост в этой ветке). Влив сто килобайт моджо в заклинание, я активирую его.

Конечно, эффект не такой, как от нескольких мегов, и рассосется вскоре, но сейчас запрога свое дело делает. Парень верещит и хватается за промежность. От этого радости на его физиономии не прибавляется.

— У меня есть кое-что посильнее, — предупреждаю я. — Хочешь поэкспериментировать?

— Не надо! Ладно, признаюсь! Мы ходили вме-

сте в школу, а он… приударил за моей цыпой после того, как мы с ней разбежались. Уй, как больно! Почему мое хозяйство обросло иголками?

Хм… Не такой исповеди я ожидал!

— Ты о ком?

— Об OneEyedPete! Я хотел его проучить, ну и топнул по ссыле от его имени. А он возьми да пропади. Разве ты не из-за этого прихилял?

Что ж, хоть какая-то инфа. Я дезактивировал чары. Кстати, @DedJonny, если ты сейчас читаешь этот форум, прости меня.

В конце моего рассказа ты поймешь: по-другому поступить я не мог. С меня немного моджо.

Не тратя времени на извинения (я письменно извинился чуть выше), перехожу к следующему имени в своем списке. Потом к следующему, и так до тех пор, пока каждый не убеждает меня, что понятия не имеет, кто стоит за баном в один клик.

А добравшись до конца списка, я понимаю, что в нем не хватает одного имени. LongDongSilver. Возможно, кое-кто помнит его, он был принят в команду после смерти Блада и не пожалел усердия, чтобы со всеми перезнакомиться. Чувачок слегка неотесан и наивен, но собаку съел на сете-

вых протоколах, а потому я следил за его постами на узкоспециализированных форумах.

Но как могло получиться, что МАА собрало подробнейшие досье на всех нас, а одного лишь LongDongSilver упустило из виду? А ведь он член команды, имеющий доступ к моему персональному форуму.

Но сейчас не время гадать на кофейной гуще. Похоже, что все мы довольно долго находились под колпаком. Как иначе объяснить такие пухлые досье?

И тут, будто желая подтвердить мои подозрения, меня перекидывают на Серые Равнины. Это происходит мгновенно и беззвучно. Хлоп! Только что я стоял посреди улицы в Сан-Франциско и любовался восходом, и вот оказался в мрачных бесплодных пустошах, окруженный тысячами обалдевших лузеров. Остряки и продажные полицейские, ябеды и учителя-самодуры — все, кто однажды посмел обидеть какого-нибудь ушлепка, мнящего себя компьютерным гением. С каждой минутой их все прибывает.

Эти болваны скулят, и стенают, и жалуются на злую судьбу, но они-то как раз отделались легким испугом по сравнению с теми умниками, что продали за их перемещение свои души.

Сорвав с шеи явно липовый медальон, я швыряю его на землю. Шагаю минут десять, пока не избавляюсь от запаха «Олд спайс», и сажусь. Видит Ктулху, за такую подставу я поимею магистра Атретиуса без вазелина.

Подает голос мой телефон. Дозвониться сюда — это сильно. Особенно для оператора AT&T.

— Угадай, где я, — говорит Атретиус, он же LongDongSilver, не скрывая злорадства.

Я высказываю предположение о его интимной связи с водосвинкой.

— Ответ неправильный. Я в твоем тайном логове, забираю таблицы маршрутизации.

— Но как ты туда попал?!

Конечно, он отслеживал мои действия — вероятнее всего, при помощи телефона. Помните, чайники, мои слова? Никакой паранойи не бывает мало.

— Зачем тебе понадобились мои таблицы? — Похоже, я уже знаю ответ, но хочу услышать от него.

— А ты еще не догадался? — смеется он. — Тормозишь, дедуган.

— Внучек, так почему бы не растолковать? Ты же дуба врежешь от горя, если ни с кем не поделишься своим гениальным замыслом.

Он фыркает.

— Хоть понимаешь, сколько силы у древнего бога? Даже короткими мессагами он научил меня многому.

— И как же проходило ваше общение?

— За это я должен благодарить тебя. Один из твоих роутеров метафизически оказался достаточно близко к Ваалфоруму, а уж подключиться для него — пара пустяков. Даже низшие из древних, такие как он, интеллектуально превосходят все компьютеры на планете. Они сами природные суперкомпы. И к одному из них я хочу иметь исключительный доступ.

— Он тебе что, гаджет? Он демон! Нечистая сила! — Я начинаю переосмысливать свою непредвзятость по отношению к социально опасным типам.

— А чем не гаджет? За свое освобождение Ваалфорум обещал мне двадцать лет машинного времени на процессорах древних. Знаешь, сколько всего можно сделать за этот срок? Например, создать себе карманную вселенную!

— Не думаю, что он выполнит обещание. У древних всегда ложка длиннее. Мальчик, опомнись! Они же хитрожопее целой планеты!

— Для них тоже существуют законы, а мой дядя

— знаменитый адвокат, причем спец по контрактам! Когда я наткнулся на сообщения Ваалфорума в пакетах данных с твоего роутера…

— Да-да. Мы их тоже обнаружили. Значит, ты был в нашей команде кротом с самого начала? Наверняка тебя и в МАА взяли только для того, чтобы внедрить к нам. Но ролью простой марионетки, похоже, ты не удовлетворился и начал строить планы посерьезнее. Черт, а ведь именно МАА дала тебе средства, чтобы дурацкая затея не обернулась против тебя самого. Когда же я, как последний ламер, раскрыл тебе принципы работы своих сетевых протоколов, ты убедился: никто не помешает накапливать души. А ответственность за все это ты собираешься повесить на меня, я прав?

Его молчание подтверждало мои слова лучше самого красноречивого ответа.

— Только одного не могу понять… Должно быть, я и вправду старый тормоз. Почему, черт подери, ты освободил меня из кутузки, зачем пустил по твоему же собственному следу? Я был у тебя в руках. Не логичнее ли держать под замком единственного чувака, который способен тебя остановить? — Я вдруг прикусил язык, пораженный догадкой. — Так вот оно что! Тебе же нужны

мои таблицы, чтобы освободить Ваалфорума. Ты хочешь вытащить его через роутеры?

— Если бы существовал другой способ, я бы им воспользовался. Просто, сидя под замком, ты бы ни за что не согласился передать таблицы. И найти самое секретное логово великого мага по имени Hidr я бы не смог, да и кто бы смог? Но ты болтал на форумах о том, каких предпочитаешь девиц, и по твоим случайным намекам мне удалось угадать, в каком городе ты живешь. Когда данных накопилось достаточно, я начал операцию «Мелкоголовый мыслитель». Я надел на тебя ошейник и отпустил домой на длинном поводке. Ну, признай же, что я просто умнее, чем ты!

На самом деле в эту минуту он подсказал мне путь спасения, поэтому я признал его умственное превосходство, хотя, видит Ктулху, делать это ужасно не хотелось.

— Итак, все кончено. — Он перестал стучать по клавиатуре. — Ваалфорум скоро отправится в путь. Ты оказался довольно талантливым засранцем, Hidr, но все-таки на престол сетевых супермастеров взойду я.

— Ты просто нагреешь мне местечко, маленький говнюк! — выкрикиваю я, после чего отключаюсь и топчу телефон.

Этим поступком я убиваю двух зайцев. Во-первых, слегка успокаиваюсь, а во-вторых, ушлепок не увидит, что я буду делать дальше.

Отправитель: Hidr, сегодня, 02.15

Растыкать свои роутеры по Внешним Областям — не самая лучшая идея с точки зрения безопасности мира в целом, зато весьма удобно, если ты сам застрял в одной из этих самых Внешних Областей.

В моем бэкапном смартфоне памяти хватает аккурат для запуска сканирующей запроги. Я не собственноручно выносил свои роутеры во Внешние Области, но был бы последним ламером, если бы не имел возможности подобраться к ним для ремонта. И коли Ваалфорум отправляет лохов на Серые Равнины, значит, этот путь проходит через мой роутер.

Я протискиваюсь сквозь толпу, высматривая кругом топтунов МАА, чутких к субэфирному сигналу роутера. С них станется вернуть меня домой, предварительно промыв мозги, — каковая процедура еще никому не пошла на пользу.

Такое чувство, что проходит не один день, прежде чем я обнаруживаю роутер, окруженный защитным полем, которое аж гудит от моджо, —

источником питания служит оставленное мною облако-накопитель.

Соединяю свой плюгавый телефон и роутер USB-кабелем и качаю моджо. От этого упадут мои сайты, но энергии хватит в обрез, чтобы я добрался до дома.

Может, я и постарел, может, и отстал от жизни в последние годы, но писать алеф-кодом все еще умею как никто другой. На скорую руку я переделываю запрогу телепортации. И теперь остается уповать на свои навыки хакера и мага, чтобы оказаться в нужном месте раньше демона.

Позвольте же, детки, открыть вам глаза на один существенный факт. Когда ты состоишь из кодированных UDP-пакетов[31] и более ни из чего, нельзя полностью исключать, что в крякнутом виде ты получишься не совсем комплектным. Пустяковый глюк — и я остаюсь без пальца на ноге. Не надо было так спешить с обработкой ошибок. Но главное — я вернулся.

Атретиуса я обнаружил в Пещере Летучей Мыши, так называется мое самое тайное логово. Он установил жертвенник, ни дать ни взять купленный в ИКЕА. В комнате стоит крепкий дух

---

[31] Примечания: 31

UDP (англ. «User Data Protocol») — пользовательский протокол данных. — *Прим. перев.*

защитных запрог, я чую, как гигабайтами сгорает моджо. Оградив себя кольцом из кабеля CAT5, Атретиус сидит и жмакает пимпы на ноутбуке. Вместо прежнего демократического прикида на нем черный наряд злого волшебника. Сдается, потусторонние сущности несколько старомодны в части дресс-кода. Не стоит, пожалуй, допускать, чтобы этот субчик произвел впечатление на повелителя своим вкусом к одежде.

Я врубаю все боевые запроги, какие только есть под рукой, а учитывая плюгавость телефона, их раз, два и обчелся. Тотчас же становится видна моя ошибка — у Атретиуса отменная оборона. Он даже ухом не ведет. Я бодро бугагакаю и, делая ставку на его высокомерие, даю моим атакующим запрогам запасные пароли.

Ах да! Урок номер четыре: всегда имейте ключик к черной калитке.

Конечно же, он использует для защиты мои собственные разработки. Оборона рушится, оставляя его с голыми руками, но и я почти до конца израсходовал моджо.

Атретиус поднимает голову и… улыбается.

Ткань пространства пред алтарем, как будто состоящая из битых пикселей Вселенной, рвется. Кто-то огромный лезет в дыру. Я никак не

ожидал подобного, и в этот миг Атретиус, воспользовавшись моей растерянностью, вновь набрасывает на меня «объятия Мортеуса». Я падаю, обездвиженный. Магистр переводит дух и покидает круг.

— Вздумаешь дергаться, враз рога пообломаю, — обещает он.

— Ну да, в рогах ты знаешь толк, коли с чертями дружбу водишь, — ворчу я.

Будто не замечая прорывающегося Ваалфорума, он сосредоточивает все внимание на мне. Я чувствую, как Атретиус тянет моджо из своего хакнутого «Zune». Но тут вдруг срабатывает автономная защита моего логова и отрезает его от источника силы.

— Получил, засранец? Мой дом работает на голимом UNIXе, — сообщаю с ухмылочкой, которая очень быстро сменяется выражением ужаса.

Ваалфорум покидает портал с чмокающим звуком, а потом хохочет так, что кажется, у меня растрескаются зубы от вибрации воздуха. Сотня алых глаз впивается в Атретиуса. Магистр отчаянно и тщетно давит батоны на своем гаджете.

— Я больше не нуждаюсь в твоих услугах, Барри, — заявляет Ваалфорум голосом, похожим на рев десяти тысяч младенцев. — И аннулирую

наш договор в одностороннем порядке, в соответствии с пунктом о возможности досрочного расторжения!

— К-какого еще… д-досрочного? — заикается Барри, ранее известный мне как Атретиус, и вдруг его голова оказывается в нескольких футах от шеи.

Похоже, адвокатские способности знаменитого дяди были сильно переоценены. Когда магистр стал мертвее, чем Курт Кобейн (Google вам в помощь, сопляки), кандалы с меня спали.

Но тут, к глубокому сожалению, Ваалфорум заинтересовался мною. Похоже, меня он вознамерился убивать медленно. Шестипалая кисть сомкнулась вокруг моей шеи, пятки мои оторвались от пола. Монстр таращился на меня множеством огненных глаз.

Знаете, я не видел ни одной серии о Баффи — истребительнице вампиров, поэтому не в курсе, каким приемчиком можно враз уконтрапупить демона. Мне больше по сердцу киноискусство старой школы, — по кабельному часто идет «Взвод монстров», рекомендую к просмотру.

Итак, урок номер пять: как и вервольфы, архидемоны имеют уязвимые места.

От меткого пенделя я улетаю в угол, аж в глазах

темно. Да, у меня был в загашнике определенный план действий, но я не рассчитывал сцепиться с нечистью в рукопашной. Однако и Ваалфорум тоже не в лучшей форме, как-никак все моджо похищенных душ истрачено на переход. Вот тут-то я и применяю артефакт «Ящик».

В дырочку!

Но дальше будет посложнее. «Ящик» — хорошая запрога, но демон уровня Ваалфорума не будет сидеть в ней вечно. Едва отдышавшись, я хакаю устаревший веб-код и ввожу его в программу «Ящика».

Что происходило дальше, я видеть не мог, но приблизительно представляю себе.

Ревя от ярости, Ваалфорум бился в тесном пространстве «Ящика». Он молотил по стенам, и те мало-помалу покрывались трещинами. Через какое-то время он бы смог вырваться на свободу, но ему хотелось прямо сейчас.

Тогда в воздухе пред ним возникла надпись и две кнопки:

«Желаешь ли покинуть западню, о мой повелитель? ДА/НЕТ».

Ага! Смертный — то есть я — понял свою ошибку. Сейчас демон вырвется и устроит такую бойню на Земле…

И тут разворачивается длинное, практически бесконечное пользовательское соглашение, целые мили мелкого текста. Вот и прямоугольничек: «Кликните здесь, чтобы продолжить». На первый взгляд все исключительно просто, а ведь с каждой секундой, проведенной в тюрьме, без подпитки украденными душами, Ваалфорум становится слабее.

Даже древние не любят дотошно изучать пользовательские соглашения. Пребывая в крайнем возбуждении, демон торопливо скроллит текст. Топает на «ДА»… Но вместо желанной свободы оказывается вновь в темнице, за тысячу астральных планов отсюда. Хочется верить, что такой облом для него пострашнее любых аццких мук.

И вот вам урок номер шесть: любое пользовательское соглашение может поиметь вас, как раз плюнуть.

перевод В. Русанова

Джонатан Л. Говард
РИТУАЛ ЭРЕШКИГАЛИ

Джонатан Л. Говард — автор романов «Johannes Cabal the Necromancer» и «Cabal the Detective». Его рассказы печатались в «Realms of Fantasy» и в основанном Г. Ф. Лавкрафтом «Magazine of Horror». С начала 90-х он работает дизайнером и сценаристом в индустрии компьютерных игр. Живет в Англии, в Бристоле.

Будь вы некромантом, что почувствовали бы при внезапном появлении целой толпы зомби? Да еще угрожающих существованию целого мира? Ну, если вы Иоган Кабал, это не сильно обеспокоит вас: так, небольшое неудобство.

Кабал имеет необычный взгляд на мир, и не только из-за своей профессии, хотя постоянная работа с трупами определенным образом влияет на его мировоззрение. Находчивый, как Джеймс Бонд, и эгоистичный, как худший злодей комиксов, Кабал не похож на спасите-

ля человечества. Но в противоборстве с магом, который идет на поводу своих чувств, а не разума, специалист по мертвецам — наша единственная надежда. К несчастью, он имеет в своем распоряжении лишь растерянного полицейского, кусок веревки и добросовестно проведенную рекогносцировку местности.

«Ритуал Эрешкигали» заполняет пробел между новеллой «Exeunt Demon King» и первым романом о Кабале «Johannes Cabal the Necromancer». Вот что говорит Джонатан Л. Говард об идее этого рассказа: «Года два назад я собственноручно остановил зомби-апокалипсис. Однако время от времени возникала мысль: а ведь неплохой рассказ мог бы из этого получиться…»

Надеюсь, он все-таки шутит.

Это был уже не первый случай, когда труп резко сел на столе и со смертельной угрозой в глазах повернулся к Иогану Кабалу. Однако впервые зомби не дождался формального оживления.

Несколько секунд они смотрели друг на друга, а потом нежить, по-видимому, не сознавая, что

совершила faux pas,[32] завопила, точно человек, получивший ужасное известие, и кинулась на Кабала. Тот, привыкший в подобных случаях не церемониться, схватил буяна за загривок и швырнул на пол. Прижимая ногой голову зомби, он подкатил ближе тележку с лежащим на ней открытым саквояжем.

За происходящим в мрачном молчании наблюдал растрепанный констебль. Он смотрел, как Кабал достает из саквояжа чудовищного вида револьвер, приставляет к месту соединения затылочной доли мозга и останавливает процедуру временного оживления.

Грохот отразился от стен и пола покойницкой, от холодных каменных столов. Не снимая с мертвеца ноги, Кабал снова взвел курок. Труп, получивший пулю калибра 14,67 мм, однако, лежал без движения. После довольно долгого ожидания — на случай, если это хитрость коварного зомби — Кабал снял оружие с боевого взвода. И, ощущая на себе осуждающий взгляд полицейского, покосился в его сторону.

— Не понимаю, почему вы так на меня смотрите, — произнес Кабал на очень правильном

---

[32] Примечания: 32
Проступок, ложный шаг *(фр.). — Прим. перев.*

английском с еле заметным немецким акцентом. — Я тут ни при чем.

И это была правда. Решив воспользоваться ежегодным карнавалом, Иоган Кабал отправился на не совсем обычный шопинг. Пока улицы были запружены участниками шествия и восторженными зеваками — в этом году появилось множество воздушных шаров, наполненных водородом, в форме мультяшных героев и с рекламными слоганами, — Кабал бесшумно проник через заднее окно в муниципальный морг. Он намеревался всего лишь присвоить кое-какие органы, необходимые для научной работы. Этот простой план удался не слишком хорошо — бдительный полисмен заметил, как незнакомец юркнул в переулок, и насторожился. Выдающейся сыщицкой интуиции тут не требовалось; Кабал был высокий блондин лет тридцати, субтильного сложения, в черном костюме, с коричневым саквояжем в руке, и его повадки отнюдь не свидетельствовали о праздничном настроении. Он едва взглянул на парад, на огромные летящие шары и скривил губы. Потом огляделся по сторонам, но не заметил полицейского в дверном проеме, и на цыпочках двинулся в обход морга. Короче говоря, Кабал, хоть и не облачился в полосатую арестантскую

робу, не напялил маску на голову и не взял в руки мешок с надписью «Для краденого», все же смотрелся весьма подозрительно.

Зайдя по его следу в переулок, констебль Коупленд обнаружил раскрытое с помощью фомки окно и решил проникнуть внутрь. На свою беду, он тоже действовал не слишком осторожно и был повергнут ударом все той же фомки — Кабал этим инструментом действовал виртуозно. Придя в чувство, блюститель закона обнаружил, что связан по рукам и ногам, а во рту у него кляп. На его глазах подозреваемый пытался вырезать что-то из трупа… и тут покойник неожиданно воскрес.

Кабал был раздосадован. Сначала полисмен едва не помешал осуществлению его плана, а теперь еще и объект вскрытия набросился на него, перейдя все границы приличия.

— Это ненормально, — пробормотал он.

Большинство людей, без сомнения, согласились бы с ним, хотя большинство людей не являются некромантами и для них «нормально» — понятие из другой плоскости.

Его внимание привлек негромкий стон. На самом дальнем столе под простыней зашевелился покойник. В ту же минуту другой, лежавший на ближайшем столе, принялся закачивать воздух

в легкие, не работавшие уже день или два. Кабал соображал быстро. В его «уэбли» оставалось пять патронов, еще шесть лежали в кармане, схваченные эластичной лентой, чтобы не гремели. В морге были заняты четыре стола, и все расположившиеся на них покойники обнаруживали противоестественные признаки жизни. Наверное, можно задержаться и дать бой, но здесь явно происходит нечто необычное, а значит, боеприпасы лучше поберечь. Осмотрительность, как обычно, возобладала над отвагой.

В три широких шага он приблизился к полицейскому, поставил его на ноги и подтолкнул к распашным дверям. Однако, будучи связан, тот упал. Кабал со щелчком открыл пружинный нож и опустился на колени рядом с полицейским, который в страхе задергался при виде острого лезвия. За что получил пощечину — Кабалу некогда было с ним возиться.

— Не валяйте дурака. Если бы я хотел вас убить, вы бы даже не очнулись.

Внезапно полицейский почувствовал, что руки у него свободны. Кабал встал, с веревкой в левой руке и ножом в правой. Сложил нож и сунул в карман пиджака.

За дверными стеклами «с морозом» замелькали

тени. Кабал выровнял створки, быстро намотал веревку на ручки и затянул тугой узел. С той стороны сильно ударили в дверь, и он отскочил. За стеклом были различимы четыре силуэта; зомби не мешкали.

Полицейский достал собственный перочинный нож и перепилил им веревку на щиколотках. Кляп — его носовой платок — теперь висел на шее.

— Что происходит? — хрипло спросил он. — Что вы делаете?

Кабал смотрел на дверь и не оглядывался.

— Сначала отвечу на второй вопрос: я спасаю вам жизнь. На первый пока уверенно ответить не могу.

Толчки прекратились. У Кабала появилась надежда, что покойники оставили свою затею, однако тут все четверо разом бросились на дверь. Веревка пока держала. Тени замельтешили с такой скоростью, что слились в одно пятно, и потом, снова дружно тараня двери, силуэты обрели четкость. Однако веревка, завязанная узлом, которому позавидовал бы Гудини, и на этот раз не подвела.

— Вы задержаны, — заявил Коупленд в поисках чего-то привычного и надежного, что поможет

ему не сойти с ума и выполнить свой долг.

Кабал вздохнул, достал из саквояжа револьвер и довольно грозно им помахал.

— Снова вы сказали глупость, офицер. В настоящий момент я меньшая из неприятностей. Возможно, я ваш единственный шанс на спасение. Прислушайтесь…

Они прислушались: ритмичные удары нежити, по двери сопровождались отдаленными криками. Судя по выражению лица полицейского, до него начало доходить, и Кабал ухмыльнулся.

— Не у нас одних проблемы с ходячими покойниками.

С верхнего этажа морга им открылась площадь, на которой кипела бойня. Празднующие горожане только-только осознали, что творится ужасное — начали падать люди, как бродившие по улицам, так и стоявшие в толпе. Какой-то врач прилагал все усилия, чтобы спасти одну из жертв, но было слишком поздно. Причем слишком поздно во всех смыслах… Глаза умершего внезапно распахнулись. Радостные крики его родных сменились испуганными, когда он схватил доктора за горло и судорожными движениями задушил.

Потом врач поднялся тоже, и очевидцы решили, что здесь не самое безопасное место. Однако

со всех сторон напирала толпа, и бежать было некуда.

— Мой бог! — воскликнул полицейский.

— Что? Где? — ответил Кабал, оглядываясь с притворным удивлением.

Полицейский сердито воззрился на него.

— Я должен помочь!

Обеими руками опираясь на высокий подоконник, Кабал созерцал творящийся внизу кошмар с равнодушием биолога, наблюдающего сражение красных муравьев с черными. Полицейский долго ждал ответа, но в итоге сдался и отвернулся от окна.

— Эта помощь, — заговорил Кабал совсем тихо, — о которой вы говорите, полагаю, предназначалась бы живым? — Он сделал паузу, чтобы полностью завладеть вниманием полицейского. — Однако на самом деле вы способны помочь лишь ходячим мертвецам, неминуемо увеличив их число. Идите сюда.

С явной неохотой Коупленд подошел к окну.

Кабал махнул рукой в сторону неистовствующих мертвецов и охваченных паникой живых.

— Констебль, что вы видите?

— Бойню, — хрипло ответил полицейский; во рту у него пересохло, и легче не стало, когда он

облизнул губы. — Ужас.

— Да-да, — нетерпеливо сказал Кабал. — Очень выразительные слова, но вряд ли они сойдут за научные термины.

Констебль тяжело задышал.

— Господи, там же дети!

Кабал бросил на него осуждающий взгляд:

— Конечно, там дети. Это же карнавал. Почему бы им… А! — До него вдруг дошло. — Вы имеете в виду, что убивают и детей. Да, конечно, но это не самое интересное.

— Что вы за человек?

— Я тот, кто пробирается в покойницкую с целью вырезать кое-что из черепов и не особенно пугается при появлении неупокоенных мертвецов. «Какая досада!» — но не более того.

Мужчины сердито смотрели друг на друга.

— По-моему, этих намеков вполне достаточно. Не представляю, как вы можете работать в полиции, если не в состоянии сделать простейший вывод.

Вообще-то констебль уже сделал вывод, однако он ему очень не нравился.

— Вы некромант! — с оттенком осуждения выпалил Коупленд.

— Да, это так. — Мнение констебля мало волно-

вало Кабала. — Я отношусь к числу тех немногих, кто делает все это, — он снова выглянул в окно, — более интересным. Я пришел сюда, и мертвый самопроизвольно восстал. Это ненормально.

— Ненормально? — с сарказмом переспросил полицейский.

Ничто не могло сильнее разозлить Кабала, известного своим дурным характером.

— Ненормально! — рявкнул он, поворачиваясь к констеблю. — Да, ненормально, и у меня есть реальный опыт в этой области, в отличие от вас с вашим дурацким ерничеством, которое, как вы наивно полагаете, заменяет знание. Смотрите!

Он схватил констебля за воротник и потащил к окну.

— Вон там! — Кабал указал на покойников, ковыляющих по мостовой. — И там! — Из окна было видно здание муниципалитета примерно в двухстах метрах. — Видите?

Констебль гневно сбросил руку Кабала и посмотрел в окно.

— Монстры… — пробормотал он через минуту. — Ваши монстры везде, они…

Коупленд замолчал.

— Понимаете теперь? — спросил Кабал, пропустив мимо ушей оскорбительное слово «ваши».

— Ведут себя по-разному, — медленно заговорил констебль, переводя взгляд с одной группы на другую. — Некоторые действуют слаженно, некоторые просто стоят…

Снаружи донеслись крики. Констебль побледнел.

— …и ждут, когда кто-нибудь подойдет достаточно близко. Почему они не ведут себя одинаково?

Не отвечая, Кабал зарылся в недра саквояжа. Спустя мгновение он выпрямился с подзорной трубой в руках и поднес ее к глазу.

Констебль понял, что немедленного ответа не будет, и решил высказать собственную догадку.

— Они что, как пчелы? Одни — рабочие… другие — трутни…

— Коллективный разум улья? — не отводя подзорной трубы, переспросил Кабал.

— Да.

— Нет. Хотя бы потому, что трутни обслуживают королеву сексуально, а к шайке мертвецов такая аналогия совершенно неприменима. Более вероятно, что они вовсе не демонстрируют разное поведение — просто по площади слоняется все возрастающая орда. Это не пчелы в человеческом облике, а марионетки. Присмотритесь: ходящие

стали более активны, они действуют целенаправленно в радиусе примерно десяти метров — в фокусе внимания хозяина марионеток.

— Хозяина марионеток? Ими кто-то управляет?

— Да, иначе и быть не может… — Кабал вручил констеблю подзорную трубу и указал кивком: — Вон тот жирный мерзавец на крыше муниципалитета.

«Жирный» — пожалуй, было слишком сильно сказано, однако на худобу этот тип пожаловаться не мог. Констебль увидел похожего на медведя мужчину. Тот расхаживал вдоль парапета плоской крыши и разглядывал созданный им хаос в военный бинокль.

— Но какой смысл? Зачем ему все эти смерти? За что он убивает невинных людей?

Кабал забрал подзорную трубу, резким движением сложил ее и сунул в саквояж.

— Рискуя показаться заносчивым, выдвину предположение: это из-за меня. Слишком не похоже на совпадение, что этот субъект решил продемонстрировать свои навыки любителя-некроманта в тот самый момент, когда я в исследовательских целях навещал местный морг.

— Он пытается произвести на вас впечатле-

ние? — Эта мысль ужаснула констебля.

— Нет-нет! — Смешок Кабала мог означать и веселье, и нервозность. — Он пытается убить меня. Не самый надежный способ, но я хорошо представляю, сколь соблазнительным может быть подобный образ действий для личности определенного типа. Не слишком умной личности.

— Любитель, говорите? Да он ухитрился воскресить целую армию мертвецов!

— Эка невидаль! — Кабал презрительно фыркнул, как будто неизвестный враг воскресил армию кроликов. — Такое под силу любому болвану. В сущности, только болван и затеял бы это — так называемый ритуал Эрешкигали. Ни один некромант, если он не записной нигилист и имеет хоть каплю мозгов, никогда не рискнул бы.

Констебля Коупленда не слишком интересовали модные тенденции в некромантии. Он в страхе смотрел на стремительное воскрешение из мертвых.

— Выживших на площади осталось всего ничего. Будь у них хоть чуточку здравого смысла, они бы забаррикадировались в домах и дождались прихода войск. В такой же ситуации у них ни одного шанса. Нельзя ли нам просто… пересидеть это, а?

Кабал покачал головой, растворил окно, уселся на край письменного стола и жестом велел Коупленду сесть рядом. Что тот и сделал с таким чувством, будто Кабал вылил на его надежды ушат ледяной воды.

— Констебль, — начал Кабал, — это ведь немаленький город, я прав? Почти двести тысяч жителей.

Коупленд кивнул, и некромант продолжил:

— В городе с такой численностью населения ежедневно умирает порядка двенадцати человек. Их тела пригодны для эрешкигальского воскрешения в течение месяца. Ну, допустим, половину кремируют в первую неделю после смерти, а другая половина не способна выбраться из могил. Однако это оптимистичная прикидка. Мертвые большие ловкачи, когда доходит до самоэксгумации.

Коупленд открыл рот, чтобы спросить, откуда Кабал почерпнул такие знания, но вовремя сообразил, как глупо это прозвучит.

— Следовательно, — продолжал Кабал, — вдобавок к уже вызванным ритуалом смертям, в городе имеется около ста пятидесяти трупов, которые также могут быть воскрешены. Каждый раз, когда это происходит, свежий труп увеличивает чис-

ленность орды. Если вам хотелось когда-нибудь увидеть геометрическую прогрессию в действии, посмотрите в окно. Итак, отвечаю на ваш вопрос: нет, мы не можем просто пересидеть.

Грохот на нижних этажах здания заставил Коупленда вскочить.

— Они уже в морге!

— Ну да, — сказал Кабал с таким видом, будто слегка обрадовался: наконец-то пришла пора действовать. — Прежде всего постараемся не погибнуть от рук покойников. Это очень важно. Потом разберемся с этим идиотом, до того как он по неосторожности сотрет с лица земли человеческую расу. Это тоже важно.

— Постойте! — Констебль схватил Кабала за руку. — Я не понимаю. Вы имеете в виду, что может наступить… Судный день?

Кабал выразительно буравил взглядом руку констебля, пока тот не убрал ее.

— Я имею в виду то, что в обиходе образно, но не совсем правильно называется зомби-апокалипсисом. Профессионалы вроде меня предпочитают словосочетание «ритуал Эрешкигали». Если не ударяться в терминологию, подразумевается резкое снижение численности населения — ниже уровня, при котором отдельно взятый человек

имеет возможность спасти свою шкуру.

Снизу доносились звуки, свидетельствующие о том, что покойники обыскивают морг. Кабал пояснил: это те, кто больше других испытывает воздействие своего воскресителя, который смотрит их глазами, когда не прибегает к полевому биноклю. Как только они найдут Кабала, с улиц будут стянуты основные силы. Это очень скверный оборот дела для него и констебля.

Поэтому они не стали спускаться, а забрались на крышу.

— План таков, констебль. Идем по этой крыше, перепрыгиваем на следующую и по пожарной лестнице на дальней стороне спускаемся в переулок…

— А вдруг там нет пожарной лестницы? — перебил Кабала полисмен.

— Есть. Я разведал заранее. Крайне полезно иметь в запасе минимум два пути отхода: простой и посложнее. Этот посложнее. Мы спустимся и пересечем улицу, прячась за перевернутой полицейской машиной. Лучше поспешить, пока мертвецы на этой стороне.

— К чему такой сложный маршрут? Если идти в эту сторону, придется пересечь всего два узких переулка.

Кабал достал из нагрудного кармана пиджака темные очки и протер линзы.

— Такой вариант был рассмотрен и отвергнут. — Его слова прозвучали как не подлежащие обсуждению.

— Отвергнут? Но почему? — Констебль недоверчиво фыркнул. — Ваш план — чистое самоубийство. Мой гораздо безопаснее: всего два проулка, церковное кладбище и… — Внезапно у него возникла догадка. — У вас проблемы с церковью?

Очки мешали понять выражение лица Кабала. Без единого слова некромант повернулся и припустил по крыше, пригибаясь, чтобы его нельзя было увидеть со здания муниципалитета. У края он, не колеблясь, прыгнул. Спустя мгновение констебль услышал хруст гравия под ботинками Кабала, — значит, он уже на соседней крыше. Тихо выругавшись, Коупленд последовал за ним.

Как и следовало ожидать, пожарная лестница оказалась на месте. Мужчины незамеченными спустились в переулок, и тут выяснилось, что кое в чем Кабал ошибся. Мимо перевернутой посреди дороги машины спиной к ним плелся покойник. Недавно он был хозяином табачной лавки, сейчас же представлял собой досадную помеху.

— Что нам делать? Застрелить его?

Констебль мучительно старался видеть перед собой мертвеца, а не мистера Биллингса, у которого по дороге на службу нынче утром купил пачку сигарет «Сениор сервис». Эти сигареты, лежащие в его шкафчике в полицейском участке, воспринимались как артефакт уходящей цивилизации. Апокалипсис наступил, и он, констебль Коупленд, крадется по переулку в компании некроманта, стараясь не попасть на глаза покойному лавочнику.

— Они мертвые, но не глухие. — Кабал вынул из кармана пружинный нож, среди мусора у стены нашел бутылку. — Тут нужна скрытность.

Направив лезвие вниз — так держат нож для колки льда, — Кабал продемонстрировал собственную скрытность. Прячась за машиной от других покойников, он бесшумно подошел сзади к бывшему мистеру Биллингсу. Остановился, бросил бутылку так, чтобы она упала с мелодичным звоном, блестя и привлекая взгляд. Мистер Биллингс, который вот уже четверть часа, с той минуты, как миссис Биллингс разорвала ему горло, все воспринимал как чудо, опустил голову, тем самым услужливо подставив затылок. Без малейших колебаний, с ловкостью, способной напугать случайного наблюдателя, Кабал всадил

нож. Как и давеча в морге, он отсек затылочную часть от первого шейного позвонка и перерезал сухожилия. Тело мистера Биллингса тяжело завалилось ничком на середине Мэйн-стрит.

Кабал наклонился над трупом. У Коупленда мелькнула мысль, что он хочет проверить, все ли сделано правильно, однако некромант просто вытер лезвие о пиджак мистера Биллингса, сложил нож и сунул в карман.

— Пошли, — сказал он. — И возьмите мой саквояж.

Они пересекли Мэйн-стрит, по знаку Кабала задержались у задней двери какого-то здания, осмотрелись и вошли внутрь. Это был склад скобяных товаров. Коупленд лишний раз убедился в том, что его необычный спутник произвел очень тщательную разведку. Кабал нашел моток полудюймовой веревки, и Коупленду даже в голову не пришло выразить недовольство. В такой ситуации не до мелких краж.

Мужчины поднялись на верхний этаж, Кабал открыл вынутой из саквояжа фомкой световой люк, и они снова вылезли на крышу. Прошли по ней, остановившись в тени дымовой трубы, и увидели человека на крыше муниципалитета. До него оставалось ярдов тридцать, но сейчас он был

виден гораздо лучше. Его твидовый костюм выглядел так, будто был сшит на пари: коричневые полоски на желтом фоне придавали ему сходство с топогеодезической картой. Внушительная, как у библейского пророка, борода и рыжие как пламя волосы — не человек, а сущий медведь.

— Вы снайпер? — прошептал Коупленд.

— Я не собираюсь в него стрелять, — ответил Кабал. — Это был бы худший вариант. Хотя болван заслуживает долгой и мучительной смерти, в данный момент я предпочитаю сохранить ему жизнь.

— Не понимаю.

— Ничего удивительного, поскольку в полиции теорию некромантии не преподают. Излагаю краткий курс. С точки зрения поведения наших зомби можно разделить на три категории. Одни полностью сосредоточены на морге, они меня видели, и по этой причине хозяин уделяет им много внимания. Другие бесцельно шатаются вокруг. Хозяину пока не до них — они будут направлены к моргу в качестве подкрепления, если меня там найдут. Остается подавляющее большинство вроде этого экземпляра на улице; они просто стоят там и тут, едва ли осознавая происходящее. Все оказалось гораздо сложнее, чем он рассчиты-

вал, — таким количеством объектов сразу один человек не может управлять эффективно.

— Но эти неуправляемые все же опасны для нас?

— Опасны, потому что воскресившая их сила имеет дикую, атавистическую природу. Если появляется возможность убить, они возвращаются под косвенный контроль своего номинального хозяина до тех пор, пока не совершат убийство. И эта сила прожорлива, она жаждет все новых тел. — Кабал посмотрел в подзорную трубу на рыжего некроманта. — Он намерен выпустить эту силу в наш мир, но надеется держать ее на поводке. Однако на самом деле он может контролировать своих кукол в радиусе двадцати трех тирумов, — это мера длины из той забытой цивилизации, которая и создала ритуал Эрешкигали. Двадцать три тирума — примерно три мили. Ну, если точнее, три мили без двенадцати ярдов и семи целых одной шестнадцатой дюйма.

— Однако, — продолжал Кабал, — для него это очень утомительное занятие. Рано или поздно он не выдержит и уснет. Тогда-то его и прикончат. Поводок лопнет, воскрешающая сила вырвется на свободу, и уже ничто ее не остановит. Я говорил вроде, что она жаждет заполучить новые тела?

До этого момента разговор об апокалипсисе в большой степени воспринимался как гипербола, однако теперь констебль Коупленд осознал его ужасный механизм.

— Он остановится, если заполучит… вас? Сможет отправить эту силу обратно?

Кабалу было интересно, сколько пройдет времени, прежде чем будет откровенно задан вопрос: «Что произойдет, если я толкну вас в лапы зомби?»

— Ритуал нельзя обратить вспять. Пока наш дилетант либо не осознает этого, либо верит, что сумеет управлять армией покойников. Говорю же, мы имеем дело с идиотом.

Коупленд обдумал слова Кабала.

— Вы хотите сказать, что в нашем распоряжении считаные часы, прежде чем катастрофа станет необратимой?

— Вот именно.

Кабал повел подзорной трубой. Увидел разгромленный карнавал перед зданием муниципалитета, надувных мультперсонажей, с высоты жизнерадостно созерцающих сцену бойни. Взглянул на покойников, поваливших из морга, и сделал вывод, что поиски прекращены. Оглядел церковь на той стороне улицы.

— На церкви есть флюгер. Хоть какой-то толк от этого дурацкого сооружения.

— Там и часы есть, — выпалил Коупленд.

Не отреагировав, Кабал направил трубу на мост, туда, где перед муниципалитетом сворачивало шоссе.

— Кажется, этот город примыкает к бухте?

— Мы же в устье реки, до моря меньше мили. А почему… — Полисмена осенило. — Вы хотите украсть судно?

Кабал опустил трубу и посмотрел на констебля. Разгадать выражение лица некроманта не представлялось возможным, но у Коупленда возникло странное ощущение, будто за этими синеватыми очками и даже за самими глазами что-то нарушено, чего-то не хватает.

— Констебль, похоже, мне не удалось прояснить для вас свои намерения. Пройдет очень мало времени, прежде чем зараза распространится и мир, который мы знаем, исчезнет навсегда. Мне, однако, этот мир нужен, и я не останусь безучастным зрителем и не сбегу, пока есть хоть крошечный шанс его сохранить.

Коупленд поморщился.

— Как вам удается придавать столь героическое звучание самым что ни на есть эгоистичным

поступкам?

— Досадно такое слышать, — невозмутимо отреагировал Кабал. — Вы служите в полиции. Можно допустить, что у вас при себе имеется кое-какая полезная экипировка, а не только дурацкий шлем, который остался в морге? Дубинка? Наручники? Блокнот?

Коупленд опять поморщился — ему нравился полицейский шлем, — но кивнул.

— Прекрасно. Ну, если сегодняшняя ситуация требует героизма, а я такой прожженный эгоист, тогда вы единственный кандидат…

И Иоган Кабал улыбнулся.

Быть могущественным магом оказалось гораздо легче, чем он себе представлял. Самой трудной частью плана было выследить Кабала в городе, а дальше все пошло как по маслу. Правда, он намеревался оживить лишь мертвецов в морге, а истребление карнавальной толпы стало для него сюрпризом — похоже, ритуал Эрешкигали имел более широкий спектр воздействия. Он не переживал из-за допущенной ошибки — с кем не случается? — тем более что победа была уже близка. Расширив до предела сферу своего влияния, он окружил зону поиска цепочкой зомби и пришел к приятному выводу, что даже мышь

не проскочит наружу. Остается лишь обыскать все оцепленные здания, и тогда — очень скоро — свершится месть. Лучше бы, конечно, поскорее, а то очень уж нелегко управлять такой оравой покойников.

Все произошло даже скорее, чем он ожидал. Перегнувшись через парапет муниципалитета, он посылал свои войска то в магазин, то в офис, как вдруг позади раздался голос, негромкий, с еле заметным немецким акцентом:

— Так это тебе я обязан самому нелепому покушению на мою жизнь?

Резко повернувшись, он обнаружил Кабала, которого ненавидел многие годы. Тот стоял с надменным видом и, похоже, ничуть не боялся.

— Иоган Кабал! Ты уже должен был стать мертвецом и моей марионеткой! — И рыжий некромант рассмеялся очень напыщенным смехом, который обычно ассоциируется с плащом, тонкими усиками и потрепанным цилиндром. — Но я рад, что ты еще жив.

Лишиться удовольствия лицезреть твою гибель — это было бы слишком!

— Я пришел не драться с тобой, кем бы ты ни был. Я хочу образумить тебя.

Кабал достал из кармана пружинный нож,

продемонстрировал его и уронил на усыпанную гравием крышу.

— Ты… не знаешь, кто я? — Злая гримаса исказила лицо рыжеволосого. — Кабал, я годами охотился на тебя, а ты даже не подозревал об этом? Глупец!

Удар грома в этот момент был бы идеальным дополнением мизансцены.

— Глупец — чересчур сильное слово в устах того, кто затеял все это ради расправы над одним человеком. — Кабал кивнул на толпу живых трупов.

— Ты не заслуживаешь быстрой и легкой смерти после того, что совершил. — Рыжий волшебник выпятил грудь, отчего прибавил в росте, и так весьма внушительном. — Проклятый убийца! Из-за тебя я лишился отца!

— В самом деле? — Кабал был рад хоть какой-то ясности. — Мои соболезнования.

Несмотря на специфику профессии и принцип невмешательства в массовую гибель людей, у Кабала отсутствовал мотив убивать тех, кто не был уже мертв, и он сильно сомневался, что недавний случай с мистером Биллингсом можно классифицировать как лишение жизни. У людей нередко разыгрываются нежные чувства по отношению к

усопшим родственникам, которых Кабал воспринимал не иначе как падаль. И кто знает, может, один из объектов его исследовательской деятельности и впрямь был отцом этого олуха?

— Весьма сожалею о том, что убил твоего отца, кем бы он ни был, — продолжал Кабал, — но не кажется ли тебе, кем бы ни был ты, что уничтожение человеческой расы несоразмерно индивидуальной мести?

— Кем бы ни был я?! — взорвался рыжий, для которого личное оскорбление явно значило гораздо больше, чем какой-то там геноцид. — Я твоя Немезида, Иоган Кабал! Я Руфус Малефикарус!

— Кто-кто?

— Да как ты смеешь? Ты убил моего отца!

Кабал закатил глаза.

— Ты продолжаешь утверждать, несчастный… — И тут до него дошло. — Малефикарус Великолепный? Фокусник?

Он рассмеялся. Надо же, какая нелепость.

— Ты заблуждаешься на мой счет, дружок. Я не убивал твоего отца. Он сам это сделал. Фактически дважды, что свидетельствует об определенном стоицизме.

Максимилиан Малефикарус Великолепный был иллюзионистом, но воображал, что владеет

магией, которая не ограничивается исчезновением кроликов и распиливанием улыбчивых красоток. В начале своей карьеры из столкновения с энергичным, хотя и в строгом смысле слова неживым Малефикарусом-старшим Кабал вышел со сломанной лопаткой, а Малефикарус не вышел вообще. Учитывая, что Малефикарус-старший немалый срок провел в мертвом состоянии, прежде чем воскресить себя, сын, скорее всего, помнил его весьма смутно.

Однако кровная месть, как известно, имеет свойство передаваться из поколения в поколение, не затрудняя себя поисками подходящего cassus belli.[33] Малефикарусу-младшему с его воспаленной фамильной гордыней показалось, что целая планета покойников — не такая уж большая цена за исцеление уязвленных чувств.

Или все же нет? Малефикарус нахмурил густые брови.

— При чем тут человеческая раса?

— Я имею в виду ритуал Эрешкигали. Помнишь возню с меловым кругом и ладаном? Все эти ходячие мертвецы определенно имеют к ней отношение. Неужели еще не понял?

---

[33] Примечания: 33

Юридический термин времен римского права: формальный повод для объявления войны *(лат.). — Прим. перев.*

— Не смей разговаривать со мной как с недоумком!

— Ты и есть недоумок! Малефикарус, тебе не приходило в голову, почему этот ритуал не вершится вот уже четыре тысячи лет? Посмотри вон туда, на ту сторону площади! Видишь, каких глупостей ты натворил?

Малефикарус посмотрел, но не увидел ничего. Кабал пришел в ярость:

— Вот же олух! Смотри! На кой черт тебе бинокль?

Малефикарус поднес бинокль к глазам, а потому не заметил, как у Кабала мигом пропал накал эмоций.

— Не вижу ничего необычного, — пробормотал Малефикарус, которому уже надоели зомби. — На что смотреть-то?

И в этот момент что-то узкое, металлическое обхватило его запястья. Он попытался высвободить руки, однако Кабал уже защелкнул наручники.

— Что это? Что ты делаешь?

— Спасаю мир, приятель. Прости, но я не могу рисковать. Конечно, многое зависит от того, насколько эффективно сработает местная полиция.

Говоря, Кабал пятился к той части парапета, которая возвышалась над задним двором. У края

он обернулся и посмотрел вниз.

— Надеюсь, вы готовы, констебль, — крикнул он, — а иначе нам всем конец.

Малефикарус недоуменно посмотрел сначала на Кабала, а потом на свои запястья. К наручникам была крепко привязана веревка. Он скользнул по ней взглядом — вдоль крыши и поверх парапета, у которого стоял Кабал. Подняв глаза, увидел в небе огромный шар — тот был привязан к стоящей на заднем дворе машине. Малефикарус наконец понял, что происходит, и кровь отлила от его лица.

— Нет! Нет!

Кабал ответил взглядом, полным жадного предвкушения. Долго ждать ему не пришлось. Внизу констебль Коупленд на мгновение оторвался от выталкивания зомби из машины, мысленно помолился, чтобы его узлы оказались не слабее, чем у Кабала, и ножницами по металлу перерезал удерживающую воздушный шар веревку. После чего снова повернулся к орде покойников и вонзил ножницы в тело, недавно бывшее его начальником. Даже если сейчас умру, мелькнула мысль, мечта всей жизни исполнена.

Воздушный шар взлетел слишком быстро, не дав Малефикарусу времени справиться с узлом.

Веревка натянулась, ноги некроманта оторвались от крыши. Пленник воздушного шара, имеющего форму гигантского кота, он поднимался все выше, корчился, звал на помощь, умолял Кабала пощадить его, однако господствующий ветер подхватил шар и понес в сторону моря.

Кабал же стоял, сунув руки в карманы, смотрел, как улетает враг, и бормотал себе под нос:

— Прощай, Руфус! Я не против, чтобы ты оставался в живых, пока не удалишься хотя бы на три мили от берега.

Когда зрелище перестало забавлять его, он перевел взгляд на толпу ходячих мертвецов. Их создатель удалялся в сторону горизонта, а они валились один за другим — сначала на том конце площади, а затем, плавной волной, все ближе к Кабалу. Что происходит с Малефикарусом, больше значения не имело. Когда рухнул последний зомби, ритуал Эрешкигали завершился.

Внезапно наступила тишина. Кабал посмотрел вниз, на сотни разбросанных по городской площади трупов, и с грустью покачал головой. Какая жалость, просто сердце разрывается! Столько свежего материала, но взять его уже не удастся.

Он подошел к краю крыши и увидел измученного Коупленда, стоящего в кольце трупов.

Почувствовав взгляд Кабала, тот прикрыл глаза от солнца и поднял голову.

— Мы по-прежнему в мире живых, констебль, — окликнул его Кабал.

Коупленд вскинул ножницы для резки металла и ткнул ими в Кабала:

— Вы задержаны, черт побери.

— Увы, существует и практическая сторона дела, о которой вы забываете. Не только ваши наручники улетают вдаль вместе с героем дурацких мультфильмов. Вы находитесь внизу, а я наверху. К тому времени, когда вы сюда доберетесь, я наверняка спущусь по запасному маршруту и удеру со скоростью, достигнутой долгой практикой. Ваше право пытаться задержать меня всеми доступными способами остается в силе, но не хотелось бы, чтобы вы, потерпев неудачу, испытали разочарование.

И все же, несмотря на это пожелание, Коупленд был разочарован.

перевод Б. Жужунавы

Дэвид Фарланд
ПИЩА СВИРЕПЫХ ЧАД

Дэвид Фарланд — автор цикла-бестселлера «Властители рун» («Runelords»), начинающегося одноименной книгой и заканчивающегося восьмой по счету, «Chaosbound», вышедшей в 2009 году. Фарланд публиковался и под своим настоящим именем Дэйв Волвертон, например, издал книгу «На пути в рай» («On My Way to Paradise») и несколько романов по вселенной «Звездных войн», в том числе «Выбор принцессы» («The Courtship of Princess Leia») и «Становление силы» («The Rising Force»). Рассказы Дэйва Волвертона печатались в антологиях «Peter S. Beagle's Immortal Unicom», «David Copperfield's Tales of the Impossible», «War of the Worlds: Global Dispatches», журналах «Asimov's Science Fiction», «Intergalactic Medicine Show». Дэйв Волвертон — победитель конкурса «Писатели будущего», финалист премии «Небьюла» и премии Филипа К. Дика.

В мультфильме «Последний единорог», снятом по классическому роману Питера С. Бигла, страдающий насморком магнеудачник Шмендрик предупреждает: «Войся воспутить гнев вешепника… то есть разпутить вошеника… в общем, не зли колдуна!» Хороший совет, поскольку у волшебников весьма богатый и крайне неприятный арсенал орудий мести.

Прогневавший Владычицу Озера Мерлин оказывается заточенным в хрустальном гроте. В романе Роберта Асприна «Еще один великолепный МИФ» шутки магов друг над другом делаются все жестче и в конце концов навсегда лишают одного из чародеев волшебной силы. В романе Стивена Кинга «Худеющий» толстяка проклинает ведьма, и тот неотвратимо, необъяснимо худеет (в отчасти схожем по сюжету, хотя и в более легкомысленном фильме «Мой демонический любовник» проклятый колдуньей паренек Кац превращается в монстра при сексуальном возбуждении).

Наш следующий рассказ тоже о бедняге, имевшем неосторожность вызвать гнев

могучего волшебника. Не вредно лишний раз напомнить о том, сколь неразумно вопутить вошеника… пардон, разозлить колдуна.

Янь проснулась до рассвета. Взмокшая от пота рубашка облепила груди. Янь лежала в кровати, не желая пошевелиться, чтобы не разбудить трехлетнюю сестренку. Малышка свернулась клубочком, уткнулась лицом в грудь Янь. Девочка проснется голодной — она всегда голодна. А Янь не хотелось вставать и варить рис.

Вдалеке заворчал гром, словно охотящийся тигр; у окна зашелестел на ветру бамбук.

Ей приснился Хуан Фа. Лишь несколько лет назад проторили Великий шелковый путь в Персию, и прошлой весной Хуан Фа отправился туда ради нее, Янь. Близится зима, скоро на склоны Гималаев ляжет снег. Если Хуан Фа не вернется к той поре, значит придется ждать до следующего года — зимой перевалы непроходимы.

Во сне Янь видела его ясные искристые глаза. В них отсвечивала луна. В саду сверчки тоскливо призывали любимых, плескались карпы в пруду.

— Я вернусь и привезу много серебра, — обещал Хуан Фа. — Когда твой отец увидит богатство,

наверняка не откажет мне.

Хуан Фа низкороден, он из семьи торговцев рыбой — и смеет надеяться на руку и сердце дочери уважаемого семейства, владеющего большими угодьями. Чтобы претендовать всерьез, ему следует обзавестись землей, стать солидным, почтенным человеком.

Его тихий хриплый голос слышался во сне с необыкновенной отчетливостью, будто Хуан Фа стоял у кровати. Оттого Янь бросило в дрожь, у нее сладко затрепетало под сердцем. В свои пятнадцать Янь влюбилась впервые, мучаясь тоской и желанием, томясь и страдая.

— Первая любовь девушки — самая драгоценная, — сказала однажды мать. — Если очень повезет, мужчина твоей первой любви останется единственным, первым и последним для тебя.

Янь вдохнула глубоко. Мелькнула надежда: вдруг Хуан Фа и в самом деле приходил ночью и у кровати остался его запах. Но в ноздри проник лишь аромат утренней грозы.

Где же теперь Хуан Фа?

Думая о нем, Ян прошептала молитву Красному государю, богу солнца Янь-ди.

— Где бы ты ни был, любимый, встречай рассвет, вспоминая меня!

Земля Алтайских гор была темна, черные камни лежали на черных же скалах, и лишь изредка пробивались среди них чахлые кусты и травы.

Хуан Фа шел сквозь предрассветный сумрак, пылая лютой злобой. Попытался вспомнить о Янь — но ярость и боль изгнали ее образ. Сотня ли, пройденная пешком холодной ночью в горах, ожесточает душу. Хуан Фа шатался от слабости, ледяные ветры, разогнавшиеся над каменистыми склонами, выстудили тело. Осталась лишь одна сандалия, и он ковылял как мог. Сколь же насмешлива судьба! Натертые на обутой ноге волдыри полопались и закровоточили, и та болела сильнее, чем нога босая.

Прежде чем солнце пронзило первым лучом дымно-серое небо, Хуан Фа заметил свою чалую кобылицу, глядящую уныло на голые скалы. Ветер трепал ее пышную гриву и длинный хвост. Подлые конокрады привязали ее к единственному дереву на три ли вокруг, а сами улеглись под ним спать. Целых десять часов, бредя в ночи, Хуан Фа представлял свою месть и смерть негодяев.

Вдруг он ощутил локтем касание.

— Ты уверен, что хочешь сделать это? — прошептал безымянный монах.

Хуан Фа замер, затем обернулся к монаху — чер-

ному силуэту среди сумрака. На чисто выбритом темени — блик лунного света. Монах оставил имя вместе с прежней жизнью.

— Эти варвары — не убийцы! — прошептал он настойчиво. — Они пощадили тебя, забрали имущество, но сохранили жизнь. Лишить их жизни — значит отплатить за сострадание злом.

— Негодяи думали, что крадут только лошадь, но они ошиблись, — возразил Хуан Фа. — Вскоре откроют седельные мешки и обнаружат драконий зуб…

Монах спорить не посмел. Знал: варвары ни за что не расстанутся со столь великим сокровищем.

Но драконий зуб мало значил для Хуан Фа. Он хотел вернуть свою кобылицу. Варвары не представляют ценности такой лошади. Они поедают коней, словно кур. Даже если не забьют, выждут, пока ожеребится, и будут делать из молока отвратительный дурманящий напиток.

Хуан Фа решил во что бы то ни стало вернуть лошадь. И он не оставит обидчиков в живых.

Страх сжимал его сердце. Сколько же здесь врагов? Непонятно… Следует применить волчью тактику великого мудреца-воителя Цзян Цзыя: атаковать неожиданно, в самом уязвимом месте.

Пошел крадучись сквозь каменистую пустошь. Лишь изредка стебли травы касались его беззвучно ступающих ног, неслышно скользили по одежде, сотканной из мягкого шелка.

Хуан Фа бросился в атаку.

Сторожил варвар, одетый в мохнатую накидку из шкуры мускусного быка и меховую шапку. Но дерзкий вор пренебрег обязанностью, заснул, привалившись спиной к корявому стволу почти безлистного саксаула. Негодяев оказалось двое. Второй лежал рядом, завернувшись в одеяло. Костра они разводить не стали.

В сумраке разнесся крик. Хуан Фа отметил мимоходом: это улар. Он проснулся и слетел со скалистой вершины, чтобы спрятаться среди камней. На юге, в горах за студеной бурной рекой, завыл волк.

Купец шагнул к спящему варвару, выдернул из расслабленных рук свой же бронзовый топор и обрушил на лицо, не дав преступнику шанса вскочить на ноги. Тот, залитый черной в сумраке кровью, захрипел — и все же попытался встать. Хуан Фа ударил по темени, приканчивая.

Кривоногий приятель вора пробудился. Заорал, выскочил из-под одеяла и прыгнул за камни, словно тушканчик.

А, хочешь побегать наперегонки с бронзой? Купец ухмыльнулся и швырнул топор. Удар в левое легкое швырнул варвара наземь, лишив всякого желания драться.

— Ты думал, это весело, украсть у человека лошадь и сандалию? Посмейся теперь! — прорычал Хуан Фа и размозжил врагу голову.

Все же убивать — скверно. Расправа над сонными еще не скоро сотрется в памяти. И даже если ты шутишь, разя второго врага, легче на сердце не становится. Проклятые конокрады.

Перевернув злодея на спину, Хуан Фа удостоверился: не дышит.

И вдруг торговцу стало нехорошо. Вор оказался мальчишкой, лет тринадцати от силы, чье тело едва приняло взрослые пропорции. Он лежал на спине, уставившись мертвыми глазами в предрассветную серость. Зубы подпилены — треугольные острые клыки, на лице татуировка: темный древесный ствол от подбородка до лба. От ствола по щекам, скулам и лбу тянутся ветви. Мальчик носил на коже священный символ, Древо Жизни.

Хуан Фа пожалел, что увидел это лицо. Возможно, мальчик — шаман. Купец подошел к другому варвару. И у того зубы заточены, а на лице пле-

менные знаки. И тоже совсем молоденький.

Хуан Фа подумал, что лишь пять лет назад был в таком же возрасте.

И слов не хватит описать, как встревожил и расстроил вид убитых. Хотя желудок был пуст, купец отковылял в сторону и постоял нагнувшись, пока сердце не перестало колотиться в груди, пока не прекратила толкаться в глотку желчь. Не хотелось глядеть в лица мертвецов.

— Боцзин! — позвал он кобылицу. — Как ты?

Шагнул ближе, чтобы уловила запах. Она ткнула влажным носом под мышку, купец благодарно погладил ее шею. Славная лошадка, лучше тебя в целом мире нет… Купил ее у банды варваров-арабов, и уж здешним горным лиходеям отдавать на съедение такое чудо постыдно.

Погладил нежно бок. Неделями вел ее в поводу через горы, боясь, что от тяжести всадника она потеряет жеребенка.

Проверил седельные сумки, вытащил левую сандалию и сказал мертвым варварам: «Ха-ха-ха».

Скудные запасы еды сохранились, конокрады лишь доели сморщенные сушеные яблоки. Но серебро осталось вместе с драгоценным умащеньем из ладана для Янь, опиумной смолой и

драконовым зубом для продажи аптекарям.

Монах наконец осмелился подойти к месту убийства.

— Можно мне приготовить для нас немного бобов? — спросил робко.

Хуан Фа разозлился. Монах-то не трус. Добрался сюда аж из Персии, а ведь люди императора Цинь запросто отрежут даосу язык. Император не жалует ни буддистов, ни даосов.

Но ведь монах отказался помогать в бою. Конечно, на того, кто не может убивать живое и не ест мяса, в серьезной переделке рассчитывать заведомо не приходится. Но теперь, после жуткой ночи, Хуан Фа не более симпатизировал даосу, чем император. К демонам святош и их смирение!

— Нельзя! — буркнул купец.

Монах лишь смиренно поклонился в ответ.

Удовольствовавшись такой покорностью, Хуан Фа развел костерок. Хвороста было не найти, пришлось обойтись сухим пометом диких ослов — по весне они забредали сюда с юга. Вскоре огонь заполыхал драгоценным камнем. В его свете среди позлащенной бликами травы под деревом обнаружился выбеленный солнцем череп огромного быка. Широкие, когда-то черные

рога подернулись пепельной серостью. На черепе обнаружились нацарапанные углем строчки:

За священные горы
Садится холодный месяц.
Мои руки мертвеют от стужи.
Не сюда ли боги
Ползут умирать?

Хуан Фа глянул вниз, к подножию гор, и действительно увидел на юго-востоке садящийся месяц. Казалось, лунный диск далеко внизу, и купец смотрит сверху, словно бог среди облаков. Месяц колебался в сиреневом сиянии рассвета, уподобляясь жемчужине под водой, блестел, медленно опускаясь в туман. Склоны на много ли покрывал черный бесплодный камень. Где-то впереди должны светиться костры последнего в этом году каравана. Его следовало догнать — едва ли он опередил больше чем на пару-тройку дней.

Уставший до смерти купец завернулся в одеяло варвара и попытался уснуть. Но лица убитых мальчиков пришли кошмарами в сон, сделали его зыбким и тревожным. Во сне множество горских детей окружили стоянку, жестоко смеясь, готовя месть.

Горы Алтая черны, но пустыня у их подножия рыжая. Рыжие там и песок, и скалы. Стебли редкой травы покрывает буроватая пыль.

Купец и монах пришли, ведя за собой кобылицу, в обнесенное глиняными стенами торговое поселение Урумчи на краю пустыни Такла-Макан.

Два дня Хуан Фа не мог уснуть. Ночами видел кружащих в траве мстительных духов, днями ощущал себя разбитым и сонным.

В каждой душе совмещаются инь и ян. Каждая балансирует меж светом и тьмой. Если поддался тьме, следует восстановить равновесие.

Эта мысль утешила. Душу радовали привычные крики петухов, глаз — вывешенные на просушку шелковые одежды на кустах у глинобитных хижин. Ноздри щекотал аромат тушеных бобов с курятиной. А еще радостнее ощущать себя за стенами крепости, пусть и красными, подобно пустыне.

В крепость Хуан Фа пошел доложить о случившемся. Убийство преступников, пусть всего лишь двоих мальчишек-конокрадов, — не мелочь. Зло наказано правомерно, все должны об этом узнать — иначе не избежать возмездия.

Купец за себя не тревожился. Он здесь всего лишь прохожий. Через полтора месяца окажет-

ся в безопасности, в своей родной усадьбе близ озера, с чудесной кобылицей в стойле и выкупом за Янь.

А вот здешние купцы и поселенцы останутся среди варваров. Селились в этих краях большей частью камнерезы, работавшие с нефритом, который добывался у подножия Черных гор. Но с каждым годом сквозь Урумчи проходило все больше караванов, направляющихся в Персию и Грецию. Караванщики и содержатели гостиниц платили варварам немалые деньги за возможность без опаски пересекать их земли и потому имели право знать о преступниках, нарушивших соглашение и заплативших за то жизнью.

Хуан Фа явился к начальнику гарнизона, зажиточному и влиятельному человеку, носившему широкий золотой пояс, полагавшийся его званию, поверх многослойного панциря из красного шелка. Чун Дэмин сидел подле большого обшарпанного дома и поедал жидкую кашу из красной керамической миски. Начальник был совершенно сед, а бороду имел такой длины, что, должно быть, считал себя ровней императорским сановникам.

Рядом, будто жена, сидела на корточках варварка в одеяниях из ярко-синего шелка. Хуан Фа

почтительно поклонился, сцепив руки, приблизился, дождался позволения и поведал о деле.

Выслушав новости, Чун Дэмин встревожился.

— Убил двоих мальчишек? — спросил он сурово, пронзая купца взглядом. — Из какого племени?

Тот пожал плечами. Столько за последние месяцы встречал варваров, что и внимание перестал обращать на их принадлежность к племенам и родам. Да их как рыбы в море!

— Как они выглядели?

— Совсем юнцы, — ответил Хуан Фа простодушно. — Ярко-фиолетовые штаны, зубы подпилены до остроконечности, на лицах вытатуирован символ Дерева Жизни. У одного — охотничье копье, — купец показал дротик с острием из темно-зеленого нефрита, — у другого — лук из рогов дикого быка.

Чун Дэмин погладил задумчиво бороду.

— Орочоны. Да, я сразу так подумал. Обычно они люди мирные, пасут коз и овец, их и едят, да еще охотятся на диких ослов. Но стада поразила страшная язва, и уже много месяцев варвары голодают… Прошлой весной пытались ограбить караван. Воины из них плохие, неумелые. Караванная стража быстро с ними расправилась, а

удравших выследили мои люди. Пять дней шли за ними, настигли близ стойбища, у их же юрт. Наехали колесницами, изрубили алебардами. Истребили всех мужчин — но сердца наши переполнила жалость, мы пощадили женщин и детей…

Старик замолчал, и Хуан Фа глянул вопросительно на молодого монаха. Тот печально качнул бритой головой и спросил:

— Неужели ваше милосердие не обратилось им на пользу?

— Я надеялся: уйдут назад, в горы, где сородичи дадут им пищу, — ответил военачальник скорбно. — Они не ушли. Боюсь, они обречены. Опиши убитых тобою мальчиков! — приказал сурово Чун Дэмин.

— Один — низкорослый, кривоногий, узкоглазый. Другой — статный и красивый, в ожерелье из нефрита и медвежьих зубов.

Чун Дэмин помрачнел, уставился задумчиво в миску с кашей. Начальник долго молчал, затем подул, отгоняя пар, — но есть не стал.

— Стало быть, это Чуулун, сын Баатарсайхана, — выговорил он, боязливо понизив голос. — Ты слыхал о Баатарсайхане?

Имя закопошилось в рассудке купца, словно

крыса в норе.

— Кажется, припоминаю…

— Его имя значит «Прекраснодушный герой», тот, кто побеждает без боя, — сказал Чун Дэмин, не слушая купца. — Он горбун, могучий чародей, убивающий не топором либо стрелой, но магией. Наиопаснейший человек в здешних горах. Его старшие сыновья погибли прошлым летом, когда мы напали на стойбище у реки Байдэ Гунню.

— Ох, — выдохнул монах, понявший, насколько ужасно известие.

— Мальчик, убитый тобою, — воспитанник Баатарсайхана. — Голос Чун Дэмина звучал хрипло и полнился горечью. — Теперь у чародея нет детей. Почему ты не пощадил щенков? Они всего лишь хотели накормить умирающих от голода родичей. Ты мог просто забрать свою лошадь.

Хуан Фа смотрел на старого воина, от стыда не в силах выговорить и слова.

— Я… я же не знал об их нужде, — выдавил наконец. — И не хотел, чтобы они напали снова. Полководец, кому, как не вам, знать: лишь глупец щадит врага.

— Ну что ж, — вздохнул старик, — раз ты страшишься возмездия, оно придет к тебе. На твоем месте я бежал бы отсюда со всех ног. Последний

в году караван прошел здесь всего два дня назад. С ним путешествует мудрец. Возможно, он сумеет защитить тебя. Если поторопишься — догонишь. Но отправляться следует прямо сейчас. Баатарсайхан вне себя от ярости, а чары его разят далеко…

— Прошу прощения… — выговорил неуклюже Хуан Фа, которому вдруг пришла идея.

В самом деле, караванщики каждый год платят дикарям, а среди тех, говорят, жизнь стоит немного.

— А можно отослать варварам подношение? Плату за мир?

— Думаешь, всех сокровищ земли хватит, чтобы успокоить его гнев? — спросил монах.

Да уж, в седельных сумках Хуан Фа едва ли нашлось бы сокровище, стоящее жизни единственного сына. Серебро — мягкий металл, у варваров оно ценится куда меньше, чем бронза. А пряности и опий… сомнительное подношение.

— У меня есть зуб дракона, найденный в Персии. Он стоит много лошадей.

Купец подошел к кобыле и вынул из сумки зуб дракона: почти в чи длиной, зазубренный, кривой, будто азиатский кинжал. Хуан Фа видел заключенный в камень драконий череп, откуда и

выдернули зуб. Прежний владелец отполировал его, и древняя кость светилась, будто солнечный камень линхунь ху.

— Возможно, такая плата и умилостивит чародея, — отметил Чун Дэмин задумчиво. — Для него это большая ценность.

Четыре дня купец и монах шли за караваном по травянистой степи у края пустыни, ведя кобылицу в поводу. Раньше здесь паслось множество куланов, огромных диких быков, оленей; на них охотились гепарды. Но за последние двадцать лет прошло много караванов, с каждым годом все больше. Стада перебрались подальше отсюда, а злая язва убила оставшихся. Люди поговаривали, что караваны же язву и разнесли. Все знали: эта напасть передается вместе со шкурами умерших от нее животных.

Теперь рыжие равнины казались запустелыми, почти безжизненными. За два дня Хуан Фа заметил лишь несколько страусов и пару огромных слонов. Их люди императора умудрялись отлавливать и дрессировать для битвы, наводя ужас на врагов. На таких громадин варварам трудно охотиться. Страусы кажутся легкой добычей, но они слишком проворны, всегда успевают отбежать, стрелой их достать непросто. Повелители здеш-

них равнин, слоны, весили раза в четыре больше недорослых индийских собратьев, а бивни имели ржаво-красные, длиною в три бу. Слоны-самцы иногда приходили в бешенство и даже нападали на людей.

Хуан Фа страшился идти мимо этаких чудищ и с караваном. Теперь же, когда он шел всего лишь с монахом и лошадью, соседство исполинов ужасало. Но, к немалому удивлению купца, огромные самцы лишь втягивали воздух хоботом и возбужденно хлопали ушами. Не били ногами о землю, не швырялись вырванной травой. Не нападали.

Все же путешественники держались от них подальше и старались отдыхать поменьше. Хуан Фа так спешил догнать караван, вернуться домой, к Янь, что не останавливался даже на ночлег, все шагал и шагал в темноте.

Монах почти не разговаривал. Упорно топал рядом, глядел перед собой, бормотал сочиненные на ходу стихи.

Хуан Фа же еле переставлял ноги, клевал носом, воображал сладость объятий Янь.

И вдруг увидел детей. Диких, свирепых.

Десятки их сидели вокруг костра в большой пещере. Истощенные создания: вспученные животы, кожа обтягивает кости. На голых спинах

татуировки змееголовых ящеров. Лица — словно черепа с присохшей кожей, остро заточенные зубы.

Разные дети — от совсем маленьких, едва умеющих передвигаться, до без малого юношей и девушек. Почти нагие.

Двое заметили чужих, принялись толкать соседей. Те оборачивались, но показалось, что разглядеть пришельцев издали способны далеко не все.

Внезапно посреди костра явился чародей, словно выпрыгнув из пламени, — в красной яшмовой маске демона, в плаще из тигровой шкуры. Танцевал среди огня, ступал на раскаленные угли без видимого вреда для себя. В правой руке сжимал трещотку из черепа огромной кобры, в левой — драконий зуб. Чародей пел, танцуя, голос его дрожал, то затихая, то наливаясь силой, и полнился скорбью.

Дети хором выпевали непонятные слова, звучно били правым кулаком в левую ладонь, и казалось, все больше орочонов могут видеть Хуан Фа, ощущать его присутствие. Варвары оборачивались, всматривались с любопытством. Купец заметил, как у совсем маленькой девочки течет по подбородку слюна, сочится изо рта, полного

острых клыков.

Вдруг чародей, прервав пение, прорычал заклятие — и швырнул драконий зуб сквозь мглу. Дремлющий Хуан Фа дернулся в кошмаре, стараясь уклониться. Зуб ударил плашмя в грудь.

Купец открыл глаза.

Остановился. Взбудораженное дурным сном сердце бешено колотилось в груди. Сказал себе: «Причина кошмаров — больная совесть. Пройдет время, и все забудется».

Вечернее солнце рождало огромные, уходящие вдаль тени. Хуан Фа оглянулся и увидел его, катящееся за край мира. Солнце висело под облаками, похожее на багровый зловещий глаз.

— Ох, какой жуткий мне приснился сон, — прошептал купец даосу, не в силах забыть привидевшийся страх.

— Расскажи, — возможно, я сумею понять его значение, — предложил монах.

Кошмар сверхъестественно походил на явь. Хуан Фа даже чувствовал, куда ударил драконий зуб. Дотронулся — и обнаружил его, запутавшегося в шерсти овчинной куртки!

Монах вскрикнул.

Купец, дрожа, обернулся, отыскивая бросившего, — но вокруг лишь море колышущейся под

ветром травы. Никого.

Тогда он понял. Чародей швырнул зуб за триста ли.

— Тут и ученый толкователь снов не нужен, — сказал печально монах. — Чародей отверг твое подношение.

Пришла тьма, а с нею волчий вой и крики охотящихся диких котов. Монах с купцом вскарабкались на холм и с его гребня заметили вдалеке яркие шелковые палатки каравана. Остроку-польные, на арабский манер сделанные шатры освещались изнутри лампами и жаровнями, и каждый сиял в ночи диковинным самоцветом, светился рубиново-алым, сапфирово-синим, бледно-розовым, словно турмалин, искристо-белым, точно алмаз. Они влекли и манили, но Хуан Фа и шагу не мог ступить, ноги налились свинцом.

— Одна ночь ходьбы, и мы догоним караван, а с ним и мудреца, — выговорил купец.

— Смилуйся! — взмолился монах, сгибаясь и упираясь руками в колени, чтобы перевести дух. — Звезды так тусклы сегодня…

Верно — над головой расстилалась туманная дымка, за нею почти не различалась Небесная река. Хуан Фа запасся изображенной на шелковом полотне звездной картой, помогающей ночью

отыскать дорогу в пустыне, но сейчас карта бесполезна.

— Остановимся, отдохнем, — предложил монах. — Если бездумно бежать в темноте, наверняка свалишься в яму.

Купец прикинул, можно ли набрать сухой травы и сделать факел. Хм, факел соорудить нетрудно, а стоит ли? Внимание привлечешь. И так ощущение, будто глядят в спину. Он даже обернулся, проверяя.

Этой ночью снова явились свирепые дети. Они шли следом. Охотились на него, Хуан Фа.

Во сне он увидел сперва полную луну, яркую, словно зеркало чеканного серебра, и в ее свете разглядел удивительное, величавое, могучее животное. Лось — либо очень похож на лося. Мех его казался белей хлопка, голова возвышалась на два человеческих роста. На рогах множество отростков, а размах и ширина таковы, что уляжется высокий мужчина. Сперва подумал: меж большими отростками паутина. Однако потом заметил: это кружево тонких роговых волокон. Никогда подобного не видел у лосей.

Чарующий, волшебный зверь! Сколько силы, царственной мощи, величия!

За спиной послышался шорох — кто-то проби-

рался сквозь высокую траву. Купец обернулся и успел заметить шмыгнувших в стороны детей, нагих, крадущихся на четвереньках подобно волкам, выслеживающим раненого горного козла. За кем они охотятся? За волшебным лосем? Или за купцом по имени Хуан Фа?

Во сне нарвал сухой травы, связал в пучок, высек ножом искры из кремня. Поднял запылавший факел над головой, надеясь отпугнуть свирепых детей, но те лишь зарычали хрипло, подбираясь ближе. Их глаза отсвечивали во тьме, словно кровавые рубины. Дети скалили сточенные, превращенные в клыки резцы, в руках блестели кинжалы из зеленой яшмы.

Много детей. Иные ростом почти со взрослого, другие — малыши.

Во сне монаха не оказалось рядом, и напуганный Хуан Фа вскричал:

— Друг мой, где ты?

— Я избрал Путь. Тебе тоже следовало ступить на него, — донесся издали голос.

Утро пришло тяжелое, мрачное. Купец проснулся оттого, что монах настойчиво тряс, ухватив за плечо.

— Происходит дурное, скверное! — прошептал монах.

Хуан Фа ощутил это, даже не открыв глаза. Воздух казался удушливым, мертвым. Подумалось отчего-то: до рассвета еще далеко, можно полежать, укутавшись в одеяла.

— Солнце уже взошло, — сообщил монах, — но день темен и страшен. Я такого отродясь не видал. Грядет буря.

Хуан Фа глянул, прищурившись. Мир заполняла красная муть, от земли до небес. А на горизонте красной стеной встала грязная туча, уходившая ввысь, затмевавшая солнце. Свет не мог пробиться сквозь нее, день превратился в ночь. На месте солнца виднелось только размытое пятнышко, рыже-бурое, тусклое.

— Друг мой! — вскричал купец, вставая. — К нам летит Желтый ветер!

— Желтый ветер? — спросил монах удивленно.

— Да, страшная песчаная буря из пустыни Гоби! В детстве я уже видел Желтый ветер, пришедший в мою деревню. Но здесь он куда страшней! Скорее бери одеяла! Я поведу лошадь. Нам нужно укрытие, и срочно!

Привязанная к деревцу кобылица стояла, прижав уши, и глядела на восток. Глаза ее полнились тоской и усталостью. Правая передняя нога согнута в колене, словно болит разбитое копыто.

Кобылица фыркала, дыша тяжело, мышцы ее шеи дергались судорожно.

Купец протянул руку к ее носу — горячий, сухой. Лошадь дрожала в лихорадке, она не откликнулась на прикосновение: не ткнулась нежно в руку хозяина, не отдернулась робко. Словно тот не дотронулся вовсе, стал неощутимым призраком.

Она закашлялась, стараясь выбросить слизь из легких.

— Не касайся! — предупредил монах. — У нее язва. Я много раз видел, как животные болеют ею.

Хуан Фа глядел на приближающуюся бурю с ужасом почти благоговейным. Никогда прежде не доводилось видеть такого буйства, такого размаха стихии, обратившей день в ночь, вздыбившей пыль выше грозовых туч, захватившей полмира. Буря двигалась, ползла через степь, влекомая чудовищной внутренней силой, — а перед стеной пыли царило почти полное безветрие.

— Прикрой ноздри тканью, иначе пыль забьет глотку, — посоветовал купец. — Когда буря настигнет, не вздумай останавливаться, иди во что бы то ни стало. Если ляжешь, похоронит в пыли.

Монах, молоденький, тощий, слабосильный, выглядел напуганным.

— Может, убежим? Она медленно движется!

— Быстрей нас. А если побежим, нагонит усталых. Единственное спасение — караван впереди.

Монах глянул, прищурившись, на караванный след, присмотрелся к куче камней вдалеке. До нее примерно ли. От ветра там можно кое-как укрыться, но не более того.

— Пойдем же скорей!

Хуан Фа погладил лошадь, отвязал.

— Оставь ее, — прошептал монах. — Она лишь замедлит нас, а жить ей осталось недолго. Если доберемся до каравана, от нее могут заразиться другие.

— Я не могу ее оставить! — возразил купец.

В самом деле, она же его богатство, его будущее. Хотя серебра хватит заплатить отцу Янь, кобылица стоит намного дороже.

— Она поправится! Даже язва не всегда убивает.

Монах пожал плечами — поступай как знаешь.

Купец потянул за веревку, но кобылица не двинулась. Тогда обнял ее за шею, прошептал: «Боцзин, пойдем. Пожалуйста».

Она стояла, стригла ушами. Понимала, чего хочет хозяин. Сделала неверный шаг, покачнулась.

— Это проклятие чародея! — выкрикнул то-

ненько Хуан Фа, заламывая руки.

Монах попробовал успокоить:

— Иногда буря — всего лишь буря. И болезнь — просто болезнь. Такое не по плечу даже знаменитому чародею вроде Баатар-сайхана.

Купец понурился, отчаянно убеждая себя в правоте монаха. Но ведь драконий зуб… Чародей швырнул его за сотни ли!

Вздохнул, вынул из седельной сумы потрепанную соломенную шляпу, обвязал лицо тряпицей. Шагнул навстречу буре.

— Вспомни, где в последний раз видел караван, — предложил монах. — Следует идти прямо к нему.

Хуан Фа осмотрелся — но направления так и не определил. А потому последовал за монахом. Сумрачный занавес рыжей пыли медленно подкатился к ним — и поглотил целиком.

Все утро монах и купец брели сквозь бурю. Колючая пыль ранила глаза. Хуан Фа лишь чуть приподнимал веки — и все равно она терзала, выдавливала слезы.

Она забивала ноздри, выползала тягучей бурой слизью, мешала дышать. А чуть открыл рот — грязь заполнила глотку, заставляя судорожно кашлять. Лютая мука! Раньше он и вообразить не

мог подобного ужаса.

Сверхъестественно тонкая летучая пыль пролезала всюду, превращала одежду в наждак, истирала кожу, набивалась во все отверстия и выемки.

Оставалось лишь упрямо ступать, переставлять по очереди ноги. Монах то и дело оборачивался, подходил к купцу, упорно тянущему лошадь. Та спотыкалась, упрямилась — болезнь и буря отбирали силы.

Держаться на ногах Хуан Фа помогала лишь мысль о Янь, ожидающей в конце пути.

Караван оставлял за собой хорошо заметный след, но пыль быстро укрывала все ровным буроватым ковром, затопляла следы. Она набивалась в легкие, и в груди будто перекатывались неровные камни.

Кобылица шла недолго.

— Что случилось?! — закричал монах.

Хуан Фа завертел головой, всматриваясь, но не увидел спутника, пока тот не вынырнул из пыли всего в десятке чи.

— Боцзин! — запричитал купец.

Монах подергал за веревку, чертыхаясь, — напрасно. Боцзин стояла как вкопанная, фыркая и кашляя. Хуан Фа приложил ухо к ее груди,

послушать легкие, — и кобылица решила, что хозяин отпустил ее, не желает больше мучить. Упала на колени, затем повалилась в рыжую пыль — умирать.

Хуан Фа не захотел покинуть Боцзин, оставить перед смертью одну. Накинул на морду плащ, надеясь защитить ее легкие от пыли. Опустился рядом на колени, долго гладил, шептал добрые слова.

— Оставь ее! — взмолился монах. — Не трогай! Язва перейдет на тебя!

— Я не могу ее бросить! — прокричал купец в ответ.

Но и сам уже понял: безнадежно. Хотел лишь утешить дорогую спутницу перед смертью.

— Принцесса моя, прости, — шептал снова и снова, гладя жесткую от пыли шерсть.

Мучимая бурей и язвой, лошадь умерла через час.

А тогда Хуан Фа снял седельные мешки с нажитым добром и поковылял дальше.

Закрыл изрезанные пылью глаза, позволил монаху вести.

Когда открыл, вокруг было темно. Может, потерял счет часам и уже настала ночь? Затем понял: он ужасался, стоя всего лишь на краю бури, а

теперь она разыгралась в полную силу. Прежний ветер казался игрушкой по сравнению с нынешним, пыль накатывала волнами, захлестывала. Дымка, прятавшая солнце час назад, сгустилась, грозя загасить солнечный свет.

Хуан Фа подумал, что проклятие настигло его. Так хотел спасти кобылицу — и чародей вырвал ее из рук. Сколь же свиреп «Прекраснодушный герой» Баатарсайхан!

Он ковылял вслепую, ведомый монахом, чья способность ориентироваться среди рыжей мути казалась сверхъестественной. Купец из-за пыли не смог набрать в легкие воздух и подумал, что, вопреки всем усилиям, обречен задохнуться среди бури.

Кашляя, укрывая голову плащом и не видя ничего вокруг, он упал на четвереньки, пополз, держась за рукав монаха. И вдруг рука ткнулась в упругое. Это же шатер!

Монах склонился, распутывая завязку на пологе, приподнял его — и оба странника ввалились в убежище, где сидело несколько торговцев, одетых в лучшие образцы своего товара, в шелка, расцветками подобные певчим птицам и бабочкам. В шатре сиял золотой фонарь, купцы восседали вокруг него на подушках и пили чай.

Даже под тканью воздух наполняла тончайшая пыль. Благородного вида ученый муж глянул пристально на Хуан Фа, словно узнал, и объявил:

— Вот, почтенные господа, обещанные мною гости. Как я и говорил, один свят, другой проклят.

Торговцы шелком уставились на пришельцев в изумлении.

— Невероятно! Посреди такой страшной бури! — вскричал один, а двое захлопали в ладоши, радуясь удивительному событию.

Ветер лютым демоном завывал снаружи, рыжая пыль висела густым туманом. Хуан Фа не сводил воспаленных, слезящихся глаз с мудреца-евнуха, чье лицо, несмотря на отсутствие бороды, казалось величественным и властным.

— Не следовало давать Баатарсайхану зуб дракона, — заключил мудрец, выслушав рассказ о невзгодах купца.

Прошло уже несколько часов с того времени, как странники укрылись в шатре, — но лишь теперь Хуан Фа смог отдышаться, рассказать о себе и взмолиться о помощи. День заканчивался, солнце уходило за горы среди оранжевой плотной мути. Торговцы шелком лежали в шатре, обуянные странной сонливостью, утомленные самим дыханием. Бодрствовали только мудрец

да монах с купцом.

— Если чародей завладеет принадлежащим тебе, тем, чего ты касался, — получит власть над тобой, — сказал мудрец.

— Господин Вэн, я всего лишь хотел умилостивить его подношением!

— Он не простит тебя вовеки! — объявил мудрец, понурясь.

— Хоть что-нибудь можно сделать?! — вскричал монах. — Какие чары Баатарсайхан пустит в ход?

— Моя сфера — прорицания, я не сведущ во всем чародействе. Но я много странствовал, потому знаю обычаи и колдовство горных варваров. Баатарсайхан пошлет дух зверя с наказом вселиться в тело Хуан Фа, наполнить звериным голодом и стремлениями и тем привести к гибели.

— И что же это за зверь? — спросил монах.

— Трудно сказать. — Мудрец покачал головой. — Дух лисы наполнит похотью, дух волка — кровожадностью. Дух вепря сделает обжорой, дух обезьяны заставит вести себя подобно глупцу, — но мы далеки от земли обезьян… Скорее всего, это будет дух животного, обитающего поблизости от чародея.

Господин Вэн хлопнул в ладоши и велел тут же

объявившемуся помощнику принести особый ларец. Отрок сбегал в другой шатер и вернулся вскоре. Господин Вэн приказал купцу лечь, вынул бутылочку с хной, кисточку для каллиграфии и принялся выписывать обереги на лице Хуан Фа.

— Дух зверя не сможет завладеть тобой, если не впустишь его сам, — объяснил, работая. — С ним можно и нужно бороться. Ты сможешь его отогнать при помощи моих заклинаний. Дух попытается проникнуть сквозь отверстие. Слабейшие места — ноздри и рот. Поэтому я окружу их письменами.

— Господин, вы сказали остальным, что я проклят. Как вы узнали?

Кисть замерла на мгновение.

— Я гадал сегодня на стеблях тысячелистника, толкуя смысл триграмм по «Ицзин».

Хуан Фа не слишком доверял «Ицзин», древней «Книге перемен». Согласно ей, жизнь любого человека подобна текучей воде. Форма и направление потока непрерывно меняются, и, чтобы сориентироваться, нужно гадать на стеблях тысячелистника, бросая их и читая в расположении знаки судьбы. Но гадание этим не исчерпывается. Многое зависит от способностей толкователя, его умения прорицать будущее.

Ненадежное, зыбкое ремесло.

— Значит, вы узнали о моем проклятии из «Книги перемен»?

— Уже несколько дней я предчувствовал твой приход. Стебли тысячелистника сказали мне: «Идет незнакомец, чьи руки в крови, а душа проклята. Враг его могущественней грядущей песчаной бури».

— Это все вы узнали из гадания?

Мудрец печально кивнул, затем оставил кисть и сложил руки.

— Я узнал немногим более — разве что время твоего прихода сюда.

— Смогу ли я спастись?

— Могущество Баатарсайхана намного превышает мое, — ответил мудрец, хмурясь. — Он смог наслать бурю, чтобы замедлить твое путешествие либо убить тебя — а это великое свершение. Однако я знаю: у человеческого сердца своя волшебная сила, не уступающая могуществу любого чародея. Возможно, если сумеем постичь эту силу…

Сердце Хуан Фа заколотилось неистово, обуянное надеждой.

— Возможно, есть гадание сильнее и совершеннее, чем «Иц-зин»?

Господин Вэн склонился сурово над купцом,

лицо сделалось нарочито равнодушным и холодным, будто мудрец пытался скрыть раздражение.

— А, да ты скептик! Не доверяешь мне? Для себя я гадаю дважды в день. Я бы не прожил сто двенадцать лет без гадания! Если стебли тысячелистника велят мне есть абрикос — я ем. Если запрещают идти под дождь, я…

— Вам сто двенадцать лет? — прервал его изумленный монах.

Мудрец не выглядел и на пятьдесят.

Он посмотрел сурово, но затем рассмеялся.

— Хорошо, если уж ты не доверяешь «Ицзин», погадаем на панцире черепахи.

Да, такому гаданию можно довериться. Черепаха — благословеннейшее животное в Поднебесной. За ее добродетели боги даровали ей долгую жизнь и великую мудрость. Она из четырех священных тварей, особо приближенных к богам. Хуан Фа иногда молился черепахам, ведь они могут передавать небесам людские просьбы.

Чтобы вопросить богов, следует просто вырезать вопрос на панцире жертвенной черепахи. Затем просверлить дырочки, вставить туда благовонные палочки и поджечь. Когда палочки догорят, панцирь треснет от жара. Если трещины

пойдут к центру — значит, ответ «да». Если к наружному краю — значит, «нет».

Конечно, далеко не всякий вопрос можно задать так, чтобы нашелся простой ответ. Зато небеса благословили такое гадание совершенной ясностью результата.

— Задавай вопрос, и я ночью совершу гадание по панцирю, — предложил мудрец.

Хуан Фа высморкался. Воздух настолько пропитала пыль, что слизь выходила черной. Купец ощущал себя нечистым целиком: и каждой порой кожи, и легкими, и самой глубиной души.

Решил спросить так: «Могу ли я спастись от проклятия, насланного чародеем Баатарсайханом?»

Ветер причитал и завывал снаружи, колотил в шелк шатра, дергал веревки, качал стойки и колышки. Внутри же царили спокойствие, сумрак и странный цепенящий холод. Свет давали только восемь благовонных палочек, вставленных в отверстия панциря. От вишневых огоньков вился дым, наполнял пропыленный воздух шатра одуряющим запахом жасмина.

Спал Хуан Фа скверно, трясся от холода. В кошмаре свирепые дети крались сквозь бурю, дерзко подставляя лица ураганному ветру. Тащили за собой большой угловатый тюк, кажется, покры-

тый шерстью. Что за тюк, купец в тусклом свете сна не разобрал.

Но подумал вдруг без всякому к тому повода: «Это же голова кобылицы!» И застонал от ужаса.

Дети подобрались вплотную: едва ковыляющие малыши с ножами в руках, девочки, одетые лишь в набедренные повязки. Заостренные зубы свирепо оскалены, глаза сияют, будто за ними прячутся готовые взорваться звезды.

Проскользнули за полог шатра, вползли, волоча за собой тяжелый груз. Хуан Фа смотрел на них со странным безразличием, наблюдал спокойно, как приближаются к нему, беспомощно распростертому, хотя ожидал: сейчас вонзят кинжалы.

— Я не желал вам зла, — сказал виновато. — Не знал, что вы в такой нужде.

Свирепые дети не ответили.

Его окатило холодом, словно вырвался ледяной вихрь из пещер преисподней и пронесся вдоль хребта. Мускулы обмякли, как мертвые угри.

Полдюжины детей стояли над принесенным шерстистым свертком. В свете, отбрасываемом благовонными палочками, купец различил свернутую звериную шкуру.

Подумал: «От моей лошади. Накроют меня, и заболею язвой».

Захотелось вскочить, дать бой — но столь же сильным оказалось желание просто лежать и принимать все уготованное свирепыми детьми.

Трое, лучась кровожадной радостью, разрезали завязки и торжественно развернули шкуру. Даже в тусклом свете купец различил: это не от его гнедой красавицы Боцзин. Шерсть сияла белизной, густотой же и длиной походила на овечью.

Истощенные дети, ликуя, растянули шкуру над лежащим, церемонно опустили — и Хуан Фа вдохнул несравненный аромат прекрасно выделанного меха. Он показался небесной сладостью: желанное тепло разбежалось по жилам.

Дети ушли — а купца вдруг захлестнуло ощущение смертельной угрозы. Он раскрыл глаза, затаил дыхание, надеясь расслышать, как таинственные враги крадутся у шатра.

Дышалось тяжело. В темном воздухе густо висела пыль. Буря утихла, в шатре ничто не двигалось. Лишь торговец у дальней стены похрапывал тихонько, укрывшись овчиной.

На лбу у Хуан Фа проступила холодная влага, рубаха на груди взмокла. Он ужаснулся на мгновение: а вдруг язва? Но успокоил себя: это кошмар, нелепый и мучительный, но ушедший безвозвратно.

Теперь пришло облегчение. Столько дней купец не знал покоя, и вдруг стало легко, будто свалилась ноша с плеч. Приподнялся на локте, осмотрелся. Конечно, никаких свирепых детей.

Коснулся укрывавшей шкуры — чудесная мягкость. Кажется, не видел раньше ничего подобного. Такая роскошная шерсть, и величина у шкуры неимоверная! Наверное, белый як.

Скорее всего, ночью кто-то понял, как холодно в шатре, сжалился над гостем и укрыл его. А дурной сон превратил доброту в ужас.

Хуан Фа натянул шкуру на голову, желая лежать под ней всегда, обонять чистый мех, отдаваться животворному теплу.

Проснувшись на рассвете, купец ощутил запах свежего чая. Сквозь ткань шатра проникал солнечный свет. Снаружи по шелку скребли и хлопали — сметали пыль ветками.

— Хорошие новости, — сообщил монах. — Буря отбушевала ночью и улеглась, воздух очищается. Правда, солнце взошло краснее феникса, но в остальном все отлично.

Торговцы шелком суетились, шурша разноцветными одеждами, приторачивали кувшины с драгоценными благовонными маслами и тюки со специями, а господин Вэн сидел и пил чай. Лицо

евнуха казалось усталым и суровым.

Хуан Фа встал и потянулся, кутаясь в белую шкуру. Осмотрелся: а вон и сундучок с черепаховым панцирем на нем. Коричневые линии на выпуклой кости походили на трещины в подсыхающем речном иле. Из панциря торчали огарки восьми благовонных палочек.

Как хорошо жить! Такая легкость в теле, и веришь: все успеется и получится.

— Господин Вэн, как гадание? Благосклонны ли ко мне небеса? — спросил он радостно у мудреца.

Евнух посмотрел устало и равнодушно.

— Прости, мой друг, но от судьбы тебе не уйти. Иногда невозможно избежать последствий своих поступков, сколь бы горько мы ни сожалели о них.

Хуан Фа вдруг почувствовал странное: лицо онемело, лоб зачесался, заболел. Он коснулся головы и ощутил сбоку острый бугор, растягивающий кожу.

— Что такое? — выговорил, мертвея.

А рука… что это? На ней растут мягкие белые волосы, так похожие на чудесный мех, согревший ночью.

Купец завопил истошно, обуянный диким стра-

хом, отбросил шкуру.

— Дух животного проник в тебя, — сообщил мудрец виновато. — Я и представить не мог, сколь могучее волшебство у Баатарсайхана. Изменится не только твоя натура, но и тело.

Хуан Фа отбежал от шкуры, дрожа, но не отвел взгляда от роскошного белого меха.

— В стране Казах это животное называется гигантским оленем и ценится выше любой другой дичи. Его шкура чище первого снега гор, где он обитает, а широкие рога всеми окрестными племенами почитаются за драгоценность. Но сей олень столь редок, что многие считают его вымыслом, древней сказкой. Здесь же, вблизи Алтайских гор, он еще встречается. У нас ему дали имя се чжи, и хотя он двурогий, некоторые ученые считают его разновидностью единорога.

Хуан Фа ощутил желание упасть на четвереньки. Болью обожгло лодыжки, словно невидимая сила выворачивала в суставах ступни. Конечно, он слышал про се чжи. Говорят, единорог способен различать добро и зло, он идет на запах добродетельного человека и наказывает злого. Буддисты верят, что иногда на его рогах покоится Книга Закона.

— По-мо-ги-и-а-а-а! — заголосил купец, но слова

исказились во рту и стали жалобным звериным криком.

— Это твоя судьба, уготованная прекраснодушным героем, побеждающим без оружия Баатарсайханом, — с горечью заключил мудрец. — На четырех ногах ты будешь скитаться по миру, искать под снегом траву и мох у подножия Алтайских гор. Тебе уже не изведать любовь женщины, ибо ты среди последних в своем племени. На тебя станут охотиться денно и нощно — и варвары, и настоящие люди, и волки со снежными барсами в горах, и гепарды на равнинах. О слабодушный человек, нигде тебе нет спасения и пристанища. Боюсь, зиму ты не переживешь, ибо усерднее всех будут гоняться за тобой свирепые чада Баатарсайхана — из их ртов ты вынул пищу. И обязательно настигнут, ибо такова воля чародея. Тебе предрешено накормить свирепых чад своей плотью.

Взору Хуан Фа явилась Янь. Она сидела у ширмы, рисуя на черном шелке феникса. Вдруг подняла голову, посмотрела в залитое солнцем окно.

Купец ринулся к пологу шатра, выскочил наружу, в напитанный пылью воздух. Звериные инстинкты влекли на волю, звали мчаться под

открытым небом. Еще не успел покинуть шатер, а на ногах уже лопнул шелк одежды, ступни сделались копытами. Растущие рога зацепили полог, запутались, грозя сломать шею.

Но Хуан Фа вырвался, освободился — и ступил под озаренное жутким красным заревом небо, словно подожженное богом Солнца.

Янь. Осталась лишь она.

Хуан Фа фыркнул, развернулся, взбив клубы пыли, посмотрел на высокую траву у лагеря — и различил там крошечные фигурки изголодавшихся детей, залегших в засаде, оскаливших зубы, заточенные острее любого кинжала.

Ставший диковинным зверем купец поскакал, вздыбив хвост, словно подавая сигнал опасности, и в копытах, что вонзались в землю и отталкивались от нее, посылая мощное тело в воздух, кипела дикая сила.

Однажды среди зимы Янь проснулась в тревоге. Лишь недавно начался новый год по лунному календарю, и на эту ночь пришелся Юаньсяоцзе, Праздник фонарей. С балки над крыльцом свисал огромный красный фонарь, от него в комнату лился зыбкий свет.

Янь опять приснился Хуан Фа. Горечь потери лишила праздник радости. Возлюбленный так и

не вернулся домой. Может, он остался в засыпанных снегами горах или не выдержал перехода через пустыню?

Но сердце во сне узнало: он жив! Янь представила, как Хуан Фа подходит к ее постели…

Вдохнула глубоко, пытаясь уловить его запах. Хотела вспомнить свет его глаз, добродушную, такую милую улыбку — но память поблекла, не смогла оживить образ.

Янь осторожно высвободилась из объятий сестры — если та проснется, немедленно попросит есть — и встала с постели. Подошла к двери. Над головой игриво светился красный фонарь.

Девушка посмотрела на бамбуковую рощу за мостом, что вел к дому. Листья слабо шелестели на ветру.

Там стоял восхитительный белый зверь. Такой огромный! Сперва Янь приняла его за коня, но тут же поняла: самый большой жеребец рядом с ним — карлик. Широкие рога похожи на лосиные, но с белой паутиной меж отростками, словно для ловли света, струившегося от полного месяца.

Зверь осторожно подошел к ней, ступил в круг света у двери, и Янь поняла: это единорог се чжи.

Он потянулся мордой, стараясь уловить ее запах, и девушка протянула руку, надеясь, что

аромат розовой воды понравится единорогу. Ведь он способен различать, какое у человека сердце.

Янь очень хотелось, чтобы единорог признал ее сердце добродетельным, — но в нем жила такая безрассудная, слепая любовь к Хуан Фа…

Единорог подошел ближе. Какой же он огромный! Глаза блестят в свете фонаря и полны невнятного, странного желания. Чего же хочет исполинский зверь?

И вдруг уловила его запах — резкий, сильный запах юноши, не раз бередивший ее сны. Узнала сразу — а затем распознала и чистое свежее дыхание, стройность ног…

— Хуан Фа? — спросила робко.

Зверь встрепенулся, мышцы на плечах напряглись — словно приготовился бежать.

Янь поняла наконец: любимый превратился в сказочного зверя, но, желая и любя, все-таки вернулся к ней.

Как же такое могло случиться?

— Янь?! — капризно закричала проснувшаяся сестра. — Янь, я кушать хочу!

Се чжи вздрогнул. В его глазах пропал разум, остался только животный страх.

Величавый единорог отпрянул, перескочил через ручей.

— Хуан Фа! — закричала Янь, выбегая на крыльцо.

Над землей стелился туман. Единорог мчался сквозь него, словно плыл среди облаков.

Затем исчез в сливовом саду, растворился в лунном свете.

перевод Д. Могилевцева

Вилар Каштан
АПЕЛЬСИНОВОЕ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ

Вилар Кафтан пишет спекулятивную фантастику самых разных жанровых направлений, включая НФ, фэнтези, хоррор и слипстрим. Ее произведения печатались в журналах «Lightspeed», «GigaNotoSaurus», «Realms of Fantasy», «Strange Horizons», «Clarkesworld», «Cosmos», «Escape Pod», «Beneath Ceaseless Skies», «Sybil's Garage» и в удостоенной Всемирной премии фэнтези антологии «Paper Cities». Она живет с мужем Шэнноном в Северной Калифорнии. Знакомство можно продолжить на сайте vylarkaftan.net.

Пытка подвешиванием хороша для одних, ужасна для других. Подъем человеческого тела на вонзенных в плоть крюках — это, бесспорно, один из самых радикальных методов усовершенствования. Такое практикуется либо из стремления к высшей духовности, либо из любви к

искусству, либо по личным мотивам.

Для индейского племени манданов в США сутью этой практики было личное жертвоприношение. Сознательный выбор пытки являлся для юноши началом экзамена — что он может предложить духам своего племени.

Следующий короткий рассказ о жертвоприношении молодой женщины, которая идет на невообразимые муки, вынуждает нас задаться вопросом: а сами мы что готовы вытерпеть по собственной воле, если ставки будут достаточно высоки?

Обнаженная юная крестьянка покачивалась на ржавых крюках в центре тронного зала. Ее руки и ноги были связаны кожаными ремнями, кровь стекала с истерзанной спины. Она была едва жива и почти ничего не соображала от боли.

Одиннадцать королей сидели на одиннадцати железных тронах, обгрызали ножки индейки, а хрящи сплевывали на пол. Под девушкой уже высилась груда окровавленных костей с остатками мяса. Все они были чужеземные колдуны с золотыми кольцами в носу и пробитыми гвоздями скулами. Каждому в нагую грудь забили колья

— по одному за украденное столетие. Кто-то помешал угли в жаровне, и сгустился едкий дым. В комнате было жарко, как в сердце костра.

— Она уже мертва? — спросил владыка потравленного пастбища.

— Еще нет, она борется с магией, — ответил хозяин проклятого моря.

— Но разве эта девица не сама выбрала себе путь?

Они помолчали. Девушка висела мешком, ее кожа блестела от собственного пота и от жира индейки. Крестьянка добровольно пошла на страдания, никто ее не понуждал. Ей казалось, будто она медленно плывет сквозь туман и боль. Крючья жгли огнем, дым заползал в раны, чернил магией кровь, и та, густая как смола, медленно истекала, капала и запекалась на костях индейки.

— Скоро ее сердце перестанет биться, — сказал господин гниющих джунглей. — Когда кровь чернеет, почитай, конец близок. Больше одной песни после этого еще никто не выдерживал.

— Скорее бы все закончилось, — вздохнул хозяин ядовитого кратера, оглаживая посеребренную годами бороду. — В спине так стреляет, что спасу нет.

Он вскинул руку и толкнул девушку. Крючья

рванули плоть. Она застонала, разбрызгивая черную жижу. Темная волшба наполняла ее вены, из спины словно проросли крылья боли. Какая мука! О смерть, приди же наконец!

Но она дала клятву, о которой не знали эти демоны. На ее губах все еще ощущался вкус апельсина, сладкого и пряного плода богини. Чародеи считали богиню мертвой. Но страж апельсинового дерева знал, где она прячется.

Колдун снова толкнул висящую девушку, словно люстру. Боль молнией пронзила все тело до кончиков пальцев, несчастная едва не лишилась чувств.

Нельзя терять сознание. Она должна продержаться, пока магия не доберется до цели — до того места, где в жертве пульсирует жизнь.

— Нужно делать это чаще, — сказал владетель солончаков. — Разве у нас мало крестьян? Они плодятся, точно свиньи.

— Важна добровольность, — возразил собственник отравленного острова. — Иначе ничего не получится.

— Натяните ремни, — приказал начальник пенящейся выгребной ямы. — Заставьте ее кричать.

Девушка знала, что магии это не нужно. Просто

враги хотят причинить ей побольше страданий. Крестьянка с силой прикусила язык, когда мучители дружно потянули за привязанные к крючьям ремни. Плоть на спине продолжала рваться. Черная кровь просачивалась к сердцу. Богиня апельсинового дерева предупреждала об этом… говорила, что жертва будет умирать, точно земля, которой сейчас правят эти изверги. Девушка вспомнила, как воздушные руки богини поглаживали ее по волосам. Там, в апельсиновой роще, выбор казался очень простым.

Однако сейчас боль обжигала раны. Юная крестьянка сама навлекла на себя беду, и теперь телесные муки неистово толкали душу в бездну. Она поникла на дыбе и закричала, умирая.

Короли восхищенно открыли рты.

— Начинается! — воскликнул государь затхлой реки. — Я чувствую!

Смола сочилась в самую глубь, разыскивая сердце. Однако сердца у девушки не было — его место занимал апельсин богини. Плод со вкусом жизни, который изгонит этих демонов из ее страны.

Апельсин взорвался. Кожура рассыпалась хлопьями пепла. Одиннадцать оранжевых долек вырвались из тела страдалицы и точно оскол-

ки вонзились в сердца колдунов. Тронный зал огласился воплями — но сейчас кричала не крестьянка.

О моя богиня! Теперь я могу умереть.

Изувеченное тело сорвалось с крючьев. Из пола, окропленного жертвенной кровью, пророс стебель и мигом достиг размеров молодого дерева. Оно росло и росло, его корни сотрясали тронный зал, разрушали стены, тянулись к небесам и погружались в землю. На ветвях распускались цветы. Душа девушки, робкая как дитя, проникла в дерево и встретилась со своей богиней. Страж оранжевого дерева поцеловал душу мученицы, одним дуновением подарил ей новое тело и отправил ее в мир живых.

На соседней ферме — в одиннадцатом королевстве — женщина родила девочку, от которой пахло апельсинами.

перевод Б. Жужунавы

Дезирина Боскович
ЛЮБОВЬ — ЗАКЛИНАНИЕ ПРОТИВ СТРАХА

Фантастические произведения Дезирины Боскович печатались в журналах «Realms of Fantasy», «Fantasy Magazine», «Clarkesiewrld» и антологии «Last Drink Bird Head». Она училась на курсах писательского мастерства «Кларион» и участвовала в семинаре «Мастерская писателей НФ и фэнтези». В периоды, когда Дезирина не пишет книги, она работает фрилансером-копирайтером и креативным консультантом. Живет в Бруклине, где борется за права домашних кошек, пьет кофе и получает удовольствие от других, столь же простых житейских вещей. Чтобы узнать больше, зайдите на сайт desirina.com.

В фантастике существует множество героев, которых судьба из реального мира перенесла в сказочный мир. Это дети Певенси («Лев, колдунья и платяной шкаф»),

Алиса («Алиса в Стране чудес»), Дороти («Удивительный волшебник из страны Оз»), — вот первое, что приходит в голову. Часто испытания, достающиеся героям в фэнтезийном мире, являются зеркальным отражением реальных событий. И чтобы противостоять злому волшебнику, требуется такое же мужество, как и при стычке со школьным задирой. Фантастический мир дает возможность герою взглянуть на ситуацию под новым углом и отыскать в себе новые резервы, о которых он прежде даже не догадывался.

Такая палочка-выручалочка, как фантастический мир, позволяет писателю использовать призму воображения для обсуждения особо сложных и деликатных вопросов или комментировать политические и социальные темы с большей тонкостью, чем при лобовом подходе. Наш следующий рассказ — как раз об этом взаимодействии между реальным и фантастическим мирами. Вы убедитесь, насколько важна для читателей и писателей роль фантастики, когда речь заходит о глобальных проблемах.

Много лет назад, далеко отсюда, в другом времени, в другом мире…

В этом мире есть волшебница.

Она стара, но не то чтобы очень.

Она молода, но не то чтобы очень.

Волшебница живет одна в домике на опушке.

В густом северном лесу полно всяких зоологических и ботанических диковин. Волшебница потратила уйму времени (вам бы хватило на несколько жизней), чтобы их описать, и она собирается расширять свой каталог дальше. На юге стоит Перта Пердида, город потерявшихся девушек.

Девушки из Перта Пердида, когда вспоминают о волшебнице, называют ее Ханной-из-Леса. Она обеспечивает им защиту. Девушки не помнят, выполняет волшебница эту обязанность добровольно или по чьему-то велению. Сама Ханна тоже не помнит.

Время здесь течет по-другому, оно неторопливое, словно летняя река. Город был задуман как убежище и построен, чтобы укрыться от перемен. Если бы можно было поймать время в ловушку, заточить, словно муху в янтаре, это бы сделали, но в отсутствие такого рода магии просто предпочли замедлить его. Создатели города держатся за

свой мир изо всех сил.

Тем не менее изредка время запутывается, и по петлям и узлам проскальзывает перемена. Опасность находит себе щелочку, чтобы проникнуть в город.

Задача волшебницы — устранять эту путаницу, расправлять нить времени. И бороться с угрозами по мере их возникновения.

Волшебница пришла из леса. Еще ребенком ее привели туда бедные родители — бедные прежде всего добротой, — чтобы избавиться от лишнего рта. По простоте душевной она не догадалась прихватить с собой крошки или камушки. Голодная, замерзшая, совершенно голенькая, девочка бродила, пока не наткнулась на лачугу ведьмы, которая прежде жила в городе, но потом покинула его по своей воле. Из этого города женщин не изгоняют; они уходят, если не желают больше там жить.

Ведьма была себе на уме, но добрая. Она приглядела к найденышу и пустила в дом. Заварила чай из коры березы, сушеных листьев одуванчика и крапивы. Дала платье, связанное из грубой козьей шерсти. Накормила горячим тушеным мясом с травами, что растут в тени и имеют много названий.

Как и всех детей, девочку учили бояться ведьм. Одновременно ее учили доверять родителям и слушаться их. Поняв ошибочность второго урока, она с легкостью забыла первый.

Спала она на печке. Ухаживала за садом. Собирала травы, запоминала их названия. Стригла козу, пряла и вязала. Охотилась на кроликов, кабанов и оленей, заготавливала мясо на зиму.

В свою очередь ведьма учила девочку несложной магии. Она не возражала, если воспитанница танцевала обнаженной в лунном свете, бегала в таком виде по лесу или плавала в реке, поблескивая, словно рыбка.

Временами девочка оказывалась посильнее ведьмы, которая и в молодости ничего особенного собой не представляла, а теперь и подавно. Воспитанница же была прекрасна и хорошела день ото дня. Как водится у женщин, ее красота и волшебная сила были неразрывно связаны. Конечно, она могла пренебречь этим обстоятельством. Конечно, она могла зарыться в старинные книги и древние заклинания. Она могла даже направить волшебную палочку на себя и принять любой облик — например, не такой привлекательный.

Однако пыльные книги написаны старыми мужчинами, и древние заклинания тоже впер-

вые произнесены старыми мужчинами. Даже волшебную палочку придумал мужчина, пусть и молодой, — ему понадобился материальный предмет, с помощью которого проще сосредоточивать свою магию и управлять ею.

Девочке ничего этого не требовалось — ей и так хватало неукротимой женской силы.

Ведьма понимала это и не обижалась. Она не завидовала красоте воспитанницы и ее могуществу. Знала, что эти дары недолговечны и непокорны. Возможно, они даже крайне опасны.

Она также понимала, что польза пыльных книг и древних заклинаний, как ни крути, очевидна. Поэтому, когда садово-огородные и прочие мелкие чары перестали вызывать у девочки благоговение, ведьма обратилась за помощью к старому другу, жившему в башне далеко-далеко. Тот прислал книги, и девочка вызубрила их от корки до корки.

Время в лесу движется неспешно, в особенности зимой.

Девочка научилась принимать облик различных животных. Прыгая как олень и плавая как рыба, она бывала и оленем, и рыбой. Она хохлилась на ветке, будучи совой, и парила в небе, превратясь в ворону. Резвилась, точно белочка.

Пряталась и выжидала с терпением змеи.

Вдохновленная легендами прошлого, она воображала будущее.

Ей страстно хотелось посмотреть мир.

Что она и сделала. Много путешествовала, становясь все краше и набираясь ума и мастерства, пережила множество приключений (за рамками этой истории) и в конце концов стала не просто девушкой, но волшебницей. Хотя, конечно, будучи волшебницей, она оставалась просто девушкой.

Она пришла в Перта Пердида и встретилась там с принцессой. Получила предложение служить при дворе, однако в глубине души понимала, что остается неукротимым созданием и, хотя всегда будет связана с этим прекрасным городом, жить его жизнью не сможет. Поэтому она поселилась на самом краю Перта Пердида, там, где дикая магия подпитывалась напряжением между городом и лесом, между порядком и хаосом, и поэтому была еще возможна.

Годы утекали, словно серебристые капли из прохудившегося крана.

Ханне семнадцать лет, но это в мире, который мы называем реальным. Она не волшебница, она музыкант. Эта девушка знает, что музыка может

нести в себе магию, а песня — содержать чары.

В своей уютной спальне она играет на синтезаторе и барабанах. Насчет барабанов пришлось несколько месяцев выпрашивать у матери разрешения, но та по-прежнему не одобряет увлечения Ханны. Барабаны не доведут до добра: так и до рок-музыки недалеко, а рок-музыка — саундтрек дьявола.

На встречах церковной молодежной группы, на семинарах школы прославления Ханна играет и поет всем известные песни — простенькие, но очень волшебные. С точки зрения магии это инструменты новичков, ими нетрудно овладеть, а силу они дают изрядную. Девушка этому занятию отдается всей душой.

Хотя она не осознает этого, глубина ее чувств ясно видна всем. Любовь освещает лицо, голос излучает стремление. Все это передается ее друзьям, и они, простирая руки к Господу, делают это не по обязанности, а по чистому вдохновению. Они не взялись бы сказать, что их больше привлекает в Ханне: духовность ее красоты или красота ее духовности. Да и какая разница.

Главное, что все это привлекло к ней Петера, молодого священника. Он вывел Ханну на подмостки, когда ей было всего четырнадцать, и

помог обрести голос.

Она и сама сочиняет песни, спотыкаясь на фальшивых нотах. Она перекладывает на музыку молитвы. Страсть и надежда пронизывают каждую ноту, каждое слово. Она старательно оберегает свое творчество от вторжения рок-музыки и сдерживает неослабевающие атаки демонов отчаяния и гнева.

В пригороде, где обитает средний класс, Ханна живет с отцом, матерью и тринадцатилетней сестрой. Мать — домохозяйка, отец — дипломированный бухгалтер. Сестру зовут Франческа, коротко Франни. И хотя Ханна очень любит младшенькую, она первая готова признать, что Франни кого угодно выведет из себя: упрямая, эгоистичная, взбалмошная. Порой они цапаются, словно кошка с собакой, когда не слышит мать; а если та услышит, сразу прочитает нотацию, мол, ссориться — это не по-христиански. Блаженны миротворцы и все такое. Может, мама и права, но интересно, возражал бы Христос, если бы настырный подросток проникал к нему в спальню, чтобы «взять на время» его одежду, полистать дневник и позаимствовать небесную контрабанду?

(«Контрабанда» Ханны: три диска рок-музыки,

черный карандаш для подводки глаз и книжка про волшебника.)

Мир мага Ханны-из-Леса разбился вдребезги однажды поздневесенним утром. В этот день на краю леса появилась первая девочка: нагая, голодная, безразличная ко всему. Она не помнила свое имя.

Волшебница позаботилась о девочке, как ведьма когда-то позаботилась о ней. Подправила ей здоровье и укрепила силы, однако вернуть бедняжке память не смогла.

Потом из леса вышла вторая девочка в таком же плачевном состоянии.

Волшебница и ее в беде не оставила. Когда девочки окрепли, отвела их на ближайшую ферму. Там им будет хорошо, пока сестры из города не придут их искать.

Она должна побыть одна. У нее есть дело.

Вернувшись домой, она подошла к зеркалу.

Что такое зеркало, как не инструмент волшебника?

Зеркало показывает прошлое. И будущее, и далекие города и миры. Все это волшебница каким-то образом хранит в себе самой. Зеркало видит и ее. Нельзя в него смотреться и не узнавать того, чего знать не хочется. Нельзя в него

смотреться и не обнажать того, что лучше бы сохранить в тайне.

Этот инструмент, что ни говори, далеко не прост.

Ханна хранит его в чулане, в запертом сундуке, в мягком гнезде, плотно обернутым в ткань. И спит с ключом на шее.

Сейчас она приближается к зеркалу со страхом, зная, что угроза набирает силу и что зеркало покажет, какую форму эта угроза примет.

Она собирает все свое мужество. Хотя зеркало всегда опасно, оно вдвойне опасно для того, кто боится.

Твое оружие — лишь тогда твое оружие, когда ты достаточно силен, чтобы владеть им.

Она прогоняет страх и…

…поворачивается лицом к зеркалу.

Зеркало показывает ей порождение тьмы, которое преодолевает границу, проникает в мир смертных не то случайно, не то по собственному выбору, не то по воле судьбы. Увидеть его невозможно, но о его существовании свидетельствует создаваемый им хаос.

Та же зловещая подвижность, благодаря которой чудовище нашло дорогу в этот мир, позволяет ему влетать в дом через окно, вползать через

щель под дверью. Эта нечисть подкрадывается к спящим девочкам и заставляет их видеть ночные кошмары. Словно сомнамбул, уводит в лес и бросает там.

Инкуб.

Охваченная тревогой, Ханна пошла во дворец — рассказать принцессе о том, что увидела в зеркале.

Давно ли она в последний раз ходила по улицам Перта Пердида? Время не значит ничего в волшебных сказках; постоянно развивающийся город каждый раз казался ей новым.

Улицы там вымощены золотом и обсажены деревьями, как будто слепленными из бирюзовой сахарной ваты. Над головой витают механические бабочки, неся на себе смеющихся наездников. Когда-то и она летала так — поглаживала радужные крылья, управлялась со сбруей. Смотрела на город с головокружительной высоты.

Сегодня, собираясь узнать, как обстоят дела у ее сестер, она предпочла идти пешком.

Девушки ходили по улицам парами и по три, останавливаясь у витрин магазинов. За стеклом лежали лепешки и пироги, пуговицы и ботинки, блестящие лампы и медные ключи. Девушки босиком залезали в фонтан, подолы платьев липли

к коленям.

Она приближалась к центру города. Красочные, словно конфеты, дома с черепичными кровлями усеивали склоны холма. С окон свисали вьюны, двери были окаймлены цветами.

Сквозь арку она прошла в дворцовый парк. В этой арке наверху пауки плели свои эластичные тенета, похожие на медную проволоку. Кончики металлических нитей касались Ханны — просто дворец желал узнать, кто пожаловал в гости. Она шагала по широкой тропе меж благоухающими апельсиновыми деревьями. Дорогу охраняли роботы, их глаза загадочно поблескивали зеленым, пальцы сжимали древние ключи. Конечно, они позволили Ханне пройти.

Наконец она проникла в самую середку дворца, где живет принцесса.

Принцесса носит волосы распущенными, если не считать серебряного обруча. Кожа у нее гладкая и белая, словно молочный шоколад, улыбка нежная. Голые руки сильные, все в металлических браслетах, простое платье ниспадает до полу. Ноги босые.

Принцесса и волшебница оглядывают друг друга, принимая как есть перемены и радуясь тому, что осталось прежним.

— Ты знаешь, почему я здесь, — говорит волшебница.

— Да, знаю.

Гостья описывает ужасы, которые видела в зеркале: нападения инкуба и порожденные им страдания.

Принцесса задает вопросы, делает выводы. И в конце концов говорит:

— Моим воинам не справиться с такой угрозой. Это дело для тебя.

— Да, знаю.

Волшебница действительно знает достаточно, чтобы испытывать страх.

В скрипящем и дребезжащем автобусе пахнет выхлопом, чипсами «Доритос» и фруктово-цветочными девчоночьими духами. Ханна сидит у окна и смотрит, как над горами восходит солнце. На коленях у нее CD-плеер, в ушах наушники; мысленно она за много миль отсюда.

Они едут на практический библейский семинар.

Сестренка Франни со своей лучшей подругой Кристой сидит по ту сторону прохода. Склонив друг к другу головы, они шепчутся и хихикают. Их болтовню заглушает рокот автобуса.

Петер сидит на четыре ряда впереди, разгова-

ривает с двумя парнями.

Он стал священником их прихода четыре года назад. Тогда ему было двадцать пять, и он производил впечатление харизматического идеалиста. Мать Ханны не пожалела хлопот, чтобы он занял этот пост, а когда ее усилия увенчались успехом, пригласила его на ужин. Испекла нежнейший куриный пирог, и они слушали рассказ Петера о Гватемале, где он провел волонтером целый год. С сияющими глазами он описывал, как строил дом для бедной семьи или на пыльной улице играл в мяч с компанией хулиганистых мальчишек.

Петер поведал о своих планах насчет молодежной группы; ему хотелось расшевелить ребят.

— Больше энергии! — восклицал он. — Больше страсти в стремлении к Христу!

Священник добивался, чтобы они были активнее в своем служении. Проповеди должны проходить динамичнее; было бы здорово, если бы они сопровождались музыкой.

— Знаешь, а наша Ханна поет, — сказала ее мать. — И играет на синтезаторе.

— Фантастика! — воскликнул Петер. — Я собираю в школе прославления ансамбль. Хочешь попробовать?

Конечно, она ответила «да».

Той ночью Ханна лежала без сна, думая о нем. Своим обликом он помогал вообразить Иисуса: красивый и добрый. Его хочется слушать. От него невозможно оторвать взгляд.

Это было до пришествия демонов. (Отчаяние. Гнев. Вина и стыд. Отпадный квартет.)

Петер встал и пошел по проходу, то и дело задерживаясь, чтобы поприветствовать сидящих. Долго разговаривал с Кристой и Франни, наклонившись, чтобы лучше слышать в шуме автобуса. Ханна видела, как девочки смотрят на священника. Их лица светились благоговением.

С ней Петер не заговорил, просто одарил улыбкой, которую она все никак не могла разгадать.

Скрипучий автобус мчался дальше.

Что толку видеть будущее, если ты не в состоянии изменить его? Можно сдержать волну, но нельзя успокоить море. Чувствуя себя беспомощной, волшебница вглядывается в зеркало, ищет подсказки; сосредоточенно изучает свои книги; напряженно думает о том, как одолеть инкуба.

И пока она этим занимается, город превращается в оживший ночной кошмар. Перта Пердида — мир, чьи части связаны не географией, но желанием; его кварталы разбросаны по дальним потайным чертогам, и правит в нем не

разум, а душа. Город везде и нигде, вне времени и пространства; такова же угрожающая ему опасность.

Инкуб, не обладающий умом и практически лишенный плоти, проникает в дома сквозь окна и двери. Девочка за девочкой становятся жертвами его ночного шепота. Нечисть заманивает несчастных во тьму глубокого сна, туда, где отключается разум, на острова без названия, в замки, обжитые страхом. Словно сомнамбулы, они уходят в лес, в смутную лощину, где обитают духи и куда не проникает спасительный небесный свет. Девочку за девочкой выдергивают из дома; они замыкаются в себе, потерявшись в бесплодных землях своего подсознания.

Летними ночами, боясь заснуть, девушки выставляют караульных. В жаркий июль они сидят без сна при лампах и свечах, считая часы до рассвета, а днем бродят бледные, точно призраки. Все идет вразнос: пекарни остыли, бесплатные харчевни безлюдны, фонтаны высохли. Даже бабочки сидят на земле, поскольку усталые техники не в состоянии за ними ухаживать. Пошивочные мастерские закрыты, у портных все расплывается перед глазами, им не разглядеть крошечные стежки.

Девочки устраивают отчаянные оргии — пьют без меры сладкую сангрию, танцуют полуобнаженные среди магнолий и апельсиновых деревьев, а потом падают и спят до рассвета. Если мир доживает последние дни, бедняжки хотят в полной мере насладиться ими.

И они продолжают исчезать.

Библейский семинар заканчивается проповедью. Подобно многим проповедям, предназначенным для ровесников Ханны, эта посвящена непорочности. Священник говорит о чистоте тела и разума. Говорит, что плоть должна служить Господу. Говорит, что утраченную девственность можно вернуть — без этой уловки все было бы гораздо сложнее. Он говорит, говорит, говорит…

После проповеди, пока органистка исполняет одни и те же эмоциональные пассажи, священник предлагает всем, кто почувствовал в себе перемену, пройти вперед и препоручить себя Богу. Не имеет значения, считаете ли вы, что впервые согрешили и нуждаетесь в милосердии, или давно догадались, что сбились с пути и, следовательно, еще больше нуждаетесь в милосердии. Бога это не заботит. Бог всегда с вами.

Однако Петер не говорит ничего об отношении Бога к девушке, сидящей за синтезатором и со-

ставляющей дуэт своему молодежному пастору. Девушка погрузилась сначала в музыку, а потом в его проницательные глаза. И до того погрузилась, что чувствует себя парализованной, когда Петер протягивает руку и гладит ее подбородок. Его губы касаются ее губ, ею овладевает эйфория предательства, она попадает на мелководье тайны, которая, ей уже известно, слишком опасна и становится все глубже с каждой недопустимой встречей. В конце концов девушка тонет в ней, теряет аппетит, замыкается. Под глазами у нее темные круги, она все больше времени проводит в своей комнате, терзая себя тоскливыми песнями. Так ведь она, в сущности, подросток, чего еще ожидать?

Один за другим молодые люди шли по проходу, преклоняли колени на краю подмостков, и священник молился за них, призывая Божье благословение и прощение.

Ханна уже проделывала этот путь прежде. Но сейчас… Даже если в самом деле прощение Божье бесконечно, она сможет принять его лишь в том случае, если сначала простит сама себя. А пока она останется на своем сиденье.

По ее щекам струились ручейки слез. Сидевшая рядом девушка обняла Ханну.

— Вставай, — прошептала она. — Все хорошо. Я пойду с тобой.

Ханна отрицательно покачала головой.

Она мечтала о том дне, когда сможет сбежать. Рисовала в воображении женский колледж, представляла, как девушки сидят во дворе под дубом или собираются в библиотеке.

Ее мало интересовало, что это будет за колледж, как далеко отсюда.

С каждым днем волшебница Ханна-из-Леса все больше узнавала об инкубе. В книгах было изображено чудовище, которое охотилось на молодых девушек по ночам и превращалось в оленя днем. Девушки рассказывали, что видели такого оленя, с первым рассветным лучом уносящегося в сторону леса.

Когда инкуб пребывает в физической форме, Ханне по силам одолеть его.

Но как приманить эту тварь?

Волшебница знает способ, да только он непрост.

После путешествий по миру у нее сохранилось очень мало любимых вещей из ее детства — вещей, когда-то принадлежавших ведьме. Конечно же, это книги. Они существовали на протяжении столетий до нее и, она надеялась,

просуществуют еще столетия после. Вырезанный из камня котенок всегда ей нравился, но для чего предназначена эта статуэтка, Ханна не знала. И пузырек с драгоценными духами — их там всего три капли.

Ведьма отказалась поведать Ханне, что это за духи, и не советовала пользоваться ими. Сама наставница унаследовала пузырек от некой колдуньи — она не объясняла, при каких обстоятельствах, — и ни разу не открыла его, даже чтобы понюхать. В пузырьке темная магия, очень насыщенная и опасная. Ведьма знала, что не сможет ее контролировать.

Твоя сила — только тогда твоя сила, когда ты осознаешь ее пределы.

Позже, под руководством великих магов, волшебников и колдунов, Ханна выяснила, что содержится в пузырьке. Теперь она знает: духи насыщены той же силой, что и ее личная магия, — женской сексуальностью. Она необузданная. Она коварная. Она крайне нестабильная.

Инкуб — это темная энергия. Женская сексуальность — тоже.

Если у Ханны хватит мужества выпустить на волю эту силу; если ей достанет решимости сделать то, что должно быть сделано…

Ночью волшебница вздрагивает во сне.

Ей снятся страны, которых она никогда не видела, любовники, с которыми никогда не спала, заклинания, которые никогда не произносила. Она видит искрящиеся на солнце моря, блистающие башни, сборочные линии и лесной опад. Обоняет запахи жареной лапши, морской воды и садовой жимолости. Слышит звон колоколов, грохот стройки и рок-н-ролл.

Ей снится мир, который она боится исследовать, мир, который она боится оставить без внимания.

Она стара, но не то чтобы очень.

Она молода, но не то чтобы очень.

Никогда еще ей не было так страшно.

Вечером в пятницу Ханна находит его после занятий с молодежной группой.

— Нужно поговорить.

Не отвечая, Петер берет ее за руку и ведет в свой кабинет. Дверь оставляет приотворенной.

Он не отрывает от Ханны взгляда, на лице тревога.

Все слова внезапно куда-то подевались.

Наконец она произносит:

— То, что ты делал, было неправильно.

Она собиралась начать не так, однако в этой

краткой фразе выражено все.

Петер смотрит на нее и не отвечает.

Она предпринимает еще одну попытку:

— Мне было тринадцать.

Он встает и закрывает дверь. Садится снова, по-прежнему не сводя с нее глаз. В конце концов на его лице возникает понятное ей выражение: стыд.

— Я доверяла тебе, — продолжает она. — Мы все доверяли тебе.

Она не рассказывает о том, как болело сердце, когда он перестал прикасаться к ней, о тоске, мучившей ее с тех пор, как он прекратил приглашать ее на дополнительные занятия.

Это ее позор. Ей с этим и жить.

— Ты тут еженедельно разглагольствуешь о чистоте и целомудрии. Если истинная любовь способна ждать, почему тебе это оказалось не по силам?

Она плачет, а ведь надеялась обойтись без слез. Хотела быть твердой. Слишком долго Ханна держала в себе эти слова, и теперь они вырвались на волю.

Петер протягивает ей пачку бумажных носовых платков. Она вытаскивает один для носа, другой для глаз. Когда все перестает расплываться, в его

глазах она тоже видит слезы.

Она чувствует себя просто ужасно.

— Ханна, выслушай меня, — говорит Петер. — Мне очень, очень жаль. Ты права. То, что мы делали, неправильно. Ты бесценный дар Господа и всегда останешься им для меня. Не было дня, чтобы я не сожалел о содеянном. Я все время молюсь о прощении.

Он встает с кресла и опускается перед ней на колени. Берет ее за руки:

— Ханна, пожалуйста, пойми. Мне ужасно стыдно. Но я знаю, что способность Бога прощать безгранична. И еще я знаю: Бог хочет, чтобы я продолжал делать свое дело здесь. Я умею дотягиваться до ребят и спасать их души. Вот чего Господь ждет от меня. Было бы ужасно, если бы что-то помешало этому. Понимаешь?

— Да, — отвечает она. — Понимаю.

— Иногда чувство вины захлестывает меня с головой. Гложет мысль, что я не гожусь для этой работы. Однако потом понимаю: это нашептывает дьявол, добиваясь, чтобы я ослаб. Бог хочет, чтобы я оставался здесь.

Ханна снова хлюпает носом.

— Мне очень жаль, Ханна. Пожалуйста, прости меня.

— Не могу, — говорит она.

Вытирает слезы, встает, открывает дверь.

— Ханна! Остановись!

Она выходит. Забирается в пикап, где ждут папа и Франни.

— Что ты там застряла? — ворчит Франни.

— Разговаривала с Петером.

— Ты плачешь?

— Франни, все в порядке.

— А по-моему, ты плачешь.

— Франни, отстань.

Ночью Ханна не может уснуть. Часы отсчитывают одиннадцать, потом двенадцать. Это старая проблема, с которой она борется много лет.

Она выбирается из постели. Включает лампу. Открывает Библию на странице с загнутым уголком и читает отрывок, помеченный пять месяцев назад.

Если вы пребудете в слове Моем, то вы истинно Мои ученики.

И познаете истину, и истина сделает вас свободными.[34]

Истина — это трудно. Истина — это стыдно. Истина восстановит против нее родителей, за-

---

[34] Примечания: 34
Евангелие от Иоанна (8: 31). — *Прим. перев.*

ставит отвернуться друзей. Разрушит все связи, обречет ее на одиночество.

Истина разрушит ее жизнь.

На протяжении пяти месяцев она знала, что нужно делать, но ужасно боялась.

Она покидает свою спальню и идет по коридору в комнату Франни. Та спит, разметав волосы по подушке, губы приоткрыты, одеяло отброшено. Ханна свертывается калачиком рядом с сестрой, не будя ее.

Интересно, в каких воображаемых мирах пребывает девочка? В таких же буйных и красочных, как миры самой Ханны? Возможно, она никогда этого не узнает. Сестры — во многом загадка друг для друга. Но, возможно, в ее силах сделать реальный мир немного безопаснее для девочки. Чтобы защитить юность Франни, она сама должна повзрослеть.

Ханной владеет страх, но у нее есть против него заклинание: любовь.

Любовь выше страха.

Сильная магия.

Могущественная магия.

Она повторяет эти слова снова и снова, пока не засыпает.

Волшебница Ханна-из-Леса приводит свои

вещи в порядок. Протирает зеркало и пыльные книги. Выпалывает сорняки в саду. Выметает мусор в доме. Выпивает чашку чая. Все это успокаивает ее, помогает собрать мужество.

Вечерние тени удлиняются, наступает ночь. Ханна заплетает волосы в косу. Открывает окно. Говорит молитву; на самом деле это замаскированное заклинание. Что такое магия, как не желание, выраженное словами? Ее желание сильно, она подбирает слова осторожно.

Она открывает пузырек.

Как волшебница, Ханна всегда ощущает присутствие силы — и это тот самый случай. Сегодня ночью духи приманят к ней инкуба, но одновременно они могут привлечь другую опасную нечисть, притаившуюся в этом мире или рядом с ним. Она пытается спасти Перта Пердида, но с такой же легкостью может обрушить сонм призраков на головы его жителей.

Иметь дело с темной магией рискованно.

Она роняет каплю на левое запястье, вторую на правое, третью на ключицу над сердцем.

Она расставляет ловушку, сама выступая в роли приманки.

Ложится в постель и ждет, глядя, как струйки летнего дождя бьют в окно, преобразуясь в полу-

прозрачную завесу.

Этой ночью ничто не угрожает Перта Пердида — инкуб возбужденно бродит по лесу, отыскивая источник дразнящего запаха.

Когда он приходит, она готова. Ханна чувствует его тяжесть, опускающуюся на нее, словно туман в лесу, — влажный покров зияющей пустоты, жаждущей стать наполненной, но нуждающейся в призыве. Поглощающей душу, словно решето, сквозь которое утекает вода. Она произносит слова, до утра связывающие ее с инкубом: заклинание влюбленных, рожденных друг для друга; заклинание чистого ночного неба, усеянного мириадами звезд. И в эти чары вносятся поправки ее собственного изобретения.

Всю эту трудную ночь она борется и танцует с лишенным всякой теплоты созданием. Обнимает бездну, рискуя утратить самое себя под натиском волшебства исключительной силы. Соблазняет ненасытное чудовище, чтобы заняться с ним любовью. Она очень хорошо понимает, что делает. Понимает и то, что такие игры с потусторонним миром угрожают всему, что она знает и чем дорожит.

Когда первые лучи рассвета вспыхивают в темном небе, сила связывающего заклинания

начинает спадать. Тень выскальзывает из окна и принимает облик оленя; то же самое делает и волшебница.

Обогнав инкуба-оборотня, она мчится к лесу, то прыжками, то рысью, приглашая его следовать за собой.

Она говорит с ним на языке, который знают оба.

Она поет ему древние песни.

Она учит его стихам и молитвам.

Это утро в лесу не наступает; ветви перекрывают золотистый солнечный свет, порождая вечные сумерки.

Весь долгий темный день они со сверхъестественной быстротой скачут по лесу, удаляясь все дальше от города. Бегут так, словно никогда не делали и не будут делать ничего другого. Она все глубже заводит его в лес; он не помнит дороги обратно — как это было когда-то с ней самой.

Так проходят часы. Она и сама растворяется в радости кинетической энергии, в быстром стуке копыт, в грации гибких прыжков. Город остался далеко позади — но и она тоже; временами она ощущает себя не более чем быстро движущимся физическим телом.

Олени мчатся до тех пор, пока не оказываются

на противоположном краю леса. Дальше лежит шоссе. Уже в другом мире, который мы называем реальным.

В мире, где есть только одна магия — магия метафор.

В мире, где любовь — это заклинание, изгоняющее страх.

В мире, где олень — просто олень.

В этом мире та, что была всего лишь миг назад волшебницей, прыжками пересекает шоссе, стремясь укрыться в кустарнике на другой стороне.

перевод Б. Жужунавы

Питер С. Бигл
ДАР

Питер С. Бигл — автор прославленного классического романа «Последний единорог». Первая книга, опубликованная им в девятнадцатилетнем возрасте, — восторженно принятый критикой «Тихий уголок» («A Fine and Private Place»). Другие известные романы — «Песня трактирщика» («The Innkeeper's Song»), «The Folk of the Air», «Tamsin».

Бигл также выдающийся автор рассказов, большинство из которых вошли в сборники «The Rhinoceros Who Quoted Nietzsche and Other Odd Acquaintances», «The Line Between», «We Never Talk About My Brother» и «Mirror Kingdoms». За свои труды он получил множество наград, включая «Хьюго», «Небьюлу», Мифопоэтическую премию и «Локус».

По легенде, когда молодой Ромул приступил к строительству Рима, братблизнец Рем в насмешку над его затеей

перепрыгнул через стену. Это до того рассердило Ромула, что он убил брата и поклялся: та же судьба постынет любого, кто вздумает перебраться через стену Рима.

Соперничество между юными братьями и сестрами не всегда принимает такие жестокие формы, но временами оно разгорается не на шутку. Порой смотришь на детей, и не верится, что свое воспитание они получили не в волчьей стае. Дэниел Уилсон в недавно вышедшей книге «Bro-Jitsu: The Martial Art of Sibling Smackdown» досконально исследовал эту тему и даже предложил список из ста двадцати шести способов завоевать доминирование, от щелчков по ушам и подножек до вздергивания сзади трусов и ударов мокрым полотенцем.

За ссорами из-за сущих пустяков (у кого оценки лучше, чьи друзья интереснее, кого сильнее любит мама) нередко приходят весьма и весьма горькие чувства. Что уж говорить о зависти к брату, в котором вдруг проснулись гены волшебника. Но сколько бы вы ни цапались с этим балов-

нем судьбы, следует помнить: ничто так не объединяет семью, как появление внешнего врага.

— Нет, нельзя его убивать, — твердо сказал мистер Люк. — Твоей маме это не понравится. — И, подумав, добавил: — Да и я, наверное, расстроюсь.

— Это еще не все, — возразила Энжи с мелодраматичным нажимом, как в рекламе чудо-швабры. — Далеко не все. Я тебе не рассказала про «начинку» в кексах…

— Нет, рассказала.

— И про то, как он выболтал Дженифер Уильямс о приготовленном для нее подарке на день рождения, а она закатила истерику, потому что у нее уже было два таких…

— Он хотел как лучше, — осторожно вставил отец. — Я почти уверен.

— А еще он наябедничал маме про нас с Орландом Крузом, а мы вообще ничего такого не делали.

— Все равно. Никаких убийств.

Смахнув со лба потные мышино-русые волосы, Энжи зашла с другой стороны:

— А хотя бы чуточку покалечить можно? Чест-

ное слово, он это заслужил.

— Не сомневаюсь, — согласился мистер Люк. — Но тебе двенадцать, а Марвину восемь. Восемь с половиной. Ты больше его, поэтому бить нечестно. Когда тебе будет… ну, скажем, двадцать, а ему шестнадцать с половиной, тогда ладно, можешь попробовать. Но не раньше.

Фырканье Энжи можно было принять или не принять за согласие. Она уже собралась выйти из комнаты, но отец, протянув правую руку, позвал ее:

— Клянись мизинцем, дружок.

Энжи поглядела на него настороженно, но без заминки зацепила своим мизинцем его, что было ошибкой.

— Слишком уж ты легко согласилась, — нахмурился отец. — Клянись Баффи.

— Что? Нельзя клясться телесериалом!

— Где это написано?.. Повторяй за мной. Клянусь Баффи, истребительницей вампиров…

— Ты правда мне не доверяешь?!

— Клянусь Баффи, истребительницей вампиров, что и пальцем не трону младшего брата…

— Младшего брата-монстра. С тех пор как он повелся с этим… как его там… он стал еще хуже.

— …и перестану звать его Гуталаксом…

— Да брось. Я обзываюсь, только когда он совсем меня достает.

— …пока он не достигнет возраста шестнадцати лет и шести месяцев, по истечении…

— По истечении этого срока я сделаю из него котлету. Идет. Могу и подождать.

Она расплылась в улыбке, потом смущенно отвернулась, старательно прикрывая нижней губой новенькую пластинку. У двери оглянулась и бросила через плечо:

— Слишком ты умный для отца.

— Я и сам часто так думаю, — ответил уже скрывшийся за книгой мистер Люк.

Остаток вечера Энжи провела у себя в комнате, делая по телефону домашнее задание со своей лучшей подругой Мелиссой Фельдмен. Закончив и сочтя, что теперь достойна награды в виде обезжиренного мороженого, она спустилась на кухню. Путь лежал мимо двери в комнату брата. Заглянув туда (не потому, что там ждало что-то интересное, а потому, что Марвин вечно болтался у ее собственной двери, с увлечением наблюдая, что она делает), она увидела, как он, лежа на полу, играет с Миледи, старенькой серой кошкой. Тут не было ничего необычного. Марвин и Миледи дружили с тех пор, как он достаточно подрос,

чтобы понять: кошек не едят. Но Энжи застыла как вкопанная из-за того, что играли они в «Монополию» и что Миледи как будто выигрывала.

Завороженная и испуганная одновременно, Энжи прислонилась к косяку. Марвину приходилось бросать кости за обоих; старую кошку мучил артрит, поэтому ей было трудно управляться с мелкими пластмассовыми денежками. Но она ждала очереди и передвигала своего игрока (у нее был серебряный цилиндр) очень тщательно, словно обдумывала возможные варианты. Она уже приобрела отель на Парк-плейс.

Заметив, что сестра наблюдает за игрой, Марвин тут же вскочил и захлопнул дверь у нее перед носом, а Энжи отправилась конфисковывать большую, чем планировалось, порцию мороженого. Когда в контейнере уже показалось дно, ей удалось затолкать увиденное подальше, в тот уголок мозга, который она называла «забывчивостью». Как она однажды сказала подруге Мелиссе: «Иногда информации бывает слишком много, но я не дам себя использовать. Никогда не буду знать больше, чем хочу. Только взгляни, каково президенту».

Следующую неделю или около того Марвин старался не попадаться Энжи на глаза, и уже одно

это заставило ее слегка насторожиться.

С Марвином не мешало помнить: если его нигде не видно, держи ухо востро. И тем не менее на поверхности все было довольно мирно. Так продолжалось до того вечера, когда Марвин отправился танцевать с пакетами для мусора.

Поскольку наутро должны были вывозить мусор, миссис Люк дала ему два больших зеленых пластиковых мешка, чтобы он отнес их к бакам у подъездной дорожки. Марвин постоянно хныкал из-за обязанностей по дому, поэтому Энжи осталась у открытого окна: удостовериться, что он не бросит пакеты в траву и не сбежит в какую-нибудь свою тайную «берлогу». Миссис Люк вернулась в гостиную, где по телевизору шли новости, но Энжи еще стояла у окна, когда Марвин, украдкой оглядевшись по сторонам, пробормотал несколько слов, которых она не разобрала, а потом что-то сделал левой рукой, так быстро, что она увидела лишь размытое движение. И два зеленых мешка заплясали.

Колени у Энжи подкосились, и она, сама того не заметив, осела на подоконник. Марвин выпустил мешки из рук, и они закачались подле него — назад, вперед, из стороны в сторону, и проделывали это синхронно, к тому же в точности вторя его

шагам, словно он «звезда», а они «подтанцовка». К изумлению Энжи, Марвин прищелкивал пальцами и выдавал степ (ей бы и в голову не пришло, что он такое умеет), и пока троица приближалась к мусорным бакам, у мешков отросли зеленые ручки и ножки. Когда же они достигли цели, танцоры Марвина тут же обмякли и снова превратились в мешки с мусором. Марвин перевалил их через край, отряхнул руки и повернулся к дому.

Тут он встретился взглядом с сестрой, но ни один из них не произнес ни слова.

Энжи поманила его к себе. Столкнувшись у двери, они уставились друг на друга.

— В мою комнату, — только и сказала Энжи.

Марвин потащился за ней, глядя куда угодно, только не на сестру. Усевшись на кровати, Энжи смерила его внимательным взглядом: пухленький и перепачканный, с непокорной гривой ржаво-русых волос и повязкой на глазу, призванной усмирить иногда косящий левый глаз.

— Ну, выкладывай, — велела она.

— Что выкладывать? — В восемь с половиной лет у Марвина был глубокий с хрипотцой голос, вроде глухого кваканья. Мистер Люк упорно повторял, что, перед тем как родиться, лягушонок

превратился в мальчика. — Я твою подставку для CD-дисков не ломал.

— Нет, сломал, — сказала Энжи. — Но я не о том. Поговорим-ка про мешки с мусором. Поговорим про «Монополию».

Ко лжи Марвин относился крайне практично: в критической ситуации всегда говорил правду, пока в голову не приходило что получше. Сейчас он сообщил:

— Предупреждаю, ты мне не поверишь.

— Никогда и не верила. Валяй, попробуй.

— Ладно. Я ведьма.

Когда Энжи наконец обрела дар речи, то выпалила первое, что пришло ей на ум и чего она позже до скончания века стеснялась:

— Ты не можешь быть ведьмой. Ты мальчик, а значит, маг, или колдун, или еще что.

«Неужели я такое говорю?» — подумала она.

Марвин так сильно затряс головой, что едва не слетела повязка.

— Ха! Это в книжках и в кино. Бывают мужчины-ведьмы и женщины-ведьмы, вот и все. Я мужчина-ведьма.

— Если вешаешь мне лапшу на уши, ты покойник, — пригрозила Энжи.

Ее братец скалился как пират (дома он часто

повязывал на голову бандану и вечно упрашивал мистера Люка купить ему попугая).

— Спроси Лидию, — предложил он. — Это она догадалась.

Лидия дель Кармен де Мадеро-и-Гомес была домработницей Люков еще до рождения Энжи. Она приехала с Кубы, из Сьего-де-Авила, и утверждала, что, когда девушкой работала в семье Кастро, меняла подгузники маленькому Фиделю. Все эти годы (никто не знал, сколько ей лет, а Люки и подавно) глаза у Лидии оставались ясными, как у ребенка, и временами Энжи плакала, завидуя ее прекрасной морщинистой темной-претемной коже. Лидия хорошо ладила с Энжи, говорила по-испански с ее матерью и учила мистера Люка готовить блюда кубинской кухни. Очевидно и другое: Марвин с пеленок был ее любимчиком. По субботам они ходили в кино на испанские фильмы, а еще за покупками в баррио на Боуэн-стрит.

— Догадалась… — повторила Энжи. — О чем? Лидия тоже ведьма?

Во взгляде Марвина читалось, что он никак не возьмет в толк, откуда у его родителей такая дочка.

— Нет, конечно, она не ведьма. Она сантера.

Энжи вздрогнула. О сантерии она знала столько же, сколько любая американка, выросшая в крупном городе со все растущими кварталами африканцев и латиноамериканцев, — то есть кое-что. Газетные статьи и документальные фильмы сообщали, что сантерии приносят в жертву козлов и кур и… что-то делают с кровью. Она попыталась представить себе Марвина с окровавленными руками и бройлером, но не смогла.

— Значит, Лидия тебя в это втянула? — спросила она наконец. — Ты тоже сантеро?

— Не-а. Я же тебе сказал, я ведьма. — Раздражение Марвина достигало критической массы.

— Викка? — не унималась Энжи. — Ты поклоняешься Великой Богине? У нас в классе есть одна такая девочка, Делвин Маргелис. Она викка и только об этом и твердит. Шабаты, эшбаты, притянуть Луну на Землю и так далее. Кожа у нее, как терка для сыра.

Марвин недоуменно моргнул, а потом внезапно плюхнулся на ее кровать и схватил ковылявшую мимо Миледи, чтобы шумно выдохнуть в мохнатое брюшко.

— Я уже знал, что кое-что могу. Помнишь резинового утенка и ту игру в баскетбол?

Энжи помнила. Особенно резинового утенка.

— Так вот. Лидия отвела меня на фермерский рынок, к очень-очень старой тете, она даже старше Лидии, и ее зовут Йемайя… ну что-то вроде того. Она курит такую смешную трубочку. Ну вот, старуха меня взяла за щеки и посмотрела мне в глаза, а потом свои закрыла и так сидела долго-долго! — Марвин хихикнул. — Я думал, она заснула, и начал пятиться, но Лидия мне не позволила. Так старуха сидела и сидела, а потом открыла глаза и сказала, что я brujo, то есть «ведьма» по-испански. А Лидия купила мне рожок с двумя шариками мороженого и «Эм-энд-эмз».

— К пятнадцати годам все зубы растеряешь, — уколола Энжи, поскольку не знала, что сказать, какой вопрос задать. — И это все? Старуха дает тебе уроки колдовства или еще чего-нибудь?

— Не-а, я же сказал, она большая сантера, это другое. Я ее только раз и видел. Она все твердила Лидии, что у меня есть el Regalo — кажется, это значит «дар», она часто это слово повторяла — и что мне надо практиковаться. Как тебе на кларнете.

Энжи поморщилась. Руки у нее были маленькие, с толстыми пальцами, и музыка утекала сквозь них, словно дождь. Родители из сочув-

ствия предложили отменить уроки кларнета, но она отказалась. Энжи призналась подруге Мелиссе: она не умеет мириться с поражением.

Сейчас она спросила:

— И как ты практикуешься? Играешь с мешками мусора?

Марвин покачал головой.

— Надоело. И «Монополия» с Миледи тоже. Может, удастся заставить посуду саму себя помыть, как в «Красавице и чудовище». Готов поспорить, я сумею.

— Можешь заколдовать мои уроки, — предложила Энжи. — Алгебру для начала.

— Я же еще маленький, — фыркнул брат. — Ты про домашнее задание?

— Ага, — кивнула Энжи. — Ладно. Слушай, как насчет того, чтобы наложить крутое заклятие на Тима Хабли? В следующий же раз, когда он придет к нам с Мелиссой? Например, чтобы ноги у него стали совсем плоские и он не мог играть в баскетбол. Это единственное, чем он ее привлекает. Или… — Тут она помешкала и нерешительно продолжила: — Как насчет того, чтобы Джейк Петракис безумно, очертя голову, по уши в меня влюбился? Было бы… забавно.

Марвин был занят Миледи.

— Девчоночьи игры, кому это нужно? Я хочу стать таким волшебником, чтобы все пожелали оказаться на моей стороне. Хочу, чтобы у толстого Джоша Уилсона на обоих глазах были повязки, и тогда он оставит меня в покое. Хочу, чтобы мама каждый вечер заказывала пиццу-пеперони с тонкой корочкой, папа…

— Никаких заклятий на папу с мамой! Никаких! — Вскочив на ноги, Энжи угрожающе нависла над братом. — Слышишь, Гуталакс? Только попробуй что-нибудь с ними учинить, и уж поверь, тебе понадобятся чертовски хорошие чары, чтобы я тебя не задушила. Понял?

Марвин кивнул, а Энжи, успокоившись, сказала:

— Ладно, знаешь что? Как насчет того, чтобы попрактиковаться на тете Каролине, когда она придет на выходные?

Пухленькая пиратская физиономия Марвина расплылась в улыбке. Тетя Каролина приходилась матери старшей сестрой и славилась в семье Люков тем, что знала все обо всем. Она была приятным и порядочным человеком, но вечная мина самодовольного всезнания даже святого превратила бы в убийцу-маньяка. Назови страну, и окажется, что тетя Каролина провела

там достаточно времени, чтобы знать о ней больше любого местного жителя; упомяни газетную статью, и тетя Каролина обязательно расскажет что-нибудь на ту же тему (чего в газете не было); подхвати простуду, и тетя Каролина назовет девичью фамилию матери лучшего медэксперта по риновирусам (мистер Люк часто повторял, что девиз тети Каролины таков: «Только открой рот и, готова поспорить, ошибешься»).

— Но чтобы ничего опасного, — предупредила Энжи. — Ничего пугающего. И не ставь ее в неловкое положение, идет?

Марвин насупился:

— А что же тогда осталось?

— Если сделаешь что-то серьезное, они поймут, что это ты, — указала сестра. — Я бы догадалась.

Марвин, любивший переодевания, сдался.

Всю неделю до прибытия тети Каролины Марвин вел себя так примерно, что миссис Люк заволновалась, не заболел ли он. Энжи изо всех сил за ним приглядывала, но так и не сообразила, что он затевает, и вообще, она заподозрила, что Марвин сам не знает этого. Однажды она застала его за переключением каналов без пульта, в другой раз, получив задание чистить картошку и морковку для супа, он предоставил работать

ножу, а сам читал комиксы в воскресной газете. Подобное отсутствие амбиций чуть умерило смутное беспокойство Энжи относительно большого семейного обеда, который традиционно устраивали в первый вечер визита тети Каролины.

Среди прочего тетя Каролина была из тех женщин, которые не способны поехать куда-либо, не попытавшись там скупить полгорода. Ее дом был до отказа набит сувенирами со всего света: детскими игрушками из Словении, статуэтками из Пакистана, кольцами для салфеток в виде львов и жирафов из Кении, мириадами медных браслетов, шкатулок и деревянных божков из Индии и таким количеством русских матрешек, что она раздавала их в качестве подарков каждое Рождество. И, приезжая к Люкам, она обязательно прихватывала с собой новое приобретение, чтобы им все полюбовались. Поэтому, говоря словами мистера Люка, обед с тетей Каролиной был всегда «временем похвал и похвальбы».

Самый последний вояж привел ее (уже в третий или четвертый раз) в Западную Африку, откуда она вывезла очередное сокровище: злобного вида куклу — такой злой Энжи в жизни не видела. Кукла возвышалась на два фута возле тарелки

тети Каролины, имела уши, как у летучей мыши, излишек пальцев и глаза в виде двух зеленых камешков с сеточкой красных прожилок. Тетя Каролина вдохновенно объясняла, что это идол плодородия одного-единственного бенинского племени, во что Энжи было трудно поверить.

— Не выйдет! — громко объявила она. — Мне и в голову бы не пришло рожать детей, пока эта штуковина будет на меня пялиться! Да она даже беременной не выглядит.

Тетя Каролина уже проглотила две смешанные мистером Люком «Маргариты» и расправлялась с третьей, а потому не без пыла ответила, что не всех идолов плодородия снабжают шарообразными грудями, круглыми животами и отвислыми задницами — «некоторые так очень худые, даже по западным меркам!». Саму тетю Каролину, вероятно, смоделировали с китайской палочки для еды.

Энжи как раз набирала в грудь воздуха, чтобы ответить, когда услышала, как у нее за спиной отец произнес: «Ох ты, Господи Харрисон Иисусе», а мама тихо ахнула: «Каролина!»

Но тетя Каролина была занята объяснением племяннице, что та решительно ничего не смыслит в плодородии и плодовитости.

— Заткнись, Каролина, дурочка! — сказала миссис Люк значительно громче.

— Что-что? — воскликнула тетя Каролина и только после этого оглянулась.

И Энжи тоже. Обе завопили.

Кукла отращивала все то, в чем (по утверждению тети Каролины) решительно не нуждалась, дабы считаться идолом плодородия. Она была вырезана из черного дерева или чего-то еще более твердого, но сейчас у нее выпирали груди, живот и бедра — в точности как ручки и ножки из мешков с мусором Марвина. Даже выражение лица изменилось: из голодно-хитроватого стало глупо-счастливым, словно она вот-вот кого-то поцелует. Кукла сделала несколько нетвердых шагов по столу и наступила в сальсу.

Тут начали появляться младенчики.

Они падали на обеденный стол, быстро и громко, словно капли деревянного дождя. Один за другим, один за другим — точные маленькие копии, миниатюрки глупо улыбающегося идола. «Так из Миледи падали мне на колени котята», — не к месту подумала Энжи. Один пупсик упал на край ее тарелки и, отскочив, угодил в суп. Парочка скатилась на колени мистеру Люку, и, торопясь убраться куда подальше, он опрокинул

стул. Миссис Люк попыталась схватить их всех разом, что ей не удалось. Тетя Каролина сидела и вопила. А кукла все ухмылялась и рожала детей.

Марвин стоял, прислонясь к стене, и выглядел одновременно испуганным, как тетя Каролина, и глупо-довольным, как кукла.

Поймав его взгляд, Энжи отчаянно замахала руками, мол, хватит, останови ее, выключи, но то ли братец слишком веселился, то ли понятия не имел, как снять заклятие. Одна куколка ударила Энжи по голове, и перед глазами у нее вдруг предстала ужасная картина: вся семья тонет в деревянных младенцах и тянет руки к свободе, пока каждый не уйдет на дно. Еще один младенец отскочил от супницы, угодив девочке в ухо, острый палец из черного дерева оцарапал кожу до крови.

Наконец все стихло (Энжи так и не узнала, как Марвин это провернул), и семья почти успокоилась, не считая тети Каролины. С физиономии божка сползла маска тупого счастья, а сам он снова превратился в стандартный гадкий сувенир из дьюти-фри в аэропорту, деревянные же младенцы растаяли, словно ледяные. Энжи успела разглядеть, как один исчезает прямо перед носом у тети Каролины, которая к этому моменту

перестала орать и начала икать и бить по столу ладонями. Мистер Люк похлопал ее по спине, а Энжи вызвалась потренироваться в приеме Хаймлиха, но от ее помощи отказались. Тетя Каролина рано легла спать.

Позже в своей комнате брат спрятался под кроватью и возмущенно спросил:

— Ну что еще? Ты просила не пугать. Что страшного в том, что у куклы появляются дети? Я думал, будет забавно.

— Забавно, — повторила Энжи. — Ха-ха.

И задумалась, какой тюремный срок ей дадут, если она в самом деле убьет брата. «Десять лет? Пять при хорошем поведении и посещении психиатра? Выдюжу как-нибудь».

— А как насчет моей просьбы не ставить тетю Каролину в неловкое положение?

— И чем же я ее оконфузил? — Видимый глаз Марвина расширился от возмущения. — Нельзя ей столько пить.

— Рано или поздно они все поймут, — предостерегла брата Энжи. — Если не тетя Каролина, то мама уж точно. Твоим играм конец, приятель.

Но, к ее собственному изумлению, о происшествии ничего не было сказано и на следующий день, и после того — ни наблюдательной мате-

рью, ни сухо проницательным отцом, ни даже тетей Каролиной, от которой следовало бы ожидать хоть какого-то замечания за завтраком. Недоумевающая Энжи сказала дремавшей на ее подушке Миледи:

— Наверное, когда случается что-нибудь слишком уж странное, все делают вид, будто ничего особенного не произошло.

Ее саму это объяснение ни в коей мере не удовлетворило, но за неимением другого… Старая кошка прищурилась в сонном согласии и свернулась еще более уютным клубочком, после чего, не переставая урчать, заснула.

С того дня Энжи наблюдала за Марвином пристальнее, чем тогда, когда он был совсем маленьким и впервые обнаружил пристрастие к играм на проезжей части. Была у нее причина для тревоги или нет, но он вел себя более или менее паинькой, если не считать того раза, когда превратил в цемент воздух в шинах велосипеда парнишки, который украл его комикс про супермена. А еще была история с зачарованным мячом, который то и дело подкатывался к нему, будто не мог снести близости другого человека. И Энжи научилась с особым тщанием готовить себе бутерброды, потому что, если надолго выпустить

братца из виду, в приготовленном мог оказаться лишний ингредиент. Однажды — сладкий перец, в другой раз — соус табаско, но особой любовью Марвина пользовались острые мексиканские перцы. Случались и другие добавки — не столь острые, но гораздо более неприятные. Выведенная из себя, она как-то рявкнула сочувствующей Мелиссе Фельдмен, у которой было два собственных брата: «Детей следует запирать в тюрьму только за то, что им восемь с половиной лет».

Ей даже думать не хотелось о выходках Марвина, касающихся Джейка Петракиса.

Джейк учился на класс старше Энжи. Он был наполовину греком, наполовину ирландцем, и его оливковая кожа так красиво оттеняла голубые глаза и густые ярко-рыжие волосы, что с четвертого класса она боялась встречаться с ним взглядом. Он состоял в школьной команде по плаванию, а еще был президентом шахматного клуба и гулял с Эшли Саттон, королевой младших классов, которую верная Мелисса окрестила Бэ-э-эшли-Эшли. Но с Энжи он неизменно общался весело и по-дружески, всегда говорил: «Привет, Энжи!», и «Как дела, Энжи?», и «Увидимся осенью, Энжи, хороших тебе каникул». Все это она держала в себе, берегла каждую фразу и одновременно

не могла этого снести.

Когда дело доходило до Джейка Петракиса, Марвин становился безжалостнее москита. Он подвывал, и охал, и чмокал губами всякий раз, когда ловил Энжи за рассматриванием фотографии Джейка в школьном альбоме, и доводил ее до белого каления, ведя воображаемые разговоры между ними — обязательно так, чтобы сестра слышала. По всей видимости, он поднаторел в магии настолько, что в любой момент ей на кровать могла упасть надушенная и разрисованная любовная записка с орфографическими ошибками, роза на длинном стебле, дешевые ювелирные украшения (Марвину не хватало опыта, и у него был на редкость плохой вкус) и мелкие, смазанные фотографии Джейка и Эшли вместе. Мистеру Люку не раз приходилось напоминать Энжи о данной ею клятве, обещая новый велосипед, если Марвин доживет до конца года целым и невредимым. Энжи потребовала горный велосипед, и отец вздохнул.

— Всегда ходили легенды, что цыгане крадут детей, — тоскливо посетовал он. — Но, по всей видимости, дело обстоит как раз наоборот. Ладно, договорились.

Тем не менее выпадали и вполне мирные мгно-

вения, нередко в комнате Марвина. Там было гораздо опрятнее, чем у Энжи, даже несмотря на разбросанную по полу одежду и торчащие из-под кровати коробки с играми. По стенам Марвин развесил вкладные карты из «Нэшнл джиографик», причем так аккуратно, что стыки почти не обнаруживались. А особая стена была посвящена фотографиям разных дядек с насупленными бровями и странными взглядами. Энжи опознала Распутина, еще нескольких знача по именам: например, Алистера Кроули и мужчину в ренессансном камзоле по имени доктор Джон Ди. Были и две женщины: плакатик с юной ведьмой Уиллоу из «Баффи — истребительницы вампиров» и фотография негритянки в тюрбане с рожками. Но никакого Гарри Поттера. Гарри Поттер Марвина не впечатлил.

А однажды после школы Энжи нашла здесь совсем маленького котенка, который неуверенно бродил по заваленной книгами кровати Марвина. Удивленная Энжи подхватила его и поднесла к лицу, чувствуя, как он мурлычет под ее пальцами. Котенок был пепельно-серым, почти как Миледи, — правду сказать, Энжи больше не видела кошек именно такого окраса. Ласково почесывая зверьку брюшко, Энжи спросила:

— И кто же ты у нас такой, а? Кто бы это мог быть?

Марвин, кормивший своего морского ангела, не поднимая глаз, ответил:

— Миледи.

Энжи уронила котенка на кровать.

— То есть Миледи, когда была маленькой. Я слетал за ней.

Повернувшись, он расплылся в той невыносимо довольной пиратской ухмылке, которую Энжи терпеть не могла, и явно наслаждался произведенным впечатлением. Ей понадобилась минута, чтобы подобрать слова, и еще больше времени, чтобы их выговорить:

— Ты слетал за ней?..

— Ну да, в прошлое. Проще простого, — отозвался Марвин. — Вот вперед — трудно. Сомневаюсь, что я взаправду могу попасть в будущее. Вероятно, доктор Ди сумел бы.

Взяв котенка, он снова подал его сестре. Это действительно была Миледи — вплоть до искривленного левого ушка и забавного коротенького хвостика с черным пятнышком на конце.

— Ей все время было больно, — продолжал Марвин. — Она была совсем старенькой. И я подумал, а что, если бы… ну, понимаешь… она могла на-

чать сначала, когда у нее еще не было артрита…

Он не закончил.

— И где тогда Миледи? — с запинкой спросила Энжи. — Другая? Я хочу сказать, если ты принес эту… как они могут существовать одновременно?

— Не могут, — пожал плечами Марвин. — Старая Миледи исчезла.

У Энжи сжалось горло. Глаза у нее вдруг чем-то забились, и нос тоже, пришлось высморкаться, прежде чем заговорить. Глядя на котенка, она знала, что это Миледи, даже заставила себя подумать, как хорошо будет, когда она снова станет прыгать по дому, а не ковылять и мяукать от боли. Но она знала и любила старую кошку, не помнила ее котенком, поэтому, когда новая Миледи попыталась забраться к ней на колени, Энжи ее отпихнула.

— Ладно, — сказала она брату. — Как ты попал… назад, в прошлое или куда там еще?

Пожав плечами, Марвин снова занялся рыбкой.

— Пустяки. Нужно только сосредоточиться.

Энжи запустила ему в шею пластмассовым мячиком, и он раздраженно обернулся:

— Отстань наконец! О’кей, есть одно заклина-

ние, если тебе хочется знать. И его надо повторять снова, и снова, и снова, пока совсем тошно не станет, а еще есть кое-какие травы. Их нужно зажечь и подвесить, закрыть глаза, вдохнуть дым и произнести слова…

— Так и знала, что это из твоей комнаты в последнее время чем-то воняет. Я думала, ты опять тайком таскаешь карри в кровать.

— А потом открываешь глаза, и пожалуйста, — закончил Марвин. — Я же сказал, проще простого.

— И где ты оказываешься? Откуда ты знаешь, куда попадешь? Когда вернешься? Трижды щелкаешь каблуками и говоришь: «Дом, дом, милый дом»?

— Нет, дурочка, я просто знаю.

Большего Энжи от него не добилась, и не потому, что он не желал говорить, а просто не мог объяснить. Ведьма или нет, он все-таки был маленьким мальчиком, который, в сущности, понятия не имел, что творит. Он поступал наобум, действовал наугад.

От споров с Марвином у Энжи всегда болела голова, и в сравнении с ними домашняя работа по истории (подъем купечества в Англии) начинала казаться привлекательной. Она ушла к себе и

прочла целых две главы, когда в ее комнату, спотыкаясь и мяукая, забралась маленькая Миледи. Энжи позволила ей спать у себя на столе.

— Ну и плевать, — сказала она киске. — Ты-то в чем виновата?

Когда тем вечером мистер и миссис Люк вернулись домой, Энжи сказала, что, пока они были на работе, Миледи мирно умерла от болезни и старости и уже похоронена в саду (Марвин хотел превратить все в кошмарный несчастный случай на дороге со зловещим черным джипом и заляпанными номерами, которые начинались на «Г», но Энжи эту идею забраковала). Вкладом Марвина в ее объяснения стал рассказ о том, как он увидел нового котенка в витрине зоомагазина, и «она была так похожа на Миледи, что я все карманные деньги на нее истратил, и я сам буду за ней убирать, честное слово!». Мама, никогда не любившая кошек, историю проглотила, однако в отце девочка не была так уж уверена.

Дальнейших свидетельств того, что Марвин играет со временем, как будто не последовало. И вопреки ожиданиям он не стремился превратиться в лучшего футболиста второго класса, лишь чуть подправил свои оценки, чтобы в одиннадцать лет попасть в колледж, и по мелочам давал

кое-кому сдачи (поскольку Марвин ничего не забывал, список обидчиков брал начало в те времена, когда он едва-едва вышел из пеленок). Энжи почти всегда могла определить, когда Марвин с помощью магии стелет кровать или заставляет домашние цветы расти быстрее, но дальше этого он как будто не двигался, и это устраивало сестру. Энжи о магии не заговаривала.

Однажды она застукала Марвина, когда тот ползал по потолку как Человек-Паук: она наорала на брата, Марвин упал на кровать, и его стошнило. И разумеется, был еще случай (два, если уж точно), когда в отсутствие миссис Люк Марвин выстроил всю обувь в ее шкафу по струнке и заставил притоптывать и выделывать всякие па танцорок из шоу «Рокетте». Энжи смеялась, когда смотрела, но велела брату перестать, потому что это мамины туфли. Что, если и одежда к ним присоединится? О таком даже думать не хотелось.

У Энжи и так забот был полон рот: домашние задания, репетиции маршевого оркестра, мальчики, не говоря уже о бесчисленных часах у стоматолога, который исправлял едва заметный неправильный прикус. Мелисса настаивала, что благодаря ему подруга выглядит сексуальнее, но этот аргумент как-то странно подействовал на

маму Энжи.

Как бы то ни было, Марвин лишь забавлялся с очередной игрушкой, вроде сложной железной дороги или новенького конструктора. Ей даже казалось, что со временем магия ему наскучила. У Марвина был низкий порог скуки.

Из-за хронической нехватки музыкантов Энжи играла не только в маршевом, но и в большом школьном оркестре, однако первый она любила больше. Играешь на улице, выступаешь на парадах и футбольных матчах, вокруг веселый шум, и вообще это интереснее, чем стоять в темном примолкшем зале и развлекать тех, кого даже не видишь. «Потому что, — как доверительно сообщила она маме, — в маршевом оркестре никто не замечает, как ты играешь. От тебя требуется лишь не сбиться с шага».

Ясным весенним полднем, когда оркестр в полном составе репетировал марш «Вашингтон пост», кларнет Энжи вдруг сошел с ума. Из скромной дудки он внезапно превратился в динамитную шашку, зашелся хулиганскими импровизациями, принялся выделывать возмутительные коленца в беззащитной мелодии, — о таком Энжи и помыслить не могла, даже если бы ее способности были под стать вдохновению.

Остальные ребята как один обернулись и вытаращились на нее, а ей хотелось завыть: «Эй, это не я, это мой глупый братишка, вы же знаете, я так играть не умею!» Но музыка все бурлила — чрезмерная, нелепая и неостановимая, — в отличие от марша, который наконец споткнулся и нестройно замер. Энжи в жизни так не конфузилась.

Через толпу музыкантов неуклюже протолкался капельмейстер мистер Бишоу, чтобы прочувствованно сказать:

— Энжи, ты фантастически играешь… ошеломительно! Я понятия не имел, что у тебя столько порыва, столько свободы, столько изобретательности! — Он похлопал ее по плечу, даже быстро и осторожно обнял и, почти тут же отступив на шаг, сказал: — Никогда больше так не делай!

— Будто я этого хотела… — пробормотала Энжи.

Но мистер Бишоу уже выстроил оркестр для «Семпер фиделис» и «Высшего общества», через которые Энжи, как всегда, продралась с грехом пополам, на два такта отставая от остальных духовых. Она уже безутешно брела прочь с поля, когда к ней подбежал Джейк Петракис (темно-золотые волосы еще влажно блестели после

тренировки в бассейне) и сказал: «Слушай, Энжи, классно играешь», — после чего хлопнул девчонку по плечу, словно закадычного приятеля, и снова унесся к своим товарищам из команды по эстафете. А Энжи вернулась домой поджидать Марвина под дверью его комнаты.

Стоило брату войти, как она схватила его за волосы, и он пискнул:

— Ладно, отпусти, ладно! Я думал, тебе понравится!

— Понравится? — Энжи основательно его встряхнула. — Понравится?! Ах ты, мелкий злобный тролль, меня из-за тебя едва из оркестра не выгнали! Что ты еще мне приготовил? Что еще мне должно понравиться?

— Ничего, клянусь, ничего! — Но несмотря на то, что она его трясла, захихикал. — О'кей, я собирался сделать тебя такой красивой, что даже мама не узнает, но решил — не надо. Слишком хлопотно.

Энжи снова потянулась, чтобы цапнуть его за волосы, но Марвин увернулся.

— Поэтому я подумал: а может, и правда, попробую устроить так, чтобы Джейк как его там в тебя втюрился. Для этого есть разные заклинания и штучки…

— Не смей! — вскинулась Энжи, а после повторила спокойно и размеренно: — Не смей.

Марвин еще раз хихикнул.

— Так и думал, что ты на это не клюнешь. Но было бы смешно. — Тут он вдруг посерьезнел, уставившись на сестру одним глазом, — просто воплощение взрослости, пусть даже из носа у него текло. — Это правда было весело, Энжи. Я никогда так не хохотал.

— Ну да, конечно, — мрачно отозвалась сестра. — Но отныне меня, пожалуйста, в свои игры не впутывай, иначе третьего класса тебе не видать.

И тяжелым шагом отправилась на кухню в поисках яблочного сока.

Марвин потянулся следом, нервно болтая про школу, игры в мяч, взросление котенка-Миледи и возможный любовный роман в аквариуме.

— Извини, что так вышло с оркестром. Я больше не буду. Просто подумал: классно было бы, если бы ты хоть разок сыграла замечательно. Ты ведь музыку любишь.

Энжи не рискнула открыть рот. Она протянула руку к бутылке сока, когда крышка сама собой отскочила и щелкнула ее по носу. Когда девочка отпрянула, стакан поехал по стойке. Она схватила его, пока он не врезался в холодильник, потом

повернулась и заорала на брата:

— Черт побери, Гуталакс, прекрати немедленно! Ты кого-нибудь покалечишь своей дурацкой магией! У тебя приколы на все случаи жизни!

— Ты опять сказала плохое слово! — закричал в ответ Марвин. — Я маме пожалуюсь.

Но не двинулся к двери из кухни, и мгновение спустя из-под повязки сползла маленькая грязная слеза.

— Я не во всех случаях магию использую! Только для скучных дел. Ну, мусор выбросить, ковер пропылесосить и одежду в шкаф убрать. И коробку Миледи, когда моя очередь.

Энжи рассматривала брата, как всегда, изумляясь его способности выглядеть ошеломительно невинным.

— А зачем это делать, когда наполнитель для ее туалета меняю я?.. Ну да ладно… Держись от меня подальше, у меня завтра контрольная по французскому.

Налив себе соку, она убрала бутылку, цапнула печенье с изюмом и направилась к себе. Однако на пороге кухни помедлила, сама не зная почему, если не считать того, что Марвин уже собрался идти за ней, но застыл.

— Что? Нос подотри, ужасно выглядит… В чем

дело?

— Ни в чем, — промямлил Марвин и вытер нос рукавом, что нисколько не исправило ситуацию. — Просто мне страшно, Энжи. Страшно делать такое…

— Как страшно? Минуту назад ты веселился.

— Конечно, веселился! — Он придвинулся ближе, но странно помешкав: не ведьма, и не пират, и не ангел, а просто встревоженный, испуганный мальчишка. — Только иногда веселья слишком уж много. Иногда прямо посреди волшебства я думаю, что, наверное, надо остановиться, но не могу. Как тогда, когда я остался совсем один… и просто дурака валял… и я сотворил кое-что интересное, нет, очень интересное, но получилось что-то странное, а потом я никак не мог его исправить или заставить исчезнуть… и испугался, что папа с мамой вернутся…

Мрачно взвешивая в уме прошлые оценки по французскому, Энжи потянулась за вторым печеньем.

— Я тебе говорила: беду накличешь своими выходками! Остановись, пока не поздно, пока не сотворил такого, чего не сможешь исправить. Хочешь совет? Я только что тебе его дала. Пока.

Марвин потерянно плелся за сестрой до двери в

ее комнату. Когда Энжи уже собралась уединиться, он пробормотал:

— Ну почему я не взрослый… как ты. Тогда бы я знал, что делать.

— Ха!

Энжи захлопнула дверь.

После чего, забыв про французские неправильные глаголы, села писать письмо Джейку Петракису.

Ни тогда, ни потом Энжи не могла объяснить кому-либо или самой себе, почему его написала. Потому что он хлопнул ее по плечу и сказал, что она — или хотя бы ее музыка — классная? Потому что в тот же день она видела, как он обнимался с Бэ-э-эшли-Эшли в темному углу за библиотечными полками? Потому что Марвин безжалостно ее дразнил? Или потому, что ей уже исполнилось двенадцать лет и пора было написать кому-то такое письмо? Какова бы ни была причина, Энжи его написала, сложила листок и убрала в ящик стола.

А потом вынула и положила в рюкзак. Там письмо оставалось почти три месяца, пока заканчивалась четверть, начались экзамены и шел чемпионат по футболу, и однажды в роковой вечер пятницы Энжи отправилась гулять с

Мелиссой: они рассматривали витрины в центре Авиценны и беспечно заходили в каждую кофейню на Парнелл-стрит. Тогда она рассказала подруге о письме, и у Мелиссы тут же случился приступ хихиканья, который превратился в икоту, и, чтобы утихомирить ее, потребовался еще капучино. Когда подруга наконец смогла связно говорить, то сообщила:

— Надо его отправить. Обязательно надо отправить.

Поначалу Энжи возмутилась:

— Ни в коем случае! Я для себя его написала, а не для учителя, и уж точно не для Джейка Петракиса. Я что, по-твоему, идиотка?

Но Мелисса улыбнулась, насмешливо блеснув зелеными глазами:

— Такая идиотка, у которой это письмо сей момент в рюкзаке, и готова поспорить, оно в конверте с маркой.

— Нет там никакой марки! А конверт… просто чтобы не помялось! Мне нравится иметь его при себе, вот и все.

— А адрес?

— Просто попрактиковаться! Но я его не подписала, и обратного адреса там нет. Съела?

— Ага. — Мелисса кивнула. — Определенно

съела.

— Перестань, — предостерегающе сказала Энжи.

И Мелисса перестала. Но был вечер пятницы, и обеим позволили гулять допоздна, а в Авиценне хватает кофеен. Множество чашек капучино и эспрессо привели их в состояние веселой эйфории, когда все на свете кажется бесконечно смешным. Мелисса не могла наговориться о письме Энжи…

— Да брось, ну что такого может случиться? Парень прочтет и догадается, кто его написал? Самое худшее, если ты станешь старой-престарой и будешь жалеть: почему не рассказала Джейку Петракису о своих чувствах? А он уже женат, уже дедушка и, наверное, даже умер.

— Перестань!

Но Энжи хихикала не меньше Мелиссы, и каким-то образом они очутились на тихой Ловисистрит, миновали бензоколонку и заколоченный магазин здорового питания, нашли дом Петракисов и на цыпочках поднялись на веранду Увидев перед собой входную дверь, Энжи засомневалась, но Мелисса сказала:

— Подумай ради бога, старуха в доме престарелых, а он даже не узнает.

И, сделав глубокий вдох, Энжи подсунула пись-

мо под дверь. Всю дорогу назад до Парнелл-стрит они бежали, хохоча так, что едва не задохнулись…

…А утром Энжи проснулась, бормоча: «О боже, о боже, о боже», еще до того, как окончательно вынырнула из сна. Целый час она лежала в кровати, безмолвно и отчаянно молясь, чтобы вчерашний вечер оказался сумасшедшим, кошмарным сном и чтобы, когда она полезет в рюкзак, письмо еще лежало там. Но, к ужасу своему, знала: надеяться не на что, и в отчаянном броске к телефону даже не потрудилась заглянуть в рюкзак.

— Ну ведь ты его не подписала, — попыталась успокоить ее Мелисса. — Этого не отнимешь.

— Я тебе соврала, — выдавила Энжи.

Подруга не ответила.

— Пожалуйста, — взмолилась Энжи, — ты должна со мной пойти. Пожалуйста.

— Ладно, — наконец откликнулась Мелисса. — Собирайся. Сейчас же. Встретимся на месте.

Поскольку Энжи жила ближе, то к дому Петракисов она пришла первой, но не намеревалась звонить до появления Мелиссы. Вышагивая взад-вперед по веранде, она проклинала себя, била кулаками по бедрам и размышляла, нельзя ли переселиться к сестре отца, тете Пегги в

Гранд-Рейпидс, когда соседка крикнула ей, что Петракисы уехали из города на какое-то семейное сборище.

— Еще вчера днем уехали. Просили присмотреть за домом, потому что до воскресного вечера не вернутся. Вот почему я сейчас здесь.

Она предостерегающе улыбнулась Энжи, а после вернулась к себе в дом.

Но ее очень большая собака осталась на крыльце. Пес, казалось, был размером с машину «винн-небаго» и, очевидно, уже проникся неприязнью к Энжи.

— Хорошая собачка, — сказала она, и пес зарычал.

Когда она попробовала: «Эй, золотко» (так ее отец обращался ко всем животным), пес оскалился и шерсть у него на загривке стала дыбом. Потом он лег, застыв в позе бдительного стража.

— Обычно я умею хорошо ладить с собаками, — грустно заметила Энжи.

— Ну, мы просунули его под дверь, значит, оно не может быть очень далеко, — констатировала появившаяся наконец Мелисса. — Может, подцепить его палкой или проволочной вешалкой?

Но всякий раз, когда они смотрели на соседский дом, то видели, как в окне колышется занавес-

ка, и в конце концов ушли, раздумывая, что бы еще предпринять. Делать было нечего, и вскоре горло у Энжи настолько распухло от стараний не плакать, что стало больно говорить. Она проводила Мелиссу до автобусной остановки, и на прощание подруги обнялись так, словно никогда не увидятся.

— Знаешь, — сказала Мелисса, — мама говорит, что ничего не бывает так страшно, как собственные выдумки. Ведь с ужасами из твоего воображения ничто не сравнится. Поэтому… ну, может… знаешь…

Но она прервалась, так и не закончив. Еще раз обняв Энжи, Мелисса поехала домой.

Оставшись дома одна, Энжи тихонько сидела на кухне и продолжала не плакать. От этого болело все лицо, а веки казались невероятно тяжелыми. В голове было пусто и звонко, за что она мысленно благодарила небеса. Так продолжалось, покуда с баскетбола не вернулся Марвин. Поскольку он был мельче всех остальных, его часто толкали, и домой он приходил весь в синяках и ссадинах. Энжи даже думала, что он прибавит в росте или способности прыгать выше, но пока ни того ни другого не наблюдалось. Сейчас он посмотрел на сестру, сделал пас невидимым мечом и тихонько

спросил:

— Что стряслось?

То ли дело было в неожиданном хрипловато-мягком тоне, то ли в том, что он вообще задал этот вопрос. Какова бы ни была причина, Энжи вдруг разразилась отчаянными слезами, ярость которых обращалась исключительно на нее саму: и за то, что вообще написала Джейку Петракису, и за то, что расплакалась сейчас. Она махнула Марвину: мол, убирайся, но — к величайшему ее изумлению — брат терпеливо ждал, когда она затихнет. Наконец слезы ее иссякли, и он повторил вопрос:

— В чем дело, Энжи?

И Энжи рассказала. Она уже собралась добавить: «Если попробуешь улыбнуться, Гуталакс…», когда вдруг сообразила, что в этом нет нужды. Марвин чесал в затылке, хмурясь так, что повязка ползала по лбу, а потом внезапно сунул руки в карманы, запрокинул голову — прямо-таки образчик веселой беспечности — и почти небрежно сказал:

— Я мог бы вернуть этот конверт.

— Ну да, конечно. — Энжи даже головы не подняла. — Ага.

— Нет, мог бы! — Марвин тут же стал самим

собой, и куда только подевались небрежность и беззаботность. — Я много чего могу.

Намочив бумажное полотенце, Энжи попыталась вытереть заплаканное лицо.

— Хотя бы одно назови.

— А вот и назову! Помнишь, в какой почтовый ящик ты его опустила?

— Под дверь подсунула, — пробормотала Энжи. — Я подсунула письмо под дверь.

Марвин хихикнул:

— Ух, как «валентинку»!

У Энжи не нашлось сил дать ему подзатыльник, но все равно она вскинула руку — хотя бы для порядка.

— Я могу заставить бумажку просто вылезти из-под двери. Или, готов поспорить, саму дверь смогу открыть, если никого нет дома. Для нас, ведьм, это проще простого.

— Петракисы только в воскресенье вернутся, — сказала Энжи. — Но там есть соседка, она за их домом следит, как ястреб. А когда не торчит у окошка, огромную собаку выпускает. Даже будь ты самая крутая ведьма на свете, не стоит связываться с этим волком-оборотнем.

Марвин, который, как знала Энжи, побаивался больших собак, снова почесал затылок.

— И вообще, это слишком просто. Никакого веселья, так что забудь. — Он сел рядом с сестрой, совершенно поглощенный проблемой. — А как насчет… Нет, это для малышей, с таким любой справится. Но есть одно заклинание… Могу заставить письмо самоуничтожиться, прямо в доме, — как в старом телесериале. Останется только горстка пепла, они соберут ее пылесосом и даже не заметят. Как тебе идея?

Не успела Энжи высказаться, как парнишка уже тряхнул головой:

— Все равно слишком просто. Детское заклинание, для начинающих. Терпеть их не могу.

— Чем проще, тем лучше, — серьезно сказала Энжи. — Я люблю, когда просто. К тому же ты и есть новичок.

Марвин тут же возмутился, и его обычный альт превратился в обиженный писк.

— А вот и нет! Никакой я не новичок! — Вскочив, он затопал ногами, чего с двух лет не делал. — Знаешь что… за это… за это… я верну тебе письмо, но не скажу как. Сама увидишь, и все!

Он сердито направился в свою комнату, но Энжи окликнула его. Первый лучик надежды блеснул ей, казалось, впервые за целое столетие.

— Ладно, великий и ужасный король ведьм.

Чего ты хочешь?

Повернувшись, Марвин уставился на нее недоуменно.

— За просто так ничего не бывает, это ведь твои слова? Ну, какова твоя цена спасения моей жизни?

Если бы голос Марвина стал еще выше, его услышали бы лишь летучие мыши:

— Я тебя спасаю, а ты думаешь, я чего-то хочу взамен? Юлий Санта-Клаус! — Это было единственное ругательство, которое ему позволялось. — Да что с тебя взять-то? Разве что…

Незаконченная фраза повисла в воздухе.

— Разве что? — подстегнула Энжи.

Зацепившись рукой за косяк, Марвин качнулся в кухню, растянув губы в пиратской ухмылке.

— Ненавижу, когда ты зовешь меня Гуталаксом. Сама знаешь, что ненавижу, и все равно так делаешь.

— Ладно, больше не буду. Никогда. Честное слово.

— Мм. Мало. — Усмешка стала определенно зловредной. — Думаю, тебе две недели следует звать меня «о Великий».

— Что? — На минуту забыв про свое горе, Энжи вскочила. — Ты всерьез, Гуталакс?.. Две недели?

Не выйдет!

Целое мгновение они в ярости мерили друг друга взглядами, но наконец Энжи сказала:

— Не перегибай палку. Неделю. Неделю и не больше. И когда никого рядом не будет.

Марвин скрестил на груди руки.

— Десять дней. С этого момента.

Энжи все еще смотрела на него свирепо.

— Тебе нужно это письмо? — спросил Марвин.

— Да.

Марвин ждал.

— Да, о Великий.

Марвин победно протянул ей руку ладонью вверх, и Энжи по ней хлопнула.

— Когда? — спросила она.

— Сегодня вечером. Нет, завтра, сегодня я иду в кино с Сунилом и его родителями. Завтра.

Он неспешно ушел, а Энжи вздохнула с облегчением. Жаль, нельзя сказать Мелиссе, что все, кажется, образовалось. Остаток дня она провела, пытаясь делать вид, будто ничего особенного не происходит — самая обычная суббота и самая обычная, всем довольная Энжи. Когда Марвин вернулся из кино, то весь вечер читал комиксы «Хеллбой» в обществе котенка Миледи. Миледи еще лежала у него на животе, когда Энжи устала

за ним подглядывать и пошла спать.

Но утром в воскресенье брата в его комнате не оказалось. Это Энжи почувствовала, едва проснувшись.

Она понятия не имела, куда и почему он мог подеваться. Она-то считала, что он будет творить свое таинственное заклинание у себя в комнате и под строгими взглядами своих наставников-магов. Но его там не было, и завтракать он не спустился. Энжи сказала маме, что вчера вечером они засиделись допоздна у телевизора и лучше оставить Марвина в покое. Когда после завтрака миссис Люк заволновалась, Энжи сама зашла в его комнату и сообщила, что Марвин увлеченно готовит домашнее задание к уроку рисования и не хочет разговаривать. Обычно ей бы такое с рук не сошло, но родители собирались на концерт, а ее оставили с привычными наставлениями покормить и напоить кошку, двадцатку на шкафу употребить на что-нибудь более или менее полезное для здоровья и «время от времени» заглядывать к Марвину, иными словами почаще. («В тот день, когда мы тебя об этом не попросим, — заявил как-то мистер Люк, потому что Энжи восстала против выполнения этой обязанности, — мальчишка, наверное, украдет каяк и

отправится на Таити». Энжи не нашла слов для возражения.)

Одна в пустом доме (более одинокая, чем когда-либо) Энжи ходила кругами, слонялась из комнаты в комнату, решительно не зная, что теперь делать. Прошли часы, а брат все не возвращался, и она поймала себя на том, что зовет его вслух.

— Марвин! Марвин, если ты меня с ума стараешься свести… О Великий, где ты? Возвращайся немедленно, и плевать на дурацкое письмо. Просто вернись!

Некоторое время спустя она и это делать перестала, потому что сама испугалась дрожи в собственном голосе, от которой становилось еще страшнее.

Но как это ни странно, она постоянно чувствовала присутствие брата. Она то и дело оборачивалась, думая, что он вот-вот подкрадется, чтобы ее напугать, — любимая игра с тех пор, как малыш научился ходить. Но нет. Никого.

Около полудня в дверь позвонили, и Энжи едва не споткнулась о собственную ногу, так спешила, хотя и не надеялась (почти не надеялась), что это Марвин. На пороге стояла Лидия. Энжи совсем забыла, что в воскресенье после полудня прислуга

приходит убираться. Увидев ее, улыбающуюся, на пороге, Энжи бросилась старушке на шею и разрыдалась:

— Лидия, scorro, помоги мне! Ayúdame, спаси нас, Лидия!

Испанских слов она нахваталась у домработницы, когда была еще слишком маленькой, чтобы понять, что учит чужой язык.

Лидия взяла Энжи за плечи и, чуть отстранившись, заглянула ей в лицо.

— ¿Chuchi, dime que pasa cogito?[35]

Чучей[36] Лидия звала Энжи с раннего детства, так и не объяснив ни происхождения, ни смысла этого слова.

— Марвин, — прошептала Энжи. — Марвин пропал.

Она бросилась объяснять про письмо и обещание Марвина, но Лидия только кивнула и, не задавая вопросов, твердо сказала:

— El Viejo puede ayudar.[37]

Слишком отчаявшаяся, чтобы обращать внима-

---

[35] Примечания: 35
Чуча, скажи, что происходит? *(исп.) — Прим. перев.*

[36] Примечания: 36
Chuchi — угрюмая *(исп.). — Прим. перев.*

[37] Примечания: 37
Старик поможет *(исп.). — Прим. перев.*

ние на грамматику, Энжи решила, что речь идет о Йемайе, старухе с фермерского рынка, которая сказала Марвину: мол, он brujo.

— А, ты про la santera, — сказала она, но Лидия сильно ее встряхнула.

— Нет, нет, El Viejo. Ты к нему сходи, попроси о встрече с El Viejo. Solamente El Viejo. Los otros no pueden ayudarte.[38]

Энжи спросила, где ей искать El Viejo, и Лидия отправила ее в лавочку сантерии на Боуэн-стрит. Она даже набросала ей карту, а потом удостоверилась, что Энжи взяла с собой деньги, поцеловала в щеку и, благословляя, коснулась лба.

— Cuidado, Chuchi,[39] — с веселой серьезностью сказала она.

И вот уже Энжи бежит к автобусной остановке на авеню Гонсалес, чтобы сесть на тот же рейс, каким ездила в школу. На сей раз ехать пришлось гораздо дальше.

Над лавочкой не было ни вывески, ни даже номера дома, и сама она была такой маленькой, что Энжи несколько раз прошла мимо. Наконец ее внимание привлекли предметы в пыльной

---

[38] Примечания: 38
Только старик. Другие тебе не помогут *(исп.). — Прим. перев.*

[39] Примечания: 39
Будь осторожна, Чуча *(исп.). — Прим. перев.*

витринке и на полках справа и слева. Тут было поразительное разнообразие благовоний, свечей в склянках с изображением черных святых, а также коробок с пометкой «Ритуальный набор „Быстрые деньги“», бутылей с жидкостью для мытья пола (наклейки на них гласили: «Не дает бедам проникнуть в ваш дом»). Когда Энжи переступила порог душной комнаты, у нее закружилась голова, она словно бы вышла из собственного тела — так с ней всегда было, когда начиналась простуда. А еще она услышала, как где-то в задней комнате кукарекал петух.

Старуху Энжи заметила лишь тогда, когда тихонько скрипнул стул: она сидела в углу, наполовину скрытая длинной, свисающей со шкафа хламидой, похожей на облачение для церковного хора, но с символами и рисунками, каких Энжи никогда раньше не видела.

— Йемайя?

Старуха перевела на нее взгляд. Глаза у нее были, как две мертвые планеты.

Испанский Энжи совершенно отказал, а вскоре и родной язык тоже.

— Мой брат… Мой младший брат… Мне велели спросить El Viejo. Viejo santero… Старого сантеро… Лидия сказала.

Тут у нее кончились слова на всех языках. Из трубочки старухи выползло облачко дыма, но это был единственный ответ.

За спиной у нее зашуршала отодвигаемая занавеска, и хриплый голос медленно произнес:

— ¿Quieres El Viejo?[40] Это я.

Повернувшись, Энжи увидела незнакомца. Он шел к ней по длинному коридору, конца которого она не видела. Он двигался решительно, но, чтобы войти в комнату, ему словно бы потребовалась вечность, будто он возвращался из другого мира. Сам он был черный, одет во все черное и на носу поблескивали черные очки — даже в темном крошечном магазинчике. А волосы такие белые, что у Энжи заболели глаза.

— Ты здесь из-за брата, — не спросил, а констатировал он.

— Да, — выдавила Энжи. — Да, он для меня колдует… достает кое-что… и я не знаю, где он, но понимаю, что в беде, и хочу, чтобы он вернулся!

Она не заплакала и не сломалась (Марвин никогда не сможет сказать, что она из-за него плакала), но к этой грани подошла вплотную.

El Viejo сдвинул черные очки на лоб, и Энжи

---

[40] Примечания: 40

Ты спрашиваешь старика? *(исп.) — Прим. перев.*

увидела, что он моложе, чем она думала (уж конечно, гораздо моложе Лидии), и что под глазами у него широкие белые полукружия. Она так и не узнала, были ли они естественными или нарисованными, но поняла, что от них его глаза кажутся больше и ярче — сплошь зрачок. Из-за них ему следовало бы хоть чуточку походить на клоуна или, скажем, на енота в негативе, но выходило как раз наоборот.

— Я знаю твоего брата, — сказал El Viejo.

Энжи изо всех сил старалась держать себя в руках, пока он подходил ближе, улыбался ей, показывая зубы.

— Brujito… маленькая, маленькая ведьма, мы знаем. Мы с мамой видели, мы следим.

Он кивнул на старуху, которая с прихода Энжи не шевельнулась и не сказала ни слова. Энжи ощутила влажный, затхлый запах — точно картошка сгнила.

— Скажите, где он. Лидия говорила, вы поможете.

Вблизи Энжи увидела голубой отсвет на белой коже El Viejo и V-образный шрам на каждой щеке. На шее у него был узкий черный галстук, которого девочка поначалу не заметила. И почему-то мысль о том, что он каждое утро завязывает его

перед зеркалом, напугала ее больше, чем что-либо другое. Теперь он улыбнулся во весь рот, показывая зубы. Она-то ожидала, что они будут желтые и от них будет вонять, но нет — все как один белые, ровные и настолько большие, словно плохо помещаются во рту.

— ¿Tu hermano esta perdido,[41] — сказал он. — Пропал в четверге.

— В четверге?

Целая оглушительная минута ушла у нее, чтобы понять, и еще больше, чтобы выдавить слова:

— О господи, он же вернулся вспять! Как с Миледи… он вернулся туда… когда письмо было еще у меня в рюкзаке. Показушник мелкий… Он застрял! Идиот, идиот, идиот несчастный!

El Viejo негромко хмыкнул и кивнул, но ничего не сказал.

— Вы должны за ним сходить, вернуть его оттуда, прямо сейчас… у меня есть деньги. — Она отчаянно стала рыться в карманах.

— Нет, деньги мне не нужны, — отмахнулся от предложения El Viejo, рассматривая девочку глазами цвета спелых слив. Белые круги под ними выглядели реальными, а вот сами глаза —

---

[41] Примечания: 41
Твой брат потерялся *(исп.). — Прим. перев.*

нет. — Я тебя отведу, — добавил он. — Мы вместе найдем твоего брата.

Колени у Энжи задрожали так, что стало больно. Ей хотелось согласиться, но это было просто невозможно.

— Нет. Я не могу. Не могу. Вы за ним сходите.

Тут El Viejo рассмеялся: раскатистым, поразительным рокотом Санта-Клауса, таким сочным и успокаивающим, что Энжи улыбнулась. И улыбалась, даже когда он подхватил ее и взял под мышку. К тому времени, когда она оправилась достаточно, чтобы начать отбиваться, он уже нес ее по длинному туннелю, по которому пришел несколько минут назад. Энжи вопила, пока у нее не запершило в горле, но все равно себя не слышала: с того момента, как El Viejo ступил в темноту коридора, все звуки замерли. Она не слышала ни его шагов, ни его смеха (хотя и чувствовала, как сотрясается его тело) и тем более собственных панических воплей. Что, если они в космосе? Да они могут оказаться где угодно.

Сквозь оглушенность и растерянность она понимала, что коридор словно бы тянется в никуда и что это место (если это какое-то место) никак не может находиться позади маленькой лавочки сантерии, куда она вошла — когда? — десять

минут назад. Здесь было холодно и пахло, как в старом подвале, в темноте Энжи чувствовала, что вокруг нее много всего происходит. В точности она ничего не разобрала, но везде кружили и вспыхивали искорки.

А потом они вдруг очутились в комнате Марвина.

Это была, несомненно, его комната: тут были носатые и бородатые оккультисты по стенам, тут были фланелевые зимние простыни, на которых он спал круглый год, потому что на них красовались физиономии игроков «Нью-Йорк мете», тут в полном составе стояли на полке пластмассовые герои «Звездного пути», которых Энжи подарила ему на прошлое Рождество. И тут сидел на краю кровати Марвин и выглядел таким потерянным и одиноким, каким Энжи в жизни его не видела.

Он даже головы не поднял, пока El Viejo не бросил Энжи на ковер перед ним и не отступил на шаг, открывая в усмешке зубы, огромные, как зубья в медвежьем капкане. Тогда Марвин соскочил с кровати, расплакался и, шмыгая носом, стал карабкаться на сестру, повторяя: «Энжи, Энжи, Энжи». Энжи обняла его, пытаясь одновременно уберечь шею, волосы и спину, и все бормотала:

— Все нормально, все в порядке, я здесь. Все

хорошо, Марвин.

А у нее за спиной хмыкнул El Viejo:

— Ведьма-плакса… маленький, маленький brujito-плакса.

Энжи взвалила своего ревущего братишку на бедро, словно пакет с продуктами, как делала это, когда он был маленьким, и повернулась к старику.

— Спасибо, — сказала она. — Теперь можете отвести нас домой.

El Viejo улыбнулся — на сей раз не усмехнулся, а медленно растянул губы.

— Может, предоставим это ему?

А после повернулся и ушел, исчез, словно проскользнул меж молекулами воздуха. Энжи осталась в комнате, пытаясь оторвать от себя Марвина, прилипшего, точно пластырь, а он льнул, больно упираясь подбородком ей в макушку. Наконец Энжи удалось сбросить его на кровать, и, уперев руки в бока, она спросила:

— Что случилось? И о чем только ты думал?

Марвин еще слишком горько плакал, чтобы ответить.

— Обязательно было так поступать, да? Никаких дурацких заклинаний для новичков, ты теперь с большими ребятами играешь, да, о Ве-

ликий? Ну и что произошло? Как получилось, что ты не можешь вернуться?

— Не знаю!

Мордочка Марвина распухла от слез, которые лились без перерыва, пока Энжи пыталась поправить ему повязку. Трудно было вытянуть из парня хоть сколько-нибудь внятные слова. Он только жалобно завывал:

— Не знаю, что не так! Я сделал все, как полагается, но оно не работает! Не знаю… может, я забыл…

Он не смог закончить фразу.

— Травы, — мягко и спокойно сказала Энжи. — Ты оставил свои волшебные травы… — Она уже собиралась добавить «дома», как сообразила, что они и есть дома: сидят на кровати Марвина в его комнате. Такая путаница уж точно была ей не по зубам. — Ты забыл свои глупые травы.

Марвин протестующее затряс головой, так что во все стороны полетели слезы.

— Нет, не забыл, не забыл… смотри!

Он ткнул пальцем в рассыпанные по кровати грязные засохшие сорняки — едва увидев их, Лидия тут же бы все выкинула. Марвин с трудом сглотнул, вытер нос рукавом и попытался унять слезы.

— Их, правда, трудно найти. Не знаю, может, они уже старые… Но они всегда так выглядят. А теперь не работают…

И он снова завыл. Энжи сказала, что и доктору Джону Ди, и Уиллоу было бы за него стыдно, но и это не помогло.

Она села рядышком, обняла его и, пригладив растрепанные вихры, проговорила:

— Ладно, давай подумаем. Может, трава силу потеряла, может, загвоздка в чем-то другом. Ты все делал, как в тот раз, когда ходил за Миледи?

— Кажется, да. — Голос у Марвина был тоненький и жалобный, совсем не похожий на его обычный низкий рокот. — Но я совсем запутался, Энжи. Я ничего уже не соображаю. Все так перемешалось, я ничего не помню.

— Хорошо, — сказала Энжи, — хорошо. Давай начнем с самого начала. Я помогу тебе. Ты попытаешься сделать все, что помнишь, что знаешь про то, как двигаться во времени, а я буду за тобой повторять. Сделаю в точности как ты скажешь.

Кивнув, Марвин снова вытер нос. Они сели по-турецки на полу, и Марвин добыл откуда-то грязный коробок спичек, который всегда носил с собой — на случай фейерверков. Следуя его указаниям, Энжи сложила крошащиеся сорня-

ки в блюдечко Миледи, а брат их поджег. Или попытался, потому что они не вспыхнули, а задымились и запахли затхлой пылью, так что Энжи с Марвином тут же расчихались. Прокашлявшись, Энжи сказала:

— В прошлый раз тоже так было?

Марвин не ответил.

Был один момент, когда Энжи показалось, что заклинание вот-вот сработает. Комната вокруг расплылась (ладно, чуть-чуть расплылась), и Энжи услышала далекие неясные звуки. Но когда клубы дыма развеялись, они все еще были в четверге… Оба сразу это поняли.

— Ладно, попытка не пытка, — сказала Энжи. — А как насчет сосредоточенности, про которую ты говорил? Может, у тебя мысли скачут? Может, ты какие-то слова не так произнес? Подумай, Марвин.

— Я думаю! — Марвин уже готов был опять расплакаться, но не сделал этого, а медленно сказал: — Что-то не так, но дело не во мне. Нет, не во мне. Что-то не пускает… — Он внезапно повеселел. — Может, нам за руки взяться? Ведь теперь нас двое. Надо попробовать.

Они попытались, держась за руки, а потом еще раз, сидя в пентаграмме, которую выложили

скотчем на полу, — Энжи видела такое в «Баффи — истребительнице вампиров» (хотя Марвин сказал, что это ничего не даст), — а затем еще раз с травами в особом порядке, который, как показалось Марвину, он вспомнил. И еще раз, когда заклинание произносила Энжи, после того как Марвин ее натаскал, — на маловероятный случай, что его собственный голос сел или что он неверно произнес какое-то слово. Ничего не помогало.

Марвин сдался раньше Энжи. И внезапно, пока она на свой страх и риск пробовала заклинание (самый последний раз, и некоторые слова словно бы нагрели ей рот, когда она их произносила), он несчастным клубочком свернулся на полу, постанывая:

— Нам конец, нам конец, нам никогда из четверга не выбраться!

Энжи понимала, что перед ней просто перепуганный мальчишка, но ей самой было страшно, и каким облегчением было бы дать ему пару затрещин и наорать на него. Но вместо этого она попыталась, как могла, утешить брата:

— Он за нами вернется. Не может не вернуться.

Тут Марвин сел, протирая кулачками глаза.

— А вот и нет. Ему не обязательно за нами возвращаться. Разве ты не поняла? Он знает, что я ведьма, как и он, и просто оставит меня здесь, чтобы я ему не мешал. Извини, Энжи, прости меня!

Энжи почти никогда не слышала этих слов от Марвина, и уж точно в одном предложении.

— Для этого еще будет время, — сказала она. — Просто интересно… как, по-твоему, удастся нам привлечь папино или мамино внимание, когда они вернутся домой? Как, по-твоему, они сообразят, что с нами случилось?

Марвин затряс головой.

— Ты меня не видела, а ведь я все это время был там. Я тебя видел и вопил изо всех сил, но ты даже не заметила. И они тоже не заметят. Мы ведь не в нашем доме, мы просто здесь. И всегда тут будем.

Энжи собиралась уверенно рассмеяться, чтобы подбодрить и себя, и брата, но вышла у нее, скорее, икота.

— Нет. Ну уж нет! Не собираюсь я всю жизнь провести в твоей дурацкой комнате. Попробуем это нелепое колдовство еще разок… а потом я… я еще что-нибудь сделаю.

Марвин, казалось, хотел спросить, что еще она может, но осекся, и это было к лучшему.

Они испытали заклинание еще разок, и еще

разок, и еще. Проделали всеми возможными способами, какие только пришли им на ум, разве только на голову не вставали, впрочем, им и это, наверное, не помогло бы. То ли травы Марвина потеряли свою силу, то ли Марвин просто забыл ключевую фразу — они не могли даже уловить хрупкое ощущение перемены, какое пришло в первый раз. Снова и снова они открывали глаза и оказывались в прошлом четверге.

— Ладно, — сказала наконец Энжи.

Встав, она размяла затекшие ноги и начала вышагивать по комнате, теребя в пальцах парочку бесполезных сорняков.

— Ладно, — повторила она, остановившись на полпути между дверью и окном, лицом к маленькому комоду Марвина. Из одного ящика торчала штанина пижамы.

— Ладно, — сказала она в третий раз. — Пошли домой.

Марвин сидел, подтянув к груди коленки, обхватив их руками и прижавшись к ним лбом. На ее слова он даже головы не поднял.

— Пошли, Марвин, — сказала Энжи чуть громче. — Тот коридор, проход, туннель… ну, не важно… он закончился ровно там, где я сейчас стою. Вот сюда El Viejo меня притащил, отсюда он

исчез. Здесь проход.

— Какая разница, — заскулил Марвин. — El Viejo… Так то он! Так то он!

Вот теперь Энжи утратила остатки терпения. Решительно подойдя к брату, она рывком поставила его на ноги и потащила к нужному месту, словно к картине в музее.

— А ты Марвин Люк, великий и ужасный, самый могущественный колдун в городе! Ты сам так говорил. А если бы ты не был таким, тебе и в голову бы не пришло здесь застрять. Тебе только девять лет, а ты его за пояс заткнешь, и он это знает! Поправь повязку и отведи нас домой, братишка! — Она игриво его подтолкнула. — О, прости меня! Я хотела сказать, о Великий!

— Вовсе не обязательно так меня называть. — У Марвина подкосились ноги, и он буквально повис на ней мертвым грузом отчаяния. — Я не могу, Энжи! Не могу вернуть нас домой. Извини…

Правильно было бы (и Энжи сама это знала) броситься его утешать: взять в ладони его холодную мокрую мордашку и сказать, что все уладится, что скоро они будут есть промасленный попкорн в его настоящей комнате в их настоящем доме. Но она тоже была на пределе, а попытки разыгрывать ради него храбрость лишь подтал-

кивали ее к грани отчаяния. И, не глядя на брата, она рявкнула:

— Не собираюсь я помирать в прошлом четверге! Я уйду отсюда так же, как он сюда пришел. Хочешь — иди со мной, не хочешь — твое дело. Но одно тебе скажу, Гуталакс, оглядываться я не стану.

Она шагнула вперед и решительно пошла к красной пижамной штанине…

…и в густую, сладко пахнущую серость, которая тут же забила ей рот и нос, глаза и уши так плотно, что она отчаянно замахала руками, потеряв всяческую ориентировку в пространстве, понятия не имея, куда направляется, тонула в сером сиропе, как бабочка или пчела. Однажды ей показалось, что она слышит голос Марвина, и позвала его:

— Здесь! Я здесь!

Но больше она его не слышала.

А после, между одним шагом и другим, серость вдруг пропала, оставив по себе лишь легкую влагу на коже; исчез даже тошнотворно-сладкий привкус во рту. Энжи опять очутилась в туннеле времени, узнала его особый затхлый запах, чуть похожий на аромат от пепла давно погасшего костра или от луны, если бы луна чем-нибудь

пахла. Эта мысль ее рассмешила, хотя сейчас она не видела ничего, как и тогда, когда ее тащил под мышкой El Viejo. Она даже не могла разглядеть землю или пол под ногами, знала только, что это, наверное, скользкий камень, и, упорно двигаясь вперед, старалась ступать осторожнее.

Тьма была абсолютной (что немного ее утешило, ведь так она могла делать вид, будто Марвин идет за ней следом, хотя он ни разу ей не ответил, сколь бы отчаянно она ни звала его по имени). Шла она медленно, пробиваясь сквозь липкую тьму, как и раньше, смутно улавливая далекие вибрирующие призраки звуков и движения вокруг. Если у туннеля времени были стены, она не могла их коснуться, если был потолок, никакой ток воздуха не выдавал его существования, если тут кто-то был, то никаких признаков жизни она не заметила. И существовало ли здесь время, Энжи тоже не могла сказать. Она шла, закрыв глаза, в голове у нее было пусто, если не считать бесформенного страха, что она вообще не двигается, только поднимает и опускает ноги на одном месте. Интересно, голодна ли она?

А потом вдруг ее глаза открылись в иной темноте, где-то кукарекал петух, ее обволакивали ароматы благовоний, и тогда она поняла, что

идет по коридору, ведущему из лавочки сантерии в… ну, где она уже побывала и где все еще сидел заплаканный Марвин, ведь он за ней не последовал. Повернувшись, она всмотрелась назад, в прошлый четверг, и вдруг услышала у себя за спиной низкий, хрипловатый смешок. Не решаясь обернуться, Энжи застыла на месте.

El Viejo медленно обошел вокруг и остановился перед ней, усмехаясь во весь рот, точно лунный человек. Черные очки пропали, и шрамы на щеках у него воспаленно пылали, будто совсем свежие.

— Я знал, — сказал он. — Еще не видя тебя, знал.

Энжи изо всех сил ударила его в живот. Ощущение было такое, словно ее кулак наткнулся на кусок замороженного мяса, и она охнула от боли, тут же уверившись, что сломала пальцы. Но все равно била его снова и снова, завывая во все горло:

— Верни моего брата! Если ты сейчас же его не вернешь, я тебя убью! Ей-богу, убью!

Все еще посмеиваясь себе под нос, El Viejo неожиданно мягко поймал ее руки.

— Слушай, деточка, слушай, Ninita. Никто на свете, вообще никто не умеет того, что сделала ты.

Понимаешь? Никто, кроме меня, не приходит тем же путем оттуда, где я тебя оставил, понимаешь?

Белые круги у него под глазами растягивались и извивались, словно живые.

Собравшись с духом, Энжи вырвалась.

— Нет. Это все Марвин, он ведьма, brujo, и не смей говорить, что это я. У Марвина есть дар.

— У него?

Энжи впервые слышала, чтобы столько оглушительного презрения вкладывали в два слова.

— Твой брат никто, пустышка. Кто станет из-за него трудиться? Забудь о нем. El Regalo у тебя, просто ты об этом не знаешь.

Пространство у нее перед глазами заполнили белые зубы, заслоняя темную лавочку.

— Ты такая же, как я, девочка. Я, El Viejo, тебе покажу… Я тебе покажу, кто ты есть.

Это было превыше простых похвал, выше обычной лести. Да, она ужасно боялась и ненавидела El Viejo, но от самой мысли о том, что кто-то, обладающий столь огромным и опасным знанием, считает, что она ему ровня, Энжи до глубины души пробрала дрожь. Больше всего на свете (даже больше свидания с Джейком Петракисом) ей хотелось отвернуться, но преодолеть долгий путь домой в воскресенье оказалось проще, чем

вырваться из злобных пут этого беловолосого колдуна. Часто чувствуя (и почти так же часто отметая обидное подозрение), что Марвин в семье особенный только потому, что он маленький и мальчик (а теперь еще и могущественная ведьма), она сейчас упивалась мыслью, что настоящий дар не у него, а у нее и что достаточно протянуть руку, и все будет принадлежать ей. Это было самое пугающее и самое чистое, самое полное удовлетворение, какое Энжи довелось испытать.

Но не искушение. Энжи знала, в чем разница.

— Забудь, — сказала она, — забудь, мерзавец. Ты не можешь мне ничего показать.

El Viejo не ответил. Старые-престарые глаза, состоявшие из сплошного зрачка, все шарили по ней, как руки, а Энжи все смотрела в ответ своими голубыми, которые презирала, потому что они никогда не будут такими большими и такими темно-зелеными, как у мамы. Так они и стояли (Энжи не знала, сколько это продолжалось), пока El Viejo не повернулся и не открыл рот, словно хотел обратиться к безмолвной старухе, чьи каменные глаза будто и не моргнули с тех пор, как Энжи вошла в лавочку сантерии, — целое детство назад. Что бы он ни собирался сказать, ничего

у него не вышло, потому что в это мгновение вернулся Марвин.

Он шел по длинному черному коридору из дальнего далека, как El Viejo, когда Энжи его впервые увидела, как сама она брела без всякой надежды всего несколько минут назад. Однако Марвин совершил более долгий путь. Энжи безошибочно видела это: он спотыкался, походил на тень и сгибался под тяжестью какой-то ноши, но Энжи не могла разобрать какой.

И эта ноша казалась слишком тяжелой для маленького мальчика, постоянно грозила выскользнуть у него из рук; он все перекладывал ее с одного плеча на другое. Не успела Энжи ее хорошенько разглядеть, как El Viejo заорал, и в это мгновение девочка поняла, что никогда в жизни не услышит более ужасного звука. С El Viejo словно заживо сдирали кожу или вырывали из тела душу — она даже вообразить себе никогда не пыталась, что же он вопил, ведь слов там не было. При первых звуках этого дикого голоса она упала на четвереньки и закачалась, заскулила. Так она стояла, пока вопль не оборвался. А тянулся он долго.

Но когда наконец прекратился, El Viejo исчез, а подле нее стоял Марвин с младенцем на руках.

Ребенок был чернокожим, истинным очаровашкой с огромными, ясными и на удивление наблюдательными глазками. И, заглянув в них, Энжи поспешно отвела взгляд.

Вид у Марвина был усталый и измученный. Повязка исчезла; левый глаз, которого Энжи не видела уже несколько месяцев, был налит кровью, будто после трехдневного запоя, хотя, насколько она могла заметить, ничуть не косил.

— Мне пришлось зайти далеко-далеко назад, Энжи, — сказал Марвин подавленно и слабо. — Совсем далеко.

Энжи хотелось его обнять, но она боялась ребенка. Глянув на старуху в углу, Марвин вздохнул, потом поддернул свою ношу в последний раз и заковылял к ней.

— Кажется, это ваше, мэм? — сказал он. Взрослые постоянно хвалили его за воспитанность.

Тут старуха впервые шевельнулась. Энжи почудилось, что она движется подобно волне. Подобно волне, когда смотришь на нее со скалы или из самолета, видишь, как она ползет медленно-медленно, и кажется, что невозможно, чтобы она разбилась, накатила на берег. Но в том движении было море, вмещенное в одну волну море, и, когда старуха положила трубку, взяла у

Марвина младенца и улыбнулась ему — в этом тоже была волна. Она посмотрела на младенца и произнесла одно слово, которого Энжи не разобрала. Ведь в тот момент она схватила брата за руку и потащила его прочь из лавочки. Марвин ни разу не оглянулся, но Энжи успела заметить, как старуха обнажила голубоватые десны в беззвучном смехе.

Всю дорогу домой в такси Энжи безмолвно молилась: лишь бы родители еще не вернулись, лишь бы родители еще не вернулись!

Лидия ждала их, и вместе они потащили Марвина наверх в кровать, впрочем он и не протестовал. Лидия вытерла ему лицо тряпицей, а после надавала затрещин и накричала на испанском (Энжи узнала пару-тройку слов, которые пообещала себе в дальнейшем непременно использовать), поцеловала его и ушла, а девочка, сходив на кухню за кувшином апельсинового сока и целой тарелкой имбирных пряников, села на кровать и спросила:

— Что произошло?

Марвин уминал пряники, словно несколько дней голодал, что в каком-то смысле соответствовало действительности, и спросил с полным ртом:

— Что значит слово «malcriado»?

— Что? Ах, это! Невежливый, невоспитанный мальчишка, от которого одни беды. Это, наверное, единственное слово, которого Лидия не произнесла… А что?

— Так… так старуха его назвала. Ребеночка.

— Ага, — отозвалась Энжи. — Оставь мне пару пряников и объясни, как это он превратился в ребенка. Ты с ним поступил, как с Миледи?

— Ну да. Только мне пришлось зайти очень далеко, я же тебе сказал. — Голос у Марвина стал отстраненным, как в лавочке сантерии. — Он был такой старый, Энжи.

Энжи промолчала, а Марвин прошептал:

— Я не мог за тобой пойти. Мне было слишком страшно.

— Забудь.

Энжи хотела сказать что-нибудь успокаивающее, но следующие слова у нее вырвались сами собой:

— И зачем тебе понадобилось показушничать? Если бы ты сделал все попроще, пообычнее и добыл письмо… — На последнем слове у нее сжалось сердце. — Письмо! Мы совсем забыли про мое дурацкое письмо! — Подавшись вперед, она выхватила у Марвина тарелку с пряниками. — Ты

забыл! Ты забыл, да? — Она тряслась, как не дрожала, даже когда ее схватил El Viejo. — О господи, столько мучений — и все зря!

Но Марвин улыбнулся, впервые за очень долгое время.

— Успокойся, все в порядке… Оно у меня. — Вынудив из заднего кармана штанов письмо Джейку Петракису (более грязное, чем было), он протянул его Энжи. — Вот оно. И не говори, что я ничего для тебя не делаю.

Это была его коронная фраза, украденная из телесериала и употребляемая, как правило, когда надо было кормить Миледи, мыть за собой тарелку после завтрака или складывать собственную одежду.

— Возьми, открой, — говорил он теперь. — Убедись, что это то самое.

— Мне и не надо, — раздраженно запротестовала Энжи. — Это мое письмо, уж поверь мне, я его сразу узнала.

Но она все равно вскрыла конверт и вынула оттуда один сложенный листок, на который взглянула… и застыла, не веря своим глазам. А после протянула листок Марвину. С обеих сторон он был пуст.

— Да уж, ты свою работу основательно проде-

лал, — мягко сказала она совершенно пораженному брату, который уставился на нее, разинув рот. — Тут и сомнений быть не может. Я просто пытаюсь понять, зачем нам понадобилась такая невероятная ерунда ради пустого листка бумаги.

А вот Марвин отполз от нее подальше на кровати.

— Это не я, Энжи! Клянусь! — Марвин нетвердо поднялся на ноги и теперь стоял, подняв руки, словно приготовившись защищаться на случай, если она набросится. — Я просто вытащил его у тебя из рюкзака. Даже не смотрел на него, честное слово.

— Что? Я написала его грейпфрутовым соком, чтобы никто не прочел, если только не подержит над лампой? Ладно, уже не важно. Сойди с подушки и садись.

Марвин настороженно повиновался и скорее прикорнул, чем сел рядом с ней на краю кровати. Они немного помолчали, а потом он сказал:

— Это ты. Это ты с письмом сделала. Тебе так хотелось, чтобы оно не было написано, что его просто не стало. Вот что произошло.

— Ну да, конечно, — отозвалась сестра. — Я тут могучая ведьма… Сказала же, не важно.

— Нет, важно.

Она так отвыкла видеть Марвина с обоими глазами, что его лицо показалось ей вдвойне серьезным, а он очень тихо добавил:

— Ты у нас самая крутая ведьма, Энжи. Ему нужна была ты, а не я.

На сей раз она не ответила, и Марвин продолжал:

— Я был приманкой. Да, я играю с мешками для мусора и кларнетами и заставляю ходить гадких кукол. Ему-то что с того?

Но он знал, что ты за мной придешь, поэтому и запер меня в прошлом четверге, чтобы легче было тебя зацапать. Только он просчитался, не сообразил, что ты сама сможешь одолеть весь путь назад. Без заклинаний и прочей ерунды. Именно так все и было, Энжи! Именно поэтому я знаю, кто из нас двоих настоящая ведьма.

— Нет! — почти закричала Энжи. — Нет, я просто была очень зла, это совсем другое дело. Никогда нельзя недооценивать разозленную женщину, о Великий. Но ты… Ты прошел всю дорогу назад совершенно один, и ты схватил его. Ты будешь гораздо сильнее, и он это знает. Он просто решил избавиться от конкурента, пока у него есть такой шанс. Не слишком великодушный старик этот El Viejo.

Пухлая мордашка Марвина вдруг посерела.

— Я не такой! Не хочу быть как он!

Оба глаза у него вдруг наполнились слезами, и он повис на сестре, как того не делал со своего возвращения.

— Это было ужасно, Энжи, это было так ужасно. Ты ушла, я остался совсем один и не знал, что делать, только понимал: делать что-то надо. А потом вспомнил про Миледи и решил, что если он не пускает меня, то я пойду другой дорогой, мне было так страшно и я был так зол, что просто шел и шел в темноте, пока не… — Он плакал так горько, что Энжи едва разбирала слова. — Я больше не хочу быть ведьмой. Не хочу!!! И чтобы ты была ведьмой, тоже не хочу!

Энжи обняла его и укачивала, как любила это делать, когда ему было три или четыре года, и пряники рассыпались по всей кровати.

— Все хорошо, — говорила она, прислушиваясь, не раздастся ли в гараже шум родительской машины. — Ш-ш… ш-ш… все хорошо, все кончилось, мы в безопасности, все хорошо… Все нормально, мы с тобой не ведьмы. — Она уложила его головой на подушку и накрыла одеялом. — Поспи.

Марвин поглядел на нее, потом на стену магов у нее за спиной.

— Сниму-ка я их, — пробормотал он. — Может, повешу парочку футболистов. Бразильцы клево играют. — Он уже начал дремать, как вдруг рывком сел: — Энжи! Ребеночек!

— А что с ним такое? Из El Viejo получился вполне симпатичный младенец. Сердитый, но миленький.

— Когда я уходил, он был больше, — сказал Марвин. Энжи непонимающе уставилась на него во все глаза. — Я оглянулся, когда он лежал у старушки на коленях, и он уже был больше, чем когда я его нес. Он начинает сначала, Энжи! Как Миледи.

— Лучше он, чем я, — отозвалась Энжи. — Надеюсь, на сей раз у него будет младший брат, он это заслужил.

Она услышала шум машины в гараже, потом звяканье поворачиваемого в замке ключа.

— Засыпай, — сказала она. — И ни о чем не волнуйся. После сегодняшнего мы с чем угодно справимся. Вдвоем справимся. И без всякого колдовства. Кто бы из нас ни был ведьмой, обойдемся без сорняков и волшебных палочек.

Марвин сонно улыбнулся.

— Если только они нам очень-очень не понадобятся.

Энжи протянула руку ладонью вверх, и брат хлопнул по ней, скрепляя соглашение. Глянув на свои пальцы, Энжи вдруг охнула:

— Фи! Высморкался бы!

Но Марвин уже спал.

перевод А. Комаринец

Урсула К. Ле Гуин
СЛОВО СВОБОДЫ

Урсула К. Ле Гуин — автор многих и многих произведений, ставших классикой научной фантастики и фэнтези; ее перу принадлежат романы «Левая рука тьмы» («The Left Hand of the Darkness»), «Резец небесный» («The Lathe of Heaven»), «Обездоленные» («The Dispossessed») и «Волшебник Земноморья» («The Wizard of Earthsea»), а также другие произведения цикла о Земноморье. Она получила «Гранд Мастер Небьюла» — премию Американской ассоциации писателей-фантастов, а также пять раз удостаивалась премии «Хьюго», шесть — «Небьюлы», два — «Всемирной премии фэнтези» и двадцать — премии «Локус». Награждена медалью Ньюбери; удостоена Национальной книжной премии и приза Маламуда от американского ПЕН-клуба. Библиотека Конгресса назвала ее живой легендой.

На свете мало вымышленных коро-

левств, сопоставимых по читательской любви и почету с Земноморьем Урсулы К. Ле Гуин. Это край островов и морей, колдунов и заклятий, более тридцати лет пленяющий воображение ценителей фантастики.

Хотя романы о Земноморье пользуются наибольшей известностью — первый роман цикла, «Волшебник Земноморья», увидел свет в 1968 году и переиздается по сей день, — его мир был впервые явлен в рассказе, предлагаемом ниже. Это история о нелюдимом, влюбленном в природу волшебнике Фестине, столкнувшемся с темной алчностью злого чародея, которому было мало одной жизни.

По мере того как Фестин пытается вырваться из вечного, как ему мнится, плена, его магические способности подвергаются испытанию, а голодная тьма наступает. Зло накрывает отчизну Фестина, и он должен изыскать способ спасти не только себя, но и любимый край.

Перед вами классическая история о схватке отважного одиночки со злом и о

силе, которую мы обретаем, когда жертвуем всем во имя любви.

Где он? Твердый и скользкий пол, черный и смрадный воздух — это все. Не считая головной боли.

Распростертый на влажном холодном полу, Фестин со стоном молвил:

— Посох, сюда!

Но ольховый магический посох так и не прыгнул в руку, и Фестин понял, что попал в беду. Он сел; лишенный посоха, а с ним и приличного света, он вынужден был щелкнуть пальцами, чтобы высечь искру, пробормотав особое заклинание. Голубоватый шарик души отделился от искры и немощно замерцал, покатившись во тьме.

— Выше, — велел Фестин, и крохотная шаровая молния поднималась, пока не озарила вогнутый люк: очень высоко — настолько, что Фестин, спроецировавшийся в этот огонек, мгновенно узрел собственное лицо, бледной точкой светившееся в сорока футах внизу. Свет не отражался от сырых стен, они были сотканы из ночи при помощи волшебства.

Части Фестина воссоединились, и он приказал:

— Погасни.

Шарик исчез. Фестин сидел в темноте, похрустывая пальцами.

Напали, должно быть, сзади, застали врасплох: он помнил лишь, как вечером шел по родному лесу, беседуя с деревьями. Не так давно, на середине своей одинокой жизни, Фестин вдруг ощутил бремя бесполезной, нерастраченной силы, из-за чего он, осознав необходимость научиться терпению, покинул селение и ушел общаться с деревьями, все больше с дубами, каштанами и белой ольхой, чьи корни пребывают в глубинной связи с бегущей водой. Он вот уже полгода не говорил ни с одним человеческим существом. Погруженный в основы основ, он не творил чар и никому не мешал. Так кто же околдовал его и заточил в этом зловонном колодце?

— Кто? — спросил он у стен, и медленно проступило имя: оно собралось и скатилось к нему подобно густой черной капле, выступившей из каменных пор и плесени: «Волл».

Фестина бросило в холодный пот.

О Волле Беспощадном он впервые услышал давно: поговаривали, что тот был больше, чем чародей, но меньше, чем человек. Волл шел от острова к острову до Дальних Пределов, разрушая строения Древних, порабощая людей, вырубая

леса и вытравливая поля; всех же волшебников и магов, пытавшихся ему противостоять, он заточал в подземные склепы.

Беженцы с разоренных островов неизменно сообщали одно: он явился под вечер, с моря, верхом на темном ветре. Его рабы прибыли на кораблях — их видели, однако никто и никогда не видел Волла… На островах было много людей и тварей, служивших злу, и молодой волшебник Фестин, жадный до знаний, не слишком верил сказкам о Волле Беспощадном. «Я защищу этот остров», — думал он, памятуя о своей нерастраченной силе, и возвращался к дубравам и ольшаникам, к песням ветра в их листьях, к рокоту роста в стволах и ветвях, к тронутой солнцем листве и темным грунтовым водам, омывающим корни. И где же они теперь — деревья, его старые товарищи? Неужто Волл уничтожил лес?

Придя наконец в себя и поднявшись на ноги, Фестин дважды взмахнул напрягшимися руками и выкрикнул Имя, которым отмыкались все запоры и отпиралась любая сделанная человеком дверь. Но стены, пропитанные ночью и Именем своего строителя, не отозвались, не услышали. Слово вернулось эхом и отдалось в ушах Фестина с такой силой, что он упал на колени, обхватил

голову и оставался в этой позе, пока отзвук не замер в сводах, высившихся над ним. Затем, все еще оглушенный отдачей, он сел и погрузился в тягостные раздумья.

Люди говорили правду: Волл силен. Здесь, на его территории, в стенах заколдованной темницы, его магия устояла бы при любом прямом нападении; сила же Фестина наполовину уменьшилась из-за потери посоха. Но даже такой тюремщик не мог лишить Фестина собственного могущества, способности к проецированию и превращению. А потому волшебник потер виски, теперь болевшие вдвое сильнее, и преобразился. Его тело бесшумно растаяло и превратилось в легкое облачко.

Неспешно, сторожко туман оторвался от пола и устремился по скользким стенам, пока не нащупал стык со сводом — трещину шириной с волос. Он просочился, капля за каплей. Он почти выбрался, когда налетел ветер — горячий, как от печи; налетел и начал расшвыривать и сушить капли. Туман поспешно втянулся обратно в свод, образовал на полу спираль и вновь стал Фестином, простертым на полу и задыхающимся. Для интровертов вроде Фестина превращение чревато эмоциональным потрясением; в сочетании

с угрозой нечеловеческой гибели в необычном образе оно по-истине ужасает.

Какое-то время Фестин лежал и просто дышал. Кроме того, он злился на себя. Бежать под видом тумана — расчет исключительно простодушный. Любой дурак знает эту уловку. Наверняка Волл поставил горячий ветер в качестве часового.

Фестин превратился в маленькую летучую мышь, взлетел к потолку, вторично преобразился в тонкую струйку обычного воздуха и просочился в щель.

На сей раз он беспрепятственно выбрался и легким дуновением полетел через зал к окну, но острое чувство опасности вынудило его собраться и обернуться первым пришедшим на ум мелким предметом — золотым кольцом. Очень кстати. В виде кольца он лишь испытал легкий озноб от порыва ледяного ветра, который рассеял бы его воздушную ипостась и превратил в хаос без надежды на восстановление. Когда буря миновала, он так и остался лежать на мраморном полу, прикидывая, в каком виде ему будет сподручнее выбраться из окна.

Он покатился прочь, но слишком поздно. Огромный тролль с пустым лицом метнулся смерчем, поймал увертливое кольцо и зажал

в исполинском известняковом кулаке. Тролль подбежал к люку, вцепился в железную ручку, распахнул, после чего пробормотал заклинание и бросил Фестина в темноту. Тот пролетел сорок футов и звякнул о каменный пол.

Вернув себе подлинный облик, он сел и потер ушибленный локоть. Хватит ему превращений на голодный желудок. Он отчаянно тосковал по посоху, при помощи которого мог бы добыть любой обед. Без него можно менять свою форму и творить некоторые чары, но для себя не вызовешь ничего — ни молнии, ни бараньего ребрышка.

— Терпение, — сказал Фестин.

Восстановив дыхание, он превратил свое тело в пленительную смесь летучих масел, в упоительный аромат жаркого. Он вновь поплыл к трещине. Тролль-стражник подозрительно принюхался, но Фестин уже обернулся соколом и устремился прямо к окну. Тролль бросился за ним, отставая на несколько шагов, и заревел густым каменным басом: «Сокол, держите сокола!» Фестин уже падал с высот заколдованного замка в лес, простиравшийся темной грядой к западу; солнечный свет и блеск моря слепили, и волшебник ловил ветер подобно стреле. Но его отыскала стрела пошустрее. Он с криком рухнул. Солнце,

море и башни закружились и сгинули.

Он вновь очнулся на сыром полу темницы; руки, губы и волосы были мокры от его собственной крови. Стрела поразила оконечность соколиного крыла — человеческое плечо. Лежа неподвижно, он подумал, что надо поскорее закрыть рану. Удалось сесть и вспомнить сокровенное длинное заклинание. Но он потерял много крови, а с нею — силы. Холод пронизывал до костей, неподвластный даже целебным чарам. В глазах осталось темно, даже когда он высек огненный шарик души, осветивший смрадный воздух: все тот же черный туман, который он видел нависшим над лесом и селениями его страны.

Он должен защитить этот край.

Сбежать не удастся — Фестин слишком ослабел и устал. Он чрезмерно доверился своему могуществу и лишился силы. Теперь его слабость передастся любой форме, какую он примет, и он попадет в ловушку.

Дрожа от холода, Фестин двинулся ползком. Огонек погас, испустив на прощание запах метана, болотного газа. Перед умственным взором возникли топи, протянувшиеся от леса до моря, — его любимые болота, куда не ходили люди, где осенью стройным рядом летели лебеди, а

средь покойных заводей и островков камыша струились к морю резвые ручейки. Стать бы рыбой в этих буроватых водах, а еще лучше оказаться в истоках ручьев, в тени лесной чащи, под корнями ольшаника…

Это было великое волшебство. Фестин прибегал к нему не чаще, чем любой человек, тоскующий на опасной чужбине о родных землях и реках, томящийся по отчему дому — по столу, за которым ел, по ветвям за окнами спальни. Волшебство возвращения домой доступно только во сне, если речь не идет о высших магах. Но Фестин, скованный холодом, который полз из костей по нервам и жилам, выпрямился меж черных стен, собрал всю волю, пока та не стала светильником во тьме его плоти, и начал творить великое и безмолвное заклинание.

Стены исчезли. Он очутился в толще земли, где скальный камень и гранитные глыбы служили костями, грунтовые воды — кровью, корни — нервами. Как слепой червь, он медленно устремился сквозь тьму на запад. Затем вдруг по его спине и животу заструилась прохлада — бодрящая, уступчивая, неутомимо ласковая. Боками он ощутил воду, почувствовал ее ток; лишенными век глазами узрел перед собой между величественными

опорными корнями ольшаника глубокое бурое озерцо. Он метнулся вперед, в тень, подобный серебристой молнии. Он был свободен. Он был дома.

Вода, не зная времени, спешила из своего чистого источника. Фестин лежал на песчаном дне пруда, предоставляя бегущей влаге, которая была сильнее любого целительного заклинания, успокаивать его рану и своим холодком вымывать поселившуюся в нем лютую стужу. Но он, пока отдыхал, слышал и осязал топот, сотрясавший землю. Кто теперь рыщет по его лесу? Слишком изнуренный, чтобы менять форму, он укрыл блестящее тело форели под изгибом ольховою корня и стал ждать.

В воду, взбивая песок, погрузились огромные серые пальцы. Во мгле над водой, размывавшей лица, мелькнули и скрылись пустые глаза. Затем вернулись. Ныряли руки, ныряли сети, промахивались снова и снова, но вот поймали его и подняли, извивающегося, в воздух. Он из последних сил попытался восстановить свой истинный облик и не сумел, будучи связан собственным заклинанием о возвращении домой. Он бился в сети, хватая ртом сухой, слепящий, ужасный воздух; он задыхался. Пытка продолжалась, и

кроме нее не было ничего.

Много позже он мало-помалу осознал, что вновь обрел свое человеческое обличье; в глотку ему вливали какую-то кислую жидкость. Затем последовал новый провал, после чего он открыл, что лежит ничком на сыром полу склепа. Он вернулся во власть врага. И хотя Фестин опять мог дышать, он был не слишком далек от смерти.

Теперь холод объял его целиком; должно быть, тролли, слуги Волла, повредили хрупкое тело форели, ибо при всяком движении его грудную клетку и предплечье пронзала боль. Истерзанный, лишенный сил, он валялся на дне колодца ночи. Он не мог сменить облик, и выход был только один.

Лежа неподвижно, мучимый тупой болью, Фестин думал: почему он меня не убил? Зачем оставил в живых и держит здесь?

Почему его никто никогда не видел? Какому оку он зрим, какими путями ходит?

Он боится меня, хотя я совершенно изнемог.

Говорят, что все маги и люди силы, которых он победил, живут в запечатанных склепах, подобных этому, год за годом пытаясь вырваться на свободу…

Но что, если кто-то откажется жить?

И Фестин сделал свой выбор. Его последней мыслью было: если я ошибаюсь, люди сочтут меня трусом.

Но волшебник не стал на ней задерживаться. Чуть повернув голову, он закрыл глаза, сделал прощальный глубокий вдох и произнес слово свободы, которое можно выговорить лишь однажды.

Превращения не случилось. Он не изменился. Его тело, длинные руки и ноги, ловкие пальцы, глаза, любовавшиеся деревьями и ручьями, — все замерло в абсолютном покое, скованное холодом. Но стен не стало. Исчезли своды, сотворенные волшебством, и комнаты, и башни; пропали лес, и море, и вечернее небо. Все ушло, и под новыми звездами Фестин начал медленно спускаться по дальнему склону бытия. При жизни он обладал огромной силой, а потому ничего не забыл. Как пламя свечи, он скользил в темноте необъятной пустоши. И, памятуя, он выкрикнул имя врага: «Волл!»

В свете звезд, будучи призван и не в силах сопротивляться, Волл явился ему: призрак, сотканный из густой белизны. Фестин приблизился, и Волл съежился и вскрикнул, как будто его обожгло. Он пустился бежать, и Фестин последовал за ним по

пятам, почти вплотную. Они проделали длинный путь, попирая цветы из застывшей лавы, которой когда-то кипели громадные потухшие вулканы, устремленные вершинами к безымянным звездам; они спешили через отроги безмолвных холмов, пересекали долины, заросшие низкой черной травой; миновали города или вступали в них и двигались по темным улицам меж домов, где в окнах не было лиц. Звезды висели в небе: ни одна не взошла, ни одна не упала. Здесь ничто не менялось. Ни малейшей надежды на новый день. Но они продолжали путь, и Фестин неизменно гнал недруга перед собой, пока они не достигли места, где когда-то, очень давно, текла река: воды, прибывавшие из живых пределов. В сухом русле, среди булыжников, лежал труп — обнаженный старик, чьи пустые глаза смотрели на непорочные звезды, не ведавшие смерти.

— Вселяйся, — приказал Фестин.

Тень Волла взвыла, но Фестин придвинулся ближе. Волл отпрянул, споткнулся и влился в разинутый рот своего собственного мертвого тела.

Труп моментально исчез. Сухие булыжники, ничем не тронутые и не запятнанные, блестели в звездном свете. Какое-то время Фестин стоял неподвижно, затем он медленно сел в окружении высоких скал, чтобы дать себе отдых. Передышку — не сон, ибо ему предстояло сторожить, пока тело Волла, отправленное назад в могилу, не обратится в прах, так что все злые чары развеет ветер и смоет в море дождь. Он должен присматривать за этим местом, откуда сумела однажды сбежать смерть. Исполненный теперь безграничного покоя, Фестин ждал среди скал, где больше никогда не заструится река; в сердце края без морских берегов. Над ним горели неподвижные звезды, и он, созерцая их, медленно, очень медленно забывал голос ручьев и дробь, которую дождь выбивал на листве в лесах жизни.

перевод А.К. Смирнова

Джон Р. Шульц
ТРИНАДЦАТЬ КНИГ АРТИРИИ

Джон Р. Фульц — автор нескольких коротких произведений, которые печатались в журналах «Black Gate», «Weird Tales», «Space & Time», в моем «Lightspeed» и в антологии «Cthulhu's Reign». Он также автор юмористической фантастической эпопеи «Primordio». В настоящее время живет в Калифорнии, в районе залива, преподает английскую литературу в средней школе. Подробности смотрите на johnfultz.wordpress.com.

По словам Фульца, идею предлагаемого рассказа ему подсказали многочасовые скитания по магазинам новых и подержанных книг в поисках очередного потрясающего тома. По правде говоря, что, кроме хорошей книги, заставит нас забыть об окружающей обстановке, целиком и полностью погрузиться в жизнь и быт далеких неизведанных миров? Что иное способно так ярко разжечь свет зна-

ния в наших сердцах?

Дня Джереми Марча поход в букинистический магазин обернулся путешествием за пределы нашей действительности, в иной, полный жизни и ярких красок мир. Обнаруженные им томики в кожаных переплетах намекают на то, что описанная в них магическая вселенная и есть истинная реальность, затянутая дымкой иллюзии. Это царство зеленого солнечного света, прекрасных женщин и тайн, выходящих за рамки современного восприятия. Однако то, что узнает о себе Марч, пожалуй, еще более фантастично, чем вселенная, которая оживает по мере того, как он читает о ней.

И хотя этот рассказ, безусловно, из разряда фантастических, одновременно он порождение жизненного опыта Фульца. Вот что говорит автор, размышляя над ролью книг в своей жизни: «Не мы находим предназначенные нам книги — они сами находят нас».

И что это, если не магия?

Первая книга воззвала к нему с покрытой серой

пылью полки. Бродя в одиночестве, он наткнулся на этот магазинчик. Подобных лавок в здешних местах хватало, они ютились в переулках и своей теснотой угрожали вызвать клаустрофобию. Лишь месяц назад он переселился сюда, еще не успел толком изучить город и обнаружил пока далеко не все его труднодоступные сокровищницы: затейливые ресторанчики с местной кухней, крошечные кинотеатры с добрыми старыми фильмами и тесные магазины вроде этого, полные старинных и винтажных артефактов.

Вывеска над дверью, выполненная староанглийским шрифтом, гласила: «Бородатый мудрец». У него это вызвало улыбку: вывеска — настоящее произведение искусства, а под ней всего лишь груды заплесневелых книг.

«Однако для меня тут что-нибудь найдется», — подумал он, поворачивая медную дверную ручку.

Когда он перешагивал порог, звякнул колокольчик. Позади начинался дождь, впереди громоздились книги — грудами на столах и полу, рядами на полках. Приятно пахло старой бумагой.

Войдя, он закашлялся от пыли. За прилавком восседала старушка в очках с роговой оправой,

то ли китаянка, то ли филиппинка. Она спала, откинувшись головой к стене. Из отверстия в спинке каменного дракончика рядом с кассовым аппаратом торчала ароматическая палочка, и к запаху старых книг примешивался сладковатый аромат жасмина.

Он пошел по тесному проходу, краем глаза скользя по корешкам книг в покоробленных обложках, читая вертикальные строчки… однако ТА САМАЯ книга уже взывала к нему. Уже было понятно, что она здесь, среди тысяч других реальностей, скованных рамками типографской краски и бумаги. Дыхание стало медленным и ровным, глаза впитывали содержимое полок. Так он обычно вел себя во всех книжных магазинах, обыскивая укромные уголки и высматривая малейшие признаки клада.

— Как тебе удается находить так много отличных книг? — спрашивала его жена еще в те времена, когда они жили вместе. — Ты всегда подбираешь для меня что-нибудь стоящее.

— Не я их нахожу, — отвечал он. — Книги находят меня.

Она в это не верила, как не принимала в расчет многое из сказанного им. И тем не менее это была правда.

В задней части магазина рука будто сама потянулась к полке, уставленной тяжелыми томами в кожаных переплетах. Все вперемешку — фантастика, научно-популярная литература, энциклопедии, учебники анатомии, первые издания, подшивки забытых журналов, книги на иностранных языках, в том числе совершенно ему незнакомых. Пробежавшись по краю полки, пальцы остановились на черном корешке с золотым тиснением. Он обеими руками потянул книгу на себя, сдул пыль с обложки и прочел название:

Единственно подлинный мир
Том I. Как рассеять иллюзии рассудка и современности

Автор указан не был, рисунок на обложке отсутствовал — только выцветшая черная кожа и золотые буквы. На корешке стояла римская единица, однако последующие тома нигде не обнаруживались.

Именно эта книга привлекла его сюда.

Он перевернул обложку. Сам придумал эту проверку для книг если первые несколько абзацев впечатляли стилем, содержанием, игрой воображения или даже сочетанием всего этого, он

покупал. Долго пробиваться через нудный текст в надежде, что он улучшится, не имело смысла. Раз уж автору не удалось показать свое мастерство на первой странице, это, скорее всего, не удастся и дальше.

Прочитав три первых предложения, он закрыл книгу, вернулся к прилавку и разбудил продавщицу, звякнув колокольчиком.

— Беру.

Руки дрожали, когда он вынимал из бумажника тридцать четыре доллара и платил. Внутри все трепетало, почти как при первой встрече с Джоанной… Предвкушение открытия, ощущение, что он стоит на краю чего-то совершенно необыкновенного, изумительного. Чего-то вроде любви?

— Хороший магазин. Давно вы в этом бизнесе? — спросил он старушку.

— Целую вечность! — ответила она, обнажив в улыбке кривые зубы.

Он рассмеялся и представился, понятия не имея, зачем это делает:

— Я Джереми Марч.

Она кивнула, как бы подтверждая его слова, и помахала рукой на прощанье:

— Приходите еще, мистер Марч.

Когда он покидал магазин, колокольчик звяк-

нул снова. Джереми сунул книгу под пальто, вышел под проливной дождь и зашагал к машине. К тому времени, когда он добрался домой и положил книгу на прикроватный столик, в темном небе уже грохотал гром и сверкали молнии.

Самая подходящая ночь для хорошей книги.

Прикрыв ноги теплым одеялом, он приступил к чтению.

Первое, что необходимо усвоить о единственно подлинном мире, это что он не плод вашего воображения и не лежит в некоем далеком измерении. Чтобы понять разницу между подлинным миром и ложным, нужно представить себе подлинный мир находящимся под прикрытием ложного — скажем, как человек лежит под одеялом или женское лицо прячется под дорогой косметической маской.

Иллюзия, прячущая подлинный мир от глаз людей, называется современным миром. Это плотное сплетение обманчивых нитей, называемых фактами и вместе составляющих великую завесу рассудочности.

Истинный философ путем анализа и синтеза приходит к осознанию того, что рассудочность есть ложь. Она суть то самое стремление, что служит топливом для вселенной, и этим объ-

ясняется сила его воздействия. Современность — тоже обман, поскольку древний мир никогда никуда не уходил. Он лишь развивался и трансформировался, нисколько не утрачивая своей древности. Медитируя на сущность единственного подлинного мира, можно добиться проявления оного, ибо истина всегда сильнее иллюзии, даже если погребена под спудом тысячелетий.

Для того чтобы овладеть этим инструментарием, сорвать завесу иллюзии и прийти к полному пониманию единственно подлинного мира, нужно тщательнейшим образом прочесть не только этот, но и все последующие тома.

Каковых двенадцать.

Когда поутру он проснулся, в окно спальни лился изумрудный солнечный свет. Протирая глаза, он вспоминал сон, в котором солнце было не зеленое, а оранжевое или желто-белое. Да и сон ли это? Солнце же зеленое — естественно! — и всегда таким было.

Он выкинул ночные видения из головы и пошел в ванную. Книга была закрыта и отложена перед самым рассветом. Еще ни разу в жизни он так не зачитывался.

Пока он брился, образы единственно подлинного мира плясали на запотевшем зеркале ванной.

Покрытые лесами королевства, облачные города, бродящие по горам великаны, парящие, словно орлы, крылатые корабли, рыцари в серебряных доспехах, расхаживающие по зубчатой стене нефритового замка, грифоны, мантикоры и стаи пегасов, над чужим морем носящих на себе дев…

Стряхнув наваждение, он пошел на кухню и напился диетического лимонада.

Он надел тенниску, джинсы и вышел из дома, глядя на изумрудный пылающий шар над головой. День был теплый, но не жаркий. Он достал из кармана ключи от машины. Завтракать некогда — его зовет вторая книга. До букинистического магазина почти девяносто миль.

Ну ничего, цель — новый проблеск единственно подлинного мира — от него не уйдет.

На углу самого богемного квартала стоял магазин «Книги и свечи», принадлежащий пожилой паре хиппи. Глядя сквозь очки в стиле Джона Леннона, муж приветливо улыбнулся Джереми. Тот кивнул и свернул к ряду книжных полок в левой части магазина. На другой стороне стояла обширная коллекция свечей ручной работы, всех форм и размеров. Их пляшущие огоньки создавали впечатление, будто находишься в церкви.

Цепкий взгляд заскользил по полкам. Как будто

ты приближаешься к комнате, где играет музыка, — с каждым шагом мелодия все громче.

Отодвинув картонную коробку с тронутыми плесенью книгами в бумажной обложке, он увидел низкий стеллаж, а на нем книгу, почти неотличимую от первой: черный кожаный переплет с золотом на корешке и обложке. Радостная симфония ревела в ушах, когда он снимал находку с полки, ощущая приятную тяжесть.

Единственно подлинный мир
Том II. Королевства и главные города Артирии

Шестидесятилетние хиппи сразу смекнули, что эта книга ему нужна позарез. Пришлось заплатить двести долларов с лишним; хорошо еще, они приняли кредитную карту. Позабыв, где оставил машину, он пошел в грязный мини-отель, в котором селились преимущественно бездомные. Он не мог ждать — необходимо было тотчас приступить к чтению.

В такую теплую погоду почти все постояльцы занимались своим привычным делом, то бишь слонялись по улицам. Он заплатил за койку, лег и открыл книгу.

Час спустя, когда солнце склонилось к гори-

зонту, ночлежники потянулись под крышу — посасывать спиртное из бутылок в бумажных пакетах или играть в кункен на обшарпанных складных столиках. Джереми ничего этого не замечал, все его внимание было отдано книге; как и с первым томом, он не мог остановиться, не дочитав до конца.

Он поглощал слова, как изголодавшийся бродяга поглощает яства на королевском приеме.

Настоящее название единственно подлинного мира — Артирия. Всего в нем двадцать одно королевство, девять из них в той части, которая именуется Большей, и двенадцать — в Меньшей. Единственно подлинный мир омывают три океана, они того же оттенка, что и изумрудное солнце, и у каждого свои загадки, особенности островной культуры и таинственные глубины.

В Большей части королевства расположены тридцать три цветущих города, берущих свое начало в эпоху Ходячих Богов. Иные многажды подвергались разрушению, однако верные потомки неизменно возрождали их.

Самых крупных и влиятельных городов семь. Вот они: Вандрилла (город мечей), Зорунг (город звездочетов), Ореалис (город вина и песен), Ург (город пытливых умов), Ашингол (город богорож-

денного), Зеллим Ках (город колдунов) и Йонгайя (город беспокойных жаб).

Среди этих городов есть лишь один, куда не ступает нога человека. Даже произнесение вслух названия этого ужасного места наказывается смертью во всех королевствах и Большей, и Меньшей частей.

Естественно, название запретного города на этих страницах появляться не может.

В своих снах Джереми все еще был женат. Ему снилась Джоанна, какой он ее запомнил: улыбающаяся, полная энергии, с длинными, черными как смоль волосами. Чаще всего ему снился пикник на озере Альбатрос. В лазурном небе сияло дивное желтое солнце, ветер ерошил волосы Джоанны. Они распивали бутылку вина и любовались играющими на воде утками, пока не накатывали, скрывая солнце, грозовые облака. Потом, лежа под большим деревом, они занимались любовью, слушая шум проливного дождя и шепот листьев над головой.

«Никогда я не был так счастлив», — сказал он ей в тот день.

Ему только что исполнилось двадцать пять, она была на год моложе. Их отношения могли служить доказательством того, что противо-

положности притягиваются друг к другу. Он никогда не понимал, почему такая женщина влюбилась в вечного мечтателя. Для него было куда важнее сочинить безупречную песню, чем заработать на жизнь. Все три года, пока они были женаты, она работала в банке, а он в магазине подержанных музыкальных записей, одновременно давая уроки игры на гитаре. В первый год это был рай, во второй — череда схваток, в третий — война на истощение.

«Ты такой мечтатель», — говорила она.

Как будто в этом есть что-то неправильное.

Через несколько месяцев после свадьбы до него дошло: пока она зарабатывает больше, он будет выглядеть в ее глазах неудачником. С этого началась «фаза делового костюма и галстука» — повесив гитару на стену, он погрузился в скучнейшую бюрократическую рутину. Ради Джоанны. Она коротко постриглась и какое-то время выглядела счастливой… а вот он чувствовал себя все более и более несчастным. Стерильные ряды офисных кабинок он воспринимал как тюрьму, а в тюрьме умирают все надежды.

«Ты такой мечтатель», — повторяла она во сне, не осознавая иронии ситуации, и свадебное платье превращалось в пепел, когда он целовал ее.

Она стояла на холодном сером песке, все уменьшаясь по мере того, как судно уносило его прочь. В конце концов она уподобилась крошечной кукле среди других многочисленных кукол на берегу. Он оглядел свое судно, но оно было безлюдным. На палубе стоял он один, и горький ветер наполнял паруса, отдаляя его от берега.

Он обернулся, позвал ее по имени, но ветер одиночества унес его слишком далеко. Тогда он прыгнул в ледяную воду, исполненный решимости вернуться на берег, вернуться к ней и возродить любовь. Ему никто не нужен, кроме нее; никогда не был и не будет нужен.

Но едва холодная вода сомкнулась над головой, он вспомнил, что не умеет плавать. Словно камень пошел ко дну, и в легкие хлынула соленая вода.

Он проснулся в высокой траве лавандового цвета, хватая ртом воздух. В зеленом, точно лайм, небе полыхало солнце. Дешевая ночлежка исчезла, как и бездомные, с которыми он делил ее. Он лежал в поле один. Встал, повернулся к высоким черным стенам Ореалиса.

Базальтовый вал окружал город, изгибаясь в сторону залива. Это был огромный порт, известный своими превосходными винами и

замечательными певцами. Он зашагал в сторону океана, где на якоре покачивались гордые галеоны и тысячи других кораблей. Открытая вода страшила его, но он твердо знал, что следующая книга найдется по ту сторону изумрудного моря. Она взывала к нему — с такой же силой, с какой весна взывает к уснувшим на зиму цветам.

Чем больше размышляешь о сущности единственно подлинного мира, тем явственнее он проступает…

По дороге к южным воротам он пробирался сквозь толпу паломников в балахонах, стражников в доспехах, фермеров с телегами и безлошадных крестьян. В отдалении гроздьями поблескивали нефритовые купола и башни в окружении множества деревянных строений, где трудились и жили простолюдины. На городских перекрестках выступали барды и поэты. Пахло конским и человеческим потом, дымом и специями.

Слуги несли в паланкинах состоятельных граждан. Ореалисская знать любила атлас и шелка, блистающие каменьями и родовыми гербами из благородных металлов. Здесь считались модными высокие полуовальные прически — в волосы пастельных тонов вплетались золотая канитель и

нитки жемчуга. На пальцах и мужчин и женщин сверкали кольца; и те и другие раскрашивали лица в различные оттенки янтарного, охряного и темно-красного. При паланкинах шествовали телохранители в серебряных кольчугах, с узорными мечами за спиной. Гребни их железных шлемов были украшены изображениями змей, соколов или тигров.

Отойдя в сторону, чтобы пропустить свиту очередного богатого горожанина, Джереми обратил внимание на собственную одежду, отличную от той, что носили жители Ореалиса. Рубаха из черной шерсти покрывала торс и руки и была перехвачена пояском из серебряных звеньев. Штаны — из темно-фиолетовой ткани, мягкой и в то же время плотной как кожа; высокие сапоги — из того же материала. Малиновый плащ у горла скреплен амулетом в виде бараньей головы то ли из серебра, то ли из белого золота.

От одежды пахло лошадью и пылью. Джереми инстинктивно потянулся за бумажником, но вместо него обнаружил свисающий с пояса шерстяной кошелек и высыпал на ладонь его содержимое: восемь серебряных монет с бараньей головой на одной стороне и сверкающей башней на другой.

Откуда-то ему было известно, что монеты, называемые дринами или, в просторечии, барашками, отчеканены в далеком городе, названия которого он не помнил.

Сквозь густой аромат Ореалиса пробивался запах морской воды, хотя до набережной с покачивающимися около нее галеонами было еще далеко. Их украшали паруса всех цветов радуги и совершенно незнакомые гербы. Джереми устремил взгляд по ту сторону забитого судами залива, к далекому горизонту. Солнце висело низко, и океан сверкал, словно зеленое зеркало.

Таррос.

Название этого островного королевства словно всплыло из глубин зеленого моря. Там он найдет следующую книгу.

После долгих расспросов он добрался до галеона с голубыми парусами и флагом островной королевы, носящим изображение морской раковины. Загорелые дочерна матросы грузили на борт рулоны ткани и бочки с вином.

— У тебя есть деньги, философ? — спросил вспотевший капитан — полный, круглолицый, с толстыми губами и темными курчавыми волосами.

С шеи у него свисало ожерелье из устричных

раковин.

— Восемь серебряных барашков.

Капитан улыбнулся; зубы блеснули как жемчуга.

— Ага, этого хватит.

Джереми высыпал монеты на ладонь капитана и взглянул на волны.

— Отплываем с восходом луны, — услышал он. — Ночью не жарко и море спокойное.

На гаснущем небе замерцали звезды. Луна — нефритовый диск, отражающийся в темной воде, — поднималась над горизонтом.

Вслед за капитаном, представившимся как Зомрах Бывалый, он поднялся на палубу. Неожиданно вспомнился второй том и ночлежка, где он заснул, дочитав до конца. Кстати, куда девалась книга? Осталась в поле? Или где-то здесь, в городе? Или вообще исчезла? Может, вернуться и поискать ее в бархатистой траве?

«Ни к чему, — сказал он себе. — Я ведь уже прочел ее».

Нужно двигаться дальше, по зеленым волнам.

Чем ближе к островному королевству, тем больше он вспоминал о себе. К тому времени, когда показался лесистый Таррос, он уже понял, почему капитан называет его философом и почему у

него на груди серебрится изображение бараньей головы. Вспомнил и свое отрочество в белых башнях Оорга, города пытливых умов, бесчисленные храмовые библиотеки и тысячи дней, отданных размышлениям. Многое еще оставалось закрыто туманом забвения, картинами средней школы, колледжа и другими фантомами. И все же после пятидневного плавания по океану возникла уверенность, что он действительно философ из белого города и всегда был им.

На шестой день он вспомнил свое настоящее имя.

Джеремах из Оорга.

— Я Джеремах из Оорга! — закричал он в просторы океана.

Матросы вроде бы не обратили внимания на эту выходку, однако поглядывали в его сторону, когда считали, что он не видит. Что, кроме эксцентричного поведения, можно ожидать от человека, тратящего свою жизнь на поиски смысла существования?

Но это еще не все, решил он. Тут скрыто нечто большее, гораздо большее. По ощущениям, Оорг — его прошлое, но не настоящее и не будущее. Он не просто уроженец Оорга, изучивший пятьдесят девять философских течений и поднаторевший в

умственных упражнениях. Кто же он? Возможно, ответ найдется в следующем томе единственно подлинного мира.

То, что недоступно памяти, скрыто среди тех страниц.

Спустя четырнадцать дней плаванья по спокойному морю с попутным ветром галеон бросил якорь в Мироа, порту Тарроса. Город, с его непритязательными мазанками, куполообразными храмами и скромным дворцом королевы Тарроса на вершине самого высокого холма, являл собой бледное подражание Ореалису. Дворец состоял из четырех конических зданий и вздымающейся между ними башни, все из розового с фиолетовыми прожилками мрамора. Город изобиловал красочными птицами, а люди, в большинстве простые труженики, ходили в белых рубахах и штанах, с обнаженной грудью, но непременно при ожерелье из морских раковин, символе их страны и королевы. Дыхание соленого ветра смягчалось острым запахом фруктовых деревьев.

Зомрах Бывалый, капитан торгового судна на службе у вице-короля, имел право посещать дворец. Вице-король оказался морщинистым стариком в серебристых одеждах; на седой голове — нелепая шляпа в форме раковины. А может,

это и была раковина, самая настоящая. Изучив в пышной приемной счет Зомраха, он вручил капитану мешок золота. Когда Зомрах представил философа вице-королю, тот оглядел его с ног до головы, точно диковинный груз, кивнул и приказал следовать за собой.

Они долго шли по извилистым коридорам, по аллеям со шпалерами, увитыми красными и белыми орхидеями. На стенах дворца висели гобелены с грозными подводными сценами: вооруженные трезубцами герои сражались с кракенами, акулами и левиафанами. В отдалении высокий голос пел прекрасную песню, наводившую на мысль об океанских глубинах.

Королева Тарроса приняла Джеремаха на высоком балконе розовой башни, купаясь в солнечном свете. Сидя в кресле, она могла обозревать северную и западную части острова, а на юго-востоке — безбрежный океан. Ее охраняли три мускулистых тарросийца в набедренных повязках и при амулетах из морских раковин.

Королева встала, и он был потрясен до глубины души. Ее красота слепила. Узкий подбородок и сапфировые глаза казались смутно знакомыми, волосы имели оттенок влажных морских водорослей. Сквозь почти прозрачное платье

проглядывало тело безупречной формы.

Она дружески обняла его.

— Хорошо выглядишь, философ. И ты гораздо моложе, чем в свой прошлый визит, — с улыбкой сказала она.

Джеремах поклонился, вспомнив, как надо вести себя в таких ситуациях.

«Я уже бывал здесь. Она знает меня».

— О королева, твои владения — душа красоты, а ты — ее сердце.

— А ты все тот же льстец. — Она прикоснулась ладонью к его щеке, с таким выражением, как будто ее восхищали черты его лица. — Ты пришел за своими книгами. — Она взяла его за руку; прикосновение было теплым и нежным. — Я сохранила их.

Значит, здесь не один том.

— Ваше величество, как всегда, поступили мудро…

— Пожалуйста, — она повела его внутрь башни, — называй меня по имени, как прежде. Ты его не забыл?

Он напряг память.

— Селеста. Прекрасная Селеста.

По винтовой лестнице они спустились в библиотеку. Двадцать сводчатых окон смотрели

на море, сотни книг выстроились вдоль стен. Не нуждаясь в подсказке, он подошел к полке и протянул руку к третьей книге (как делал уже дважды). Рядом стояли еще два тома. Он положил все три на мраморный столик.

Том III. Люди и их верования
Том IV. Родословные выдающихся королей и домов
Том V. Сообщества псевдолюдей и Облачные королевства.

— Видишь? — сказала королева. — Они в целости и сохранности. Я сдержала обещание.

Трудно было совладать с соблазном тотчас открыть третий том. Прежде следовало кое-что выяснить.

— Спасибо. Как эти тексты попали к вам?

Вопрос удивил ее.

— Ты сам дал их мне, когда я была еще девочкой. Я всегда знала, что ты вернешься за ними, как и обещал. Жаль, этого не произошло, пока был жив отец. Он очень хорошо относился к тебе. Четыре года назад мы его похоронили.

Он вспомнил широкоплечего мужчину с густой зеленой бородой и короной из золотых раковин. Владыка Тарроса смеялся, на коленях у него си-

дела девчушка.

«Король Селестиор. Мой друг. Она его дочь, в прошлом моя ученица — как давно это было? — а теперь королева Тарроса».

Он поцеловал ее в щеку. Она ушла, оставив его с книгами. Спустя несколько часов слуги принесли яства из даров моря, знаменитые вина Ореалиса в перламутровых чашах и коробку свечей. Он читал всю долгую ночь. Теплый соленый воздух струился с моря, нефритовая луна переползала от окна к окну.

День за днем он сидел и читал, и на лице пробивалась седая щетина. В конце концов его нашли заснувшим над книгами и перенесли в спальню. Он ни на миг не открывал глаз, видя во сне далекий мир — ложный, но одновременно во многом истинный.

Ее глаза были полны слез.

— Ты бросил меня?

— Это ты бросила меня, — ответил он.

Она молчала.

— Джоанна, дорогая… Ты же знаешь, я всегда любил тебя. Но ничего не получается. Мы не подходим друг другу.

Слезы побежали по щекам.

— Почему ты так уверен?

— Потому что иначе мы… иначе ты никогда не оказалась бы в постели Алана.

Как это часто бывало, ее печаль сменилась возмущением.

— Я же объясняла! У меня и в мыслях не было ничего подобного.

— Да, объясняла. И тем не менее сделала это. Сделала же? Три раза… о которых мне известно.

Она обняла его:

— Ты не сможешь забыть меня.

Теперь он тоже плакал.

— Я выдержу.

— Нет. Все еще можно исправить.

— Как?

Она отпустила его, откинула со лба прядь темных волос. Глаза у нее тоже были темные. Черные жемчужины.

— Нужно обратиться к психотерапевту, — объяснила она. — Разобраться, в чем мы были не правы, и сделать так, чтобы это никогда не повторилось.

Он отвернулся.

— Ты тоже изменял мне.

«Но не я начал первым».

Вслух, однако, он этого не произнес. Может, она права. Может, еще есть надежда.

Он не любил никого, кроме нее.

Никогда.

Они замерли, обнявшись.

— Я всегда буду любить тебя, — сказал он. — Что бы ни произошло.

Жители Артирии сильно различаются с точки зрения обычаев, одежды и культуры; с войнами они тоже знакомы. В каждом королевстве есть сколько-то необычных граждан; это гуманоидные расы, живущие по соседству с людьми или полностью растворившиеся среди них. Существуют также псевдолюди, играющие большую роль в войнах как наемники и защищающие город-государство, который считают своей родиной. Большинство без всякого предубеждения относится к псевдолюдям, хотя желтые жрецы Наравена называют их нечистыми и не пускают в свои храмы.

На трех континентах Артирии господствуют пять религиозных течений, которые пережили множество потрясений и невредимыми дошли до нас по изломанным коридорам времени. Культам мелких богов несть числа, однако приверженцы всех пяти основных религий поклоняются той или иной вариации пантеона Тысячи Богов.

Некоторые сообщества, к примеру Орден

преданного сердца, молятся всем божествам, другие одному-единственному, избранному среди Тысячи. Эта веротерпимость способствовала развитию всеобщего языка, объединяющего всех жителей Артирии, с их тридцатью семью диалектами.

Стоит упомянуть и Облачные королевства; об их богах ничего не известно, язык непостижим для артирианцев, а подлинная натура и устремления тамошних обитателей на протяжении столетий остаются тайной за семью печатями.

Проснувшись, он стал еще ближе к истинному себе, и жители Тарроса более не казались такими чуждыми. Бродя по дворцу в поисках Селесты, он поражался красоте тех, кого забыл. Блестящая кожа имела оттенок бирюзы, длинные пальцы на руках и ногах были снабжены перепонками и перламутровыми когтями. Из одежды эти существа носили лишь набедренные повязки. По спинам протянулись гребни из шипов и перепонок, они взбирались на узкий череп и заканчивались у высокого лба. Глаза были черные, губы толще, чем у людей, и волосы росли лишь у женщин — длинные изумрудные локоны с вкрапленными в них жемчужинами и ракушками.

Это были земноводные псевдолюди, морская раса, приспособившаяся к жизни на суше. Островное королевство составляло лишь маленькую часть их обширной империи, простирающейся в глубинах океана. Некоторые из них заявляли, что правят всем океаном, однако Джеремах ведал: это не так. Под поверхностью воды обитали другие, менее цивилизованные сообщества.

Теперь, после того как он прочел еще три тома, Артирия представилась ему почти во всей своей полноте. То же относилось и к восприятию самого себя. И тем не менее он до сих пор не знал чего-то очень важного. Все зависит от того, удастся ли ему узнать.

Селесту он нашел в саду, со свитой из числа земноводных. Они отдыхали подле большого озера, влага поступала в него из подводных пещер.

— Джеремах, сегодня ты больше похож на самого себя, — сказала королева, поманив его перепончатой рукой.

— То же самое следует сказать и о вашем величестве.

Он видел свое отражение на поверхности озера. Одежда изменилась мало, однако он выглядел старше. Лет сорока, предположил Джеремах, но с бородой и кудрями старца.

«Сколько мне на самом деле лет? Я так и буду стареть по мере того, как мир возвращается к своему истинному состоянию?»

— Надо думать, ты нашел, что искал, в этих скучных книгах? — спросила она, предложив ему сесть на скамью рядом со своим высоким креслом.

В озере плескались дети, смеясь, ныряя и пуская пузыри.

— Да. Я нашел истину. По крайней мере большую ее часть.

— Рада, что ты вернулся, учитель. — Пухлые губы раскрылись в улыбке, круглые глаза излучали симпатию.

— Ты всегда была моей любимой ученицей.

И это истинная правда.

— Долго ли пробудешь с нами?

— Вряд ли долго. Я слышу призыв, на который не могу не откликнуться. Помнишь, когда ты была еще ребенком, твой отец заключил мирный договор с королевством Аэльда?

— Помню… — Селеста вскинула взгляд. — Мирный договор моря и неба, заключен в семь тысяч четыреста двенадцатом году, году Луча. Ты заставил меня запомнить эту дату.

— И твой отец получил подарок от повелителя

Аэльды. Он все еще у тебя?

Облака нефритового хлопка плыли по небу. Следующая книга взывала к нему откуда-то с высоты.

В сопровождении трех охранников с факелами королева повела его в подземелья дворца, в лабиринт пещер, выточенных морской водой еще в незапамятные времена, и коралловым ключом отперла обсидиановую дверь в хранилище. Внутри обнаружились груды золота и серебра — вековая дань королевств Артирии. А еще фантастического вида доспехи из коралла и кости, железные и золотые копья и щиты, драгоценности всех цветов радуги; все настолько красивое, что Джеремах не мог даже эпитета подобрать.

Побродив среди блистающих сокровищ, Селеста нашла рог из меди, золота и гагата. Судя по форме, он мог принадлежать могучей антилопе. Тем не менее Джеремах почему-то знал, что его выковали там, куда не способен добраться ни один зверь. С удовлетворенным выражением на лице королева протянула рог Джеремаху — она по-прежнему была ученицей, желающей угодить своему наставнику. Он поцеловал ее в щеку и сунул рог за пояс.

— Это еще не все.

За позолоченную рукоять она вытащила из груды сокровищ длинный прямой меч. Лезвие отливало серебром, а рукоятка была украшена голубым драгоценным камнем в форме раковины. Джеремах вспомнил, что король Селестиор носил его на поясе. Даже самый миролюбивый властелин за свою долгую жизнь был вынужден принять участие в нескольких войнах.

— Прими его в дар, — сказала королева.

Джеремах покачал головой:

— Нет, ваше величество. Это же…

— Отцовский меч. Но Селестиора больше нет… Без сомнения, он был бы рад, если бы меч перешел к тебе. — Голосом, похожим на шум океана в морской раковине, она зашептала Джеремаху на ухо: — Мне известно о том, что ты пытаешься сделать. Но это известно и другим. Меч может пригодиться.

Джеремах вздохнул и поклонился, не желая обижать королеву. Взял оружие, поцеловал рукоятку. Она улыбнулась; на шее пульсировали крошечные жабры. Селеста нашла усыпанные драгоценностями ножны, и он подвесил их к серебряному поясу.

«Философ с мечом. Какой абсурд!»

Да и философ ли он еще? Как ему предстоит

измениться, когда единственно подлинный мир полностью обнажит себя?

В ту ночь он пировал с королевой и ее подданными — выпил много вкуснейшего вина, до отвала наелся креветок, крабов и устриц. Поднявшись наконец к себе в башню, он уже плохо соображал. Отстегнул пояс, повесил меч на кроватный столбик и отключился.

Его разбудило сильнейшее удушье. Глаза затянуло зеленовато-голубым туманом; может, Таррос погружается в океанские волны и он тонет вместе с городом? Затем возникла боль в горле, слегка притупленная плещущимся в животе вином.

Над ним склонилась темная фигура. Возле своих плеч Джеремах увидел носки кожаных сапог, горло с ужасной силой стягивала тонкая проволока. Он был бы уже мертв, если бы не густая борода; она подарила несколько мгновений, позволивших очнуться и осознать, что его душат.

Хватая ртом воздух и царапая пальцами пустоту, он дергал ногами, сведенными ужасным спазмом. В любой момент проволока может разрезать горло — наверное, еще до того, как он задохнется. Даже позвать на помощь он не в силах. Спустя какое-то время его найдут здесь,

в гостевой комнате, но так и не узнают, от чьей руки он погиб.

«Что произойдет, если меня не станет?» — подумал он.

И вдруг мелькнул обрывок воспоминания, содержащий ответ на этот вопрос. Если он не прочтет все тринадцать томов, единственно подлинный мир растворится в мире современности и иллюзий.

Если он погибнет, Артирия погибнет вместе с ним.

Он нащупал рукоятку и обрушил меч Селестиора на голову убийцы. Давление на горло ослабло, однако удар не был смертелен, поскольку меч оставался в ножнах. Еще дважды он бил своего противника, применяя меч как металлическую дубинку, обернутую кожей.

После третьего удара незнакомец свалился с кровати, а Джеремах поспешил отдышаться. Сполз на пол, все пытаясь обнажить меч, — а враг в темном плаще с капюшоном уже снова возвышался над ним. Рука в перчатке сжимала ржавый железный кинжал; одного пореза достаточно, чтобы яд проник в кровь и наступила смерть.

Отступая, он уперся в стену. Из горла вырвалось что-то вроде хриплого карканья. Ножны по-преж-

нему не поддавались. Но почему, черт побери? Почему он никак не может освободить меч?

Убийца прижал ржавое лезвие к его горлу, из-под капюшона зазвучал холодный голос:

— Ты тоже мне изменял.

Нет, это немыслимо; он, наверное, ослышался.

Внезапно из живота убийцы высунулись позолоченные острия. За его спиной стоял охранник с трезубцем в руке.

Джеремах в конце концов выдернул меч из ножен и успел откатиться в сторону; кинжал насаженного на трезубец врага, который будто и не заметил своей страшной раны, с силой обрушился на каменную стену.

Охранник выдернул трезубец, собираясь нанести новый удар, однако Джеремах уже успел вскочить на ноги. Держа меч обеими руками, описал им серебристую в лунном свете дугу. Голова убийцы покатилась по полу и остановилась подле кровати.

Миг-другой обезглавленный простоял, сжимая кинжал, а потом рухнул, словно подрубленное дерево, и превратился в груду костей и темного тряпья.

Джеремах не мог шевельнуться, в ужасе разглядывая отрубленную голову. Женщина с

длинными черными волосами. Он закашлялся и, наверно, завопил бы, если бы мог.

Джоанна…

Имя хриплым стоном сорвалось с его посиневших губ.

Голова смотрела на него, плача и истекая кровью.

— Ты не можешь так поступить. — С ее губ стекала черная кровь. — Не можешь разрушить все это, погубить наше прошлое. Как узнать, что этот мир в самом деле единственно подлинный, а не ложный?

Не находя слов, он рухнул на колени. Сердце болело гораздо сильнее, чем пострадавшее горло.

— Ты всегда говорил… что любишь меня, — рыдала она. — И тем не менее готов уничтожить все… А ведь не знаешь точно, что истинно, а что ложно…

Язык, а за ним и вся голова рассыпались прахом.

Он смотрел в пустые глазницы оскалившегося черепа.

Перед восходом солнца он спустился на берег. Когда первые зеленые лучи поцеловали океан, он протрубил в подаренный рог. Единственная громкая нота долго звенела над волнами, улетая

в утренние облака.

Островное королевство просыпалось за его спиной, но он смотрел в сторону океана. В облаках замерцало золотистое пятно. Все увеличиваясь, оно устремилось вниз и вскоре обрело четкие контуры. Изящный, сотканный из облаков небесный корабль под белыми парусами пикировал к острову, словно огромная птица. Вскоре киль беззвучно коснулся воды. У берега парусник выглядел не более странно, чем любое другое судно. Резная фигура на носу изображала прекрасную крылатую женщину.

Упала веревочная лестница, Джеремах вскарабкался по ней на палубу. Экипаж небесного корабля состоял из каменных людей — оживших статуй розового мрамора. Они не вымолвили ни слова, но вежливо покивали, когда он продемонстрировал свой музыкальный инструмент. Каменный капитан взял у него рог, раздавил в могучем кулаке и бросил в море.

Корабль поймал ветер и взмыл в облака. Остров Таррос превратился в лесистое пятнышко, окруженное зелеными волнами, потом в точку, а потом и вовсе исчез. По сторонам проносились облачные континенты. Все выше и выше поднимался корабль, и вскоре Артирию затянули

облака. Зеленое солнце было здесь ослепительным.

Вот засверкал на облачном острове хрустальный город Аэльда. В нижнем мире не было ничего похожего на его спиральные островерхие башни. На Джеремаха нахлынуло уже знакомое чувство узнавания.

Остальные книги здесь, вспомнил он.

Все, кроме одной.

Крылатые люди с просвечивающими телами не разговаривали. Они двигались с лебединой грацией, скользя по небу при посредстве оперенного отростка на спине. Их красота поражала. Понятия «мужчина» и «женщина» были к ним неприменимы — бесполые, ошеломляющие в своем совершенстве нечеловеческие создания. Среди всех псевдолюдей жители Облачного королевства, с глазами, похожими на жидкое золото, были самыми загадочными.

Целая стая их скользила по небу, когда небесный корабль причаливал к хрустальной башне. Все взгляды были прикованы к гостям. Никто не махал Джеремаху, не спрашивал, что его сюда привело. Конечно же, он протрубил в рог, а иначе не оказался бы здесь.

Мраморные люди с корабля следовали за ним,

распределяясь по нишам в стенах алмазного коридора и мигом цепенея. Однажды с Артирии снова прилетит голос рога, сделанного из меди, золота и гагата, и статуи оживут, чтобы управлять своим белокрылым кораблем.

Джеремах продолжил путь в одиночестве.

Он искал книги. Запах Облачного королевства кружил голову. Здесь, наверху, витали ароматы надвигающегося дождя, близкого солнца и девственных облаков. Алмазные стены испускали завораживающую музыку; кто-нибудь иной в восторге замер бы и заслушался. Джеремах же внимал лишь призыву своих книг.

Он нашел их там, где оставил много лет назад, — под куполом, опирающимся на семь колонн из прозрачного кварца. Они лежали на круглом кристаллическом столе и выглядели здесь так же неуместно, как и кресло с высокой спинкой.

Он сел в это кресло и со счастливым вздохом провел пальцами по обложкам.

Том VI. Рыцари Артирии и тайный орден Звездного Света

Том VII. Маги Первой эпохи

Том VIII. Маги Второй эпохи. Высвобождение сил

Том IX. Маги Третьей и Четвертой эпох. Смерть Оты

Том X. Гибель сорока двух богов

Том XI. Могущественные животные Артирии и существа потустороннего мира

Том XII. Пятый катаклизм и защита древнего знания

«Не думай о Джоанне», — твердил он себе.

Однако ее слова преследовали.

«…Разрушить все это, погубить наше прошлое. Как узнать, что этот мир в самом деле единственно подлинный, а не ложный?»

Он открыл шестой том, вдыхая запах древнего папируса и туши.

«Мой выбор — Артирия».

Он углубился в чтение.

В 7478 году маг Джеремах вернулся в запретный город.

Восстав из руин, легионы живых мертвецов напали на него, однако взмахом руки он обратил их в прах и зашагал по обломкам Первой империи. Холодный ветер трепал его седую бороду.

Неподалеку от дворца Мертвого Короля с полуразрушенных башен на него с криками низринулась стая чернокрылых демонов. С ними

философ разделался мечом с гербом Тарроса. Когда последний враг замертво лег у его ног, он вернул меч в ножны и продолжил путь к дворцу.

У ворот призраки хотели учинить ему допрос, но он сам загадал загадки, которые надолго задержат их в загробном мире.

Единственное слово заставило почерневшие железные ворота рухнуть внутрь. В замке стояла тьма. Мертвый Король сидел на груде позолоченных черепов — все, что осталось от тех, кого он одолел в бою за семь тысяч лет.

Языки алого пламени метались в яме у закованных в броню ног Мертвого Короля. Заслышав Джеремаха, он поднял глаза, в которых тоже мерцали красные огни. Его плоть сгнила давным-давно, костяк же держался — властелин не желал ни умереть, ни отказаться от завоеванной с таким трудом империи. Уже по крайней мере пять тысяч лет никто не входил в эти ворота.

Мертвый Король вскинул огромный железный меч, однако Джеремах лишь расхохотался.

— Ты же знаешь, я не для того пришел, чтобы сражаться с тобой, — сказал он.

Мертвый Король вздохнул, исторгая изо рта могильный прах. Лишенными плоти пальцами он поднял с пола древнюю книгу и протянул ее

Джеремаху.

Маг стер с обложки пыль и прочел название:

Единственно подлинный мир
Том XIII. Проклятие Мертвого Короля и Бессмертная империя

Джеремаху не нужно было читать книгу — одного прикосновения хватило, чтобы усвоить ее содержимое.

Голос Мертвого Короля проскрежетал, словно перемалывая кости:

— Ты победил.

— Да, — ответил Джеремах. — Хотя ты мошенничал, в отчаянии подсылая ко мне убийц.

— А ты жульничал с этими своими книгами, — произнес череп Короля. — Но на войне все средства хороши.

— И все же победа за мной. Теперь истина всегда будет выше иллюзии. Эта ложная реальность — какой бы привлекательной она ни казалась — не может противостоять подлинной.

Мертвый Король кивнул, и с его черепа скатилась пыльная железная корона.

— Впервые в истории я побежден.

Неужели и правда в его голосе слышится облегчение?

— Теперь ты сдержишь обещание, упрямый Король? — спросил Джеремах. — Покинешь мир живых? Снимешь свое проклятие? Вернешь к жизни земли, которые тысячелетиями держал в мертвой хватке?

Король снова кивнул — и теперь череп покатился с плеч. Кости обратились в прах, холодный ветер разметал останки по огромному залу. Послышался стон миллионов призраков. В далеких городах Ург, Ореалис, Вандрилла и Зоринг просыпались живые, в ужасе закрывая уши.

Когда Джеремах с книгой под мышкой покидал запретный город, руины осыпались у него за спиной и плиты мертвого города обращались в пыль, вслед за своим Королем уходя в небытие. Замерзшая земля понемногу оттаивала в солнечном свете. Наконец-то пришла весна.

К тому времени, когда Джеремах скрылся за горизонтом, под изумрудным небом не осталось и следа от королевства, в котором тьму веков обитали призраки.

перевод Б. Жужунавы

Мэрион Зиммер Брэдли
ТАЙНА СИНЕЙ ЗВЕЗДЫ

Мэрион Зиммер Брэдли — автор бестселлера «Туманы Авалона» из ставшего классикой фантастики артурианского цикла, известного цикла «Дарковер», а также многих других романов. Ее рассказы вводили в журналах «Amazing Stories», «The Magazine of Fantasy & Science Fiction», «Fantastic», «If» и других. Она была редактором широко известного и популярного журнала «Marion Zimmer Bradley's Fantasy Magazine». Награждена премией «Локус» (1984 г.) и «Всемирной премией фэнтези» за заслуги перед жанром. В 1999 году Мэрион Зиммер Брэдли умерла от инфаркта.

Наш следующий рассказ первоначально увидел свет в первом томе межавторской антологии «Воровской мир». Нескольким фантастам было предложено написать рассказы, действие которых происходило бы в грязной клоаке под на-

званием Санктуарий. Серия пользовалась успехом, но в конце концов иссякла из-за шуточной вражды между писателями, каждый из которых придумывал закрученные и жестокие судьбы для чужих персонажей. Таким образом проект вырвался из-под контроля.

Впервые колдун Литанде появился в этом рассказе, а потом стал героем длинной череды книг, которую Мэрион Зиммер Брэдли так и назвала — «Литанде». Он адепт Синей Звезды, а с этими волшебниками связано одно из самых интересных проявлений магии, какие только упоминались в фэнтези. Каждый мудрец обязан выбрать себе тайну, которая становится источником его силы. Чем больше тайна, тем больше сила чародея. Но если другой мудрец разгадает его тайну, то может отнять всю магию проигравшего. Вот такой великолепный поворот, как нельзя лучше сочетающийся с общей криминальной средой Санктуария, города отбросов общества, темных пророчеств и непрестанной игры в кошки-мышки со смертью.

Однажды ночью, когда обманчивый свет полной луны заливал серебром улицы Санктуария и каждые развалины казались заколдованным замком, а темные переулки и площади навевали мысли о таинственных островах, маг-наемник Литанде отправился на поиски приключений.

Литанде совсем недавно вернулся — если его таинственные появления и исчезновения можно называть столь обыденным словом — из Серых Пустошей, где охранял купеческий караван, направлявшийся в Тванд. Где-то на полпути стая песчаных крыс, двуногих тварей с зубами из отравленной стали, напала на караван, не догадываясь, что он находится под защитой магии, и получила отпор от завывающих скелетов, из глаз которых вылетали огненные шары. А посреди этой кутерьмы возвышался колдун с синей звездой между сверкающими очами, звездой, которая испускала молнии холодного парализующего огня. Вот потому-то крысы бежали без оглядки до самого Аюрвеша, а слухи, которые они потом разнесли, не причинили репутации Лиганде особого вреда. Ну разве что в глазах религиозных фанатиков.

Поэтому в карманах длинной мантии чародея звенело золото, и, вполне возможно, изрядный

его запас Литанде спрятал в своем убежище. В конце пути старшина каравана боялся Литанде больше, чем разбойников, что существенно повлияло на его щедрость при оплате услуг мага. По своему обыкновению, колдун не улыбался и не хмурился, но через несколько дней пожаловался Миртис, хозяйке «Дома наслаждений» на улице Красных Фонарей, что магия, оставаясь полезным искусством и вызывая множество восхищенных откликов, сама по себе никого не прокормит.

«Любопытное суждение», — подумала Миртис, пряча подальше унцию золота, которой одарил ее Литанде.

Любопытное, учитывая тайну, много лет связывавшую их. Особенно любопытно, что маг упомянул о хлебе насущном, тогда как никто и никогда не видел, чтобы он съел хоть кусочек пищи или выпил каплю жидкости с той поры, как синяя звезда воссияла между его бровями. А кроме того, ни одна женщина в квартале не могла похвастаться, что знаменитый колдун оплатил ее услуги, и, больше того, не могла даже представить, как ведет себя Литанде в тех случаях, когда все мужчины вспоминают, что они всего лишь живые создания из плоти и крови.

Возможно, Миртис могла бы кое-чем поде-

литься. Ведь некоторые девочки полагали: когда Литанде посещал «Дом наслаждений» и уединялся с его хозяйкой на несколько часов, а то и на всю ночь, между ними что-то такое происходило. Болтали, что и сам «Дом наслаждений» — подарок Миртис от мага после знаменитого приключения, о котором до сих пор шепчутся на базаре, с участием одного сердитого колдуна, двух барышников, старшины каравана и нескольких проходимцев, которые не упускали случая лишить женщину ее честного заработка. С тех пор ни один из этих людей носа — или что там у него осталось? — не совал в Санктуарий, а Миртис заявила, что не станет больше тяжко трудиться ради заработка и ублажать мужчин, и удостоилась права не делить свою постель ни с кем.

Еще девочки считали, что такой великий маг, как Литанде, может претендовать на самых прекрасных женщин от Санктуария до гор, что вздымались за Илсигом. Не только на шлюх, но и на благородных дам, включая особ королевской крови и священнослужительниц. В юности Миртис, вне всяких сомнений, отличалась красотой и, конечно, познала ласки принцев и просто богатых путешественников, готовых платить звонкой монетой. Красоту она хранила много лет,

и находились злые языки, утверждавшие, что не Литанде платил ей, а она ему за магические услуги по поддержанию привлекательности. Но сейчас ее волосы подернула седина, и она считала излишним красить их хной или золотой краской, доставляемой из Тирсиса-Что-За-Морем.

Если даже Миртис не знала, каким образом Литанде ведет себя в подобном простейшем случае, то и никакая другая женщина в Санктуарии не могла похвастаться осведомленностью. Поговаривали, что колдун вызывал демонов женского пола из Серых Пустошей и предавался с ними разнузданному разврату. Но, само собой, он не был ни первым, ни последним магом, о котором ходили такие слухи.

В ту ночь Литанде не искал ни еды, ни питья, не стремился познать женские ласки. Его знали как частого гостя таверн, однако ни один мужчина не видел, как губ мага касается хотя бы капля пива, или хмельного меда, или иного крепкого напитка. Литанде шагал по дальнему краю базара, обходя по кругу дворец Владыки. Не принимая в расчет грабителей и карманников, он придерживался тени. Из-за этой любви мага к темноте горожане искренне верили, что он способен появляться из ниоткуда и исчезать без следа.

Высокий Литанде превосходил ростом среднего мужчину, казался склонным к худобе, носил синюю звезду между тонких изогнутых бровей и одевался в длинную, скрывающую очертания тела мантию, которая сливалась с ночным мраком. Выбрито ли дочиста лицо или у колдуна от природы не росла борода, никто не знал, поскольку никто из ныне живущих не имел возможности достаточно приблизиться к нему, чтобы выяснить, каприз это природы или прихоть женоподобного мужчины. Волосы под капюшоном напоминали женские — такие же густые и длинные, хотя и изрядно поседевшие, — какая женщина в этом городе шлюх оставила бы седину незакрашенной?

Быстро прошагав вдоль отбрасывающей тень стены, Литанде толкнул дверь с прибитой на удачу сандалией Туфира, бога странников. Его одеяние так сливалось с темнотой, а шаги были такими вкрадчивыми, что позже половина людей в таверне могли поклясться: колдун появился прямо из воздуха, воспользовавшись плащом-невидимкой или каким-нибудь заклинанием.

Сидевшие вокруг очага мужчины с грохотом сдвигали кружки под громкую застольную песню, которой аккомпанировал на оловянной лютне — Литанде знал, что музыкальным инструмен-

том владеет хозяин забегаловки, но охотно сдает его в аренду, — молодой человек в щегольском некогда наряде, истрепавшемся до дыр в скитаниях. Он сидел, лениво развалившись и закинув ногу на ногу, а когда разудалая песня закончилась, затянул другую — тихую любовную балладу из иного времени и иной страны. Трудно даже представить, как давно ее слышал Литанде. Тогда колдун носил другое имя и только постигал азы своего ремесла.

Но вот баллада стихла, маг шагнул из тени, и отсвет камина полыхнул на синей звезде.

Люди в таверне зашептались, но все они давно привыкли к неожиданным появлениям и уходам Литанде. Молодой человек поднял голубые глаза, блестевшие из-под темных волос, которые волнами спадали на брови. Он был стройным, подвижным и, вне всяких сомнений, умело пользовался мечом, висевшим на боку. У самого его горла маг заметил амулет в виде свернувшейся змеи.

— Кто ты, имеющий привычку появляться из воздуха? — спросил музыкант.

— Тот, кто способен оценить певческое мастерство, — ответил колдун, бросая монету на стойку. — Пить будешь?

— Какой же менестрель отказывается от подобного предложения? Песни сушат горло, — ответил молодой человек, но, увидев лишь одну кружку, спросил: — А ты разве не выпьешь со мной?

— Ни один мужчина никогда не видел, чтобы Литанде ел или пил… — пробормотал поблизости завсегдатай.

— Тогда я не могу это принять как знак дружбы! — воскликнул менестрель. — Одно дело — выпить с приятелем, а совсем другое — лакать, как слуга, в награду за песни.

Литанде пожал плечами. Его синяя звезда замерцала, излучая свет. Завсегдатаи попятились, поскольку догадались — колдун рассержен и лучше не попадать ему под горячую руку. Менестрель отложил лютню и напрягся, будто собираясь вскочить на ноги. По этим замедленным и неуверенным движениям Литанде понял, что до его прихода молодой человек уже неоднократно воздал должное горячительным напиткам. Но ладонь менестреля потянулась не к мечу, а легла на змею-амулет.

— Отродясь не видел таких, как ты, — тихо произнес певец.

По его легкой дрожи Литанде догадался, что рядом творится волшебство. Этот амулет не станет

защищать владельца до того, как тот произнесет бесспорную истину — причем от трех до пяти раз — о нападавшем.

— Верно, — осторожно согласился удивленный Литанде. — Я также не похож на тех, кого ты встретишь до самой смерти, как бы долго ты ни жил, менестрель.

Молодой человек увидел в мрачном сиянии звезды дружескую улыбку на губах мага.

— Я не желаю тебе зла, — сказал он, выпуская из кулака амулет. — И ты не желаешь мне зла. Это правда, колдун? На том и закончим. Хотя, вполне возможно, я ошибался, когда говорил, что не видел никого похожего. В Санктуарии ты не единственный чародей с синей звездой на лбу.

Теперь свет звезды излучал ярость, но не менестрель ее вызвал. Они оба это знали. Каждый из посетителей таверны вдруг вспомнил, что у него есть неотложные дела в другом месте. Вскоре все стулья в заведении опустели.

— Похоже, мне придется зарабатывать на ужин в другом месте, — сказал менестрель.

— Я не собирался обижать тебя, когда отказался разделить питье, — пояснил Литанде. — Клятву волшебника нарушить гораздо труднее, чем разбить лютню. Могу ли я угостить тебя ужином и

вином, не унижая достоинства? А взамен могу ли я просить о дружеской услуге?

— Это не против обычаев моей родины. Каппен Варра благодарит тебя.

— Хозяин! Самые лучшие яства для моего друга и вина, сколько он сможет выпить за сегодняшнюю ночь!

— С таким прекрасным угощением я даже готов не спрашивать, что за услуга тебе понадобилась, — ухмыльнулся менестрель, принимаясь за ароматно дымящуюся еду.

Пока Каппен Варра насыщался, Литанде достал из складок мантии кисет со сладковато пахнущей травой и, свернув самокрутку из серовато-синего листа, поднес к ней кольцо. Прикурил, выдохнул душистый белесый дымок.

— Что касается услуги, то я не попрошу ничего сверхъестественного. Просто расскажи, что ты знаешь о втором синезвездном волшебнике. Я не слышал, чтобы кто-нибудь из моего ордена появлялся к югу от Азехура. Хочу удостовериться, что ты не повстречал меня или мой призрак.

Каппен Варра обсосал мозговую косточку и вытер пальцы о салфетку, лежащую под тарелкой. Прежде чем ответить, откусил имбиря.

— Нет, колдун, это был не ты. И не твой двой-

ник или там призрак. Его плечи шире едва ли не вдвое. И меча он не носил, но зато на поясе висели крест-накрест два кинжала. Да! У него черная борода, а на левой руке недостает трех пальцев.

— Тысяча глаз Илса! Раббен Полурукий здесь, в Санктуарии! Где ты видел его, менестрель?

— На базаре. Но он ничего не покупал, это точно. А потом на улице Красных Фонарей он разговаривал с женщиной. Так что за услугу я должен оказать тебе, колдун?

— Ты уже оказал ее.

Литанде кинул хозяину таверны серебряную монету — за такую награду этот угрюмый человек готов был поклясться, что маг исчез, укрытый плащом Шэлпы, — а вторую монету, золотую на этот раз, положил рядом с лютней.

— Выкупи лютню. Ее звук как нельзя лучше подходит к твоему голосу.

Не успел певец поднять голову, чтобы поблагодарить, а чародей уже растворился в тенях.

— Что за диво? — удивился Каппен Варра, пряча золото. — Как он ушел?

— Да Шэлпа его знает! — ответил хозяин. — Поди, вылетел с дымком через каминную трубу! Он не нуждается в темном плаще Шэлпы, чтобы скрыться с глаз, поскольку у него есть собствен-

ный. Но он заплатил за вашу выпивку, добрый господин. Чего желаете?

Менестрель продолжил заливаться вином, и это, с какой стороны ни взглянуть, гораздо мудрее, чем совать нос в дела волшебника.

На улице Литанде приостановился, чтобы оглядеться. Они не дружили с Раббеном Полуруким, но все-таки повода считать его появление личной местью или иного рода подвохом не было.

А если бы Раббена прислали по делам, касавшимся всего ордена Синей Звезды, и Литанде полагалось бы оказывать гостю всяческое содействие или Полурукий явился бы с призывом ко всем членам ордена, то звезда предупредила бы здешнего чародея.

И все же не мешало удостовериться. Стремительно шагая, маг достиг старых конюшен на задах дворца Владыки. Сочтя царившую там тишину достаточной для сохранения тайны, Литанде скрылся в одном из переулков. Он раскидывал волшебную мантию в стороны, пока полностью не закрылся от света. Чародей медленно погружался в тишину, все глубже и глубже, пока во всем мире, во всей вселенной не осталось ничего, кроме пылающей впереди синей звезды. Литанде помнил, что скрывалось там, помнил це-

ну, которую мудрец платил за свое могущество.

Синее пламя сгустилось, а потом рассыпалось цветными сполохами, пульсируя и разгораясь, пока Литанде не оказался в коконе яркого света. В Месте-Которого-Нет. На троне, вырезанном, по всей видимости, из сапфиров, восседал магистр Звезды.

— Приветствую тебя, соратник Звезды, рожденный звездой, шайрайю. — Это уважительное обращение имело множество значений: товарищ, соратник, брат, сестра, дорогой, родич, пилигрим, но в дословном переводе означало «разделивший звездный свет». — Что привело тебя ночью в Приют Странников из такой дали?

— Жажда познания, соратник Звезды. Ты посылал за мной в Санктуарий?

— Нет, шайрайю. В храме Соратников Звезды все спокойно. Вас еще не призывают.

Каждый из волшебников Синей Звезды знает: это цена, которую придется заплатить за владение силой. Когда истечет время человечества и всех смертных существ, Хаос обрушится на храм Звезды, а потом и на Место-Которого-Нет. Тогда магистр Звезды призовет всех мудрецов-странников из самых дальних уголков мира, чтобы противопоставить магию Хаосу. Но до того дня

они вольны действовать как угодно, лишь бы накапливали силу.

— Не пришел тот час. Ты волен поступать как пожелаешь.

Синее пламя поблекло, и Литанде ощутил дрожь. Значит, Раббен не для того явился, чтобы призвать его на последнюю битву. И все же Хаос может встретиться с Литанде гораздо раньше условленного часа, если Раббен замыслил какую-то каверзу.

«Это всего-навсего беспристрастная проверка моей силы. Раббен не мог затеять ничего дурного…»

Вовсе не обязательно появление Полурукого в Санктуарии имеет отношение к Литанде. Колдун мог приехать на законных основаниях… если поступки Раббена позволительно называть законными, ибо против Хаоса мудрецы-странники обязаны бороться лишь в конце времен. А до того Раббен не намеревался тратить силы на сражение за справедливость.

Предупреждение поспело вовремя. Теперь Литанде знал, что Раббен где-то неподалеку.

На юго-востоке от дворца Владыки располагался небольшой парк треугольной формы, прямо напротив Храмового проспекта. Днем на

дорожках, посыпанных гравием, среди подстриженных кустарников толпились богомольцы и священнослужители. Из-за нехватки щедрых последователей веры они собирали очень мало пожертвований, а ночью их место занимали женщины, поклонявшиеся богине полного кошелька и пустого чрева. Благодаря тем и другим парк в насмешку называли Обещанием Рая, а в Санктуарии, как и в прочих городах, знали: тот, кто обещает, далеко не всегда выполняет.

Литанде, не интересовавшийся ни священниками, ни женщинами, появлялся здесь редко. Парк казался пустынным, дул злой ветер, который шевелил ветви кустов, придавая им форму причудливых неуклюжих зверей, и завывал на разные голоса, минуя портики и карнизы обступивших улицу храмов. В Санктуарии этот ветер называли стонами Азьюна на ложе Вашанки. Литанде быстро шагал, придерживаясь теней.

Вдруг прозвучал женский крик.

Из укрытия маг разглядел тонкую фигуру молодой женщины в порванном платье. Она шла босиком, ухо кровоточило — должно быть, сережку вырвали «с мясом». Несмотря на усилия, она не могла высвободиться из железной хватки высокого и широкоплечего мужчины с черной

бородой. Взглянув на его руку, сжимавшую запястье девушки, Литанде сразу заметил, что два пальца отсутствуют полностью, а третий обрублен по вторую фалангу. И только потом, когда и так все стало ясно, волшебник обратил внимание на синюю звезду между кустистыми черными бровями над желтыми по-кошачьи глазами Раббена Полурукого.

Они были знакомы с давних времен, еще с храма Звезды. Даже тогда Раббен имел печальную известность человека порочного, весьма и весьма склонного к разврату. Литанде часто думал: почему учителя не потребовали отказа от вредных привычек за право владеть силой? Губы колдуна скривила нерадостная усмешка. За Раббеном ходила такая слава, что, если бы он зарекся распутничать, все сразу разгадали бы тайну его силы.

Могущество адепта Синей Звезды зависело от его тайны. Как в старинной легенде о великане, который обеспечил себе бессмертие тем, что спрятал сердце в укромном месте вне тела. Вот так и мудрец Синей Звезды заключал энергию своего разума в единственную тайну. Тот, кому удавалось ее разгадать, мог отобрать силу у колдуна.

«Значит, тайна Раббена кроется в чем-то дру-

гом», — подумал Литанде.

Девушка вскрикнула тонким голоском, когда Раббен выкрутил ей руку. При этом звезда мага-исполина разгоралась все сильнее, и жертва попыталась прикрыть глаза свободной ладонью. Не будучи вполне уверен, стоит ли вмешиваться, Литанде все же шагнул из тени и сочным грудным голосом, из-за которого ученики волшебников в храме Синей Звезды чаще называли его менестрелем, чем магом, произнес:

— Именем Шипри, Всеблагой Матери, отпусти эту женщину!

— Девятьсот и еще девяносто девять глаз Илса! — обернулся Раббен. — Литанде!

— Или тебе не хватает женщин на улице Красных Фонарей, что ты охотишься за детьми на Храмовой улице?

Теперь Литанде смог разглядеть как следует жертву чернобородого — совсем юная, с тонкими по-детски руками и ногами, с едва начавшей наливаться грудью под грязной рваной одеждой.

— Шайрайю, ты всегда был чересчур мягкотелым! — упрекнул Раббен, откровенно насмехаясь. — Ни одна женщина не придет сюда без намерения продать свое тело. Может, ты себе ее хочешь? Что, надоела жирная хозяйка «Дома

наслаждений»?

— Не марай ее имя своим языком, шайрайю!

— Ты так печешься о чести шлюхи?

— Отпусти девочку, — не заметил его выпада Литанде. — Или защищайся.

Звезда Раббена ярко вспыхнула, он оттолкнул девушку, которая упала, лишенная сил, на дорожку и замерла.

— Пусть полежит, пока мы не закончим. Ты же не думал, что я позволю ей сбежать, пока мы будем сражаться? Все же странно ты себя ведешь, Литанде. Помнится, я никогда не видел тебя с женщиной. Может, это и есть твоя тайна? Не нравятся женщины?

Литанде сохранял бесстрастное выражение лица, но он не мог позволить, чтобы Раббен и дальше гнул свою линию.

— Это ты способен совокупляться на улицах Санктуария, как последняя скотина, а меня с собой не равняй. Так ты освобождаешь ее или будем драться?

— Может, и впрямь уступить ее тебе… Ведь неслыханно — Литанде дерется из-за бабы! Видишь, как хорошо я изучил твои привычки?

Проклятие Вашанки! Теперь у меня нет иного выхода, кроме поединка! — Меч Литанде выско-

чил из ножен словно по своей воле и устремился к Раббену.

— Ха! Ты решил развлечься на улице фехтованием, будто Раббен — какой-то паршивый наемник?

Клинок окутался синим светом и превратился в мерцающую змею, которая развернулась и скользнула мимо упора, нацеливая истекающие ядом клыки на руку колдуна. Теперь сверкнула звезда Литанде. Меч вновь стал металлическим, но нелепо изогнутым и потому бесполезным. Маг яростно отбросил испорченное оружие и направил на Раббена огненный дождь. Однако широкоплечий колдун стремительно окутался туманом, в котором и погасли жгучие брызги. Краем сознания Литанде отметил, что вокруг уже собирается толпа — иной может прожить всю жизнь в Санктуарии и не увидеть битвы двух адептов ордена Синей Звезды. Магические знаки обоих волшебников испускали молнии, разлетавшиеся по округе.

Ревущий ветер принес маленькие сполохи огня, которые атаковали Литанде, но растворились в воздухе, так и не прикоснувшись к высокому колдуну. И вдруг ужасающий вихрь пригнул верхушки деревьев, листья полетели с ветвей, а

Раббен рухнул на колени. Литанде надоела игра, и он решил, что пора заканчивать. Ни один из вытаращивших глаза горожан не понимал, что происходит, но Раббен клонился все ниже и ниже — и вдруг упал на четвереньки, а потом и вовсе вытянулся пластом. Чернобородый извивался, упирался изо всех сил, но продолжал вдавливаться лицом все глубже и глубже в землю…

Литанде отвернулся от него и помог девушке подняться. Она настороженно поглядывала на здоровяка-мага, отчаянно протирающего бородой улицу.

— Что вы с ним…

— Не думай об этом. Пойдем-ка отсюда. Мое заклинание долго не удержит Раббена, а освободившись, он будет весьма зол.

В голосе Литанде звучала насмешка, и девочка догадывалась о ее причине — борода Раббена, его глаза и синяя звезда покрылись уличной грязью.

Она поспешила вслед за укутанным в мантию Литанде. Выбравшись за пределы «Обещания Рая», колдун остановился так резко, что девушка налетела на него.

— Как зовут тебя, дитя?

— Берси. А вас?

— Имя мага нельзя произносить всуе. В Санк-

туарии меня прозывают Литанде. — Глядя на девушку сверху вниз, волшебник заметил, что под рваной одеждой и слоем грязи она весьма хороша собой. — Ты можешь идти, Берси. Раббен не посмеет прикоснуться к тебе — я победил его в честном магическом поединке.

Но она схватила Литанде за руку.

— Не прогоняйте меня! — молила девушка, вцепляясь в него все крепче и крепче.

В ее глазах плескалось обожание.

Литанде нахмурился. Очень предсказуемо. Берси не сомневалась — а кто в Санктуарии посмел бы сомневаться? — что колдуны подрались из-за нее, и решила стать наградой победителю. Литанде покачал головой:

— Нет…

Девушка сочувственно приопустила веки:

— Это из-за того, о чем говорил Раббен? Ваша тайна в том, что вы лишены мужского начала?

Но под налетом жалости мерцал огонек любопытства. Лакомый кусочек для сплетен! В самый раз поболтать с уличными девками.

— Замолчи! — буркнул Литанде. — Пойдем!

Они оставили позади извилистые переулки и оказались на улице Красных Фонарей. Прошли рядом с «Домом русалок», где, если верить молве,

можно получить удовольствие столь же необычное, как и название заведения. Затем миновали «Дом кнутов», которого избегали все, кроме тех, кто не мог уже посещать прочие заведения. И наконец, приблизились к «Дому наслаждений», который стоял напротив изваяния Зеленой Госпожи, чьи адепты жили за пределами Ранка.

Попав в просторную прихожую, Берси озиралась по сторонам с вытаращенными глазами. Сотни светильников, роскошные женщины, бездельничающие на подушках в ожидании клиентов. Платья из дорогой ткани, украшения — Миртис знала толк в своем ремесле и умела показать товар лицом. По зависти, отразившейся в глазах Берси, Литанде понял, что она, едва повзрослев, стала продаваться за медяки и куски хлеба. И все же, подобно цветам, растущим на навозной куче, она сохраняла красоту и свежесть. Даже истощенная и одетая в рванье, девушка тронула сердце колдуна.

— Берси, ты ела сегодня?

— Нет, господин.

Литанде поманил горообразного Джиро, которому поручалось провожать богатых посетителей в покои выбранных ими женщин, а также вышвыривать вон дебоширов. В одной набедренной

повязке, евнух подошел, покачивая огромным животом. Дюжина колец звенела в его ухе — прежняя его хозяйка приторговывала серьгами, и он показывал товар.

— Чем могу служить магу Литанде?

Женщины на низких диванах зашептались в удивлении и тревоге. Колдун без труда угадывал их мысли: «Ни одна из нас не соблазнила, не очаровала великого чародея, а какая-то уличная потаскушка привлекла его взор!» Отлично зная женщин, Литанде понимал, что они разглядели незамутненную красоту девчонки даже под лохмотьями.

— Джиро, могу ли я видеть госпожу Миртис?

— Она почивает, о великий маг, но я предупрежден, что ради встречи с вами она готова пробудиться в любое время дня и ночи. А это… — Никто не превзошел бы евнуха из знаменитого борделя в высокомерии. — Это ваше, Литанде, или подарок для моей госпожи?

— Возможно, и то и другое. Накорми ее и дай пристанище на ночь.

— И конечно же, ванна, господин маг? Девчонка столь грязна, что рассыплет вшей по всем подушкам!

— Ванна? Да, несомненно. И банщицу с арома-

тическими маслами, — кивнул Литанде. — А еще пристойную одежду.

— Положитесь на меня, — с придыханием пообещал Джиро.

Берси опасливо смотрела на них, но беспрекословно пошла, когда евнух поманил ее за собой. Едва они удалились, как Литанде увидел в дверном проеме Миртис — слегка расплывшуюся с годами, но благодаря магии сохранявшую красоту молодых черт. И на совершенном лице светились теплом и участием глаза, когда она улыбнулась Литанде.

— Дорогой мой, как же я рада тебя видеть! А это твое? — Она кивнула вслед испуганной Берси. — Скорее всего, она сбежит. Как только ты перестанешь за ней следить…

— К сожалению, Миртис, я не могу назвать ее своей. Боюсь, такая удача мне не улыбнется.

— Тогда придется поведать мне все от начала и до конца.

Когда Миртис выслушала, Литанде заметил:

— Если будешь смеяться, я сниму заклинание и сделаю твои морщины и седые волосы посмешищем для всего Санктуария!

Но хозяйка борделя знала, что Литанде не станет ей угрожать всерьез.

— Значит, спасенная дева воспылала любовью к великому магу! — хихикнула она. — Ну просто древняя баллада…

— Но что мне делать, Миртис! Во имя сосцов Шипри, вот задача из задач!

— Доверься ей и объясни, почему не можешь одарить своей любовью.

— Ты посвящена в мою тайну, поскольку у меня не было иного выбора, — нахмурился Литанде. — Ты знала меня еще до того, как я стал волшебником и удостоился синей звезды…

— И до того, как я стала блудницей, — согласилась Миртис.

— Но если я выставлю эту влюбленную девочку дурой, она возненавидит меня с той же силой, с какой сейчас обожает. Нет, я не откроюсь ни перед кем, кому не смог бы доверить свою жизнь и силу. Я доверяю только тебе, Миртис, из-за нашего общего прошлого. Доверяю все, включая свою магию, если она тебе когда-нибудь пригодится. Но не этой девочке…

— И все же она чувствует себя в долгу, ведь ты вырвал ее из лап Раббена.

— Над этим я подумаю, — согласился Литанде. — А теперь прикажи доставить ужин — я проголодался и пить хочу.

Уединившись с Миртис в отдельной комнате, волшебник ел и пил то, что подавала ему собственными руками хозяйка.

— Я бы никогда не смогла дать такой обет, — покачала головой Миртис. — Не есть и не пить в присутствии мужчин…

— Если бы ты нуждалась в магии, не только дала бы обет, но и блюла бы его неукоснительно, — ответил Литанде. — Сейчас у меня крайне редко возникает желание его нарушить. Главное, не сделать этого непредумышленно. Даже в той таверне, где одни женщины, может случайно оказаться мужчина из тех, которым нравится рядиться в женское платье. Поэтому я не стану есть и пить даже здесь, в твоем заведении, при посторонних. Наша сила зависит от клятвы и тайны.

— Тогда я даже не знаю, чем тебе помочь. Но ты не обязан говорить девочке правду. Скажи, что поклялся жить, не зная женской ласки.

— Это, кажется, выход, — хмуро кивнул окончивший трапезу Литанде.

Чуть позже привели Берси, которая наивно восхищалась нарядом из тонкой ткани и свежевымытыми волосами. Ее белое с розовым румянцем лицо сияло. Девушку окутывал аромат масла для ванны и духов.

— Здешние девочки носят такую красивую одежду! А одна сказала мне, что их кормят дважды в день! Я достаточно хорошенькая? Как вы думаете, госпожа Миртис, я могла бы здесь остаться?

— Можешь, если пожелаешь. Ты более чем хороша собой.

— Пожалуй, я больше хочу принадлежать колдуну, — отважно заявила Берси.

И бросилась к Литанде, обвила руками, притянула его лицо к своему.

Маг, который предпочитал не прикасаться ни к чему живому, мягко отстранился, пытаясь скрыть испуг.

— Берси, дитя мое, это только твои мечты. Они уйдут.

— Нет! — всхлипнула она. — Люблю только тебя и хочу только тебя!

В этот миг по коже Литанде пробежала дрожь, всегда извещавшая его, что неподалеку творится волшебство. Не против него направленное — с чарами такой силы он бы справился без труда. Но чтобы здесь, в «Доме наслаждений»?.. Литанде знал, что может доверить Миртис свою жизнь, честь и состояние. Магическую силу Синей Звезды, наконец. И если хозяйка борделя хотя бы

замыслит предательство, колдун безошибочно прочтет это в ее ауре.

Значит, хнычущая и цепляющаяся за его одежду девчонка?

— Я умру, если ты меня не полюбишь! Умру! Скажи мне, Литанде, что люди лгут, будто ты не способен любить! Скажи, что это клевета, будто все колдуны — скопцы, равнодушные к женщинам…

— Конечно же, это ложь, — с серьезным видом согласился Литанде. — Клятвенно уверяю тебя, что никто и никогда меня не кастрировал.

Но на душе у него скребли кошки. Волшебники имели право лгать, чем большинство из них и занималось напропалую. Литанде так поступал, только когда не было иного выхода. Но закон гласил: если вопрос напрямую касается тайны, то адепт Синей Звезды не может сказать неправду. А Берси, вольно или невольно, приблизилась вплотную к последнему, смертельному для тайны вопросу.

Могучим усилием чародей вывернул наизнанку саму ткань времени. Девочка замерла, ни о чем не догадываясь, в то время как Литанде забрался достаточно далеко, чтобы прочитать ее ауру. И там, на пределе видимости, в дрожащем ореоле,

он различил отпечаток Синей Звезды.

Раббен. Раббен Полурукий. Он подавил личность Берси. Он все придумал и подстроил. Все, включая якобы случайную встречу, чтобы Литанде вмешался и спас девочку, заколдованную на то, чтобы очаровать волшебника.

Законы Синей Звезды запрещали адептам убивать друг друга, поскольку долг каждого заключался в противостоянии Хаосу в последний час. Но если колдун разгадает тайну другого и тем самым лишит его силы, проигравший станет бесполезным в борьбе с Хаосом. Следовательно, его можно убить.

И как теперь поступить? Уничтожить девчонку? Раббен мог предвидеть и такой ход. Он заколдовал Берси, сделав ее неотразимой для любого мужчины. Значит, если Литанде прогонит ее, не прикоснувшись, это будет означать, что он, Литанде, или скопец, или мужеложец, или…

Вспотев, Литанде не осмелился продолжать мысль. Всего один вопрос может подвергнуть угрозе его тайну. В ауре этого не прочтешь, но тем не менее всего один вопрос…

«Нужно убить ее, — подумал Литанде. — Я сражаюсь не только за свою тайну, но и за свою магию, и за свою жизнь. Когда лишусь волшеб-

ства, Раббен, вне всяких сомнений, не станет мешкать и отомстит за изуродованную руку».

Зачарованная девушка все еще стояла неподвижно. Убить ее проще простого!

И вдруг Литанде вспомнил старую легенду, которая подсказала ему, как сохранить свою тайну.

В мерцающем свете время вернулось в обычное состояние. Берси, не осознавая нависшей угрозы, плакала и цеплялась за мага, но Литанде уже знал, что надлежит сделать. Он крепко обнял девушку и поцеловал в приоткрытые уста.

— Ты должен любить меня, или я умру… — всхлипывала Берси.

— Ты будешь моей, — пообещал волшебник мягким обволакивающим голосом. — Но даже самый великий чародей, предаваясь любви, уязвим. Я должен защитить себя. Мы уединимся в комнате без света и звука. Ты поклянешься, что не попытаешься увидеть сверх того, что позволит магический свет. Готова ли ты поклясться именем Всеблагой Матери? Если согласна, то я буду любить тебя так, как прежде ни один мужчина не любил женщину.

— Клянусь, — прошептала она, содрогаясь.

Сердце Литанде заныло от жалости. Раббен подло использовал девушку, заставив ее гореть

неутолимой и безрассудной страстью к волшебнику. «Если бы она так любила меня без заклинаний, — с тоской подумал чародей. — Я мог бы полюбить в ответ, мог бы доверить ей свою тайну! Но она всего лишь орудие в руках Раббена. Любовь ко мне — его колдовство, а не собственное желание Берси… Получается, все, что сейчас произойдет между нами, будет лишь обманом».

— Дай мне время приготовиться, — сказал он девушке.

А потом наедине объяснил Миртис, что намерен предпринять. Женщина засмеялась было, но один-единственный взгляд на каменное лицо колдуна заставил ее замолчать. Она познакомилась с Литанде задолго до того, как синяя звезда появилась между его бровей, и его тайну хранила исключительно из любви к нему. Сердце рвалось на куски, когда она видела, как страдает самый дорогой ей человек.

— Все будет исполнено, — пообещала хозяйка борделя. — Может, дать ей вина со снотворным, чтобы унять пыл? Тогда тебе будет легче воздействовать на ее разум магией.

— Раббен уже сделал это за нас, — с острой мукой в голосе ответил Литанде. — Когда наложил

на нее чары любви.

— А ты хотел бы иначе?

— Все боги Санктуария смеются надо мной! Помоги мне, Всеблагая Мать! Да, я хотел бы, чтобы она не была послушным орудием Раббена. Тогда все могло бы сложиться по-другому.

Когда приготовления завершились, Литанде вошел в комнату, где не было ни единого лучика света, за исключением тех, что испускала синяя звезда. Девушка лежала на кровати, страстно протягивая руки к чародею:

— Иди ко мне, любовь моя, иди же!

— Сейчас-сейчас, — отвечал маг, присаживаясь рядом и поглаживая ее волосы с нежностью, которой даже Миртис не могла предположить. — Я спою тебе песню о любви, песню моего далекого народа.

— Все, что бы ты ни делал, радует меня! — извивалась на постели Берси. — Моя любовь, мой волшебник!

Литанде едва не завыл от отчаяния. Она так молода и прекрасна; она так любит его. И вот она ждет на ложе, приготовленном для них двоих, но между ними пропасть величиной с целый мир. Волшебник не в силах был это терпеть.

И тогда он запел красивым и глубоким голосом,

который очаровывал людей сильнее, чем иное заклинание:

За полночь уже, меркнет лунный свет,
Россыпь частых звезд блекнет вслед за ним,
Яркую зарю неохотно ждет.
Я здесь одинок, но тебя люблю,
Как никто другой раньше не любил.

На щеках Берси заблестели дорожки слез.

Между лежащей девушкой и колдуном, чья мантия соскользнула на пол, выросла призрачная фигура, в точности копирующая Литанде — высокого, худого, со сверкающими глазами и горящей между бровями синей звездой, с белым совершенным телом, но с естеством, какого нет ни у одного смертного. Призрак двинулся к замершей в ожидании женщине. Ее разум воспарил и был захвачен, пленен, зачарован. Литанде позволил ей лишь на мгновение увидеть двойника, но сам оставался незримым, скрываясь в тени. А потом, после первого прикосновения, Берси зажмурилась от восторга. Волшебник легонько провел пальцами по ее опущенным векам.

— Узри то, что я даю тебе узреть! Услышь то, что я даю тебе услышать! Осязай то, что я позволяю

тебе осязать, Берси!

Теперь она полностью находилась под чарами призрака. Неподвижный, с остекленевшими глазами Литанде наблюдал, как ее уста сливаются с невидимыми устами, и в каждый миг знал, кто прикасается к ней, кто ласкает. Захваченная иллюзией Берси снова и снова возносилась к вершинам наслаждения, пока, истомленная, не взмолилась о пощаде. И лишь для Литанде ее слова были горше полыни, поскольку обращалась девушка не к нему, а к его магическому двойнику.

Наконец, полностью удовлетворенная, едва не лишившаяся чувств, она распростерлась на постели, а когда открыла глаза, страдание во взгляде Литанде уже сменилось легкой грустью.

— Воистину, дорогой мой, — протянула она ослабевшие руки, — ты любил меня так, как ни один мужчина никогда не любил женщину.

Тогда в первый и последний раз волшебник склонился над девушкой и запечатлел на ее губах бесконечно долгий и бесконечно нежный поцелуй.

— Теперь спи, любимая.

А когда Берси погрузилась в счастливую дремоту, на глазах Литанде выступили слезы.

Задолго до того, как Берси пробудилась, собравшийся в дальний путь, при мече, колдун стоял в покоях Миртис.

— Заклинание рассчитано на долгий срок, — пояснял он. — Проснувшись, она поспешит к Раббену, чтобы поведать ему о Литанде — несравненном любовнике. О неутомимом Литанде, способном довести до изнеможения любую женщину. — В грудном бархатистом голосе чародея звучала обида.

— И к тому времени, как ты вернешься в Санктуарий, она успеет позабыть тебя сто раз в объятиях других любовников, — согласилась Миртис. — Мне думается, это самый лучший выход.

— Верно. — Голос Литанде предательски дрогнул. — Заботься о девочке, Миртис. Будь с ней добра.

— Обещаю тебе.

— Если бы она могла полюбить меня… — Маг запнулся и смахнул слезу.

Миртис, мучимая состраданием, отвернулась, не зная, как его утешить.

— Полюбить искренне… Но я побоялся, что не смогу снять наложенные Раббеном чары. А поверить, что она не предаст меня, узнав…

Миртис нежно обняла Литанде пухлыми ру-

ками:

— Ты сожалеешь?

В вопросе крылось второе дно. Возможно, он означал: ты сожалеешь, что оставил девочку в живых?

А может быть: ты сожалеешь о своей клятве и тайне, которую должен хранить до последнего дня?

Литанде решил ответить:

— Как я могу сожалеть? Однажды я встану перед Хаосом в одном строю со всем моим орденом, пусть даже рядом будет Раббен, если, конечно, доживет. Только ради этого я должен жить и хранить свою тайну. Но теперь я вынужден покинуть Санктуарий, и кто знает, когда извилистые дороги судьбы приведут меня обратно? Подари же мне на прощанье поцелуй, сестра моя.

Миртис привстала на цыпочки. Ее губы соприкоснулись с губами мага.

— До встречи, Литанде. Пусть вечно сопровождает и хранит тебя Богиня. Прощай, любимая моя. Прощай, сестра.

А потом волшебница Литанде поправила меч и тихо направилась по незримому пути к выходу из Санктуария и покинула его, едва в небе забрезжила заря. Постепенно сияние звезды в ее лбу померкло под лучами солнца. Но она ни разу не оглянулась.

перевод В. Русанова

БЛАГОДАРНОСТИ

Хочу выразить сердечную признательность Шону Уолласу из «Прайм букс» — за издание этой антологии и за поддержку, которую он оказывает моей составительской карьере.

Гордону фон Гельдеру, показавшему мне таинственный волшебный «путь издателя».

Моему бывшему литагенту Дженни Раппапорт, с чьей подачи я занялся составлением сборников.

Дэвиду Барру Кертли и Венди Н. Вагнер — они очень помогли с текстами об авторах. Все, что там есть интересного, — их заслуга. А прочая чепуха на моей совести.

Спасибо Ребекке Макнолти за самую разнообразную и крайне необходимую помощь — вычитку, сканирование, набор, проверку сведений. Она проделала уйму работы и ничего не потребовала в награду — так поступают самые лучшие помощники.

Как обычно, хочу сказать спасибо моей маме.

И поблагодарить добрых людей, кто так или иначе помог мне в процессе подготовки книги.

Это Кристи Янт, Грэди Хендрикс, Моше Сигель, Стэйси Филдберг, Бекки Сасала, Ребекка Уайт. А также всех остальных, кому я обязан, — уж простите, что не называю по именам. Премного благодарен и тем, кто давал мне онлайновые рекомендации по переизданию произведений.

Также выражаю признательность писательскому объединению «Нью-Йорк гик посс», состоящему из Роберта Бланда, Дезирины Боскович, Кристофера М. Севаско, Дугласа Коэна, Джордана Хэмессли, Андреа Кэйл, Мэтта Лондона плюс вышеупомянутого Дэйва Кертли, и вспомогательной команде НЙГП. Вы дали мне повод, чтобы разок выбраться из моей составительской берлоги.

Спасибо читателям и рецензентам, которым понравились мои предыдущие антологии, — без вашей поддержки я бы не смог продолжать свою работу.

И наконец — хотя это вовсе не конец, — огромное-преогромное спасибо всем авторам, чьи рассказы вошли в данную антологию.

ACKNOWLEDGMENT IS MADE FOR PERMISSION TO PUBLISH THE FOLLOWING:

«El Regalo» by Peter S. Beagle. © 2006 Peter S. Beagle. Originally published in The Line Between (Tachyon Publications, 2006). Reprinted by permission of the Avicenna Development Corporation.

«Love is the Spell That Casts Out Fear» by Desirina Boskovich. © 2010 by Desirina Boskovich.

«The Secret of the Blue Star» by Marion Zimmer Bradley. © 1979 by Marion Zimmer Bradley. Originally published in *Thieves' World,* ed. Robert Lynn Asprin (Ace, 1979). Reprinted by permission of the Marion Zimmer Bradley Literary Works Trust.

«Jamaica» by Orson Scott Card. © 2007 by Orson Scott Card. Originally published in *Wizards, Inc.,* eds. Martin H. Greenberg & Loren L Coleman (DAW, 2007). Reprinted by permission of the author.

«Cerile and the Journeyer» by Adam-Troy Castro. © 1995 by Adam-Troy Castro. Originally published in *100 Wicked Little Witches,* eds. Stefan R. Dziemianowicz, Robert H. Weinberg & Martin H. Greenberg (Sterling, 1995). Reprinted by permission of the author.

«The Trader» by Cinda Williams Chima. © 2010 by Cinda Williams Chima.

«John Uskglass and the Cumbrian Charcoal Burner»

by Susanna Clarke. © 2006 Susanna Clarke. Originally published in *The Ladies of Grace Adieu and Other Stories* (Bloomsbury, 2006). Reprinted by permission of the author.

«Feeding the Feral Children» by David Farland. © 2010 by David Farland.

«The Tiger by Its Tail» by C. C. Finlay. © 2010 by C. C. Finlay.

«The Sorcerer Minus» by Jeffrey Ford. © 2010 by Jeffrey Ford.

«The Thirteen Texts of Arthyria» by John R. Fultz. © 2010 by John R. Fultz.

«How to Sell the Ponti Bridge» by Neil Gaiman. © 1985 by Neil Gaiman. Originally published in *Imagine #24*, March 1985. Reprinted by permission of the author.

«Street Wizard» by Simon R. Green. © 2010 by Simon R. Green.

«Endgame» by Lev Grossman. © 2010 by Lev Grossman. Originally published on Borders.com. Reprinted by permission of the author.

«The Ereshkigal Working» by Jonathan L. Howard. © 2010 by Jonathan L. Howard.

«The Orange-Tree Sacrifice» by Vylar Kaftan. © 2010 by Vylar Kaftan.

«Card Sharp» by Rajan Khanna. © 2010 by Rajan

Khanna.

«Family Tree» by David Barr Kirtley. © 2010 by David Barr Kirtley.

«The Word of Unbinding» by Ursula K. Le Guin. © 1964, 1992 by Ursula K. Le Guin. First appeared in *Fantastic,* January 1964; from *The Wind's Twelve Quarters* (Harper & Rowe, 1975); reprinted by permission of the author and the author's agents, the Virginia Kidd Agency, Inc.

«Too Fatal a Poison» by Krista Hoeppner Leahy. © 2010 by Krista Hoeppner Leahy.

«Counting the Shapes» by Yoon Ha Lee. © 2001 by Yoon Ha Lee. Originally published in *The Magazine of Fantasy & Science Fiction,* June 2001. Reprinted by permission of the author.

«The Wizards of Perfil» by Kelly Link. © 2006 by Kelly Link. Originally published in *Firebirds Rising: An Anthology of Original Science Fiction and Fantasy,* ed. Sharyn November (Firebird, 2006). Reprinted by permission of the author.

«In the Lost Lands» by George R. R. Martin. © 1982 by George R. R. Martin. Originally published in *Amazons II,* ed. by Jessica Amanda Salmonson (Daw 1982). Reprinted by permission of the author.

«The Go-Slow» by Nnedi Okorafor. © 2010 by Nnedi Okorafor.

«Mommy Issues of the Dead» by T. A. Pratt. © 2010 by T. A. Pratt.

«Winter Solstice» by Mike Resnick. © 1991 by Mike Resnick. Originally published in *The Magazine of Fantasy & Science Fiction*, October/November, 1991. Reprinted by permission of the author.

«Wizard's Apprentice» by Delia Sherman. © 2009 by Delia Sherman. Originally published in *Troll's Eye View: A Book of Villainous Fairy Tale*, eds. Ellen Datlow & Terri Windling (Viking, 2009). Reprinted by permission of the author.

«The Sorcerer's Apprentice» by Robert Silverberg. © 2004 by Agberg, Ltd. Originally published in *Mights: Extreme Visions of Fantasy*, ed. Al Sarrantonio (ROC 2004). Reprinted by permission of the author.

«One-Click Banishment» by Jeremiah Tolbert. © 2010 by Jeremiah Tolbert.

«So Deep That the Bottom Could Not Be Seen» by Genevieve Valentine. © 2010 by Genevieve Valentine.

«The Secret of Calling Rabbits» by Wendy Wagner. © 2010 by Wendy Wagner.

«The Magician and the Maid and Other Stories» by Christie Yant. © 2010 by Christie Yant.